

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОБЩЕСТВО И ПРАВО

2014

№ 4
(50)

ОБЩЕСТВО И ПРАВО

2014 № 4 (50)

Выходит с 2003 г. ежеквартально

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Калиниченко И.А. кандидат педагогических наук,
начальник Краснодарского университета МВД России

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильяшенко А.Н. доктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника Краснодарского университета
МВД России по научной работе

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Агафонов Ю.А. доктор философских наук, кандидат юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ,
председатель Контрольно-счетной палаты Краснодарского края

Аврутин Ю.Е. доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ,
профессор кафедры административного права
Санкт-Петербургского университета МВД России

Антонян Ю.М. доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель
науки РФ, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России

Баев О.Я. доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель
науки РФ, академик РАЕН, заведующий кафедрой
криминалистики Воронежского государственного университета

Борчашвили И.Ш. доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель
Казахстана, академик КазНАЕН, директор ГУ «Центр судебной
экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан» (Казахстан)

Волков Ю.Г. доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель
науки РФ, директор Института по переподготовке и повышению
квалификации Южного федерального университета

Гилинский Я.И. доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры РФ

Голик Ю.В. доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
правовых средств борьбы с преступностью
Европейского института JUSTO

Головненков П.В. доктор права, главный научный сотрудник кафедры
уголовного права Потсдамского университета (Германия)

Зайцев О.А. доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель
науки РФ, почетный работник высшего профессионального
образования РФ, проректор по научной работе
Московской академии экономики и права

- Ищенко Е.П.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
- Камышанский В.П.** доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Кубани, действительный член РАЮН, заведующий кафедрой гражданского права Кубанского государственного аграрного университета
- Кибальник А.Г.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета
- Клейберг Ю.А.** доктор юридических, педагогических, психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, академик РАЕН, президент Международной академии ювенологии и Международной академии социальной работы, профессор факультета психологии Московского государственного областного университета
- Курдюк П.М.** доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя Законодательного собрания Краснодарского края
- Ларичев В.Д.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России
- Лукашов А.И.** кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (Беларусь)
- Мацкевич И.М.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, президент Союза криминалистов и криминологов, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
- Меретуков Г.М.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Кубани, заслуженный юрист Республики Адыгея, заведующий кафедрой криминалистики Кубанского государственного аграрного университета
- Миндагулов А.Х.** доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Казахского национального университета им. Аль-Фараби (Казахстан)
- Наумов А.В.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Российской правовой академии Министерства юстиции РФ
- Подшибякин А.С.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России
- Понятовская Т.Г.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

- Пудовочкин Ю.Е.** доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом уголовно-правовых исследований Российского государственного университета правосудия
- Рарог А.И.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный юрист города Москвы, заведующий кафедрой уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
- Рассказов Л.П.** доктор юридических, исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета
- Сапрунов А.Г.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Кубанского государственного аграрного университета
- Старилов Ю.Н.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой административного и муниципального права Воронежского государственного университета
- Тупанчески Н.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Университета «Святого Кирилла и Мефодия» (Македония)
- Хелльманн У.** доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Потсдамского университета (Германия)
- Шалин В.В.** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Ганченко И.О.** доктор педагогических наук, профессор, первый заместитель начальника КрУ МВД России
- Важенин В.В.** кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности в ОВД КрУ МВД России
- Вишневецкий К.В.** доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права КрУ МВД России
- Герасимов А.В.** кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданского права и гражданского процесса КрУ МВД России
- Грицай В.В.** кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и административного права КрУ МВД России
- Денисенко В.В.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права КрУ МВД России
- Жеребцов А.Н.** доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности и организации деятельности ГИБДД КрУ МВД России
- Карнаушенко Л.В.** доктор исторических наук, профессор, начальник управления учебно-методической работы КрУ МВД России

- Кубякин Е.О.** доктор социологических наук, начальник кафедры философии и социологии КрУ МВД России
- Лозовский Д.Н.** доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса КрУ МВД России
- Мятченко И.В.** кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского и иностранных языков КрУ МВД России
- Нарыков Н.В.** доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии КрУ МВД России
- Натура Д.А.** кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры предварительного расследования КрУ МВД России
- Палазян А.С.** доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства КрУ МВД России
- Пахомов С.В.** кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики КрУ МВД России
- Рычкалова Л.А.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики КрУ МВД России
- Самойлов С.Ф.** доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии КрУ МВД России
- Сизоненко А.Б.** кандидат технических наук, доцент, начальник кафедры информационной безопасности КрУ МВД России
- Таганова А.А.** кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики КрУ МВД России
- Труфанов М.Е.** доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности и организации деятельности ГИБДД КрУ МВД России
- Фатальникова Е.В.** кандидат социологических наук, доцент, ученый секретарь ученого совета КрУ МВД России
- Яковлев В.В.** кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии КрУ МВД России

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Краснодарский университет МВД России

РЕДАКЦИЯ:

М.Ю. Савченко, Е.С. Малько, Т.А. Лосева, Н.К. Алексаньян

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:

Российская Федерация, 350005, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128

Тел.: +78612583596

Web-сайт: sl.krdu-mvd.ru

Электронный адрес: society_and_law@mail.ru

© Краснодарский университет МВД России, 2014

SOCIETY AND LAW

2014 № 4 (50)

Published since 2003 quarterly

CHIEF EDITOR

Kalinichenko I.A. Master of Pedagogics, Head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Ilyashenko A.N. Doctor of Law, Professor, Deputy Head on Scientific Work of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

EDITORIAL COUNCIL:

Agafonov Yu.A. Doctor of Philosophy, Master of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chairman of Control Audit Chamber of Krasnodar Region

Avrutin Yu.E. Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of a Chair of Administrative Law of the St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

Antonyan Yu.M. Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Chief Science Worker of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia

Baev O.Ya. Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of a Chair of Criminalistics of the Voronezh State University

Borchashvily I.Sh. Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Kazakhstan, Academician of Kazakh National Academy of Natural Sciences (KNANS), Director of SI «Center of Judicial of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan» (Kazakhstan)

Volkov Yu.G. Doctor of Philosophy, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Director of the Institute for Refresher of the Southern Federal University

Gilinsky Ya.I. Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law and Criminology, Criminal-executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation

Golik Yu.V. Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Legal Meanings of Fight with Criminality of the European Institution JUSTO

Golovnenkov P.V. Doctor of Law, Chief Science Worker of a Chair of Criminal Law of the Potsdam University (Germany)

- Zaitsev O.A.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Vice Rector on Scientific Work of the Moscow Academy of Economics and Law
- Ishchenko E.P.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of a Chair of Criminalistics of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (MSLA)
- Kamyshansky V.P.** Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Science Worker of Kuban, Full Member of the Russian Academy of Law Sciences (RALS), Head of a Chair of Civil Law of the Kuban State Agrarian University
- Kibalnik A.G.** Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasian Federal University
- Kleyberg Yu.A.** Doctor of Law, Pedagogics, Psychology, Professor, Honored Science and Education Worker of the Russian Federation, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, President of the International Academy of Juvenology and the International Academy of Social Work, Professor of the Faculty of Psychology of the Moscow State Regional University
- Kurdyuk P.M.** Doctor of Law, Professor, Deputy Chairman of Legislative Assembly of the Krasnodar Region
- Larichev V.D.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Chief Science Worker of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia
- Lukashov A.I.** Master of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Criminal Law and Criminology of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus (Belarus)
- Matskevich I.M.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, President of the Union of Forensic Scientists and Criminologists, Professor of a Chair of Criminology and Criminal-executive Law of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (MSLA)
- Meretukov G.M.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of Kuban, Honored Lawyer of the Republic of Adygeya, Head of a Chair of Criminalistics of the Kuban State Agrarian University
- Mindagulov A.Kh.** Doctor of Law, Professor, Chief Science Worker of the Kazakh National University of Al-Faraby (Kazakhstan)
- Naumov A.V.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law and Criminology of the Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation

- Podshibyakin A.S.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Head of a Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Foreign Ministry
- Ponyatovskaya T.G.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (MSLA)
- Pudovochkin Yu.E.** Doctor of Law, Professor, Head of Department of Criminal Law Researches of the Russian State University of Justice
- Rarog A.I.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honorary Lawyer of Moscow, Head of a Chair of Criminal Law of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (MSLA)
- Rasskazov L.P.** Doctor of Law, History, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Head of a Chair of Theory and History of State and Law of the Kuban State Agrarian University
- Saprunov A.G.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law of the Kuban State Agrarian University
- Starilov Yu.N.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Head of a Chair of Administrative and Municipal Law of the Voronezh State University
- Tupanchesky N.** Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Criminal Law of the University of «St. Cyril and Methodius» (Macedonia)
- Hellmann U.** Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Criminal Law of the Potsdam University (Germany)
- Shalin V.V.** Doctor of Philosophy, Professor, Head of a Chair of Sociology and Culturology of the Kuban State Agrarian University

EDITORIAL BOARD:

- Ganchenko I.O.** Doctor of Pedagogics, Professor, First Deputy Head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Vazhenin V.V.** Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Operative and Detective Activity in Law-enforcement Bodies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Vishnevetsky K.V.** Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Gerasimov A.V.** Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Civil Law and Civil Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Gritsay V.V.** Master of History, Assistant Professor, Head of a Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

- Denisenko V.V.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Zherebtsov A.N.** Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Karnaushenko L.V.** Doctor of History, Professor, Head of Department of Educational and Methodical Work of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Kubyakin E.O.** Doctor of Sociology, Head of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Lozovsky D.N.** Doctor of Law, Professor of a Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Myatchenko I.V.** Master of Philology, Assistant Professor, Head of a Chair of Russian and Foreign Languages of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Narykov N.V.** Doctor of Philosophy, Professor, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Natura D.A.** Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Palazyan A.S.** Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Pakhomov S.V.** Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Rychkalova L.A.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Samoilov S.F.** Doctor of Philosophy, Assistant Professor, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Sizonenko A.B.** Master of Technics, Assistant Professor, Head of a Chair of Information Security of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Taganova A.A.** Master of Psychology, Assistant Professor, Head of a Chair of Psychology and Pedagogics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Truphanov M.E.** Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

Fatalnikova E.V.

Master of Sociology, Assistant Professor,
Scientific Secretary of an Academic Council
of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

Yakovlev V.V.

Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Criminology
of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

FOUNDER:

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

EDITION:

M.Yu. Savchenko, E.S. Malko, T.A. Loseva, N.K. Aleksanyan

ADDRESS OF THE PUBLISHER OF EDITION:

Russian Federation, 350005, Krasnodar region, Krasnodar, Yaroslavskaya street, 128
Tel.: +78612583596
Web-site: sl.krdu-mvd.ru
e-mail: society_and_law@mail.ru

© Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, 2014

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	19	CHIEF EDITOR`S COLUMN
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	20	THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE
Карнаушенко Л.В. Генезис массовой потребительской культуры в России 1990-х – 2000-х годов и проблема деформации правосознания	20	Karnaushenko L.V. The genesis of mass consumer culture in Russia in the 1990s and 2000s and the problem of deformation of legal consciousness
Самойлов С.Ф., Городенцев Г.А. Теоретико-методологические предпосылки социально-философского познания экстремизма	25	Samoilov S.F., Gorodentsev G.A. Theoretical and methodological background of social and philosophical knowledge of extremism
Кудрявцева Л.В., Афисов В.В. Особенности муниципального регулирования туристической деятельности	30	Kudryavtseva L.V., Afisov V.V. Features of municipal regulation of tourist activity
Хиль И.М. К вопросу о формировании ценностных ориентаций современной молодежи	33	Hil I.M. To the question of formation of value orientation of modern youth
Ковтун З.Л. Об исследовании эффективности регулятивной функции права	35	Kovtun Z.L. About the research of efficacy of regulative function of law
Вологина Т.В. Правовое воспитание и роль семьи в процессе социализации и формирования норм поведения	38	Vologina T.V. Legal education and the family role in socialization process and formation of ethics
Дембицкий А.А. Компенсация как способ связи между правовыми и неправовыми функциями государства	41	Dembitsky A.A. Compensation as a way to link between legal and extralegal functions of the state
Пунченко С.И. Трансформации современного общества и обеспечение социальной эффективности права	45	Punchenko S.I. Transformations of modern society and support of social efficacy of law
КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО	48	CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW
Дотдаева О.Н. Принципы организации и деятельности органов государственной власти Ставропольского края	48	Dotdaeva O.N. Principles of organization and activity of state power bodies of Stavropol region

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС	51	CIVIL LAW AND CIVIL PROCESS
Петров И.В. К вопросу о регулировании залоговых правоотношений в свете концептуальных изменений норм гражданского законодательства	51	Petrov I.V. On the problem of regulation of collateral relationship in the light of conceptual changes the rules of civil legislation
Ростовцева А.М. Правовая природа ответственности юридических лиц и их участников	56	Rostovtseva A.M. Legal nature of responsibility of legal entities and their participants
УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	64	CRIMINAL POLICY: THEORY AND PRACTICE
Бавсун М.В., Вишнякова Н.В. Сопряженность как уголовно-правовая категория	64	Bavsun M.V., Vishnjakova N.V. Conjugacy as criminal law category
Генрих Н.В. К исследованию убийств: универсальные механизмы и тенденции	71	Genrih N.V. To the research of murders: universal mechanisms and trends
Ильяшенко А.Н. Объективная сторона состава внесения в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений (статья 285 ³ Уголовного кодекса Российской Федерации)	77	Ilyashenko A.N. The objective side of inclusion in unified state registers of deliberately false information (article 285 ³ of the Criminal code of the Russian Federation)
Клименко Т.М. Почему Закон не всегда эффективен в борьбе с незаконным оборотом наркотиков	82	Klimenko T.M. Why the Law is not always effective in the fight against drug trafficking
Сапрунов А.Г. К вопросу о возможном введении в уголовное законодательство России ответственности лиц, осуществляющих в юридическом лице фактическое руководство	88	Saprunov A.G. To the question of possible introduction to the criminal legislation of Russia of responsibility of persons performing the actual management in the legal entity
Вертепова Т.А. К вопросу об уголовно-правовой охране человеческого эмбриона	91	Vertepova T.A. To the question of the criminal law protection of the human embryo
Гончаренко А.И. К вопросу о первоисточнике института экстрадиции в России	94	Goncharenko A.I. To the question of the primary source of the institute of extradition in Russia
Досаева Г.С. Социальные и криминологические основания института множественности преступлений	97	Dosaeva G.S. Social and criminological basis of the institute of multiplicity of crimes

<p style="text-align: right;">Кашоида В.В. Особенности исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в Советском государстве периода «застоя» (1970-е – середина 1980-х годов)</p>	104	<p>Kashoida V.V. Peculiarities of the enforcement of the criminal punishment in the form of imprisonment in the Soviet state in the «stagnancy» period (1970 – middle 1980)</p>
<p style="text-align: right;">Коваленко В.И., Серый Ф.Г. Криминологические и уголовно-правовые проблемы современной трансплантации органов и тканей человека</p>	108	<p>Kovalenko V.I., Seryi F.G. Criminological and criminal legal problems of modern transplantation of human organs and tissues</p>
<p style="text-align: right;">Пихов А.Х.-А. Современные уголовно-правовые средства противодействия транснациональной преступности в Российской Федерации</p>	113	<p>Pikhov A.H.-A. Modern criminal and legal means of counteraction to transnational crime in the Russian Federation</p>
<p style="text-align: right;">Помазан С.В., Пилюгина Т.В. Преступления, связанные с осуществлением террористической деятельности</p>	119	<p>Pomazan S.V., Pilyugina T.V. Crimes related to terrorist activity</p>
<p style="text-align: right;">Савенко И.А. Особенности уголовно-правовой ответственности за коррупционные преступления</p>	123	<p>Savenko I.A. Peculiarities of criminal liability for corruption-related crimes</p>
<p style="text-align: right;">Сапронов Ю.В., Сапронова И.Ю. Анализ аргументов в пользу декриминализации неправомерного завладения государственным регистрационным знаком транспортного средства</p>	127	<p>Sapronov Yu.V., Sapronova I.Yu. Analysis of arguments in favor of decriminalization misappropriation of state registration number of vehicle</p>
<p style="text-align: right;">Сокол Е.В. Понятие систематичности при вовлечении несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий</p>	134	<p>Sokol E.V. Definition of systematic in the minor's involving in commission of antisocial actions</p>
<p style="text-align: right;">Хлебушкин А.Г. Криминализация распространения экстремистских материалов: pro et contra</p>	139	<p>Khlebushkin A.G. The criminalization of the dissemination of extremist materials: pro et contra</p>
<p style="text-align: right;">Хун А.З. Определение крупного ущерба как квалифицирующий признак статьи 256 Уголовного кодекса Российской Федерации</p>	144	<p>Hun A.Z. Definition of major damage as a sign of article 256 of the Criminal code of the Russian Federation</p>
<p style="text-align: right;">Шульга А.В. Имущественные права как предмет хищения предоплаченных платежных карт</p>	147	<p>Shulga A.V. Property rights as a plunder subject of the pre-paid payment cards</p>

Вдовиченко К.Г. Актуальные вопросы квалификации массовых беспорядков	153	Vdovichenko K.G. Topical issues of mass riots qualification
Петухов Е.В. Особенности квалификации незаконного использования документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица	156	Petuhov E.V. Features of qualifications of illegal use of documents for formation (creation, reorganization) legal entity
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ	159	THE PREVENTION OF CRIMINALITY
Улезько С.И. Проблемы криминологической оценки воздействия экономических факторов преступности на интенсивность экстремистских проявлений в современной России	159	Ulezko S.I. Problems of criminological impact assessment economic factors of crime on the intensity of the manifestations of extremism in modern Russia
Щербакова Л.М. Некоторые проблемы борьбы с экстремизмом и терроризмом в современных условиях	164	Scherbakova L.M. Some problems of combating extremism and terrorism in modern conditions
Зелик В.А., Яблочкин А.Е. Особенности семейно-бытовых преступлений, совершаемых в состоянии опьянения	170	Zelik V.A., Yablochkin A.E. The peculiarities of family and domestic crimes committed in intoxication
Кудрявцева Л.В., Ставило С.П. Организационные основы криминологического изучения причин и условий преступности в курортном регионе	175	Kudryavtseva L.V., Stavilo S.P. Organizational bases of criminological study of the causes and conditions of crime in resort region
УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО	178	CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS
Антонов И.А. Методология нравственного анализа уголовно-процессуального законодательства и уголовно-процессуальной деятельности	178	Antonov I.A. Methodology moral analysis of criminal procedural law and criminal procedural activities
Костенко Р.В. Второе правило допустимости доказательств в российском уголовном процессе	184	Kostenko R.V. The second rule of admissibility of evidence in the Russian criminal trial
Адаменко И.Е. К вопросу о роли материального мировоззрения в разрешении проблемы повышения качества реализации уголовно-процессуального закона	189	Adamenko I.E. To the issue of the role of the material worldview in solving the problem of improvement of quality implementation the criminal procedural law

Пастухов П.С. О ключевом вопросе развития современной теории уголовно-процессуальных доказательств	192	Pastuhov P.S. About the main issue of the development of the modern theory of criminal procedural evidences
РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	198	DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES
Берова Д.М. К вопросу участия эксперта-криминалиста в осмотре мест временной дислокации незаконных вооруженных формирований в Северо-Кавказском федеральном округе	198	Berova D.M. To the question of a criminalist expert participation in inspection of illegal armed groups short-term dislocation places in the North Caucasian Federal District
Лозовский Д.Н. К вопросу о комплексном подходе к расследованию преступлений	201	Lozovsky D.N. To the question of an integrated approach to investigation of crimes
Рычкалова Л.А. Проблемы тактики допроса подозреваемого и обвиняемого	205	Rychkalova L.A. Problems of interrogation tactics of the suspect and the accused
Трухачев В.В. О некоторых вопросах взаимодействия следователя с оперативным аппаратом при расследовании взяточничества в условиях противодействия	212	Truhachev V.V. On some issues of interaction between an investigator with the operational apparatus in the investigation of bribery in the conditions of counteraction
Важенин В.В., Лугович С.М. Некоторые аспекты регулирования правового статуса должностного лица, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, по законодательству стран дальнего зарубежья	216	Vazhenin V.V., Lugovich S.M. Some aspects of the regulation of the legal status of an official engaged in the operative and detective activity under the legislation of other countries
Зибер А.Э., Рубачева Е.Л. Психологические аспекты взаимодействия следователя с допрашиваемым лицом	222	Ziber A.E., Rubacheva E.L. Psychological aspects of co-action of investigator to asking person
Пахомов С.В., Гусев А.В., Андрющенко М.Н. Инновационный подход к процессу фиксации материальной обстановки места осмотра	225	Pakhomov S.V., Gusev A.V., Andryuschenko M.N. Innovative approach to the process of fixing material inspection place settings
Герман Т.В. Типичные следственные ситуации и тактика производства отдельных следственных действий при расследовании злоупотреблений должностными полномочиями	230	Herman T.V. Typical investigative situation and tactics of certain investigative actions in the investigation of abuse of official powers

Еремченко В.И. К вопросу о предмете криминалистики	236	Eremchenko V.I. On the subject of criminalistics
Цимбал В.Н. Понятие и научное значение криминалистически значимой информации	239	Tsimbal V.N. Concept and scientific importance of forensically important information
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	244	LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY: HISTORY AND PRESENT
Верстов В.В., Харитонов И.К. Правовое регулирование деятельности подразделений по делам несовершеннолетних по профилактике правонарушений несовершеннолетних	244	Verstov V.V., Haritonov I.K. Legal regulation of activity of divisions on affairs of minors for the prevention of juvenile delinquency
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС	249	ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS
Денисенко В.В. Латентность административной деликтности и преступности в структуре оценки органами внутренних дел состояния оперативной обстановки	249	Denisenko V.V. Latency of administrative tort and crime in structure of an assessment by law-enforcement bodies conditions of an operational situation
Жеребцов А.Н., Павлов Н.В. Социально-философская сущность административной практики	254	Zherebtsov A.N., Pavlov N.V. The socio-philosophical essence of administrative practices
Ищенко С.А., Евенко С.А. К вопросу о деятельности ГИБДД по пропаганде безопасности дорожного движения	258	Ischenko S.A., Evenko S.A. To the question of activity of traffic police on traffic safety promotion
Труфанов М.Е. Проблемы правового толкования оскорбительного приставания к гражданам в составе мелкого хулиганства	262	Trufanov M.E. Problems of legal interpretation abusive harassment to citizens as part of disorderly conduct
Хахалева Е.В. Классификация судебного контроля по субъектам, за деятельностью которых он осуществляется	266	Hakhaleva E.V. Classification of judicial control by subjects behind which activity it is carried out
Зиборов О.В. К вопросу о понятии и признаках административно-правовых режимов	271	Ziborov O.V. To the question about the concept and characteristics of the administrative-legal regimes
МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО	274	INTERNATIONAL AND EUROPEAN LAW
Наумов А.В. События в Украине: международное право и международное правосудие	274	Naumov A.V. Events in Ukraine: international law and international justice

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ, СОЦИОЛОГИИ, ПОЛИТОЛОГИИ	277	QUESTIONS OF PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, POLITICAL SCIENCE
Гришай Е.В., Манацков И.В. Причины религиозного экстремизма и способы его преодоления	277	Grishay E.V., Manatskov I.V. Causes of religious extremism and the methods of its overcoming
Скворцов И.П. Потенциал идентичности в укреплении национальной безопасности России	281	Skvortsov I.P. Potential identity in strengthening the national security of Russia
Нарыкова С.П. К вопросу о понимании социальной реальности как объекта политической власти	285	Narykova S.P. To the question of comprehension of social reality as object of the political power
ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ	291	ECONOMY QUESTIONS
Федорова Я.В., Попова Л.К. Методические подходы к анализу информационной безопасности инфраструктуры корпоративного сектора	291	Fedorova Ya.V., Popova L.K. Methodological approaches to the analysis of the information security of infrastructure of the corporate sector
Шевченко О.П. Применение технологий менеджмента знаний в целях повышения эффективности деятельности организации	295	Shevchenko O.P. The use of technology knowledge management in order to improve the efficiency the activities of the organization
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	299	MODERN PROBLEMS OF HIGHER EDUCATION
Баркалов С.Н., Герасимов И.В. Физическая подготовка курсантов образовательных организаций МВД России: состояние, проблемы и пути совершенствования	299	Barkalov S.N., Gerasimov I.V. Physical training of cadets of educational organizations of the Ministry of the Interior of Russia: condition, problems and ways to improve
Мешев И.Х. Научно-методическая компетентность преподавателей вузов МВД России как проблема педагогического исследования	305	Meshev I.Kh. Scientific and methodical competence of teachers of higher education institutions of the Ministry of the Interior of Russia as pedagogical research problem
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ	309	TOPICAL QUESTIONS OF SCIENCE AND PRACTICE
Стус Н.В. Судебный, сыскной и розыскной процесс в законодательстве России XV–XVIII веков	309	Stus N.V. The trial, detective and investigative process in Russian legislation in XV–XVIII centuries
Пудовочкин Ю.Е. Некоторые вопросы теории источников уголовного права	314	Pudovochkin Yu.E. Some questions of the theory of sources of criminal law

Абдыкаимов Е.Д., Ракимбаев Э.Н. Конституционно-правовые аспекты укрепления суверенитета народа Кыргызстана	318	Abdykaimov E.D., Rakimbaev E.N. Constitutional and legal aspects of the sovereignty of the people of Kyrgyzstan
Башинская И.Г. Актуальные проблемы возмещения вреда, причиненного гражданину незаконным уголовным преследованием	322	Bashinskaya I.G. Topical issues of compensation for harm caused to a person with unlawful criminal prosecution
Вецкая С.А. О проблемах взаимодействия правоохранительных органов со специалистами наркологической службы в вопросах профилактики употребления несовершеннолетними психоактивных веществ (на примере Краснодарского края)	325	Vetskaya S.A. On the problems of law enforcement cooperation with specialists of drug treatment services in the prevention of underage consumption of psychoactive substances (on the example of Krasnodar region)
Натура Д.А. К вопросу об альтернативных источниках получения криминалистически значимой информации	328	Natura D.A. To the question of alternative sources of receiving criminalistic significant information
Тузов А.И. Влияние стрессовых факторов на проявление отклоняющихся форм поведения	331	Tuzov A.I. Influence of stressful factors on manifestation of deviating forms of behavior
Гришко А.Я. Отраслевые принципы уголовно-исполнительного права	334	Grishko A.Ya. Branch principles of criminal executive law
Абрамова П.В. Некоторые аспекты предмета преступного посягательства при расследовании преступлений против правосудия	339	Abramova P.V. Some aspects of the subject of criminal assault in the investigation of crimes against justice
КОНФЕРЕНЦИИ	342	CONFERENCES
Сорокожердъев В.В., Пшениснова С.Р., Солонина С.В. Проблемы достижения экономической эффективности и социальной сбалансированности: императивы, правовые и хозяйственные механизмы	342	Sorokozherdiev V.V., Pshenisnova S.R., Solonina S.V. Problems of achieving economic efficiency and social balance: imperatives, legal and economic mechanisms
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	347	INTO CONSIDERATION OF AUTHORS
ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК	348	REGISTRATION OF BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Уважаемые коллеги!
Представляем Вашему вниманию очередной выпуск научно-практического журнала «Общество и право».

Среди всего многообразия статей в данном номере хотелось бы особо отметить публикации следующих авторов.

В традиционной рубрике «Теория и история права и государства» интересна статья И.М. Хиль «К вопросу о формировании ценностных ориентаций современной молодежи», в которой анализируются ценностные ориентации современной молодежи, роль права в системе ценностей, а также факторы, влияющие на процесс формирования системы ценностей современного человека.

В рубрике «Уголовная политика: теория и практика» внимание читателей привлечет работа А.Н. Ильашенко «Объективная сторона состава внесения в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений (статья 285³ Уголовного кодекса Российской Федерации)». В статье рассматриваются признаки объективной стороны состава внесения в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений, формулируются разъяснения по их пониманию и порядку применения.

Также в данной рубрике следует отметить исследование А.Г. Сапрунова «К вопросу о возможном введении в уголовное законодательство России ответственности лиц, осуществляющих в юридическом лице фактическое руководство», в котором, в частности, освещаются вопросы и проблемы, связанные с необходимостью введения в Уголовный кодекс РФ специальной нормы об уголовной ответственности лиц, осуществляющих в юридическом лице фактическое руководство, с целью эффективной борьбы с коррупцией.

В рубрике «Предупреждение преступности» наряду с другими актуальными исследованиями представлена работа С.И. Улезько

«Проблемы криминологической оценки воздействия экономических факторов преступности на интенсивность экстремистских проявлений в современной России». Автор выделяет основные экономические элементы причинного комплекса преступности экстремистской направленности и проводит анализ степени их воздействия на криминогенную ситуацию в рассматриваемой сфере общественных отношений, связанных с предупредительной деятельностью общества и государства.

В рубрике «Уголовное судопроизводство» хочется выделить статью П.С. Пастухова «О ключевом вопросе развития современной теории уголовно-процессуальных доказательств». В ней обсуждается фундаментальная проблема теории уголовного процесса, связанная с пониманием природы истины. Автором критикуется концепция объективной истины, которая является идеологией следственного уголовного процесса. На примере использования в доказывании электронных доказательств показана несостоятельность представлений, основанных на концепции объективной истины. Предлагается пересмотреть определения доказательства и доказывания, исходя из необходимости деформализации доказывания.

Рубрика «Административное право и административный процесс» содержит работу В.В. Денисенко «Латентность административной деликтности и преступности в структуре оценки органами внутренних дел состояния оперативной обстановки», в которой автор поднимает малоизученные вопросы влияния латентности на достоверность оценки органами внутренних дел состояния административной деликтности и преступности.

Приглашаем всех читателей к плодотворному творческому сотрудничеству. Спешим снова встретиться с Вами, дорогие читатели и авторы, на страницах нашего журнала.

**С уважением,
главный редактор
кандидат педагогических наук
начальник Краснодарского
университета МВД России
генерал-майор полиции
И.А. Калинин**

Карнаушенко Леонид Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
начальник управления учебно-методической работы
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612585079)

Генезис массовой потребительской культуры в России 1990-х – 2000-х годов и проблема деформации правосознания

Общество начала XXI в. характеризуется активным развитием механизмов, обеспечивающих трансляцию стандартов массовой потребительской культуры широким слоям населения. Этот процесс с точки зрения наук об обществе не выглядит однозначным, в нем наряду с положительными сторонами присутствуют и негативные. Основная проблема заключается в том, что образцы и идеи массовой культуры опираются на криминальные установки и практики, деформирующие правосознание индивидов.

Ключевые слова: массовая культура, общество потребления, индустрия культуры, деформация правосознания.

L.V. Karnaushenko, Doctor of History, Professor, Head of Department of Educational and Methodical Work of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612585079.

The genesis of mass consumer culture in Russia in the 1990s and 2000s and the problem of deformation of legal consciousness

The society of the XXI century is characterized by active development of mechanisms for broadcast standards of mass consumer culture to the wider population. This process from the point of view of social science does not seem to be simple, along with positive aspects are negative. The main problem is that the designs and ideas of mass culture based on criminal installation and practice, deforming the consciousness of individuals.

Key words: popular culture, consumer society, culture industry, deformation of legal consciousness.

Общество начала XXI в. характеризуется активно протекающими процессами глобализации экономического и культурного пространства, в результате чего происходит интенсивная трансляция унифицированных образцов, идеалов, ценностей, стандартов стиля жизни широким слоям населения. Данные процессы затрагивают, наряду с другими странами, и Россию. Параллельно с генезисом глобальной экономической мировой системы имеет место и масштабная культурная экспансия. Однако проблема заключается в обострении напряжений в российской системе культуры вследствие столкновения остатков советской моностилистической культуры и новых элементов полистилистической культуры [1, с. 78–84]. В результате на протяжении 2000-х гг. проявлялись индикаторы «привития» социокультурного пространства России вестернизированными образцами массовой культуры, нашедшими благодатную почву для сближения с криминальной культурой, укреплявшей свои

позиции под воздействием ряда факторов, основным из которых стало общее падение интеллектуального и культурного уровня на фоне криминализации сознания и поведения миллионов российских граждан. Масштабные социально-экономические, социально-политические и культурные трансформации 1990-х гг., серьезный экономический кризис привели к состоянию духовно-нравственного вакуума, дезорганизации нормативно-ценностной системы общества.

Уже на протяжении более пятнадцати лет идет активная «массовизация» российской системы культуры, сопровождающаяся огрублением культурных образцов, декларированием низменных инстинктов, иррациональной агрессии на фоне избыточного потребления различных товаров и услуг. Неслучайно, например, исследователи в последние годы все чаще поднимают проблему «шопоголизма» – социально-психологической зависимости от процесса потребления, совершения покупки. Товары и услуги в новой социокультурной сис-

теме становятся мерилем социального успеха, неким символом престижности.

В научной литературе представлено множество трудов, в том числе классиков социологии, посвященных массовой культуре и проблемам, так или иначе связанным с ней. В частности, Т. Адорно предложил заменить термин «массовая культура» выражением «индустрия культуры», которое имеет, по его убеждению, совсем иной смысл. Отличительной чертой этого типа культуры, как отмечает исследователь, является тот факт, что во всех отраслях изготовление продукции происходит более или менее планомерно [2, с. 162].

По мнению К.Е. Разлогова, специфика произведений массовой культуры состоит в том, что, для того чтобы по-настоящему ими наслаждаться, лучше быть художественно не образованным человеком – «художественная образованность здесь не оптимум, а препятствие, потому что массовая культура, обращенная главным образом к эмоциональной сфере, по определению не требует никаких дополнительных знаний, помогающих по достоинству оценить произведения такого типа» [3, с. 141]. Разлогов обращает внимание на такую ключевую проблему, связанную с бытованием массовой культуры, как ее субъект – массовый человек.

Г. Лебон подчеркивал необходимость изучения массы, ее характеристик с целью определения методов и способов управления ею, манипулирования, отмечая при этом силу власти внушенных толпе идей. Основными чертами толпы исследователь назвал исчезновение сознательной личности и ориентирование чувств и мыслей в известном направлении под влиянием определенных идей, о которых он писал: «...это дочери прошлого и матери будущего и всегда – рабыни времени» [4, с. 6].

Х. Ортега-и-Гассет отмечал основные черты психологии человека массы: «...безудержный рост жизненных вожделений, а тем самым личности, и принципиальную неблагодарность ко всему, что позволило так хорошо жить» [5, с. 197]. Характеризуя человека массы, исследователь отмечал, что «это тот, кто не ощущает в себе никакого особого дара или отличия от всех, хорошего или дурного, кто чувствует, что он – “точь-в-точь, как все остальные”, и притом нисколько этим не огорчен, наоборот, счастлив чувствовать себя таким же, как все» [5, с. 197].

Ключевой проблемой функционирования массовой культуры выступает ее включенность в контекст средств массовой коммуникации, что позволяет эффективно осуществлять трансляцию соответствующих стандартов, идей,

мифов и стереотипов. В этой связи Ж. Фридман рассуждал о массовой культуре как о продукте массовой коммуникации, где под массовой культурой понимается совокупность культурных ценностей, отданных в распоряжение публики благодаря средствам массовой коммуникации в рамках технической цивилизации [6]. Особенно данный тезис актуален для глобального информационного общества начала XXI в.

В современном социуме с помощью СМК передается социокультурный опыт и поддерживаются культурные традиции, они значительно влияют на художественную культуру. Определяющим признаком современной художественной культуры стала многотиражность, массовость. Кино, радио и телевидение являются основными каналами, трансляторами и творцами произведений искусства. Тиражированные способы общения к прекрасному неизмеримо превышают в художественном потреблении уникальные, как и все остальные. Восприятие искусства опосредовано техникой. Следовательно, СМК являются одним из факторов функционирования современной культуры [7, с. 48].

Массовая культура, появление которой связано с особыми социокультурными обстоятельствами, приведшими на рубеже XIX–XX вв. в рамках западной цивилизации к формированию массы и массового сознания, является конкретным историческим явлением. И в силу этого обстоятельства говорить о случайности ее появления и о ее возможном исчезновении в ближайшей исторической перспективе представляется ошибочным, ибо массовая культура имманентна массовому потребительскому обществу, которое сегодня является реальностью. Качественная определенность массовой культуры постиндустриального общества задается теми изменениями, которые произошли в самой массе. Масса сегодня – это совокупность деперсонализированных индивидов, объединенных не участием в той или иной деятельности, а общностью потребляемой продукции – информации, развлечений, моды, имиджей, стереотипов, а также единством картины мира и системы ценностей [7, с. 26].

С появлением и эволюцией средств массовой коммуникации структура культуры претерпевает глубокие изменения. С точки зрения А. Моля, целостная система знаний оказалась заменена набором сиюминутных установок, распределяемых через средства массовой информации [8]. Массовая культура информационного общества все более основывается на продуктах технологического развития. А в свою очередь информационное общество требует постоянного

совершенствования информационной техники и технологий, что приводит к качественно иным способам передачи информации. Происходит как интеграция национальных информационных пространств в единое информационное пространство, так и интеграция культуры [8].

Опираясь на наукоемкое производство и средства массовой коммуникации, современная массовая культура оказывает существенное воздействие на общество и человека. С одной стороны, она способствует распространению в обществе социокультурных инноваций, создает дополнительные удобства и комфорт в повседневной жизни. С другой – массовая культура, ориентируясь в основном на технические способы производства, на технологические и информационные аспекты жизни людей, отрывает общество от природы, в значительной степени игнорирует (или даже разрушает) культурные традиции. Используя средства массовой коммуникации, массовая культура снижает планку любой идеи, любой проблемы, любого явления до уровня массового потребителя, тем самым лишая и человека, и действительность их истинного уровня и значения [5, с. 9].

Поскольку распространение массовой культуры в системе российской культуры достаточно масштабно, не могут не вызывать беспокойство ряд отрицательных социальных последствий данного процесса. В частности, особую тревогу вызывает процесс социализации подрастающего поколения под воздействием массовой культуры. В последние годы основными агентами социализации становятся средства массовой коммуникации и активные элементы массовой культуры. Необходимо обратить внимание на тот факт, что сценарии многих российских художественных фильмов, сериалов 1990-х – 2000-х гг. изобилуют сценами убийства, пыток, драк, их сюжетная линия часто основывается на алогичном, иррациональном насилии и жестокости («Бригада», «Жмурки», «Брат», «Брат-2», «Бумер», «Ворошиловский стрелок», «По прозвищу Зверь» и т.д.). Аналогичная ситуация сложилась с весьма специфическими реалии-шоу, такими как «Дом», «Дом-2», «За стеклом», «Последний герой», «Голод». Ситуацию усугубляют набирающие популярность у массовой зрительской аудитории криминальные хроники СМИ, растет популярность блатной музыки, желтой прессы и интернет-изданий, низкопробных криминальных романов и т.п. В Интернете налицо практически полная вседозволенность разнообразных коммуникаторов, блокировка сайтов с противоправным содержанием выглядит совершенно неэффективной в данный момент и легко пре-

одолевается с помощью нехитрых настроек интернет-браузера (что известно, наверное, даже младшим школьникам), не говоря уже о массе других способов. Элементы массовой культуры, проникнув в интернет-пространство, приобретают новые, ранее неизвестные возможности в плане оказания массово-коммуникативного воздействия на аудиторию. При этом наука и практика в настоящее время не обладают надежным инструментарием мониторинга и прогнозирования данной проблемной ситуации.

Очевидно, что стержнем массовой культуры, ее ценностно-смысловым содержанием становится криминальная культура в ее различных проявлениях, а также связанные с ней криминальные поведенческие практики. По сути, в самой системе современной социализации и инкультурации закладываются институциональные пласты отрицания права.

При этом необходимо принимать во внимание важность правосознания в социокультурной системе общества, тот факт, что оно выступает важной предпосылкой регулирования социальных противоречий, нейтрализации социальных рисков, их предупреждения и ослабления посредством актуализации механизмов нравственно-правовой саморегуляции индивидов. Правосознание определяет для личности набор правомерных средств достижения ее целей, тем самым противоправное поведение как способ разрешения в свою пользу конфликтной ситуации становится аномалией по отношению не только к разумности нормы, но прежде всего к разумности интересов личности. Механизмы саморегуляции являются наиболее перспективными в ситуации кризиса традиционных форм регулирования социальных процессов в условиях глобализации [9, с. 8].

Стоит отметить, что правосознание – это совокупность значений и смыслов, возникающих при осознании природы и сущности права, правового уровня отношений между людьми. Правосознание есть выражение и проявление разумной, рассудочной деятельности человека. Правосознание организует сферу чувств и побуждений, но к ним не сводится, оставаясь разумной деятельностью. Главным источником правосознания выступает социальная интеракция и коммуникация, в процессе которой формируется символический универсум, дающий смысловую основу для интерпретации феноменов правовой жизни [10, с. 7].

Важность правосознания подчеркивает опасность его деформации. Чаще всего деформация правового сознания проявляется, когда у индивидов складываются определенные взгляды,

знания, чувства, настроения, переживания и эмоции, идеи и представления, которые искаженно отражают правовую действительность и выражают отрицательное отношение к действующему праву, правосудию и законности, что приводит к формированию негативно ориентированного правового сознания.

Основными формами проявления деформированного правосознания являются:

чрезмерно высокая, оторванная от жизненных реалий оценка права как «универсального средства» решения социальных проблем, абсолютизация социальной роли и места права в жизни общества, предъявление завышенных требований к механизму правового регулирования, что кратко можно обозначить как юридический «идеализм»;

категорическое отрицание права как социального блага, его способности оказывать эффективное воздействие на общественные отношения, упорядочивать жизнь общества [11].

Опасность культурной деформации правосознания сложно переоценить. По сути, мы являемся свидетелями сложного дисфункционального состояния духовно-нравственной сферы российского общества, где возникает напряжение между двумя основными сферами: рекреационно-культурной и нормативно-правовой. Обе сферы выполняют важные функции в системе, и этот факт с очевидностью демонстрирует необходимость поиска приемлемого решения по оптимизации сложившейся ситуации.

Касаясь перспектив развития ситуации с учетом стремительного усиления социальной значимости информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий, следует подчеркнуть, что в современной России уже выросло поколение людей с деформированным в той или иной степени правосознанием, с толерантным отношением к миру криминала, к кри-

минальным практикам. Сложившаяся ситуация детерминирована, в том числе, и интенсивным коммуникативным воздействием, оказанным стандартами массовой культуры посредством СМК и Интернета на подрастающее поколение. Сейчас вступает во взрослую жизнь, занимает ответственные позиции в обществе поколение людей, у которых в процессе социализации превалировала стихийная, культурно-коммуникативная составляющая.

В ближайшие годы (при сохранении существующих ныне тенденций в социуме) возможно значительное увеличение социально негативной информации, способной повлиять на процесс деформации правосознания, в первую очередь подрастающего поколения. С каждым годом возрастает стихийная составляющая социализационного процесса, что приводит к различным негативным социальным последствиям, в том числе к деформации правосознания. В этом процессе заметную роль играет массовая культура, формирующая ценностные ориентации, модели поведения, идеалы, стереотипы, потребности, нередко противоречащие сложившейся социальной и культурной обстановке, конфликтующие с традиционной культурой, обычаями, сложившимися морально-нравственными принципами. При этом в настоящее время не разработаны сколько-нибудь действенные социально-управленческие решения, направленные на преодоление возникающих напряжений в социальной системе, обусловленных дисфункциональным состоянием ряда социокультурных институтов и подсистем современного российского общества. Также недостает эффективных, верифицированных научных разработок, прежде всего социологической и социально-инженерной направленности, которые бы позволили изменить вектор современных социокультурных процессов.

1. Ионин Л.Г. *Культура на переломе* // *Социс*. 1995. № 2.

2. Адорно Т. *Социология музыки*. М., 2008.

3. Разлогов К.Е. *Феномен массовой культуры* // *Культура, традиции, образование*. М., 1990.

4. Лебон Г. *Психология масс* // *Психология масс*. Самара, 1998.

5. Ортега-и-Гассет Х. *Восстание масс* // *Психология масс*. Самара, 1998.

6. Fridmann G. *Enseignement et culture de mass* // *Communications*. Paris, 1962. № 1.

7. Климова Л.Е. *Массовая культура и личность: культурфилософский аспект: дис. ... канд. филос. наук*. Ставрополь, 2005.

1. Ionin L.G. *Culture at the turn* // *Socis*. 1995. № 2.

2. Adorno T. *Sociology of music*. Moscow, 2008.

3. Razlogov K.E. *Phenomenon of mass culture* // *Culture, traditions, education*. Moscow, 1990.

4. Le Bon G. *Psychology of the masses* // *Psychology of the masses*. Samara, 1998.

5. Ortega y Gasset J. *Revolt of the masses* // *Psychology of the masses*. Samara, 1998.

6. Fridmann G. *Enseignement et culture de mass* // *Communications*. Paris, 1962. № 1.

7. Klimova L.E. *Mass culture and identity: cultural philosophy aspect: diss. ... Master of Philosophy*. Stavropol, 2005.

8. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М., 1966.

9. Зеленков П.Г. Процесс формирования правосознания личности как объект социологического исследования: автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2008.

10. Коник А.А. Формирование правосознания в трансформирующемся обществе: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2006.

11. Каландаршвили З.Н. Деформация правового сознания молодежи и юридические способы ее преодоления: теоретико-правовой аспект. СПб., 2004.

8. Mol A. Information theory and aesthetic perception. Moscow, 1966.

9. Zelenkov P.G. Process of development of consciousness of the person as the object of sociological research: auth. abstr. ... Master of Sociology. St. Petersburg, 2008.

10. Konik A.A. Formation of legal consciousness in the society in transition: a socio-philosophical analysis: diss. ... Master of Philosophy. Stavropol, 2006.

11. Kalandarishvili Z.N. Deformation of the legal consciousness of youth and legal ways to avoid it: the theoretical-legal aspect. St. Petersburg, 2004.

Самойлов Сергей Федоровичдоктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583516)**Городенцев Герман Александрович**кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583414)

Теоретико-методологические предпосылки социально-философского познания экстремизма

Статья посвящена анализу основных теоретико-методологических подходов к исследованию феномена экстремизма в социально-гуманитарном знании. Специфика авторского видения проблемы заключается в попытке обоснования приоритета социально-философского подхода к исследованию изучаемого феномена.

Ключевые слова: экстремизм, исследование экстремизма, феномен духовной культуры, юридический, социологический, психологический и социально-философский подходы.

S.F. Samoilov, Doctor of Philosophy, Assistant Professor, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583516;

G.A. Gorodentsev, Master of Law, Assistant Professor, Deputy Head of a Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583414.

Theoretical and methodological background of social and philosophical knowledge of extremism

Article is devoted to the analysis of the main theoretical and methodological approaches to research of a phenomenon of extremism in social and humanitarian knowledge. Specifics of author's point of view consists in attempts of justification of a priority of social and philosophical approach to research of a studied phenomenon.

Key words: extremism, research of extremism, phenomenon of spiritual culture, legal, sociological, psychological and social and philosophical approaches.

Для обыденного сознания слово «экстремизм» чаще всего ассоциируется с конкретными действиями насильственного характера либо с призывами к их совершению. Данное представление вполне соотносится с юридическим пониманием экстремизма. Так, в Конституции РФ указывается, что «не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства» (ч. 2 ст. 29).

Однако такое понимание, несомненно, выражающее сущность данного феномена, скрывает ряд его важных сторон. Одним из них является наличие у экстремизма идеологической составляющей, вне которой он существовать не может.

Без глубокого уяснения идеологии экстремизм является психологичным и ситуативным, связанным с одномоментной агрессивной реакцией на конкретную социальную, политическую, экономическую или социокультурную ситуацию. Но даже такая ситуативная форма существования экстремизма невозможна без наличия идеологии, которая оказывает одномоментное воздействие на индивида или массы. Таким образом, именно внутренняя идеальная сторона экстремизма является причиной совершения конкретных действий экстремистского характера. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения экстремизма как явления духовной жизни, но решение данной задачи невозможно вне определения понятия духа и его структуры.

Необходимость обращения к экстремизму как феномену духовной жизни обусловлена

современным состоянием методологии исследования данного явления. Большинство работ, посвященных рассмотрению экстремизма, носят ярко выраженный эмпирический характер. Определения экстремизма, предлагаемые в них, рассматривают данное явление как девиантную форму поведения, при этом само понятие нормы, как правило, остается не проясненным, поскольку оно оценивается как нечто самоочевидное, как совокупность принятых в том или ином сообществе образов жизни. Наиболее показательным в этом отношении является определение экстремизма, данное в коллективном труде «Экстремизм и его причины» А.В. Ростокинским: «Термин “экстремизм” обозначает приверженность крайним взглядам и радикальным мерам, а также реализацию этих мер. Как правило, экстремизм проявляется в отрицании существующих политических и правовых норм, ценностей, процедур, основополагающих принципов организации политических систем, стремлении к подрыву политической стабильности, низвержению существующей власти и действующих порядков» [1, с. 10].

В противоположность эмпирической, теоретическая интерпретация экстремизма как формы девиации сконцентрирована не на том, что отрицается той или иной формой экстремизма, а на самом способе отрицания. Концептуальным основанием данного вида определений экстремизма служит классификация Р. Мертона, в которой предлагается иерархия предельно общих форм отношения к имеющемуся социально-политическому порядку. Важнейшими из них являются: конформизм, новаторство, ритуализм, ретризм и мятеж. Из данной концепции следует, что экстремизм представляет собой одну из форм бунта – агрессивного отрицания сложившегося социального порядка. Однако экстремистское сознание может принять и форму ретризма, т.е. бегства из реального мира в параллельные миры различных субкультур. Как правило, основу этих субкультур составляют алкоголизм, наркомания, бродяжничество, сексуальная распушенность.

Одной из сильных сторон концепции Мертона является то, что она рассматривает девиацию в целом как закономерное, устойчивое социальное явление, связанное с неизбежной разбалансировкой в процессе функционирования социума. Таким образом, возникают теоретические предпосылки для исследования экстремизма в контексте закономерностей развития общества в целом. Исследования такого рода имеют ярко выраженный теоретический характер, предполагающий дистанцирование от эмпирического

материала, что сближает их с философским рассмотрением экстремизма.

Однако социологический подход склонен редуцировать человека к понятию социального существа, по этой причине экстремизм предстает в образе чисто социального явления, имеющего в качестве причины своего возникновения нарушение функционирования различных социальных институтов или общества в целом. Данное понимание позволяет перейти от чисто описательного рассмотрения экстремизма к его теоретическому моделированию. Его главной задачей служит изображение посредством идеальных конструктов нарушений в нормальном развитии социализации и гендерного, национального, классового, религиозного и иных форм самосознания. Представление об экстремизме как о социальной дисфункции позволяет социологическому подходу сформулировать ряд рекомендаций по нормализации протекания различных социальных процессов. Выполнение этих рекомендаций должно способствовать, с одной стороны, снижению экстремистских настроений в обществе, а с другой – доказательству истинности чисто функционального понимания экстремизма. Такой подход при всех своих достоинствах, по сути, слагает личную ответственность индивида за образ своего мышления и поведения, поскольку рассматривает его лишь в качестве закономерного проявления предзаданных социальных законов.

Понимание экстремизма как социальной дисфункции имеет и определенные методологические последствия. Важнейшим из них явилась возможность определения экстремизма как средней степени дестабилизации общественного сознания, тогда как первой ступенью потери им стабильного состояния признавался радикализм, а третьей – терроризм. Данное определение характера экстремизма имеет как сильные, так и слабые стороны. К числу его достоинств следует отнести установление зависимости экстремистски ориентированного сознания от мировоззренческих и познавательных установок, поскольку радикализм представляет собой гораздо в меньшей степени ориентированное на реальность явление духовной жизни, чем экстремизм. Установление же жесткой связи между радикализмом и экстремизмом позволяет раскрыть чисто мыслительную, когнитивную сторону экстремизма. К числу недостатков интерпретации экстремизма в качестве второй стадии дестабилизации общественного сознания следует отнести признание зависимости процессов, протекающих в субъективной сфере, от сферы объективной, т.е. от общественного бытия.

Но этот вывод является истинным только при одностороннем понимании человека как социального существа. Главным недостатком данного определения человека является его рассмотрение в качестве комплекса социальных статусов и функций, на который можно воздействовать внешним образом. При абсолютизации данной точки зрения духовная природа экстремизма подвергается забвению, следовательно, теряется возможность ее целостного изучения и выбора адекватных мер противодействия подчинению сознания экстремистским идеям и моделям поведения. Ограниченность социологического подхода может быть выявлена в ходе следующего мыслительного эксперимента.

Представим себе двух индивидов, столкнувшихся с одной и той же социально-политической проблемой. Допустим, что это проблема отношений между индусами и мусульманами в постколониальной Индии, а двумя индивидами, столкнувшимися с ней, являются Мохандас Карамчанд Ганди и Винайяк Саваркар. Оба индивида принадлежат к одной и той же нации, религии, занимают одинаково высокое положение в обществе, но при этом реагируют на одну ситуацию различным образом: Ганди призывает к диалогу и уступкам мусульманам, Саваркар настаивает на борьбе с ними. Один практикует этику ненасилия, другой идет на политическое убийство, которое должно разжечь религиозную ненависть. Мысленно представим себе сознания этих двух людей. Насколько позволяют судить их слова и действия, сознание первого человека настроено на отрицание идеи врага, а сознание второго подчинено ей. Тогда возникает вопрос, что позволяет Ганди, несмотря на все внешние условия и факты несправедливости по отношению к его нации и религии, остаться не зараженным ненавистью. Со всей очевидностью можно утверждать, что победа над данным эмоциональным состоянием далась Ганди не сразу и потребовала больших мыслительных и волевых усилий. Очевидно и другое: человеческий индивид обладает способностью к противодействию непосредственным животным и эмоциональным реакциям и потому обладает определенной степенью независимости по отношению к природно-социальному миру. Сила, дающая индивиду такого рода независимость, и получила наименование духа.

Наличие в человеке, помимо биологического и социального, еще и духовного измерения требует обращения к рассмотрению его внутреннего мира, который традиционно входит в предмет изучения психологии. Анализ психологического подхода к рассмотрению экстремизма обуслов-

лен еще и тем, что данный феномен неразрывно связан с сильными эмоциональными переживаниями, вызванными как реализацией экстремистских мыслительных и поведенческих установок, так и преодолением последствий их осуществления. Кроме того, интерес к психологическому подходу связан с тем, что понятие «дух» по-прежнему находит в нем свое применение, благодаря этому он, в отличие от социологического подхода, предоставляет больше возможностей для исследования экстремизма в качестве духовного явления.

Одной из предпосылок использования термина «дух» для теоретических исследований экстремизма может служить психоаналитическая концепция К.Г. Юнга. В одной из своих работ Юнг дает следующее определение духа: «Духовной сущности свойственны, во-первых, принцип спонтанности движения и деятельности, во-вторых, свойство свободного порождения образов вне чувственного восприятия и, в-третьих, автономное и суверенное манипулирование этими образами. Это сущность противостоит первобытному человеку, но по мере его развития все больше оказывается в сфере человеческого сознания и становится функцией, которая ему подчинена, благодаря чему ее изначально автономный характер как будто бы утрачивается. Последний удерживается еще только самыми консервативными из всех воззрений, а именно религиями... Поэтому религии должны вновь и вновь напоминать о происхождении и об изначальном характере духа – чтобы человек никогда не забывал, что он втягивает в свою сферу и чем он наполняет свое сознание. Ведь не он сам сотворил дух, но дух делает так, что человек творит; он дает ему импульс и счастливое наитие, упорство, воодушевление и инспирацию. Но дух так проникает в естество человека, что тот оказывается в сильнейшем искушении думать, будто он сам и есть создатель духа и будто он его имеет... Как видно, всеобщее современное понятие духа плохо согласуется с христианским воззрением, поскольку последнее рассматривает дух как *summi bonum*, как самого Бога. Безусловно, наряду с этим существует понятие злого духа. Но тем самым современное понятие духа и подавно не может быть признано неудовлетворительным; ведь это понятие не включает в себя злое необходимым образом – скорее, его следует назвать морально индифферентным, или нейтральным» [2, с. 336–337].

Из сказанного следует, что Юнг понимает под духом психическую силу, автономную по отношению к индивидуальному сознанию, способную овладеть им и потому нуждающуюся в контроле

со стороны рациональной части человеческой психики. Трактовка духа в качестве психической силы имеет большое значение для понимания экстремизма. Во-первых, она позволяет рассматривать данный феномен как закономерное следствие незавершенности процесса развития человеческой психики, а именно как прерывание процесса индивидуализации, которое чревато возвратом к архаическому, коллективному и иррациональному способу существования. Во-вторых, методология исследования и преодоления экстремистских наклонностей осуществляется в психологическом подходе на макроуровне, что делает его в некоторых случаях более эффективным, нежели социологический подход, требующий осуществления масштабных социально-политических изменений. Однако понимание духа в качестве самостоятельного региона психической жизни в плане исследования экстремизма обладает целым рядом недостатков. В случае проектирования концепции Юнга на решение проблемы интерпретации экстремизма в качестве духовного феномена она порождает следующие негативные моменты. С одной стороны, данная концепция порождает иррационализацию экстремизма, а с другой – она косвенно оправдывает его. Первый случай предполагает игнорирование рациональных причин возникновения и функционирования экстремистского сознания. Второй случай исходит из неосознанности экстремистских действий со стороны лица, их совершающего.

Данные недостатки психологического подхода частично преодолеваются в психоаналитической концепции К. Хорни. Так же как и Юнг, К. Хорни полагает, что межличностные конфликты имеют своей причиной внутриличностный конфликт. В отличие от Юнга она настаивает на том, что этот конфликт возникает не в силу прерывания нормального развития сознания и превращения отдельных элементов бессознательного в самостоятельное психическое начало, но по причине стремления индивида к безопасности. Это стремление может принимать форму движения к людям, от людей и против людей. Само по себе стремление к безопасности, как и формы его реализации, является нормальным, если соответствует характеру конкретной ситуации. Но если оно принимает навязчивый, невротический характер, то служит причиной возникновения слабого, одинокого и сильного типов невротической личности. В свою очередь, невротическая личность, находясь в постоянном внутреннем конфликте, т.е. испытывая состояние неопределенной или базальной тревожности, порождает конфликт и вокруг себя, что создает предпосыл-

ки для возникновения экстремистских установок сознания и поведения. Проецируя концепцию К. Хорни на решение проблемы исследования экстремизма как явления духовной культуры, можно утверждать, что слабый тип невротической личности характерен для рядовых членов тоталитарных обществ и групп, одинокий тип характеризует отношение различных субкультур к традиционной культуре, сильный тип свойственен как лидерам экстремистских движений, так и контркультуре как таковой.

Понятие невротической или базальной тревожности, введенное К. Хорни, является наиболее продуктивным понятием, используемым в исследованиях экстремистского сознания. Так, Е.Н. Юрасова, характеризуя ксенофобию как предварительную ступень формирования экстремистского сознания, рассматривает тревожность в качестве системообразующего принципа мировоззрения ксенофобов. «Высокая тревожность или низкая устойчивость к неопределенности ксенофобов будет порождать связанные с ней специфические качества. Как ограничители неопределенности выступают правила, следование им снижает тревожность, так как делает ситуацию более предсказуемой. Поэтому можно предположить, что для ксенофобов, например, будут характерны стремление следовать правилам и жесткая внутренняя система оценок, то есть ригидность. В когнитивной сфере этому соответствует полярность в мышлении. Так как правила психологически тесно связаны с авторитетами – фактически авторитеты являются человеческим “воплощением” правил, можно предположить, что отношение к авторитетам у ксенофобов должно быть крайне аффективно заряженным: либо резко положительным, либо столь же резко отрицательным. Такое отношение согласуется с наличием уже упоминавшейся полярности в мышлении. Полярность будет распространяться также на аффективную сферу в целом: положительное отношение превращается в восхищение, фанатизм и не рассуждающую преданность, вплоть до готовности пожертвовать своей жизнью, отрицательное – в ненависть и агрессию, вплоть до готовности лишить жизни другого.

Очевидно также, что низкая устойчивость к неопределенности станет проявляться не только по отношению к людям, но и по отношению к жизненным ситуациям или миру в целом. Если продолжить сравнение ксенофобии и толерантности, можно описать их как два разных способа восприятия мира: в первом случае он воспринимается как неизвестный и потому угрожающий, во втором – как неиз-

вестный и потому интересный. Таким образом, ксенофобию можно рассматривать как частное проявление более общего отношения человека к окружающему миру как к угрожающему. Данное отношение в глубинной психологии обозначается как параноидное».

Оценивая сильные и слабые стороны психологического подхода к рассмотрению экстремизма, необходимо подчеркнуть, что наиболее продуктивным он является в процессе вскрытия механизмов нарушения нормального функционирования индивидуального сознания, тогда как логика развития структур общечеловеческого сознания фиксируется им неадекватным образом. Во многом это связано с тем, что чаще всего психологический подход редуцирует идеальное и социальное начало к психическим и социальным процессам и тем самым искажает сложную, интегративную природу внутренней жизни человека.

В исследовании экстремизма социально-философский подход занимает особое положение, поскольку обладает возможностью координировать познавательные усилия других подходов. Причину этого следует искать в предельно общем и одновременно структурно упорядоченном социально-культурном понимании духа. Пример такого понимания можно обнаружить в критической онтологии Н. Гартмана. Известная исследовательница творчества Н. Гартмана Т.Н. Горнштейн, раскрывая внутримирное положение духа в системе немецкого мысли-

теля, отмечает: «Гартман критикует... объективный идеализм, который не признает духовную жизнь ступенью реального мира, а считает ее особым миром "чистых идей", абсолютного духа и пр., именно на этой основе развивается дуалистическое представление о мире, согласно которому дух стоит вне и независимо от материи. Гартман считает, что все происходящее во времени реально, даже если оно не пространственно и нематериально. Язык, право, наука, нравственность – не идеальное бытие, так как они подвержены изменениям, а идеальное бытие – вне времени. Язык, право, нравы связаны с реальной жизнью народа в определенную историческую эпоху. Критическая онтология дает "новое представление о месте человеческого духа и его активности в лишенном духа и детерминированном законами мире". Судьба и поле действия духа – реальный мир» [3, с. 73].

Признание духа в качестве реального социокультурного феномена открывает большие перспективы для исследования экстремизма.

Так, в философии Гартмана различается субъективный, объективный и объективированный дух. Субъективный дух представлен личностью человека, объективный дух – социальными институтами и историческим процессом, объективированный дух – произведениями духовной и материальной культуры. Соответственно этому экстремизм как духовное явление должен рассматриваться одновременно как психологический, социальный и культурный феномен.

1. *Экстремизм и его причины / под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2011.*

2. *Юнг К.Г. Дух и жизнь // Проблема души человека нашего времени. М., 1993.*

3. *Горнштейн Т.Н. Философия Николая Гартмана // Критический анализ основных проблем онтологии. Л., 1969.*

1. *Extremism and its reasons / ed. by Yu.M. Antonyan. Moscow, 2011.*

2. *Jung C.G. Spirit and life // Problem of soul of the person of our time. Moscow, 1993.*

3. *Gornstein T.N. Nikolay Gartman's philosophy // Critical analysis of the main problems of ontology. Leningrad, 1969.*

Кудрявцева Лариса Владимировна

кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой гражданского права и процесса
филиала Российского государственного социального университета
в г. Анапе

Афисов Владимир Владимирович

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
филиала Российского государственного социального университета
в г. Анапе

(e-mail: larisa-k75@mail.ru)

Особенности муниципального регулирования туристической деятельности

В статье обозначены основные уровни муниципальной системы правового регулирования туристической деятельности. Создание такой системы должно отражать новые регуляторы и развивать действующие правовые нормы с учетом положительных примеров в других регионах. Активное правовое регулирование туристского ресурса способствует муниципальному развитию.

Ключевые слова: муниципалитет, туристическая деятельность, правовое регулирование туризма, туристский ресурс, программа, стратегия.

L.V. Kudryavtseva, Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Civil Law and Process of branch of the Russian State Social University in Anapa;

V.V. Afisov, Master of Law, Senior Teacher of a Chair of Civil Law and Process of branch of the Russian State Social University in Anapa; e-mail: larisa-k75@mail.ru

Features of municipal regulation of tourist activity

The article describes the main levels of the municipal system of legal regulation of tourist activities. The creation of such system should reflect new documents and apply valid legal norms and positive examples from other regions. Active regulation of tourist resource contributes to municipal development.

Key words: municipality, tourism management, legal regulation of tourism, tourism resource, program, strategy.

Внушительный территориальный, природный и социально-исторический потенциал России предполагает проведение активной туристической деятельности на территории основного большинства муниципальных образований. Не вызывает сомнений, что, с одной стороны, от эффективного развития туризма зависит рост потока иностранных путешественников и валютного пополнения соответствующих бюджетов, а с другой стороны, прогресс наращивания и использования туристического ресурса позволяет развиваться смежным отраслям экономики и, безусловно, способствует территориальному развитию с повышением занятости населения.

В Конституции РФ не упоминаются непосредственно туризм и туристическая деятельность.

Однако представляется логичным, что правовое регулирование туризма входит в социальную, культурную и национальную сферы, основы развития которых, согласно п. «е» ст. 71 Конституции РФ, входят в федеральную компетенцию. Вместе с этим, вопросы совместного ведения в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ включают общие вопросы культуры. Значит, реализация вопросов сферы туризма не относится к конституционным основам правового регулирования, но опосредованно гарантирована в нормах социального, культурного и национального развития.

Вместе с тем, нормы подп. 30.1 п. 2 ст. 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной

власти субъектов Российской Федерации» устанавливают полномочия региональной власти на создание благоприятных условий для развития туризма в субъектах России, а положения п. 9 ч. 1 ст. 14.1, п. 8 ч. 1 ст. 15.1, п. 9 ч. 1 и п. 3 ч. 1.1 ст. 16.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определяют муниципальные полномочия создавать условия для развития туризма.

То есть система правового регулирования организации туристической деятельности отличается трехуровневым содержанием: регуляторами федерального, регионального и муниципального уровня, воздействие которых в идеале должно быть гармоничным и дополнять друг друга. Значит, основной актуальной особенностью муниципального регулирования туристической деятельности является разработка прагматичной системы документов местного уровня в туристской сфере, которые должны:

во-первых, не противоречить и соответствовать федеральным и региональным актам;

во-вторых, максимально использовать преимущества, льготы, приоритеты организационно-экономического характера, а также бюджетные элементы, которые заложены в федеральных и региональных документах.

И первый, и второй факторы формирования системы муниципального регулирования туристической деятельности требуют детального изучения и могут применяться любым муниципалитетом, на территории которого имеются или могут быть сформированы туристские ресурсы. В перечень туристских ресурсов согласно ст. 1 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон) входят:

- 1) природные объекты;
- 2) исторические объекты;
- 3) социально-культурные объекты;
- 4) объекты туристского показа;
- 5) иные объекты, которые способны удовлетворять духовные и прочие потребности туристов, содействовать поддержанию их жизнедеятельности, восстановлению и развитию их физических сил.

Значит, организационно-правовое оформление указанных туристских ресурсов формирует туристический потенциал муниципалитета. Такое оформление в порядке ст. 13 Закона включает на национальном уровне: классификацию и оценку туристских ресурсов, установление режима их охраны, порядка сохранения их целостности, меры по их восстановлению, порядок их использования с учетом предельно допустимых нагрузок на окружающую среду.

Вместе с тем, на региональном уровне могут быть установлены собственные требования к такому потенциалу. Например, согласно ст. 11 и 12 Закона Краснодарского края от 25 октября 2005 г. № 938-КЗ «О туристской деятельности в Краснодарском крае» все туристские ресурсы Краснодарского края доступны для ознакомления и использования независимо от формы собственности, если нет установленных законом ограничений. При этом ограничения доступа к природным объектам туристского показа определяются уровнем допустимой для таких объектов антропогенной нагрузки, не оказывающей негативного воздействия на конкретный объект.

То есть туристический потенциал муниципалитета формируется туристским ресурсом, оформление которого регламентировано федеральным и региональным законодательством. При этом следует акцентировать внимание на том, что дальнейшее развитие туристского потенциала и соответствующей системы муниципального регулирования именно сейчас в наибольшей мере зависит от заинтересованных сторон, поскольку лишь весной 2014 г. были приняты государственная программа РФ «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 гг. (далее – Госпрограмма [1]) и Стратегия развития туризма в РФ на период до 2020 г. (далее – Стратегия [2]). Иначе говоря, активная позиция руководства муниципалитета, наличие соответствующей системы правового регулирования и аргументации в инвестировании, согласно Стратегии, могут способствовать включению муниципалитета в расходную часть указанной Госпрограммы, например в отношении увеличения количества гостиниц и иных объектов размещения туристов, поскольку конкретные объекты финансирования определены в Госпрограмме лишь на ближайшие 2–3 года.

Значит, актуальные особенности муниципального регулирования туристической деятельности обусловлены разработкой соответствующей системы документов для участия в мероприятиях Госпрограммы и соответствующих региональных программах развития туристской деятельности.

Вместе с этим целесообразно использовать другие организационно-правовые механизмы в сфере туризма. Например, еще в 2010 г. Минрегионом России [3] отмечена высокая эффективность организационно-правового регулирования в сфере туризма межмуниципальных (см. ст. 8 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации») форм взаимодействия в Калининградской области и Камчатском крае, которые отличаются многофункциональным

партнерством с разделением ответственности муниципалитета и общественного сектора при решении задач:

- реализации вопросов местного характера;
- осуществления помощи в профессиональном обеспечении деятельности местного самоуправления;
- развития механизмов общественного контроля;
- использования общественных институтов в качестве посредников при взаимодействии с тур-агентами и туроператорами с целью повышения качества услуг;

1. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы: постановление Правительства РФ от 15 апр. 2014 г. № 317 // *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 24.04.2014 (дата обращения: 09.09.2014).

2. Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 31 мая 2014 г. № 941-р // *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 09.06.2014 (дата обращения: 09.09.2014).

3. Методические рекомендации по организации межрегионального и межмуниципального сотрудничества в сфере реализации расходных полномочий и вопросов местного значения: разработаны Минрегионом РФ, 2010 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126480/ (дата обращения: 09.09.2014).

оказания помощи в работе низовых (удаленных, малообеспеченных) местных органов управления, на территории которых имеются туристские ресурсы.

Таким образом, актуальные особенности муниципального регулирования туристической деятельности обусловлены не только активной работой в отношении использования преимуществ вновь обозначенных Госпрограммы и Стратегии, но и применением проверенных временем правовых конструкций.

1. About the approval of the state program of the Russian Federation «Development of culture and tourism» to 2013–2020: resolution of the Government of the Russian Federation of Apr. 15, 2014 № 317 // *Official Internet portal of legal information*. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 24.04.2014 (date of access: 09.09.2014).

2. About the approval of Strategy of the development of tourism in Russian Federation for the period until 2020: decree of the Government of the Russian Federation of May 31, 2014 № 941-r // *Official Internet portal of legal information*. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 09.06.2014 (date of access: 09.09.2014).

3. Methodical recommendations regarding the organization of interregional and intermunicipal cooperation in the sphere of the realization of expense authorities and questions of local importance: developed by the Ministry of regional development of the Russian Federation, 2010. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126480/ (date of access: 09.09.2014).

Хиль Ирина Михайловнакандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета
(тел.: +79184382969)

К вопросу о формировании ценностных ориентаций современной молодежи

В статье анализируются ценностные ориентации современной молодежи, роль права в системе ценностей, факторы, влияющие на процесс формирования системы ценностей современного человека.

Ключевые слова: молодежь, социальная группа, ценностные ориентации, система ценностей, право, правовые нормы и ценности.

I.M. Hil, Master of Law, Assistant Professor of a Chair of Theory and History of State and Law of the Kuban State University; tel.: +79184382969.

To the question of formation of value orientation of modern youth

The article analyzes the value orientation of today's youth, the role of law in the system of values, factors influencing the formation of the system of values of modern man.

Key words: youth, social group, value orientation, system of values, law, legal norms and values.

Молодежь – это не только большая, но еще и очень специфичная социальная группа населения, наиболее активная, мобильная и динамичная часть населения, в большей степени свободная от стереотипов и предрассудков предыдущих лет. Особенности ее как социальной общности обусловлены социально-психологическими качествами психики, такими как стремление выделиться, а также существованием специфической молодежной субкультуры. Но при всей своей неоднородности она всегда характеризуется процессами физиологического, социального и личностного становления. Сложность такого процесса традиционно подтверждается двойственностью динамики развития, а именно тем, что, с одной стороны, необходимо продолжить усвоение уже существующих морально-нравственных и духовных ценностей, а с другой – самостоятельно участвовать в выработке этих ценностей. Система современных ценностей молодого человека сегодня – это, безусловно, фундамент его внутреннего отношения к окружающему миру и обществу в частности. Следует согласиться, что «ценности – это то, ради чего люди живут, что они ценят» [1, с. 269]. Между ценностями, оценками и нормами существует определенная связь, поэтому именно праву отведена роль быть выражением целого ряда основополагающих ценностей общества и личности.

Включение индивида в систему общественных отношений сопровождается постижением им культурных ценностей всякого рода, что, вместе с тем, позволяет говорить и об усвоении им права. Так или иначе, но следует согласиться с тем, что если усвоенное право становится свойством, собственной характеристикой личности, то соблюдение правил поведения правового характера обеспечивается само собой, добровольно, без вмешательства со стороны кого бы то ни было, в том числе и государства [2, с. 13]. Современное российское общество переживает сложный, переломный этап развития, и молодежь, воспитанная на сломе старых ценностей и формировании новых социальных отношений, порой не всегда может сориентироваться, руководствуясь только обыденным сознанием и повседневными представлениями о настоящем и будущем. Переворот в социально-экономической системе сопровождается кризисом ценностного сознания, поэтому молодежь, не имеющая достаточного опыта «общезития», отрицает принятие его от старшего поколения, не жившего в капиталистическом обществе, а следовательно, не способного ей помочь. Иногда молодое поколение не воспринимает справедливые истины только потому, что их проносят старшие. Молодежь, особенно сегодня, быстро отказывается от устаревших ценностей и формирует новые нравственные идеалы, тем

самым находясь в эпицентре генезиса ценностных ориентаций. Результативность и эффект от процесса зарождения новых ценностей, при разрушении и неприятии старых, зависит от множества факторов, например от уровня культурного общественного развития, от моральных принципов и норм, от личного жизненного опыта и от уровня внутрисемейного воспитания. В известном смысле сознание человека развивается внутри культурного целого, в котором сконцентрирован опыт деятельности, общения и мировосприятия, и следует согласиться с тем, что «всякая общезначимая ценность становится действительно значимой только в индивидуальном контексте» [3, с. 109]. Немаловажным фактором становления, восприятия и развития морально-нравственного и правового ценностного потенциала у молодежи являются принципы морали, законы морального поведения, которые формируют множество поступков в определенный образ жизни, а в будущем и активную линию поведения.

Внешними факторами воздействия на процесс формирования ценностей молодежи и усвоение индивидом правовых норм и ценностей, в частности, выступают и другие социальные институты. СМИ (пресса, телевидение, радио, Интернет, мобильная связь), как трансляторы новой идеологии и ценностных ориентаций в медиатизированном обществе, играют не последнюю роль в определении молодежью, что именно для нее ценно в современном мире. Так,

например, средства массовой информации все чаще призывают добиваться успеха любыми способами, следует также обратить внимание и на то, что нынешняя информационная политика СМИ безотчетно подталкивает к формированию в российском обществе атмосферы тревожности, паники, безысходности.

Современное правовое демократическое государство – а Россия ставит перед собой именно такие цели – заинтересовано в воспитании социально-активной в правовой сфере молодежи как социальной группы. Право, выступая социально-духовным регулятором, придает действиям людей организованность, устойчивость, согласованность, обеспечивает их подконтрольность. Именно право, воплощая согласованную волю участников общественных отношений, способствует развитию тех отношений, в которых заинтересованы как отдельные индивиды, так и общество в целом. Согласовывая интересы и не подавляя их, право оказывает воздействие на поведение людей. И от того, какие ценности и идеалы ставит перед собой сегодня молодежь, будет зависеть не только уровень правового сознания, но и, более того, уровень соблюдения права, законность действий и поступков, ведь, выбирая ориентиры поведения, жизненные идеалы, ценности, молодежь может использовать не совсем законные способы их достижения. Все зависит от того, не пустим ли мы на самотек процесс молодежной социализации, правовой социализации молодого поколения.

1. Тугаринов В.П. Избр. филос. труды. Л., 1988.

2. Гриценко Г.Д. Право как социокультурное явление: состояние проблемы и перспективы разрешения. Ставрополь, 2002.

3. Кравченко А.И. Общая социология: учеб. пособие для вузов. М., 2001.

1. Tugarinov V.P. Sel. philosophy works. Leningrad, 1988.

2. Gritsenko G.D. Law as a sociocultural phenomenon: status and prospects for resolving the problem. Stavropol, 2002.

3. Kravchenko A.I. General sociology: study aid for high schools. Moscow, 2001.

Ковтун Злата Леонидовнапреподаватель кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета
(тел.: +79186511313)

Об исследовании эффективности регулятивной функции права

Статья посвящена анализу эффективности регулятивной функции права. Исследование эффективности регулятивной функции права необходимо проводить в контексте возможностей социальной самореализации личности.

Ключевые слова: регулятивная функция права, исследование, социальная самореализация личности, эффективность.

Z.L. Kovtun, Teacher of a Chair of Theory and History of State and Law of the Kuban State University; tel.: +79186511313.

About the research of efficacy of regulative function of law

This article is devoted to research of efficacy of regulative function of law. It is necessary to study regulative function of law in aspect of opportunities of social self-realization of personality.

Key words: regulative function of law, research, social self-realization of personality, efficacy.

Усложнение социальных взаимосвязей, возрастание их динамизма, повышение социальной активности и мобильности предъявляют все более высокие требования к урегулированности общественной жизни. При этом важное значение имеет как надлежащий выбор методов и способов правового регулирования, так и надлежащее определение меры урегулированности социальных процессов, соотношения правовых и иных социальных регуляторов, регулирования и саморегулирования. Все это определяет актуальность исследования регулятивного воздействия права в современных условиях, регулятивной функции права и ее новейших трансформаций. Особую актуальность такое исследование приобретает в связи с процессами глобализации, модернизации и распространения массовой культуры.

Кардинальные изменения в социальном регулировании в последние десятилетия предопределяют необходимость по-новому взглянуть и на проблемы регулятивного воздействия права. Господствовавший долгое время в отечественной науке «социологизированный» взгляд на человека, как представляется, вызывал и некоторую односторонность в понимании основ правового воздействия на личность, а значит, и основ эффективности правовых предписаний, эффективности регулятивного воздействия. В то же время аксиологические, психологические, ментальные аспекты действия регулятивной функции права незаслуженно оставались без внимания.

В советской науке указывалось, что эффективность правового регулирования зависит, в первую очередь, от характера действующих в обществе экономических законов и их проявления в сознательной деятельности людей, от степени познания объективных закономерностей и возможности их использования в конкретных исторических условиях, от своевременности приведения права в соответствие с новыми потребностями экономического и политического развития, от реальности государственного обеспечения того, что установлено в качестве закона [1, с. 138]. Настало время более многоаспектно рассмотреть проблемы регулятивного воздействия права и его эффективности. В этом плане следует согласиться с Г.Д. Гриценко в том, что стремление отстоять подлинно научные правовые знания предполагает широкое использование методологического плюрализма как магистрального направления развития методологии права [2, с. 46].

По справедливому замечанию А.И. Брызгалова, в центре всех правовых исследований должен быть поставлен человек со своим свободным социально-творческим потенциалом. Именно идея социального, свободного творчества человека должна найти правовое осмысление в рамках теоретического правосознания [3, с. 21–22]. Считаем, что именно самореализация личности, ее творческого потенциала должна рассматриваться как главный критерий эффективности регулятивной

функции права, эффективности всего правового воздействия.

Чтобы определить, каково содержание современного социального регулирования, важно знать те цели, оценки, ценности, которые человек кладет в основу своего поведения и взаимоотношений с людьми. А это, в свою очередь, делает необходимым исследование состояния духовной культуры конкретного общества в конкретный исторический период, из которой черпаются эти ценности, оценки, идеи [2, с. 26].

По мнению И.Л. Честнова, поскольку право является моментом, стороной общества, то оно должно изучаться именно как социальное явление, т.е. с точки зрения того, что свойственно всем социальным феноменам. Другими словами, при анализе права нельзя ограничиваться лишь «юридическим методом», выработанным аналитическим правоведением, который состоит в догматической по своей сути квалификации юридически значимых ситуаций (соотнесение ее признаков с признаками нормы права, воспринимаемой в качестве бесспорной аксиомы – догмы). Необходим анализ действия права – его восприятия в правосознании и реализации в правовом порядке [4, с. 18–19]. Очевидно, что это относится и к исследованию регулятивного воздействия права.

Необходимо осмысление феномена правового регулирования не только с утилитарных «государственнических» позиций, но и с точки зрения философского анализа смысла, назначения права. В литературе по философии права совершенно справедливо указывается на то, что «без четкого уяснения онтологической природы права, смысла и содержания понятия правовой реальности, знания основных форм бытия права невозможно понять феномен права в целом» [5, с. 211].

В советской юридической науке при изучении эффективности норм права акцент делался на соответствие правовых предписаний объективным закономерностям социальной жизни, прежде всего экономической. Однако уже тогда ряд авторов отмечали ограниченность данного подхода. Так, М.Д. Шаргородский указывал, что «изучение объективных закономерностей социальной жизни – это не только самая сложная, но и трудно познаваемая и признаваемая часть науки» [6, с. 97]. В настоящее время становится объективно необходимым, даже неизбежным исследование права и его функций с философских, антропологических, социологических, культурологических, политологических, компаративистских методологических позиций.

В дальнейшей научной разработке нуждается проблема факторов эффективности регулятивного воздействия права. Нормативные свойства, как подчеркивает С.С. Алексеев, позволяют праву создавать единую, непрерывно действующую систему типовых масштабов поведения людей. Подобная система обеспечивает цельный, устойчивый, максимально экономный, целесообразный и эффективный порядок в общественных отношениях. Цельный, ибо нормативно-правовое регулирование обеспечивает воздействие на общественные отношения из единого центра – государства. Устойчивый, ибо юридические нормы действуют постоянно, непрерывно, вплоть до их отмены или изменения. Максимально экономный, целесообразный и эффективный, ибо избавляет государственные органы от необходимости индивидуального регулирования в тех случаях, когда оно касается типических, повторяющихся отношений [7, с. 15–16]. Полагаем, что цельность и устойчивость, экономность и целесообразность можно рассматривать как факторы эффективности регулирующего воздействия права.

Лишь выявив реальные причины, вызвавшие к жизни соответствующее законодательство, можно решить, в какой мере его регулятивное действие, функционирование отвечает объективной потребности, помогает претворению объективной возможности в действительность. Социальные потребности и интересы определяют цель правотворчества и правового регулирования в той мере, в какой осознаются условия удовлетворения данных потребностей и обеспечения интересов и сами эти потребности, интересы. Степень такого осознания может быть различной, следовательно, цель не всегда и не во всех случаях способна выразить экономическую и политическую детерминацию права. Вместе с тем, сама цель законодателя в конечном счете детерминирована; ее необходимо объяснять, исходя из жизненных общественных интересов [1, с. 137–138].

Не менее важно для характеристики эффективности регулятивного действия правовых норм выяснить соответствие между требованием нормы и правосознанием тех, к кому она обращена; между нормой и моральными устоями, традициями, обычаями, фактически действующими в данной микросреде, в семье, трудовом коллективе, определенной социальной группе.

Другое направление исследований эффективности регулятивного воздействия права – анализ соотношения и взаимодействия собственно правового регулирования с другими видами социального регулирования. В литературе

справедливо отмечалось, что всестороннее уяснение взаимодействия правового регулирования с другими видами социального регулирования, особенно с политическим и моральным, выявление роли и значения правосознания и других форм общественного сознания в этом взаимодействии позволяют понять взаимосвязи

различных видов общественного регулирования, выработать более эффективные меры регулирования общественных отношений.

Итак, исследование регулятивного воздействия права требует новых подходов, связанных с изучением его психологических, ценностных, этнических компонентов.

1. Явич Л.С. *Право и общественные отношения*. М., 1971.

2. Гриценко Г.Д. *Право как социокультурное явление: состояние проблемы и перспективы разрешения*. Ставрополь, 2002.

3. Брызгалов А.И. *О некоторых теоретико-методологических проблемах юридической науки на современном этапе // Государство и право*. 2004. № 4.

4. Честнов И.Л. *Теоретико-методологические основания взаимоотношения общества и права // Право и общество: от конфликта к консенсусу*. СПб., 2004.

5. *Философия права: учеб. / под ред. О.Г. Данильяна*. М., 2005.

6. Шаргородский М.Д. *Право и объективные законы общественной жизни (к дискуссии об объективном и субъективном праве) // Правоведение*. 1972. № 5.

7. Алексеев С.С. *Социальная ценность социалистического права как регулятора общественных отношений // Сов. государство и право*. 1968. № 3.

1. Yavich L.S. *Law and social relations*. Moscow, 1971.

2. Gritsenko G.D. *Law as a sociocultural phenomenon: status and prospects for resolving the problem*. Stavropol, 2002.

3. Bryzgalov A.I. *About some theoretical and methodological problems of jurisprudence at the present stage // State and law*. 2004. № 4.

4. Chestnov I.L. *Theoretical and metodological bases of relationship of society and law // Law and society: from the conflict to consensus*. St. Petersburg, 2004.

5. *Philosophy of law: textbook / ed. by O.G. Danilyan*. Moscow, 2005.

6. Shargorodsky M.D. *Law and objective laws of public life (to discussion about the objective and subjective law) // Jurisprudence*. 1972. № 5.

7. Alekseev S.S. *Social value of the socialist law as regulator of the social relations // Soviet state and law*. 1968. № 3.

Вологина Татьяна Владимировна

соискатель кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета
(тел.: +79183143892)

Правовое воспитание и роль семьи в процессе социализации и формирования норм поведения

В статье рассматриваются вопросы влияния внутрисемейного воспитания на процесс социализации и формирования норм поведения.

Ключевые слова: семья, социализация, правовое воспитание, семейная социализация молодежи, импринтинг, социальный импринтинг.

T.V. Vologina, Competitor of a Chair of Theory and History of State and Law of the Kuban State University; tel.: +79183143892.

Legal education and the family role in socialization process and formation of ethics

The article examines the impact of education on intra-socialization process and the formation of ethics.

Key words: family, socialization, legal education, family socialization of young people, imprinting, social imprinting.

На развитие личности влияет много факторов и институтов, но в формировании и воспитании личности в правовом, социальном, гражданском аспекте участвует прежде всего семья.

Бесспорно мнение, что нет практически ни одного социального или психологического аспекта поведения подростков или юношей, который не зависел бы от их семейных условий в настоящем или прошлом [1, с. 37].

В литературе многократно указывалось, что именно в семье происходит базисный по своей воспитательной значимости процесс социализации. Первостепенными факторами в формировании личности выступают: морально-нравственная атмосфера внутри семьи, социальные установки, система ценностей семьи, нравственные идеалы, культура семейных традиций. Несомненно, они влияют и на юридически значимое поведение.

Справедливо научное мнение, согласно которому психологическая гармонизация личности и общества, успешная адаптация человека к социальной среде является решающей предпосылкой правовой гармонизации, успешного взаимодействия личности и общества, его структур в правовой плоскости [2, с. 52]. В этом плане роль семьи как социального и духовного института трудно переоценить.

Очень важно, что эволюция семейных отношений сегодня протекает в период борьбы тра-

диционных и современных стереотипов, а также сопровождается позитивными и негативными последствиями, появлением новых социальных проблем. Дестабилизация и деструкция семьи, деформация семейной культуры – вот только малый спектр негативных тенденций в сфере семейных отношений.

Сегодня процессы общей и семейной социализации молодежи протекают в условиях политической, экономической и социокультурной дестабилизации, повышения девиантности социальной среды, дисфункциональности семьи, серьезных гендерных и межпоколенческих конфликтов, что делает семейную социализацию молодежи серьезной социальной проблемой. Разрушительно влияет на многовековую культуру института семьи в современных условиях так называемая свобода сексуальных отношений. В литературе обсуждается, что сегодня в условиях расширения свободы сексуального и демографического поведения, помимо традиционных и нетрадиционных форм организации интимных отношений, получают развитие и альтернативные: гомосексуальные союзы и браки, групповые отношения [3, с. 42]. Таким образом, мы можем наблюдать становление нездоровой модернизации семейной культуры и безусловное ослабление традиционных нормативов института семьи и брака.

Как указывает Т.Г. Поспелов, успешная социализация представляет собой непрерывный

двухсторонний процесс взаимодействия индивида и общества [4, с. 236]. С одной стороны, это освоение молодежью социального опыта, так называемая интериоризация, с другой – внесение молодежью в социальную жизнь новых элементов – экстериоризация. Естественным процессом освоения молодым поколением норм социального поведения является процесс внутрисемейного воспитания.

Семья – первичный источник формирования представлений о том, что такое хорошо и что такое плохо, развития навыков поведения, усваивания критериев оценки поведения, грани справедливости и несправедливости – все это этапы процесса семейного воспитания, т.к. семья – это тот фактор воздействия, эффект которого человек ощущает всю жизнь.

Родители, сами того иногда не подозревая, становятся непосредственными и главными участниками процесса запечатления подрастающим поколением образцов их поведения, как правомерного, так и неправомерного. Интересным, на наш взгляд, представляется исследование основ правового воспитания и закладки основ формирования правового сознания молодого подрастающего поколения в ракурсе концепции социального импринтинга. Социальный импринтинг – это феномен, заключающийся в том, что в строго определенные периоды жизни формируются столь же определенные базовые свойства личности и исходные программы их проявления, формируются на уровне подсознания, а затем, в столь же определенные периоды, на повышенном уровне включается реализация этих программ даже помимо сознания и воли человека [5].

Слово «импринтинг» буквально означает запечатление, впечатывание. До сегодняшнего дня этот термин используется практически исключительно в биологии, хотя объективно необходимо использование его закономерностей и педагогами, поскольку у человека феномен

импринтинга значительно сложнее [6]. Человек как субъект социальной жизнедеятельности находится первоначально в шаге от человека как биологического существа, и поэтому, на наш взгляд, вполне уместным будет употребление термина «импринтинг» не только как категории биологии, но и в социальном ракурсе.

Так, например, Б.Ф. Сергеев пишет: «Запечатление – обязательное условие индивидуального развития всех высших существ... запечатление является механизмом экстренной достройки врожденных программ поведения создания пусковых механизмов, которые будут в дальнейшем включать, приводить в действие эти программы, и, наконец, “заучивания” перечня раздражителей, при столкновении с которыми эти программы будут запускаться» [7, с. 74]. Таким образом, мы можем предположить, что ребенок, автоматически фиксируя в своем подсознании поступки и модели поведения родителей, может в будущем их автоматически воспроизвести. Например, не оставлять мусор в местах отдыха или, наоборот, пнуть пакет с отходами, рассыпав содержимое на площадке для отдыха в лесу.

Важную роль для понимания значимости роли семьи в процессе социализации подрастающего поколения, на наш взгляд, играет обращение государства к проблемам семьи. Прежде всего, это обусловлено тем, что современная семья сегодня сама выступает фактором социальной стабильности государства, сохранения преемственности поколений, национальных традиций, развития личности и общества, формирования гражданских позиций личности.

Существенным выводом в пользу развития семьи как важнейшего элемента социализации и процесса формирования норм поведения в будущем подрастающего поколения является то, что семья, по сути дела, своеобразный инвестиционный проект – проект здорового гражданского общества, в котором именно семья будет играть одну из основных ролей.

1. Кон И.С. Психология ранней юности. М., 1989.

2. Жинкин С.А. Проблемы взаимодействия личности и правовой системы общества в контексте обеспечения эффективности права. Краснодар, 2008.

3. Вишневецкий А.Г. Эволюция семьи и семейная политика. М., 1992.

4. Поспелов Т.Г. Молодежь и проблемы семьи // Молодежь: тенденции социальных изменений: сб. ст. / под ред. В.Т. Лисовского. СПб., 2000.

1. Cohn I.S. Psychology of early adolescence. Moscow, 1989.

2. Zhinkin S.A. Problems of interaction between the individual and the legal system of society in the context of ensuring the effectiveness of law. Krasnodar, 2008.

3. Vishnevsky A.G. Evolution of the family and family policy. Moscow, 1992.

4. Pospelov T.G. Youth and family issues // Youth: trends of social change: coll. of papers / ed. by V.T. Lisowsky. St. Petersburg, 2000.

5. URL: <http://www.studfiles.ru/dir/cat26/subj87/file420.html>

6. URL: <http://www.consulty.ru/>

7. Сергеев Б.Ф. *Стать гением. Л.*, 1991.

5. URL: <http://www.studfiles.ru/dir/cat26/subj87/file420.html>

6. URL: <http://www.consulty.ru/>

7. Sergeev B.F. *Become a genius. Leningrad*, 1991.

Дембицкий Алексей Алексеевич
соискатель кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России
(тел.: +74997896785)

Компенсация как способ связи между правовыми и неправовыми функциями государства

В статье исследуются особенности компенсационной связи между правовыми (непосредственно связанными с организацией правовой жизни общества) и неправовыми (связанными с правом лишь как с возможным инструментом их реализации) функциями государства; определяются условия, при которых возникает компенсационная связь между правовыми и неправовыми функциями.

Ключевые слова: функция государства, правовые функции государства, неправовые функции государства, функциональная характеристика государства, эффективность функций государства.

A.A. Dembitsky, Competitor of a Chair of Theory of State and Law of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +74997896785.

Compensation as a way to link between legal and extralegal functions of the state

This article explores the features of compensatory link between legal (directly connected with the legal life of the society) and extralegal (related to the right as possible instrument for their implementation) functions of the state; determines the conditions under which compensatory relationship between the legal and extralegal functions occurs.

Key words: function of the state, legal functions of the state, extralegal functions of the state, functional characterization of the state, effectiveness of functions of the state.

Большинство задач, стоящих перед государством, допускает разные способы их решения, а значит, и решение посредством осуществления разных функций. В силу этого возможной оказывается компенсация неэффективности одной из функций, обеспечивающих решение той или иной задачи, за счет эффективной реализации другой функции, способной обеспечить решение той же самой задачи.

Компенсационная связь обеспечивает полное или частичное устранение негативных последствий неэффективности одной из функций за счет эффективной реализации другой функции, способной обеспечить решение той же самой задачи. Примером такой связи является связь между идеологической функцией государства с одной стороны и правозащитной функцией – с другой в их направленности на решение задачи консолидации общества. Обеспечение консолидации общества достигается, прежде всего, реализацией государством идеологической функции [1, с. 14–15; 2, с. 63], которая по своей природе не является правовой. В современном Российском государстве, равно как и в других государствах на постсоветском пространстве,

решение обозначенной задачи непосредственно за счет реализации государством идеологической функции оказывается затрудненным в силу того, что сам факт существования официальной идеологии в контексте существующего исторического опыта воспринимается в качестве препятствия для формирования демократического и правового государства [3, с. 19–20]. В силу специфического отношения к официальной идеологии эффективность осуществления реализации государством идеологической функции объективно снижается. Не способствует эффективному осуществлению рассматриваемой функции государства и закрепление в Конституции РФ (ч. 2 ст. 13) прямого запрета на установление какой бы то ни было идеологии в качестве государственной или обязательной.

В описанных условиях, когда наблюдаются «дезинтеграционные процессы... вызванные распадом единой идеологии» [4, с. 146], компенсировать, по крайней мере, в определенной степени, недостаточно эффективную реализацию государством идеологической функции позволяет активное задействование средств права в решении задачи консолидации общества. В качестве компенсирующей в рассмат-

риваемой ситуации, в частности, выступает правозащитная функция: уже сама идея обеспечения и защиты прав человека приобретает значение консолидирующего принципа, на это обстоятельство обращают внимание многие современные исследователи [5, с. 471; 6, с. 119–120; 7, с. 25–26].

Рассматривая компенсацию как особый способ связи между функциями государства, следует подчеркнуть, что она может осуществляться по одному из двух принципов. Во-первых, возможной является компенсация неэффективного осуществления какой-либо из функций государства по принципу дублирования. Дублирование имеет место там, где стоящая перед государством задача решается посредством сразу нескольких функций, эффективная реализация каждой из которых в отдельности способна обеспечить наступление желаемого результата, а в условиях неэффективности одной из функций решение задачи обеспечивается за счет успешного осуществления другой функции. Компенсация по принципу дублирования предполагает реальное осуществление связанных между собой функций – одновременное либо последовательное. Во-вторых, следует указать на возможность компенсации по принципу резервирования. В данной ситуации компенсирующая функция изначально включена в систему функций государства, однако она не реализуется до тех пор, пока эффективно осуществляется компенсируемая функция. Компенсационная связь по принципу резервирования возникает там, где резервирующая функция является менее эффективной в решении стоящей перед государством задачи. Соответственно, компенсация неэффективности основной функции в данном случае может быть лишь частичной.

Дублирование является принципом, по которому возможна компенсационная связь исключительно либо между правовыми, либо между неправовыми функциями государства. Здесь и далее под правовыми функциями мы понимаем те выполняемые государством роли, которые непосредственно связаны с организацией правовой жизни общества, с воздействием государства на систему права и правовую систему в целом (т.е. функции правоустановления, правообеспечения, правосудия, правоохраны и т.д.). В качестве неправовых мы рассматриваем функции, связанные с правом лишь как с возможным инструментом их реализации (экономическую, социальную, экологическую, идеологическую, финансовую и др.) Что касается компенсации непосредственно как способа связи между правовыми и неправовыми

функциями государства, то она осуществляется исключительно по принципу резервирования. Например, в решении задачи борьбы с тем или иным видом не одобряемого обществом поведения неэффективность идеологической функции государства может быть компенсирована – но только в определенной степени – эффективным осуществлением правоохранительной функции государства. При этом в условиях, когда идеологическая функция реализуется успешно, обнаруживается лишь возможность осуществления государством правоохранительной функции для обеспечения более эффективного решения существующей задачи.

Позитивная роль дублирования для решения стоящих перед государством задач предопределяет попытки дублирования неправовых функций государства правовыми. Например, именно с попытками дублирования экономической функции функциями правовоспроизводства и правообеспечения связано активное развитие законодательства, нацеленного на стимулирование развития отдельных отраслей экономики. На то, что в рассматриваемой ситуации возможной оказывается лишь частичная компенсация по принципу резервирования, указывает тот факт, что интенсивное развитие законодательства в действительности не позволяет преодолеть недостатков осуществления государством экономической функции.

Далее следует отметить, что компенсационная связь между правовыми и неправовыми функциями государства по принципу резервирования не является универсальной. Существует множество примеров попыток неудачной компенсации по принципу резервирования неэффективной реализации отдельных функций государства за счет других функций. В частности, исторический опыт свидетельствует о том, что невозможно компенсировать правоустановлением, правовоспроизводством, правообеспечением или правосудием неэффективность организационно-политической и производных от нее неправовых функций в обеспечении социальной стабильности. Современная правовая практика свидетельствует о неэффективности попыток компенсировать правовоспроизводством и правообеспечением неэффективность идеологической функции в решении задачи содействия формированию гражданского общества.

То обстоятельство, что далеко не всегда компенсация, даже если она осуществляется по принципу резервирования, может быть эффективной, очевидно, связано с объективной невозможностью для права быть универсальным

инструментом решения любых стоящих перед государством задач.

Тот факт, что далеко не всякую неэффективность функции государства можно компенсировать, предопределяет постановку вопроса о том, при каких условиях такая компенсация может быть эффективной.

Во-первых, наиболее очевидным условием является то, что компенсация может быть достигнута только тогда, когда задача в принципе решается, неэффективность компенсируемой функции, которая с ней связана, обуславливается внешними обстоятельствами, специфическими условиями функционирования государства. Компенсация не может быть достигнута, если неэффективность компенсируемой функции связана с тем, что посредством ее осуществления в принципе невозможно обеспечить решение конкретной задачи. Например, проблемы в реализации современным Российским государством неправовых функций, нацеленных на решение задачи содействия формированию институтов и механизмов гражданского общества [8, с. 95–115; 9, с. 3–6; 10, с. 59–61], не могут быть устранены посредством осуществления государством правовых функций (в том числе созданием системы нормативных актов, составляющих юридическую основу функционирования институтов гражданского общества и стимулирующих их развитие). Это обуславливается тем, что формирование гражданского общества объективно может протекать исключительно как процесс, стимулируемый гражданской инициативой, а не властными усилиями.

Во-вторых, компенсация возможна не за счет какой-либо произвольной функции, а только теми функциями, которые объективно в заданных условиях могут эффективно осуществляться и при этом одновременно способны обеспечить решение конкретной стоящей перед государством задачи. Так, например, не может быть компенсирована неэффективность правовых функций в реализации государством социалистического типа задачи обеспечения формального равенства людей в силу того, что в государстве такого типа посредством права в принципе не может быть обеспечена «стандартизация» людей. Как справедливо отмечает Т. Иглтон, индивиды не равны, они могут быть представлены как равные только в одном из своих аспектов, если их рассматривать «под одним углом зрения», что свойственно как раз современному буржуазному, а не социалистическому обществу (по мнению неомарксиста Т. Иглтона, современное общество является буржуазным). Соответственно, «как раз капитализм, а вовсе

не социализм стремится стандартизировать людей» [11, с. 143].

В-третьих, компенсировать можно только неэффективность неправовых функций правовыми, но не наоборот. Если та или иная задача может быть решена только посредством осуществления государством правовых функций, их неэффективность осуществлением каких бы то ни было неправовых функций обеспечить нельзя. Например, недостаточность легитимности юридического права, возникающая в силу неэффективности реализации государством правоустанавливающей и правообеспечивающей функций, не может быть компенсирована осуществлением какой бы то ни было неправовой функции – ни организационно-политической, ни производной от нее. Неэффективность системы правосудия не может быть компенсирована за счет каких-либо организационно-политических мероприятий, вне зависимости от того, на оптимизацию какой сферы они нацелены.

В-четвертых, сама возможность возникновения компенсационной связи во многом определяется характером конкретных исторических и культурных условий функционирования государства. В частности, исторический опыт свидетельствует о том, что в условиях революционной ситуации невозможно компенсировать правоспроизводством и правообеспечением неэффективность организационно-политической и производных от нее неправовых функций в разрешении конфликтов, в то время как в периоды стабильного развития общества такая компенсация является возможной.

Говоря об условиях, при которых компенсационная связь между правовыми и неправовыми функциями может возникнуть, еще раз следует подчеркнуть, что компенсация неэффективности неправовых функций правовыми (в отличие от компенсации неэффективности неправовых функций неправовыми или правовых функций правовыми) может быть лишь частичной. Поэтому неполнота компенсации не может рассматриваться в качестве обстоятельства, указывающего на отсутствие компенсационной связи.

В заключение отметим, что существование компенсационной связи между правовыми и неправовыми функциями государства не следует рассматривать просто как факт, способствующий повышению эффективности деятельности государства. Наряду с дополнением и взаимным дополнением, компенсацию следует отнести к числу позитивных связей, придающих функционированию государства как сложной системе характеристики, без которых она объективно

не может быть эффективной. К числу таких характеристик, прежде всего, следует отнести надежность функционирования государства, а значит, высокую потенциальную вероятность эффективного решения стоящих перед государством задач. В условиях, когда позитивные связи между правовыми и неправовыми функциями государства отсутствуют, способность государства сохранять на протяжении длительного времени в различных

условиях способность эффективно решать стоящие перед ним задачи оказывается крайне низкой. Кроме того, существование позитивных по своему значению связей между правовыми и неправовыми функциями государства обеспечивает реактивность системы функций государства – способность данной системы изменяться в зависимости от изменений внешней среды, а также внутренних условий ее развития.

1. Буховец А.Н. *Идеологическая функция государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.*

2. Беседин А.А., Клименко А.И. *Функциональные характеристики правовой идеологии как элемента правовой системы современного общества. М., 2014.*

3. Скоробогатский В.В. *О роли конституции в современном политическом процессе // Чиновник. 2003. № 6.*

4. Кривоусков В.В. *Теоретические проблемы социологического исследования консолидации российского общества // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 5.*

5. Евдокимов И. *Идея прав человека – важнейшая составляющая идеологии консолидации // Безопасность Евразии. 2004. № 2.*

6. Дергачев И.В. *Философские аспекты проблемы прав и свобод человека: дис. ... канд. филос. наук. Смоленск, 2004.*

7. Блинова И.А. *Институт защиты прав человека (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007.*

8. Струс К.А. *Государство и гражданское общество (проблемы правового взаимодействия в России): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.*

9. Науменко Е.С. *Организационно-правовые способы взаимодействия органов исполнительной власти и институтов гражданского общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010.*

10. Дубровченко Ю.П. *Проблемы и перспективы формирования гражданского общества в России // Изв. Волгоград. гос. тех. ун-та. 2005. № 6.*

11. Иглтон Т. *Почему Маркс был прав. М., 2012.*

1. Buhovets A.N. *The ideological function of the state: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2002.*

2. Besedin A.A., Klimenko A.I. *Functional characteristics of legal ideology as an element of the legal system of modern society. Moscow, 2014.*

3. Skorobogatsky V.V. *On the role of the constitution in the modern political process // Official. 2003. № 6.*

4. Krivopuskov V.V. *Theoretical problems of sociological research of consolidation of Russian society // Historical and socio-educational thought. 2012. № 5.*

5. Evdokimov I. *The idea of human rights – the most important component of the ideology of consolidation // Security of Eurasia. 2004. № 2.*

6. Dergachev I.V. *Philosophical aspects of human rights and freedoms: diss. ... Master of Philosophy. Smolensk, 2004.*

7. Blinova I.A. *Institute of human rights protection (theory and practice questions): auth. abstr. ... Master of Law. Volgograd, 2007.*

8. Strus K.A. *State and civil society (problems of legal interaction in Russia): diss. ... Master of Law. Saratov, 2003.*

9. Naumenko E.S. *Organizational and legal ways of interaction bodies of executive power and institutes of civil society: auth. abstr. ... Master of Law. Saratov, 2010.*

10. Dubrovchenko Yu.P. *Problems and prospects of formation of civil society in Russia // News of the Volgograd state technical university. 2005. № 6.*

11. Iglton T. *Why Marks was right. Moscow, 2012.*

Пунченко Станислав Игоревич

соискатель кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета
(тел.: +79282832709)

Трансформации современного общества и обеспечение социальной эффективности права

Статья посвящена вопросам влияния современных общественных изменений на социальную эффективность права. Социальные ценности и институты кардинально меняются, и это должно находить свое выражение в нормах права.

Ключевые слова: трансформация, глобализация, обеспечение, социальная эффективность права.

S.I. Puchenko, Competitor of a Chair of Theory and History of State and Law of the Kuban State University; tel.: +79282832709.

Transformations of modern society and support of social efficacy of law

This article is devoted to issues of influence of modern society changes on social efficacy of law. Social values and institutes change cardinally and it must be expressed in law norms.

Key words: transformation, globalization, support, social efficacy of law.

Понятие социальной эффективности права в современном мире приобретает новое звучание, новые аспекты. Кардинальное изменение общественной жизни конца XX – начала XXI в. не могло не оказать влияние на взаимодействие личности и общества, личности и государства, на отношения между социальными группами и социальную структуру. С точки зрения общественного бытия человечества XX в. обнаружил целый ряд глубочайших противоречий и парадоксов. Основной осью этих противоречий явилось отношение «человек – общество». Именно здесь, в этом пространстве в XX в. резко возросло число своеобразных «оборачиваний» общества, его институтов против человека [1, с. 9]. Все это, естественно, не могло не сказаться на социальной эффективности права в целом как регулятора общественной жизни и действенности его норм и институтов.

Современное общественное устройство характеризуется невиданным усложнением социальной организации, интенсификацией культурных связей и обменов, ростом культурного многообразия, отходом от господствующей в эпоху массового индустриального общества унификации и стандартизации и формированием человека, обладающего критическим сознанием и стремлением реализовать свой творческий потенциал [2, с. 95]. В то же время в современном

обществе человек растворяется в той или иной социальной общности и зачастую оказывается простым инструментом утверждения тех или иных социальных притязаний и разрешения социальных конфликтов.

В литературе с сожалением отмечается, что в современном мире в действии права стал четко проявляться его формальный механический характер воздействия на общество, его социальные отношения и структуры. Право начинает сводиться к так называемому формально-регулятивному механизму, машине, «штампующей» единообразные формы из весьма разнообразного материала человеческого поведения. Право вырождается в «законничество», превращается в некий технико-юридический агрегат, агрегат преимущественно оформительского порядка, призванный в основном адекватно с формальной стороны закрепить решения деловых проблем [3, с. 12, 19]. В этих условиях под сомнение ставится сама «социальность» эффективности права, подлинность его воздействия на общественное сознание и общественную жизнь. Такое воздействие носит не социальный, а формальный характер, характер политический, государственный, но зачастую оторванный от социальных традиций и национального менталитета, от социальной комфортности существования индивида, от его созидательности, творчества, самореализации.

В нынешних условиях существенной трансформации подверглись и социальная структура, и социальные отношения. По мнению Д.А. Силичева, складывающаяся социальная реальность является в высшей степени противоречивой. С одной стороны, имеет место рост экономической эффективности и расширение слоя самых высокооплачиваемых и привилегированных, с другой стороны, наблюдается экономическая стагнация для непривилегированного большинства и ухудшение социально-экономического положения наименее защищенных [4, с. 4].

Серьезной психологической проблемой современного общественного сознания, влияющей на эффективность социальных регуляторов, можно считать так называемое отчуждение. Э. Фромм по этому поводу писал: «Нигде так полно не проявился этот дух отчуждения, как в отношении человека к самому себе. Человеком продается не только товар, не только продукты его труда, но и он сам, при этом человек ощущает себя товаром. Рабочий продает свою физическую силу; предприниматель, врач, работник умственного труда продают свою "личность". Эта "личность" должна обладать всеми качествами товара; если ее хотят продать, она должна быть достаточно привлекательна, а, кроме того, ее обладатель должен соответствовать целому ряду других немаловажных требований; например, он должен быть энергичен, инициативен и т.д. и т.п. – в соответствии с ситуацией на рынке. И – как со всяким другим товаром – рынок определяет цену и стоимость тех или других личностных качеств человека, и даже определяет само их существование. Если качества, которые может предложить человек, не пользуются спросом, то у него нет вообще никаких качеств; точно так же товар, который нельзя продать, ничего не стоит, хотя и обладает потребительской стоимостью. Таким образом, уверенность в себе, "чувство собственного достоинства" превращаются лишь в отражение того, что думают о человеке другие» [5, с. 152–153].

Ряд авторов подчеркивает и тотальное омасовление общества в XX в. Так, В.С. Барулин указывает, что рост элементов общественного производства, разрушение старых локально-патриархальных границ, универсально развиваемая социальная мобильность, всепроникающее и всех уравнивающее воздействие средств коммуникации, культуры – все это вместе взятое привело к развитию нового социального явления – массы, возрастанию ее воздействия на все процессы жизни общества и человека. При этом развившиеся контакты человека с социальной массой сказались на нем противоречивым образом. С одной стороны, эти связи

в определенной мере освободили человека от локально-патриархальной замкнутости, расширили горизонты его бытия. Безусловно, чувство сопряженности человека с интересами, ценностями массы людей придало ему чувство социальной устойчивости, защищенности. Но, с другой стороны, разрыв старых социально-патриархальных связей в условиях, когда масса приобрела предельно широкий, аморфный характер, когда общие интересы этой массы весьма неопределенны и неустойчивы, привел к тому, что конкретный живой единоличный человек ощущает себя предоставленным самому себе, никому не нужным, потерянным [1, с. 11]. Все это не может не накладывать отпечаток на работу по измерению и повышению социальной эффективности права.

Многие авторы обозначают современное социокультурное состояние как «культурную коррозию», т.е. утрату системного характера «ценностных ориентаций, социальной адекватности и культурной компетентности» [6, с. 444], что приводит к изменению природы массовой культуры, функционирующей как адаптационная система, как механизм социализации, в том числе социализации правовой. В современном, динамически развивающемся обществе с существенным уровнем социальной стратификации и утраченными или ставшими неэффективными традиционными способами самоидентификации массовая культура становится механизмом социализации и начинает выполнять ценностно-ориентационные функции, реализуемые, в частности, через социально маркированное потребление [2, с. 135].

При исследовании социальной эффективности права в современных условиях следует иметь в виду существенную трансформацию системы источников права. В литературе отмечается, что в современном информационном обществе, хотя закон и иные нормативные акты и играют по-прежнему первостепенную роль в социальном регулировании общественных отношений, механизм их функционирования претерпевает серьезные изменения.

Поэтому учение о правовой методологии должно освободиться от ориентации на наличный законодательный корпус и сфокусироваться на правовых коммуникациях как принципиально новом источнике права. «Плоское, одномерное, упрощенное "техническое" право, пригодное для решения узкопрагматических задач, должно уступить место живому человеческому праву для свободного и справедливого общения людей» [7, с. 202].

Исследование процессов построения человеком своей социальной и личностной

идентичности, формирования персональной системы ценностей, когнитивных механизмов, обеспечивающих индивидуальные стратегии поведения в изменяющихся социальных обстоятельствах, т.е. того, что в целом можно определить как активность личности в ходе социализации, составляет сегодня значительную часть социально-психологического знания [8, с. 43]. В то же время необходимо не только научное исследование соответствующих вопросов, но и преломление их в практической плоскости, в государственной политике. Естественно, все это должно учитываться в исследованиях социальной эффективности, социальной ценности, социального назначения права в современных условиях.

По словам В.Э. Бойкова, существенная характеристика ценностной структуры массового сознания современного российского общества состоит в том, что в нем приобрели доминирующее значение ценности потребительского общества и прагматические установки жизнеобеспечения. Эта тенденция выразилась в приоритете терминальных ценностей (личная безопасность, здоровье, семья и дети, комфортная жизнь и др.) над инструментальными (профессионализм, образованность, нравственность, межэтническая толерантность и др.) [9, с. 28].

Все это ставит перед правом как социальным регулятором новые задачи в области социального воспитания, социальной пропаганды, формирования культуры потребностей и культуры защиты субъективных прав.

Таким образом, кардинальные трансформации общественной жизни, процессы глобализации и модернизации, кризис ряда социальных институтов ставят на повестку дня вопрос о новом осмыслении значения и содержания социальной эффективности права. Новые задачи, встающие перед российским обществом и государством, многообразие социальных идеологий, в том числе иностранного происхождения, конкуренция предлагаемых социальных ценностей придают данной проблеме особую остроту.

Нет сомнений в том, что государство должно взять на себя решение задачи формирования психологического «климата» в обществе, должно вести постоянную работу по внедрению в общественную «ткань» «культуры притязаний» в содержательном и процедурном смысле этого слова. Наличие у людей завышенных ожиданий к государству и праву, возведение в абсолют собственных притязаний негативно влияют на состояние и динамику социальной эффективности права, его отраслей и институтов.

1. Барулин В.С. *Российский человек в XX веке. Потери и обретение себя*. М., 2000.

2. Костина А.В. *Массовая культура как феномен постиндустриального общества*. М., 2008.

3. Гриценко Г.Д. *Право как социокультурное явление: состояние проблемы и перспективы разрешения*. Ставрополь, 2002.

4. Силичев Д.А. *Социальные последствия перехода от индустриализма и модерна к постиндустриализму и постмодерну // Вопросы философии*. 2005. № 5.

5. Фромм Э. *Бегство от свободы*. Минск, 2004.

6. Флиер А.Я. *Социокультурный прогноз на XXI век // Флиер А.Я. Культурология для культурологов*. М., 2000.

7. Гриценко Г.Д. *Правопонимание: антропологические и социокультурные аспекты*. Ставрополь, 2002.

8. Белинская Е.П. *Исследование личности: традиции и перспективы // Социальная психология в современном мире*. М., 2002.

9. Бойков В.Э. *Социально-политические ценностные ориентации россиян: содержание и возможности реализации // Социологические исследования*. 2010. № 6.

1. Barulin V.S. *Russian people in the XX century. Loss and finding oneself*. Moscow, 2000.

2. Kostina A.V. *Popular culture as a phenomenon of post-industrial society*. Moscow, 2008.

3. Gritsenko G.D. *Law as a sociocultural phenomenon: status and prospects for resolving the problem*. Stavropol, 2002.

4. Silichev D.A. *Social consequences of the transition from industrialism and modern to post-industrialism and postmodern // Problems of philosophy*. 2005. № 5.

5. Fromm E. *Escape from freedom*. Minsk, 2004.

6. Flier A.Ya. *Sociocultural forecast for the XXI century // Flier A.Ya. Culturology for cultural studies*. M., 2000.

7. Gritsenko G.D. *Law undestanding: anthropological and socio-cultural aspects*. Stavropol, 2002.

8. Belinskaya E.P. *Study of personality: traditions and perspectives // Social psychology in the modern world*. Moscow, 2002.

9. Boikov V.E. *Socio-political value orientations of Russians: the content and feasibility // Case studies*. 2010. № 6.

Дотдаева Ольга Николаевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и международного права
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: +78652356834)

Принципы организации и деятельности органов государственной власти Ставропольского края

Статья посвящена основополагающим принципам системы высших органов государственной власти Ставропольского края как субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: правовые принципы, органы государственной власти, Ставропольский край, субъект Российской Федерации.

O.N. Dotdaeva, Master of Law, Assistant Professor of a Chair of Constitutional and International Law of the North Caucasian Federal University; tel.: +78652356834.

Principles of organization and activity of state power bodies of Stavropol region

This article is devoted to basic principles of state power's system of highest bodies in Stavropol region as a subject of Russian Federation.

Key words: law principles, state power's bodies, Stavropol region, subject of the Russian Federation.

Конституционно-правовой статус Ставропольского края как субъекта Российской Федерации в числе иных элементов включает и принципы. Рассмотрим более подробно понятие принципа права.

По мнению Н.И. Матузова и А.В. Малько, принципы права – это основные, исходные начала, положения, идеи, выражающие сущность права как специфического социального регулятора. Они воплощают закономерности права, его природу и социальное назначение, представляют собой наиболее общие правила поведения, которые либо прямо сформулированы в законе, либо выводятся из его смысла [1].

А.В. Мелехин полагает, что общие принципы права наиболее полно отражаются в нормах международного права. Они представляют собой отправные исходные начала мировой правовой системы. Их признание является одним из обязательных условий интеграции национальных правовых систем в мировое сообщество с целью международного сотрудничества государства в различных сферах общественной жизни. Подобное условие необходимо соблюдать и при вступлении государства в различные международные организации [2].

С точки зрения А.С. Пиголкина, принципы права – это основные идеи, руководящие положения, которые определяют содержание и направления правового регулирования. Они кладутся в основу создания и реализации дей-

ствующего права, ориентированы на дальнейшую демократизацию всех сфер общественной жизни, формирование правового государства. Обычно различаются отраслевые принципы, характерные для одной отрасли права (так, трудовое право обеспечивает принцип материальной заинтересованности работников в результатах своего труда, гражданское – принцип полного возмещения имущественного вреда), межотраслевые, проявляющиеся в двух или более отраслях (например, принцип состязательности в уголовном, гражданском и арбитражном процессах), и общеправовые принципы [3]. Согласно мнению М.Н. Марченко принципы права представляют собой основные идеи, исходные положения или ведущие начала процесса формирования, развития и функционирования права [4].

Отражаясь прежде всего в нормах права, принципы права пронизывают и пропитывают собой всю правовую жизнь общества, всю правовую материю. Они характеризуют не только сущность, но и содержание права, отражают не только его внутреннее строение, статику, но и весь процесс его применения, его динамику. Принципы права оказывают огромное влияние на весь процесс подготовки нормативных актов, их издания, установления гарантий соблюдения правовых требований и их обеспечения.

Таким образом, вопрос о принципах организации и деятельности органов государственной

власти важен и с теоретической, и с практической точки зрения.

В соответствии с Конституцией РФ и Федеральным законом от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (в редакции Федерального закона от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ) «Об общих принципах организации и деятельности законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» деятельность органов государственной власти субъекта Российской Федерации осуществляется в соответствии со следующими принципами:

а) государственная и территориальная целостность Российской Федерации;

б) распространение суверенитета Российской Федерации на всю ее территорию;

в) верховенство Конституции РФ и федеральных законов на всей территории Российской Федерации;

г) единство системы государственной власти;

д) разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную в целях обеспечения сбалансированности полномочий и исключения сосредоточения всех полномочий или большей их части в ведении одного органа государственной власти либо должностного лица;

е) разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации;

ж) самостоятельное осуществление органами государственной власти субъектов Российской Федерации принадлежащих им полномочий;

з) самостоятельное осуществление своих полномочий органами местного самоуправления.

Как видно из вышеприведенной формулировки, эти принципы относятся к принципам осуществления деятельности органов государственной власти субъектов, т.е. к принципам, которые можно назвать динамическими. Однако подход законодателя представляется небесспорным, т.к. описанные принципы применимы не только к осуществлению деятельности, но и к организации государственной власти в субъектах Российской Федерации.

Также п. 2 ст. 1 Федерального закона «Об общих принципах организации и деятельности законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» добавляет к этому перечню следующий принцип: «Органы государственной власти субъекта Российской Федерации обеспечивают реализацию прав

граждан на участие в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, в том числе путем законодательного закрепления гарантий своевременного назначения выборов в органы государственной власти субъекта Российской Федерации и органы местного самоуправления и гарантий периодического проведения указанных выборов».

Возникает вопрос: почему данный принцип закрепляется в отдельном пункте статьи, а не в общем перечне п. 1 ст. 1? Представляется, что в данном случае законодатель руководствовался тем, что принципы, перечисленные в п. 1, сформулированы на основе норм гл. 1 Конституции РФ «Основы конституционного строя», а вот принцип, закрепленный в п. 2, основан на положениях как гл. 1, так и гл. 2 Конституции РФ «Права и свободы человека и гражданина». Остальная часть ст. 1 указанного федерального закона посвящена конкретизации некоторых из перечисленных в п. 1 принципов.

Устав Ставропольского края не содержит отдельной статьи, посвященной принципам организации и деятельности органов государственной власти Ставропольского края, однако с этой точки зрения значительный интерес представляет его преамбула. В частности, в ней закрепляются следующие принципы:

признание приоритета общепризнанных прав и свобод человека и гражданина;

утверждение принципов правового государства и гражданского общества;

необходимость закрепления государственно-правового статуса края как субъекта Российской Федерации и создания правовой основы его всестороннего развития;

стремление закрепить гражданский мир, социальное и межнациональное согласие в крае;

учет уникальных природных богатств края, созданного многими поколениями экономического, научно-технического и культурного потенциала, важности рационального, бережного использования этого народного достояния;

историческая ответственность перед нынешним и будущими поколениями;

уважение к историческим традициям, памяти предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость;

население Ставропольского края в лице его законодательного представительного органа – Думы Ставропольского края закрепляет общественное и государственное устройство Ставропольского края в Уставе в соответствии с Конституцией РФ.

Видно, что имеется определенное заимствование из положений Конституции РФ, однако

есть и определенная конкретизация с учетом специфики правового и фактического положения Ставропольского края как субъекта Федерации.

Вообще отсутствие в основном тексте выше-го по юридической силе в Ставропольском крае нормативно-правового акта принципов организации и деятельности его государственных органов не совсем понятно. Зато такие принципы закрепляются в Законе Ставропольского края «О системе органов государственной власти Ставропольского края» (ст. 2). Система органов государственной власти Ставропольского края организуется на основе следующих принципов:

- государственной и территориальной целостности Российской Федерации;
- распространения суверенитета Российской Федерации на всю ее территорию;
- верховенства Конституции РФ и федеральных законов на всей территории Российской Федерации;
- единства системы государственной власти;
- разделения государственной власти Ставропольского края на законодательную, исполнительную и судебную;
- разделения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Рос-

сийской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации;

самостоятельного осуществления органами государственной власти Ставропольского края принадлежащих им полномочий;

самостоятельного осуществления своих полномочий органами местного самоуправления.

Как вполне заметно, этот перечень попросту дублирует соответствующий перечень принципов, закрепленный в Федеральном законе «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», не упоминая почему-то принцип обеспечения прав граждан на участие в управлении государством.

Следует признать избыточным само существование подобного краевого закона – при наличии Устава и законов о статусе отдельных государственных органов Ставропольского края. Принципы организации и деятельности (конкретизирующие и дополняющие соответствующие нормы федерального законодательства) должны содержаться не в отдельном краевом законе, а в Уставе Ставропольского края, и не в преамбуле, а в специальной статье основного текста.

1. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2004. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Мелехин А.В. Теория государства и права. М., 2007. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Теория государства и права / под ред. А.С. Пиголкина. М., 2003. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Теория государства и права / под ред. М.Н. Марченко. М., 2004. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of state and law. Moscow, 2004. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».

2. Melehin A.V. Theory of state and law. Moscow, 2007. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».

3. Theory of state and law / ed. by A.S. Pigolkin. Moscow, 2003. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».

4. Theory of state and law / ed. by M.N. Marchenko. Moscow, 2004. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».

Петров Игорь Валентинович
 доктор экономических наук, профессор,
 профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса
 Краснодарского университета МВД России
 (тел.: +79184383170)

К вопросу о регулировании залоговых правоотношений в свете концептуальных изменений норм гражданского законодательства

Статья посвящена новеллам гражданского законодательства, регулирующих общие положения о залоге. В ней рассмотрены изменения, связанные с предметом залога, условиями договора о залоге, обращением взыскания на имущество должника.

Ключевые слова: залоговые правоотношения, залог, залогодатель, залогодержатель, предмет залога, договор, обязательство.

I.V. Petrov, Doctor of Economics, Professor, Professor of a Chair of Civil Law and Civil Process of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79184383170.

On the problem of regulation of collateral relationship in the light of conceptual changes the rules of civil legislation

This paper is devoted to the novels of the civil law governing general provisions on the pledge. It examines the changes associated with the collateral, the terms of the pledge agreement, foreclosure of the debtor's property.

Key words: collateral relationship, pledge, mortgagor, mortgagee, pledge subject, agreement, commitment.

Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» [1] внесены изменения в регламентацию залоговых правоотношений. Данный нормативный правовой акт, за исключением отдельных положений, вступил в силу с 1 июля 2014 г. В результате Закон РФ от 29 мая 1992 г. № 2872-1 «О залоге» утратил силу, а к договорам ипотеки, заключаемым после этой даты, не подлежат применению правила о государственной регистрации, которые ранее были предусмотрены Федеральным законом от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ (в редакции от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ) «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [2] и Федеральным законом от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ (в редакции от 21 декабря 2013 г. № 363-ФЗ) «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (далее – Закон об ипотеке) [3].

Обратимся к наиболее значимым новеллам гражданского законодательства, регулирующих общие положения о залоге.

Понятие залога как способа обеспечения исполнения обязательства осталось неизменным. По новым правилам расширен перечень доходов, за счет которых залогодержатель может получить удовлетворение. Помимо предмета залога и страхового возмещения за утрату или повреждение заложенного имущества, залогодержатель вправе удовлетворить требования за счет:

причитающегося залогодателю возмещения при изъятии у него предмета залога для государственных и (или) муниципальных нужд, ревизии, национализации или в иных случаях, предусмотренных законом;

доходов от использования предмета залога третьими лицами (например, арендная плата);

имущества, причитающегося залогодателю при исполнении третьим лицом обязательства, право требовать исполнения которого является предметом залога (п. 2 ст. 334 ГК РФ).

Нормы ст. 334 ГК РФ в новой редакции предусматривают право залогодержателя на

удовлетворение своих требований по основному обязательству, обеспеченному залогом, в непогашенной части за счет иного имущества должника (п. 2). Вместе с тем, наблюдается некоторая несогласованность этих положений и тех, которые закреплены в п. 1 ст. 334 ГК РФ, где сказано, что кредитор в силу залога может удовлетворить свои требования по обязательству, обеспеченному залогом из стоимости заложенного имущества. Полагаем, что п. 1 ст. 334 ГК РФ целесообразно было изложить в следующей редакции: «В силу залога кредитор по обеспеченному залогом обязательству (залогодержатель) имеет право в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества (предмета залога), а в случаях, предусмотренных законом, за счет иного имущества должника, преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит заложенное имущество (залогодателя)».

В юридической литературе высказана и другая точка зрения на этот счет. По мнению М.А. Ковалевой, право удовлетворения требований залогодержателя за счет иного имущества должника противоречит существу залога, закреплять его в рамках залога некорректно. Рассматриваемую норму следует сделать отсылочной, указав, что при недостаточности суммы от реализации заложенного имущества для удовлетворения требований по основному обязательству применяются общие положения исполнения требований кредиторов [4].

Залогодержатель может обратиться с таким требованием непосредственно к обязанному лицу, если иное не предусмотрено законом или договором. К сожалению, законодателем не регламентирован порядок обращения взыскания на вышеперечисленные доходы.

Основания возникновения залога, которые ранее были закреплены в п. 3 ст. 334 ГК РФ, в настоящее время выделены в самостоятельную ст. 334.1 ГК РФ. Предыдущее содержание дополнилось правилом: если залог возникает на основании закона, то залогодержатель и залогодатель могут заключить соглашение, к которому будут применять правила ГК РФ о форме договора залога.

Как и в ранее действующей редакции, залогодателем может быть как сам должник, так и третье лицо. Новеллы предусматривают, что если залогодателем является третье лицо, то к отношениям сторон применяются правила, регулирующие поручительство (ст. 364–367 ГК РФ), если иное не предусмотрено законом или

договором. Можно сказать, что третьему лицу отводится роль поручителя.

Помимо собственника, залогодателем вещи может являться лицо, владеющее ею на ином вещном праве (праве пожизненного наследуемого владения земельным участком, праве хозяйственного ведения и т.д.). При этом если предметом залога является вещь, на отчуждение которой требуется согласие или разрешение другого лица (например, собственника), то такое согласие (разрешение) необходимо получить (п. 3 ст. 335 ГК РФ).

В ст. 335 ГК РФ вводится новое понятие «добросовестный залогодержатель», т.е. лицо, получившее вещь в залог от залогодателя, который не был уполномочен распоряжаться этим имуществом, о чем залогодержатель не знал и не должен был знать. В этом случае залогодержатель сохраняет свои права требования, а обязанности возникают у собственника вещи. Исключения составляют случаи, когда вещь выбыла из владения собственника помимо его воли (утрата, хищение). Данные правила обусловлены сложившейся судебной практикой [5].

Нововведения связаны с залогом в пользу нескольких лиц (ст. 335.1 ГК РФ). Такие лица могут иметь равные права залогодержателей (созалогодержатели) в обеспечение исполнения разных обязательств, по которым созалогодержатели являются самостоятельными кредиторами. Каждый созалогодержатель самостоятельно осуществляет права и обязанности залогодержателя, а денежные суммы, вырученные от реализации предмета залога, распределяются пропорционально размерам требований. Таким образом, созалогодержатели – это лица, у которых находится предмет залога, на который они имеют равные по старшинству права залогодержателей. Это право может у них возникнуть на основании закона или договора.

Созалогодержатели могут быть и солидарными. Как известно, ГК РФ предусматривает множественность лиц как на стороне кредитора, так и на стороне должника. Получивший исполнение солидарный кредитор обязан возместить причитающееся другим кредиторам в равных долях. В отношении долевых кредиторов вырученные денежные средства распределяются пропорционально размерам требований (п. 2 ст. 335.1 ГК РФ).

Разрешены правовые проблемы, возникающие при установлении последующих залогов (старшинство залогов, очередность удовлетворения требований залогодержателей). Старшинство залогов регламентировано ст. 342 ГК РФ.

Оно может быть изменено соглашением между залогодержателями либо соглашением между одним, несколькими или всеми залогодержателями и залогодателем (п. 1 ст. 342 ГК РФ). При этом стороны не вправе устанавливать в договоре запрет на последующий залог (кроме ипотеки, в отношении которой такая возможность сохранена).

На залогодателя возлагается обязанность сообщать каждому последующему залогодержателю сведения обо всех существующих залогах, а также незамедлительно уведомить о заключении последующего договора залога залогодержателей по предшествующим залогам (пп. 3, 4 ст. 342 ГК РФ). Представляется, что наиболее правильным было бы вести речь не об уведомлении залогодержателей по предшествующим залогам, а об их согласии на заключение последующего договора залога.

При обращении взыскания предшествующим залогодержателем последующий залогодержатель вправе потребовать досрочного исполнения обязательства и при неисполнении обратиться взыскание одновременно с предшествующим залогодержателем (п. 2 ст. 342.1 ГК РФ). При неиспользовании данного права последующий залог прекратится. Договором с последующим залогодержателем может быть ограничено право требовать досрочного исполнения обязательства (кроме солидарных созалогодержателей) (п. 3 ст. 342.1 ГК РФ).

При обращении взыскания по требованиям, обеспеченным последующим залогом, предшествующий залогодержатель вправе потребовать одновременно досрочного исполнения и обращения взыскания (при неиспользовании данного права имущество перейдет к приобретателю с обременением предшествующим залогом) (п. 6 ст. 342.1 ГК РФ).

Следует учитывать, что суммы штрафных санкций (неустойки, убытков и т.д.) распределяются в порядке очередности после распределения сумм, вырученных от реализации заложенного имущества между всеми залогодержателями.

Предметом залога, как и ранее, является всякое имущество, в том числе вещи и имущественные права, за исключением имущества, на которое не допускается обращение взыскания, требований, неразрывно связанных с личностью кредитора (об алиментах, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, и иных прав, уступка которых другому лицу запрещена законом). Изменения связаны с тем, что в настоящее время предметом залога может быть имущество, которое залогодатель приобретет в будущем

(п. 2 ст. 336 ГК РФ). При этом залог возникает у залогодержателя с момента создания или приобретения залогодателем соответствующего имущества. Законом или договором может быть установлено иное (п. 2 ст. 341 ГК РФ).

В ст. 336 ГК РФ теперь содержится правило, которое ранее было закреплено в п. 1 ст. 340 ГК РФ, о том, что на полученные в результате использования заложенного имущества плоды, продукцию, доходы может быть распространено право залога в случаях, предусмотренных законом или договором.

Статья 336 ГК РФ дополнена еще одним положением: залогодатель обязан предупреждать залогодержателя о правах третьих лиц на предмет залога (вещные права, права, возникающие из договоров аренды, ссуды и т.д.) в письменной форме при заключении договора. В случае нарушения данной обязанности залогодержатель вправе потребовать досрочного исполнения обязательства, обеспеченного залогом, либо изменения условий договора. При этом названные нормы являются диспозитивными, поскольку договором могут быть предусмотрены иные последствия нарушения этой обязанности.

Изменения коснулись условий и формы договора о залоге. Помимо предмета залога, существа, размера и срока исполнения обеспечиваемого залогом обязательства, в договоре должна содержаться ссылка на соглашение, из которого возникло (возникнет) обязательство.

Как и ранее, договор залога должен быть заключен в письменной форме. Он заверяется нотариально, если нотариальная форма установлена для договора, в обеспечение которого предоставлен залог. При этом нотариальная форма может быть предусмотрена законом или договором (п. 3 ст. 339 ГК РФ).

Статья 339 ГК РФ дополнена нормами об определении предмета договора, залогодателем по которому является лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность (п. 2). Обеспеченное залогом обязательство можно описать способом, который позволит определить его в момент наступления исполнения обязательства. Например, стороны могут указать на обеспечение всех существующих обязательств в пределах определенной суммы. Подобные правила касаются и указания в договоре предмета залога. Так, в договоре может быть предусмотрено, что обязательство обеспечивается всем имуществом индивидуального предпринимателя, его частью, имуществом конкретного вида.

Специальные требования к содержанию договора о залоге недвижимости предусмотрены Законом об ипотеке.

Законодателем выделено положение о регистрации договора залога из ст. 339 в отдельную норму ст. 339.1 ГК РФ. Государственная регистрация договора залога требуется в следующих случаях:

если необходимо регистрировать право собственности на имущество, являющееся предметом залога;

если предметом залога являются права участника (учредителя) общества с ограниченной ответственностью.

Запись о залоге ценных бумаг производится в соответствии с ГК РФ и законом о ценных бумагах. Сведения о залоге прав по договору банковского счета учитываются по правилам ст. 358.11 ГК РФ.

Залог иного имущества, не относящегося к недвижимым вещам, может быть учтен нотариусом в реестре уведомлений о залоге имущества. Подобный учет осуществляется на основании заявления залогодателя, залогодержателя или третьего лица в случаях, установленных законодательством. Залогодержатель обязан в случае прекращения залога на движимое имущества направить соответствующее уведомление нотариусу в течение трех рабочих дней с момента, когда стало известно о прекращении залога. В случаях, предусмотренных законодательством о нотариате, сделать это может иное указанное в законе лицо (п. 4 ст. 339.1 ГК РФ), например залогодатель или третье лицо.

Правила определения стоимости предмета залога содержатся в ст. 340 ГК РФ. Стоимость предмета залога определяется соглашением сторон, если иное не предусмотрено ГК РФ или иными федеральными законами (п. 1 ст. 340 ГК РФ). При этом установленная стоимость предмета залога является начальной ценой реализации при обращении на него взыскания. Это правило может быть изменено соглашением сторон либо по решению суда (п. 3 ст. 340 ГК РФ). В п. 2 ст. 340 ГК РФ указано, что изменение рыночной цены предмета залога после заключения договора не является основанием для изменения или прекращения залога. Вместе с тем, в законе могут быть предусмотрены случаи, когда изменение стоимости предмета залога может повлечь за собой расторжение договора. Стороны вправе оговорить это условие в соглашении.

Законодатель на этот счет предусмотрел определенные ограничения. Ничтожными признаются условия, которые в случае изменения рыночной цены предмета залога, обеспечивающего обязательства гражданина по возврату потребительского или ипотечного кредита, предусматривают распространение залога на

иное имущество, досрочный возврат кредита, иные неблагоприятные для залогодателя последствия.

Предусмотрена возможность заключения в отношении залога, обеспечивающего обязательства, исполнение которого связано с осуществлением предпринимательской деятельности, договора управления залогом. В соответствии с таким договором кредиторы вправе наделить одного из кредиторов или третье лицо правом заключить от их имени договор залога или осуществлять права и обязанности залогодержателя по договору залога. В новой редакции ст. 356 ГК РФ сказано, что по данному договору управляющий залогом, действуя от имени и в интересах всех кредиторов, заключивших договор, обязуется заключить договор залога с залогодателем (кредитором) и (или) осуществлять все права и обязанности залогодержателя по договору залога, а кредитор (кредиторы) – компенсировать такому управляющему понесенные им расходы и уплатить ему вознаграждение, если иное не предусмотрено договором. Здесь же предусмотрено, что в части, не урегулированной данной статьей, к обязанностям управляющего, который не является залогодержателем, применяются правила о договоре поручения. Иное может быть установлено соглашением сторон. Соответственно, к правам и обязанностям залогодержателей применяются правила о договоре простого товарищества (п. 6 ст. 356 ГК РФ).

По общему правилу залогодатель, у которого осталось заложенное имущество, не вправе отчуждать его без согласия залогодержателя, однако он может передавать его во временное владение и пользование другим лицам. Законом предусмотрены последствия распоряжения имуществом без согласия залогодержателя (п. 2 ст. 346 ГК РФ). При этом конкретизированы основания прекращения залога. В п. 4 ст. 346 ГК РФ сказано, что в случае обращения взыскания на заложенное имущество вещные права, а также права аренды и возникающие из других сделок по предоставлению имущества во владение и пользование, которые предоставлены залогодателем третьим лицам без согласия залогодержателя, прекращаются с момента вступления в законную силу решения суда либо с момента возникновения права собственности на заложенное имущество у его приобретателя (если требования залогодержателя обращаются во внесудебном порядке).

Передача залогодержателем прав и обязанностей другому лицу допускается в результате возмездного и безвозмездного отчуждения имущества, являющегося предметом залога, либо

в порядке универсального правопреемства (п. 1 ст. 353 ГК РФ). Правопреемник приобретает права и несет обязанности залогодателя, за исключением тех, которые в силу закона или существа отношений между сторонами связаны с первоначальным залогодателем.

Следует отметить, что согласно Закону об ипотеке в новой редакции залогодержатель вправе осуществлять уступку прав (требований) по договору об ипотеке или по обеспеченному основному обязательству любым третьим лицам, если законом или договором не предусмотрено иное. Лицо, которому переданы права по договору об ипотеке, становится на место прежнего залогодержателя, и, если не доказано иное, уступка прав по договору об ипотеке означает и уступку прав по основному обязательству. Кроме того, если договором не предусмотрено иное, к лицу, которому переданы права по основному обязательству, переходят и права, обеспечивающие исполнение обязательства, и такое лицо становится на место прежнего залогодержателя.

По общему правилу обращение взыскания осуществляется по решению суда, если соглашением между залогодателем и залогодержателем не предусмотрен внесудебный порядок обращения взыскания на заложенное имущество (п. 1 ст. 349 ГК РФ). При этом установлено, что наличие соглашения о внесудебном порядке

обращения взыскания не лишает залогодержателя права предъявить требование в суд, однако связанные с этим дополнительные расходы будут возложены на залогодержателя, если он не докажет, что условия соглашения не были осуществлены в связи с действиями залогодателя или третьих лиц.

Реализация заложенного имущества осуществляется посредством продажи с публичных торгов (при обращении взыскания на основании решения суда) или продажи с торгов, проводимых в соответствии с ГК РФ или соглашением между залогодателем и залогодержателем (при обращении взыскания во внесудебном порядке). Если залогодатель осуществляет предпринимательскую деятельность, соглашением может быть установлено, что реализация осуществляется путем оставления залогодержателем предмета залога за собой или продажи третьему лицу по цене не ниже рыночной (п. 2 ст. 350.1 ГК РФ).

В завершение следует еще раз подчеркнуть, что комментируемые новеллы ГК РФ являются в значительной степени закономерными и закрепляют регулирование отношений, уже сложившихся в деловой практике. Вместе с тем, некоторые положения представляются спорными и требуют более детального рассмотрения и анализа.

1. Собр. законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6687.

2. Там же. 1997. № 30. Ст. 3594; 2014. № 26, ч. 1. Ст. 3377.

3. Там же. 1998. № 29. Ст. 3400; 2014. № 30, ч. 1. Ст. 4218.

4. Ковалева М.А. Краткий анализ изменений законодательства о залоге в Российской Федерации // Концепт: науч.-метод. электрон. журн. 2014. № 4. URL: <http://e-koncept.ru/2014/55193.htm?download>

5. Об обращении взыскания на имущество, заложенное по договору о залоге транспортных средств: постановление Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 7 июня 2012 г. № 16513/11 // Вестн. Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 11.

1. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2013. № 51. Art. 6687.

2. Ibid. 1997. № 30. Art. 3594; 2014. № 26, pt. 1. Art. 3377.

3. Ibid. 1998. № 29. Art. 3400; 2014. № 30, pt. 1. Art. 4218.

4. Kovaleva M.A. Brief analysis of the changes in the law of pledge in the Russian Federation // Concept: sci.-method. electronic magazine. 2014. № 4. URL: <http://e-koncept.ru/2014/55193.htm?download>

5. About foreclosure of the property mortgaged under the pledge agreement vehicles: resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation on June 7, 2012 № 16513/11 // Bull. of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2012. № 11.

Ростовцева Анна Михайловна

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин

Волгоградской академии МВД России

(e-mail: blond-rost@yandex.ru)

Правовая природа ответственности юридических лиц и их участников

В статье автор говорит о том, что участник не отвечает по обязательствам (например, по долгам) организации, а организация не отвечает по обязательствам участников, если законодательством или учредительными документами не предусмотрено иное. Такое положение позволило участникам юридических лиц «уходить» от ответственности перед кредиторами и иными лицами.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, юридические лица, банкротство, хозяйственные общества.

A.M. Rostovtseva, Teacher of a Chair of Civil Law Disciplines of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: blond-rost@yandex.ru

Legal nature of responsibility of legal entities and their participants

In the article the author talks that a participant does not answer on obligations (for example, on debts) of organization, and organization does not answer on the obligations of participants, if a legislation or constituent documents not envisage another. Such position allowed to the participants of legal entities to «leave» from responsibility before creditors and another persons.

Key words: civil liability, legal entities, bankruptcy, economic societies.

В соответствии со ст. 56 ГК РФ «учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечают по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом либо учредительными документами юридического лица».

Заметим, что закон оговаривает случай, когда банкротство юридического лица вызвано указаниями самих его участников, – на них в случае недостаточности имущества юридического лица может быть возложена обязанность выплатить недостающее из своего имущества.

Итак, участник не отвечает по обязательствам (например, по долгам) организации, а организация не отвечает по обязательствам участников, если законодательством или учредительными документами не предусмотрено иное. Такое положение позволило участникам юридических лиц «уходить» от ответственности перед кредиторами и иными лицами. В результате подобный пробел породил множество мнений по изменениям законодательства. Об этом свидетельствует российское законодательство и многие юристы, например Д.А. Шевчук, который пишет: «Наконец, ответственность участников общества ограничена внесенным ими вкладом.

При этом различие между обществами с ограниченной ответственностью и акционерными обществами строится в зависимости от того, принадлежат ли их участникам вклады (доли, паи) или акции как ценные бумаги» [1, с. 123].

Например, А.В. Серебрякова отмечает: «Нормы о компаниях одного лица необходимо дополнить правилами о субсидиарной ответственности учредителей и (или) участников компаний одного лица по долгам (сделкам) таких юридических лиц при недостаточности у последних имущества, если хозяйственное общество совершало сделки (сделку) во исполнение воли (указаний) своего единственного учредителя (участника). В данных ситуациях это будет означать «снятие корпоративной маски» и распространение на отношения норм об ответственности основных (материнских) компаний по долгам дочерних (ст. 105 ГК РФ).

Наряду с этим, в ГК РФ следует закрепить более четкую структуру органов АО с ясным разделением функций управления и контроля. В таких целях необходимо отказаться от терминологической путаницы в названии контрольного органа: он должен именоваться наблюдательным советом, а не советом директоров (наблюдательным советом). Для разделения данных функций нужно также установить в ГК РФ и в законе о хозяйственных обществах запрет на

совмещение должностей в наблюдательном совете и правлении, исполнительном органе АО, ООО.

На внутренние отношения, складывающиеся между хозяйственными обществами, лицами, входящими в состав исполнительных органов, и участниками, также целесообразно распространить действия правил об ответственности основных (материнских) компаний по долгам дочерних, закрепив необходимые дополнительные правила в ст. 105 ГК РФ. В роли материнских компаний в таких ситуациях будут выступать лица, определившие волю общества на совершение соответствующей сделки (лица, входящие в состав исполнительных органов, акционер или иной участник с заведомо контрольным пакетом акций (долей) и т.п.)» [2, с. 12].

«Выводы о допустимости наличия в законодательстве абстрактных норм должны быть неизбежно скорректированы. Поскольку нормы законодательства о злоупотреблении правом различны по характеру и значению, пределы детализации таких его норм определяются законодателем с учетом необходимости их эффективного применения к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций.

Необходимо назвать и такую причину многочисленных нарушений и злоупотреблений в коммерческих организациях, как отсутствие материальной ответственности за вред, причиненный действиями лиц, злоупотребляющих своими правами. Единственные последствия, которые могут наступить для лица, злоупотребляющего правами, предусмотрены п. 2 ст. 10 ГК РФ – отказ лицу в защите принадлежащего ему права.

Между тем, действительно, взыскание хотя бы с одного недобросовестного участника коммерческой организации, злоупотребляющего своими правами, убытков, причиненных компании или ее участникам злоупотреблением правом, позволило бы коренным образом изменить ситуацию с соблюдением прав в гражданских правоотношениях. Как говорится, *unum castigabis, centum emendabis* (одного накажешь – сотню исправишь)» [3].

По мнению П.В. Степанова, «согласно этой доктрине на участника может быть возложена ответственность при следующих условиях: контроль со стороны участника, причем не просто обладание контрольным пакетом акций, а прямое подчинение себе корпорации, так что эта корпорация не имеет своей воли или существования, отдельного от участника; такой контроль со стороны участника был использован для совершения противоправных, обманных,

нечестных или несправедливых действий по отношению к истцу; наличие причинной связи между действиями участника и причинением убытков истцу» [3].

Необходимой предпосылкой ответственности самого юридического лица является наличие у юридического лица обособленного имущества, которое при необходимости может служить объектом притязаний кредиторов. Существующие исключения из правила о самостоятельной ответственности юридического лица ни в коей мере не колеблют общего принципа, поскольку ответственность иных субъектов права по долгам юридического лица является лишь субсидиарной (т.е. дополнительной к ответственности самого юридического лица)» [4, с. 78].

Но если юридическое лицо обладает самостоятельной ответственностью, оно, как обособленное лицо, должно полностью отвечать по своим долгам, не обращаясь к участникам. По этому вопросу Д.А. Шевчук рассуждает: «Ответственность участников по обязательствам полного товарищества отнюдь не подрывает принципа самостоятельной гражданско-правовой ответственности юридического лица, т.к. является субсидиарной. В первую очередь требования кредиторов должны предъявляться к самому товариществу, и лишь при недостаточности его имущества – к полным товарищам. Общие правила, регулирующие солидарную ответственность, закреплены в ст. 322–325 ГК» [1, с. 123].

Ответственность юридического лица может быть дополнена ответственностью учредителей или иных участников юридического лица только при наличии их вины, которую не так просто доказать.

Пунктом 3 ст. 3 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», п. 3 ст. 3 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» предусмотрено, что в случае банкротства должника по вине учредителей (участников) должника, собственника имущества должника – унитарного предприятия или иных лиц, в том числе по вине руководителя должника, которые имеют право давать обязательные для должника указания или имеют возможность иным образом определять его действия, на учредителей (участников) должника или иных лиц в случае недостаточности имущества должника может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам.

Итак, закон призывает нести учредителей и представителей субсидиарную ответственность за действия юридического лица, и данные замечания, на первый взгляд, верны. Но необхо-

можно определить, перед кем и у кого возникает ответственность: ответственность директора перед участниками, участников перед внешними кредиторами, участников перед другими участниками.

Зачастую при развитии бизнеса и продвижении корпорации на рынок необходимы решения, связанные с высокой долей риска. В результате неудачи организация может не только потерять все имущество, но и приобрести довольно существенные долги, которые даже при субсидиарной ответственности представитель организации и ее участники не смогут компенсировать.

Что касается участников, то они организуют деятельность добровольно, соглашаясь на риски, принимая условия всех членских отношений компании. Также своим волеизъявлением они выбирают и представителя организации (руководителя). Следовательно, по нашему предположению, ответственность участников друг перед другом и руководителя перед участниками должна оставаться сугубо внутренним делом организации.

Участники хозяйствующего субъекта изначально соглашаются не только на участие в корпорации, но и на возможные предпринимательские риски, связанные как с участием в корпорации, так и с предпринимательской деятельностью хозяйствующего субъекта.

Что касается отношений кредиторов и субсидиарной ответственности участников, законодатель старается постоянно расширять границы ответственности последних. Главное условие привлечения к субсидиарной ответственности – это наличие предварительного обращения к первоначальному должнику.

По мнению А.В. Шичанина, О.Д. Гривкова, «согласно ст. 69 ГК РФ это позволит ввести неограниченную личную ответственность участников по долгам фирмы, что в некоторой степени обеспечивает страховку от возможных недобросовестных действий по отношению к кредиторам и создает для кредиторов дополнительные реальные гарантии исполнения обязательств фирмы. Возможно, со временем начнут действовать другие (преимущественно экономические, морально-психологические) факторы, влияющие на надлежащее исполнение должниками своих обязательств, такие как деловая репутация, конкуренция и т.п.» [5].

Субсидиарная ответственность является дополнительной по отношению к ответственности, которую несет перед потерпевшим основной правонарушитель (п. 1 ст. 399 ГК). Она призвана дополнить его ответственность, усиливая защиту интересов потерпевшего. При этом лицо, не-

сущее такую дополнительную ответственность, совсем не обязательно является причинителем имущественного вреда, нанесенного потерпевшему, а во многих случаях вообще не совершает каких-либо правонарушений. Здесь проявляется компенсаторная направленность гражданско-правовой ответственности, определяющая ее специфику.

Но если личное имущество не покрывает требований кредиторов или исполнение своих обязательств участниками будет перекладываться на неопределенный срок, в этом случае возврат кредитором своих средств практически не возможен. Для этих целей, на наш взгляд, необходимо иное страхование предпринимательских рисков, ответственности, нежели предложенное А.В. Шичаниным и О.Д. Гривковым – в виде неограниченной личной ответственности.

По нашему мнению, введение законодательной нормы, обязывающей страховать ответственность участников правоотношений, будет способствовать как удовлетворению требований кредиторов, так и покрытию убытков, причиненных корпорации, что будет являться превентивной мерой несостоятельности (банкротства).

Личную ответственность следует применять только в случаях причинения преднамеренного вреда юридическому лицу физическим лицом.

В результате юридическое лицо самостоятельно несет имущественную ответственность по своим обязательствам всем своим имуществом (ст. 48 ГК). Но из указанной нормы есть исключения, они предусмотрены ст. 56 ГК.

К числу лиц, на которых может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам признанного несостоятельным лица, в соответствии с п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 относятся: лицо, имеющее в собственности или доверительном управлении контрольный пакет акций акционерного общества, собственник имущества унитарного предприятия, давший обязательные для него указания.

Требования к указанным выше лицам, несущим субсидиарную ответственность, могут быть предъявлены конкурсным управляющим. В случае их удовлетворения судом взысканные суммы зачисляются в состав имущества должника, за счет которого удовлетворяются требования кредиторов.

Учредительными документами могут быть установлены исключения:

1) для членов производственного кооператива, которые могут нести по обязательствам кооператива субсидиарную ответственность в

размерах и порядке, предусмотренных уставом (п. 2 ст. 107 ГК);

2) для членов ассоциации (союза), которые могут нести субсидиарную ответственность по ее обязательствам в размере и в порядке, предусмотренных учредительными документами ассоциации (п. 4 ст. 121 ГК).

Гражданско-правовая ответственность юридического лица наступает при наличии следующих предусмотренных законом условий: 1) противоправность поведения нарушителя; 2) причинение вреда потерпевшему; 3) наличие причинной связи между противоправным поведением нарушителя и причинением вреда потерпевшему; 4) вина нарушителя.

Совокупность этих условий в гражданском праве именуется составом гражданского правонарушения. По общему правилу отсутствие хотя бы одного из указанных условий ответственности исключает ее применение.

Противоправность поведения нарушителя означает, что оно противоречит нормам права и субъективным правам других лиц и может выражаться как в действии, так и бездействии юридического лица.

При противоправном поведении наступает гражданско-правовая ответственность любого лица, осуществившего правонарушение.

Гражданско-правовая ответственность наступает при условии причинения вреда потерпевшему. Наличие указанного условия необходимо для привлечения нарушителя к ответственности. Но при нарушении договорных обязательств гражданско-правовая ответственность может наступать и независимо от причинения вреда.

Например, в случае исполнения сторонами сделки, совершенной под влиянием обмана, сторона, прибегнувшая к обману, лишается права на переданное ею по сделке имущество, которое обращается в доход Российской Федерации (ст. 179 ГК). Подобного рода санкции, связанные с дополнительными обременениями для правонарушителя, оказывают стимулирующее воздействие на участников гражданского оборота и способствуют предотвращению правонарушений, что является целью института юридической ответственности.

С.Н. Братусь под ответственностью понимает «меры государственного или общественного принуждения, включая понуждение должника к исполнению принятой на себя обязанности в натуре» [6, с. 83]. Такой подход приводит к отождествлению понятий «санкция» и «ответственность», поскольку на принудительную силу государства опирается любая санкция, предусмотренная в нормативном акте.

«Под вредом в гражданском праве принято понимать неблагоприятные изменения в охраняемом законом благе. Обязательства, возникающие из причинения вреда, могут быть определены как внедоговорные обязательства, возникающие вследствие нарушения имущественных и личных неимущественных прав потерпевшего, носящих абсолютный характер, призванные обеспечить наиболее полное восстановление этих прав за счет причинителя вреда либо за счет иных лиц, на которых законом возложена обязанность возмещения вреда. Необходимым условием возникновения обязательств из причинения вреда является наличие самого вреда. Если нет вреда, т.е. нарушения или умаления какого-либо имущественного права или нематериального блага, то о возникновении указанных обязательств нельзя говорить уже потому, что вред не причинен, а следовательно, и возмещать нечего» [7].

Для возложения деликтной ответственности необходимо установить в судебном порядке причинную связь между противоправным поведением и наступившим вредом. Необходимо в ряде причин выявить действие, являющееся необходимой причиной.

Нормы гражданского права, как известно, разграничивают понятия имущественного и немущественного или морального вреда.

«Причинение морального вреда личности, – пишет К.М. Варшавский, – тоже представляет собой форму вреда, причиняемого, однако, не имуществу потерпевшего, а его личности – физической или моральной, – и косвенно отражается на его имущественном положении» [8, с. 187].

Моральный вред представляет собой физические или нравственные страдания гражданина, вызванные нарушением его личных неимущественных прав или умалением иных его личных (нематериальных) благ – посягательствами на его честь и достоинство, неприкосновенность личности, здоровье и т.д.

Вопрос о компенсации морального вреда юридическим лицам вызывает много споров среди цивилистов. Основу сомнений составляет мнение, что юридическое лицо не может претерпевать физических и нравственных страданий.

Очевидно, вряд ли было уместно применять понятие «достоинство» к юридическому лицу – искусственному образованию, собственным сознанием не обладающему. Поскольку юридическому лицу свойственно участие именно в деловых отношениях, понятие чести в отношении юридического лица полностью совпадало с понятием деловой репутации как сопровождающегося положительной оценкой общества от-

ражения деловых качеств лиц в общественном сознании и являлось, таким образом, абсолютно избыточным.

С принятием части первой Гражданского кодекса РФ это несоответствие было устранено. Статья 152 ГК предусматривает гражданско-правовую защиту только деловой репутации юридического лица, и «правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица» [9].

Третьим условием применения гражданско-правовой ответственности является наличие причинно-следственной связи между действиями правонарушителя и причинением вреда.

«Причинно-следственная связь – это объективно существующая взаимосвязь явлений, которая характеризуется тем, что в конкретной ситуации из двух взаимосвязанных явлений одно (причина) всегда предшествует другому и порождает его, а другое (следствие) всегда является результатом действия первого. Вместе с тем при анализе оснований возникновения гражданско-правовой ответственности организации особый интерес вызывает вопрос наличия в действиях юридического лица вины.

Именно здесь сознательно-волевая концепция понятия вины как психического отношения нарушителя к своему поведению и его результату вызывает наибольшие сомнения. В работах советских юристов высказывались самые различные концепции: от объяснений понятия вины юридического лица через «психическое отношение» к допущенным нарушениям со стороны его работников или его органов до категорического неприятия концепции «психического отношения» к ответственности юридического лица. В результате вина как своеобразное психическое отношение к противоправному поведению подменялась самим воплощающим ее неправомерным действием или бездействием – неприятием мер, необходимых для исполнения юридическим лицом своих обязательств» [10, с. 373–374], ненадлежащей организацией осуществляемой им деятельности (например, по мнению Л.И. Картужанского, «в случае нарушения сроков исполнения обязательства организацией или производством продукции ненадлежащего качества» [11, с. 105]).

По мнению сторонников теории коллектива, вина юридического лица представляет собой допущенную в связи с осуществляемыми трудовыми функциями вину его работников. Так, С.Н. Братусь писал: «Необходимым условием ответственности юридического лица является вина конкретного исполнителя, состоявшего

либо членом юридического лица, либо его работником... Работник при выполнении своих обязанностей не противостоит юридическому лицу в качестве отличного от него субъекта права: из суммированных служебных действий рабочих и служащих или действий членов, связанных с осуществлением их членских обязанностей, и возникает деятельность юридического лица как целого... Ответственность юридического лица в этом случае является ответственностью не за чужие, а за свои действия» [12, с. 211–212].

Г.К. Матвеев утверждал, что «возлагая ответственность на юридическое лицо, суды и арбитражи имеют в виду его вину. Психологическим ее содержанием является порочная воля (и сознание) работников юридического лица в виде умысла или неосторожности. Однако, будучи выраженной в противоправных действиях (например, в поставке недоброкачественного товара или в причинении увечья), эта воля приобретает затем относительно самостоятельный и независимый характер и рассматривается как новое качество в виде субъективного (психологического) отношения коллектива к своим противоправным действиям и их вредным последствиям» [13, с. 241].

Противоположную позицию занимал О.С. Иоффе, полагавший, что поскольку юридическое лицо – это организованный коллектив, обладающий коллективным сознанием и коллективной волей, то оно способно и к такому сознательно-волевому отношению, которое образует содержание вины. Вина юридического лица может выразиться в виновных действиях его работника, совершенных в связи с трудовыми функциями, она может быть также рассредоточена между различными подразделениями юридического лица, когда вина конкретного работника исключается. Но при всех условиях вина юридического лица – это вина не индивида, а коллектива, причем последующее полное или частичное переложение убытков, возмещенных юридическим лицом, на их конкретного виновника ничего в существе дела не меняет [14, с. 137].

Противники теории коллектива не приемлют уравнивания служебных действий работников с действиями юридического лица. Ими была разработана теория, известная под наименованием *culpa in eligendo et custodiendo*, в которой различаются действия органов юридического лица и действия других его работников. Первые персонализируют деятельность самого юридического лица, признаваемого виновным в той мере, в какой виновен его орган. Вторые являются для юридического лица «чужими действиями», и только при условии, что орган виновен в непра-

вильном выборе совершившего правонарушение работника или в неосуществлении за ним должного надзора, ответственность может быть возложена на юридическое лицо.

Так, по мнению одного из авторов данной концепции М.М. Агаркова, «действия отдельных представителей работников и служащих юридических лиц не могут рассматриваться в качестве вины юридического лица» [15, с. 131].

В середине 1950-х гг. тем же критерием воспользовался Д.М. Генкин, который выступил с концепцией юридического лица как определенной социальной реальности. По его мнению, «возложение на юридическое лицо гражданско-правовой ответственности вытекает из второй части ст. 119 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г., в силу которой должник отвечает за действия тех лиц, на которых он возложил выполнение обязательства» [16, с. 14].

В гражданском праве установлена презумпция вины правонарушителя, именно он должен доказать отсутствие своей вины в правонарушении (п. 2 ст. 401, п. 2 ст. 1064 ГК). То есть нарушитель предполагается виновным, потерпевший от правонарушения не обязан доказывать вину нарушителя, а последний для освобождения от ответственности должен сам доказать ее отсутствие.

Отсутствие вины правонарушителя освобождает его от гражданско-правовой ответственности по общему правилу, из которого предусмотрены исключения. В случаях, установленных законом или прямо предусмотренных договором, ответственность может применяться и независимо от вины нарушителя, в том числе и при ее отсутствии.

«Так, в соответствии с п. 3 ст. 401 ГК юридическое лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств» [17, с. 42].

Еще более важный в практическом плане аспект юридической ответственности в корпоративном праве – уголовная ответственность.

Н.В. Козлова в одной из дискуссий обратила внимание на то, что с правовой точки зрения к оценке деятельности юридических лиц затруднительно применять понятия вменяемости и умысла. В то же время «административная ответственность юридических лиц за менее тяжкие правонарушения введена, в связи с чем возникает вопрос о том, почему не установлена

уголовная ответственность этих лиц за более тяжкие правонарушения» [18]. Указанное положение создает почву для непрекращающейся дискуссии.

С учетом определения вины необходимо сделать вывод, что юридическое лицо не может обладать виной, т.е. психическим отношением, поскольку юридическое лицо не обладает ни психикой, ни иными категориями разума. Юридическое лицо не может осуществлять деятельность с умыслом, поскольку не может мыслить. Именно поэтому юридическое лицо не подлежит уголовной ответственности.

Б.С. Маньковский правильно указывал на неточность определения вины как преступного поведения: «Вина – как психическое отношение к деянию, не может расцениваться законодательством как преступное поведение, так как психическое отношение не идентично с поведением, которое не исчерпывается психическим отношением, а представляет собой поступок человека, совершенный под контролем сознания» [19, с. 118].

Одним из аргументов сторонников уголовной ответственности юридических лиц является то, что с юридическими лицами необходимо обращаться так же, как и с физическими, а существующие в деловом коммерческом обороте гражданско-правовые пробелы должны быть закрыты положениями других отраслей. Тем не менее, для введения подобной ответственности ученым все-таки необходимо ответить на вопрос, насколько понятия уголовно-правовой дееспособности, виновности и наказуемости могут быть применены к юридическим лицам.

Первым критическим аргументом уголовной ответственности является отсутствие дееспособности у юридических лиц в уголовно-правовом смысле, корпорация не обладает человеческой волей, т.е. отсутствует психическая, духовная субстанция, которая определила бы поведение лица.

Вторым направлением критики является отсутствие виновности, поскольку немецкое законодательство основано на индивидуальной вине лица. Существует еще два важных аспекта – наказуемость (вопрос о том, какие именно наказания должны применяться по отношению к юридическому лицу) и справедливость (в соответствии с принципом справедливости никто не может подвергаться уголовной ответственности дважды за одно деяние).

Когда речь идет о дееспособности, говорят о таком понятии, как вменение. Существует два варианта того, как вменение может относиться к корпорации: деяние рассматривается отдельно

от сотрудника, совершающего деяние, но при этом вменяется (приписывается) корпорации.

Установление виновности зависит от выбранной модели вменения. При этом корпорация либо (при одной системе взглядов) идентифицируется с сотрудником, либо (при другом подходе) сотрудник рассматривается как часть корпорации. В последнее время все больше сторонников приобретает первая из упомянутых теорий. Главным их аргументом становится то, что при оценке правонарушений во главу угла нужно ставить неверную организацию корпорацией управленческих и производ-

ственных процессов. Так же сторонники данной теории утверждают, что на корпорации лежит социальная ответственность, а одной из задач корпорации является избежание совершения уголовных деяний сотрудниками корпорации и ответственность за надлежащий производственный процесс и управление.

В итоге можно сделать вывод, что необходимо решить вопрос о статусе юридического лица, дабы определить, может ли оно действовать от себя, изъявлять свободу воли и т.п. Это ответит на многие дискуссионные вопросы об ответственности юридических лиц и их участников.

1. Шевчук Д.А. *Гражданское право*. М., 2008.
2. Серебрякова А.В. *Законодательство о юридических лицах: перспективы развития // Налоговая проверка*. 2009. № 5.
3. Степанов П.В. *Корпоративные отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. М., 1999.
4. *Гражданское и торговое право капиталистических государств: учеб. / под ред. Е.А. Васильева*. 3-е изд. М., 1993.
5. Шичанин А.В., Гривков О.Д. *Проблемы поиска баланса интересов юридического лица, его участников и кредиторов // Адвокат*. 2011. № 2.
6. Братусь С.Н. *Юридическая ответственность и законность*. М., 1976.
7. Прекладова Ю.В. *Понятие вреда в гражданском праве, соотношение материального и нематериального вреда в гражданско-правовой теории*. URL: <http://www.old.muh.ru/>
8. Варшавский К.М. *Обязательства, вытекающие вследствие причинения вреда другому*. М., 1929.
9. Эрделевский А. *О компенсации морального вреда юридическим лицам*. URL: <http://www.lawmix.ru>
10. Грибанов В.П. *Ответственность сторон за недопоставку по договору поставки // Вопросы советского гражданского права в практике суда и арбитража*. М., 1959.
11. Картужанский Л.И. *Ответственность за неисполнение договора в социалистическом хозяйстве // Вестн. Ленинград. ун-та*. 1950. № 4.
12. Братусь С.Н. *Субъекты гражданского права*. М., 1950.
13. Матвеев Г.К. *Основания гражданско-правовой ответственности*. М., 1970.
14. Иоффе О.С. *Обязательственное право*. М., 1975.

1. Shevchuk D.A. *Civil law*. Moscow, 2008.
2. Serebrjakova A.V. *Legislation on legal entities: prospects for development // Tax check*. 2009. № 5.
3. Stepanov P.V. *Corporate relations in commercial organizations as part of the subject of civil rights: auth. abstr. ... Master of Law*. Moscow, 1999.
4. *Civil and commercial law of capitalist states: textbook / ed. by E.A. Vasiliev*. 3rd ed. Moscow, 1993.
5. Shichanin A.V., Grivkov O.D. *Problems of search balance between the interests of a legal entity, its members and creditors // Lawyer*. 2011. № 2.
6. Bratus S.N. *Legal liability and legality*. Moscow, 1976.
7. Prekladova Yu.V. *Concept of harm in civil law, the ratio of tangible and intangible damages in civil law theory*. URL: <http://www.old.muh.ru/>
8. Varshavsky K.M. *Obligations arising arising out pricheneniya harm to another*. М., 1929.
9. Erdelevsky A. *On the non-pecuniary damage entities*. URL: <http://www.lawmix.ru>
10. Gribanov V.P. *Responsibility for failure of the parties under the supply agreement // Questions of Soviet civil law practice in court and arbitration*. Moscow, 1959.
11. Kartuzhansky L.I. *Liability for breach of contract in a socialist economy // Bull. of Leningrad University*. 1950. № 4.
12. Bratus S.N. *Subjects of civil law*. Moscow, 1950.
13. Matveev G.K. *Grounds of civil liability*. Moscow, 1970.
14. Joffe O.S. *Contractual right*. Moscow, 1975.
15. Agarkov M.M. *To the question of contractual liability // Questions of Soviet civil law*. Moscow, 1945.
16. Genkin D.M. *Value of the institution of the legal entity in the domestic and foreign trade turnover of the USSR // Coll. of sci. works of the*

15. Агарков М.М. К вопросу о договорной ответственности // Вопросы советского гражданского права. М., 1945.

16. Генкин Д.М. Значение применения института юридического лица во внутреннем и внешнем товарообороте СССР // Сб. науч. работ Моск. ин-та народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. М., 1955. Вып. 9.

17. Сумской Д.А. Статус юридических лиц: учеб. пособие для вузов. М., 2006.

18. Козлова Н.В. Еще раз об уголовной ответственности юридических лиц (обсуждение на первом российско-немецком семинаре по уголовному праву). URL: legalinsight.ru

19. Маньковский Б.С. Проблема ответственности в уголовном праве. М., 1949.

Moscow Institute of National Economy named after G.V. Plekhanov. Moscow, 1955. Iss. 9.

17. Sumskey D.A. *Status of legal persons: study aid for high schools.* 2006.

18. Kozlova N.V. *Once again on the criminal liability of legal persons (discussion at the first Russian-German Workshop on Criminal Law).* URL: legalinsight.ru

19. Mankovsky B.S. *The problem of responsibility in criminal law.* Moscow, 1949.

Бавсун Максим Викторович

доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права
Омской академии МВД России

Вишнякова Наталья Валерьевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Омской академии МВД России

(e-mail: kafedramvd@mail.ru)

Сопряженность как уголовно-правовая категория

В статье анализируются категория сопряженности и ее влияние на квалификацию преступлений в отечественной судебной-следственной практике. Авторами поднимаются проблемные вопросы, возникшие в связи с правовой регламентацией данной категории и принятием в российское уголовное законодательство в последнее десятилетие новелл, а также некоторые аспекты их юридической оценки в процессе практической деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: сопряженность, убийство, угон, террористический акт, захват заложников, квалификация.

M.V. Bavsun, Doctor of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Criminal Law of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia;

N.V. Vishnjakova, Master of Law, Assistant Professor of a Chair of Criminal Law of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kafedramvd@mail.ru

Conjugacy as the criminal law category

This article analyzes the category conjugacy and its effect on the qualification of the offences in the domestic judicial practice. The authors raise problematic issues arising from legal regulations and decisions taken in the Russian criminal legislation in the last decade of the novels, as well as some aspects of their legal assessment in the process of law enforcement.

Key words: conjugacy, murder, hijacking, terrorist act, hostage-taking, qualifying.

Сопряженности как одной из категорий уголовного права в отечественной доктрине было уделено немало внимания. В то же время начиная с 2008 г. ее распространение в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации получило дополнительный импульс, что, безусловно, требует самостоятельного анализа. Речь в данном случае следует вести, в первую очередь, о включении рассматриваемого признака в ч. 3 ст. 205, 206 УК РФ, а также о его появлении в 2014 г. в ч. 4 ст. 211 УК РФ, что вновь актуализировало вопросы, связанные с квалификацией по правилам о совокупности преступлений.

Известно, что до определенного времени в действующем уголовном законодательстве категория сопряженности использовалась лишь в рамках квалифицированного состава убийства, к разновидностям которого относились: «сопря-

женное с похищением человека либо захватом заложника» (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК), «сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом» (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК), а также «сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера» (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК). Сформировавшийся при этом подход юридической оценки содеянного одновременно по соответствующему пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ и так называемому сопряженному преступлению хотя и не являлся бесспорным, тем не менее, был достаточно стабильным и не вызывал особых разногласий на практике [1].

Устоявшаяся ранее позиция перестала быть таковой после того, как законодатель внес в квалифицированные составы ст. 205, 206 УК РФ признак «повлекли умышленное причинение смерти человеку», являющийся, по сути, не чем иным, как завуалированной сопряженностью,

исключив при этом из п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ ссылку на захват заложников. Упомянутые изменения, как представляется, обнулили достигнутые ранее результаты по разъяснению истинного смысла и практики применения законодательных предписаний, регламентирующих вопросы сопряженности, создав при этом целый блок новых, на нормативном уровне так до сих пор не решенных проблем [2]. Ситуация в плане оценки рассматриваемой категории стала еще сложнее после включения в ст. 211 УК РФ отягчающего обстоятельства, в рамках которого законодатель прямо указал на сопряженность с террористическим актом.

На поверку правоприменитель оказался в роли лица, угадывающего, как в каждом конкретном случае он должен действовать. К числу имеющихся у него вариантов квалификации сегодня относятся, во-первых, оценка содеянного одновременно по признакам соответствующих пунктов ч. 2 ст. 105 УК РФ и так называемым сопряженным преступлениям, на что дается соответствующее указание в руководящем разъяснении Пленума Верховного Суда Российской Федерации [3]. Во-вторых, юридическая оценка содеянного только по соответствующим частям статей Особенной части, в которых содержится прямое или косвенное указание на признак сопряженности. И, в-третьих, в одном случае (ч. 2 ст. 105 УК РФ) учет обоих преступлений, т.е. оценка содеянного по нескольким статьям Особенной части УК РФ; в другом случае (п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ, ч. 4 ст. 206, 211 УК РФ) квалификация по признакам одного состава посягательства, без указания на сопряженное преступление и, как следствие, на их совокупность. Безусловно, такая неопределенность не может добавлять стабильности практике применения положений, основу которых составляет категория сопряженности.

Необходимо отметить, что применительно к убийству в современной теории уголовного права предлагается два противоположных подхода решения поднимаемой проблемы. Большинство ученых считают необходимым квалифицировать такие убийства по совокупности с соответствующими преступлениями (похищением человека, разбоем, вымогательством, бандитизмом, изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера) [4; 5]. Некоторые авторы считают, что повышенная общественная опасность рассматриваемых убийств состоит в «синтезе» убийства и соответствующего преступления, в связи с чем дополнительная квалификация преступлений, с которыми сопряжено убийство, не требуется [6; 7; 8].

Еще меньше определенности в данном вопросе применительно к ст. 205, 206 УК РФ и их соотношению со ст. 105 УК РФ. В частности, остается не совсем понятным, требуется ли в случаях, например, террористического акта и умышленного причинения смерти дополнительная квалификация по признакам убийства? Если исходить из подхода, применение которого сохраняется для других пунктов ч. 2 ст. 105 УК РФ, где имеется указание на сопряженность, то, видимо, требуется. В то же время остается непонятным сам смысл внесенных в ст. 205, 206 УК РФ изменений. По всей видимости, законодатель пытался таким образом избавиться от так называемой двойной квалификации и пошел по пути постепенного исключения из ч. 2 ст. 105 УК РФ указания на признаки других составов преступлений. Тогда не ясно, почему это произошло лишь с захватом заложника, а остальные посягательства (разбой, вымогательство, бандитизм, изнасилование, насильственные действия сексуального характера и похищение человека) так и остались в рамках квалифицированного убийства. Более того, сопряженность в уголовном законе была еще и расширена за счет ее включения в составы террористического акта, а также угона воздушного или водного транспорта, чего не было ранее. Причем в последнем случае, с учетом его новизны, остается вообще не понятным, как должна выглядеть квалификация и о каком правовом явлении должна идти речь – о совокупности деяний или все-таки о единичном сложном преступлении. Ответа на данный вопрос нет ни в ст. 17 УК РФ, ни в руководящем разъяснении Пленума Верховного Суда РФ, ни в самой практике применения указанных положений, поскольку нет еще и самой практики.

С учетом сказанного представляется, что расширение перечня статей, в содержании которых использовался бы признак сопряженности, не вполне оправданно. Куда более логичным было бы включение в тот же п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ террористического акта или угона воздушного судна как одного из сопряженных с убийством посягательств. По крайней мере, данное изменение вытекает из общего контекста использования признака сопряженности в действующем законодательстве, которое уже сложилось на сегодняшний день, а также в целом носит более последовательный характер. Хотя в целом следует признать более правильной позицию, согласно которой усиления ответственности за счет сопряженности вообще не должно быть [9; 10]. Сама по себе идея сочетания нескольких преступлений в рамках состава убийства или, как теперь это происходит, в законодательных

конструкциях других составов вряд ли имеет право на существование хотя бы по причине отсутствия какой-либо логики в выборе самих преступлений, на основе которых должно происходить усиление репрессии. Как отсутствует эта логика и в произошедшем выборе посягательств, которые могут быть сопряжены с убийством.

На этом фоне усиление позиций категории сопряженности в отечественном уголовном законодательстве выглядит, как минимум, неоправданным. В условиях сложившейся неопределенности подхода к квалификации так называемых «сопряженных преступлений» увеличение их количества в УК РФ (в данном случае за счет ст. 211 УК РФ) при отсутствии соответствующих разъяснений лишь усугубляет и без того непростую ситуацию, в которую попал правоприменитель в части юридической оценки им посягательств подобного рода. Сегодня сопряженность как уголовно-правовая категория получила соответствующее разъяснение лишь применительно к убийству, что нашло свое выражение в руководящем разъяснении Пленума Верховного Суда РФ. Вполне естественно, что в нем нет ничего ни про террористический акт, ни про захват заложников, ни тем более про угон судна. В таком случае остается не совсем понятно, как поступать правоприменителю при их сопряженности с убийством. Применять соответствующие положения пленума по аналогии? Вряд ли подобное допустимо, особенно с учетом существующего запрета даже на аналогию уголовного закона, не говоря уже об аналогии других нормативных актов. Следовательно, подход должен быть самостоятельным и не обязательно совпадающим с уже сформировавшимся ранее.

С учетом того, что в ч. 4 ст. 211 УК РФ законодатель дифференцировал ответственность на основе сопряженности с террористическим актом, а не с причинением смерти, как это в свое время было сделано в ст. 205, 206 УК РФ, о тождественности нововведения и его оценке по аналогии с пп. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ не может быть и речи. Несмотря на наличие в указанных статьях сопряженности, сам по себе подход «двойной квалификации» не является нормативно урегулированным и не может автоматически распространяться на все последующие случаи использования данной категории в статьях Особенной части УК РФ.

Вместе с тем, неоднозначность ситуации явно имеет место, а сформировавшееся на основе приведенных выше данных мнение относительно, того как должна оцениваться

сопряженность в ходе квалификации, может оказывать как раз доминирующее воздействие на правоприменителя.

На сегодняшний день законодательная конструкция ч. 2 ст. 105 УК, как, впрочем, и редакция соответствующих частей ст. 205, 206, 211 УК, не дает каких-либо оснований сделать вывод о том, что совершение данных преступлений становится невозможным при отсутствии содержащихся в них признаков иных посягательств. Эти деяния не являются составной частью основного состава преступления, они не вытекают из его содержания и не являются логическим продолжением убийства, террористического акта, захвата заложников либо угона воздушного или водного судна. Сопряженный – это всегда «взаимно связанный, непременно сопутствующий чему-либо» [11, с. 691]. В рассматриваемом случае говорить о неопределенности явно не приходится. Соответствующие пункты составов с отягчающими обстоятельствами «выпадают» из содержания данного положения, являясь скорее самостоятельными преступлениями, нежели квалифицирующими признаками.

В случае с убийством его квалификация в рамках п. «в», «з» или «к» ч. 2 ст. 105 УК по совокупности с соответствующим преступлением, безусловно, имеет и свои положительные стороны. Например, позволяет дифференцировать уголовную ответственность в случае покушения на такое убийство или на преступление, с которым оно сопряжено, а также учесть квалифицирующие признаки последнего – несовершеннолетие потерпевшей при изнасиловании или крупный размер хищения при разбое. Вместе с тем, подобная квалификация имеет существенный недостаток – необоснованное завышение оценки общественной опасности деяния ввиду двойного учета признаков преступления. На это обращается внимание в литературе и предлагается исключить рассматриваемые квалифицирующие признаки убийства из ч. 2 ст. 105 УК [12; 13]. Действительно, реально имеет место совершение двух взаимосвязанных, но, вместе с тем, самостоятельных преступлений, например убийства и похищения человека, общественная опасность которых получила соответствующую законодательную оценку в санкциях ч. 1 ст. 105 и ч. 1 ст. 126 УК. Может ли факт взаимосвязи данных преступлений повышать их общественную опасность? Полагаем, что нет. Ведь в случаях законодательно учтенной идеальной совокупности деяний (примеров которой в УК немало) зачастую происходит снижение оценки их общественной опасности. Кроме того, Общая часть УК не содержит положений о том, что

реальная совокупность преступлений более общественно опасна, чем идеальная. И это правильно, поскольку вред и в том и другом случае причиняется одинаковый. Вряд ли убийство, совершенное в процессе изнасилования (из мести), и само изнасилование более общественно опасны, чем данные преступления, не связанные между собой, совершенные при этом одним и тем же человеком, но в разное время.

Еще более категоричной должна быть позиция по обратной ситуации, когда иным или сопряженным преступлением выступает уже убийство. Роль сопряженности в случае сочетания, например, террористического акта и умышленного причинения смерти с успехом может выполнить и совокупность, правила которой позволят назначить ничуть не меньшее наказание, чем при сопряженности, сняв при этом наиболее болезненные вопросы. Иначе, несмотря на законодательное определение совокупности и ее видов, а также детальную регламентацию правил назначения наказания при ее наличии, в ситуациях подобного рода она практически полностью игнорируется. В целом это касается всех случаев законодательно учтенной идеальной совокупности преступлений, которых в действующем УК РФ вполне достаточно. Поэтому, говоря о необходимости решения проблемы сопряженности, важно понимать, что это лишь внешняя, видимая ее часть, тогда как сущность ее лежит в области совокупности преступлений и правил ее применения. Более того, попытка получить ответ на один вопрос, связанный с сопряженностью различных по своим родовым признакам посягательств, не может не поднимать другого вопроса: как быть со всеми остальными случаями, где нет ссылки на сопряженность, но есть совокупность различных посягательств. И там и там, полагаем, ответ должен быть одинаковым, приоритет должен отдаваться правилам назначения наказания в порядке ст. 69, 70 УК РФ. При этом решение проблем наказания не должно осуществляться за счет правил квалификации, это два разных явления как по формальным признакам, так и по своему содержанию.

Представляется, что в рассматриваемом случае сохранился ранее существовавший подход к квалификации подобных преступлений. Осталось двойное вменение при отсутствии реального ужесточения ответственности. В то же время сам по себе факт усложнения процесса квалификации, «ужесточения» его правил еще не свидетельствует об однозначном усилении ответственности. Как бы то ни было, а ответственность лица, совершившего преступление,

напрямую зависит не от количества составов, которые ему вменяются, даже если это вменение и является двойным, а от конкретных размеров наказаний и правил их назначения. Соответственно, исключив из квалифицированных составов признаки, связанные с совершением других преступлений, при этом изменив правила назначения наказания, можно добиться того же эффекта. Итоговое наказание останется тем же, в то же время процесс квалификации будет существенным образом упрощен.

Косвенно на это указывает и санкция вновь введенной нормы (ч. 4 ст. 211 УК РФ), которая предусматривает наказание от 15 до 20 лет лишения свободы или пожизненное лишение свободы, что, по сути, представляет собой максимум, который вообще где-либо предусмотрен в других статьях кодекса. В частности, речь идет о ст. 277, 295, 317 и др. Устанавливая столь жесткие рамки наказания за рассматриваемое деяние, законодатель, помимо того, что таким образом оценил степень его общественной опасности, также продемонстрировал достаточность предусмотренного наказания. Установленные при этом минимальные и максимальные пределы наказания практически исключают совокупность преступлений. В то же время при отсутствии ч. 4 в ст. 211 УК РФ, основанной на категории сопряженности, применение наказания, предусмотренного в ч. 3 данной статьи (от 8 до 15 лет лишения свободы), по совокупности даже с ч. 1 ст. 205 УК РФ (от 8 до 15 лет лишения свободы) привело бы к одинаковому результату. Назначенное наказание находилось бы в тех же пределах, что и при наличии сопряженности в конструкции любой из указанных статей. Более того, при определенном стечении обстоятельств совокупность преступлений позволила бы назначить более строгое наказание, чем это было бы возможно даже при наличии столь строгой санкции, как в ч. 4 ст. 211 УК РФ. Таким образом, в очередной раз законодатель, усложнив правила квалификации, не добился положительного эффекта в части усиления репрессии за такое, безусловно, опасное явление, как угон воздушного, водного транспорта или железнодорожного состава. По сути, на это же обстоятельство указывается и в аналитическом докладе, посвященном состоянию уголовной политики в Российской Федерации. Его авторы отмечают, что, делая террористический акт и захват заложников сопряженными с умышленным причинением смерти другому человеку, законодатель лишь смягчил ответственность за данный вид посягательства [14].

Необходимо отметить, что уход от иных преступлений в законодательной конструкции квалифицированного убийства и, наоборот, помещение признаков умышленного причинения смерти в составы других посягательств для истории отечественного уголовного законодательства факт известный. В различные исторические периоды законодатель уже прибегал к такому приему усиления мер уголовной репрессии. И происходило это именно за счет включения убийства в особо квалифицированные составы других преступлений. Например, ст. 1634 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и последующих редакций предусматривала уголовную ответственность за разбой, соединенный со смертоубийством, хотя и без прямого на то намерения, или с покушением на убийство [15].

Примеры именно такого способа правовой регламентации сопряженности можно увидеть и в более поздний период. Так, в ч. 2 ст. 167 УК РСФСР 1926 г. прямо указывалось на убийство в процессе разбойного нападения, за что следовало наказание в виде 10 лет лишения свободы. Позднее в соответствии с изданным 4 июня 1947 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении охраны личной собственности граждан» [16, с. 430] вопрос о квалификации убийства, сопряженного с разбоем, решался в пользу имущественного посягательства. Это же правило в последующем было подтверждено и руководящим постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 19 марта 1948 г. «О применении Указа от 4 июня 1947 г.», в котором содержались прямые ссылки на ранее упомянутый документ, а также на необходимость его прямого и неукоснительного применения в таких случаях [17, с. 537–538].

Вопрос в данном случае лишь в выборе направления развития отечественного уголовного законодательства, которое должно пойти либо по пути использования сопряженности убийства с иными преступлениями, либо, наоборот, сопряженности иных преступлений с убийством, либо, что представляется более верным, по пути полного отказа от сопряженности. В любом случае позиция в данном вопросе должна быть единой, чтобы формируемые на законодательном уровне средства уголовно-правового воздействия реально способствовали достижению необходимого результата в практической деятельности правоохранительных органов. Иначе будет складываться ситуация, когда неоднозначное толкование и понимание одной и той же уголовно-правовой нормы приведет

к снижению эффективности ее практического применения.

Возможна такая ситуация и в рассматриваемом случае в связи с тем, что внесенные в ст. 205, 206, 211 УК РФ изменения идут вразрез с ранее устоявшимися положениями уголовно-правовой доктрины и уже сложившейся в последние несколько десятилетий судебной практикой. В этой связи полагаем, что для достижения необходимого результата в ходе практического применения указанных положений уголовного закона необходима их соответствующая корректировка, предполагающая исключение из их содержания указания на сопряженность с убийством или любым другим преступлением, в том числе с террористическим актом.

Подводя итог исследуемому вопросу, отметим, что, устанавливая дополнительную ответственность за убийство, сопряженное с другими преступлениями, законодатель в большей степени опирается не на существующие правила квалификации, а скорее на необходимость усиления ответственности за данное преступление. Такой подход к решению поднимаемой проблемы является традиционным, прежде всего, для советского уголовного законодательства. Действующий УК в этой части стал его преемником, принципиально не изменив подхода к ее решению. Более того, существовавший ранее точечный подход к проблеме ответственности за наиболее опасные посягательства был расширен при полном отсутствии каких-либо комментариев на этот счет со стороны, например, того же Верховного Суда РФ. Между тем, решение проблемы усиления ответственности за совершение определенной категории преступлений подобным путем приводит лишь к появлению дополнительных сложностей в квалификации и совершенно необъяснимо с позиции дифференциации уголовной ответственности.

На этом основании считаем, что сегодня одним из наиболее приоритетных направлений решения исследуемой проблемы является исключение из УК РФ категории сопряженности, что должно повлечь за собой более широкое применение правил о совокупности преступлений и совокупности приговоров. В случае сохранения существующего подхода и дальнейшего использования рассматриваемой категории в УК РФ требуется, во-первых, ограничить ее дальнейшее распространение в нормах уголовного закона, а во-вторых, применительно к уже существующим случаям выработать единую позицию, которая должна сводиться к исключению необходимости

дополнительной квалификации по так называемому сопряженному преступлению. Такой подход должен быть сформирован на уровне

Верховного Суда РФ, что позволит обеспечить единство судебной практики в данном направлении.

1. Бавсун М.В., Вишнякова Н.В. Проблемы квалификации убийства, сопряженного с иными преступлениями // *Уголовное право*. 2004. № 4.

2. Бавсун М.В., Николаев К.Д. Проблемы юридической оценки преступлений против общественной безопасности, «сопряженных» с убийством // *Рос. юстиция*. 2010. № 1.

3. О судебной практике по делам об убийстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 янв. 1999 г. № 1 // *Бюл. Верховного Суда РФ*. 1999. № 3.

4. Бородин С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М., 1994.

5. Оганян Р.Э., Кибальник А.Г., Соломонович И.Г. Преступления против жизни и здоровья: квалификация в правоприменительной деятельности. М., 2002.

6. Антонян Ю.М., Вережцагин В.А., Потапов С.А., Шостакович Б.В. Серийные сексуальные убийства. М., 1997.

7. Никифоров А.С. Совокупность преступлений. М., 1965.

8. Курс советского уголовного права. М., 1970. Т. IV.

9. Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийств обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления. Барнаул, 2006.

10. Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // *Уголовное право*. 2004. № 4.

11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986.

12. Стрельников А.И. Ответственность за убийство, совершенное при обстоятельствах, отягчающих наказание (ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

13. Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

14. Проект аналитического доклада на тему «Состояние уголовной политики в Российской Федерации». URL: <http://council.gov.ru/press-center/news/44461/> (дата обращения: 09.07.2014).

1. Bavsun M.V., Vishnjakova N.V. Problem qualification of murder involving other offences // *Criminal law*. 2004. № 4.

2. Bavsun M.V., Nikolaev K.D. Legal assessment issues of crimes against public security «involved» with the murder // *Russian justice*. 2010. № 1.

3. On judicial practice in cases of murder: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Jan. 27, 1999 № 1 // *Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation*. 1999. № 3.

4. Borodin S.V. Responsibility for the killing: qualification and punishment under Russian law. Moscow, 1994.

5. Ohanyan R.E., Kibalnik A.G., Solomonenko I.G. Crimes against life and health: qualification in law enforcement. Moscow, 2002.

6. Antonyan Yu.M., Vereshchagin V.A., Potapov S.A., Shostakovich B.V. Serial sexual killings. Moscow, 1997.

7. Nikiforov A.S. Cumulative of offenses. Moscow, 1965.

8. The course of the Soviet criminal law. Moscow, 1970. Vol. IV.

9. Plaksina T.A. Social reasons of aggravating the killings circumstances and their legal expression in signs of corpus delicti. Barnaul, 2006.

10. Pobegaylo E.F. The crisis of the modern Russian criminal policy // *Criminal law*. 2004. № 4.

11. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. Moscow, 1986.

12. Strelnikov A.I. Responsible for murder committed under aggravating circumstances (pt. 2 of the art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation): auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 1998.

13. Kaplin M.N. Differentiated criminal responsibility for crimes against life and health: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2003.

14. Draft an analytical report entitled «the State of the criminal policy in the Russian Federation». URL: <http://council.gov.ru/press-center/news/44461/> (date of access: 09.07.2014).

15. Tagantsev N.S. Defeat on penalties criminal and correctional, 1885. St. Petersburg, 1913.

16. Collection of documents on the history of the criminal law of the USSR and the RSFSR, 1917–1952. Moscow, 1953.

15. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб., 1913.

16. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. М., 1953.

17. Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д. Курс советского уголовного права: Особенная часть. М., 1955. Т. 1.

17. Piontkovsky A.A., Menshagin V.D. The course of the Soviet criminal law: Special part. Moscow, 1955. Vol. 1.

Генрих Наталья Викторовна

доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовного права
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университета правосудия
(e-mail: ngenrih@mail.ru)

К исследованию убийств: универсальные механизмы и тенденции

В статье рассматриваются итоги международного исследования убийств, их мировая география, уровень распространенности, основные показатели виктимизации, а также типичные механизмы (факторы) убийств.

Ключевые слова: убийства, виктимизация, типология жертв, огнестрельное оружие, межличностные отношения, латентность.

N.V. Genrih, Doctor of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Criminal Law of the North Caucasian branch of the Russian State University of Justice; e-mail: ngenrih@mail.ru

To the research of murders: universal mechanisms and trends

The article discusses the results of the international study of murders, its world geography, prevalence, basic indicators of victimization, as well as the typical mechanisms (factors) of the murders.

Key words: murders, victimization, typology of victims, firearms, interpersonal relationships, latency.

Управление ООН по наркотикам и преступности опубликовало доклад, посвященный глобальному исследованию убийств, совершенных в 2012 г. [1]. Содержание доклада представляет научный интерес в силу его фактологической насыщенности, некоторых методологических подходов и решений классификационного плана. Уже поэтому содержащаяся в нем информация следует признать значимой для продолжения сравнительных исследований насильственной виктимизации в целом и, в том числе, для исследования различных аспектов проблематики убийств. Значимость исследованию придает и подчеркнутое смещение акцента анализа на виктимологическую проблематику, исходящее из перспективности профилактики умышленных убийств. При этом составители доклада признают его неполноту и трудности оценок, возникшие в силу отсутствия единообразных и потому надежных правовых и криминологических индикаторов безопасности в разных странах.

Важно отметить, что названное исследование готовилось в преддверии XIII Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (2015 г.), поэтому одной из его главных целей явилось установление связей между уровнем насилия, безопасностью и развитием общества как важнейших факторов законности и правопорядка, рассматриваемых в самом

широком социальном контексте. Ибо, помимо непосредственной гибели людей, преднамеренные убийства порождают в обществе страх и ощущение неуверенности в своей безопасности, а в итоге «создают угрозу человеческой популяции». Поэтому такого рода исследования следует рассматривать как важную составляющую глобального мониторинга безопасности.

По данным доклада, в 2012 г. в мире зафиксировано 437 тыс. преднамеренных убийств, из них более одной трети приходится на страны Центральной и Южной Америки (36%), второе место занимает Африка (31%), а затем идут страны Азии (28%) и Европы (5%). В предыдущем исследовании (за 2010 г.) было зафиксировано 468 тыс. убийств. Таким образом, по расчетам авторов доклада, за прошедший период число жертв убийств в странах Европы и Азии снизилось на 11–14%, а в странах Америки, наоборот, выросло на 8,5%. Ныне при среднем глобальном уровне убийств – 6,2 на 100 тыс. населения – этот показатель в разных регионах и странах заметно варьируется: в Южной Африке и Центральной Америке – до 24,0; в Юго-Восточной Азии, в Южной и Западной Европе он в пять раз ниже среднего. В странах Америки этот показатель (29,3) почти в семь раз выше, чем в странах Азии и Европы (меньше 4,5). Действительно, симметричная, контрастирующая картина складывается в странах с относительно

низким уровнем убийств, где проживает 2,9 млрд человек, или 42% мирового населения; на долю этих стран в 2012 г. приходилось лишь 8,0% (34 тыс.) всех жертв убийств в мире.

В итоге почти три миллиарда людей живут в странах с относительно невысоким уровнем убийств, причем этот показатель имеет тенденцию к постепенному снижению. И, наоборот, 750 млн человек живут в странах с самым высоким уровнем убийств (главным образом, в странах Африки и Америки); на их долю приходится почти половина всех жертв убийств (46%, или 200 тыс. жертв), хотя население этих стран составляет всего 11% от общей численности мирового населения. Это, во-первых, означает, что опасность для жизни сегодня является главной проблемой для каждого десятого жителя планеты, а во-вторых, что вероятность убийства в странах Африки и Америки в пять-шесть раз выше, чем в среднем по миру.

В самом деле, в этих странах уровень убийств доходит до 30,0 на 100 тыс. населения; это в несколько раз выше, чем даже в странах, которые находятся в зоне военных действий (в Афганистане, например, уровень убийств – 8,0; в Ираке – 10,0). Авторы доклада полагают, что столь существенные различия в уровне убийств в указанных странах в основном объясняются более высокой распространенностью организованной преступности и активностью криминальных банд. Вероятно, отчасти это так, хотя, на наш взгляд, причины этих различий носят более сложный характер, а главное, в конкретной стране и в конкретный период они весьма специфичны.

В докладе показаны весьма значительные региональные и национальные различия в уровне убийств. В Южной Америке, например, обращают на себя внимание существенные статистические различия, связанные с гораздо меньшей распространенностью убийств в Аргентине, Уругвае и Чили и, с другой стороны, с намного более высоким уровнем убийств в Бразилии, Колумбии и Венесуэле. Заметные различия в распространенности убийств в ряде регионов сохраняются даже внутри той или иной страны, в мегаполисах, в столицах и в стране в целом. Здесь в наибольшей мере сказываются те факторы, в каждой стране по-разному и в разной мере влияющие на распространенность насилия, специфика которых проявляется именно на локальном уровне. К числу таких факторов относятся высокий уровень безработицы, низкие стандарты образования, нищета и неравенство, организованная преступность, доступность огнестрельного оружия и т.д.

Палитра этих различий, конечно, представляет определенный интерес для сравнительной криминологии, хотя значительный разброс и пестрота данных затрудняют восприятие и оценку глобальной картины в целом. В этом плане наибольший интерес представляют фрагменты исследования, связанные с определенными особенностями насильственной виктимизации. Отмечается, например, что, помимо многих других показателей, особенности виктимизации проявляются в гендерном и возрастном распределении жертв и убийц. В частности, установлено, что женщины в гораздо большей мере подвержены риску, чем мужчины: на долю женщин приходится 79% всех жертв убийств. В целом распространенность жертв убийств среди мужчин (9,7) почти в четыре раза выше, чем среди женщин (2,7 на 100 тыс.).

В странах Африки и Америки оба показателя – для мужчин и для женщин – выше среднемировых, но при этом в странах Америки отмечен наивысший уровень жертв убийств среди мужчин, тогда как в странах Африки, наоборот, выше распространенность убийств женщин. В ряде стран Азии (Японии, Южной Кореи, Индии) и Европы (в Германии и во Франции) в распределении жертв убийств существует примерный паритет, а, скажем, в Японии доля жертв среди женщин даже выше (53%), чем среди убитых мужчин. Самый низкий показатель распространенности убийств женщин зафиксирован в Таиланде (12,2%), Тайване (13,2%) и в Северной Ирландии (17,4%); самый высокий – в Японии и Южной Кореи (53% и 40%), в Германии (47,3%) и в Мексике (42,8%).

Что же касается сферы семейных и партнерских отношений, то здесь иные гендерные пропорции – две трети жертв убийств (43600) приходится на долю женщин, и одну треть (20 тыс.) составляют мужчины.

Общую картину региональных различий дополняют и изменения в возрастной структуре жертв убийств, где 43% составляют потерпевшие из возрастной группы 15–29 лет и 30% из возрастной группы 30 лет – 44 года (в странах Америки абсолютное большинство жертв приходится на возрастную группу 15–29 лет). Если на глобальном уровне гендерные различия среди жертв убийств в самых младших возрастных группах практически отсутствуют (они растут в более старших возрастных группах), то на региональном уровне картина меняется. Например, в странах Азии и Европы риски убийства распределяются одинаково – и для юношей, и для девушек, а в странах Америки такие риски для юношей значительно выше. Так или иначе,

абсолютное большинство жертв убийств приходится на возрастные группы 15–29 лет и 30 лет – 44 года. В целом более половины всех жертв убийств в мире приходится на наиболее активную часть населения – на лиц в возрасте до 30 лет; при этом в странах Центральной и Южной Америки доля жертв из младшей возрастной группы намного выше, чем в среднем по миру. Таким образом, молодежь находится в сфере наибольшего риска.

Высокая смертность в результате убийств среди этой возрастной группы – серьезный отрицательный показатель социально-экономического и психологического благополучия, свидетельствующий о недостаточных мерах по обеспечению безопасности для жизни и здоровья людей. В этом контексте особую тревогу вызывает высокая распространенность убийств детей в возрасте до 15 лет – в 2012 г. общее число таких жертв в мире превысило 36 тыс., или более 8,0% всех жертв убийств.

При всей неполноте статистической информации (ибо она базируется лишь на официальных отчетах, представленных большинством стран, где, конечно же, не учитываются латентные и нераскрытые убийства) факт ежегодной потери полумиллионного массива человеческих жизней не может не вселять тревоги, тем более, что ощутимой тенденции к снижению этих потерь, к сожалению, не наблюдается.

В докладе отмечается, что в целом глобальный уровень убийств может быть ниже; проблема в том, что амальгама ситуации в мире слишком противоречивая и разноплановая, порой даже противоречащая региональным и субрегиональным тенденциям. Так, анализ динамики убийств за последние пять лет указывает на стабильность уровня убийств в большинстве стран Азии и Европы (кроме Восточной Европы, где этот показатель – опять же, по официальным данным, – имеет тенденцию к снижению). В странах Северной Азии уровень убийств растет, а в ряде стран Южной Азии (особенно в Китае, Японии, Филиппинах) он не только самый низкий, но и продолжает снижаться. Правда, и здесь ощутимы разные субрегиональные тенденции: в Индии, Пакистане и Афганистане, например, этот показатель заметно растет.

В странах Восточной и Северной Африки уровень убийств растет, а в Южной Африке последовательно снижается (с 1995 по 2011 г. он снизился на 50% (с 64,9 до 30 на 100 тыс. населения). Такая же в целом разноречивая картина в странах Америки. В Бразилии, например, уровень убийств хотя и стабилен, но остается очень высоким, а в Аргентине, Чили и Уругвае

он тоже стабилен, но намного ниже и ближе к показателям европейских стран. Понятно, что в своем развитии каждая страна с учетом собственной истории и особенностей идет по своей траектории; ей соответствуют происходящие социальные изменения и, в том числе, изменения в динамике убийств.

По оценкам авторов доклада, уровень убийств в странах Восточной Европы последовательно снижается «на фоне улучшения социально-экономических условий; в странах Балтии, например, за последние десять лет он снизился на 50%». Такого рода оценки, на наш взгляд, представляются не только излишне оптимистичными, но и упрощенными, ибо, во-первых, в разных странах Восточной Европы социально-экономическая ситуация имеет весьма существенные различия (Молдова, Румыния, Болгария, Украина, с одной стороны, и, скажем, Россия – с другой), а во-вторых, ценность представленных этими странами официальных статистических данных об убийствах носит весьма релевантный характер; они заслуживают критической оценки и более глубокого и дифференцированного анализа действующей практики учета и регистрации преступлений [2; 3].

Составители доклада отмечают, что в отличие от предшествующего исследования (2011 г.) ныне убийства рассматриваются не просто как средство, как инструмент насильственного достижения корыстных или иных целей, а в более широком социальном контексте, что позволяет глубже проникнуть в суть явления, понять его характер и механизмы; такого рода анализ предполагает знание и учет направленности умысла, специфики мотивации, особенностей ситуации, характера взаимоотношений преступника и жертвы и других элементов, которым принадлежит важная роль в этиологии различных видов убийств. В нашу задачу не входит анализ результатов этой части масштабного исследования (около 170 страниц), она в основном состоит в том, чтобы привлечь внимание заинтересованного читателя к современной панорамной картине убийств.

Избранная составителями доклада типология выделяет три категории «многоликих» убийств, уровень которых существенно различается в региональном и национальном разрезе: 1) убийства, сопряженные с другой преступной деятельностью; 2) на почве межличностных отношений и конфликтов; 3) напрямую связанные с социально-политической ситуацией.

В первом случае рассматриваются два варианта. Первый – когда убийство изначально не планировалось; чаще всего это грабеж, в силу

различных обстоятельств ситуации повлекшей смерть жертвы. Отметим, что убийства, сопряженные с грабежом (точнее, наоборот), составляют всего 5,0% от ежегодного числа убийств в странах Америки и Европы, причем в течение ряда лет этот показатель остается стабильным. Во втором варианте речь идет о деяниях организованных преступных групп, когда убийство является «попутным» средством достижения других, чаще всего долгосрочных и в основном экономических целей или же средством устрашения конкурентов и других лиц, стоящих на пути мафии. В докладе отмечается, что причиной высокого уровня убийств в странах Центральной Америки является именно всплеск насилия со стороны организованных преступных групп, ведущих борьбу за сферы влияния и, прежде всего, за контроль над торговлей и наркотрафиком. Другой пример связан с активностью организованной преступности в Италии; по данным доклада, в 2012 г. преступные сообщества причастны к 15% всех убийств, из них 70% связаны с возросшей активностью мафиозных кланов на юге страны. (Деятельность неаполитанской мафии подробно описана Роберто Савиано в ставшем бестселлером документальном исследовании «Гоморра».)

Второй из трех названных типов убийств касается конфликтов на почве межличностных отношений интимных партнеров, супругов или других членов семьи; они различаются главным образом по уровню эмоциональной напряженности, а также по характеру экономических, правовых и других межличностных проблем, в зависимости от которых убийство может либо носить спонтанный характер, либо быть заранее спланированным. Практически повсеместно такого рода убийства составили 14% от общего числа зарегистрированных убийств. Другими словами, каждое седьмое убийство в мире совершается интимными партнерами или супругами на почве обострения межличностных отношений и бытовых конфликтов.

В отличие от первых двух типов третий тип убийств совершается только в публичной сфере и служит средством для решения политических, социальных, в том числе этнических, и других проблем. Здесь убийства носят инструментальный характер – это знак, послание обществу (людей убивают за то, что они принадлежат определенному политическому или социальному сектору). Жертвы и убийцы в этих случаях, как правило, не знакомы или, по крайней мере, характер их личных отношений никак не входит в баланс размышлений убийцы. Убийство во время войны и конфликтов – типичный

пример такого рода социально-политического насилия.

В докладе ООН приводятся интересные данные о распространенности убийств в столицах ряда стран и в наиболее крупных мегаполисах – в абсолютных и относительных показателях (в скобках); примечательно, что они чаще всего значительно ниже национальных показателей. В Нью-Йорке, например, было совершено в 2012 г. 419 убийств (4,7); в Торонто – 78 (1,3); в Мехико – 779 (8,8); в Париже – 41 (1,8); в Лондоне – 100 (1,3); в Берлине – 35 (1,0). На фоне этих показателей куда более благоприятной выглядит ситуация в Юго-Восточной Азии. Так, в Сеуле, например, было совершено 83 убийства (0,8); в Токио – 32 (0,2); в Сингапуре – 11 (0,2).

В контексте настоящей статьи (подробнее см. [4]) особое внимание привлекают данные о распространенности и географии убийств, совершенных с применением огнестрельного оружия. Согласно этим данным в 2011 г. они составили 41% (или 177 млн человек) от общего числа убийств в мире, из них большинство – в странах Южной и Центральной Америки, в Африке и 28% – в странах Азии. В США, например, в 2005–2012 гг. с применением огнестрельного оружия ежегодно совершается 60% убийств; в Великобритании – 7%; в Южной Корее в 2012 г. такие убийства составили 2,0%, а в Японии – 1,7% от общего числа зарегистрированных убийств.

Следует отметить, что в столицах и крупных мегаполисах число таких убийств почти везде значительно меньше, чем по стране в целом, что, очевидно, объясняется максимальной концентрацией сил полиции и более широким применением средств технического наблюдения и контроля и, как следствие, более результативной профилактикой таких преступлений. Для сравнения: в 2011 г. в крупнейшем мегаполисе Канады – Торонто – с применением огнестрельного оружия совершены лишь 1,3% всех убийств, в Нью-Йорке – 6,3%, в Москве – 3,8%, в Сеуле – 0,8%, а в Токио – 0,2% (это самый низкий показатель среди 23 наиболее крупных мегаполисов Азии); в 2012 г. в столице Японии совершено 153 преступления с использованием огнестрельного оружия, из них 15 убийств [5, р. 19, 38].

В свете приведенных выше данных исследования ООН необходимо упомянуть о только что опубликованном в США докладе Crime Prevention Research Center, в котором подчеркивается, что резкое снижение насильственной преступности связано с расширяющейся по всей стране законодательной отменой ограничений на владение огнестрельным оружием. Защит-

ники Второй поправки к Конституции США убеждены, что отмена таких ограничений приведет к еще более высокому уровню безопасности граждан.

В докладе Центра указывается, что с 2007 г. число легальных владельцев оружия в США выросло на 146% – с 4,5 млн до 11,1 млн человек, а число убийств и других насильственных преступлений за тот же период снизилось на 22% [6]. Причем в тех штатах, где стало больше всего легальных владельцев оружия, выявлены самые низкие показатели преступности. Более того, в докладе приводятся данные о том, что увеличение числа таких владельцев на 0,1% ведет к снижению числа убийств на 1,4%. Президент Центра Джон Лотт приводит объяснение выявленной взаимосвязи, суть которого в том, что, опасаясь отпора, преступники избегают конфликтов с вооруженными гражданами и вынуждены направлять свою активность на тех потенциальных жертв, у которых оружия нет. Объяснение психологически понятное, но, конечно, во многом слишком упрощенное, ибо на динамику убийств и других форм насилия действует более сложная совокупность взаимосвязанных факторов, по-разному «работающих» в конкретных ситуациях места и времени, в том числе совокупность мер по пресечению и профилактике насилия, среди которых в США далеко не последнюю роль играет чрезвычайно широкое применение наказания в виде лишения свободы [7]. Поэтому наивно полагать, что снижение уровня убийств – прямой и чуть ли не основной, как утверждает в докладе, результат повсеместной отмены ограничений, связанных с огнестрельным оружием. Кстати, тенденция снижения насильственной преступности в США началась гораздо раньше, еще с конца 1990-х гг.

Повсеместная отмена ограничений, связанных с огнестрельным оружием, оказалась довольно доходной для бюджета штатов. В небольшом числе штатов, где раньше таких ограничений не было (например, в Южной Дакоте), выдача соответствующего разрешения обходилась владельцу оружия всего в 10 долларов. Ныне стоимость новых разреше-

ний варьируется в широких пределах: в Иллинойсе, например, она составляет 600 долларов, не считая расходов на обязательную программу обучения владельцев правилам обращения с оружием. В настоящее время легализация оружия и выдача новых разрешений касается почти 15 млн владельцев, и их число будет расти; кроме того, многие фактические владельцы в разных штатах пока по разным причинам остаются неучтенными. Сегодня отмена ограничений и выдача новых документов охватывает 1,3 млн владельцев во Флориде, более 700 тыс. в Техасе, миллионы людей в других штатах.

Весной этого года Окружной апелляционный суд Калифорнии, рассмотрев жалобу истцов из Сан-Диего, принял постановление, согласно которому запрет на огнестрельное оружие является прямым нарушением конституционных прав граждан. Учитывая, что речь идет о штате, который является вторым по численности населения, нетрудно представить, как возрастет число новых владельцев оружия. Соответственно, нетрудно представить коммерческую составляющую: какую доходность принесет все более широкая кампания по легализации оружия. А ссылки на якобы сопровождающую ее благоприятную динамику насильственных преступлений являются лишь «научным» прикрытием этой кампании, где под флагом защиты прав граждан и выполнения обещаний федеральной власти достигаются определенные экономические цели. Можно достаточно обоснованно полагать, что именно финансовый кризис последних лет стал катализатором такого рода политико-экономических решений.

Корреляция между динамикой насильственных преступлений и отменой ограничений на владение огнестрельным оружием, несомненно, существует, но, как было показано выше, она на самом деле имеет отрицательное значение. Иначе говоря, там, где действуют строгие запреты на оружие, где владение им ограничено и находится под строгим контролем (Япония, Южная Корея и другие страны Азии и Европы), уровень насилия намного ниже, более того, самые низкие показатели имеют тенденцию к снижению.

1. *Global Study on Homicide, 2013. Trends. Contexts. Data. United Nations Office on Drugs and Crime. Vienna, 2014. URL: www.unodc.org*

2. Квашис В.Е., Генрих Н.В. Преступность в России и за рубежом: методологические аспекты сравнительного анализа // Пролог. 2013. № 3.

1. *Global Study on Homicide, 2013. Trends. Contexts. Data. United Nations Office on Drugs and Crime. Vienna, 2014. URL: www.unodc.org*

2. Kвашис V.E., Genrih N.V. *Crime in Russia and abroad: methodological aspects of comparative analysis // Prologue. 2013. № 3.*

3. Клейменов М.П. *Нераскрытая преступность // Криминологическая ситуация и реагирование на нее / под ред. А.И. Долговой. М., 2014.*

4. Генрих Н.В., Квашис В.Е. *К итогам новейших исследований убийств // Российский криминологический взгляд. 2014. №1.*

5. *Police of Japan. 2014.*

6. URL: www.foxnews.com/us/2014/07/09/murder-drops-as-concealed-carry-permits-rise-claims-study

7. Квашис В.Е. *Основные тенденции преступности в США: причины и меры противодействия // Науч. портал МВД России. 2013. № 1.*

3. Kleymenov M.P. *Unsolved crime // Criminological situation and response on it / ed. by A.I. Dolgova. Moscow, 2014.*

4. Genrih N.V., Kvashis V.E. *To the results of the latest research of murders // Russian criminological outlook. 2014. № 1.*

5. *Police of Japan. 2014.*

6. URL: www.foxnews.com/us/2014/07/09/murder-drops-as-concealed-carry-permits-rise-claims-study

7. Kvashis V.E. *Main trends of crime in the United States: causes and countermeasures // Scientific Portal of the Russia Ministry of the Interior. 2013. № 1.*

Ильяшенко Алексей Николаевичдоктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника Краснодарского университета
МВД России по научной работе
(тел.: +78612584050)

Объективная сторона состава внесения в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений (статья 285³ Уголовного кодекса Российской Федерации)

В статье рассматриваются признаки объективной стороны состава внесения в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений, формулируются разъяснения по их пониманию и порядку применения.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступление, состав преступления, объективная сторона, единые государственные реестры, регистрация, информация, подлог.

A.N. Ilyashenko, Doctor of Law, Professor, Deputy Head on Scientific Work of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612584050.

The objective side of inclusion in unified state registers of deliberately false information (article 285³ of the Criminal code of the Russian Federation)

The article discusses signs of the objective side of inclusion in unified state registers of deliberately false information, formulates explanation for their understanding and application procedure.

Key words: criminal liability, crime, corpus delicti, objective side, unified state registers, registration, information, forgery.

Анализ положений действующего российского уголовного законодательства позволяет утверждать, что основной нормой, ориентированной на противодействие посягательствам на единые государственные реестры, выступает ст. 285³ УК РФ «Внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений». Такой вывод основывается, прежде всего, на том, что предметом данного преступления выступают только названные реестры. Иные же нормы отечественного уголовного закона обеспечивают охрану единых государственных реестров лишь наряду с другими предметами.

Необходимо отметить, что вследствие известной новизны состава внесения в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений элементы и признаки данного состава преступления на сегодняшний день являются недостаточно изученными. В связи с этим их рассмотрение представляется достаточно актуальным. В рамках настоящей статьи мы ограничимся анализом признаков объективной

стороны состава преступления, предусмотренного ст. 285³ УК РФ.

Под объективной стороной обычно понимается внешнее выражение акта преступного поведения человека. Весьма емкое определение объективной стороны предлагает Л.Д. Гаухман, который пишет, что «объективная сторона конкретного состава преступления – это совокупность внешних, объективных, социально значимых, выражающих общественную опасность и ее степень, существенных, типичных для данного вида преступлений признаков, предусмотренных уголовным законом и – при бланкетности диспозиции статьи Особенной части УК РФ – в других законах и (или) иных нормативных правовых актах, характеризующих преступление как оконченное и совершенное исполнителем (исполнителями)» [1, с. 135–136].

Исходя из текста уголовного закона, объективная сторона преступления, регламентированного ст. 285³ УК РФ, выражается во внесении в один из единых государственных реестров, предусмотренных законодательством Россий-

ской Федерации, заведомо недостоверных сведений, а равно в уничтожении или подлоге документов, на основании которых были внесены запись или изменение в указанные единые государственные реестры, если обязательное хранение этих документов предусмотрено законодательством Российской Федерации. Следовательно, в диспозиции исследуемой уголовно-правовой нормы установлен запрет на три альтернативных деяния:

1) внесение в один из единых государственных реестров, предусмотренных законодательством Российской Федерации, заведомо недостоверных сведений;

2) уничтожение документов, на основании которых были внесены запись или изменение в единые государственные реестры, если обязательное хранение этих документов предусмотрено законодательством Российской Федерации;

3) подлог документов, на основании которых были внесены запись или изменение в единые государственные реестры, если обязательное хранение этих документов предусмотрено законодательством Российской Федерации.

Очевидно, что внесение является активным действием, состоящим во включении, добавлении информации [2, с. 61]. Такое действие предполагает искажение информации, содержащейся в едином государственном реестре, посредством включения новой информации, не соответствующей действительности.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют, что внесение недостоверных сведений в реестр может представлять собой как интеллектуальный подлог, так и материальный [3, с. 163; 4, с. 41–42]. Первый характеризуется тем, что не нарушается форма процедуры включения информации в реестр, хотя добавляемая информация является ложной по существу. Вторая разновидность подлога характеризуется в анализируемой ситуации изменением уже существующей информации в реестре путем добавления неправомερных сведений, например вследствие вшивания дополнительных листов в реестровое дело. Есть все основания утверждать, что внесение в один из единых государственных реестров, предусмотренных законодательством Российской Федерации, заведомо недостоверных сведений может выражаться как в одном из названных видов подлога, так и одновременно в обоих.

Необходимо отметить, что применительно ко многим видам единых государственных реестров законодательством предусмотрена процедура внесения информации о лицах,

предметах, фактах. Так, согласно п. 5 Правил ведения единого государственного реестра юридических лиц и предоставления содержащихся в нем сведений основанием для внесения соответствующей записи в государственный реестр является решение о государственной регистрации, принятое регистрирующим органом либо иным органом в соответствии с федеральными законами о специальном порядке регистрации отдельных видов юридических лиц по документам, представленным при государственной регистрации юридического лица. В связи с этим признаки внесения в единый государственный реестр заведомо недостоверных сведений могут присутствовать при включении информации в реестр в отсутствие такого решения.

При несоответствии сведений, содержащихся в государственном реестре, сведениям, содержащимся в документах, представленных при государственной регистрации, сведения, содержащиеся в государственном реестре, считаются достоверными до внесения в них соответствующих изменений. Данное нормативное положение, в частности, свидетельствует о значимости выделения в ст. 285³ УК РФ деяния в виде внесения в единый государственный реестр недостоверных сведений.

Изменение сведений, содержащихся в конкретной записи государственного реестра, осуществляется путем внесения новой записи со ссылкой на изменяемую запись. Каждой записи в государственном реестре присваивается государственный регистрационный номер, и для каждой записи указывается дата внесения ее в государственный реестр (п. 6).

Внесение записи в государственный реестр подтверждается документом, форма которого устанавливается Правительством РФ. Регистрирующий орган направляет (выдает) заявителю, а в установленных случаях в Центральный банк РФ (его территориальное учреждение) или в Министерство юстиции РФ (его территориальный орган) указанный документ и выписку из государственного реестра не позднее рабочего дня, следующего за днем государственной регистрации (п. 7) [5].

Примечательно, что внесению информации в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним предшествуют предусмотренные законом процедуры, состоящие в следующем:

1) прием документов, представленных для государственной регистрации прав, регистрация таких документов;

2) правовая экспертиза документов, проверка законности сделки в соответствии с законом, в

том числе установление отсутствия противоречий между заявляемыми правами и уже зарегистрированными правами на объект недвижимого имущества, а также других оснований для отказа в государственной регистрации прав или ее приостановления [6, п. 1 ст. 13].

Следовательно, в этом случае внесение в реестр недостоверных сведений сопровождается незаконным минованием второго этапа либо его проведением с нарушением установленного законом порядка.

Таким образом, внесение в единый государственный реестр недостоверных сведений подразумевает под собой включение в конкретный реестр информации, не соответствующей действительности, путем как интеллектуального, так и материального подлога.

Объем недостоверной информации, противоправно вносимой в единый государственный реестр, не имеет значения для наличия состава преступления, предусмотренного ст. 285³ УК РФ. Это могут быть как отдельные вносимые данные об определенном лице, предмете или факте, так и совокупность таких сведений.

Необходимо отметить, что рассматриваемое преступление является оконченным с момента появления в едином государственном реестре заведомо недостоверных сведений.

Уничтожение документов, на основании которых были внесены запись или изменение в единые государственные реестры, если обязательное хранение этих документов предусмотрено законодательством Российской Федерации, как альтернативное деяние, запрещенное ст. 285³ УК РФ, предполагает определенные признаки. Как справедливо отмечают А.Г. Безверхов и И.Г. Шевченко применительно к составам уничтожения или повреждения чужого имущества, «по действующему уголовному законодательству и противоправное деяние, и наступившие в результате совершения этого деяния общественно опасные последствия выражаются в уничтожении или повреждении чужого имущества. Поэтому уничтожение и повреждение допустимо рассматривать в виде «деяния-последствия»» [7, с. 82].

По нашему мнению, данный тезис вполне применим и к исследуемому нами преступлению, т.е. уничтожение документов необходимо рассматривать и как процесс, и как результат. Здесь же сразу стоит подчеркнуть, что состав данного преступления является материальным по законодательной конструкции, поскольку с учетом изложенного о наличии деяния в виде уничтожения можно говорить лишь с момента прекращения существования определенного предмета, в нашем случае – документа.

По вопросу о понимании признаков уничтожения в рассматриваемом составе преступления Г.К. Смирновым высказана следующая точка зрения: «Уничтожение документа предполагает такую степень его повреждения, при которой утрачивается содержащаяся в нем имеющая значение для государственной регистрации информация» [8, с. 141]. При этом в доктрине уголовного права под уничтожением имущества, коим в определенной степени является и документ, понимается не только воздействие на предмет, в результате которого он прекращает свое физическое существование, но и воздействие, следствием которого является изменение качеств предмета, исключающее возможность его использования по первоначальному назначению и восстановления [7, с. 86].

Следует подчеркнуть, что в отличие от уголовно-правовых запретов, предусмотренных ст. 167 и 168 УК РФ (уничтожение или повреждение чужого имущества), ст. 285³ УК РФ не предусматривается ответственность за повреждение предмета преступления – документа. Такое действие при определенных обстоятельствах может подлежать уголовно-правовой оценке как покушение на исследуемое преступление, если будет установлено, что умысел виновного был направлен на уничтожение документа, но деяние не было доведено до конца по независящим от такого лица причинам.

Таким образом, под уничтожением документов в составе преступления, предусмотренном ст. 285³ УК РФ, следует понимать воздействие на документ, вследствие которого он прекращает свое существование либо изменяется до состояния, исключающего возможность его использования и восстановления. Преступление считается оконченным с момента наступления указанных общественно опасных последствий.

Третьей разновидностью деяния в исследуемом составе преступления выступает подлог документов, на основании которых были внесены запись или изменение в единые государственные реестры, если обязательное хранение этих документов предусмотрено законодательством Российской Федерации. Необходимо заметить, что признаки подлога весьма подробно изучены в теории уголовного права. Например, О.В. Чесноков, исследовавший вопросы уголовно-правового противодействия служебному подлогу, пишет, что «как подлог документов необходимо рассматривать любое искажение истины в документе вне зависимости от его формы» [9, с. 96; см. также: 10, с. 45; 11, с. 23]. Данное толкование основывается на грамматическом значении слова «подлог» [12, с. 181; 2, с. 377].

О таком понимании подлога свидетельствуют и результаты систематического толкования уголовного закона. Так, в ст. 292 УК РФ предусмотрена ответственность за служебный подлог. И если отбросить вопросы служебных отношений, выделив только признаки собственно подлога, то получится следующая формулировка: подлог – это внесение в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание.

В связи с изложенным необходимо сделать вывод о том, что подлог в исследуемом составе преступления должен пониматься как действия по включению недостоверной информации в документ либо по изменению истинной информации на ложную. Преступление следует считать оконченным с момента внесения обозначенных изменений.

Следует отметить, что в юридической литературе подлог зачастую рассматривается в качестве проявления обмана, поскольку так или иначе с его помощью искажается информация [13, с. 42; 11, с. 23]. При этом в зависимости от конкретных обстоятельств дела подлог может лишь создавать условия для дальнейших обманных действий или быть их этапом [14, с. 8;

15, с. 118; 9, с. 97–98]. Данный тезис, очевидно, применим и к другим деяниям, предусмотренным ст. 285³ УК РФ.

Таким образом, в результате уголовно-правового исследования объективной стороны состава внесения в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений необходимо сделать следующие основные выводы:

1) внесение в единый государственный реестр недостоверных сведений подразумевает под собой включение в конкретный реестр информации, не соответствующей действительности, путем как интеллектуального, так и материального подлога;

2) под уничтожением документов в составе преступления, предусмотренном ст. 285³ УК РФ, следует понимать воздействие на документ, вследствие которого он прекращает свое существование либо изменяется до состояния, исключающего возможность его использования и восстановления; преступление считается оконченным с момента наступления указанных общественно опасных последствий;

3) подлог в исследуемом составе преступления должен пониматься как действия по включению недостоверной информации в документ либо по изменению истинной информации на ложную.

1. Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сб. очерков / под ред. В.В. Лунеева. М., 2010.

2. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 53000 слов / под общ. ред. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М., 2007.

3. Здравомыслов Б.В. Должностные преступления: понятие и квалификация. М., 1975.

4. Кузнецов А.В. Ответственность за подлог документов по уголовному праву. М., 1959.

5. О Едином государственном реестре юридических лиц: постановление Правительства РФ от 19 июня 2002 г. № 438 // Собр. законодательства РФ. 2002. № 26. Ст. 2585 (в ред. постановления Правительства РФ от 22 дек. 2011 г. № 1092).

6. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: федер. закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3594 (в ред. федер. закона от 23 июля 2013 г. № 250-ФЗ).

7. Безверхов А.Г., Шевченко И.Г. Уничтожение и повреждение имущества: вопросы истории, теории, практики. М., 2010.

8. Смирнов Г.К. Ответственность за рейдерство, преступления в сфере учета прав

1. Criminal law. Actual problems of theory and practice: coll. of essays / ed. by V.V. Luneev. Moscow, 2010.

2. Ozhegov S.I. Russian dictionary: about 53000 words / gen. ed. by L.I. Skvortsov. 24th ed., corr. Moscow, 2007.

3. Zdravomyslov B.V. Official crimes: the concept and qualifications. Moscow, 1975.

4. Kuznetsov A.V. Responsibility for forgery under criminal law. Moscow, 1959.

5. About the Unified state register of entities: resolution of the Government of the Russian Federation of June 19, 2002 № 438 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2002. № 26. Art. 2585 (in ed. of resolution of the Government of the Russian Federation of Dec. 22, 2011 № 1092).

6. On state registration of real estate rights and transactions: fed. law of July 21, 1997 № 122-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1997. № 30. Art. 3594 (in ed. of fed. law of July 23, 2013 № 250-FL).

7. Bezverkhov A.G., Shevchenko I.G. Destruction and damage to property: history, theory, practice questions. Moscow, 2010.

8. Smirnov G.K. Responsibility for raiding, crime in the area of recording rights to securities and state registration. Moscow, 2011.

на ценные бумаги и государственной регистрации. М., 2011.

9. Чесноков О.В. Уголовно-правовые аспекты борьбы со служебным подлогом: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009.

10. ЩигOLEV Ю.В. Квалификация подлогов документов по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

11. Чащина Л.Г. Подлог как признак объективной стороны состава преступления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2002. Т. 3.

13. Сергеева Т.Л. Борьба с подлогами документов по советскому уголовному праву. М.; Л., 1949.

14. Сабитов Р.А. Обман как средство совершения преступления. Омск, 1980.

15. ЩигOLEV Ю.В. Понятие и основные элементы подлога документов // Правоведение. 1998. № 1.

9. Chesnokov O.V. *Criminal and legal aspects of official forgery: diss. ... Master of Law. Krasnodar, 2009.*

10. Schigolev Yu.V. *Qualifications of forgery of documents under Russian criminal law: diss. ... Master of Law. Moscow, 1998.*

11. Chaschina L.G. *Forgery as a sign of the objective side of the crime: diss. ... Master of Law. Moscow, 1999.*

12. Dal V.I. *Explanatory dictionary of Russian language: in 4 vol. Moscow, 2002. Vol. 3.*

13. Sergeeva T.L. *Combating with forgery of documents under the Soviet criminal law. Moscow; Leningrad, 1949.*

14. Sabitov R.A. *Deception as a means of committing a crime. Omsk, 1980.*

15. Schigolev Yu.V. *The concept and the basic elements of forgery of documents // Jurisprudence. 1998. № 1.*

Клименко Татьяна Михайловна

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России
(e-mail: tatyana.klimenko@yandex.ru)

Почему Закон не всегда эффективен в борьбе с незаконным оборотом наркотиков

В статье раскрываются некоторые актуальные проблемы, влияющие на недостаточную эффективность в борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

Ключевые слова: правонарушение, преступление, незаконный оборот наркотиков, понятие, признаки, вопросы квалификации.

T.M. Klimenko, Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Criminal Law and Criminology of the Novorossiysk branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: tatyana.klimenko@yandex.ru

Why the Law is not always effective in the fight against drug trafficking

The article describes some actual problems affecting the lack of effectiveness in the fight against drug trafficking.

Key words: offence, crime, illegal drug trafficking, concept, signs, questions of qualification.

Проблемы, связанные с незаконным оборотом наркотиков, к сожалению, год от года становятся все более актуальными, а тенденции наркотизации населения нашей страны и преступлений данного вида, включая совершенные на почве наркомании, все более тревожными. При этом наибольшую опасность в рассматриваемой группе преступлений представляют деяния, связанные со сбытом наркотиков и приобщением к их немедицинскому потреблению, т.е. деяния, предусмотренные ст. 228¹, 230 и 232 УК РФ (в дальнейшем по тексту статьи под наркотиками следует понимать наркотические средства, психотропные вещества, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, а также прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, и растения, содержащие прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их части, содержащие прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ).

Полагаем, что основными приоритетными задачами законодательства страны в борьбе с наркопреступлениями должны быть, в первую очередь, предупреждение и профилактика наркопреступности. В то же время нельзя недооценивать роль уголовного законодательства, для чего требуется максимальная криминализация незаконных действий с наркотиками, связанных

с их сбытом и приобщением к немедицинскому потреблению, с установлением наиболее суровых видов (лишение свободы) и размеров (вплоть до пожизненного) наказаний, с обязательным включением экономических видов санкций (штрафа и конфискации имущества именно как вида уголовного наказания).

При этом в настоящее время, судя по нормам российского законодательства, признаки указанных преступлений, составляющих наиболее опасные звенья наркобизнеса, не позволяют, на наш взгляд, в должной мере эффективно влиять на реальное снижение уровня наркопреступности (речь не идет о цифрах официальной статистики, свидетельствующих об успехах в этой сфере). Можно назвать много и объективных, и субъективных причин этому. Тем не менее, полагаем, что именно пробелы в законодательстве, в первую очередь уголовном, не позволяют верить цифрам официальной статистики. Нам могут возразить, что в Уголовном кодексе предусмотрены достаточно суровые виды и размеры наказаний за наркопреступления. Частично с этим можно согласиться, но только частично. Так как анализ административного и уголовного законодательства показывает, что ряд норм, предусматривающих ответственность за незаконный оборот наркотиков, вызывает, как минимум, недоумение либо убеждение в лоббировании интересов криминала. Чтобы не быть голословными, рассмотрим эти нормы более подробно.

Начнем с административного законодательства. Правонарушения, предметом которых выступают наркотики, регламентированы ст. 6.8–6.9.1, 6.13, 6.15–6.16.1, 20.20–20.22 КоАП РФ. «Открывает» данный вид правонарушений ст. 6.8 «Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» [1, гл. 6]. Само название статьи предполагает раскрытие понятия и признаков указанного оборота, т.е. логично предположить, что диспозиция данной нормы должна носить описательный характер: незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, т.е. ... (и далее должен следовать перечень признаков, составляющих рассматриваемое понятие). Однако в диспозиции указанной нормы содержится далеко не полный перечень действий, включенных в незаконный оборот наркотиков, причем с указанием на отсутствие цели их сбыта: незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка без цели сбыта растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества.

Более полный перечень действий, включенных в незаконный оборот наркотиков, но, тем не менее, как представляется, не содержащий всех его признаков, раскрыт в Законе «О наркотических средствах и психотропных веществах»: оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, осуществляемый в нарушение законодательства Российской Федерации, т.е. разработка, производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, отпуск, реализация, распределение, приобретение, использование, ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации, уничтожение наркотических средств, психотропных веществ, разрешенные и контролируемые в соответствии с законодательством Российской Федерации [2, ст. 1].

Таким образом, оборот предполагает определенный цикл взаимосвязанных действий лиц, задействованных в нем, совершенных в зависимости от направленности умысла виновных (без цели или в целях дальнейшего сбыта), в течение

неопределенного времени. И хотя размер незаконных действий с наркотиками в ст. 6.8 КоАП не указан, можно предположить, что речь идет о совершении действий с наркотиками в незначительном размере, т.к. установлена уголовная ответственность за аналогичные действия с наркотиками, начиная со значительного размера. Однако совершить оборот, а не какое-то одно действие с наркотиками в незначительном размере, как все понимают, невозможно. Кроме того, у правоприменителей вызывает определенные сложности установление вида деяний (преступление или правонарушение) при, например, задержании лица с наркотиками (в данном случае речь не идет о задержании партии наркотиков, когда понятно, что она превышает, как минимум, крупный размер). Проведение оперативно-следственных действий, назначение экспертизы с целью установления вида и точного размера изъятого средства или вещества в ряде случаев экономически невыгодно, т.к. в результате может оказаться, что совершенное деяние не подпадает под признаки преступления. Нельзя не учитывать и того, что размеры одних и тех же видов наркотиков на протяжении достаточно незначительного периода времени постоянно меняются (см., например: [3] и ранее действовавшее [4]).

Далее. Закон РФ от 8 января 1998 г. «О наркотических средствах и психотропных веществах» запрещает их потребление без назначения врача, но не устанавливает вида ответственности за его нарушение [1, ст. 40]. Отсутствие наказания за данное деяние в УК РФ начиная с 1991 г. и наличие санкций в КоАП РФ означает, что на законодательном уровне оно признается правонарушением. Можно согласиться с законодателем, что наркомания – это, в первую очередь, заболевание, а следовательно, больных наркоманией надо лечить. Однако при этом общество обязано взять на себя их лечение, т.к. не секрет, что большая часть наркозависимых не в состоянии оплатить не только курс лечения, но и дальнейшую реабилитацию. К сожалению, картина в этом плане не внушает оптимизма. И это связано не столько с нежеланием потребителей пройти курс лечения, сколько с невозможностью его прохождения, как было отмечено выше, из-за отсутствия финансовой возможности, а главное, из-за явной диспропорции между количеством наркозависимых и наркодиспансеров, наличия койко-мест в них в конкретном регионе. Не говоря уже о том, что и бюджет того или иного региона не в состоянии обеспечить всех наркозависимых соответствующим видом лечения.

Кроме того, если за немедицинское потребление предусмотрена административная ответственность, то логично предположить, что и за действия, предшествующие потреблению, должна быть адекватная (т.е. административная) ответственность. Тем не менее, логичное предположение об адекватности видов ответственности за неоконченную (т.е. предшествующую потреблению – ст. 228 УК РФ) и оконченную деятельность (а в данном случае это потребление наркотиков – ст. 6.8 КоАП РФ) не соответствует букве Закона, на что неоднократно указывали многие ученые (см., например: [5, с. 84–90; 6, с. 135; 7, с. 89] и др.). Однако, к сожалению, по-прежнему «острие» уголовно-правовой репрессии направлено в сторону не тех, кто извлекает максимальную прибыль от сбыта и приобщения к немедицинскому потреблению наркотиков других лиц, особенно несовершеннолетних и даже малолетних, а потребителей. Для этого достаточно проанализировать действующую редакцию ст. 228 УК РФ, в которой, помимо приобретения и хранения наркотиков (редакция ст. 228 УК РФ до вступления в силу Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ), криминализированы также изготовление, переработка и перевозка указанных средств или веществ в крупном и особо крупном, а с 1 января 2013 г. еще и в значительном размере.

И совершенно иная картина наблюдается при анализе признаков преступлений, связанных со сбытом и приобщением к немедицинскому потреблению наркотиков. Так, действующая редакция ст. 228¹ УК предусматривает ответственность за незаконные производство, сбыт или пересылку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылку растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, в том числе при отягчающих и особо отягчающих обстоятельствах. Непонятно, чем руководствовался законодатель, изменив перечень незаконных действий, предшествующих сбыту наркотиков (редакция ст. 228¹ УК РФ до вступления в силу Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ). На наш взгляд, именно диспозиция ст. 228¹ УК должна содержать максимальный перечень незаконных действий в целях дальнейшего сбыта наркотиков, с учетом понятия «незаконный оборот наркотиков». При этом, включая признаки в данное понятие, следует исходить из понятия «законный оборот наркотиков». Необходимо также предусмотреть повышенную ответственность при соверше-

нии сбыта в присутствии и (или) с участием несовершеннолетнего и еще более суровое наказание – в присутствии и (или) с участием малолетнего. Считаем, что данное предложение не только целесообразно, но и социально обусловлено.

Опять же предвидим возражения, что Закон предусматривает, помимо производства, сбыта и пересылки наркотиков, ответственность и за другие действия, связанные со сбытом наркотиков. Так, в разъяснениях постановления Пленума Верховного Суда указано, что «...если лицо незаконно приобретает, хранит, перевозит, изготавливает или перерабатывает наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги в целях последующего сбыта этих средств или веществ, но умысел не доводит до конца по не зависящим от него обстоятельствам, содеянное при наличии к тому оснований подлежит квалификации по ч. 1 ст. 30 УК РФ и соответствующей части ст. 228¹ УК РФ как приготовление к незаконному сбыту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов» [8, п. 15.]. Следовательно, данные действия признаются только приготовлением к сбыту, а не окончательным преступлением, как ранее. Однако если сбыт – это оконченная деятельность, а указанные выше действия (предусмотренные ч. 1 ст. 228 УК) – предшествующая сбыту деятельность, тогда аналогично следует квалифицировать и действия без цели сбыта (ст. 228 УК), т.е. как приготовление к потреблению, но этого же не происходит.

Нельзя не коснуться и ряда признаков объективной стороны преступления по ст. 230 УК. В ч. 1 данной нормы предусмотрена ответственность за склонение к немедицинскому потреблению наркотиков без указания на способ склонения. Логично предположить, что по ч. 1 склонение совершается любым ненасильственным способом (если предусмотрена повышенная ответственность за совершение деяния с применением насилия, то основной состав – это деяние, совершенное ненасильственным способом), в том числе с помощью обмана. С этим можно согласиться, но с небольшим исключением. В последние годы на рынке наркотиков все чаще стали появляться средства и вещества с коротким периодом привыкания организма потребителя на физическом и особенно психическом уровнях. При этом лицо, которому обманом предлагают тот или иной напиток либо продукт питания, может не подозревать, что этот продукт превратит его в наркозависимого. Таким образом, именно обман как способ склонения должен быть выделен и включен

в качествеотягчающего обстоятельства при склонении.

Кроме того, не совсем понятно, почему одни и те же действия, связанные с возбуждением у лица желания совершить какие-либо незаконные действия, в одних случаях квалифицируются как вовлечение [9, ст. 150, 151], а в других – как склонение [9, ст. 230]. Не говоря уже о том, что это синонимы: в юридической литературе и под вовлечением, и под склонением понимается внушение какому-либо человеку мысли о желательности, необходимости, потребности, выгоды совершения преступления как насильственным способом, так и с применением насилия, независимо от того, совершит вовлекаемое (склоняемое) лицо преступление или нет.

Так, например, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ указано, что «...склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ (ст. 230 УК РФ) может выражаться в любых умышленных действиях, в том числе однократного характера, направленных на возбуждение у другого лица желания их потребления (в уговорах, предложениях, даче совета и т.п.), а также в обмане, психическом или физическом насилии, ограничении свободы и других действиях, совершаемых с целью принуждения к потреблению наркотических средств или психотропных веществ лицом, на которое оказывается воздействие. При этом для признания преступления оконченным не требуется, чтобы склоняемое лицо фактически употребило наркотическое средство или психотропное вещество...» [8, п. 27]. На наш взгляд, это не совсем верно, т.к. если склоняемое лицо не совершит потребление наркотика либо тем или иным объективированно выраженным образом не покажет свою готовность к его потреблению (например, приобретает, похищает, хранит и т.д.), то это неоконченная деятельность. Поэтому, на наш взгляд, как склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ, так и вовлечение несовершеннолетнего лица в совершение преступления на практике квалифицируется, по большей части, как оконченное преступление только при совершении определенных действий, показывающих готовность склоняемого употребить наркотик либо совершить преступление.

Нельзя согласиться и с неосторожной формой вины по отношению к последствиям при склонении к совершению преступления [9, п. «б» ч. 3 ст. 230]. В настоящее время даже дети знают, что потребление наркотиков пагубно отражается на жизни и здоровье, как минимум, потребителя. Поэтому считать, что лица, склоняющие

других к потреблению наркотиков, особенно состоящие в преступных группах и преступных сообществах (преступных организациях), и привлекающие баснословную прибыль от данной деятельности, не предполагают, что их действия могут причинить вред жизни и здоровью потребителей, неправдоподобно. По меньшей мере, они относятся безразлично к указанным последствиям, а, следовательно, это косвенный умысел по отношению к данным последствиям. Хотя объективности ради можно согласиться и с тем, что в действиях некоторых из этих лиц отсутствует корыстный либо иной низменный мотив. Именно поэтому, на наш взгляд, необходимо дифференцировать ответственность за склонение с учетом наличия или отсутствия указанных мотивов, т.е. включив квалифицирующий признак «...совершенное из корыстных либо иных низменных побуждений...», и исключить неосторожную форму вины по отношению к последствиям из ч. 3 ст. 230 УК.

Кроме того, как представляется, недостаточное внимание уделено еще одному виду наркопреступлений – организации либо содержанию притонов или систематическому предоставлению помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 232 УК). Это деяние также относится к одному из видов приобщения к немедицинскому потреблению наркотиков и, следовательно, обладает повышенной степенью общественной опасности. Однако санкции за его совершение по ч. 1 (лишение свободы на срок до четырех лет с ограничением свободы на срок до одного года либо без такового) и особенно по ч. 3 при совершении данного деяния организованной группой (лишение свободы на срок от трех до семи лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового) недостаточно суровы, чтобы эффективно повлиять на минимизацию наркотизации населения и, как следствие, наркопреступности. Более того, как представляется, в диспозиции статьи следует предусмотреть еще один кримиобразующий признак – «...лицом с использованием своего служебного положения».

В заключение еще раз отметим, что борьба с наркотиками – именно борьба, а не противодействие, тем более не реагирование, хотя все чаще в настоящее время употребляется именно этот термин, – требует консолидации усилий всех государственных и негосударственных структур и, в первую очередь, совершенствования норм уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за совершение рассматриваемых видов

преступлений. Именно страх наказания всегда являлся одним из наиболее сдерживающих факторов совершения преступления. С другой стороны, необходимо максимально оградить несовершеннолетних и малолетних от влияния маргинальной среды и предоставить им воз-

можность реализовать себя в зависимости от увлечений. Если же случилась беда и тот либо иной подросток стал потреблять наркотики, необходимо приложить все усилия, чтобы его вылечить и вернуть к полноценной жизни в обществе.

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. М., 2014.

2. О наркотических средствах и психотропных веществах: федер. закон от 8 янв. 1998 г. № 3-ФЗ (с изм. и доп. от 25 июля 2002 г., 10 янв., 30 июня 2003 г., 1 дек. 2004 г., 9 мая 2005 г., 16, 25 окт. 2006 г., 19, 24 июля 2007 г., 22 июля, 25 ноября, 25 дек. 2008 г., 17, 18 июля 2009 г., 19 мая, 27 июля, 28 дек. 2010 г., 6 апр., 14 июня, 30 нояб., 3 дек. 2011 г., 1 марта, 30 дек. 2012 г., 7 июня, 23 июля, 25 нояб. 2013 г., 4 июня 2014 г.) // Собр. законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 219; URL: http://base.garant.ru/12107402/1/#block_100#ixzz35NsEovC3.

3. Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 1 окт. 2012 г. № 1002 (с изм. и доп. от 22 марта 2014 г. № 224, 16 дек. 2013 г. № 1159, 7 нояб. 2013 г. № 998, 9 сент. 2013 г. № 788, 10 июля 2013 г. № 580, 13 июня 2013 г. № 496, 4 февр. 2013 г. № 78, 23 нояб. 2012 г. № 1215) // Собр. законодательства РФ. 2012. № 41. Ст. 5624; URL: <http://base.garant.ru/70237124/#ixzz35O2m2cvl>

4. Об утверждении крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 7 февр. 2006 г. № 76 (с изм. и доп. от 8 июля 2006 г., 4 июля 2007 г., 22 июня, 31 дек. 2009 г., 21 апр., 30 июня, 29 июля, 30 окт., 27 нояб., 8 дек. 2010 г., 25 февр., 11 марта, 7 июля, 6 окт., 22 дек. 2011 г., 22 февр., 3 марта, 23 апр.,

1. The Code of Russian Federation about administrative offences. Moscow, 2014.

2. On narcotic and psychotropic substances: fed. law of Jan. 8, 1998 № 3-FL (as amended and add. of July 25, 2002, Jan. 10, June 30, 2003, Dec. 1, 2004, May 9, 2005, Oct. 16, 25, 2006, July 19, 24, 2007, July 22, Nov. 25, Dec. 25, 2008, July 17, 18, 2009, May 19, July 27, Dec. 28, 2010, Apr. 6, June 14, Nov. 30, Dec. 3, 2011, March 1, Dec. 30, 2012, June 7, July 23, Nov. 25, 2013, June 4, 2014) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1998. № 2. Art. 219; URL: http://base.garant.ru/12107402/1/#block_100#ixzz35NsEovC3.

3. On approval of significant, large and extra large sizes of narcotic and psychotropic substances, as well as significant, large and extra large sizes for plants containing narcotic drugs or psychotropic substances, or parts thereof, containing narcotic drugs or psychotropic substances for the purposes of articles 228, 228.1, 229 and 229.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: resolution of the Government of the Russian Federation of Oct. 1, 2012 № 1002 (as amended and add. of March 22, 2014 № 224, Dec. 16, 2013 № 1159, Nov. 7, 2013 № 998, Sept. 9, 2013 № 788, July 10, 2013 № 580, June 13, 2013 № 496, Feb. 4, 2013 № 78, Nov. 23, 2012 № 1215) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2012. № 41. Art. 5624; URL: <http://base.garant.ru/70237124/#ixzz35O2m2cvl>

4. On approval of large and extra large sizes of narcotic and psychotropic substances, as well as large and extra large sizes for plants containing narcotic drugs or psychotropic substances, or parts thereof, containing narcotic drugs or psychotropic substances for the purposes of articles 228, 228.1, 229 and 229.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: resolution of the Government of the Russian Federation of Febr. 7, 2006 № 76 (as amended and add. of July 8, 2006, July 4, 2007, June 22, Dec. 31, 2009, Apr. 21, June 30, July 29, Oct. 30, Nov. 27, Dec. 8, 2010, Febr. 25, March 11, July 7, Oct. 6, Dec. 22, 2011, Febr. 22, March 3, Apr. 23, May 18, Nov. 23, 2012) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2006. № 7. Art. 787; URL: <http://base.garant.ru/12144875/#ixzz35O9EKZbh/>

18 мая, 23 нояб. 2012 г.) // Собр. законодательства РФ. 2006. № 7. Ст. 787; URL: <http://base.garant.ru/12144875/#ixzz35O9EKZbh/>

5. Любавина М.А. К вопросу о криминализации немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ // КриминалистЪ. 2013. № 2(13). С. 84–90.

6. Клименко Т.М. Проблемы противодействия наркопреступности, наркотизму и наркомании: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2008.

7. Прохорова М.Л. Наркотизм: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2001.

8. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (в ред. от 23 дек. 2010 г. № 31) // Рос. газ. 2006. 26 июня. Федер. вып. 4103; ИПП «ГАРАНТ».

9. Уголовный кодекс Российской Федерации. М., 2014.

5. Lyubavina M.A. To the question of the criminalization of non-medical use of narcotic and psychotropic substances // Criminalist. 2013. № 2(13). P. 84–90.

6. Klimenko T.M. Problems countering drug-related crime, narcotics drug and addiction: diss. ... Dr of Law. Volgograd, 2008.

7. Prokhorova M.L. Drug addiction: socio-psychological, criminological and criminal-legal aspects: diss. ... Dr of Law. Saratov, 2001.

8. On judicial practice in cases of offenses related to narcotic drugs, psychotropic, virulent and poisonous substances: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 15, 2006 № 14 (in ed. of Dec. 23, 2010 № 31) // Rus. newsp. 2006. June 26. Fed. iss. 4103; IPP «GUARANT».

9. Criminal code of the Russian Federation. Moscow, 2014.

Сапрунов Александр Георгиевич

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
Кубанского государственного аграрного университета
(e-mail: juristic@kubsau.ru)

К вопросу о возможном введении в уголовное законодательство России ответственности лиц, осуществляющих в юридическом лице фактическое руководство

Рассматриваются вопросы и проблемы, связанные с необходимостью введения в Уголовный кодекс РФ специальной нормы об уголовной ответственности лиц, осуществляющих в юридическом лице фактическое руководство, с целью эффективной борьбы с коррупцией.

Ключевые слова: коррупция, борьба с коррупцией, уголовная ответственность, субъект преступления, юридическое лицо.

A.G. Saprunov, Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law of the Kuban State Agrarian University; e-mail: juristic@kubsau.ru

To the question of possible introduction to the criminal legislation of Russia of responsibility of persons performing the actual management in the legal entity

The questions and problems connected with need of introduction to the Criminal code of the Russian Federation special norm on criminal liability of persons, the actual management performing in the legal entity, for the purpose of effective fight against corruption are considered.

Key words: corruption, fight against corruption, criminal liability, subject of crime, legal entity.

На сегодняшний день в России вопросам борьбы с коррупцией уделяется все больше и больше пристального внимания со стороны органов государственной власти, поскольку она представляет собой одно из наиболее опасных, разлагающих институты государства и гражданского общества явлений современной действительности.

Под коррупцией в российском законодательстве понимается подкупность общественных и политических деятелей в экономической, политической, военной и других сферах, заключающаяся в использовании должностными лицами своих властных полномочий и служебного положения, целью которого является личное обогащение, ставшее нормой в нашем государстве. Подкуп должностного лица и государственных деятелей всех категорий, продажность за предоставляемые блага и преимущества, протекционизм работников по принципу личной преданности, приятельских отношений или родственных связей – все это является проявлением коррупции.

Согласно оценке международной организации «Transparency international» (ТИ – «Международная прозрачность») по уровню коррупции Россия заняла в 2012 г. 143 место в мире из 182 возможных, ее индекс составил 2,4 балла. В 2011 г. Россия занимала 154 место с индексом 2,1 балла.

Наименее коррумпированные страны, по версии ТИ, – Новая Зеландия (9,5 балла), Дания и Финляндия (по 9,4 балла). Японии и Германии досталось 14 место (по 8 баллов), США заняли 24 место с показателем в 7,1 балла, Израиль – 36 место (5,8 балла). Хуже всего обстоит дело с коррупцией в Северной Корее и Сомали, которые находятся в конце списка с показателем в 1 балл [1].

В 2012 г. уровень коррупционной преступности в нашем государстве увеличился почти на четверть. В поступившем в Совет Федерации докладе Генерального прокурора РФ Юрия Чайки «О состоянии законности и правопорядка в 2012 году» указывается, что «число зарегистрированных преступлений коррупционной

направленности увеличилось в минувшем году по сравнению с предыдущим на 22,5% и составило 49513, тогда как в 2011 г. – 40407». К уголовной ответственности привлечено более 13,5 тыс. лиц.

Несмотря на предпринимаемые государством меры, коррупция препятствует проведению социальных преобразований и модернизации национальной экономики, вызывает в российском обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам, создает негативный имидж России на международной арене.

Основные принципы противодействия коррупции в Российской Федерации, правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней закреплены на законодательном уровне. Примерами такой борьбы с коррупцией являются ратификация Российской Федерацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. [2] и других международных правовых документов, принятие Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [3], Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» [4].

Национальный план противодействия коррупции на 2012–2013 гг. предписывает «принять меры по повышению эффективности применения положений гражданского и административного законодательства Российской Федерации в части, касающейся ответственности юридических лиц, от имени которых или в интересах которых совершаются коррупционные преступления...» [5]. При этом важно понимать, что «от имени» юридических лиц в коррупционные отношения вступают их руководители и иные управленцы, поведение которых является общественно опасным (примером этого может являться проведение различных тендеров и аукционов).

Важной антикоррупционной правовой мерой борьбы, на наш взгляд, является установление юридической ответственности. Субъекты коррупционных правонарушений могут быть привлечены к уголовной, административной или гражданской ответственности, а должностные лица – также и к дисциплинарной ответственности. По действующему законодательству согласно ст. 19 УК РФ уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее установленного законом возраста,

тогда как действующим законодательством Российской Федерации, помимо ответственности физических лиц за коррупционные правонарушения, введена также и ответственность для юридических лиц. Так, согласно ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в случае, если от имени или в интересах юридического лица осуществляются организация, подготовка и совершение коррупционных правонарушений или правонарушений, создающих условия для их совершения, к юридическому лицу могут быть применены меры ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации. В силу ч. 2 ст. 14 данного закона применение за коррупционное правонарушение мер ответственности к юридическому лицу не освобождает от ответственности за данное правонарушение виновное физическое лицо, равно как и привлечение к уголовной или иной ответственности за коррупционное правонарушение физического лица не освобождает от ответственности за данное правонарушение юридическое лицо.

На настоящий момент в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях закреплены всего 2 нормы, направленные на противодействие коррупционным правонарушениям и допускающие ответственность юридического лица. К таким нормам относятся ст. 19.28 «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица» и ст. 19.29 «Незаконное привлечение к трудовой деятельности государственного служащего (бывшего государственного служащего)».

Таким образом, по действующему отечественному законодательству за совершение правонарушений коррупционного характера юридическое лицо может быть привлечено только к административной ответственности. При этом привлечение юридического лица к административной ответственности за совершение коррупционных правонарушений не исключает привлечения конкретных субъектов (физических лиц), участвовавших в совершении коррупционных правонарушений, к ответственности уголовной или административной. И наоборот, даже если физические лица – участники (работники, руководители) юридического лица привлечены к ответственности, одновременно с этим ответственность может быть возложена и на само юридическое лицо.

Так, ответственность за незаконное вознаграждение от имени юридического лица с учетом изменений возникает не только при совершении законными представителями юридических лиц

преступлений, предусмотренных ст. 291 и ч. 1 и 2 ст. 204 УК РФ, в интересах либо от имени организации, но и в случае покушения на совершение указанных выше преступлений. Незаконное вознаграждение от имени юридического лица в крупном и особо крупном размере выделено в отдельные части ст. 19.28 КоАП РФ. Санкции по ним ужесточены.

Несовершенство действующего законодательства позволяет юридическим лицам абсолютно безнаказанно решать свои корпоративные задачи преступными средствами.

С учетом того, что юридическое лицо не рассматривается в качестве субъекта преступления, как правило, неблагоприятные уголовно-правовые последствия участия в преступлении относятся не к институту уголовно-правового наказания (которое несет только физическое лицо), а к иным мерам уголовно-правового воздействия.

Соответствующий проект закона разработан в Следственном комитете РФ. В нем причастность юридического лица к преступлению определяется как совершение преступления в интересах юридического лица либо использование юридического лица в целях совершения, сокрытия преступления или последствий преступления. При этом причастность будет иметь место лишь в случаях совершения таких преступлений

специальным субъектом, в качестве которого предусмотрено физическое лицо, выполняющее в юридическом лице управленческие функции.

Новеллой является введение в субъектный состав преступления, причастность к которому влечет меры уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц, такого специального субъекта, как лицо, осуществляющее в юридическом лице фактическое руководство. К этой категории в соответствии с проектом закона относятся лица, которые хотя и не занимали должность в юридическом лице и не действовали от его имени на основании доверенности, однако фактически определяли решения. Данное положение сделает невозможным уклонение от ответственности компаний, практикующих схемы номинального руководства.

В качестве мер уголовно-правового воздействия могут быть предложены такие санкции, как предупреждение, штраф, лишение лицензии, квоты, преференций или льгот, лишение права заниматься определенным видом деятельности, запрет на осуществление деятельности на территории Российской Федерации, принудительная ликвидация (в соответствии с проектом закона ликвидация юридического лица как исключительная мера будет возможна только в случае, если оно создано в целях совершения или сокрытия преступления).

1. *Мировой рейтинг коррупции*. URL: www.bbc.co.uk/russian/russia/2012/12/121205_transparency_index_2012.shtml (дата обращения: 13.05.2013).

2. *Бюл. междунар. договоров*. 2006. № 10. С. 7–54.

3. URL: www.base.consultant.ru/Региональное_законодательство.

4. URL: <http://www.rg.ru/2011/05/06/korrupciya-dok.html>.

5. *О национальном плане противодействия коррупции на 2012–2013 годы и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции: указ Президента РФ от 13 марта 2012 г. № 297*. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.05.2013).

1. *World ranking of corruption*. URL: www.bbc.co.uk/russian/russia/2012/12/121205_transparency_index_2012.shtml (date of access: 13.05.2013).

2. *Bull. of intern. agreements*. 2006. № 10. P. 7–54.

3. URL: [www.base.consultant.ru/Regional legislation](http://www.base.consultant.ru/Regional_legislation).

4. URL: <http://www.rg.ru/2011/05/06/korrupciya-dok.html>.

5. *About the national plan of corruption counteraction for 2012–2013 and modification of some acts of the President of the Russian Federation concerning corruption counteraction: decree of the President of the Russian Federation of March 13, 2012 № 297*. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 13.05.2013).

Вертепова Татьяна Александровна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583563)

К вопросу об уголовно-правовой охране человеческого эмбриона

В статье рассматривается проблема определения момента начала жизни человека и включения механизма для ее охраны мерами уголовно-правового воздействия. Анализируются нормы законодательства о здравоохранении, определяющие момент начала жизни человека. Рассматриваются проблемные вопросы квалификации искусственного прерывания беременности.

Ключевые слова: уголовно-правовая охрана жизни, момент возникновения права на жизнь, эмбрион, искусственное прерывание беременности.

T.A. Vertepova, Master of Law, Assistant Professor of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563.

To the question of the criminal law protection of the human embryo

The problem of determining the beginning of human life and the inclusion of a mechanism for its protection measures under criminal law is considered in the paper. Analyzes the legal provisions on health, defining the beginning of human life. Problematic issues of qualifications of abortion are considered.

Key words: criminal law protection of life, moment when the right to life, embryo, abortion.

На сегодняшний день остается актуальной проблема определения начального момента жизни человека, т.е. после которого человек приобретает право на жизнь и ее уголовно-правовую охрану. К сожалению, единая точка зрения по этому вопросу среди медиков, биологов, демографов, ученых-юристов не выработана.

С точки зрения современной биологии и эмбриологии, человек как биологический индивидуум формируется сразу после слияния родительских половых клеток, когда образуется неповторимый набор генов [1, с. 16].

Если посмотреть на момент определения начала жизни человека с религиозной точки зрения, то аборт осуждается тремя главными религиями – христианством, исламом и иудаизмом – и считается в них формой убийства.

С точки зрения медицины, эмбрион представляет собой зародыш новой жизни, это уже индивидуальный мини-организм, обладающий своими собственными органами, зависящий в полном смысле этого слова от утробы матери.

Законодатель прямо не называет момент начала жизни человека, при этом момент окончания жизни, т.е. момент наступления смерти человека, четко прописан в ч. 2 ст. 9 Закона РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и опре-

деляется моментом наступления необратимой гибели всего головного мозга.

Статья 20 Конституции РФ гарантирует каждому право на жизнь. Данное право образует первооснову всех других прав: право не подвергаться пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию; право на свободу и личную неприкосновенность; право на частную собственность и ее наследование, право на труд в справедливых и благоприятных условиях за вознаграждение не ниже установленного минимального размера оплаты труда; право на охрану и помощь семье, матерям и детям и т.д. Но данные права могут быть реализованы только с момента рождения, об этом прямо указано в ст. 17 Конституции РФ: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения».

Следовательно, и право на уголовно-правовую охрану жизни человека возникает с момента рождения и прекращается с наступлением смерти человека.

На наш взгляд, данные положения Конституции РФ являются спорными в связи с тем, что жизнь человека возникает задолго до рождения и каждый имеет право быть рожденным. Но эмбрион (зародыш) данного права не имеет, несмотря на то, что к определенному моменту

своего внутриутробного развития он является полностью сформировавшимся человеком, продолжающим свое внутриутробное развитие еще некоторое время.

Как верно отмечает А.Н. Головистикова, жизнь – это постоянно и непрерывно функционирующий процесс, т.е. она возникает, развивается, стареет и разрушается по особым законам. Все процессы происходят взаимосвязанно, и ни один из них не может протекать самостоятельно [2, с. 15].

При изучении норм уголовного законодательства можно сделать вывод, что жизнь человека подлежит уголовно-правовой охране с момента начала физиологических родов (ст. 106 УК РФ) до наступления биологической смерти (ст. 105 УК РФ).

В силу уголовного закона защита права на жизнь начинается с момента рождения. В то же время законодательство никак не регулирует вопросы, связанные с защитой прав человеческого эмбриона, которые могут возникнуть задолго до его появления на свет.

Так, ст. 1116 Гражданского кодекса РФ определяет, что «к наследованию могут призываться граждане, зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства». Несмотря на то, что зачатый ребенок в будущем может стать наследником при условии живорождения, его жизнь, как это ни парадоксально звучит, не подлежит уголовно-правовой охране. Здесь можно предположить, что родственники наследодателя, не желающие рождения данного наследника, могут создать условия, угрожающие его внутриутробной жизни, в целях непооявления его на свет и, соответственно, устранения возможного наследника.

Несмотря на то, что объектом посягательства в данном случае будет выступать жизнь еще не рожденного ребенка, а не здоровье матери, действия виновного будут квалифицированы в соответствии с действующим законодательством по ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью».

По законодательству отдельных зарубежных стран (Германия, Норвегия, Швейцария, Латвийская Республика и др.) прерывание беременности против воли матери признается квалифицирующим признаком незаконного искусственного прерывания беременности. На наш взгляд, это верная позиция законодателя.

Хотелось бы отметить, что уголовный закон лишь косвенно охраняет человеческий эмбрион посредством п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности), ст. 111 УК РФ

«Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» и ст. 123 УК РФ «Незаконное проведение искусственного прерывания беременности».

При убийстве женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ), виновный фактически лишает жизни не только беременную женщину, но и одновременно уничтожает зародыш будущей жизни [3, с. 230].

Для сравнения можно обратить внимание на зарубежное уголовное законодательство. Так, в отдельных американских штатах посягательство на жизнь нерожденного ребенка признается убийством (ст. 75-5-201 УК Штата Юта, §125.00 УК Штата Нью-Йорк) [4].

В свою очередь, нанесение телесных повреждений беременной женщине без умысла причинения ей смерти, повлекшее прерывание беременности, независимо от ее срока относится к преступлению, предусмотренному ст. 111 УК РФ. В данном случае эмбрион признается частью организма матери и приравнивается к органам и тканям человека.

Статья 123 УК РФ также косвенно защищает человеческий эмбрион посредством установления уголовной ответственности за незаконное проведение искусственного прерывания беременности. Хотя наш законодатель и очертил круг времени, выделенного на законное беспрепятственное прерывание беременности, определив его 3 месяцами (12 неделями), но все же незаконные аборты имеют место в нынешней действительности. При этом незаконно прерванной беременностью может быть признана только в том случае, если операцию по искусственному прерыванию беременности проводит лицо, не имеющее высшего медицинского образования соответствующего профиля.

Из диспозиции ст. 123 УК РФ напрашивается вывод, что состав преступления будет отсутствовать в том случае, если операцию по искусственному прерыванию беременности проводит лицо, имеющее высшее медицинское образование соответствующего профиля, т.е. врач гинеколог-акушер. Как правило, криминальные аборты проводят врачи, имеющие высшее медицинское образование соответствующего профиля, но к уголовной ответственности за данные деяния их привлечь по ст. 123 УК РФ не представляется возможным. Аналогичной точки зрения придерживаются С.В. Тасаков, А.Ю. Шумилов, Т. Волкова [5, с. 69; 6, с. 7–8]. В связи с чем жизнь эмбриона в случае проведения операции по искусственному прерыванию беременности врачом, имеющим высшее

медицинское образование соответствующего профиля, находится вне поля уголовно-правовой охраны, и внутриутробная жизнь никем не защищенного ребенка может быть прервана в одночасье по желанию мамы и действенному согласию врача, путем незаконного проведения искусственного прерывания беременности.

Сторонники искусственного прерывания беременности считают, что наличие абортов является абсолютно необходимым условием для общего сокращения масштабов нищеты и для возможности иметь полноценную и обес-

печенную жизнь для женщин и детей. На наш взгляд, данная позиция абсурдна.

Законодательное закрепление момента возникновения права на жизнь и ее охрана имеют не только теоретическое значение, но также и практическое, это позволит определить правовую природу охраны внутриутробной жизни человека. Считаем, что в целях защиты человеческого эмбриона необходимо поставить под охрану уголовного закона такой объект, как человеческий эмбрион, учитывая положительный опыт зарубежных стран.

1. Беседкина Н.В. *Защита прав неродившегося ребенка (конституционный и семейно-правовой аспект)*. М., 2007.

2. Головистикова А.Н. *Конституционно-правовая охрана жизни человека в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук*. М., 2004.

3. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. А.С. Михлин. 2-е изд., перераб. и доп.* М., 2004.

4. Минаева М.М. *Уголовно-правовая охрана жизни ребенка до и после рождения по законодательству России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. М., 2012.

5. Тасаков С., Шумилов А. *Искусственное прерывание беременности (аборт). Уголовно-правовые аспекты // Уголовное право*. 2004. № 2.

6. Волкова Т. *Правовая защита права на жизнь новорожденного // Законность*. 2004. № 4.

1. Besedkina N.V. *Protecting the rights of the unborn child (constitutional and family law aspect)*. Moscow, 2007.

2. Golovistikova A.N. *Constitutional and legal protection of human life in the Russian Federation: diss. ... Master of Law*. Moscow, 2004.

3. *Commentary to the Criminal code of the Russian Federation / resp. ed. V.I. Radchenko; sci. ed. A.S. Mikhlin. 2nd ed., rev. and add.* Moscow, 2004.

4. Minayeva M.M. *Criminal-law protection of the child's life before and after birth under the laws of Russia: auth. abstr. ... Master of Law*. Moscow, 2012.

5. Tasakov S., Shumilov A. *Induced abortion (abortion). Criminal legal aspects // Criminal law*. 2004. № 2.

6. Volkova T. *Legal protection of the right to life of the newborn // Legality*. 2004. № 4.

Гончаренко Анна Ивановна

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583563)

К вопросу о первоисточнике института экстрадиции в России

Статья посвящена исследованию непростого вопроса о нормативных истоках института экстрадиции в России. С этой целью в статье дается детальный анализ русско-византийских Договоров 911, 944 (945), 971 г.

Ключевые слова: экстрадиция, выдача лиц, совершивших преступление (преступников), история, русско-византийские договоры.

A.I. Goncharenko, Master of Law, Teacher of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563.

To the question of the primary source of the institute of extradition in Russia

The article deals with the difficult question of the normative origins of the institute of extradition in Russia. With this purpose the article gives a detailed analysis of Russian-Byzantine Contracts of 911, 944 (945), 971.

Key words: extradition, extradition of persons committed a crime (criminals), history, Russian-Byzantine contracts.

В историографии России вплоть до начала XXI в. не было особых разногласий относительно момента возникновения института выдачи лиц, совершивших преступление. Ученые дореволюционной, советской и современной историографии в основном сходятся во мнениях о том, что его первоосновой можно считать русско-византийские Договоры 911, 944 (945), 971 гг. как первые источники принятия экстрадиционных норм на Руси. Вместе с тем, имеются и иные точки зрения. Так, К.С. Родионов полагает, что в ст. 14 Договора 911 г. «речь идет не о выдаче как международно-правовом институте, а о древнем обычае – личных репрессалиях, выражавшихся в принудительном возвращении самим кредитором своего должника и доставлении его собственными силами и средствами в суд для взыскания с него долга, т.е. об исполнении должником обязательства, регламентированного нормами гражданского права» [1, с. 85], тем самым поколебав казалось бы уже установившуюся точку зрения об отражении в названном соглашении именно нормы о выдаче. В то же время, с самого начала отмечая Договор 911 г., данный автор не приводит ни одного другого источника, который заслуживал бы большего доверия относительно точного времени возникновения института выдачи лиц, совершивших преступление.

Между тем отрицание Договора 911 г. в качестве первоосновы института экстрадиции приводит к формированию в итоге особой позиции, основанной на фактах выдачи преступников, связанных с более древними временами. В результате на сегодняшний день достаточно четко определились две основные линии. Первая, высказанная Ф.Ф. Мартенсом в 1905 г. [2, с. 232], как известно, была в своей основе принята правовой наукой XX в. и нашла поддержку в работах С.С. Беляева, Р.М. Валеева, А.И. Бойцова, В.М. Волженкиной, Р.В. Нигматулина, А.М. Тесленко и ряда других правоведов. Все они связывают начало истории экстрадиции преступников в России с Договором «О мире и дружбе» 911 г., заключенным киевским князем Олегом с Византией. По-видимому, сторонники означенной позиции не сомневаются в достоверности этого соглашения, а также в экстрадиционном характере положения ст. 14 данного правового акта, а потому и оценивают эти документы как исторический факт, существование которого не вызывает никаких сомнений.

Вторая, противоположная точка зрения, как отмечалось, принадлежит К.С. Родионову, единственному, насколько нам известно, современному ученому-правоведу, проводившему, следуя собственной гипотезе, серьезные изыскания по данному вопросу. Автор приходит к выводу, что

главными причинами существования ошибочных выводов по поводу Договора 911 г. выступают «трудности адекватного перевода на современный язык» ряда положений соглашения, а также вследствие этого – его «произвольное толкование самими исследователями» [1, с. 76]. Все же остальные причины, такие как отсутствие подлинника Договора, а также подлинника «Повести временных лет» (это единственный источник текста Договора, где таковой является ее составляющей частью), неоднократные переписи текста летописи (зачастую с ошибками и не всегда построенные на внимании к сути и частностям), некачественный перевод договора (неоднократный – с древнегреческого на древнерусский, далее – на старославянский (церковнославянский) и только потом на современный русский язык), еще более усложняют ответ на основной вопрос отечественной истории о выдаче лиц, совершивших преступление, – о наличии или отсутствии в Договоре 911 г. нормы, связанной с экстрадицией.

В связи с этим нас интересует не столько достоверность текста Договора 911 г., включенного в «Повесть временных лет» (вполне допустимо, что текст мог быть искажен переписчиками), сколько вложенный авторами соглашения смысл в ст. 14, регулиующую выдачу лиц, «ходящих во Греческую землю», основания, обуславливающие историческую и юридическую значимость этого документа.

Вновь обратимся к работе К.С. Родионова «Была ли в договоре 911 г. Киевской Руси с Византией норма о выдаче?». В приведенной в ней сравнительной таблице автор изложил три перевода ст. 14 Договора, предполагающие разные понимания сути и деталей означенного соглашения. В одном из переводов речь идет о выдаче «злодея», в другом «злодей» заменен на «преступника», в третьем же на смену исчезнувшим «удолжающим» приходят «купцы и другие люди», «торгующие руссы», «различныеходящие в Грецию и проживающие там». Перевод, представленный в сочинениях Н.М. Карамзина, имеет даже подробности относительно целей выдачи лиц, совершивших преступление, – для наказания; подробности эти, правда, текстом первоисточника не предусмотрены и являют собой, судя по всему, информацию, почерпнутую из других текстов.

В связи с этим следует более внимательно проанализировать «первоисточник» информации об институте выдачи лиц, совершивших преступление, в качестве которого будем все-таки считать текст «Повести временных лет», представленной в известном академическом

издании 1950 г. Пункт Договора 911 г. «О различных людях, ходящих во Греки и удолжающих» звучит в этом издании следующим образом: «Аще злодеи /не?/ възвратиться в Русь, да жалуют Русь хрестьянскому царству, и ять будет таковый, възвращен будет, не хотя, в Русь. Си же вся да створить Русь Греком, идеже аще ключиться таково» [3, с. 28]. Анализ данного текста позволяет в общем сделать вывод, что речь в нем идет о сотрудничестве именно равноправных сторон-государств по взаимной выдаче «злодея» по требованию одной из сторон. Правда, сказанное еще не дает достаточных оснований, чтобы однозначно утверждать об именно экстрадиционной направленности этого положения Договора 911 г.

Не ясным остается и то, выдачу кого конкретно предусматривала данная норма, какие цели она преследовала. Ответить на первую часть вопроса возможно лишь, опираясь на лингвистический, этимологический анализ слова «злодей». Это сложное слово, состоящее из двух основ – «зло» и «делать». В первую очередь на Руси данным словом называли убийц, в последующем – уже просто лицо, причинившее кому-либо вред (любой тяжести и любого характера). По сути, ни в древние времена, ни сейчас слово «злодей» не является правовым термином, это принадлежность общелитературного языка, следовательно, не может быть рассмотрено в качестве синонима юридического термина «преступник». Скорее всего, лексическое значение слова «злодей» следует выводить, исходя из того, что в рассматриваемом положении Договора 911 г. акцент сделан на том, что речь в нем будет идти именно о должниках, но не более того.

Если исходить из такой трактовки, получается, что К.С. Родионов прав, утверждая, что в ст. 14 Договора 911 г. разговор идет не о выдаче преступников потерпевшей стороне, не о зарождении института международного права, а о принудительном возвращении в Русь «нарушителя условий гражданской частной сделки» [1, с. 78]. Вместе с тем, нельзя в полном объеме согласиться с данным автором в той части, где он говорит о практически полном отсутствии связи ст. 14 Договора 911 г. с выдачей лиц, совершивших преступление. Не являясь правоприменительной в чистом виде, ст. 14 Договора 911 г. вполне может быть оценена в качестве своеобразного предшественника рассматриваемого института выдачи лиц, совершивших преступление. По-видимому, в любом случае, несмотря на очевидность того факта, что рассматриваемое положение Договора преследо-

вало в первую очередь частный интерес, в нем все-таки впервые была обозначена необходимость сотрудничества государств в вопросах оказания помощи при поимке и наказании лица, преступившего закон.

Рассмотренный Договор 911 г. в контексте нашего исследования имеет важнейшее значение, поскольку в последующих русско-византийских Договорах 944 (945) и 971 г., тексты которых также изложены монахом Нестором в «Повести временных лет», ни о какой выдаче ни преступников, ни «злодеев» речи нет вообще. Исходить следует из того, что эти Договоры – не более чем политические соглашения, призванные возобновить и в дальнейшем обеспечивать мир между Русью и Византией. К.С. Родионов также не ссылается на эти договоры при анализе правовых источников института выдачи преступников.

Так, совершенно очевидно, что Договор 971 г. являлся по сути только военно-политическим соглашением, призванным восстановить между договаривающимися сторонами нарушенные когда-то мирные и союзнические отношения.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что ни один из русско-византийских договоров нельзя однозначно признать источником экстрадиционных норм на Руси первых веков после образования Российского государства. Что касается Договора князя Олега с Византией 911 г., его если и можно назвать таковым, то с определенной долей условности. Здесь вернее будет вести речь не об источниках будущего института выдачи преступников, а об истоках его правового регулирования, поскольку нельзя полностью отрицать связь процесса становления института экстрадиции в России с русско-византийским Договором 911 г.

1. Родионов К.С. Была ли в договоре 911 г. Киевской Руси с Византией норма о выдаче? // Государство и право. 2006. № 3.

2. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. СПб., 1905. Т. 2.

3. Повесть временных лет. Кн. 1. М.; Л., 1950.

1. Rodionov K.S. Whether in the contract of 911 with Kyiv Rus and Byzantium was the rule on extradition? // State and law. 2006. № 3.

2. Martens F.F. Modern international law of civilized nations. St. Petersburg, 1905. Vol. 2.

3. The tale of bygone years. B. 1. Moscow; Leningrad, 1950.

Досаева Глера Сулеймановнакандидат юридических наук, доцент,
судья Ворошиловского районного суда

г. Ростова-на-Дону,

заведующая кафедрой уголовного права

Ростовского филиала

Российского государственного университета правосудия

(e-mail: criminal_law@list.ru)

Социальные и криминологические основания института множественности преступлений

В статье представлен развернутый статистический и социально-криминологический анализ множественной преступной деятельности. Выявляются основные тенденции и перспективы развития этого сегмента преступности. Доказывается необходимость совершенствования уголовного закона и разработки новой теоретической концепции множественности преступлений, исходя из реальных криминологических показателей и социальной значимости множественности преступных посягательств.

Ключевые слова: множественность преступлений, рецидив преступлений, личность преступника, статистика преступности, теоретическая концепция множественности преступлений, социальные основания уголовного закона.

G.S. Dosayeva, Master of Law, Assistant Professor, Judge of the Voroshilovskiy District Court of Rostov-on-Don, Head of a Chair of Criminal Law of the Rostov branch of the Russian State University of Justice; e-mail: criminal_law@list.ru

Social and criminological basis of the institute of multiplicity of crimes

The article presents a detailed statistical and socio-criminological analysis of multiple criminal activities. Identifies the main trends and prospects of development of this segment of the crime. Proves the necessity of improving the criminal law and the development of a new theoretical concept of multiple crimes, based on the actual criminological indicators and social significance of the multiplicity of criminal assault.

Key words: multiplicity of crimes, recurrent of crimes, offender, crime statistics, theoretical concept of multiplicity of crimes, social foundations of the criminal law.

Множественность преступлений, будучи сложным по своему составу и формам проявления уголовно-правовым феноменом, всегда привлекала к себе внимание специалистов. Однако при этом можно смело утверждать, что в современной российской правовой науке отсутствует целостное представление о социологических и криминологических параметрах множественности преступлений. Настоящая статья представляет собой попытку некоторого восполнения этого пробела.

Начнем с количественного анализа множественности преступлений. Согласно расчетам, выполненным на основании данных судебной статистики за период с 2000 по 2013 г., удельный вес лиц, совершивших несколько преступлений, составляет в среднем 45,7% (сюда нами отнесены лица, ранее судимые (в том числе рецидивисты), лица, которые ранее были судимы, но на момент совершения преступления считаются

юридически несудимыми, и лица, которые впервые совершили два или более преступления).

Вместе с тем, этот показатель еще нельзя рассматривать как сведения собственно о множественности преступлений. В этой массе осужденных целесообразно вычленив тех, чьи действия соответствуют нормативно установленным параметрам множественности, таким как совокупность преступлений и рецидив. Статистическая отчетность позволяет сделать это с определенной погрешностью, поскольку в общем массиве лиц, ранее судимых, отражаются данные и о рецидиве, и о единичном преступлении, а данные о лицах, осужденных за впервые совершенные два или более преступления, включают сведения о совокупности в ее уголовно-правовом значении, но не отражают данные о лицах, ранее судимых и вновь осужденных за совершение нескольких преступлений. Тем не менее, если ограничить выбор-

ку только рецидивистами и лицами, впервые совершившими более одного преступления, то можно установить, что их удельный вес в общем числе лиц, совершивших несколько преступлений, составляет 43,9%, а в общем массиве всех осужденных – 20,1%.

Показательно, что два рассматриваемых параметра имеют неодинаковый тренд. Удельный вес лиц, совершивших несколько преступлений, за период с 2000 по 2013 г. имеет выраженную тенденцию роста, которая началась до известной реформы множественности преступлений в 2003 г. и не изменилась после нее (если в 2000 г. доля лиц, совершивших несколько преступлений, составляла 42%, то в 2013 г. – уже 48%). В то же время удельный вес лиц, осужденных собственно за множественность преступлений, с 2003 г. остается относительно стабильным, колеблясь в пределах 19–22%.

Интерпретация этих данных позволяет установить, что на фоне объективного роста множественной преступной деятельности наблюдается в определенной мере искусственное, на уровне нормативных конструкций, сдерживание показателей «легальной множественности», что приводит к нарастанию разрыва между соответствующими рядами данных.

Эта тенденция не только подтверждается, но и наиболее четко проявляется при исследовании статистических данных, характеризующих динамику рецидива преступлений. Анализ свидетельствует: на фоне стабильного роста удельного веса ранее судимых лиц, удельный вес собственно рецидивистов в общем массиве осужденных сокращается. Точкой перелома в данном случае выступает тот же 2003 г. Имеющиеся данные доказывают, что, составляя в среднем за анализируемый период около 50%, удельный вес рецидивистов в числе ранее судимых лиц сокращается: если в 2000–2003 гг. он составлял 67%, то в 2004–2012 гг. – 48,2%. При этом в первый год после известного реформирования уголовного закона удельный вес рецидивистов в числе лиц, ранее судимых за преступления, сократился по сравнению с 2003 г. на 9,7%, в 2005 г. – уже на 14,2%, и далее этот показатель только нарастал. Динамика же удельного веса лиц, ранее судимых, хотя и имеет тенденцию к росту, на этом фоне все же более стабильна. Еще большую стабильность демонстрируют показатели, отражающие удельный вес лиц, осужденных за совершение впервые двух или более преступлений. В среднем за период наблюдения их доля составила около 6%, и отклонения от среднего значения крайне незначительны.

Таким образом, в качестве первого вывода о состоянии множественности преступлений можно констатировать: а) увеличение удельного веса лиц, осужденных за совершение нескольких преступлений; б) стабильный удельный вес лиц, осужденных за совершение впервые нескольких преступлений; в) сокращение удельного веса лиц, совершивших преступление при рецидиве; г) рост удельного веса ранее судимых лиц, в чьих действиях не установлено признаков рецидива преступлений.

Искусственный характер статистической отчетности, ее прямая зависимость от содержания непрестанно корректируемых уголовно-правовых норм подтверждается анализом данных о структуре рецидива преступлений и данными о наказаниях, назначенных по совокупности преступлений и совокупности приговоров.

Так, реформа 2003 г. самым «позитивным» образом отразилась на показателях структуры рецидива по степени опасности. В период до 2003 г. в общем числе лиц, осужденных за совершение преступлений при рецидиве, удельный вес осужденных при «простом» рецидиве составлял 42,8%, при опасном рецидиве – 43,9%, при особо опасном рецидиве – 13,3%. После изменения законодательной формулы видов рецидива соответствующие цифры составляют: 77%, 19,5%, 3,6%. Произошло, таким образом, существенное (в разы) «облегчение» структуры рецидивной преступности. Число лиц, осужденных за совершение преступлений при особо опасном рецидиве, в 2013 г. по сравнению с 2000 г. сократилось на 76%; при опасном рецидиве – на 73%, в то время как число лиц, осужденных за совершение преступлений при «простом» рецидиве, за это же время увеличилось на 26%. Такое облегчение структуры рецидивной преступности является сугубо формальным, вызванным трансформацией положений ст. 18 УК РФ и смягчением санкций в подавляющем большинстве статей Особенной части УК РФ.

Снижение размера санкций в статьях Особенной части УК РФ отразилось и на практике назначения наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров. В частности, в период с 2000 по 2013 г. на фоне гуманизации санкций и либерализации правил назначения наказания при рецидиве преступлений наблюдается устойчивый рост числа осужденных, которым на основании ст. 69 и 70 УК РФ назначено наказание выше верхнего предела, предусмотренного санкцией статьи. При этом рост данного показателя начался именно с 2003 г.

Сопоставление приведенных данных показывает: а) на фоне стабильной динамики удельного

веса лиц, впервые совершивших два или более преступления, растет количество лиц, которым по совокупности преступлений было назначено наказание выше верхнего предела санкции; б) на фоне облегчения структуры рецидивной преступности растет количество лиц, которым по совокупности приговоров было назначено наказание выше верхнего предела санкции. С известными оговорками это может означать лишь одно: законодательные трансформации института множественности преступлений и сокращение размеров санкций в большинстве статей Особенной части УК РФ не соответствуют социальным и криминологическим реалиям и не отражают общественной опасности множественности преступлений; судебная практика вынуждена реагировать на законодательные новеллы повышением размеров назначаемого за множественность преступлений наказания (разумееется, в установленных законом пределах).

Об истинных масштабах опасности множественности преступлений в большей степени можно судить на основании результатов конкретных социологических и документальных исследований. Анализ показывает следующее.

1. Рецидивные преступления относятся преимущественно к категории общеуголовных корыстных и корыстно-насильственных преступлений. Наибольший удельный вес рецидивистов зафиксирован в числе осужденных за преступления против собственности (16,5%), против половой свободы и половой неприкосновенности личности (14,7%), против жизни и здоровья личности (12,2%), против здоровья населения и общественной нравственности (10,0%). Примерно три четверти совершенных при рецидиве преступлений тождественны или однородны преступлениям, за которые лицо ранее уже осуждалось, что в известной степени отражает весьма негативную тенденцию специализации и профессионализации рецидивистов. Более 90% рецидивистов ранее приговаривались к наказанию в виде лишения свободы, которое в 70% случаев полностью отбыли, и в 25% случаев совершили рецидивное преступление в первый год после отбытия наказания.

2. Среди лиц, осужденных за совокупность преступлений, 67% совершили от двух до трех преступлений, 26% – от четырех до девяти, 7% – десять или более преступлений; при этом 78% совершили однородные или тождественные преступления. Чаще всего совокупность составляют преступления против собственности (52%) и в сфере незаконного оборота наркотиков (25%); в 42% случаев совокупность образуют тяжкие и (или) особо тяжкие преступления.

В подобных условиях полноценный анализ множественной преступной деятельности не может и не должен ограничиваться только и исключительно теми официальными статистическими данными, которые характеризуют множественность преступлений в ее уголовно-правовом значении. Требуется более широкий подход, позволяющий включить в орбиту рассуждений и такие стечения нескольких преступлений, которые не воспринимаются законом как проявление множественности. С учетом того, что состояние и тенденции собственно рецидивной преступности уже хорошо исследованы наукой, а криминологические показатели «первичной» совокупности преступлений, будучи стабильными, не вызывают особой потребности в дополнительном анализе, обратим внимание на случаи совершения преступлений лицами, ранее судимыми.

При существующей организации статистики данные о лицах, ранее судимых за совершение преступлений, могут обладать по большей части ориентирующим характером. Но и этого, как представляется, будет достаточно для того, чтобы продемонстрировать значимую социальную проблему повторной преступности ранее судимых лиц.

Прежде всего, отметим, что с 2003 г. количество ранее судимых лиц в общем массиве осужденных растет. Спад рассматриваемого показателя в период 2001–2003 гг. вызван, как представляется, причинами, связанными с вступлением в силу нового Уголовно-процессуального кодекса, а также подготовкой и принятием закона о реформировании института множественности. Временный и ограниченный характер этого фактора подтвержден статистически, поскольку начиная с 2004 г. тренд роста числа ранее судимых лиц был возобновлен и не прекращается до настоящего времени.

Такой рост, как уже отмечалось, сопровождается падением показателей судимости при наличии легального рецидива преступлений. Трансформации закона в 2003 г. привели к тому, что определенная часть рецидивистов была выведена из сферы действия ст. 18 и 68 УК РФ. Но общественная опасность таких лиц, как представляется, не изменилась принципиально. И это дополнительно аргументирует значимость теоретического анализа преступности ранее судимых лиц.

Имеющиеся данные свидетельствуют, что общий тренд роста числа ранее судимых лиц сопровождается аналогичными по содержанию и даже более интенсивными по темпам роста тенденциями в динамике числа лиц, имеющих

в прошлом несколько судимостей (две, три и более). Так, число лиц, имеющих три и более судимости, возросло за исследуемый период почти в три с половиной раза, равно как их удельный вес в общей массе ранее судимых лиц – с 2,6 до 8,8%. Такие цифры, на наш взгляд, нельзя объяснять только и исключительно реформой законоположений о рецидиве хотя бы потому, что рост рассматриваемых показателей является достаточно устойчивым на протяжении уже долгого периода времени после реформы 2003 г. Следовательно, он объясняется не столько последствиями реформы, сколько иными факторами, содержание которых восходит к проблемам эффективности уголовного наказания, постпенитенциарного контроля, социальной реабилитации и помощи осужденным.

Поправку на законодательное реформирование необходимо делать и при анализе структуры преступности ранее судимых лиц по степени тяжести совершенных деяний. Имеющиеся данные показывают, что более половины из числа осужденных, ранее судимых, вновь совершают преступления, относимые УК РФ к категории небольшой или средней тяжести, и примерно каждый четвертый – тяжкие преступления.

В уголовно-политическом отношении сугубо формально, внешне такие цифры выглядят вполне удовлетворительно, свидетельствуя об относительно невысокой степени общественной опасности вторичной преступности. Однако здесь необходимо учитывать недостатки и упущения в самой категоризации преступлений. Сам по себе факт превалирования в структуре вторичной преступности преступлений небольшой и средней тяжести еще не свидетельствует о ее реальной опасности. Он отражает лишь законодательную (а по сути – одну из возможных) ее оценок. Если обратиться к так называемой «содержательной» характеристике вторичной преступности и оценить ее структуру, исходя из вида посягательства, то необходимо отметить здесь высокий удельный вес весьма опасных и распространенных преступлений.

Чтобы структурировать этот вид преступности более наглядно, представляется возможным исключить из дальнейших расчетов число ранее судимых лиц, осужденных за кражи (их удельный вес составляет в среднем 43%). При таком подходе устанавливаем, что 19% ранее судимых лиц вновь осуждены за грабеж, 18% – за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и их аналогов, 7% – за мошенничество, по 5% – за разбой и угон транспортных средств, 6% – за причинения тяжкого вреда здоровью, 4% – за легкий вред и побои, по

3% – за убийство и причинение средней тяжести вреда здоровью. Эти преступления в общей массе составляют 80% в структуре вторичной преступности (рассчитанной без учета краж) и вполне могут рассматриваться в качестве индексных. Исходя из этого, следует констатировать, что преобладание в структуре вторичной преступности преступлений небольшой и средней тяжести определено именно большим числом и удельным весом краж. За исключением этих преступлений вторичная преступность представляет собой весьма опасный феномен, незаслуженно игнорируемый законодателем, который не признает факт совершения преступления ранее судимым лицом даже отягчающим наказанием обстоятельством.

Важно обратить внимание, что структура вторичной преступности во многом совпадает со структурой рецидивной преступности, рассчитанной таким же образом (а именно – исходя из вида преступления и при исключении из расчетов краж, которые в структуре рецидивной преступности составляют более 45%). Совпадение структуры относительно (по крайней мере, статистически) самостоятельных видов преступности в данном случае не может рассматриваться как простое совпадение или случайность. Оно продиктовано, с одной стороны, соотношением рецидивной и вторичной преступности как части и целого, общностью детерминирующих факторов вторичной и рецидивной преступности, а с другой стороны, искусственным, конвенциональным характером легальных параметров рецидива. Преступления (какими бы они не были) обладают равными потенциальными возможностями в части порождения вторичного и (или) рецидивного преступления.

Статистика свидетельствует, что наибольший удельный вес и рецидивистов, и лиц, ранее совершавших преступления, зафиксирован в числе осужденных за преступления против собственности (соответственно 16,5% и 35,3%), против половой свободы и половой неприкосновенности личности (14,7% и 26,6%), против здоровья населения и общественной нравственности (10,0% и 24,3%), против жизни и здоровья личности (12,2% и 25,4%).

При этом весьма четко можно выделить отдельные преступления, обладающие наиболее высокими показателями рецидиво- и повторности. В частности, среди преступлений против жизни и здоровья таковыми выступают причинения тяжкого вреда здоровью (32,4% рецидивистов и 23,1% ранее судимых лиц), убийство (18,6% рецидивистов и 10,9% ранее судимых лиц); среди половых преступлений –

насильственные посягательства, предусмотренные ст. 131 и ст. 132 УК РФ (94,9% рецидивистов и 86,9% ранее судимых лиц); среди преступлений против общественной безопасности и общественного порядка – преступления, связанные с оборотом оружия (79% рецидивистов и 64,5% ранее судимых лиц); среди преступлений против здоровья населения и общественной нравственности – преступления, связанные с наркотиками (96,5% рецидивистов и 95,2%).

Из этих данных вполне закономерно следует, что и личностные особенности рецидивистов и судимых лиц, в чьих действиях не обнаруживаются признаки рецидива, не имеют принципиальных отличий. Это преимущественно мужчины, лишённые социально одобряемых связей, исключённые из сферы влияния основных социальных институтов, естественно, судимые, весьма часто находящиеся на границе социума, маргиналы. Для них считаются характерными такие качества, как несдержанность, неадекватность, примитивизм эмоциональных реакций, авторитарность, безразличие к переживаниям других, мстительность и обидчивость, завышенная самооценка, а также зачастую слабоволие и неспособность самостоятельно разорвать существующие социальные контакты. Они отличаются также слабым развитием или полным отсутствием должных отношений к господствующим в обществе социальным и моральным ценностям: общественному труду, семье, другим лицам, самому себе.

Приведенные данные и рассуждения, как представляется, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что повторение преступлений как криминологический феномен развивается по своим собственным законам, мало связанным с законом уголовным и с теми мерами, которые в нем предусматриваются для неоднократно судимых лиц. Уголовный кодекс относительно произвольно наделяет некоторое сочетание преступлений, совершаемых ранее судимыми лицами, статусом рецидива и ранжирует его на виды.

Наблюдаемое сегодня отвлеченно искусственное отражение преступной деятельности ранее судимых лиц в тексте уголовного закона сопровождается аналогичным по своей сути подходом к оценке совокупности преступлений. Закон сугубо формально предписывает процедуру и основания назначения наказания, исходя из количества и категории совершенных преступлений. Суть этих преступлений, их социальная и криминологическая характеристика, особенности личности виновного закон в данном случае не интересуют. Такое положение дел, как представляется, связано с нерешенностью

современным уголовным законодательством и уголовно-правовой доктриной сущностного, методологического вопроса о том, что же именно – множество преступлений или лицо, совершившее это множество, выступает основанием для усиления уголовной ответственности и наказания.

Этот вопрос относится к числу острых и значимых. При этом его острота, возможно, не вполне отчетливо проявляется при обсуждении проблем совокупности преступлений, поскольку здесь основная задача состоит в сложении уже назначенных наказаний, итоговая сумма которых должна определяться с учетом представлений о разумности и достаточности уголовного наказания. Но со всей силой значимость вопроса об основаниях усиления ответственности являет себя при обсуждении рецидива преступлений. Здесь нет единого подхода. К примеру, А.И. Чучаев и Г.К. Буранов утверждают, что «именно повторный криминальный поступок определяет причину ухудшения уголовно-правового статуса преступника, хотя при назначении наказания, безусловно, должна учитываться и его личность» [1, с. 33]. В то же время В.Ф. Шевченко замечает, что «необходимость усиления ответственности при рецидиве всегда связывалась с особенной закоренелостью, нравственной испорченностью лица, его неисправимостью» [2, с. 11].

Нерешенность рассматриваемого вопроса в теории уголовного права, тем не менее, имеет место на фоне вполне определенного отношения к нему со стороны законодателя. Уголовный кодекс формально не признает особенности личности виновного основанием или хотя бы элементом в построении системы множественности преступлений. Закону важнее количество совершенных преступлений и степень их тяжести. Это подход, выдержанный преимущественно в рамках классической уголовно-правовой школы.

Между тем, его ограниченность была признана уже достаточно давно (хотя надо признать, что сбалансированной системы учета постулатов классической и социологической школ достичь так и не удалось). Она в известной мере подтверждается и результатами проведенного социально-криминологического исследования, которое с достаточной степенью убедительности свидетельствует о том, что сколько-нибудь существенных и специфических криминологических оснований под современными конструкциями рецидива преступлений и совокупности преступлений нет: рецидив по основным социальным и криминологическим параметрам не отличается от вторичной преступности, а

совокупность преступлений включает настолько разнородные с криминологической точки зрения сочетания преступлений, что определить социальные основания этой нормативной конструкции просто не представляется возможным.

На наш взгляд, сложившаяся ситуация не может быть признана удовлетворительной. Она свидетельствует о глубоком разрыве в основаниях и целях контроля над множественной преступной деятельностью со стороны уголовного права и криминологии. Если уголовному праву, действительно, важны лишь вопросы квалификации и назначения наказания, то криминологию интересует более широкая социальная перспектива, связанная с профилактикой преступлений. Пересечение этих двух стратегий происходит лишь в точке, именуемой «уголовное наказание», поскольку наказание признается средством предупреждения преступления и с этих позиций тяготеет к предмету криминологии, а проблемы квалификации не выходят за пределы ответственности уголовного права и не имеют к криминологической науке и практике никакого отношения.

Уголовное право и криминология, таким образом, и могут, и должны совместными усилиями воздействовать на феномен множественности преступлений. При этом следует признать само собой разумеющимся, что разрабатывать профилактические и наказательные стратегии без учета личностных свойств преступника бесперспективно. Ведь все меры индивидуальной профилактики, включая наказание, по определению предполагают воздействие непосредственно на личность виновного.

Когда же речь заходит о личности преступника, совершающего множество преступлений, вопросы, связанные с количеством совершенных преступлений, их формально закрепленной категориальной принадлежностью, наличием или отсутствием судимости, т.е. всем тем, что составляет нормативный каркас множественности преступлений, во многом отходят на второй план, уступая место совершенно иным признакам и показателям множественной преступной деятельности, а именно тем, которые связаны с характеристикой субъективных устремлений виновного, мотивов его деятельности, объектом и механизмом совершения преступлений, наличием взаимосвязей между ними. Неслучайно обсуждение проблем множественной преступной деятельности в криминологии мало связано с анализом данных о распространенности отдельных легальных форм множественности преступлений, но зато непосредственно сопряжено с проблематикой злостного, привычного

или профессионального преступника. Важнейшими характеристиками этого типа личности признаются неоднократность совершения преступлений, профессионализация преступной деятельности, обращение ее в привычку и в средство обеспечения материального благополучия, криминальная специализация на отдельных преступлениях или преступных операциях, особая конфигурация ценностных ориентаций и специфический социальный статус. При этом профессиональный (привычный) преступник с точки зрения уголовно-правовой характеристики не обязательно является многократно судимым или рецидивистом; среди них достаточно много лиц, чьи действия в уголовно-правовой квалификации и статистике отражаются как совокупность преступлений, а в некоторых ситуациях и вовсе как единичное преступление.

Не станем вступать в обсуждение проблемы, которая связана с характеристикой типов личности преступника, в том числе привычного или профессионального. Отметим лишь одно, что с необходимостью следует из проведенного социально-криминологического анализа: игнорирование специфических особенностей личности преступника, совершающего несколько преступлений, в построении правового института множественности с неизбежностью влечет за собой возникновение неоправданного разрыва между его криминологической и уголовно-правовой оценкой; делает уголовно-правовой контроль множественности искусственно отвлеченным и сугубо формализованным.

В таких условиях ожидать эффективности уголовно-правового воздействия на множественную преступную деятельность не приходится. Представляется, что настало время хотя бы на уровне множественности преступлений как отдельно взятого правового института решить фундаментальный вопрос уголовной политики – подлинно и полноценно обеспечить социально-криминологическую адекватность уголовного законодательства реалиям множественной преступной деятельности и актуальным потребностям противодействия ей.

Логика научного анализа в данном случае закономерно подсказывает, что исходной точкой в оценке состояния и определении перспектив развития уголовно-правового института должны стать знания о том феномене, на который собственно этот институт должен воздействовать. Представляется, что именно в причинах множественной преступности и следует искать нечто, что должно определить оптимальную конфигурацию уголовно-правового института множественности.

Не имея возможности представить в настоящей публикации глубокий и всесторонний взгляд на проблемы детерминации множественной преступной деятельности, отметим, что в методологическом отношении из анализа детерминант множественной преступности следует исключить те, которые предметно связаны с совершаемым преступлением, и сконцентрировать внимание на тех факторах, которые обуславливают именно повторение преступления. А они, как представляется, сводятся к двум основным: а) специфические особенности личности виновного; б) просчеты и недостатки в работе правоохранительных, пенитенциарных, социальных органов по выявлению преступлений, назначению и исполнению мер уголовно-правового характера, социальной

и психологической реабилитации и поддержки отбывших наказание лиц.

Очевидно, что уголовное право предоставляет возможности и содержит резервы оптимизации воздействия на обе эти группы причин и условий. Но предписания, образующие собственно институт множественности преступлений, на вторую группу факторов объективно не действуют. Они могут (и должны!) оказывать воздействие лишь на первую группу факторов, связанных с личностью виновного. Отсюда – еще одно доказательство того немаловажного факта, что личность виновного не может быть проигнорирована законодателем при конструировании форм множественности и должна быть вписана в структуру предписаний соответствующего института.

1. Чучаев А.И., Буранов Г.К. Рецидив преступления и наказание // Журнал российского права. 2000. №. 12.

2. Шевченко В.Ф. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика рецидивной преступности (на материалах Санкт-Петербурга): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998.

1. Chuchaev A.I., Buranov G.K. Recurrence of crime and punishment // Journal of Russian law. 2000. №. 12.

2. Shevchenko V.F. Criminal law and criminological characteristics of criminal recidivism (on the materials of St. Petersburg): auth. abstr. ... Master of Law. St. Petersburg, 1998.

Кашоида Вячеслав Валерьевичкандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России
(тел: +78612583563)

Особенности исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в Советском государстве периода «застоя» (1970-е – середина 1980-х годов)

В статье исследуются особенности правового регулирования исполнения наказания в виде лишения свободы в Советском государстве в годы «застоя», а также реализации соответствующих уголовно-исполнительных норм. Анализируется практика деятельности исправительно-трудовой системы, дается оценка советской пенитенциарной политики рассматриваемого периода.

Ключевые слова: осужденные, лишение свободы, исполнение наказания, Исправительно-трудовой кодекс, правила внутреннего распорядка, изолированные участки, ограничения прав осужденных.

V.V. Kashoida, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563.

Peculiarities of the enforcement of the criminal punishment in the form of imprisonment in the Soviet state in the «stagnancy» period (1970 – middle 1980)

The peculiarities of the legal regulation of the enforcement of punishment in the form of imprisonment in the Soviet state in the «stagnancy» period and the realization of the corresponding penal norms are investigated in the article. The practice of the correctional labour system activity is analyzed, the estimation of the soviet penitentiary policy of this period is given.

Key words: sentenced, imprisonment, enforcement of punishment, Correctional labour code, internal regulations, isolated sections, limits of sentenced people rights.

Принятие ИТК РСФСР 1970 г. пришлось на начало периода истории СССР, известного под названием «застой». Следует заметить, что этот Кодекс закрепил фактически сложившуюся к тому времени структуру ИТУ. Конкретно это выразилось в ст. 12, в которой в качестве учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, устанавливались исправительно-трудовые колонии, тюрьмы и воспитательно-трудовые колонии; подчеркивалось также, что исправительно-трудовые колонии являются основным видом ИТУ для содержания осужденных к лишению свободы, достигших совершеннолетия. Внутреннее устройство и оборудование ИТУ Кодексом не определялись; эти вопросы регламентировались Правилами внутреннего распорядка ИТУ (мы используем их редакцию 1977 г.). Данный документ заслуживает особого внимания. По объему он почти такой же, как кодекс.

В соответствии со ст. 23 ИТК РСФСР в Правилах должны быть отрегулированы следующие вопросы: порядок приема осужденных в ИТУ, правила поведения осужденных во время работы и отдыха, перечень работ и должностей, на которых запрещается использование осужденных, перечень и количество предметов и вещей, которые они могли иметь при себе, порядок изъятия предметов, запрещенных к использованию, порядок производства проверок, свиданий, приема и вручения осужденным посылок, передач, бандеролей и корреспонденции, а также перечень и количество продуктов питания и предметов первой необходимости, разрешаемых к продаже осужденным. Круг вопросов, охватываемых внутренним распорядком, изложен исчерпывающе. Тем не менее Правила дополнительно регламентировали вопросы оборудования ИТУ, меры обеспечения изоляции осужденных, меры безопасности, организацию политико-воспитательной работы

с осужденными и их обучения, порядок применения мер поощрения и взыскания и др. Таким образом, Правила вышли далеко за пределы регулирования, предусмотренные законодательством, несмотря на то, что согласовывались с Генеральной прокуратурой СССР.

Ряд положений Правил текстуально дублируют Кодекс. Однако более серьезные недостатки связаны с тем, что Правилами (а не законом) регламентированы некоторые ограничения прав осужденных, имеющих важное значение в жизни каждого человека, в том числе и прежде всего в местах лишения свободы. Это касается, в частности, ограничения права на личную неприкосновенность путем применения к осужденным наручников (§ 47), смиренной рубашки (§ 48) и оружия (§ 49). Можно назвать еще и такой незначительный, на первый взгляд, вопрос, как принудительная стрижка головы «наголо» (§ 83). Довольно значительный «захват» Правилами внутреннего распорядка ИТУ законодательных функций объясняется, как нам представляется, еще не преодоленным ведомственным синдромом власти; слишком уж велика была последняя у НКВД в отношении заключенных, и эту психологию вдруг, за короткое время изменить было невозможно. Как показывает практика, для изменения правосознания требуется немало времени [1, с. 26]. Так, принудительная стрижка «наголо» была отменена только в 1992 г. До 1977 г. действовало правило, согласно которому осужденные при встрече с представителями администрации и иными лицами, посещающими ИТУ, обязаны были не только вставать, но и снимать головной убор (§ 17 Правил внутреннего распорядка ИТУ в редакции 1972 г.), что, без сомнения, было уродливым реликтом сословных отношений в России в прошлом (это правило соблюдалось, видимо, так тщательно, что и сейчас осужденные пожилого возраста, прошедшие в местах лишения свободы много лет, обнажают голову и слегка наклоняются, как правило, с заведомо неискренней и заискивающей улыбкой).

К началу 1970-х гг. сложились весьма крупные по численности исправительно-трудовые учреждения. Это обстоятельство было закреплено в § 3 Правил внутреннего распорядка ИТУ, где устанавливался лимит наполнения: в колониях общего режима он составлял 1600 человек, усиленного режима – 1400, строгого режима – 1200, особого режима – 600, в колониях-поселениях – 700, в колониях-поселениях для лиц, совершивших преступления по неосторожности, – 2000 человек. В дальнейшем наблюдалось укрепление колоний, что связано с расширением произ-

водственной деятельности в рамках исправительно-трудовой системы [1, с. 15], и уже в 1986 г. цифры значительно увеличились. Этот процесс отражал в целом известную «гигантоманию» как в промышленности, так и в сельском хозяйстве страны. Кроме того, функционирование крупных по размерам исправительно-трудовых учреждений стимулировалось системой организационно-штатного расписания, когда, например, для получения звания полковника начальнику ИТУ надо было добиваться, чтобы во вверенном ему учреждении было не менее двух тысяч человек, а объем валовой продукции, выпускаемой продукцией превышал десять миллионов рублей (по ценам того времени это мощность среднего предприятия в советской промышленности) [1, с. 26].

Вполне определилось и типовое устройство ИТУ, которое начало формироваться еще в 1930-е гг. Согласно § 6 Правил внутреннего распорядка ИТУ каждая колония состоит из жилой зоны и производственной (если имеется соответствующее производство). Жилая зона, в свою очередь, разделяется на изолированные друг от друга участки с тем, чтобы в каждом из них могло содержаться не более 250–300 человек. В жилой зоне размещаются общежития, пищеблок, магазин, школа, профтехучилище, баня с прачечной и дезкамерой, парикмахерская, мастерская по ремонту одежды и обуви, кладовые, сушильное отделение, помещения для различных служб администрации; кроме того, на территории жилой зоны оборудуется изолированное здание с помещениями камерного типа и штрафного изолятора, а также спортивная площадка, летняя площадка для просмотра кинофильмов и площадка для проверок осужденных.

Практика добавила к этому перечню собственные котельные и некоторые другие коммунально-бытовые объекты. Производственная зона представляет собой по сути обычное предприятие с добавлением атрибутов, связанных с охраной и надзором за работающими там осужденными.

Дальнейшее развитие института наказания в виде лишения свободы происходило довольно противоречиво. Так, период до середины 1980-х гг. характеризуется определенной стабильностью. Уголовное законодательство практически оставалось неизменным. Являясь наиболее распространенным видом наказания, лишение свободы применялось примерно к 40–42% (например, в 1984 г. – 49%, в 1987 г. – 34%) осуждаемых преступников [2, с. 124; 3, с. 48]. Исправительно-трудовые учреждения постепенно увеличивали объем промышленного производ-

ства и укрупнялись [1, с. 15]. С одной стороны, это затрудняло управляемость большой массы осужденных в отдельном ИТУ (что и послужило непосредственной причиной разделения ИТУ на локальные участки). Однако, с другой стороны, получая прибыли как хозяйствующие субъекты, ИТУ имели возможности расширять, обновлять и укреплять свою материально-техническую базу. Бытовые условия отбывания наказания улучшались. В этом отношении рассматриваемый период выгодно отличается как от предшествующих, так и от последующих лет. В целом закрепленный в ИТК РСФСР 1970 г. правовой статус осужденных оказался, безусловно, существенным продвижением вперед на фоне предшествующих ограничений в системе ГУЛАГа. Вместе с тем, сопоставление норм кодекса с международными Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными показывает значительное отставание нашего исправительно-трудового закона. Это обстоятельство, равно как и логика вообще общественного развития, предполагало дальнейшее законодательное «раскрепощение» осужденных.

Однако в действительности изменения в исправительно-трудовом законе связывались лишь с производственной деятельностью, материально-бытовыми условиями и воспитательной работой. Эти три компонента вырвались далеко вперед, в то время как правовое положение осужденных, несомненно, положительно воспринятое в 1970 г., значительно отставало, и уже к рубежу 1980-х гг. разрыв оказался весьма внушительным и все сильнее оказывал отрицательное влияние на морально-психологический климат среди осужденных и, соответственно, состояние правопорядка в ИТУ [4, с. 47; 5, с. 44].

Так, к началу 1980-х гг. все ИТУ были разделены на изолированные участки, и осужденные большую часть времени в период отбывания наказания проводили в «обычном жилом помещении» и на огороженном возле него пятачке. Выходы из локальных участков ограничива-

лись и могли осуществляться только строем. Осужденные обязаны были носить одежду единого образца – это были давно морально устаревшие и неудобные в ношении «фуфайки», «деревянные» ботинки, «кирзачи», так называемая «спецовка»; все черного цвета. Все осужденные были подстрижены «наголо». В порядке дисциплинарных взысканий их могли лишать свиданий с родственниками; во время длительных свиданий они также не имели права надевать собственную одежду, а после свидания им запрещалось брать что-либо от своих родных, равно как и передавать. У осужденных изымалась половина заработка, им не выплачивалась трудовая пенсия, время работы в период отбывания лишения свободы не включалось в трудовой стаж.

На повышенную суровость ИТК РСФСР 1970 г. по сравнению с предшествовавшими уголовно-исполнительными документами, а также на усиление в целом жесткости наказаний обращалось внимание в литературе [6, с. 139–140; 7, с. 98]. При таком положении ни определенное улучшение бытовых условий, ни усиление политико-воспитательной работы, которая приобретала все более назойливые формы, не могли полноценно обеспечить реализацию концепции исправления и перевоспитания осужденных, поскольку их «застывший» правовой статус заметно отстал от развития общества в целом, а также во многом не соответствовал общечеловеческой морали. В довершение к этому 5 апреля 1985 г. принимается Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, ограничивающий применение условно-досрочного освобождения. Ситуация стала меняться лишь ближе к рубежу 1990 г., когда в результате известных событий общественно-политического характера Россия взяла курс на европейские нормы обращения с осужденными к лишению свободы, что проявилось, в частности, в соответствующих изменениях в действующем тогда ИТК РСФСР и принятии в 1993 г. Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

1. Фефелов В.А. Социально-правовые основы цивилизации исправительных учреждений Российской Федерации. Рязань, 1992.

2. Полубинская С.В. Цели уголовного наказания. М., 1990.

3. Бородин С.В. Состояние преступности и правосудие: назначение наказаний. М., 1991.

1. Fefelov V.A. Socio-legal basis of the correctional facilities civilization of the Russian Federation. Ryazan, 1992.

2. Polubinskaya S.V. Aims of the criminal penalty. Moscow, 1990.

3. Borodin S.V. The state of the criminality and justice: punishment administration. Moscow, 1991.

4. Кузьмин С.И. Организованные преступные группировки в местах лишения свободы // Преступление и наказание. 1995. № 4.

5. Полубинский В.И. От царской каторги к советским лагерям // Преступление и наказание. 1995. № 7.

6. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. М., 1991.

7. Новиков В.В. О некоторых тенденциях в современной уголовно-исполнительной политике // Проблемы уголовной ответственности и исполнения наказания. Рязань, 1995.

4. Kuzmin S.I. Organized criminal groups in places of imprisonment // *Crime and punishment*. 1995. № 4.

5. Polubinsky V.I. From tzar penal colony to soviet detention camps // *Crime and punishment*. 1995. № 7.

6. Rossi G. *Gulag guide*. Moscow, 1991.

7. Novikov V.V. About some tendencies in modern criminal and penal policy // *The problems of criminal responsibility and enforcement of punishment*. Ryazan, 1995.

Коваленко Вера Ивановна

кандидат юридических наук, доцент,
докторант ВНИИ МВД России
(e-mail: verafem@yandex.ru)

Серый Федор Георгиевич

кандидат экономических наук, доцент,
ученый секретарь ВНИИ МВД России
(e-mail: seryifg@yandex.ru)

Криминологические и уголовно-правовые проблемы современной трансплантации органов и тканей человека

В статье исследованы актуальные вопросы правового регулирования трансплантации органов и тканей человека в России, криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия незаконному обороту органов и тканей человека.

Ключевые слова: трансплантация органов и тканей человека, нелегальный оборот органов и тканей человека.

V.I. Kovalenko, Master of Law, Assistant Professor, Doctoral Candidate of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: verafem@yandex.ru;

F.G. Seryi, Master of Economics, Assistant Professor, Scientific Secretary of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: seryifg@yandex.ru

Criminological and criminal legal problems of modern transplantation of human organs and tissues

The article deals with topical issues of legal regulation of transplantation of organs and tissues of human in Russia, criminology and criminal problems of combating illicit trafficking of human organs and tissues.

Key words: transplantation of human organs and tissues, illegal trafficking of human organs and tissues.

Представленный для обсуждения в текущем году Минздравом РФ законопроект «О донорстве органов, частей органов человека и их трансплантации (пересадке)» вызвал широкий общественный резонанс как среди специалистов (юристов, медиков-трансплантологов), так и среди населения, особенно той его части, для которой разрешение коллизионных вопросов и устранение правовых пробелов в области трансплантологии в связи с возможным принятием нового закона буквально является «вопросом жизни или смерти».

По данным экспертов, в нашей стране «смертность среди трудоспособного населения в 7–8 раз выше аналогичного показателя экономически развитых стран, а число преждевременно умирающих в трудоспособном возрасте в результате только предотвратимой части преждевременной смертности оценивается в 400–500 тысяч мужчин и 55–60 тысяч женщин ежегодно» [1, с. 19].

До настоящего времени вопросы правового регулирования трансплантации органов и тканей человека, запрет на их торговлю и меры ответственности в случае его нарушения регулируются основными международными и российскими нормативно-правовыми документами, в числе которых: Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов 1991 г. (в редакции 2008 г.), Стамбульская декларация о трансплантации-онном туризме и торговле органами 2008 г., Документ Всемирной ассамблеи здравоохранения «О трансплантации органов и тканей человека» 2009 г., Дополнительный протокол к Конвенции по правам человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человека (Страсбург, 24 января 2002 г.), Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» 1992 г. (в редакции 2014 г.).

9 июля 2014 г. Комитетом министров Совета Европы была обсуждена и принята Конвенция

Совета Европы по борьбе с торговлей человеческими органами (Council of Europe Convention against Trafficking in Human Organs).

В соответствии с положениями этого документа «страны, ратифицировавшие его, будут обязаны ввести жесткий запрет на торговлю и незаконное изъятие человеческих органов, предназначенных для трансплантации. При малейших нарушениях установленного порядка против участников процедуры должно быть возбуждено уголовное дело. По мнению экспертов, Конвенция поможет правоохранителям пресечь деятельность преступных группировок, занимающихся трансплантационным бизнесом. Согласно статистике ВОЗ, ежегодно в мире выполняется около 120 тысяч операций по трансплантации человеческих органов, при этом, по данным экспертов неправительственной организации Organs Watch, количество «нелегальных» операций по трансплантации достигает 15 до 20 тысяч ежегодно» [2].

По словам помощника министра здравоохранения Л. Габбасовой, на протяжении нескольких лет рабочая группа российских экспертов, куда вошли представители Минздрава, МИД, Генеральной прокуратуры, Следственного комитета и некоторых подведомственных организаций, принимала самое активное участие в разработке документа [2].

Параллельно с обсуждением европейского документа российские специалисты занимались разработкой нового российского законопроекта «О донорстве органов, частей органов человека и их трансплантации (пересадке)», который был подготовлен с учетом базовых принципов и положений Конвенции и вынесен для всенародного обсуждения. Предварительно введение нового закона планируется в 2015–2016 гг., а до настоящего времени действует Закон «О трансплантации органов и (или) тканей человека» 1992 г., который в большей степени регулирует вопросы прижизненного донорства, т.е. передачи тяжелобольному родственнику одного из своего парного органа (например, почки) или части органа (например, печени).

Вместе с тем, надо признать, что в большинстве стран, в том числе и в России, удельный вес трансплантации органов реципиенту от живого родственника незначителен. В России он составляет всего 8% [3, с. 13].

Как можно наблюдать, полученные от живого донора органы не могут восполнить масштабный дефицит органов, необходимых для спасения жизни и здоровья значительной части граждан. В связи с этим актуальным остается вопрос об использовании органов донора, полученных

после его смерти. Однако именно правовые и медицинские вопросы посмертного донорства вызывают неоднозначные оценки специалистов, прежде всего позиции по двум основным моделям: 1) «презумпции согласия» на забор органа (органов) умершего, полученного «автоматически», «по умолчанию», и 2) «испрошенное», «презуммированное» согласие» родственников умершего или юридически оформленное согласие умершего, данное им при жизни.

Как известно, Федеральным законом «О погребении и похоронном деле» 1996 г. (в редакции 2014 г.) предусмотрено право на согласие или несогласие на изъятие органов умершего (ст. 5).

По мнению специалистов, замена модели «презумпции согласия» на модель «испрошенного согласия» приведет к резкому (по некоторым данным, в пять раз) уменьшению количества донорских органов и будет являться причиной смерти многих больных, которых можно было бы спасти путем трансплантации [4, с. 12, 17–18]. Очевидно, что в создавшихся условиях рост дефицита столь востребованных органов и тканей человека может иметь криминологические последствия, в частности способствовать увеличению объема «теневого рынка» трансплантационных органов.

Новый законопроект может устранить существующие правовые проблемы и фактически предлагает вместо «презумпции согласия» ввести «презумпцию волеизъявления», т.е. юридически оформленное согласие (или несогласие) гражданина на трансплантацию его органов после смерти. Учитывая безусловную актуальность, своевременность и положительную оценку основных новелл рассматриваемого законопроекта и в целях недопущения (минимизации) криминологических и уголовно-правовых последствий (коллизий), считаем необходимым акцентировать внимание на некоторых проблемных вопросах правового регулирования и состояния в сфере трансплантации органов и тканей, требующих своего научного и практического разрешения.

В соответствии с новым законопроектом предполагается введение такой категории медицинского работника, как трансплантолог-координатор. В условиях масштабного дефицита донорских органов и высокой цены операции – жизнь и здоровье человека – возникает вопрос изначально высокой степени коррупционности данной должности. В правоприменительной практике даже высокоразвитых стран (в частности, Германии) зафиксированы случаи нарушения очередности при проведении трансплантационных операций, полагаем, актуальной эта

проблема будет и для российской медицинской практики. Поэтому необходима разработка максимально прозрачной процедуры очередности лиц, нуждающихся в операции, и предоставления им необходимых донорских органов.

В новом законопроекте представлен перечень объектов для трансплантации: при прижизненном донорстве – почка, часть печени, часть тонкой кишки, доля легкого, часть поджелудочной железы; при посмертном донорстве – сердце, легкие, доля легкого, трахея, комплекс сердце – легкое, почка, печень (ее часть), поджелудочная железа (ее часть), поджелудочная железа с 12-перстной кишкой, кишечник и его фрагменты.

Однако, наряду с развитием медицинской отрасли и репродуктивных технологий, в последние годы возрос и уровень теневой сферы ее проявления. Так, по некоторым данным, зафиксированы факты проведения аборт на поздних сроках в целях получения плацентарных материалов, стволовых клеток и тканей для их последующего использования в коммерческих косметических операциях, осуществления экспериментов и др.

Кроме того, в настоящее время на фоне ухудшения репродуктивного здоровья не только женщин, но и мужчин все более актуальными становятся вопросы суррогатного материнства, использования в сфере репродуктивных технологий донорских органов и клеток (сперматозоидов, яйцеклеток), в медицинской сфере и косметологии – стволовых клеток и иных фрагментов плода (так называемых биоматериалов: материалов аборта, недоношенных детей, эмбрионов). Дефицит необходимых «биоматериалов», необходимое качество донорских клеток и органов, трудоемкость и высокая цена репродуктивных процедур, отсутствие гарантии эффективности проведенных операций – все это в создавшихся условиях «провоцирует» участников схемы на более легкие, простые, дешевые, как правило, внеправовые способы «решения» вопроса (например, принуждения к беременности, деторождению, к аборту), в результате чего одна сторона (например, заказчик) достигает долгожданного материнства, другая удовлетворяет свои корыстные мотивы и материальные амбиции, третья зачастую становится жертвой этого преступного механизма (без денежной компенсации и с ухудшением состояния здоровья).

В соответствии с международно-правовыми документами и ст. 2 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» действие указанных законов «не распространяется на органы, их части и ткани, имеющие отношение

к процессу воспроизводства человека, включающие в себя репродуктивные ткани (яйцеклетку, сперму, яичники, яички и эмбрионы), а также кровь и ее компоненты».

Таким образом, в связи с тем, что органы, ткани и клетки, связанные с репродуктивной функцией человека, и так называемые «биоматериалы» (родившихся мертвых младенцев, эмбрионов, материалов аборта) остались вне правового поля и не регулируются законодательством о трансплантации органов и тканей человека, представляется необходимым поставить вопрос о правовом режиме вышеуказанных органов, тканей и клеток человека или расширении представленного (в законах о трансплантации) перечня и установить правовой режим иных фрагментов организма человека (репродуктивные ткани и клетки, эмбрионы, материалы эмбриона, аборт, стволовые клетки), которые в последние годы все чаще выступают предметом незаконного оборота в механизме индустрии пластической хирургии, репродуктивных технологий (ЭКО, ИКСИ, суррогатного материнства). В условиях обсуждения и принятия нового закона о трансплантации органов и частей органов человека возникает необходимость уточнить, к какой категории органов, частей органов, тканей человека могут быть отнесены вышеперечисленные фрагменты репродуктивной системы, а также правовой режим их использования и оборота, правомерность их использования в коммерческой медицине.

Кроме того, в целях усиления уголовно-правовой защиты лиц, подвергающихся принудительной беременности и родам, и в целях более эффективного применения ст. 127¹ УК РФ предлагается дополнить п. 2 примечания к ст. 127¹ УК РФ такими формами эксплуатации, как «принуждение потерпевшей к деторождению, а равно изъятию органов или тканей».

До настоящего времени не в полном объеме решена проблема уголовно-правового обеспечения правомерности трансплантации органов и тканей человека, в частности отсутствует уголовная ответственность за ряд общественно опасных деяний в сфере трансплантации (торговля органами и тканями человека, контрабанда органов и тканей человека, забор и пересадка органов и тканей человека, осуществляемые в медицинском учреждении, не имеющем на то разрешения).

В соответствии с международно-правовыми документами, в частности Стамбульской декларацией о трансплантационном туризме и торговле органами 2008 г., торговля органами – это наем, вербовка, транспортировка и

перемещение живых и умерших людей или их органов, их укрывательство и подделка документов, с применением угроз, силы, служебного положения или других форм принуждения, похищения, мошенничества и обмана; с передачей или получением третьей стороной оплаты или других выгод, для приобретения контроля над потенциальным донором, – для использования в целях получения органов для трансплантации. Трансплантационный коммерциализм – это такая практика и образ действий, при которых орган рассматривается как товар и продукт потребления, который может быть продан, куплен или использован для получения материальной выгоды [5].

В связи с этим представляется целесообразным внести в уголовное законодательство России норму об ответственности за незаконный оборот – куплю-продажу и иные незаконные сделки с органами и тканями человека, любыми иными фрагментами организма человека (эмбрионами, стволовыми клетками, кровью).

В ходе исследования проблемы несовершенства правового регулирования лечебной трансплантации необходимо уточнить, что запрет купли-продажи органов и тканей и получение прибыли от трансплантационной деятельности не исключает возможность оплаты расходов по перевозке и хранению органов и тканей человека, т.к. основные принципы и положения, закрепленные в различных международно-правовых нормах, предусматривают в первую очередь запрет купли-продажи органов и тканей человека.

В то же время, поднимая вопрос о безвозмездности пожертвования потенциального донора, надо понимать, что при модели прижизненного донорства вопрос денежной или иной компенсации, например предоставление льгот за утраченный орган, является одним из наиболее актуальных и обсуждаемых, если не сказать «краеугольных», ведь «моральное удовлетворение» и получение компенсаторных медицинских «льгот» – отдельная проблема с учетом российской действительности, в успешное решение которой мало кто верит.

В связи с тем, что незаконное изъятие органов и тканей человека в ряде случаев может осуществляться не только в целях трансплантации, но и в иных целях (проведения научных экспериментов, медицинских опытов, изготовления лекарственных или косметических препаратов, ритуальных обрядов), на наш взгляд, необходимо установление нормы, предусматривающей ответственность за совершение деяний в указанных целях.

До настоящего времени не урегулированы основные направления предупредительной деятельности в сфере незаконной трансплантации органов и тканей человека. Как мы отмечали ранее, рассматриваемый вид преступной деятельности в принципе стал возможен благодаря сочетанию трех основных факторов: потребность достаточно массовой в количественном отношении социальной группы людей, больных, нуждающихся в органах и тканях, невозможность легально удовлетворить в полном объеме этот спрос и научно-технический прогресс в области трансплантационной медицины, представляющий возможность, а иногда и единственный шанс больному выжить или выздороветь в результате пересадки ему здорового органа. Прогнозируемый рост фактов незаконной трансплантации органов и тканей является криминальным ответом на растущую неудовлетворенную объективную потребность (которую смело можно назвать и социальной потребностью) в обеспечении больных людей материалом, необходимым для трансплантации.

В этой связи на примере зарубежного опыта представляются обоснованными разработка и принятие федеральной программы развития донорства в России, в рамках которой должны быть предусмотрены различные направления деятельности, в том числе предупредительно-профилактического характера, направленные на поощрение и развитие легального донорского движения, с одной стороны, и предупреждение, пресечение его теневой, нелегальной составляющей – с другой. Такая деятельность может осуществляться как сотрудниками федеральных и региональных органов исполнительной власти, так и представителями профессиональных сообществ (медицинских работников, юристов), общественных организаций (правозащитниками), волонтерами.

Параллельно с обсуждением нового законопроекта «О донорстве органов, частей органов человека и их трансплантации (пересадке)» через средства массовой информации, социальную рекламу, с помощью общественных и религиозных организаций необходима активизация просветительской деятельности как среди потенциальных доноров, так и среди лиц, нуждающихся в трансплантации, в том числе с целью снижения риска возможной виктимизации потенциальных жертв нелегальной трансплантационной деятельности.

Кроме того, следуя руководящим принципам международного права и зарубежному опыту, представляется оправданным комплексное

поощрение добровольного посмертного донорства, в том числе оказание правовой, организационной, финансовой и иной помощи государства, например бесплатное погребение потенциального донора.

Жизнь и здоровье человека – высшая ценность, и никто не может быть абсолютно уверен в том, что эти наиважнейшие ценности никогда не подвергнутся угрозе, а человек или его родственник не будут нуждаться в донорском органе. Считаем, что признание приоритета нравственно-

гуманитарных ценностей человека, позиционирование гуманного и благородного характера дачи добровольного согласия на безвозмездное использование органов и тканей человека после его смерти в целях спасения жизни другого человека, разрешение правовых, медицинских, этических проблем позволят сдвинуть решение данного вопроса с «мертвой» точки и в конечном счете приведут к цивилизованным формам лечения остро нуждающихся больных граждан нашей страны.

1. Тищук Е.А. *Состояние и динамика потребления медицинских услуг населением Российской Федерации // Здоровоохранение. 2002. № 9.*

2. Невинная И. *Россия поддержала ЕС в вопросе запрета «серой» трансплантологии // Рос. газ. 2014. 18 июля. URL: www.rg.ru*

3. Сальников В.П., Стеценко С.Г. *Трансплантация органов и тканей человека: проблемы правового регулирования. СПб., 2000.*

4. Степанова Е.Н. *Трансплантация органов человека: мировой опыт и Россия (гражданско-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.*

5. URL: http://www.uncjin.org/Documents/Conventions/dcatoc/final_documents_2/convention/20_traff_eng.pdf. (дата обращения: 03.10.2011).

1. Tischuk E.A. *State and dynamics of consumption of health services by the population of the Russian Federation // Health care. 2002. № 9.*

2. Nevinnaya I. *Russia supported the EC ban on the issue of «gray» transplantation // Rus. newsp. 2014. July 18. URL: www.rg.ru*

3. Salnikov V.P., Stetsenko S.G. *Transplantation of human organs and tissues: problems of legal regulation. St. Petersburg, 2000.*

4. Stepanova E.N. *Transplantation of human organs: world experience and Russia (civil and legal aspect): auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2004.*

5. URL: http://www.uncjin.org/Documents/Conventions/dcatoc/final_documents_2/convention/20_traff_eng.pdf. (date of access: 03.10.2011).

Пихов Аслан Хазрет-Алиевич

кандидат юридических наук,
начальник кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: Apihov@mail.ru)

Современные уголовно-правовые средства противодействия транснациональной преступности в Российской Федерации

Статья посвящена анализу существующих уголовно-правовых средств противодействия транснациональной преступности в Российской Федерации. На основе анализа ряда уголовно-правовых норм автор выделяет проблемы в сфере уголовно-правовой борьбы с транснациональными преступлениями в Российской Федерации, предлагает пути совершенствования соответствующих уголовно-правовых средств.

Ключевые слова: организованная группа, организованная преступность, противодействие, транснациональная преступность, правовые средства.

A.N.-A. Pikhov, Master of Law, Head of a Chair of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Apihov@mail.ru

Modern criminal and legal means of counteraction to transnational crime in the Russian Federation

Article is devoted to the analysis of existing criminal and legal means of counteraction of transnational crime in the Russian Federation. On the basis of the analysis of a number of criminal precepts of law the author allocates the available problems in the sphere of criminal and legal fight against transnational crimes in the Russian Federation, offers ways of improvement of the appropriate criminal and legal means.

Key words: organized group, organized crime, counteraction, transnational crime, legal means.

Противодействие транснациональной преступности в настоящее время является одним из наиболее значимых направлений уголовной политики большинства государств, в том числе и Российской Федерации. В современных условиях, неразрывно связанных с процессами глобализации, происходят качественные изменения в форме и содержании преступной деятельности, все чаще выходящей за пределы государственных границ отдельно взятой страны [1, с. 28].

Транснациональная преступность, как правило, рассматривается в качестве одного из наиболее опасных проявлений организованной преступности. Об этом говорится в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности [2]. Именно в Конвенции называются альтернативные условия, при которых то или иное преступление приобретает транснациональный характер, а именно:

преступление совершено в более чем одном государстве;

оно совершено в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве;

оно совершено в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве;

оно совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве.

Анализ данных условий приводит к выводу о том, что транснациональные преступления в своем внешнем выражении затрагивают территорию, как минимум, двух государств, характеризуются сложным характером и наличием признаков организованности противоправной деятельности, что требует формирования и совершенствования не только необходимых международных нормативных правовых актов, но и норм национального уголовного законодательства, особенно в сотрудничающих госу-

дарствах. В данной статье мы остановимся на соответствующих нормах Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), рассматриваемых через призму противодействия транснациональной преступности.

В первую очередь, затронем проблему реплементации действия уголовного закона в пространстве с учетом транснационального характера преступления. По нашему мнению, положения о территориальном и экстерриториальном действии уголовного закона, содержащиеся в ст. 11–13 УК РФ, не обладают необходимой полнотой, поскольку не содержат предписаний, касающихся сложных единичных преступлений, стадий развития преступной деятельности и ее осуществления в соучастии [3, с. 102–132]. В частности, законодатель не определяет понятия продолжаемых и длящихся преступлений, не учитывает возможность выполнения объективной стороны преступления на территории иностранного государства (государств) и Российской Федерации, а равно возможность участия в преступлении двух и более лиц, находящихся в разных странах, в том числе и в России.

В связи с этим согласимся с мнением М.Г. Решняк, предлагающей закрепить соответствующие правила действия уголовного закона в пространстве непосредственно в Общей части УК РФ [3, с. 132–138]. Так, положения о территориальном и экстерриториальном действии уголовного закона, учитывающие наличие стадий и возможность соучастия в преступлении, предусмотрены в Модельном уголовном кодексе для стран СНГ [4] и в уголовном законодательстве Белоруссии [5], ФРГ [6], Франции [7] и США [8].

Также заслуживает внимания и одобрения мнение А.И. Ильиной о том, что в ч. 1 ст. 12 УК РФ целесообразно вернуть «...правило двойной криминальности, но ограничить его действие путем определения перечня преступлений, привлечение к уголовной ответственности за совершение которых по УК РФ не зависит от признания деяния преступлением в государстве, на территории которого оно было совершено» [9, с. 169]. Вместе с тем, позволим себе не согласиться в том, что такой перечень должен включать только преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (гл. 29 УК РФ) и преступления террористического характера, предусмотренные ст. 205–205² УК РФ [9, с. 169]. Считаем, что определение такого перечня нуждается в более глубокой научной проработке, в том числе касающейся вопроса о включении в таковой определенных видов транснациональных преступлений.

Вопрос об исчерпывающем перечне преступлений является актуальным и для так называемого универсального принципа действия уголовного закона в пространстве, предполагающего применение УК РФ к лицу вне зависимости от места совершения преступления в случаях, предусмотренных международным договором. Как отмечает М.Г. Решняк, для правоприменителя весьма затруднительным является выделение таких преступлений на основе изучения многочисленных международных договоров, содержание которых изобилует специфической терминологией, не всегда совпадающей с наименованиями тех или иных преступлений в статьях Особенной части УК РФ, поэтому перечисление видов таких уголовно наказуемых деяний в ч. 3 ст. 12 УК РФ существенно облегчило бы толкование и последующее применение соответствующего положения закона [3, с. 136–137].

Следующая проблема касается законодательного определения организованной группы, содержащегося в ч. 3 ст. 35 УК РФ, в соответствии с которой «преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений». Проблема состоит в том, что данное определение базируется на понятии группы лиц (ч. 1 ст. 35 УК РФ), исходя из которого любая преступная группа, в том числе и организованная, должна включать как минимум два человека, тогда как в п. «а» ст. 2 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности «организованная преступная группа» определяется как структурно оформленная группа в составе трех или более лиц, существующая в течение определенного периода времени и действующая согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с данной Конвенцией, с тем, чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду [10, с. 57–58].

Ситуацию с имплементацией положений рассматриваемой Конвенции в российскую систему права усугубляет и тот факт, что в ч. 3 и 4 ст. 35 УК РФ международно-правовое понятие организованной преступной группы «распадается» на признаки двух самостоятельных форм соучастия в преступлении – организованной группы и преступного сообщества (преступной организации), причем последняя из них может представлять из себя структурированную организованную группу или объединение организованных групп, что вновь обращает нас к выделенной проблеме,

в том числе касающейся численности такой группы. Эта проблема проецируется и на статьи Особенной части УК РФ об ответственности за бандитизм, организацию преступного, террористического или экстремистского сообществ либо участие в них (ст. 209, 210, 205⁴ и 282¹) [11, с. 276–277].

Проблемной представляется и ситуация с конфискацией имущества, которая в российском уголовном законодательстве вплоть до декабря 2003 г. рассматривалась в качестве одного из видов наказания, после чего была исключена из системы наказаний [12], а позже «возвращена» в Общую часть УК РФ, но уже в качестве иной меры уголовно-правового характера [13], применяемой наряду с наказанием за определенные виды преступлений. Полагаем, что современные интересы противодействия преступности, в том числе транснациональной и организованной, требуют восстановления конфискации имущества в качестве именно уголовного наказания, а не принятое полумер, почти полностью исключаяющих применение конфискации на практике. На необходимость такого шага со стороны законодателя в своих исследованиях указывают многие ученые [14, с. 51; 15, с. 37], к мнению которых мы также присоединяемся. При этом во внимание следует принимать следующие аргументы: 1) карательно-репрессивный характер мер уголовно-правового характера существенно уступает уголовным наказаниям; 2) существующей правовой регламентации конфискации имущества присуще значительное расширение рамок ограничения имущественных прав лиц, подвергающихся уголовной ответственности; 3) в отличие от определения принудительных мер медицинского характера (ст. 98 УК РФ), законодатель не указал цели конфискации имущества, что может приводить к выводу о совпадении таковых с целями наказания; 4) определение понятия конфискации имущества не претерпело существенных изменений, но при этом было увеличено количество видов преступлений, за которые возможно ее применение; 5) проводившиеся сравнительно-правовые исследования показывают, что институт уголовно-правовой конфискации имущества в законодательстве большинства стран рассматривается только в качестве дополнительного вида наказания [16, с. 11–17].

Применительно к статьям Особенной части УК РФ, касающимся транснациональных преступлений, отметим, что основные проблемы противодействия таковым связаны с законодательным определением таких уголовно наказуемых деяний и с установлением пределов наказуемости лиц, их совершающих.

Проблемы формулирования понятий различных видов транснациональных преступлений во многом обусловлены многоуровневой бланкетностью соответствующих уголовно-правовых норм, отсылающих к различным нормативным правовым актам, в том числе и международного характера.

Например, в международных нормативных правовых актах, связанных с противодействием коррупции [17; 18], содержатся понятия публичного должностного лица, незаконного обогащения, активного и пассивного видов подкупа, не в полной мере воспринятые российской системой права, несмотря на ратификацию соответствующих конвенций [19, с. 133; 20, с. 65–70]. Не учитываются в отечественном законодательстве и вопросы соразмерности наказания с реальными последствиями коррупционной деятельности [21, с. 4–8].

Проблема определения наказуемости применительно к коррупционным преступлениям наиболее ярко выражена в ст. 291¹ УК РФ, где наказание за обещание или предложение посредничества является более строгим, чем за само посредничество во взяточничестве и даже за получение и дачу взятки без квалифицирующих признаков. Как справедливо отмечает А.И. Рарог, «...российский законодатель основательно запутался в сравнительной оценке степени опасности получения взятки, ее дачи и посредничества во взяточничестве» [22, с. 109], тогда как выходом из этой ситуации является координирование размеров наказания за указанные преступления.

Относительно уголовно-правовых норм об ответственности за преступления террористического характера в качестве примера остановимся на ст. 205² УК РФ, введенной в УК РФ Федеральным законом от 27 июля 2006 г. в связи с ратификацией Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма [13], что должно предполагать ее взаимосвязь с данным международным нормативным правовым актом. Вместе с тем, сопоставление содержания ст. 205² УК РФ и указанной Конвенции показывает, что российский законодатель не в полной мере учел положения последней при формулировании соответствующего уголовно-правового запрета.

Полагаем, что понятие «публичные призывы к осуществлению террористической деятельности», используемое в ст. 205² УК РФ, связано с понятием «публичное подстрекательство к совершению террористического преступления», определяемым в п. 1 ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма как «распространение или иное представление какого-либо обращения к общественности в

целях побуждения к совершению террористического преступления, когда такое поведение, независимо от того, пропагандирует оно или нет непосредственно террористические преступления, создает опасность совершения одного или нескольких таких преступлений» [23].

Следовательно, российский законодатель, основываясь на указанном международно-правовом определении, вместо терминов «подстрекательство» и «террористическое преступление» ввел в УК РФ сходные, но не идентичные понятия – «призывы» и «террористическая деятельность», а вместо термина «пропагандирование» – «оправдание». Как справедливо отмечает С.В. Борисов, именно к подстрекательству в основном относятся такие действия, указанные в ст. 205¹ УК РФ о содействии террористической деятельности, как склонение, вербовка или иное вовлечение в совершение преступления; использование же в тексте диспозиции ч. 1 ст. 205² УК РФ термина «оправдание» вместо термина «пропаганда», рекомендованного Конвенцией Совета Европы о предупреждении терроризма, нельзя признать обоснованным, поскольку каждый человек имеет право на определенную точку зрения и на ее отстаивание в кругу других людей, тогда как

пропаганда той или иной позиции уже выходит за рамки обычного общения и в рассматриваемом случае может повлечь существенные последствия [24, с. 10–12].

Нами рассмотрены лишь отдельные проблемы, касающиеся статей Особенной части УК РФ, предусматривающих ответственность за преступления, способные иметь транснациональный характер. Формирование же полного их перечня и всесторонний анализ требуют проведения комплексного научного исследования. То же самое можно сказать и применительно к нормам Общей части УК РФ. Такое научное исследование должно способствовать формированию системы правовых средств противодействия транснациональной преступности, согласованных между собой и с международными нормативными правовыми актами. Существующие же уголовно-правовые средства противодействия транснациональной преступности в Российской Федерации не отличаются такой согласованностью, не всегда адекватно отражают характер и степень общественной опасности соответствующих преступлений, что с неизбежностью снижает эффективность правоприменительной практики.

1. Патрушев Н.П. Транснациональная преступность, взаимосвязь наиболее опасных ее видов – терроризма, наркотрафика, нелегальной миграции, незаконного оборота оружия и радиоактивных материалов, пиратства // *Право и безопасность*. 2010. № 4.

2. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности: принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 нояб. 2000 г. // *Собр. законодательства РФ*. 2004. № 40. Ст. 3882.

3. Решняк М.Г. *Современные проблемы действия уголовного закона в пространстве*. М., 2013.

4. *Модельный уголовный кодекс для государств – участников СНГ // Приложение к Информ. бюл. Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ*. 1997. № 10.

5. *Уголовный кодекс Республики Беларусь*. Минск, 2013.

6. *Уголовный кодекс ФРГ*. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733&subID=100102942,100102943,100102945,100102950,100102960#text> (дата обращения: 25.08.2014).

7. *Уголовный кодекс Франции*. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243018&subID=100104265,100104266,100104297,100105712,100106066,100106077,100106109#text> (дата обращения: 25.08.2014).

1. Patrushev N.P. *Transnational crime, the relationship of the most dangerous types of terrorism, drug trafficking, illegal migration, illicit trafficking in weapons and radioactive materials, piracy* // *Law and security*. 2010. № 4.

2. *The United Nations Convention against transnational organized crime: adopted with resolution 55/25 of the UN General Assembly of Nov. 15, 2000* // *Coll. of legislation of the Russian Federation*. 2004. № 40. Art. 3882.

3. Reshnyak M.G. *Modern problems of validity of the criminal law in space*. Moscow, 2013.

4. *The Model penal code for States – participants of the CIS // Annex to the Information bull. of the Inter-parliamentary Assembly of States – participants of CIS*. 1997. № 10.

5. *The Criminal code of the Republic of Belarus*. Minsk, 2013.

6. *The Criminal code of Germany*. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733&subid=100102942,100102943,100102945,100102950,100102960#text> (date of access: 25.08.2014).

7. *The Criminal code of France*. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243018&subID=100104265,100104266,100104297,100105712,100106066,100106077,100106109#text> (date of access: 25.08.2014).

8. Примерный уголовный кодекс США. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1250258&subID=100114498,100114499,100114503,100114512#text> (дата обращения: 25.08.2014).
9. Ильина А.И. Правила действия уголовного закона в пространстве (сравнительно-правовое исследование). М., 2012.
10. Иванцов С.В. Оценочные признаки организованных форм преступной деятельности // *Вестн. Моск. ун-та МВД России*. 2008. № 3.
11. Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.
12. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 8 дек. 2003 г. № 162-ФЗ // *Собр. законодательства РФ*. 2003. № 50. Ст. 4848.
13. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ // *Собр. законодательства РФ*. 2006. № 31, ч. 1. Ст. 3452.
14. Абраменко В.Б. Анализ уголовно-правовых норм о конфискации имущества в сфере отечественного и международного законодательства // *Рос. следователь*. 2008. № 19.
15. Кубов Р.Х. Виды конфискации имущества в российском законодательстве // *Рос. следователь*. 2007. № 24.
16. Волков К.В., Семикина М.С. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера: pro et contra // *Рос. следователь*. 2007. № 21.
17. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27 янв. 1999 г.) ETS № 173 // *Совет Европы и Россия*. 2002. № 2.
18. Конвенция ООН против коррупции: принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН 31 окт. 2003 г. // *Собр. законодательства РФ*. 2006. № 26. Ст. 2780.
19. Правовые механизмы имплементации антикоррупционных конвенций / отв. ред. О.И. Тиунов. М., 2012.
20. Шафорост В.А. Уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
21. Иванцов С.В., Домников А.С. Криминологическая оценка социальных последствий коррупционной деятельности // *Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление*. 2013. № 4.
8. Sample Criminal code of the United States. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1250258&subID=100114498,100114499,100114503100114512#text> (date of access: 25.08.2014).
9. Ilyina A.I. Rules of action of the criminal law in space (comparative study). Moscow, 2012.
10. Ivantsov S.V. Indicators of organized forms of criminal activity // *Bull. of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia*. 2008. № 3.
11. Borisov S.V. Extremist orientation crimes: problems of legislation and law enforcement: diss. ... Dr of Law. Moscow, 2012.
12. On introducing amendments and additions to the Criminal code of the Russian Federation: fed. law of Dec. 8, 2003 № 162-FL // *Coll. of legislation of the Russian Federation*. 2003. № 50. Art. 4848.
13. On introducing amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with adoption of the Federal law «On ratification of the Council of Europe Convention on the prevention of terrorism» and the Federal law «On combating terrorism»: fed. law of July 27, 2006 № 153-FL // *Coll. of legislation of the Russian Federation*. 2006. № 31, pt. 1. Art. 3452.
14. Abramenko V.B. Analysis of the criminal law on confiscation of property in the field of domestic and international law // *Russian investigator*. 2008. № 19.
15. Kubov R.H. Types of confiscation of assets in the Russian legislation // *Russian investigator*. 2007. № 24.
16. Volkov K.V., Semikina M.S. Confiscation of property as a different measure of criminal law: pro et contra // *Russian investigator*. 2007. № 21.
17. The criminal law Convention on corruption (Strasbourg, Jan. 27, 1999) ETS № 173 // *Council of Europe and Russia*. 2002. № 2.
18. The United Nations Convention against corruption: adopted with resolution 58/4 of the UN General Assembly of Oct. 31, 2003 // *Coll. of legislation of the Russian Federation*. 2006. № 26. Art. 2780.
19. Legal mechanisms for implementation of anti-corruption conventions / resp. ed O.I. Tiunov. Moscow, 2012.
20. Shaforost V.A. Criminal liability for mediation in bribery: diss. ... Master of Law. Moscow, 2013.
21. Ivantsov S.V., Domnikov A.S. Criminological assessment of the social consequences of corruption // *Bull. of the inst.: crime, punishment, correction*. 2013. № 4.
22. Rarog A.I. Liability for bribery under the legislation of Russia and Germany // *Alliance of forensic scientists and criminologists*. 2013. № 2.

22. Парог А.И. Ответственность за взяточничество по законодательству России и Германии // Союз криминалистов и криминологов. 2013. № 2.

23. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (Страсбург, 16 мая 2005 г.) ETS № 196 // Правовые основы деятельности органов внутренних дел: сб. нормативных правовых актов: в 3 т. М., 2006. Т. 1.

24. Борисов С.В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Рос. следователь. 2007. № 19.

23. The Council of Europe Convention on the prevention of terrorism (Strasbourg, May 16, 2005) ETS № 196 // Legal basis for the activity of Internal Affairs agencies: coll. of normative legal acts: in 3 vol. Moscow, 2006. Vol. 1.

24. Borisov S.V. Criminal liability for public incitement of terrorist activity or public justification of terrorism // Russian investigator. 2007. № 19.

Помазан Светлана Витальевнакандидат юридических наук,
заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин
Южного института менеджмента**Пилюгина Татьяна Владимировна**кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры административного права и правоохранительной деятельности
Кубанского социально-экономического института

(тел.: +79184770458)

Преступления, связанные с осуществлением террористической деятельности

В статье рассматриваются особенности уголовно-правовой квалификации преступлений, связанных с осуществлением террористической деятельности.

Ключевые слова: терроризм, вербовка, вооружение, вовлечение в террористическую деятельность, финансирование терроризма, уголовная ответственность.

S.V. Pomazan, Master of Law, Head of a Chair of State and Legal Disciplines of the Southern Institute of Management;

T.V. Pilyugina, Master of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Administrative Law and Law Enforcement of the Kuban Social and Economic Institute; tel.: +79184770458.

Crimes related to terrorist activity

The article discusses peculiarities of the criminal law qualification of crimes related to terrorist activity.

Key words: terrorism, recruitment, arming, involvement in terrorist activity, terrorist financing, criminal liability.

По сведениям МВД России, в 2013 г. выявлено 661 преступление террористического характера, что на 3,8% больше, чем в предыдущем году, преступлений экстремистской направленности зарегистрировано 896 (рост на 28,7%) [1]. В январе – августе 2014 г. зарегистрировано 709 преступлений террористического характера (+80,0%) и 711 преступлений экстремистской направленности (+18,3%) [2]. Очевидно, что актуальность вопросов борьбы с терроризмом сохраняется.

Понятие террористической деятельности сформулировано в п. 2 ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и определено как деятельность, включающая в себя:

а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;

б) подстрекательство к террористическому акту;

в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;

г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;

д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;

е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

Статья 205¹ УК РФ предусматривает уголовную ответственность за содействие террористической деятельности. По мнению специалистов, возложение уголовной ответственности на лиц, которые непосредственно не участвуют в совершении конкретных террористических актов, но принимают участие в финансировании или ином содействии их совершению, сегодня оправданно.

Непосредственным объектом рассматриваемого состава преступления является состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от угроз общественно опасного характера.

Объективная сторона заключается в совершении следующих альтернативных действий: 1) склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение какого-либо преступного деяния, предусмотренного ст. 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ; 2) вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений; 3) финансирование терроризма.

Склонение к участию в совершении указанных преступлений – это действия, направленные на возбуждение у другого лица желания совершить такое преступление. Участие может проявляться в различных формах: непосредственное совершение террористических актов, материальное, организационное обеспечение, разработка планов совершения преступных деяний и т.д.

Вербовка в целях совершения преступлений террористического характера означает достижение соглашения (договоренности) с другим лицом о его участии в совершении указанных деяний. Вербовка может осуществляться путем уговоров, убеждения, обещания материального вознаграждения и др.

Иное вовлечение другого лица в совершение указанных преступлений может осуществляться, например, путем обмана, психического или физического насилия, возбуждения у него чувства мести, ненависти, зависти и др. При вовлечении в совершение этих преступлений лиц, не обладающих признаками субъекта преступления, виновный несет ответственность как исполнитель соответствующего преступления и по ст. 205¹ УК РФ.

Вооружение означает предоставление террористам средств поражения людей или уничтожения материальных объектов – огнестрельного и холодного оружия, боевой техники, взрывчатых веществ, взрывных устройств и т.д.

Под обучением лица следует понимать разъяснение ему свойств оружия, взрывчатых веществ, взрывных устройств, механизма их действия, способов исполнения преступлений террористического характера и др.

Под финансированием терроризма согласно прим. 1 к ст. 205¹ УК РФ понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205–206, 208, 211, 220, 221, 277–279 и 360 настоящего Кодекса, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых

для совершения хотя бы одного из указанных преступлений.

Состав содействия террористической деятельности является формальным. Следовательно, для признания этого преступления окончательным не требуется установления каких-либо последствий. Наступившие от действий последствия должны учитываться при назначении наказания.

С субъективной стороны данное преступление может совершаться только умышленно и при наличии прямого умысла. Обучение и вооружение лица предполагают наличие у виновного специальной цели – совершения другим лицом преступлений террористического характера.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 205¹ УК РФ, является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

В соответствии с ч. 2 ст. 205¹ квалифицированным видом данного преступления является его совершение с использованием служебного положения. Субъектами данного преступления могут быть представители власти, лица, выполняющие организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в государственных и иных органах (учреждениях), указанных в прим. 1 к ст. 285 УК РФ. Повышенная опасность преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205¹ УК РФ, заключается в том, что использование лицом своих служебных полномочий значительно расширяет возможности склонения, вербовки или иного вовлечения лица в совершение хотя бы одного из перечисленных в ч. 1 ст. 205¹ УК РФ преступлений.

В ч. 3 ст. 205¹ УК РФ предусмотрена ответственность за пособничество в совершении преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ. Исходя из п. 1¹ примечания к рассматриваемой статье, под пособничеством понимаются умышленное содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий к его совершению, а также обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно обещание приобрести или сбыть такие предметы.

Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ [3] ст. 205¹ УК РФ дополнена частью 4, которая предусматривает ответственность за организацию совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205 «Террористический акт», 205³ «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности», ч. 3 и 4 ст. 206 «Захват заложника», ч. 4 ст. 211 «Угон судна воздушного или водного

транспорта либо железнодорожного подвижного состава» УК РФ, или руководство его совершением, а равно организацию финансирования терроризма.

В прим. 2 к ст. 205¹ УК РФ содержится поощрительная норма, регламентирующая условия, при наличии которых лицо освобождается от уголовной ответственности. В частности, в этом примечании закреплено, что лицо, совершившее преступление, предусмотренное данной статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно добровольным и своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению либо пресечению преступления, которое оно финансировало и (или) совершению которого содействовало, и если в его действиях не содержится иного состава преступления. Условия освобождения от ответственности в данном случае по существу те же, что и предусмотренные применительно к террористическому акту (ст. 205 УК РФ).

Ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205² УК РФ) введена Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ. Данная норма направлена на пресечение действий лиц, подстрекающих к совершению террористических актов либо к осуществлению террористической деятельности, и носит скорее превентивный характер.

Под публичными призывами к осуществлению террористической деятельности в ст. 205² УК РФ следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности. Согласно примечанию к ст. 205² УК РФ публичное оправдание терроризма выражается в публичном заявлении о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании. При этом под идеологией и практикой терроризма понимается идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных, насильственных действий (п. 1 ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2003 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [4]).

Диспозиция ст. 205² УК бланкетная, т.к. для ее правильного применения необходимо изучить положения Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации».

Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 205² УК РФ, следует считать оконченным с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению террористической деятельности или нет.

Публичное оправдание терроризма образует состав оконченного преступления с момента публичного выступления лица, в котором оно заявляет о признании идеологии и практики терроризма правильными и заслуживающими поддержки и подражания [5].

Преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 205² УК РФ, следует считать оконченными с момента распространения продукции средств массовой информации (например, продажа, раздача периодического печатного издания, аудио- или видеозаписи программы, начало вещания теле- или радиопрограммы, демонстрация кинохроникальной программы, предоставление доступа к сетевому изданию). При этом следует сказать, что законодатель фактически разграничивает понятия терроризма, террористической деятельности и террористического акта.

По конструкции объективной стороны состав преступления относится к формальным составам, т.е. моментом окончания преступления следует признать выполнение деяния в законодательно указанных формах: публичные призывы к осуществлению террористической деятельности; публичное оправдание терроризма. По мнению С.В. Дьякова [6], публичность означает, что призывы носят открытый, доступный для понимания характер и обращены к широкому кругу людей. Арифметический подход в оценке признания (или непризнания) публичности неприемлем. В каждом конкретном случае вопрос решается с учетом всех обстоятельств дела: места, времени, обстановки содеянного.

Специфика призывов состоит в том, что с их помощью виновный осуществляет активное воздействие на сознание и волю людей, формируя у них решимость совершить преступления террористической направленности. Вместе с тем, как отмечают специалисты, призывы субъекта при этом носят общий характер, т.е. не обращены персонально к кому-либо, в них нет конкретного содержания о месте, времени и способе. Этим они отличаются от подстрекательства к конкретному преступлению. Преступление признается оконченным с момента публичного призыва, даже если под его влиянием ни одно лицо не было вовлечено в террористическую деятельность.

По поводу второй формы действий возникают трудности в определении признаков публичности оправдания терроризма и момента оконча-

ния подобного действия, хотя законодатель дополнил данную статью примечанием следующего содержания: «...под публичным оправданием терроризма понимается публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании» (ст. 205² УК РФ). Фактически нам предлагается толкование признаков преступления на законодательном уровне, но с сохранением ряда оценочных признаков. Учитывая это, постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. разъяснено: вопрос о публичности призывов к осуществлению террористической деятельности или оправдания терроризма (ст. 205² УК РФ) должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, размещение обращений в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть Интернет, например на сайтах, форумах или в блогах, распространение обращений путем массовой рассылки электронных сообщений и т.п.).

Кроме рассмотренных статей, Уголовный кодекс РФ содержит ряд норм, предусматривающих ответственность за различные аспекты террористической деятельности. Так, Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» усилил наказания за совершение отдельных террористических пре-

ступлений. В частности, теперь за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205³ УК РФ), организацию террористического сообщества и участие в нем (ст. 205⁴ УК РФ) может быть назначено пожизненное лишение свободы. Дополнением к ст. 212 УК РФ введена ответственность за прохождение обучения в целях организации массовых беспорядков с максимальным наказанием до 10 лет лишения свободы.

Таким образом, в России, как и во многих странах мира, уделяется большое внимание правовому регулированию борьбы с терроризмом. Однако следует учитывать накопленный отечественный и зарубежный опыт в борьбе с терроризмом и, очевидно, менять подходы. Силовых методов, карательной политики уже недостаточно. Нужна профилактическая работа по созданию такой социально-экономической и толерантной среды в обществе, которая отторгала бы терроризм и экстремизм. Возможно, нужен открытый диалог политиков, правозащитников, представителей неправительственных организаций, где обсуждались бы все проблемы и противоречия, тормозящие борьбу с терроризмом. Вышеизложенное свидетельствует, что в организации и проведении антитеррористической политики Российской Федерации накоплен определенный положительный опыт, однако в борьбе с терроризмом остается еще немало проблем, поскольку борьба с терроризмом как в России, так и в других странах пока малоэффективна.

1. *Состояние преступности в России за январь – декабрь 2013 г. // Официальный сайт МВД России. URL: <http://mvd.ru>*

2. *Состояние преступности – январь – август 2014 г. Официальный сайт МВД России. URL: <http://mvd.ru>*

3. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru>*

4. *Рос. газ. 2006. 10 марта.*

5. *О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февр. 2012 г. № 1 // Рос. газ. 2012. 17 февр. Федер. вып. 5708.*

6. *Дьяков С.В. Унификация уголовного законодательства об ответственности за преступления против государства // Вестн. межпарламентской ассамблеи. 1995. № 4. С. 37–46.*

1. *State of crime in Russia in January – December 2013 // The official website of the Ministry of the Interior of Russia. URL: <http://mvd.ru>*

2. *State of crime in January – August 2014 // The official website of the Ministry of the Interior of Russia. URL: <http://mvd.ru>*

3. *On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: fed. law of May 5, 2014 № 130-FL URL: <http://www.consultant.ru>*

4. *Rus. newsp. 2006. March 10.*

5. *On some issues of judicial practice in criminal cases involving crimes of a terrorist nature: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Febr. 9, 2012 № 1 // Rus. newsp. 2012. Febr. 17. Fed. iss. 5708.*

6. *Dyakov S.V. Unification of criminal law legislation about offenses against the state // Bull. of interparliamentary assembly. 1995. № 4. P. 37–46.*

Савенко Ирина Алексеевнакандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583563)

Особенности уголовно-правовой ответственности за коррупционные преступления

В статье рассматриваются вопросы законодательной и правоприменительной деятельности в области противодействия коррупционной преступности уголовно-правовыми средствами, предлагаются пути совершенствования уголовного законодательства.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, уровень коррупции, уголовно-правовая борьба с коррупционными преступлениями, индекс восприятия коррупции.

I.A. Savenko, Master of Law, Assistant Professor of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563.

Peculiarities of criminal liability for corruption-related crimes

The paper considers the problems of legislative and law-enforcement activities in the field of counteraction to corruption crime with criminal law means, suggests ways of perfection of the criminal legislation.

Key words: corruption, corruption crimes, corruption level, criminal and legal struggle against corruption, corruption perception index.

Преступления коррупционной направленности оказывают крайне негативное влияние на авторитет органов власти, а также посягают на гарантированную Конституцией РФ свободу экономической деятельности. Наряду с государственной коррупцией, к которой традиционно относится взяточничество, имеет место и экономическая коррупция (в виде коммерческого подкупа или злоупотреблений полномочиями). Учитывая, что коррупция в России поразила все сферы деятельности нашего общества, борьба с ней провозглашена принципиальной политической задачей.

По оценкам экспертов, уровень коррупции в России по-прежнему остается на очень высоком уровне. В 2012 г. в рейтинге «Индекс восприятия коррупции», составленном международной организацией Transparency International, Россия по уровню коррупции оказалась на 133 месте из 174 возможных [1].

Неспособность обуздать коррупцию Transparency International считает главным недостатком в борьбе с этим злом. «Казалось бы, все базовые необходимые законы приняты, указы подписаны, механизмы разработаны и озвучены, правильные слова сказаны, четкие указания даны, а никаких серьезных подвижек,

ощутимых в повседневной жизни, не происходит», – указывает в комментарии к Индексу российское отделение организации. Реально работающими механизмами противодействия коррупции, по мнению экспертов, остаются СМИ, Интернет, общественные организации и отдельные активисты [2].

Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» (далее – Закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ) существенно изменил содержание преступлений, предусматривающих ответственность за совершение как взяточничества, так и коммерческого подкупа, и установил уголовную ответственность за посредничество во взяточничестве.

До принятия указанного Закона на практике нередко вызывала затруднение квалификация действий посредника в передаче взятки, т.к. в них могут содержаться элементы, характеризующие действия организатора, подстрекателя или интеллектуальное пособничество. В то же время посреднику далеко не всегда может принадлежать роль инициатора в даче или получении

взятки, и в судебной практике подобная инициатива оценивалась как действия исполнителя дачи взятки. В п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июня 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» разъясняется: «Действия лиц, не обладающих признаками специального субъекта, предусмотренными статьей 290 или статьей 204 УК РФ, участвующих в получении взятки или предмета коммерческого подкупа группой лиц по предварительному сговору, квалифицируются соответственно как посредничество во взяточничестве или соучастие в коммерческом подкупе».

Таким образом, квалификация организаторских или подстрекательских действий, инициирующих дачу (или получение) взятки, напрямую зависит только от субъективных признаков. Посредничество в получении или даче взятки предполагает совершение действий, нейтральных по отношению к существенным элементам признака обусловленности, но учитывающих интересы взяткополучателя или взяткодателя, а его собственные не имеют уголовно-правового значения и, следовательно, не оказывают влияния на квалификацию взяточничества.

В то же время квалификация самих посреднических действий весьма затруднительна. Например, действия подчиненного, который исполняет поручение (или рекомендацию) своего начальника и дает взятку другому должностному лицу, должны квалифицироваться как соучастие в даче взятки, однако согласно его фактической роли он может рассматриваться только как пособник.

Признаки пособничества исчерпывающе указаны в ч. 5 ст. 33 УК РФ, однако его действия не подпадают ни под один из них. Очевидно, что функция посредника должна заключаться в «техническом» обеспечении получения или дачи взятки. Она более близка к способу совершения преступления.

Закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ закрепил в УК РФ самостоятельную ст. 291¹ «Посредничество во взяточничестве», к которому законодатель отнес:

непосредственную передачу взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя;

способствование вышеуказанным лицам в достижении либо реализации соглашения между ними о получении или даче взятки в значительном размере.

Квалифицирующими обстоятельствами в данной норме признаются: посредничество во взяточничестве за совершение заведомо незаконных действий (бездействие) либо лицом с использованием своего служебного положения

(ч. 2), совершение данного деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой или в крупном размере (ч. 3), посредничество во взяточничестве, совершенное в особо крупном размере (ч. 4).

Исходя из буквального толкования нормы, можно сделать вывод о декриминализации посредничества во взяточничестве в размере до 25 тысяч рублей или же квалификации действий виновного по-прежнему как пособничества со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ. Однако если квалифицировать посредничество во взяточничестве на сумму до 25 тысяч рублей как пособничество в получении взятки (ч. 5 ст. 33 и ч. 1 ст. 290 УК РФ), то получится, что максимальное наказание в данном случае составит 3 года лишения свободы с 20-кратным штрафом. При квалификации этих же действий посредника как пособничества в даче взятки (ч. 5 ст. 33 и ч. 1 ст. 291 УК РФ), максимальное наказание будет 2 года лишения свободы с 10-кратным штрафом. Применение к посреднику несопоставимых санкций исключает возможность предусмотреть единый подход к уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве и может порождать злоупотребления со стороны недобросовестных следователей и судей, которые уполномочены квалифицировать действия виновного.

Санкции, указанные в ч. 1–4 ст. 291¹ УК РФ, почти совпадают с санкциями, предусматриваемыми уголовную ответственность соответствующими частями ст. 290 и 291 УК РФ, что не отвечает требованиям соразмерности наказания общественной опасности. Например, дача взятки в значительном размере (ч. 2 ст. 291 УК РФ) наказывается менее строго (лишением свободы на срок до 3 лет с 15-кратным штрафом), по сравнению с посредничеством в получении или даче такой же взятки (лишение свободы на срок до 5 лет с 20-кратным штрафом). Применение к пособнику, который лишь содействовал совершению преступления, более строгой уголовной ответственности, чем к лицу, давшему взятку, выглядит парадоксально. Ведь действуя от имени (или по поручению, просьбе и пр.) взяткодателя, посредник находится в психологической общности с ним. В рамках своих функций он преследует общую со взяткодателем цель – передать предмет обусловленной взятки. Посреднические действия в данном случае включаются в механизм дачи взятки в качестве необходимого (существенного) элемента, т.е. посредник является только передаточным звеном в цепочке взяткополучатель – взяткодатель.

То же самое относится и к уголовной ответственности за дачу взятки в крупном размере

и посредничество в даче такой взятки (п. «б» ч. 4 ст. 291 и п. «б» ч. 3 ст. 291¹ УК РФ). И лишь за дачу взяток в особо крупном размере и посредничество в этом установлены одинаковые санкции (ч. 5 ст. 291 и ч. 4 ст. 291¹ УК РФ).

Кроме того, в ч. 5 данной статьи впервые предусмотрена ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве, максимальное наказание за которое – лишение свободы на срок до 7 лет, тогда как за осуществленное посредничество по ч. 1 статьи – до 5 лет.

В указанной части нормы предлагается криминализовать обещание или предложение посредничества во взяточничестве вне зависимости от размера взятки. Действительно, эта норма нужна для криминализации приготовления к простому посредничеству, которое иначе оказалось бы не преступным в силу ч. 2 ст. 31 УК РФ. Описанные в ч. 5 ст. 291¹ УК РФ действия при попытке реализации обещанного или при удавшейся реализации образуют, соответственно, покушение либо оконченное посредничество и квалифицируются по другим частям ст. 291¹ УК РФ; однако при «застревании» неудавшегося посредника на стадии обещаний, предложений, когда более ничего совершить он не смог по не зависящим от него обстоятельствам, содеянное может быть расценено лишь как приготовление к посредничеству, которое, согласно ч. 1 ст. 291¹ УК РФ, является преступлением средней тяжести. Чтобы преодолеть, так сказать, запрет уголовной ответственности за приготовление к преступлениям данной категории, и вводится ответственность уже за собственно обещание или предложение посредничества во взяточничестве [3].

В примечании к ст. 291 и 291¹ УК РФ содержатся условия освобождения от уголовной ответственности соответственно взяткодателя и посредника во взяточничестве, к которым относится активное содействие после совершения преступления раскрытию и (или) пресечению преступления.

Следовательно, в примечании говорится как о совершенном преступлении в виде посредничества во взяточничестве, в том числе предусмотренном ч. 5 ст. 291¹ УК РФ, так и о готовящемся преступлении других лиц – взяткодателя и (или) взятополучателя.

Например, если лицо, лишь обещавшее оказать посреднические услуги, добившись согласия на это взяткодателя или взятополучателя (которые тем самым оказались на подготовительной стадии своего преступления), решит прекратить свою преступную деятельность и добровольно сообщит о своем обещании органу,

имеющему право возбудить уголовное дело, то этот посредник будет освобожден от ответственности. Но при условии, если станет активно способствовать раскрытию и (или) пресечению преступления.

Для изобличения взяткодателя или взятополучателя и фиксации доказательств их преступной деятельности необходимо проведение в рамках Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление взяточничества. Активное содействие раскрытию преступления со стороны посредника может заключаться в оказании помощи полиции путем участия раскаявшегося посредника в проведении указанных мероприятий.

Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 9 июня 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» провел аналогию между преступлениями, предусмотренными ст. 290 УК РФ и ст. 204 УК РФ, разделив их лишь по субъекту и сфере проявления в государственном и частном секторе соответственно.

Очевидно, что законодатель неверно видит явное различие в механизме реализации передачи взятки и коммерческого подкупа, в связи с чем не только не включил в ст. 204 УК РФ «Коммерческий подкуп» ответственность за посредничество, но и не выделил его как самостоятельное преступление, что представляется ошибочным.

Согласно новой редакции ч. 1 ст. 204 УК РФ подкупом лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации (далее – управленец), считается предоставление ему «иных имущественных прав» (такой формулировкой в отличие от старой редакции дополнена диспозиция данной статьи), что отнюдь не является новеллой. Привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего подкуп управленца таким способом, было возможно и в рамках прежней редакции, т.к. в соответствии со ст. 128 ГК РФ имущество включает в себя и имущественные права. Таким образом, законодатель лишь увеличил текст ч. 1 ст. 204 УК РФ, не изменив, по сути, ее содержание (то же самое касается диспозиций ч. 3 ст. 204 и ч. 1 ст. 290 УК РФ). Между тем другие части данной статьи были несколько изменены.

Так, п. «б» ч. 2 ст. 204 УК РФ теперь предусматривает в качестве квалифицирующего признака совершение коммерческого подкупа заведомо незаконные действия (бездействие), что отсутствовало в прежней редакции данной статьи. Аналогичным квалифицирующим при-

знаком дополнена и ч. 4 ст. 204 УК РФ, п. «в» которой устанавливает уголовную ответственность управленца организации за получение предмета подкупа (денег, ценных бумаг, иного имущества и др.) за незаконные действия (бездействие).

Помимо вышеизложенного, с учетом введения особого порядка исчисления штрафа за коррупционные преступления санкции в ч. 1–3 ст. 204 УК РФ в целом стали более строгими: увеличены максимальные сроки лишения свободы, закреплены штрафы в кратном отношении к сумме подкупа (не менее 25 тыс. руб.).

В то же время санкция, установленная ч. 4 ст. 204 УК РФ (квалифицированное получение предмета подкупа управленцем), вызывает недоумение: законодатель, конструируя одну из альтернативных санкций, исключил из ч. 4 нижний предел наказания в виде лишения свободы, составлявший ранее 7 лет, а также не установил нижний предел штрафа, который должен назначаться вместе с лишением свободы и может достигать 50-кратной суммы коммерческого подкупа.

В итоге суд теперь может варьировать санкцию в виде лишения свободы от 2 месяцев до 12 лет, а в виде штрафа, его сопровождающего, – от 25 тыс. до 500 млн руб. Тем самым законодатель, с одной стороны, смягчил условия назначения наказания в виде лишения свободы для управленцев, признанных виновными по ч. 4 ст. 204 УК РФ, с другой – предоставил судам чрезмерную свободу, превзойдя все мыслимые границы.

Таким образом, введение в действие Закона от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ вызвало затруднения при применении указанных норм в практической деятельности следственных подразделений

и полиции, т.к. многие его положения спорны, несовершенно и, кажется, вряд ли смогут оправдать возложенные на него надежды. Стремясь повысить эффективность борьбы с коррупцией путем усиления уголовной ответственности, законодатель отчасти действительно усилил последнюю. Однако для большинства случаев взяточничества ответственность смягчена. При этом положения Закона от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ столь противоречивы или неопределенны, что способны еще более усложнить правоприменительную практику. Нельзя не согласиться с тем, что создается впечатление, что некоторые изменения лишь имитируют усиление ответственности за коррупционные преступления и борьбу с коррупцией уголовно-правовыми мерами.

В обеспечение единого подхода к уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве предлагаем внести изменения в санкцию ст. 291 УК РФ, заменив слова «либо лишением свободы на срок до двух лет со штрафом в размере десятикратной суммы взятки» на «либо лишением свободы на срок до трех лет со штрафом в размере двадцатикратной суммы взятки».

Также следует дополнить санкцию ч. 4 ст. 204 УК РФ, указав в ней нижний предел наказания в виде лишения свободы сроком на 7 лет, и установить нижний предел штрафа в виде 50-кратной суммы коммерческого подкупа.

Необходимо ввести норму, предусматривающую уголовную ответственность за посредничество при коммерческом подкупе.

Предлагаемые изменения вполне соответствуют реализации уголовной политики как в борьбе с коррупцией, так и в противодействии преступлениям коррупционной направленности.

1. URL: <http://ru.wikipedia.org>

2. URL: <http://ria.ru/society/20111201/503135867.html>

3. Капинус О. Изменения в законодательстве о должностных преступлениях: вопросы квалификации и освобождения взяткодателя от ответственности. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия 3000 на 1 авг. 2011».

1. URL: <http://ru.wikipedia.org>

2. URL: <http://ria.ru/society/20111201/503135867.html>

3. Kapinus O. Changes in the legislation on official crimes: issues of qualification and the release of the briber from liability. Access from legal-reference system «ConsultantPlus. Version 3000 on Aug. 1, 2011».

Сапронов Юрий Викторович

кандидат юридических наук, доцент,
начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612581676)

Сапронова Ирина Юрьевна

старший преподаватель кафедры уголовного права
Института Дружбы народов Кавказа
(г. Ставрополь)
(e-mail: sapronova.irina2011@yandex.ru)

Анализ аргументов в пользу декриминализации неправомерного завладения государственным регистрационным знаком транспортного средства

В статье проанализированы аргументы в пользу декриминализации недавно введенной в Уголовный кодекс РФ ст. 325¹ «Неправомерное завладение государственным регистрационным знаком транспортного средства».

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, порядок управления, декриминализация.

Yu.V. Sapronov, Master of Law, Assistant Professor, Head of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical and Scientific Personnel of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612581676;

I.Yu. Sapronova, Senior Teacher of a Chair of Criminal Law of the Institute of Friendship of Peoples of the Caucasus (Stavropol); e-mail: sapronova.irina2011@yandex.ru

Analysis of arguments in favor of decriminalization misappropriation of state registration number of vehicle

The article analyzes arguments in favor of decriminalization of the newly introduced into the Criminal code art. 325¹ «Misappropriation of state registration of number vehicle».

Key words: crime, criminal responsibility, management order, decriminalization.

Общеизвестно, что социально-юридическая обусловленность составляет основу существования любой уголовно-правовой нормы. Постоянное изменение отечественного уголовного законодательства тесно связано с непрерывным социальным прогрессом, а следовательно, с развитием и изменением общественных отношений, которые охраняются уголовно-правовыми мерами. Социально-правовая обусловленность уголовно-правовых запретов предопределяет процесс криминализации и декриминализации деяний, включенных законодателем в УК РФ. Вместе с тем, в указанных процессах, с нашей точки зрения, находит свое место и промежуточное действие, которое показывает взаимосвязь соответствия конкретного уголовно-правово-

го запрета и современного уровня развития общественных отношений. Как справедливо считают некоторые авторы, детерминантами, обуславливающими изменение круга и объема криминализации, являются:

«появление новых общественно опасных деяний;
научно-технический прогресс;
изменение приоритетов в жизни общества, в том числе и переоценка различных прав и свобод человека и т.д.» [1, с. 34].

Непрерывно происходящие в последнее время изменения и дополнения в УК РФ подтверждают необходимость регулярного исследования степени обусловленности любого уголовно-правового запрета, а тем более вновь вводимого. Как известно, «для анализа

обусловленности уголовно-правового запрета инструментарием являются сформулированные в науке уголовного права критерии (основания) криминализации деяний, к числу которых обычно относят следующие:

- 1) общественная опасность деяния;
- 2) степень распространенности деяния;
- 3) преобладание положительных последствий криминализации над отрицательными;
- 4) соответствие запрета нормам Конституции РФ, международного права;
- 5) согласованность запрета с нравственными нормами;
- 6) возможность практического применения запрета;
- 7) неэффективность противодействия деянию иными правовыми средствами» [2, с. 22].

Криминализация деяния представляет собой «процесс выявления общественно опасных форм индивидуального поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксации их в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых» [3, с. 59]. Определяя понятие криминализации, Н.И. Загородников утверждает, что таковой является «объявление общественно опасных деяний преступлением» [4, с. 48].

Уголовно-правовая доктрина традиционно признает основным критерием криминализации любого деяния его общественную опасность.

Чезаре Беккариа в своем знаменитом трактате «О преступлениях и наказаниях» писал: «Истинным мериллом преступления является вред, наносимый им обществу. Это одна из тех очевидных истин, для открытия которых не требуется ни квадрантов, ни телескопов и которые доступны любому среднему уму» [5]. В отечественной науке уголовного права материальное определение понятия преступления и его основной признак – общественная опасность – впервые официально были закреплены в Руководящих началах по уголовному праву 1919 г. [6], где подчеркивалось, что общественная опасность преступления должна соответствовать его опасности для социальных ценностей, охраняемых законом.

Категория общественной опасности изучалась многими учеными советского и постсоветского периодов.

Так, В.Н. Кудрявцев основным показателем общественной опасности деяния признавал тяжесть возможных последствий, вероятность их наступления [7]. Определяя основные показатели общественной опасности преступного деяния, Ю.А. Демидов писал: «Общественная опасность преступления складывается из об-

щественной опасности деяния (действия или бездействия), общественной опасности последствий этого деяния и общественной опасности личности виновного» [8]. П.А. Фелелов видел сущность общественной опасности преступного деяния в том, что оно «...несет в себе антиобщественную ценностную ориентацию и способно служить прецедентом для повторения подобной деятельности в будущем...» [9].

По замечанию А.И. Рясова, «общественная опасность посягательства на общественные отношения состоит в противоречии интересам общества и государства объективной и субъективной сторон поведения гражданина, виновно причиняющего или создающего реальную угрозу причинения существенного вреда определенным социальным ценностям» [10]. По мнению С.И. Никулина и Б.В. Яценко, общественная опасность «означает способность поступка человека, признаваемого преступлением, причинять существенный вред охраняемым уголовным законом социальным ценностям» [11, с. 52]. Расширяя данное определение общественной опасности, Н.Ф. Кузнецова считает, что признак общественной опасности означает «способность поступка человека, признаваемого преступлением, причинять существенный вред охраняемым уголовным законом социальным ценностям либо создавать реальную угрозу причинением такого вреда» [12, с. 53]. В свою очередь, И.Г. Соломоненко определяет общественную опасность как «свойство деяния причинить или создать реальную угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом отношениям и интересам» [13, с. 44].

По нашему мнению, более развернутое определение анализируемого признака преступления дает Ю.И. Ляпунов, в работах которого эта сложная категория исследовалась специально. Так, он указывал: «Уголовно-правовая общественная опасность – это определенное объективное асоциальное состояние преступления, обусловленное всей совокупностью его отрицательных свойств и признаков и заключающее в себе реальную возможность причинения вреда (ущерба) ... общественным отношениям, поставленным под охрану закона» [14, с. 39].

Таким образом, приведенные мнения авторов сходятся на том, что общественная опасность характеризуется, главным образом, способностью причинить вред общественным отношениям, которые охраняются уголовным законом. Без сомнения, становится очевидным объективный характер общественной опасности, т.е. ее независимость от сознания человека, законодателя, правоохранительных органов либо суда. Из

изложенного можно сделать вывод о том, что законодательные, судебные, правоохранительные органы только фиксируют наличие данного свойства того или иного явления. В соответствии с этим общественная опасность приобретает объективное выражение. Справедливо утверждение Л.Н. Кривоченко, который указывает: «Роль законодателя заключается в том, чтобы выявить, правильно отразить и закрепить в норме права это объективное свойство» [15, с. 33].

Поскольку общественная опасность составляет материальное свойство преступления, постольку она выражается в причинении либо угрозе причинения ущерба общественным отношениям (интересам), охраняемым уголовным законодательством. Согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ деяние, не представляющее общественной опасности, ввиду малозначительности преступлением не является.

Кроме того, правильно квалифицировать содеянное возможно, только установив признаки преступления, одним из которых является общественная опасность, состоящая из его качественной и количественной характеристик. Степень общественной опасности, являясь количественным показателем, способствует сравнительному анализу преступлений одного вида, одного и того же характера. Насколько опасно преступление и в какой степени, можно установить на основе анализа всех объективных и субъективных признаков данного преступления [16].

Характер общественной опасности является ее качественной характеристикой. Именно в характере общественной опасности содержатся особенности и свойства преступления, которые позволяют отличить его от неправомерных деяний (административных правонарушений, гражданско-правовых деликтов, дисциплинарных проступков), от преступлений, смежных с ним по признакам состава, выделить конкретное преступное посягательство из числа тех, которые составляют определенную группу преступлений. Характер общественной опасности позволяет определить преступление в силу свойственных лишь ему объективных и субъективных признаков, которые отражают важность общественных отношений, на которые направлено преступление, внешнюю форму деяния, наносящего ущерб этим отношениям или ставящего их под угрозу нанесения ущерба. Кроме того, необходимо отметить, что качественная характеристика общественной опасности преступления выражает и то общее, что характеризует всю группу однородных преступлений. Характер общественной опасности преступления опре-

деляется, прежде всего, объектом преступного посягательства.

Таким образом, преступление отличается от иных антиобщественных деяний характером (качеством) и повышенной степенью общественной опасности, особой остротой противоречия интересам личности, общества и государства. Характер и степень общественной опасности преступного посягательства зависят от совокупности признаков, его характеризующих. Однако не все эти признаки определяют ее в равной мере. Среди показателей опасности посягательства имеются такие, которые оказывают существенное влияние на признание деяния преступным [10].

Рассматривая вновь введенный в УК РФ состав преступления, предусматривающий ответственность за неправомерное завладение государственным регистрационным знаком транспортного средства (ст. 325¹ УК РФ) [17], необходимо, прежде всего, определить степень и характер общественной опасности криминализованного деяния. Анализируя необходимость криминализации неправомерного завладения государственным регистрационным знаком транспортного средства, следует обратить внимание, в частности, именно на наличие не просто общественной опасности деяния, но на ее уголовно-правовую общественную опасность.

С одной стороны, любое неправомерное действие с государственным регистрационным знаком транспортного средства должно расцениваться как деяние, посягающее на установленные государством правила и нормы, регулирующие оборот данного предмета. От этого зависят возможность допуска транспортного средства к участию в дорожном движении и его эксплуатации на территории Российской Федерации и за ее пределами; государственный учет транспортных средств и государственный учет основных показателей состояния безопасности дорожного движения; выявление и пресечение преступлений и правонарушений, связанных с использованием транспортных средств; обеспечение исполнения законодательства о мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации, законодательства о налогах и сборах, таможенного законодательства Таможенного союза и законодательства Российской Федерации о таможенном деле, законодательства о техническом регулировании, законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

С другой стороны, условием уголовной противоправности деяния законодатель определяет

неправомерное завладение регистрационным знаком транспортного средства только при наличии обязательных признаков субъективной стороны: мотив («корыстная заинтересованность») либо цель – «совершение тяжкого или особо тяжкого преступления».

Следовательно, если государственным регистрационным знаком завладевают, например, из хулиганских побуждений или из мести владельцу или собственнику транспортного средства, то деяние не может быть признано преступным, а значит, и наказуемым в уголовно-правовом порядке. Логично полагать, что в этих случаях неправомерное завладение государственным регистрационным номером не представляет уголовно-правовой общественной опасности.

Не секрет, что в 2011–2013 гг. все более острой становилась проблема похищения государственных регистрационных знаков транспортных средств. Это стало настоящим криминальным бизнесом, который приносил немалые доходы. С августа же 2013 г. ситуация резко изменилась, поскольку Министерством внутренних дел РФ был издан Приказ о новых правилах регистрации транспортных средств. В соответствии с п. 26 указанного приказа за государственную регистрацию транспортных средств и совершение иных регистрационных действий, связанных с выдачей государственных регистрационных знаков на автомобили, в том числе взамен утраченных или пришедших в негодность, либо с выдачей государственных регистрационных знаков на мототранспортные средства и прицепы, в том числе взамен утраченных или пришедших в негодность, необходимо уплатить от 1500 до 2500 рублей [18]. Из текста нормативного акта следует, что собственник (владелец) транспортного средства должен сообщить в компетентный орган ГИБДД об утрате государственного регистрационного номерного знака, уплатить соответствующую государственную пошлину и получить дубликат прежнего знака на свое транспортное средство.

Таким образом, с принятием новых правил регистрации транспортных средств проблема утраченных (в том числе и похищенных) государственных регистрационных знаков транспортных средств отпала сама собой. Теперь нет необходимости снова проходить процедуру регистрации автомобиля в регионе проживания. Достаточно получить дубликаты номеров в ГИБДД либо разрешение на изготовление дубликата знака в любом регионе Российской Федерации. При краже номеров необходимо как можно скорее получить дубликаты. Для получения дубликатов номеров нужно подать соответ-

ствующее заявление в ГИБДД и предоставить паспорт транспортного средства; свидетельство о регистрации транспортного средства; если сохранился один из номерных знаков – предоставить и его; квитанцию об уплате госпошлины; паспорт. Согласно новым правилам вся процедура должна занимать не более часа. Поэтому при утере или краже номеров их дубликаты можно получить в тот же день и гораздо дешевле, чем просят злоумышленники за их возврат. Казалось бы, исчез основной смысл (нажива) в незаконном завладении государственным регистрационным номером транспортного средства.

Как было указано выше, собственник или титульный владелец транспортного средства, а следовательно, и его государственного регистрационного знака при утрате (в том числе и похищении) последнего терпит имущественный ущерб максимум 2500 рублей. Кроме того, данное деяние вполне подпадает под корыстные преступления против собственности по своим признакам:

- незаконность;
- безвозмездность;
- завладение;
- корыстная заинтересованность.

Вместе с тем, в действиях лиц, совершающих неправомерное завладение государственными регистрационными знаками транспортных средств, как правило, имеет место именно корысть, поскольку в дальнейшем они сообщают собственнику (владельцу) транспортного средства о необходимости выплатить денежное вознаграждение за возвращение знака. В связи с этим возникает вопрос: «Кому причиняется ущерб (вред) действиями виновного?». И ответ здесь очевиден – не государству, не органам местного самоуправления, а собственнику (либо титульному владельцу) транспортного средства. То есть при совершении незаконного завладения государственным регистрационным знаком транспортного средства из корыстной заинтересованности виновный, прежде всего, посягает не на порядок управления, а на отношения, охраняющие право чужой собственности.

Анализ второго субъективного признака – цель совершения тяжкого или особо тяжкого преступления – также дает основания полагать, что в этом случае виновный посягает на отношения, охраняющие правосудие, а никак не на порядок управления. Ведь если государственный регистрационный знак транспортного средства используется при совершении преступного посягательства (например, для сокрытия действительного государственного регистрационного знака автомашины при разбое, террористиче-

ском акте, убийстве), то затрудняется процесс обнаружения и фиксации следов совершенного преступления. Снова возникает вопрос о месте нахождения нового состава преступления в УК РФ.

Некоторые ученые под видовым объектом преступлений, включенных законодателем в гл. 32 УК РФ, усматривают нормальную управленческую деятельность органов государственной исполнительной власти и местного самоуправления [19, с. 324]. А.Ю. Кизилев, например, понимает под порядком управления и, как следствие, видовым объектом преступлений, предусмотренных гл. 32 УК РФ, «нормальную деятельность публичного аппарата управления» [20, с. 53]. Из проведенного анализа признаков состава преступления, предусмотренного ст. 325¹ УК РФ, видно, что незаконное завладение государственным регистрационным знаком из корыстной заинтересованности либо с целью совершить тяжкое или особо тяжкое преступление, не может посягать и не посягает на порядок управления, а, следовательно, имеет другие родовую, видовую и непосредственный объекты преступного посягательства и должно относиться к другой главе и другому разделу УК РФ.

Анализируя второе основание криминализации деяния, мы обратились к официальной статистике. Результатом явилось то, что нами не установлено за последний год случаев незаконного завладения государственными регистрационными знаками транспортных средств как достаточно частого явления. Кто определил степень распространенности рассматриваемого деяния на момент его введения в УК РФ, не ясно. Также следует отметить и то, что изменением и усовершенствованием правил регистрации транспортных средств, без применения уголовно-правовых репрессий, достигнут значительно больший и оперативный эффект в противодействии незаконному завладению государственным регистрационным знаком.

Таким образом, из вышеизложенного возможно сделать следующие выводы:

1) ставится под сомнение уголовно значимая общественная опасность данного деяния, а следовательно, и его уголовная противоправность;

2) на момент криминализации незаконного завладения государственным регистрационным знаком транспортного средства из корыстной заинтересованности либо с целью совершения тяжкого или особо тяжкого преступления (май 2014 г.) не аргументирована степень распространенности данного деяния;

3) поскольку нормативно определены упрощенные правила получения дубликата государ-

ственного регистрационного знака транспортного средства, постольку и нет необходимости в незаконном завладении им (во всяком случае, из корыстной заинтересованности);

4) большие сомнения вызывает соответствие криминализации исследованного деяния нормам Конституции РФ и международного права;

5) при практическом применении ст. 325¹ УК РФ возникнут большие сложности в доказывании признаков состава преступления;

6) эффективность противодействия незаконному завладению государственным регистрационным знаком транспортного средства путем применения иных, не уголовно-правовых мер в настоящее время уже доказана.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Н.А. Лопашенко справедливо выделяет в качестве одного из основных принципов криминализации деяния его своевременность [21, с. 297–298]. Данный принцип обладает определяющим значением, поскольку его соблюдение и реализация позволяют осуществлять адекватную уголовную политику в государстве. На момент внесения дополнений (5 мая 2014 г.) в отечественное уголовное законодательство необходимость криминализации незаконного завладения государственным регистрационным знаком транспортного средства из корыстной заинтересованности либо с целью совершения тяжкого или особо тяжкого преступления отсутствовала.

Кроме того, реформирование, даже частичное, уголовного законодательства должно достигать определенной цели – противодействия преступности. На необходимость целевого характера защиты наиболее важных общественных отношений от преступных посягательств указывали многие ученые и практические работники правоохранительных органов [22]. К сожалению, в последние годы сложилась практика определенного «шараханья» законодателя от ужесточения, с одной стороны, до либерализации уголовно-правового воздействия – с другой. Примером этого служит отношение к клевете (ныне ст. 128¹ УК РФ). В течение полугода ст. 129 сначала исключили из УК РФ, а затем ввели вновь. То же можно указать и по поводу конфискации имущества. В декабре 2003 г. отменили данное уголовное наказание, а в июле 2006 г. были вынуждены вернуть конфискацию в уголовный закон, правда, в виде иной меры уголовно-правового характера.

Полагаем, что к изменениям и дополнениям уголовного законодательства депутатам Государственной Думы РФ необходимо относиться более осторожно и взвешенно.

1. Чесноков О.В. Уголовно-правовые аспекты борьбы со служебным подлогом: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009.
2. Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2001.
3. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987.
4. Загородников Н.И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел. М., 1979.
5. Беккариа Чезаре. О преступлении и наказании. М., 1995.
6. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР: постановление Наркомюста РСФСР от 12 дек. 1919 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 2014.
7. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005.
8. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценки в уголовном праве. М., 1975.
9. Фефелов П.А. Общественная опасность преступного деяния и основание уголовной ответственности: основные методологические проблемы. М., 1972.
10. Рясов А.И. Принцип справедливости в назначении наказания при множественности преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004.
11. Уголовное право. Общая и Особенная части: учеб. для вузов / под общ. ред. М.П. Журавлева и С.И. Никулина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007.
12. Уголовное право Российской Федерации: в 2 т. Т. 1: Общая часть: учеб. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М., 2002.
13. Уголовное право России. Практический курс: учеб. / под общ. и науч. ред. А.В. Наумова; Р.А. Адельханян и др. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
14. Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права: учеб. пособие. М., 1989.
15. Кривоченко Л.Н. Классификация преступлений. Харьков, 1983.
16. Уголовное право России: учеб. для вузов: в 2 т. Т. 1: Общая часть. М., 1997.
17. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 5 мая 2014 г. № 105-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 2014.
18. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел
 1. Chesnokov O.V. Criminal and legal aspects of the fight against forgery: diss. ... Master of Law. Krasnodar, 2009.
 2. The course of the Russian criminal law. General Part / ed. by V.N. Kudryavtsev, A.V. Naumov. Moscow, 2001.
 3. Korobeev A.I. Soviet criminal and legal policy: problems of criminalization and penalization. Vladivostok, 1987.
 4. Zagorodnikov N.I. Soviet penal policy and internal affairs bodies activity. Moscow, 1979.
 5. Beccaria Chesare. About crime and punishment. Moscow, 1995.
 6. Guiding principles on Criminal law of the RSFSR: resolution of People's Commissariat of Justice of the RSFSR of Dec. 12, 1919. Access from legal-reference system «ConsultantPlus». 2014.
 7. Kudryavtsev V.N. Strategies of combat with crime. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2005.
 8. Demidov Yu.A. Social value and evaluation in criminal law. Moscow, 1975.
 9. Fefelov P.A. Public danger of the offense and the basis of criminal responsibility: basic methodological problems. Moscow, 1972.
 10. Ryasov A.I. The principle of fairness in sentencing at a multiplicity of crimes: diss. ... Master of Law. Stavropol, 2004.
 11. Criminal law. General and Special parts: textbook for high schools / gen. ed. by M.P. Zhuravlev and S.I. Nikulin. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2007.
 12. Criminal law of the Russian Federation: in 2 vol. Vol. 1: General part: textbook / ed. by L.V. Inogamova-Khegay. Moscow, 2002.
 13. Criminal law of Russia. Practical course: textbook / gen. and sci. ed. by A.V. Naumov; R.A. Adelhanyan et al. 4th ed., rev. and add. Moscow, 2010.
 14. Lyapunov Yu.I. Socially dangerous of act as a universal category of Soviet criminal law: study aid. Moscow, 1989.
 15. Krivochenko L.N. Classification of crimes. Kharkov, 1983.
 16. Criminal law of Russia: textbook for high schools: in 2 vol. Vol. 1: General part. Moscow, 1997.
 17. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: fed. law of May 5, 2014 № 105-FL. Access from legal-reference system «ConsultantPlus». 2014.
 18. On approval of the Administrative regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the provision of public services on registration of motor vehicles and their trailers: order of the Ministry of the Interior

Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним: приказ МВД России от 7 авг. 2013 г. № 605 // Рос. газ. 2013. 4 окт.

19. Уголовное право. Особенная часть / под ред. А.И. Рарога. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.

20. Кизилев А.Ю. Уголовно-правовая охрана управленческой деятельности представителей власти. Ульяновск, 2002.

21. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004.

22. Бавсун М.В. Изменения и дополнения уголовного законодательства как необходимые средства оптимизации уголовно-правового воздействия на преступность // Общество и право. 2009. № 3.

of Russia of Aug. 7, 2013 № 605 // Rus. newsp. 2013. Oct. 4.

19. Criminal law. The Special part / ed. by A.I. Rarog. 2nd ed., corr. and add. Moscow, 2004.

20. Kizilov A.Yu. Criminal-law protection of management activity of the authorities. Ulyanovsk, 2002.

21. Lopashenko N.A. Fundamentals of criminal law influence: criminal law, criminal principle, criminal policy. St. Petersburg, 2004.

22. Bavsun M.V. Changes and additions of criminal legislation as a necessary means of optimizing the criminal law influence on the crime // Society and law. 2009. № 3.

Сокол Елена Викторовна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583757)

Понятие систематичности при вовлечении несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий

В статье рассматриваются понятие систематичности при вовлечении несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, а также следственно-судебная практика его применения.

Ключевые слова: вовлечение, употребление (распитие) алкогольной, спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством, систематичность вовлечения.

E.V. Sokol, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583757.

Definition of systematic in the minor's involving in commission of antisocial actions

In the article the definition of systematic in the minor's involving in commission of antisocial actions and also its investigative and judicial practice are considered.

Key words: involving, consumption (drinking) of alcoholic, alcohol-containing products, intoxicating substances, vagrancy or begging, systematic of involving.

Криминологам хорошо известно, что преступность начинается с правонарушений подростков и молодежи. А многие несовершеннолетние совершают антиобщественные действия и преступления непосредственно под влиянием взрослых.

В современном российском обществе курение, распитие спиртных напитков стало частью повседневной жизни не только взрослых, но и несовершеннолетних россиян. «“Не замечая” неправильного поведения или складывающихся скверных привычек малолетних и тем более подростков, взрослые обрекают их, как и самих себя, на трудную жизнь в будущем» [1, с. 303].

В России насчитывается до 178 тысяч детей-алкоголиков. Ежедневно потребляют алкоголь, включая пиво, 33% юношей и 20% девушек. Пик массового приобщения к потреблению алкоголя сместился с возрастной группы 16–17 лет в возрастную группу 14–15 лет, а впервые пробуют алкоголь «до тяжкого опьянения» в 12 лет [2].

В настоящее время и курение, и распитие спиртных напитков практически выведены из сферы действия моральных ограничителей. В результате интернет-опроса 1995295 несовершеннолетних пользователей Интернета об их отношении к алкоголю были получены следующие ответы: 148817 респондентов высказа-

лись «положительно»; 481909 – «нейтрально»; 203072 – «за компромисс»; 594541 – «негативно»; 566956 – «резко негативно» [3, с. 208–209]. При этом именно взрослые зачастую вовлекают несовершеннолетних в систематическое употребление спиртных напитков.

Как отмечают специалисты, в подростковом возрасте мозговая ткань находится в стадии структурного и функционального совершенствования, поэтому даже однократное употребление любого спиртного напитка оказывает буквально опустошающее воздействие на психику подростка. Задерживается не только развитие высших форм мышления, выработка этических и нравственных категорий и эстетических понятий, но и утрачиваются уже развившиеся способности. Подросток деградирует интеллектуально, эмоционально и нравственно.

Другими проблемами, которые за последнее время приняли в нашей стране угрожающие масштабы, стали детская беспризорность, безнадзорность и различные формы девиантного поведения подростков.

По разным оценкам, в России от 1,5 до 4,2 млн безнадзорных, бездомных, беспризорных, которые не работают и не учатся, а живут за счет попрошайничества, воровства, сбыта наркотиков и проституции. Наибольшая кон-

центрация их наблюдается в больших городах, прежде всего в Москве (около 75 тыс. человек) и в Санкт-Петербурге (около 50 тыс. человек) [4; 5, с. 22–23].

В целях охраны прав детей российским законодателем установлена уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ), к числу которых законодатель относит употребление (распитие) алкогольной, спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством.

Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий представляет собой активное целенаправленное воздействие на несовершеннолетнего со стороны виновного взрослого лица, направленное на возбуждение (укрепление) желания у несовершеннолетнего употреблять (распивать) алкогольную, спиртосодержащую продукцию, одурманивающие вещества, заниматься бродяжничеством или попрошайничеством.

Субъектом данного преступления может быть любое вменяемое лицо, достигшее возраста 18 лет. Квалифицированным видом данного преступления является вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение, совершенное родителем, педагогом или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (ч. 2 ст. 151 УК РФ).

Согласно официальным статистическим данным это преступление не относится к числу часто совершаемых в нашей стране. Так, в Российской Федерации по ст. 151 УК РФ всего было осуждено: в 2009 г. – 276 человек; в 2010 г. – 257; в 2011 г. – 222; в 2012 г. – 166; в 2013 г. – 160 [6].

В Краснодарском крае, население которого составляло на 1 января 2014 г. 5404,3 тыс. человек (из них городских жителей – 2912,8 тыс. человек (53,9%), сельских – 2491,5 тыс. человек (46,1%) [7]), по ст. 151 УК РФ было осуждено: в 2009 г. – 44 человека; в 2010 г. – 32; в 2011 г. – 23; 2012 г. – 21; в 2013 г. – 19.

В городе Краснодаре с населением около 1 млн человек в период с 2009 г. по 2013 г. (включительно) было расследовано всего 9 преступлений по ст. 151 УК РФ, при этом в 2011 и в 2013 гг. таких преступлений вообще не было зарегистрировано.

Большинство работников рассматривают вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий как незначительное или даже непроступное деяние. Недооценка реальной общественной опасности данного

вида преступлений негативно сказывается на своевременном выявлении, возбуждении уголовных дел и крайне низком качестве их расследования.

Одной из причин неэффективной борьбы с указанными преступлениями также является неоднозначное, спорное понимание в науке и в следственно-судебной практике признака «систематическое», сформулированного законодателем в ч. 1 ст. 151 УК РФ. Тогда как четкое понимание и, соответственно, единообразное применение понятия «систематическое употребление, занятие» необходимо для правильного установления и доказывания обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу (ст. 73, 421 УПК РФ).

Различная трактовка этого признака состава преступления, во-первых, приводит к тому, что признак «систематическое» относят либо ко всем формам вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий или только к отдельным видам вовлечения несовершеннолетнего, во-вторых, допускает различное понимание его количественных и временных характеристик.

О.В. Поликашина верно отмечает, что формулировка ст. 151 УК РФ не позволяет сделать четкого вывода о том, относится ли признак систематичности ко всем перечисленным в ст. 151 УК РФ антиобщественным действиям или только к употреблению спиртных напитков и одурманивающих веществ [8, с. 45].

В методических рекомендациях для сотрудников правоохранительных органов встречается расширительное толкование этого признака, когда он относится ко всем формам вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий [9, с. 5]. Возможно, это связано с тем, что ранее имевшая место редакция ст. 209 УК РСФСР предполагала систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством [10].

Расширительное толкование признака «систематическое» в ст. 151 УК РФ приводит к тому, что вовлечение несовершеннолетнего в занятия бродяжничеством или попрошайничеством ведет к привлечению виновных лиц, эксплуатирующих детей, не к уголовной, а в лучшем случае к административной ответственности, что не отвечает требованиям охраны прав детей.

По мнению экспертов, малолетние бомжи, прожившие вне дома более трех месяцев, уже не хотят жить ни дома, ни в приютах, повышая долю маргинализованного населения страны [11, с. 136–140].

Права те исследователи, которые признак «систематическое» относят только к вовлечению несовершеннолетнего в употребление (распитие) алкогольной, спиртосодержащей продукции и одурманивающих веществ. Для наступления уголовной ответственности за вовлечение в занятие бродяжничеством или попрошайничеством установления систематичности таких действий не требуется [12, с. 301–302; 13, с. 6; 14, с. 4].

Другая сложность у практических работников возникает при определении количественных и временных характеристик вовлечения несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной, спиртосодержащей продукции и одурманивающих веществ.

Согласно толковому словарю слово «систематически» понимается как: 1) следующий определенной системе; 2) постоянно повторяющийся, не прекращающийся [15, с. 719]. Для нас представляет особый интерес второе определение.

Среди ученых нет единообразного подхода в понимании количественного и временного показателей, необходимых для определения систематичности при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 151 УК РФ.

Так, А.А. Чекалин не указывает конкретные пределы времени [16, с. 195].

В.М. Лебедев и В.И. Радченко говорят о непродолжительном времени (неделя, месяц), или 1 раз в неделю, или каждый месяц [17, с. 148–149, 162; 18, с. 112–113].

Л.Л. Кругликов определяет период в течение года, указывая на то, что практика склонна усматривать признак систематичности в фиксации не менее трех фактов вовлечения на протяжении не более года [19, с. 98].

О.А. Поликашина обосновывает понимание систематичности как не менее трех доказанных фактов вовлечения несовершеннолетнего в употребление спиртных напитков или одурманивающих веществ в течение года [8, с. 45].

Методические рекомендации для сотрудников правоохранительных органов указывают, что рассматриваемый признак означает многократность совершения деяния, т.е. три и более раза (фактов) вовлечения несовершеннолетнего в употребление спиртных напитков и одурманивающих веществ [9, с. 4; 20, с. 7; 13, с. 7; 14, с. 2]. При этом по-разному определяется период времени вовлечения: он либо вообще не указывается, либо отмечается «в течение непродолжительного времени», например раз в месяц [13, с. 7], либо «в течение ограниченного периода времени» [21, с. 8].

Считаем неверным высказанное в литературе мнение, что предложения несовершеннолетнему употребить спиртные напитки, хотя и неоднократно, но в течение большого промежутка времени (например, в январе – на свадьбе, в мае этого же года – в день рождения, в ноябре – на юбилее), не содержат системы, носят разовый характер и не имеют умысла на вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной, спиртосодержащей продукции [17, с. 148–149]. Такая позиция не учитывает чрезвычайно вредные последствия, которые наступают для несовершеннолетнего, его физического и психического здоровья. Если эти действия осуществляются одним и тем же взрослым лицом в отношении одного и того же несовершеннолетнего, они должны быть квалифицированы по ст. 151 УК РФ.

Отсутствие однозначно закрепленной в ст. 151 УК РФ позиции законодателя в отношении понятия систематичности при вовлечении несовершеннолетнего в употребление (распитие) алкогольной, спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством или попрошайничеством затрудняет правоприменительную деятельность и, как результат, не позволяет в полной мере обеспечить реальную защиту прав несовершеннолетних.

Проведенное анкетирование практических работников подтверждает, что они крайне противоречиво трактуют содержание понятия «систематическое». Так, в 2013–2014 гг. были проанкетированы 155 сотрудников из разных регионов Российской Федерации из числа начальников отделов и отделений дознания, а также инспекторского состава подразделений по делам несовершеннолетних. Одним из вопросов анкеты было предложение определить количественную и временную составляющую понятия «систематическое» применительно к вовлечению несовершеннолетних в употребление (распитие) алкогольной, спиртосодержащей продукции и одурманивающих веществ, используемого законодателем в ст. 151 УК РФ. Были получены следующие ответы:

совершение 2 фактов вовлечения за год – 23 (14,8%);

совершение 2 фактов вовлечения за 6 месяцев – 26 (16,7%);

совершение 2 фактов вовлечения за 3 месяца – 7 (4,5%);

совершение 2 фактов вовлечения за 1 месяц – 18 (11,6%);

совершение 3 фактов вовлечения за год – 15 (9,6%);

совершение 3 фактов вовлечения за 6 месяцев – 10 (6,4%);

совершение 3 фактов вовлечения за 3 месяца – 2 (1,2%);

совершение 3 фактов вовлечения за 1 месяц – 2 (1,2%);

не ответили – 52 (33,5%).

Таким образом, результаты анкетирования показывают отсутствие единообразного понимания систематичности при вовлечении несовершеннолетнего в употребление (распитие) алкогольной, спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством или попрошайничеством, что ведет к противоречивой судебной-следственной практике на территории нашего государства.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что понятие систематичности необходимо рассматривать как

совершение не менее трех фактов вовлечения несовершеннолетнего в употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ в течение одного года. Эта позиция будет правильной, наиболее четкой и последовательной, способной в полной мере обеспечить реальную защиту охраняемых законом прав несовершеннолетних, а также единство правоприменительной практики.

Соответственно, разовое или неоднократное, но с большим разрывом во времени (например, более года) вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной, спиртосодержащей продукции или одурманивающих веществ следует квалифицировать как административное правонарушение, предусмотренное ст. 6.10 КоАП РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции или одурманивающих веществ».

1. Карпец И.И. *Преступность: иллюзии и реальность*. М., 1992.

2. Добрынина Е. Рюмка за папу, рюмка за маму... // *Рос. газ.* № 5592(216). URL: <http://www.rg.ru/2011/09/28/podrostki-poln.html> (дата обращения: 02.04.2014).

3. Сокол Е.В., Сокол Ю.В. *Особенности расследования вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий*. М., 2013.

4. *Новости: Сколько в России бездомных?* URL: <http://www.mosmedclinic.ru/news/4244> (дата обращения: 06.02.2014).

5. Жилыева С.К. *К вопросу о состоянии беспризорности несовершеннолетних в современной России // История государства и права*. 2012. № 5.

6. *Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений уголовного кодекса Российской Федерации. Форма № 10-а*. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 02.03.2014).

7. *Численность населения. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю*. URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 18.04.2014).

8. Поликашина О.В. *Расследование вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий: дис. ... канд. юрид. наук*. М., 2004.

1. Karpets I.I. *Crime: illusions and reality*. Moscow, 1992.

2. Dobrynina E. *A glass for a father, a glass for a mother...* // *Rus. newsp.* № 5592(216). URL: <http://www.rg.ru/2011/09/28/podrostki-poln.html> (date of access: 02.04.2014).

3. Sokol E.V., Sokol Yu.V. *Peculiarities of investigation of involvement of the minor in commission of antisocial actions*. Moscow, 2013.

4. *News: How many homeless people in Russia?* URL: <http://www.mosmedclinic.ru/news/4244> (date of access: 06.02.2014).

5. Zhilyaeva S.K. *To the question of a state of homelessness of minors in modern Russia // History of state and law*. 2012. № 5.

6. *Judicial department at the Supreme Court of the Russian Federation. Summary statistical data about the state of a criminal record in Russia. The report about the number of the convicts in all structures of crime by the Criminal code of the Russian Federation. Form № 10-a*. URL: <http://www.cdep.ru> (date of access: 02.03.2014).

7. *The number of population. Territorial body of the Federal state statistics service in the Krasnodar region*. URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/ru/statistics/population/ (date of access: 18.04.2014).

8. Polikashina O.V. *Investigation of involvement of minors in crimes and anti-social actions: auth. abstr. ... Master of Law*. Moscow, 2004.

9. *Methodical recommendations for the investigation of criminal cases about crimes committed by minors or with their participation*. Krasnodar, 2006.

9. *Методические рекомендации о расследовании уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и с их участием.* Краснодар, 2006.
10. *Уголовный кодекс РСФСР // Ведомости ВС РСФСР.* 1960. № 40. Ст. 591.
11. *Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): анализ. докл. М., 2011.*
12. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2010.*
13. *Методические рекомендации по выявлению взрослых лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий, а также родителей, не исполняющих обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, документированию таких фактов.* Хабаровск, 2009.
14. *Методические рекомендации по применению части первой статьи 151 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий).* Краснодар, 2010.
15. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М., 1997.*
16. *Чекалин А.А. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный).* М., 2006.
17. *Лебедев М.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный).* М., 2005.
18. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. А.С. Михлин, В.А. Казакова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008.*
19. *Уголовное право России. Часть особенная: учеб. для вузов / под ред. Л.Л. Кругликова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004.*
20. *Расследование преступлений: метод. пособие для дознавателей. М., 2007.*
21. *Методические рекомендации по выявлению и привлечению к ответственности лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступления и антиобщественных действий (ст. 150, 151 УК РФ).* Рязань, 2008.
10. *Criminal code of the RSFSR // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR.* 1960. № 40. Art. 591.
11. *Twenty years of reforms by eyes of Russians (experience of long-term sociological measurements): analytical report.* Moscow, 2011.
12. *Commentary to the Criminal code of the Russian Federation (itemized) / ed. by A.V. Brilliantov.* Moscow, 2010.
13. *Methodical recommendations about identification of the adult persons involving minors in commission of crimes and antisocial actions, and also the parents who aren't fulfilling duties on education of minors, to documenting of such facts.* Habarovsk, 2009.
14. *Methodical recommendations about application of the first part of article 151 of the Criminal code of Russian Federation (involvement of the minor in commission of antisocial actions).* Krasnodar, 2010.
15. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of Russian language: 80000 words and idiomatic expressions / Russian Academy of Sciences; Inst. of Russian lang. of V.V. Vinogradov. 4th ed., add.* Moscow, 1997.
16. *Chekalin A.A. Commentary to the Criminal code of the Russian Federation (itemized).* Moscow, 2006.
17. *Lebedev M.V. Commentary to the Criminal code of the Russian Federation (itemized).* Moscow, 2005.
18. *Commentary to the Criminal code of the Russian Federation (itemized) / resp. ed. V.I. Radchenko; sci. ed. A.S. Michlin, V.A. Kazakova. 2nd ed., rev. and add.* Moscow, 2008.
19. *Criminal law of Russia. Special part: textbook for high schools / ed. by L.L. Kruglikov. 2 ed., rev. and add.* Moscow, 2004.
20. *Investigation of crimes: methodical handbook for investigators.* Moscow, 2007.
21. *Methodical recommendations about identification and accountability of the persons involving minors in commission of crime and antisocial actions (art. 150, 151 of the Criminal code of Russian Federation).* Rayzan, 2008.

Хлебушкин Артем Геннадьевичкандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России
(e-mail: agh178@yandex.ru)

Криминализация распространения экстремистских материалов: pro et contra

В статье на основе принципов криминализации рассматриваются возможные проблемы установления уголовной ответственности за распространение экстремистских материалов. Также с учетом судебной практики анализируются отдельные вопросы правовой оценки распространения таких материалов участниками экстремистских организаций.

Ключевые слова: криминализация, конкуренция уголовно-правовых норм, экстремистские материалы, экстремизм, экстремистская организация.

A.G. Khlebushkin, Master of Law, Senior Teacher of a Chair of Criminal Law of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: agh178@yandex.ru

The criminalization of the dissemination of extremist materials: pro et contra

In the article on the basis of the principles of criminalization considered the possible problems of criminalizing the dissemination of extremist materials. Also taking into account the jurisprudence examines some issues of legal assessment of the actions of participants of extremist organizations, which distribute such material.

Key words: criminalization, collisions of rules of law, extremist materials, extremism, extremist organization.

Вопросы уголовно-правового обеспечения противодействия экстремизму не теряют своей актуальности, следствием чего являются периодические предложения по совершенствованию уголовного законодательства. В Государственную Думу РФ 22 января 2014 г. был внесен законопроект о введении в УК РФ ст. 282⁴, предусматривающей ответственность за распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список [1].

В теории также неоднократно высказывались предложения установить уголовную ответственность за распространение заведомо экстремистских материалов [2, с. 114]. Указывается в литературе и соответствующий зарубежный законодательный опыт [1, с. 109; 3].

Данный вопрос озвучивался в Государственной Думе уже несколько лет назад. Генеральный прокурор РФ Ю.Я. Чайка, выступая в нижней палате российского парламента 15 ноября 2006 г., отметил, что «серьезную обеспокоенность вызывает практически бесконтрольное распространение материалов откровенно экстремистского содержания как в виде печатной

продукции, так и в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования – Интернете. Так, например, произведения идеологов национал-социализма, в силу закона уже признанные экстремистскими материалами, открыто распространяются через розничную сеть, на публичных мероприятиях. В сети Интернет действуют сотни сайтов, пропагандирующих разжигание межнациональной розни, содержащих призывы к организации вооруженных формирований. В связи с этим полагаем целесообразным установить уголовную ответственность для распространителей экстремистской литературы и держателей интернет-сайтов за размещение и распространение экстремистских материалов в сети» [4].

Согласно ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [5] экстремистские материалы – это предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе

труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

Федеральный список экстремистских материалов размещен на официальном сайте Министерства юстиции РФ [6] и по состоянию на 30 июля 2014 г. включал более 2300 наименований.

В настоящее время за производство и распространение экстремистских материалов установлена административная ответственность (ст. 20.29 КоАП РФ).

Таким образом, в рассматриваемом предложении речь идет о криминализации деяния, признаваемого сейчас административным правонарушением. Эффективное применение криминализации как одного из основных методов уголовно-правовой политики возможно лишь при соблюдении ее принципов, выработанных наукой [7, с. 69–88; 8, с. 286–298; 9, с. 105–128; 10, с. 210, 215–241]. Из числа этих принципов в данном случае ключевое значение имеют два: принцип достаточной общественной опасности криминализируемого деяния и принцип избыточности уголовно-правового запрета.

Для уяснения общественной опасности распространения экстремистских материалов, включенных в федеральный список, необходимо ответить на следующие вопросы: существует ли такая опасность; в чем именно она состоит; каким общественным отношениям причиняется вред и какой именно; какова динамика этой опасности, почему вчера вопрос о ней не вставал, а сегодня стал актуальным; настолько ли она высока, чтобы ставить деяние в один ряд с уже включенными в УК и выделять из группы однородных деяний, не подвергаемых криминализации [10, с. 217]. Дать обоснованные ответы на эти вопросы довольно сложно, а ведь при этом нужно еще и аргументировать, что реализуемых в настоящее время мер административно-правового воздействия за производство и распространение экстремистских материалов недостаточно и требуется «перевод» этих деяний в сферу действия уголовного права.

Избыточность криминализации может проявляться в трех основных вариантах: а) если запрещаются деяния, которые не обладают для этого достаточной общественной опасностью (в том числе случаи, когда противодействие им может осуществляться менее репрессивными

средствами); б) когда деяние хоть и является общественно опасным, однако уже попадает в сферу действия уголовного закона, т.е. фактически криминализовано, и во введении нового уголовно-правового запрета необходимости нет; в) когда при описании признаков запрещаемого деяния используются слишком широкие в силу нечеткости формулировки, что позволяет относить к сфере запрещенного и наказуемого неопределенное множество деяний. Можно отметить и указываемую С.А. Денисовым чрезмерную дифференциацию, которая способна породить «мертвые» нормы и приводить к избыточному нормативно-правовому материалу [11, с. 5].

Нарушение принципа избыточности уголовно-правового запрета может повлечь разные негативные последствия: а) неоправданную конкуренцию норм; б) проблемы квалификации; в) неприменение отдельных норм; г) появление так называемых «псевдопреступлений» [12, с. 9]; д) в наиболее критичных вариантах – коллизию норм, а также нарушение законности. Все это снижает эффективность уголовно-правового регулирования, создает трудности для достижения стоящих перед уголовным законом задач.

Вопрос о возможной избыточности уголовно-правового запрета необходимо решать в двух плоскостях: законотворческой и правоприменительной. В первом случае речь идет о наличии объективных оснований криминализации и соблюдении требований системности уголовного законодательства, т.е. соотношения вводимого запрета с уже действующими уголовно-правовыми нормами. Во втором случае подлежат исследованию возникающие на практике проблемы применения тех или иных норм, а также причины их возникновения.

Неоправданная конкуренция норм, как следствие нарушение принципа избыточности уголовно-правового запрета, применительно к рассматриваемому вопросу имеет вполне конкретное выражение. К экстремистским материалам отнесены, в частности, документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, а также публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство.

Представим, что анализируемое законодательное предложение реализовано и за распространение экстремистских материалов установлена уголовная ответственность. В продолжение моделирования ситуации предположим, что

в таких условиях некое лицо распространяет экстремистские материалы, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности. При квалификации данного деяния в этом случае неизбежны трудности в силу образующейся конкуренции норм, поскольку нужно будет решить, как квалифицировать содеянное: по ст. 280 УК РФ или по предлагаемой норме, предусматривающей ответственность за распространение экстремистских материалов?

Существует два основных правила квалификации при конкуренции уголовно-правовых норм: 1) при конкуренции общей и специальной норм; 2) при конкуренции целого и части. Но ни одно из них в данном случае не применимо, ведь рассматриваемая ситуация ни к первому, ни ко второму виду не относится. Поэтому необходимо будет квалифицировать содеянное по совокупности указанных преступлений, поскольку для совокупности, в отличие от конкуренции норм, «характерно то, что ни одна из норм не охватывает содеянное полностью, оно может получить правильную правовую оценку только путем применения двух и более норм Особенной части, вместе взятых» [13, с. 244]. Причем речь, видимо, следует вести об идеальной совокупности (ч. 2 ст. 17 УК РФ).

Но тут возникает масса новых вопросов. Главный – почему, например, устные публичные призывы или обычные текстовые сообщения в сети «Интернет», содержащие призывы, будут квалифицированы только по ст. 280 УК РФ, а те же призывы, осуществляемые путем распространения экстремистских материалов, – по совокупности преступлений? Общественная опасность данных способов не имеет таких существенных отличий, чтобы ужесточать ответственность во втором случае путем признания лица виновным в совершении сразу двух преступлений.

Аналогичная проблема может возникнуть и относительно конкуренции предлагаемой к введению нормы и ст. 282 УК РФ. Дело в том, что уже в настоящее время существуют определенные сложности разграничения административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.29 КоАП РФ, и преступления, ответственность за которое установлена ст. 282 УК РФ. Согласно п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» данный вопрос должен разрешаться в зависимости от направленности умысла лица, распространяющего указанные материалы. В случае, когда лицо распространяет экстремистские материалы,

включенные в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, с целью возбудить ненависть либо вражду, а также унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, содеянное им должно влечь уголовную ответственность по ст. 282 УК РФ. В.И. Тюнин справедливо отмечает, что в рассматриваемой ситуации экстремистские материалы должны быть способны потенциально возбудить ненависть или вражду [14, с. 54].

Следует согласиться с В.М. Быковым, утверждающим, что по одному такому критерию, как умысел, разграничить данные деяния сложно. Поэтому нужно учитывать иные критерии: характер распространяемых материалов, их количество, неоднократность их распространения и др. В итоге же автор констатирует, что окончательных рекомендаций по этому вопросу нет, а ученым и практикам еще только предстоит его исследовать [15, с. 1472].

Реализация рассматриваемого законодательного предложения способна привести к еще большим затруднениям на практике. Так, Ю. разместил в сети «Интернет» файл с фильмом, содержащим идеи ненависти, вражды, унижения достоинства человека по признакам национальности, языка, происхождения, отношения к религии. Данный фильм включен в федеральный список экстремистских материалов. Действия Ю. квалифицированы по ч. 1 ст. 282 УК РФ [16]. Б. также был осужден по ч. 1 ст. 282 УК РФ за то, что разместил в сети «Интернет» файл с фильмом экстремистского содержания, отнесенный к экстремистским материалам и включенный в соответствующий список [17]. Возникает вопрос: а как бы следовало квалифицировать содеянное в случае наличия нормы, предусматривающей уголовную ответственность за распространение экстремистских материалов? Соответственно, в случае криминализации распространения экстремистских материалов (по сути – только отдельного способа возбуждения ненависти или вражды) содеянное также будет подлежать квалификации по совокупности преступлений, что представляется неоправданным по тем же причинам, что и квалификация такого деяния по совокупности со ст. 280 УК РФ.

Вследствие создания искусственной конкуренции норм необходимость введения уголовной ответственности за распространение экстремистских материалов не выглядит очевидной.

Остановимся на еще одном моменте квалификации преступлений. Статья 282² УК РФ устанавливает ответственность за организацию деятельности экстремистской организации и участие в деятельности такой организации, т.е. общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности. В практике встречаются случаи, когда участием в деятельности экстремистской организации признается распространение материалов соответствующих организаций (газет, листовок и т.д.) и действия виновных квалифицируются по ч. 2 ст. 282² УК РФ. Например, М., являющийся неформальным лидером межрегиональной общественной организации «Национал-большевистская партия», и активист данного отделения Ш., будучи осведомленными, что решением Московского городского суда, вступившим в законную силу 7 августа 2007 г., эта организация признана экстремистской и ее деятельность запрещена, распространяли газеты и листовки-наклейки, рекламирующие НБП, участвовали в шествии-митинге, посвященном Дню трудящихся, демонстрируя при этом флаги указанной организации, рассылали по электронной почте письма-предложения с целью склонения других лиц к участию в ее деятельности, что дало суду основание квалифицировать их действия по ч. 2 ст. 282² УК РФ как участие в деятельности экстремистской организации [18]. В другом случае И. в беседе с К. пропагандировал идеи межрегиональной общественной организации «Национал-большевистская партия», зная, что она признана экстремистской, а также передал ему несколько агитационных печатных

материалов этой организации (листовки, стикеры, газеты и информационные бюллетени). Действия И. были квалифицированы по ч. 2 ст. 282² УК РФ [19].

В подобных случаях, если распространяемые материалы включены в федеральный список экстремистских материалов, содеянное не рассматривается как административное правонарушение, а является конститутивным признаком объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282² УК РФ, и «выходит» из сферы административно-правового воздействия.

В связи с изложенным целесообразно дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» пунктом 21¹ следующего содержания:

«21¹. При отграничении преступлений, ответственность за совершение которых установлена статьей 282² УК РФ, от административного правонарушения, предусмотренного статьей 20.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, следует учитывать направленность умысла виновного. Если умысел лица был направлен на организацию деятельности экстремистской организации, на склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации, а равно на участие в деятельности экстремистской организации и оно в этих целях осуществляло распространение материалов данной организации (брошюр, листовок, журналов и пр.), включенных в федеральный список экстремистских материалов, либо иных включенных в этот список материалов, содеянное влечет уголовную ответственность по статье 282² УК РФ».

1. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=434186-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=434186-6) (дата обращения: 30.07.2014).

2. Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России: социально-правовое и криминологическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.

3. Ильяшенко А.Н. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности по УК РФ и УК ФРГ: сравнительно-правовой анализ // Общество и право. 2013. № 3.

4. Стенограмма заседания Государственной Думы Федерального Собрания РФ 15 нояб. 2006 г. № 193(907). URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/809/> (дата обращения: 30.07.2014).

1. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=434186-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=434186-6) (date of access: 30.07.2014).

2. Fridinskiy S.N. Countering extremist activities (extremism) in Russia: socio-legal and criminological research: diss. ... Dr of Law. Moscow, 2011.

3. Ilyashenko A.N. Criminal liability for the crimes of extremist orientation under the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal code of Germany: comparative and legal analysis // Society and law. 2013. № 3.

4. Shorthand report of meeting of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of Nov. 15, 2006 № 193(907). URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/809/> (date of access: 30.07.2014).

5. Собр. законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
6. URL: <http://www.minjust.ru/nko/fedspisok> (дата обращения: 30.07.2014).
7. Коробеев А.И. Советская уголовная политика: проблемы криминализации и декриминализации. Владивосток, 1987.
8. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004.
9. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009.
10. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М., 1982.
11. Денисов С.А. Десять лет действия УК России // 10 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: материалы науч.-практ. семинара. СПб., 2006.
12. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика: проблема обоснованности запретов в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года // Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации: материалы науч.-практ. конференции. Саратов, 2002.
13. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2001.
14. Тюнин В.И. Ответственность за возбуждение ненависти либо вражды и унижение человеческого достоинства // Уголовный процесс. 2013. № 3.
15. Быков В.М. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам экстремистской направленности»: науч. коммент. // Право и политика. 2011. № 9.
16. Уголовное дело № 1-384/11 // Архив Новочебоксарского городского суда Чувашской Республики.
17. Уголовное дело № 1-175/2011 // Архив Ленинского районного суда г. Чебоксары.
18. Уголовное дело № 1-13/09 // Архив судебного участка № 40 Самарской области.
19. Уголовное дело № 1-24 за 2010 г. // Архив Арзамасского городского суда Нижегородской области.
5. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3031.
6. URL: <http://www.minjust.ru/nko/fedspisok> (date of access: 30.07.2014).
7. Korobeev A.I. Soviet criminal policy: criminalization and decriminalization problems. Vladivostok, 1987.
8. Lopashenko N.A. Bases of criminal-law influence: criminal law, criminal legislation, criminal-law policy. St. Petersburg, 2004.
9. Lopashenko N.A. Criminal policy. Moscow, 2009.
10. Bases of a criminal-law prohibition. Criminalization and decriminalization. Moscow, 1982.
11. Denisov S.A. Ten years of action of the Criminal code of Russia // 10 years to the Criminal code of the Russian Federation: proc. of sci. and pract. seminar. St. Petersburg, 2006.
12. Korobeev A.I. Criminal-law policy: problem of validity of prohibitions in the Criminal code of the Russian Federation of 1996 // Subject of criminal law and its role in formation of the criminal legislation of the Russian Federation: proc. of sci. and pract. conf. Saratov, 2002.
13. Kudryavtsev V.N. General theory of qualification of crimes. Moscow, 2001.
14. Tyunin V.I. Responsible for inciting hatred or enmity and humiliation of human dignity // Criminal procedure. 2013. № 3.
15. Bykov V.M. The resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «About jurisprudence on criminal cases of an extremist orientation»: sci. comment. // Law and policy. 2011. № 9.
16. Criminal case № 1-384/11 // Archive of Novocheboksarsk city court of the Chuvash Republic.
17. Criminal case № 1-175/2011 // Archive of Lenin district court of Cheboksary.
18. Criminal case № 1-13/09 // Archive of judicial district number 40 of the Samara region.
19. Criminal case № 1-24 (2010) // Archive of Arzamas municipal court of the Nizhny Novgorod region.

Хун Аслан Заурканович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583563)

Определение крупного ущерба как квалифицирующий признак статьи 256 Уголовного кодекса Российской Федерации

В статье рассмотрены проблемы законодательной и правоприменительной практики определения крупного ущерба, возникающие при квалификации незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов.

Ключевые слова: крупный ущерб, водные биологические ресурсы, возмещение вреда, сорная рыба, ценная рыба, природная система, правила рыболовства.

A.Z. Hun, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563.

Definition of major damage as a sign of article 256 of the Criminal code of the Russian Federation

The problems of judicial and legal practice of determining major damage resulting from the qualification illegal harvest (catch) aquatic biological resources are considered in the article.

Key words: major damage, aquatic biological resources, redress, trash fish, valuable fish, natural system, fishing regulations.

Главным критерием отграничения рассматриваемого преступления от правонарушения являются признаки объективной стороны преступления [1, с. 280]. Уголовно наказуемой признается незаконная добыча (вылов) только при наличии хотя бы одного из признаков, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 256 УК РФ. Однако это положение не снимает проблем разграничения, что связано с использованием в диспозиции ст. 256 УК РФ оценочных понятий. Как отмечает В.В. Питецкий, с одной стороны, оценочные признаки очень «удобны» для законодателя, т.к. своей компактной формой они позволяют придать закону необходимые свойства (гибкость, полноту, динамизм), но, с другой стороны, они приносят в правоприменительный процесс известную неопределенность, чем затрудняют соблюдение основополагающих принципов при отправлении правосудия (законности, равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности и др.) [2, с. 4].

Прежде всего, при применении ст. 256 УК РФ возникают трудности с определением крупного ущерба. На практике возникает вопрос: каким образом должен определяться причиненный водным биоресурсам ущерб, чтобы противо-

правное деяние было признано преступлением? В законодательстве этот вопрос разрешен не в полной мере, а в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 26 указано, что при отнесении ущерба, причиненного незаконной добычей (выловом) водных биологических ресурсов, к крупному (п. «а» ч. 1 ст. 256 УК РФ), судам надлежит исходить из количества и стоимости добытого, поврежденного и уничтоженного, распространенности особей, их отнесения в установленном порядке к специальным категориям, а также учитывать нанесенный их добычей ущерб водным биологическим ресурсам.

К такому ущербу следует, в частности, относиться: гибель большого числа неполовозрелых рыб (мальков), вылов или уничтожение рыб и растений, занесенных в Красную книгу Российской Федерации или Красную книгу субъекта Российской Федерации, уничтожение мест нереста, зимовальных ям, нагульных площадей, ухудшение качества среды обитания водных биологических ресурсов и нарушение процесса их воспроизводства. Для правильной оценки причиненного ущерба могут привлекаться соответствующие специалисты или эксперты [3, с. 7].

Анализ приговоров по делам, рассмотренным по п. «а» ч. 1 ст. 256 УК РФ в Ростовской области и Краснодарском крае, показал, что, как правило, данный квалифицирующий признак вменяется при ущербе, превышающем 5000 рублей. Однако установлено, что имеются случаи, когда лица осуждаются по данному квалифицирующему признаку при меньшем ущербе.

При исчислении крупного ущерба используются таксы, утвержденные постановлением Правительства РФ от 25 мая 1994 г. № 515 (с изменениями от 26 сентября 2000 г.). Действующими в настоящее время являются также таксы, утверждаемые органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с п. 2 указанного постановления [4, с. 46]. Таксовый способ определения ущерба, несомненно, помогает исчислять стоимость ущерба, причиненного незаконным добыванием водных биологических ресурсов, но не позволяет установить, является ли этот ущерб крупным. Более того, на наш взгляд, применение «по умолчанию» таксового способа исчисления ущерба является незаконным. Ведь согласно ч. 1 ст. 3 УК РФ преступность и наказуемость общественно опасных деяний определяются только Уголовным кодексом, который содержит исчерпывающий перечень этих признаков.

Решение проблемы определения крупного ущерба применительно к рассматриваемой статье многие ученые видят в том, чтобы размер крупного ущерба в денежном выражении предусмотреть в примечании к ст. 256 УК РФ. Все они сходятся во мнении, что рассчитывать ущерб необходимо на основании такс, утвержденных Правительством РФ.

Высказываются предложения законодательно закрепить указание на то, что ущерб является крупным, если превышает 2500 рублей [5, с. 11], 5000 рублей [6, с. 12], 10000 рублей [7, с. 9], 30000 рублей, 100000 рублей [8, с. 110], 250000 рублей [9, с. 70].

На наш взгляд, предложение о закреплении в УК РФ конкретно определенного в денежном выражении ущерба учитывает, в первую очередь, экономическую ценность водных биологических ресурсов, и в меньшей мере – экологическую, а следовательно, не может быть взято за основу при определении ущерба, причиненного преступлением, посягающим на экологическую безопасность. Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов влечет следствие в виде причинения вреда такому компоненту природной среды, как водные биологические ресурсы. Природная система шире экономической, она сама по себе имеет ценность, которая не

ограничивается ее денежными оценками. Оценивая последствия незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов через призму экономической вредности, сторонники данной позиции, в частности, указывают: «Казалось бы, давно пора понять, что посягательства на морепродукты – это своего рода посягательства на экономические интересы страны». В этой связи, как справедливо отмечает И.В. Лавыгина, не совсем понятна необходимость выделения экологических преступлений в отдельный вид, если рассматривать их в качестве подвида преступлений в сфере экономики. Тем более, подобная практика уже достаточно долгое время существовала и доказала свою несостоятельность [10, с. 88].

Положительным примером исчисления ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам, может служить постановление Правительства РФ от 18 августа 2008 г. № 625 «Об установлении размера ущерба, который был причинен водным биологическим ресурсам и который следует считать крупным».

Размеры ущерба в данном постановлении Правительства РФ утверждаются для каждого водного бассейна отдельно. Данное положение отражает необходимость определения ущерба исходя из местных условий. В регионах Российской Федерации в силу их географической удаленности друг от друга экологическая ценность того или иного вида биоресурсов может быть различна. Так, по данным Министерства природных ресурсов РФ, в 2006 г. отмечено снижение уловов в Обь-Иртышском бассейне, в озерах Байкал и Ладожское, а также в Цимлянском водохранилище, сохраняется стабильная тенденция снижения запасов наиболее ценных видов – осетровых и лососевых. Вместе с тем, в Онежском озере численность популяции озерного лосося возросла настолько, что этот вид был выведен из Красной книги Российской Федерации [11].

Необходимо отметить, что указанное постановление должно применяться при принудительном прекращении права на добычу (вылов) водных биоресурсов, т.к. оно было принято в соответствии со ст. 53 Федерального закона от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», согласно которой возмещение вреда, причиненного водным биоресурсам, осуществляется в добровольном порядке или на основании решения суда в соответствии с утвержденными в установленном порядке таксами и методиками исчисления размера причиненного водным биоресурсам вреда, а при отсутствии их – исходя из

затрат на восстановление водных биоресурсов. Согласно ст. 13 Федерального закона № 166-ФЗ принудительное прекращение права на добычу (вылов) водных биоресурсов, отнесенных к объектам рыболовства, осуществляется в случаях, если лицо, у которого имеется право на добычу (вылов) водных биоресурсов, отнесенных к объектам рыболовства, в течение календарного года два раза или более нарушило правила рыболовства, в результате чего был причинен крупный ущерб водным биоресурсам, исчисляемый в соответствии со ст. 53 настоящего Федерального закона. Следовательно, постановлением Правительства РФ от 18 августа 2008 г. № 625 нельзя руководствоваться при определении крупного ущерба применительно к ст. 256 УК РФ. На ос-

новании изложенного считаем, что необходимо разработать и принять постановление Правительства РФ об утверждении крупного ущерба, который был причинен водным биологическим ресурсам, для целей ст. 256 УК РФ.

При установлении размера ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам, в качестве одного из обязательных признаков объективной стороны преступного посягательства законодателем должны быть установлены порядок и способ его определения. Для этого необходимо включить в ст. 256 УК РФ примечание, в котором указать, что крупный и особо крупный ущерб, причиненный водным биологическим ресурсам, для целей настоящей статьи утверждается Правительством РФ.

1. Дубовик О.Л. *Экологические преступления: комментарий к главе 26 УК РФ*. М., 1998.
2. Питецкий В.В. *Применение оценочных признаков уголовного закона*. Красноярск, 1996.
3. Рюмина Е.В. *Отношение экономики к проблеме сохранения биоразнообразия // Экономика природопользования*. 2009. № 1.
4. Сулова Н. *Надзор за исполнением законодательства об охране рыбных запасов // Законность*. 2000. № 8.
5. Джамалова Б.Б. *Уголовно-правовой и криминологический аспекты борьбы с незаконной добычей рыбы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. М., 2007.
6. Бессонов А. *К вопросу о понятии крупного ущерба при квалификации незаконной добычи рыбы // Уголовное право*. 2008. № 6.
7. Гончарова Ю.С. *Незаконная добыча водных животных и растений: уголовно-правовое, компаративное и криминологическое исследование: автореф. ... канд. юрид. наук*. Саратов, 2007.
8. Надточий Ю.В. *Уголовно-правовая охрана морской природной среды: дис. ... канд. юрид. наук*. Владивосток, 2005.
9. Неудахина О.М. *Проблемы уголовной ответственности за незаконную добычу водных животных и растений: дис. ... канд. юрид. наук*. Екатеринбург, 2004.
10. Лавыгина И.В. *Экологические преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы ответственности: дис. ... канд. юрид. наук*. Иркутск, 2003.
11. *Государственный доклад Министерства природных ресурсов Российской Федерации «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2006 году»*. М., 2007.

1. Dubovik O.L. *Environmental crimes: commentary to chapter 26 of the Criminal code of the Russian Federation*. Moscow, 1998.
2. Pitetskiy V.V. *Application of valuation evidence of criminal law*. Krasnoyarsk, 1996.
3. Ryumina E.V. *Ratio of the economy to the problem of biodiversity // Environmental economics*. 2009. № 1.
4. Suslova N. *Monitoring of the implementation of the legislation on the protection of fish stocks // Legality*. 2000. № 8.
5. Jamalova B.B. *Criminal and legal and criminological aspects of combating illegal fishing: auth. abstr. ... Master of Law*. Moscow, 2007.
6. Bessonov A. *On the concept of major damage when qualifying fish production // Criminal law*. 2008. № 6.
7. Goncharova Yu.S. *Illegal production of aquatic animals and plants: criminal and legal, comparative and criminological research: auth. abstr. ... Master of Law*. Saratov, 2007.
8. Nadtochiy Yu.V. *Criminal and legal protection of sea environment: diss. ... Master of Law*. Vladivostok, 2005.
9. Neudahina O.M. *Problems of criminal responsibility for illegal extraction of aquatic animals and plants: diss. ... Master of Law*. Ekaterinburg, 2004.
10. Lavygina I.V. *Environmental crime: criminal and legal characteristic and liability issues: diss. ... Master of Law*. Irkutsk, 2003.
11. *State report of the Ministry of natural resources of the Russian Federation «On the state and the protection of environment of Russian Federation in 2006»*. Moscow, 2007.

Шульга Андрей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного права
Кубанского государственного аграрного университета
(e-mail: cshulga@rambler.ru)

Имущественные права как предмет хищения предоплаченных платежных карт

Под имуществом как предметом хищения традиционно понимают вещи как материальную субстанцию, обладающую экономическим свойством стоимости и ценой – ее денежным выражением. Однако современное развитие имущественных отношений требует понимать под предметом хищений имущество в широком его смысле, в том числе имущественные права.

Ключевые слова: хищение, предмет хищения, имущество, предоплаченные карты как предмет хищения, орудия и средства совершения хищения, имущественные права как предмет хищения.

A.V. Shulga, Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Criminal Law of the Kuban State Agrarian University; e-mail: cshulga@rambler.ru

Property rights as a plunder subject of the pre-paid payment cards

Property as a plunder subject is traditionally understood things as the material substance, having the economic property of the cost and the price that is its monetary value. However, modern development of the property relations requires understanding the plunder subject as a property in a general sense, including property rights.

Key words: plunder, plunder subject, property, pre-paid cards as subject of plunder, implements and means of commission of plunder, property rights as a plunder subject.

Проанализировав гл. 21 УК РФ, можно заключить, что уголовно-правовые нормы предметом преступлений против собственности называют имущество и в исключительных случаях право на имущество (в составах мошенничества и вымогательства). Согласно прим. 1 к ст. 158 УК РФ предметом хищения является чужое имущество.

Однако само понятие «имущество» не определяется ни уголовным, ни гражданским законодательством.

Статья 128 ГК РФ «Объекты гражданских прав» только называет такие основные объекты, как вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права. Таким образом, понятие «имущество» является собирательным и включает в себя вещи, деньги, ценные бумаги, иное имущество и имущественные права.

Центральное место в составе имущества занимают вещи как наиболее распространенный, простой, естественный и всем понятный вид имущества, способный удовлетворять потребности человека непосредственно, из самого факта обладания им [1, с. 230]. Согласно толкованию

В.И. Даля в «Толковом словаре живого великорусского языка» понятие вещи определено как «нечто, предмет, отдельная единица, всякая неодушевленная особь; в широком смысле, все, что доступно чувствам».

Поэтому в гражданском праве имущество понимают и в узком смысле – как совокупность вещей, и в широком – куда включаются не только вещи, но и права требования и долги, или гражданско-правовые обязанности [2, с. 9; 3, с. 86–92; 4, с. 2–6].

Как мы указывали выше, гл. 21 УК РФ «Преступления против собственности» предметом преступлений также называет имущество. Многолетняя теория и практика правоприменительной деятельности выработали традиционную систему признаков имущества как предмета хищения. Основной из них – предмет хищения всегда материален, является частью материального мира, т.е. обладает признаками вещи [1, с. 410]. Таким образом, имущество как предмет преступлений против собственности ассоциируется исключительно с вещами, предметами материального мира.

Большинство ученых современности также считает, что предметом преступлений, в том числе преступлений против собственности, хище-

ний, следует признавать только материальную вещь, в связи с которой или по поводу которой совершается преступление [5, с. 65; 6, с. 25].

Имущество как предмет посягательств на собственность, во-первых, по своим физическим свойствам воплощено в различных вещах и предметах, которые могут находиться в любом физическом состоянии и быть одушевленными и неодушевленными [6, с. 25].

Имущество как предмет преступлений против собственности традиционно – это вещественный предмет, являющийся результатом человеческого труда, приобретший стоимость, выраженную в цене, и способный удовлетворять потребности человека. Имущество (какой-либо товар, вещь или денежные знаки) имеет определенную натуральную (физическую) субстанцию: это всегда чувственно осязаемый предмет материального мира [7, с. 5].

Право на имущество как предмет преступления в качестве исключения предусмотрено в составах мошенничества и вымогательства. Однако считается, что право на имущество само по себе существовать не может и обязательно закреплено в конкретных материальных носителях (документарных ценных бумагах и т.п.), которые и считаются предметом преступления против собственности. Именно поэтому посягательство на бездокументарные ценные бумаги квалифицируется не как преступление против собственности (хищение), а как иное преступление в сфере экономической деятельности – нарушение порядка учета прав на ценные бумаги (ст. 185² УК РФ).

Такая концепция во многом опирается на учение Ф. Энгельса, который утверждал, что отношения собственности «всегда связаны с вещами и проявляются как вещи» [8, с. 498].

Материалистические представления о сущности предмета хищения сложились достаточно давно. Так, И.Я. Фойницкий отмечал, что имущество как предмет хищения со стороны физической должно быть вещественным (телесным) предметом материального, вещного по отношению к человеку мира, доступным благодаря осязаемости чувственному восприятию, при этом не имеет никакого значения, действию каких именно чувств подвластна та или иная вещь, хотя обыкновенно она есть предмет осязаемый, который можно взять руками, захватить [9, с. 162].

Такая практика определения предмета хищения, существовавшая в дореволюционный и советский периоды, в неизменном виде применяется и современным правоприменителем при квалификации данных преступлений.

Однако современное существование и развитие рыночных отношений в условиях построения информационного общества, насущная практика требуют пересмотра таких взглядов. Существенное отличие типов экономического порядка охватывает и сферу имущественных отношений. Поэтому понимание предмета хищения сугубо как материальных ценностей, вещей устарело и не соответствует современным реалиям развития рыночных отношений в информационном обществе.

Современные имущественные отношения выходят за рамки традиционных вещных отношений и переходят в иные, нематериальные сферы (финансовый капитал, акции, бездокументарные ценные бумаги), в высокотехнологичные сферы, связанные с использованием Интернета (интернет-имущество, интернет-деньги, интернет-сайты, программное обеспечение и т.п.), сферу электронных технологий (электронная коммерция), имущественных прав, информации и др.

Таким образом, нынешняя уголовно-правовая доктрина восприняла цивилистическое понятие имущества (при определении предмета преступлений против собственности, хищений) в узком смысле, в смысле вещей. Это стало следствием исторического решения данного вопроса, поскольку ущерб от преступления против собственности всегда связывался с уменьшением объема наличного имущества (имущественных фондов) потерпевшего – утратой вещи (по принципу «положил вещь в мешок и унес»).

Как мы указывали выше, понятие имущества в широком его смысле (на основании ст. 128 ГК РФ) включает еще имущественные права (права требования) и иное имущество, которые в условиях бурно развивающихся современных имущественных отношений становятся все более значимыми. В условиях рынка не только вещи участвуют в имущественных отношениях и способны приносить прибыль, но и иное имущество, в том числе имущественные права.

Поэтому возникает вопрос о признании данных благ наряду с вещами предметом преступлений против собственности. На наш взгляд, противоправное завладение данными благами, не являющимися вещами, но причиняющими имущественный ущерб потерпевшему, можно рассматривать как предмет преступлений против собственности, хищений.

Такой вид имущества, как безналичные деньги в виде средств на банковских счетах и в банковских вкладах, которые не относятся к вещам, а являются имущественными правами, уже признаются современной судебной практикой предметом хищений.

Так, в соответствии с п. 12 постановления от 27 декабря 2007 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» как мошенничество квалифицируется безвозмездное обращение лицом в свою пользу или пользу других лиц денежных средств, находящихся на счетах в банках, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием (например, путем представления в банк поддельных платежных поручений); в этом случае преступление следует считать оконченным с момента зачисления денежных средств на счет лица, которое путем обмана или злоупотребления доверием изъяло эти средства со счета владельца, либо на счета других лиц, на которые похищенные средства поступили в результате преступных действий виновного.

Таким образом, если имущественные права в виде безналичных денег признаются предметом хищения, как и традиционные вещи, то и иные имущественные права можно признать предметом хищения.

Так, современная судебная практика признает в качестве предмета хищения различные платежные карты, в том числе и предоплаченные карты. В современном имущественном обороте используются различные платежные карты – предоплаченные карты или карты с фиксированной покупательной способностью (store value cards). Данные карты («таксофонные», «парковочные», «топливные», «проездные», «гостиничные», «экспресс-оплаты Интернета» и т.п.) имеют локальное применение, т.е. имеют сферу применения в рамках услуг одного эмитента.

Однако представлены данные карты могут быть не только в вещном виде, но и в электронном – в виде сведений (информации), хранящихся в памяти мобильного телефона, компьютера или другого высокотехнологического электронного устройства.

Возникает вопрос о признании таких электронных предоплаченных карт предметом хищения. Для его решения первоначально необходимо произвести отличие предмета преступления от орудий и средств его совершения.

Предмет преступления следует отличать от орудий и средств совершения преступления, т.к. одна и та же вещь может быть и предметом, и орудием или средством совершения преступления (например, автомобиль можно похитить, на машине можно вывезти похищенное, а также с помощью автомобиля можно совершить убийство – умышленный наезд на пешехода).

Предмет – это то, что подвергается преступному воздействию для нанесения вреда объекту

посягательства, т.е. посредством воздействия на предмет преступления причиняется вред общественным отношениям; орудия и средства – то, при помощи (посредством) чего преступление совершается. Орудия и средства выступают инструментом, который используется виновным для совершения преступления, для воздействия на предмет посягательства (например, принтер для печатания фальшивых денег, компьютер для хищения безналичных средств, информации и т.д.).

Предмет преступления всегда связан с общественными отношениями, является выражением данных общественных отношений. Орудия и средства совершения преступления такой связи с общественными отношениями, на которые происходит посягательство, не имеют. Например, при хищении огнестрельного оружия нарушаются общественные отношения собственности, если с использованием оружия совершается разбойное нападение, ружье как орудие совершения преступления связи с отношениями собственности не затрагивает.

В юридической литературе выделяют три основных критерия отграничения предмета преступления от орудий и средств совершения преступления. Во-первых, предмет преступления подвергается преступному воздействию со стороны виновного, в том числе воздействию с использованием орудий и средств совершения преступления, в то время как орудия и средства совершения преступления не могут подвергаться воздействию с использованием предмета преступления. Во-вторых, предмет преступления может находиться в объективной взаимосвязи с нарушаемым преступлением благом, орудия и средства совершения преступления в такой взаимосвязи не находятся. В-третьих, предмет преступления включается в составы преступлений с любыми формами вины, орудия и средства совершения преступления – только в составы с умышленной формой вины [10, с. 9].

Таким образом, предмет преступлений против собственности – это конкретные блага, которые связаны с теми или иными общественными отношениями, порождают их, являются выражением данных общественных отношений и в результате посягательства причиняют вред этим общественным отношениям.

Таким образом, сами предоплаченные карты как материальный носитель (кусочек картона, пластика) вряд ли следует признавать предметом преступления. Их следует называть орудием или средством совершения преступления, при помощи которых происходит завладение хранящимися на них благами.

Эти карты имеют определенный фиксированный номинал, выраженный в «условных единицах», которые расположены на различных магнитных носителях. По мере осуществления каких-либо операций (например, разговора по таксофону, заправки топливом, пользования дополнительными услугами гостиницы, пользования Интернетом, услугами мобильной связи и др.) их расчетная способность уменьшается – с карты списываются предоплаченные ранее условные единицы в установленном эмитентом эквиваленте в отношении оказанной услуги или предоставленного товара.

К примеру, Министерство путей сообщения РФ в 2000 г. ввело в оборот унифицированные пластиковые смарт-карты, которые использовались в качестве универсального платежно-расчетного документа для безналичной оплаты любого вида услуг, предоставляемых отечественным железнодорожным транспортом (проезд на пригородных поездах, метро; пользование торговыми автоматами, справочными терминалами, камерами хранения и др.) [11, с. 34]. Аналогичные транспортные карты используются и сегодня. Так, в Москве введены единые карты оплаты услуг общественного транспорта.

В соответствии с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 1980 г. № 6 (в редакции от 6 февраля 2007 г.) «О практике применения судами Российской Федерации законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте» разъясняется, что действия лиц, совершивших хищение талонов на горючее и смазочные материалы, которые непосредственно дают право на получение имущества, а равно хищение абонементных книжек, проездных и единых билетов на право проезда в метро и на других видах городского транспорта, находящихся в обращении как документы, удостоверяющие оплату транспортных услуг, независимо от использования похищенных знаков по назначению или сбыта их другим лицам должны квалифицироваться как оконченное преступление [12].

Вышеназванные документы также являются правом на имущество, которое и следует признавать предметом хищения. При хищении предоплаченных одноцелевых карт, таких как подарочная карта, топливная карта, телефонная карта, интернет-карта и т.д., предметом хищения являются имущественные права. Тем более, что все чаще данные имущественные права, сведения о них отражаются не только на материальных (бумажных, пластиковых и т.п.) носителях, а в электронном виде путем хранения информации на различных элек-

тронных носителях (например, электронные билеты).

Все дело в том, что использование такого платежного инструмента не означает осуществления нового платежа. Реальный платеж осуществляется в момент покупки или пополнения такой карты. Ее использование не порождает новых денежных потоков и является простым обменом информации о потребленных товарах или услугах. Поэтому противоправное использование таких карт (хищение) не означает посяательства на деньги.

Таксофонные карты, интернет-карты, карты на определенное количество поездок в метрополитене не предназначены для расчетов, а удостоверяют право их владельцев (т.е. имущественные права – А.Ш.) на пользование заранее оплаченными услугами [13, с. 65].

Таким образом, вышеназванные карты могут быть лишены вещного, материального признака (могут быть представлены в электронном виде) и не являются деньгами.

В уголовно-правовой литературе существуют споры об отнесении различных пластиковых карт к ценным бумагам. Иногда их называют «денежными суррогатами», «суррогатами валюты», «особой разновидностью ценных бумаг» и т.п. [14, с. 334–335].

Это ошибочное мнение. В соответствии со ст. 143 ГК РФ, которая называет виды ценных бумаг, пластиковые карты прямо не указаны в качестве таковых. В соответствии с данной нормой гражданского закона к числу ценных бумаг могут быть отнесены и другие документы, но только если об этом будет сказано в специально принятых законах о ценных бумагах. Так, в комментарии к ГК РФ указано: «...новые разновидности ценных бумаг могут быть отнесены к их числу только по прямому указанию законов (а не других правовых актов – указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, актов министерств и ведомств) или в установленном ими порядке» [15, с. 369].

Однако оборот пластиковых карт в России остается до настоящего времени не урегулированным на законодательном уровне.

Поэтому мы полностью солидарны с мнением Н.Ф. Кузнецовой, о том, что пластиковая карта не является ценной бумагой, но обладает ее свойствами удостоверить, устанавливать или предоставлять имущественные права либо удостоверить или устанавливать такие же обязанности [16, с. 443].

Следовательно, вышеназванные нами нематериальные (бестелесные) ценности нельзя относить ни к вещам, ни к деньгам, ни к ценным

бумагам в истинном смысле этого слова. Остается только один вывод: предметом хищения при посягательствах на данные блага является «иное имущество» или «имущественные права».

В связи с этим, возникает вывод о том, что имущество как предмет хищения в рамках гл. 21 УК РФ следует толковать в широком смысле. Материальный (вещный) признак предмета хищения в условиях современного общества нельзя считать обязательным. В условиях современного общества предметом хищений следует признавать не только вещи, наличные

деньги и документарные ценные бумаги, но и иное имущество, в том числе имущественные права.

Имущественные права (требования) как предмет преступлений против собственности, хищений – это сведения (информация) об объеме принадлежащих лицу прав (требований) по владению, пользованию и (или) распоряжению имуществом, выполнению работ или оказанию услуг, имеющие определенную стоимость и, в случае противоправного завладения ими, причиняющие ущерб данному лицу.

1. Курс уголовного права. Особенная часть: учеб. для вузов / под. ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М., 2001. Т. 3.

2. Аполинская Н.В. Определение вещи как объекта гражданского права Российской Федерации // Сибир. юрид. вестн. 2002. № 1.

3. Аверченко Н.Н. Понятие и признаки вещи как объекта гражданских прав // Журнал российского права. 2004. № 5.

4. Аверченко Н.Н. Соотношение термина «вещь» и смежных понятий в гражданском праве // Юрист. 2003. № 11.

5. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. М., 1997.

6. Шевцов Ю.Л. К вопросу об объекте вымогательства // Право и демократия. Минск, 1997. Вып. 4.

7. Ляпунов Ю.И. Ответственность за вымогательство // Законность. 1997. № 4.

8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13.

9. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. 4-е изд. СПб., 1901.

10. Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.

11. Вехов В.Б. Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием пластиковых карт и их реквизитов. Волгоград, 2005.

12. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РФ 1961–1993. М., 1994.

13. Волженкина В., Строянкова К. К вопросу о квалификации деяний, связанных с подделкой банковских карт // Уголовное право. 2009. № 1.

14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. 2-е изд., изм. и доп. М., 1998.

1. The course of the criminal law. The special part: textbook for higher educational institutes / ed. by G.N. Borzenkov and V.S. Komissarov. Moscow, 2001. Vol. 3.

2. Apolinskaya N.V. Determination of thing as the object of civil law of the Russian Federation // Siberian juridical bull. 2002. № 1.

3. Averchenko N.N. Definition and characteristics of thing as objects of civil rights // Journal of Russian law. 2004. № 5.

4. Averchenko N.N. The ratio of the term «thing» and related concepts in the civil law // Lawyer. 2003. № 11.

5. Gaukhman L.D., Maksimov S.V. Responsibility for crimes against property. Moscow, 1997.

6. Shevtsov Yu.L. To a question about the object of extortion // Law and democracy. Minsk, 1997. Iss. 4.

7. Lyapunov Yu.I. Responsibility for extortion // Legality. 1997. № 4.

8. Marks K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 13.

9. Foinitsky I.Ya. The course of the criminal law. The special part. Violations of personal and property. 4th ed. St. Petersburg, 1901.

10. Bikmurzin M.P. Subject of crime: theoretical and legal analysis: auth. abstr. ... Master of Law. Saratov, 2005.

11. Vekhov V.B. Features of investigation of crimes committed with the use of plastic cards and their details. Volgograd, 2005.

12. Collection of resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 1961–1993. Moscow, 1994.

13. Volzhenskina V., Stroyankova K. To a question about qualification of acts related to the forgery of bank cards // Criminal law. 2009. № 1.

14. Commentary to the Criminal code of the Russian Federation / gen. ed. by Yu.I. Skuratov, V.M. Lebedev. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 1998.

15. *Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / отв. ред. О.Н. Садилов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003.*

16. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 1998.*

15. *Commentary to the Civil code of the Russian Federation, the first part (itemized) / resp. ed. O.N. Sadikov. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2003.*

16. *Commentary to the Criminal code of the Russian Federation / ed. by N.F. Kuznetsova. Moscow, 1998.*

Вдовиченко Ксения Геннадьевна
преподаватель кафедры уголовного права
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университета правосудия
(тел.: +78612584050)

Актуальные вопросы квалификации массовых беспорядков

В статье рассматриваются особенности квалификации преступления, предусмотренного ст. 212 УК РФ.

Ключевые слова: преступление, ответственность, квалификация, свобода собраний, беспорядки.

K.G. Vdovichenko, Teacher of a Chair of Criminal Law of the North Caucasian branch of the Russian State University of Justice; tel.: +78612584050.

Topical issues of mass riots qualification

The article discusses the peculiarities of the qualification of crimes under art. 212 of the Criminal code of the Russian Federation.

Key words: crime, responsibility, qualification, freedom of assembly, rioting.

Вследствие сложносоставного характера общественно опасного деяния в виде массовых беспорядков одним из узловых вопросов квалификации данного преступления является проблема уголовно-правовой оценки способов совершения массовых беспорядков. Способы совершения массовых беспорядков, взятые в отдельности, могут образовывать самостоятельные составы преступлений.

Насилие, погромы, поджоги, уничтожение имущества, применение огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказание вооруженного сопротивления представителю власти признаны в УК РФ криминальными деяниями. В этой связи перед правоприменителем стоит задача определения достаточности квалификации содеянного только по ст. 212 УК РФ либо необходимости применения по совокупности соответствующих норм уголовного закона.

В юридической литературе высказана позиция, согласно которой составом массовых беспорядков охватываются без дополнительной квалификации преступления, предусмотренные ст. 116, 115, 112, ч. 1 ст. 111, ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 132, ч. 1 ст. 318 УК РФ [1, с. 37].

Результаты проведенного нами исследования позволяют высказать определенные возражения. В первую очередь, обратим внимание на нормы о половых преступлениях. Конечно же, в ходе массовых беспорядков могут совершаться

изнасилования, насильственные действия сексуального характера. Однако какие-либо основания для неприменения в этих случаях ст. 131 либо ст. 132 УК РФ отсутствуют. Составом массовых беспорядков данные преступления не охватываются, поскольку они не упоминаются в диспозиции ч. 1 ст. 212 УК РФ. Изнасилование и насильственные действия сексуального характера не подпадают под признаки насилия. Последнее выступает не более чем способом совершения названных половых преступлений.

Сомнительным представляется и утверждение о том, что применение насилия в отношении представителя власти в ходе массовых беспорядков не требует дополнительной квалификации по ст. 318 УК РФ. В диспозиции ч. 1 ст. 212 УК РФ имеется ссылка на оказание вооруженного сопротивления представителю власти, но это не означает, что фактическое применение насилия в отношении таких лиц не нуждается в дополнительной квалификации.

Подтверждением сказанному может служить и разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, данное применительно к подобной ситуации при совершении хулиганства. Высшей судебной инстанцией РФ указано, что хулиганские действия, связанные с сопротивлением представителю власти, в ходе которого применено насилие, как неопасное, так и опасное для жизни и здоровья, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 213 УК РФ и соответствующей частью ст. 318 УК РФ [2].

О необходимости применения ст. 318 УК РФ в случае применения насилия в отношении представителя власти в ходе массовых беспорядков свидетельствуют и данные проведенного нами опроса практикующих юристов. Такое мнение высказали 74% респондентов.

Таким образом, составом массовых беспорядков не охватываются факты совершенных в ходе такого преступления общественно опасных деяний в виде изнасилования, насильственных действий сексуального характера, а также применения насилия в отношении представителя власти. Наличие признаков последних требует квалификации по совокупности ст. 212 и ст. 131, 132 либо ст. 318 УК РФ соответственно.

Что же касается преступлений против здоровья человека, то здесь необходимо руководствоваться результатами сопоставительного анализа санкций, предусмотренных за совершение соответствующих преступлений. При этом таковой показывает, что составами преступлений, предусмотренными ч. 1 и 2 ст. 212 УК РФ, охватываются умышленно причиненный средней тяжести, легкий вред здоровью и побои. Причинение тяжкого вреда здоровью требует дополнительной квалификации по ст. 111 УК РФ.

Следует отметить, что уничтожение и повреждение имущества в ходе массовых беспорядков также охватывается составом массовых беспорядков. Данный вывод основывается на сравнении санкций уголовно-правовых норм, закрепленных ст. 167, 168 и 212 УК РФ. Подтверждением этому служат и результаты анализа материалов правоприменительной практики. В качестве иллюстрации приведем выдержку из приговора по уголовному делу. Ф. и Н. осуждены по ч. 1 ст. 212 УК РФ. Преступление совершено ими при следующих обстоятельствах. Реализуя свое намерение похитить имущество, используя силовое обеспечение совершения мошенничества, Ф. и Н. организовали массовые беспорядки. Ведя подготовку к хищению, захвату предприятия, осужденные предусматривали возможность нарушения общественной безопасности. Оба знали, что территория, где они намеревались проводить свои действия с участием многих людей, была как производственным, так и торговым комплексом, на котором было сосредоточено большое количество людей. Объектом действий Ф. и Н. являлись здоровье граждан, собственность. Участники захвата были экипированы спецсредствами, оружием, предметами, предназначенными для использования в качестве оружия. Умыслом осужденных охватывалось уничтожение и повреждение чужого имущества, оказание сопротивления представителям власти, причинение телесных повреждений людям.

При захвате предприятия гражданам были причинены побои и телесные повреждения, уничтожено и повреждено имущество, на восстановление которого потрачено около 11 млн рублей, повреждено, уничтожено и похищено имущество граждан, индивидуальных предпринимателей. На несколько часов была парализована деятельность «О.», индивидуальных предпринимателей.

Из протоколов осмотров административного здания видно, что первый этаж был завален сломанной мебелью, в кабинетах мебель также поломана, на полу обнаружены деревянные палки, бронежилеты, каски, взломаны сейфы и кассы, телефонные провода отсоединены, повреждены камеры видеонаблюдения.

Ф. организовал совершение массовых беспорядков, поручив участникам организованной группы выполнять действия для достижения поставленной им задачи, финансировал подготовку совершения преступлений. Для доставки людей в количестве 250–300 человек по распоряжению Ф. были заказаны автобусы, была привезена форма СОБРа, каски, бронежилеты, щиты, чтобы ворваться на «О.» под видом милиции, указание на это также дал Ф., он же для этого выделил 100 тыс. рублей.

Что касается действий Н., то он принимал непосредственное участие на всех этапах массовых беспорядков: приобретал в этих целях обмундирование, предметы для погромов, привлекал людей, инструктировал старших по группам, обеспечивал доставку участников массовых беспорядков к месту сбора и на территорию «О.», направлял действия групп на территории предприятия при его захвате, руководил людьми непосредственно в ходе массовых беспорядков, используя средства связи. Информировал обо всем Ф., получал от него указания и передавал их исполнителям.

Действия лиц по захвату предприятия были пресечены сотрудниками милиции и ОМОНа [3].

Помимо того, что изложенный пример наглядно демонстрирует объем вреда, охватываемого составом массовых беспорядков, он обуславливает необходимость рассмотрения вопросов квалификации действий различных участников массовых беспорядков. Прежде всего, стоит подчеркнуть, что действия лица, организовавшего массовые беспорядки и непосредственно участвовавшего в них, подлежат квалификации только по ч. 1 ст. 212 УК РФ. В таком случае ч. 2 ст. 212 УК РФ применению не подлежит.

Вместе с тем, правоприменитель сталкивается и с проблемой уголовно-правовой оценки других соучастников преступления при совершении массовых беспорядков. По мнению

А.З. Ильясова, «массовые беспорядки совершаются в форме соисполнительства, поэтому отсутствует столь значимое при квалификации действий разделение ролей на исполнителей, подстрекателей, пособников, организаторов» [4, с. 53]. Вместе с тем, автор отмечает, что «лица, которые непосредственно не участвовали в совершении погромов, разрушений, поджогов и других действий, но своими действиями способствовали их совершению (к примеру: предоставлением транспортных средств, укрытием предметов и орудий преступления, сообщением сведений об объектах посягательства и т.п.) либо склоняли отдельных граждан к участию в массовых беспорядках, должны признаваться пособниками либо подстрекателями массовых беспорядков» [4, с. 62].

По нашему мнению, данные разъяснения заслуживают поддержки.

Квалификация массовых беспорядков в ряде случаев предполагает разграничение этого преступления с составом хулиганства. Практике известны ситуации, когда содеянное лицом одновременно подпадает под признаки и массовых беспорядков и хулиганства. Однако совокупность преступлений здесь будет отсутствовать. Имеются основания утверждать, что уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 212 и 213 УК РФ, находятся в отношениях конкуренции. При этом норма об ответственности за массовые беспорядки является специальной, поскольку с наибольшей полнотой охватывает содеянное. Специализация данной нормы основывается, главным образом, на признаках объективной стороны состава преступления. При совершении преступления,

закрепленного ст. 212 УК РФ, общественный порядок нарушается совместными действиями значительного количества человек. Причем это количество должно образовывать толпу, массу людей. Кроме того, в ст. 212 УК РФ уточнены, по сравнению со ст. 213 УК РФ, способы совершения преступления.

Определенной спецификой обладают вопросы квалификации призывов к насилию над гражданами (ч. 3 ст. 212 УК РФ). Дело в том, что действующим отечественным уголовным законодательством в ряде норм также предусматривается ответственность за подобные призывы. Так, ст. 205² УК РФ установлена ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности; ст. 280 УК РФ – за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. В обоих случаях могут подразумеваться, в том числе, призывы к насилию над гражданами.

Между тем, при квалификации содеянного в подобных ситуациях необходимо учитывать, что в ч. 3 ст. 212 УК РФ не конкретизировано, призывы к каким именно преступлениям могут быть квалифицированы по этой норме уголовного закона. В свою очередь, в нормах, закрепленных ст. 205² и 280 УК РФ, прямо охарактеризована деятельность, которая может подразумевать, в том числе, применение насилия над гражданами, – террористическая и экстремистская деятельность. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что в ситуациях, когда содеянное лицом одновременно подпадает под признаки составов преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 212 и ст. 205² либо ст. 280 УК РФ, применению подлежат последние нормы, как более специальные по отношению к ч. 3 ст. 212 УК РФ.

1. Багмет А.М., Бычков В.В. Уголовно-правовая характеристика массовых беспорядков. М., 2009.

2. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 нояб. 2007 г. № 45 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2008. № 1.

3. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 авг. 2008 г. № 45-О08-50 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2009. № 11.

4. Ильясов А.З. Уголовно-правовые и криминологические проблемы массовых беспорядков: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 1999.

1. Bagmet A.M., Bychkov V.V. Criminal-legal characteristic of the mass riots. Moscow, 2009.

2. On judicial practice on criminal cases of vandalism and other crimes committed an act of hooliganism: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Nov. 15, 2007 № 45 // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2008. № 1.

3. The determination of Judicial Board on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation of Aug. 4, 2008 № 45-О08-50 // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2009. № 11.

4. Ilyasov A.H. Criminal-legal and criminological problems of mass riots: diss. ... Master of Law. Makhachkala, 1999.

Петухов Евгений Владимирович
адъюнкт кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612584050)

Особенности квалификации незаконного использования документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица

В статье рассматриваются проблемные аспекты квалификации преступления, предусмотренного ст. 173² УК РФ.

Ключевые слова: преступление, ответственность, предпринимательство, юридическое лицо, лжепредпринимательство.

E.V. Petuhov, Adjunct of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612584050.

Features of qualifications of illegal use of documents for formation (creation, reorganization) legal entity

The article deals with the problematic aspects of the offense under art. 173² of the Criminal code of the Russian Federation.

Key words: crime, responsibility, entrepreneurship, legal entity, lie-entrepreneurship.

Появление в российском уголовном законодательстве новых предписаний неизбежно предопределяет вопросы наработки судебной практики, учитывающей, в том числе, и теоретические рекомендации в этой сфере. Не является исключением в данном контексте и уголовно-правовая норма об ответственности за незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица (ст. 173² УК РФ).

Прежде всего, необходимо отметить, что в уголовно-правовой науке усмотрели в этой норме признаки приготовления к незаконному образованию (созданию, реорганизации) юридического лица (ст. 173¹ УК РФ). Как пишет Л.Д. Ермакова о преступлении, закрепленном ст. 173² УК РФ, «по существу это создание условий для совершения преступления, предусмотренного ст. 173¹ УК РФ, в результате усилий разных лиц: одни приискивают средства совершения преступления, т.е. совершают приготовительные действия (см. ч. 1 ст. 30 УК), другие содействуют его совершению путем предоставления этих средств (см. ч. 5 ст. 33 УК)» [1, с. 411].

Однако, на наш взгляд, подобного рода утверждения могут быть подвергнуты определенной критике. Дело в том, что состав незаконного образования (создания, реорганизации) юриди-

ческого лица налицо только в том случае, когда имеет место использование подставных лиц. В силу примечания к ст. 173¹ УК РФ под подставными лицами понимаются лица, являющиеся учредителями (участниками) юридического лица или органами управления юридического лица, путем введения в заблуждение которых было образовано (создано, реорганизовано) юридическое лицо. То есть обязательным условием ответственности выступает заблуждение соответствующего лица, очевидно вызванное обманом или злоупотреблением доверия.

В то же время незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица может характеризоваться такими способами совершения преступления, как обман или злоупотребление доверием, лишь в ситуации завладения документом, удостоверяющим личность, указанными способами. При этом даже приобретение документа, удостоверяющего личность, в преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 173² УК РФ, может выражаться в его получении на возмездной или безвозмездной основе, присвоении найденного или похищенного документа, удостоверяющего личность (примечание к ст. 173² УК РФ). А преступление, установленное ч. 1 ст. 173² УК РФ, вообще не предполагает факта заблуждения

лица. Обосновывается это тем, что предоставление документа, удостоверяющего личность, или выдача доверенности, если эти действия совершены для образования (создания, реорганизации) юридического лица в целях совершения одного или нескольких преступлений, связанных с финансовыми операциями либо сделками с денежными средствами или иным имуществом, не допускает возможность осуществления таких действий в результате заблуждения. Здесь прямо указывается на цели использования документа, удостоверяющего личность.

Следовательно, введение в заблуждение обладателей необходимых документов не является обязательным условием применения ст. 173² УК РФ, тогда как для наличия состава преступления, регламентированного ст. 173¹ УК РФ, это неотъемлемое условие.

На основании изложенного необходимо сделать вывод о том, что преступление, предусмотренное ст. 173² УК РФ, может рассматриваться как подготовка к незаконному образованию (созданию, реорганизации) юридического лица только в случае приобретения документа, удостоверяющего личность, или использования персональных данных путем введения в заблуждение обладателя такого документа или персональных данных.

Вместе с тем, даже в этой ситуации незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица не может расцениваться в качестве приготовления к совершению преступления, закрепленного ст. 173¹ УК РФ. При наличии признаков обозначенных деяний содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений. А в случае, если умысел на незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица не будет реализован по не зависящим от лица обстоятельствам, содеянное образует признаки лишь состава незаконного использования документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица. Вопрос о применении нормы об ответственности за приготовление к совершению преступления, запрещенного ст. 173¹ УК РФ, является неактуальным ввиду того, что оно не относится к категории тяжких или особо тяжких, поэтому приготовление к нему не является наказуемым (ч. 2 ст. 30 УК РФ).

Данное квалификационное решение обосновывается тем, что уголовно-правовые запреты, сформулированные в ст. 173¹ и 173² УК РФ, обладают самостоятельным характером.

Н.Е. Крылова и Б.М. Леонтьев отмечают, что «в случае, если юридическое лицо создается для совершения тяжких или особо тяжких пре-

ступлений финансовой направленности, содеянное, при условии прерванности деяния по не зависящим от виновных лиц обстоятельствам, следует дополнительно квалифицировать как приготовление к соответствующему тяжкому или особо тяжкому преступлению» [2, с. 103]. Авторы полагают, что, например, в ситуациях, когда юридическое лицо создается для легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем, «при наличии квалифицирующих обстоятельств, предусмотренных ч. 3 или 4 ст. 174 УК (групповое совершение преступления или использование служебного положения), уголовная ответственность наступает не только за незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица, но и за приготовление к легализации денежных средств или иного имущества (ч. 1 ст. 30, ч. 3 или ч. 4 ст. 174 УК)» [2, с. 103]. Рассуждения о том, что, по сути, деяние, запрещенное ст. 173² УК РФ, представляет собой приготовление к совершению иного преступления, поддерживаются многими специалистами [3, с. 89].

По нашему мнению, такое утверждение в целом заслуживает поддержки. Несмотря на то, что в диспозициях ч. 1 и 2 ст. 173² УК РФ указывается на цель совершения одного или нескольких преступлений, связанных с финансовыми операциями либо сделками с денежными средствами или иным имуществом, исследуемое преступление недопустимо оценивать в качестве приготовления к совершению иного преступления. В силу буквального толкования положений уголовного закона об ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем (ст. 174, 174¹ УК РФ), этими нормами не охватывается факт незаконного использования документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица.

Деяния, описанные в ст. 173² УК РФ, характеризуются весьма значительной отдаленностью от поведения в виде легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, хотя в определенной степени они и создают условия для совершения второго преступления. Однако такая их отдаленность не позволяет давать им оценку как приготовлению к совершению преступления, предусмотренного ст. 174 (174¹) УК РФ.

Проведенный нами анализ материалов правоприменительной практики обуславливает необходимость рассмотрения вопроса о разграничении незаконного использования документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица с преступлениями

в виде приобретения или сбыта официальных документов (ст. 324 УК РФ) и похищения или повреждения документов (ст. 325 УК РФ).

Сопоставительный анализ норм об ответственности за незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица и за похищение или повреждение документов показывает, что эти нормы не являются конкурирующими. В примечании к ст. 173² УК РФ отмечается то обстоятельство, что предметом этого преступления может быть похищенный документ, но специально оговаривается факт его присвоения. Имеются основания полагать, что законодатель тем самым провел разграничительную линию, которая показывает что составом преступления, предусмотренным ст. 173² УК РФ, не охватывается факт похищения документа. В этой связи при наличии признаков обозначенных преступлений содеянное подлежит квалификации по совокупности ч. 2 ст. 173² и ст. 325 УК РФ.

Что же касается нормы об ответственности за приобретение или сбыт официальных доку-

ментов, то она находится в отношениях конкуренции со ст. 173² УК РФ. При этом последняя норма является специальной по отношению к ст. 324 УК РФ, поскольку, во-первых, в ней ограничивается круг возможных документов – исключительно документы, удостоверяющие личность. А во-вторых, состав преступления, регламентированный ст. 173² УК РФ, характеризуется специальной целью – совершение одного или нескольких преступлений, связанных с финансовыми операциями либо сделками с денежными средствами или иным имуществом.

Таким образом, при решении вопроса о разграничении преступлений, предусмотренных ст. 173² и ст. 324 УК РФ, стоит учитывать, что данные нормы находятся в отношениях конкуренции. При этом норма об ответственности за незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица является специальной по отношению к ст. 324 УК РФ и подлежащей в таком случае применению (ч. 3 ст. 17 УК РФ).

1. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. 9-е изд., перераб. и доп. М., 2013.*

2. Крылова Н.Е., Леонтьев Б.М. *Преступления в сфере экономической деятельности: Программа, лекции спецкурса, материалы судебной практики: учеб. пособие. М., 2012.*

3. Садуллаева А.А. *Уголовно-правовое противодействие «фирмам-однодневкам» в экономическом обороте // Юрид. вестн. ДГУ. 2013. № 1.*

1. *Commentary to the Criminal code of the Russian Federation / resp. ed. A.I. Rarog. 9th ed., rev. and add. Moscow, 2013.*

2. Krylova N.E., Leontyev B.M. *Crimes in the sphere of economic activity: The program, special course lectures, materials of jurisprudence: study aid. Moscow, 2012.*

3. Sadullaeva A.A. *Criminal and legal counteraction to «one-day firms» in economic turnover // Juridical bull. of DSU. 2013. № 1.*

Улезько Сергей Иванович
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры криминологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612585106)

Проблемы криминологической оценки воздействия экономических факторов преступности на интенсивность экстремистских проявлений в современной России

В статье выделены основные экономические элементы причинного комплекса преступности экстремистской направленности и проведен анализ степени их воздействия на криминогенную ситуацию в рассматриваемой сфере общественных отношений, связанных с предупредительной деятельностью общества и государства.

Ключевые слова: экстремистские преступления, факторы преступности, экономические детерминанты преступности экстремистской направленности, экономические инструменты профилактики экстремизма.

S.I. Ulezko, Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612585106.

Problems of criminological impact assessment economic factors of crime on the intensity of the manifestations of extremism in modern Russia

The article highlights main economic elements of the causal complex crime extremist and analyzes their impact on the crime situation in this sphere of social relations associated with the preventive activities of the society and the state.

Key words: extremist crimes, factors of crime, economic determinants of crime of extremist orientation, economic tools for the prevention of extremism.

Преступления экстремистской направленности в современной России рассматриваются как один из наиболее опасных видов криминальной деятельности, влекущих за собой значительные и далеко идущие последствия, отличающиеся исключительной сложностью и системными угрозами национальной безопасности нашего государства. Неслучайно указанной проблеме уделено особое внимание в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г., утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537, где прямо указано, что в ближайшем будущем страну ждет эскалация националистических настроений, ксенофобии, сепаратизма и насильственного экстремизма, в том числе под лозунгами религиозного радикализма.

Экстремистская деятельность признана одной из основных угроз национальной без-

опасности наряду с такими явлениями, как терроризм, организованная преступность, наркотизация населения, незаконный оборот оружия, коррупция. В связи с этим отмечается необходимость постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, радикализма и экстремизма [1]. Усугубляет ситуацию то обстоятельство, что экстремистские проявления давно уже приобрели транснациональный характер, обусловленный ростом числа международных террористических и экстремистских организаций, зачастую являющихся инструментами противостояния различных государств и военно-политических блоков, использующих это зло для разрушения конкурирующих идеологических и общественно-политических сообществ. Катастрофические результаты этой деятельности мы

наблюдаем на большинстве континентов нашей планеты.

Рассмотрение причинного комплекса преступности в целом и отдельных ее видов в криминологической науке традиционно начинается с оценки экономического состояния общества. Противоречивость и кризисные процессы в экономических отношениях порождают в большинстве случаев преступность как логический результат отсутствия социально-экономической стабильности. Не является исключением и экстремизм. Несмотря на бросающиеся в глаза политические, этнические, религиозные, идеологические корни экстремистской деятельности, тщательное рассмотрение комплекса детерминант исследуемого вида преступности неизбежно приводит к выводу о главенстве экономического фактора формирования мотивации преступного поведения экстремистов, вне зависимости от пропагандируемых целей их действий, будь то борьба за торжество национальной идеи или защита чистоты религиозных устоев.

Учитывая изложенное выше, хотелось бы кратко охарактеризовать взаимосвязь экономических факторов с состоянием криминогенной ситуации в сфере развития экстремистских проявлений в современном российском обществе. Анализ динамики абсолютных показателей преступности за последние 7 лет, начиная с пикового значения 2006 г., позволяет выявить достаточно устойчивую тенденцию снижения уровня преступности в Российской Федерации в целом и по наиболее значимым ее составляющим. Однако структурное соотношение посягательств на наиболее важные для стабильного развития государства общественные отношения не оставляет места для оптимистических прогнозов развития ситуации. Удельный вес корыстной и насильственной преступности остается стабильно высоким, причем последний характеризуется незначительным, но постоянным ростом. Аналогичная ситуация складывается в динамике преступлений экстремистской направленности. Абсолютный ее показатель в 2010 г. почти в три раза превысил значение 2006 г., после чего наблюдается некоторое снижение, но за последние три года ощутимых изменений не регистрировалось [2]. Данное обстоятельство требует тщательного изучения с целью выявления взаимосвязей и зависимостей развития экстремизма с другими явлениями и процессами, сопровождающими и характеризующими жизнь современного общества, в первую очередь с социально-экономическими отношениями. В итоге именно их оптимизация является наиболее эффективным инструментом

устранения и нейтрализации определяющих факторов преступности. С этой целью в нормативных источниках, отражающих долгосрочную стратегию развития нашего государства, формулируются приоритетные направления деятельности государственных и общественных институтов, позволяющие создать необходимую обстановку для их поступательного движения.

Одним из основных документов системы стратегического планирования в Российской Федерации является Прогноз долгосрочного социально-экономического развития на период до 2030 г. Он определяет направления и ожидаемые результаты социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в долгосрочной перспективе. Долгосрочный прогноз формирует единую платформу для разработки долгосрочных стратегий, целевых программ, а также прогнозных и плановых документов среднесрочного характера [3]. В частности, в нем указывается, что период развития России 2001–2008 г. характеризуется подъемом экономики после завершения трансформационного кризиса и восстановления после валютного и бюджетного кризиса 1998 г. Среднегодовой темп роста ВВП к 2006 г. по размеру экономики достиг уровня 1991 г., а к концу периода на 18% превысил его. Благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура позволила достичь значительного положительного сальдо платежного баланса, накопить валютные резервы. Система государственных финансов в кратчайшие сроки перешла от дефицита, неплатежеспособности, зависимости от зарубежных кредитов и огромного государственного долга к профициту, значительным объемам резервных фондов, одному из самых низких в мире уровню государственного долга. Экономический рост был поддержан ростом цен на нефть, газ и другие сырьевые товары, а также активным проведением структурных реформ и стабилизацией финансовых и экономических институтов [3]. Указанные обстоятельства определенным образом влияли на состояние и уровень преступности в Российской Федерации, были преодолены инерционные процессы, наметилась тенденция улучшения криминогенной ситуации. Вместе с тем, в настоящее время появился ряд новых и обострились уже имеющиеся кризисные явления, в первую очередь связанные с межгосударственными отношениями, где политические решения коррелируют с условиями социально-экономической жизни и влекут за собой долгосрочные изменения практически во всех сферах функционирования общества. Наиболее значимые из них отражены в прогнозной части

упоминавшейся уже Стратегии национальной безопасности РФ.

Каковы же характерные черты развития национальной экономики к настоящему моменту? Прежде всего, следует отметить сохранение относительно высокого уровня инфляции на потребительском рынке, который на протяжении большей части рассматриваемого нами периода составлял двухзначные значения. Кроме того, в условиях прогрессирующего мирового финансового кризиса практически прекратился доступ к финансовым ресурсам на внешних рынках. Более того, инвесторы массированно изымали средства с развивающихся рынков. С августа 2008 по март 2009 г. чистый отток капитала из России превысил 200 млрд долларов США. Существенно замедлился рост промышленного производства, инвестиций, строительства, а также розничного товарооборота, что привело к замедлению общеэкономической динамики. Новым фактором в 2012 г. выступили резкое замедление темпов роста импорта и значительная ориентация внутреннего спроса на отечественную продукцию, что привело к пересмотру ценовой политики в отдельных отраслях отечественного производства. В целом именно 2012 г. охарактеризовался переходом к новой, более низкой траектории экономического роста при сохранении высоких экспортных доходов и стимулирующей бюджетной политике – факторов, которые могут быть исчерпаны в ближайшем будущем [3].

В подобной ситуации политика различного рода санкций, в первую очередь экономического характера, осуществляемая в отношении Российской Федерации рядом государств, как попытка повлиять на внешнеполитические решения, принимаемые в целях защиты национальных интересов, может рассматриваться как фактор, усиливающий отрицательное влияние указанных выше явлений и процессов на благосостояние населения. Учитывая, что экономическая ситуация – инфляция, рост цен, низкая оплата труда, уровень безработицы в государстве – неизбежно оказывает влияние на мотивы поведения людей, сказывается на принятии ими решений, в том числе и преступного характера, мы можем с уверенностью говорить о развитии факторов экстремистских проявлений в России, воспроизводящих данный вид преступности [4].

Анализируя статистические данные динамики уровня безработицы в нашем государстве и сопоставляя их со значениями, характеризующими развитие экстремистских проявлений, в ряде случаев мы наблюдаем их совпадение. Например, в 2008 г. уровень роста безработицы

составил 34%, регистрируемость преступлений экстремистской направленности выросла на 29%. В 2011 г. произошел спад безработицы на 35% по сравнению с 2008 г., в то же время произошел спад зарегистрированных преступлений экстремистской направленности, и за довольно долгий период динамика стала отрицательной и составила -5,2%. К сожалению, это изменение не получило продолжения в позитивном направлении. Не стоит также забывать, что значительную часть безработных (порядка 40%) составляет молодежь в возрасте от 18 до 26 лет. Именно эта возрастная категория является наиболее подверженной влиянию экстремистских идеологий. Неслучайно для преступности экстремистской направленности наиболее активен возраст 25–30 лет.

Несмотря на комплекс социально-экономических мер, принимаемых государством в области формирования благоприятной демографической ситуации, страна переживает период ухудшения возрастного состава населения вследствие вхождения в активный репродуктивный возраст малочисленных контингентов, родившихся в экономически сложные 1990-е гг. Снижается численность населения трудоспособного возраста, к 2030 г. она прогнозируется на уровне 77,4 млн человек по сравнению с 87,5 млн человек в 2011 г. При этом численность населения старше трудоспособного возраста вырастет с 32,1 млн человек до 40,7 млн человек к 2030 г. В результате вырастет демографическая нагрузка на трудоспособное население. Если в 2011 г. на 1000 лиц трудоспособного возраста приходилось 635 нетрудоспособных, то к 2030 г. будет приходиться 831 нетрудоспособный [3].

В этих условиях возрастает роль миграции населения в формировании трудового потенциала и его размещении по территории страны. На регулирование миграционных процессов направлена Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденная Президентом РФ 8 июня 2012 г. № Пр-1490, в которой определены цели, принципы, задачи, основные направления и механизмы реализации государственной миграционной политики Российской Федерации.

Одна из основных задач указанной концепции – совершенствование миграционного законодательства в части модернизации механизма определения потребности российской экономики в иностранных работниках, упрощения порядка въезда, выезда и пребывания квалифицированных иностранных специалистов, предпринимателей и инвесторов, развития образовательной и академической миграции, совершенствования

механизма осуществления иностранными гражданами трудовой деятельности на основании патентов у российских физических лиц, содействия территориальной мобильности российских граждан.

К сожалению, современные реалии рыночных отношений в России свидетельствуют о неэффективном регулировании рассматриваемых процессов и негативном их влиянии на преступность. Низкая результативность контрольных функций государства приводит к росту числа неквалифицированных иностранных рабочих, наводнивших рынок труда, недобросовестные работодатели в целях экономии денежных средств нарушают не только миграционное, но и трудовое законодательство, игнорируя законные интересы работников, формируя значительный контингент безработных «гастарбайтеров», лишенных средств к существованию и пополняющих отечественную уголовную статистику корыстными и корыстно-насильственными преступлениями. Данное обстоятельство усиливает напряженность в обществе, питаемую этническими, конфессиональными и культурологическими конфликтами. На этом фоне растет число преступлений, совершаемых на почве национальной, религиозной, идеологической вражды и ненависти. Увеличивается уровень конфликтности в обществе, нетерпимости во взаимоотношениях между его членами.

Пытаясь переломить ситуацию, государство реформирует уголовное законодательство, ужесточая ответственность за известные преступления и криминализируя другие виды общественно опасного поведения. Так, Федеральным законом от 3 февраля 2014 г. № 5-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» ужесточены санкции целого ряда статей, предусматривающих уголовную ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности. Существенной коррекции подверглись размеры такого весьма эффективного, по мнению большинства ученых, вида наказания, как штраф: установлен минимальный штраф за публичные призывы к экстремистской деятельности в

сумме 100 тыс. руб. или в размере зарплаты (иного дохода) виновного за период от 1 года; со 100 тыс. до 300 тыс. руб. поднят минимальный штраф за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения, лицом с использованием своего служебного положения, организованной группой; за создание экстремистского сообщества предусмотрен штраф от 200 тыс. до 500 тыс. руб. (прежде закреплялся только верхний предел – 200 тыс. руб.) или в размере дохода осужденного за период от 18 мес. до 3 лет (ранее – до 18 мес.); за участие в таком сообществе – штраф до 100 тыс. руб. (до этого – до 40 тыс. руб.) или в размере дохода осужденного за период до 1 года (а не до 3 мес.). Социально-демографические исследования личности преступника-экстремиста показывают, что указанные выше размеры штрафных санкций весьма высоки для подавляющего большинства участников противоправных действий экстремистского характера, поэтому возможность достижения целей наказания в данном случае представляется нам сомнительной.

Еще один пример законодательных новелл – Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», дополнивший особенную часть УК РФ статьей, предусматривающей ответственность за предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации (ст. 282³ «Финансирование экстремистской деятельности»). В данном случае пособничество совершению преступления или приготовление к его совершению стало самостоятельным окончательным преступлением. Общая идея законодателя понятна – ужесточение уголовной ответственности за экстремистскую деятельность.

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Рос. газ. 2009. 19 мая.

2. Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. URL: www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/

1. On the National security strategy of the Russian Federation until 2020: decree of the President of the Russian Federation of May 12, 2009 № 537 // Rus. newsp. 2009. May 19.

2. Official website of the Ministry of the Interior of Russia. URL: www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/

3. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года: разработан Министерством экономического развития РФ. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 03.04.2013).

4. Криминология: учеб. / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010.

3. *The forecast long-term social economic development of the Russian Federation for the period up to 2030: developed by the Ministry of economic development of the Russian Federation.* URL: www.consultant.ru (date of access: 03.04.2013).

4. *Criminology: textbook / ed. by V.N. Kudryavtsev and V.E. Eminov. 4th ed., rev. and add. Moscow, 2010.*

Щербакова Людмила Михайловна

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(e-mail: l.scherbakova@list.ru)

Некоторые проблемы борьбы с экстремизмом и терроризмом в современных условиях

В статье рассматриваются проблемы выделения экстремизма и терроризма как объекта научного исследования, разграничения террористической и иной экстремистской преступности, анализируется законодательство, дается криминологическая характеристика преступности, на примере Северо-Кавказского региона выделяются ее особенности.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, террористические и иные экстремистские преступления, анализ, динамика, предупреждение.

L.M. Scherbakova, Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law and and Procedure of the North Caucasian Federal University; e-mail: l.scherbakova@list.ru

Some problems of combating extremism and terrorism in modern conditions

The article deals with the problems of allocation of extremism and terrorism as an object of scientific study, distinguishing terrorist and other extremist crime, legislation is analyzed, criminological characteristics of crime is given, on example of the North Caucasian region stands out its particularities.

Key words: extremism, terrorism, terrorist and other extremist crimes, analysis, dynamics, warning.

Проблема борьбы с экстремизмом и терроризмом в сущности не нова. Как социально-политические явления и общественно опасные деяния, экстремизм и терроризм давно выступают объектами многочисленных научных исследований, проводимых философами, политологами, психологами, юристами и другими специалистами. Анализ литературных источников показывает следующее.

По-разному решаются вопросы: что такое терроризм (лат. *terror* – страх, ужас) – вид насилия или идеология? Если вид насилия, то в чем заключается его отличительная черта? Если идеология, то каковы ее характеристики? Термин «экстремизм» происходит от лат. *extremus* – крайний. Под экстремизмом традиционно принято понимать «приверженность к крайним взглядам и мерам (преимущественно в политике)». «Экстремист понимается как человек, придерживающийся крайних взглядов, сторонник крайних мер» [1, с. 707]. Можно констатировать, что в научных исследованиях понятиям терроризм, экстремизм придаются различные значения, даются различные интерпретации при неизменности их социальной сущности – мотивированное социальное насилие, а также особые, экстремальные формы современной социальной реальности.

Сегодня исследователи, независимо от их научных пристрастий, практически единодушны во мнении о том, что в XX в. такие явления, как экстремизм, терроризм, рассматривались исключительно сквозь призму идеологических пристрастий авторов, в контексте непрекращающейся идеологической войны. И хотя в настоящее время обозначились тенденции к деидеологизации межгосударственных отношений, тем не менее, прошлые традиции, идеологические стереотипы в понимании сущности терроризма и экстремизма еще дают о себе знать. Давней и до сих пор не решенной политической проблемой является стратегия «двойных стандартов», когда террористические акции против народа своей страны оцениваются адекватно, а точно такие же действия в отношении народов иных стран именуются повстанческими с вытекающими из этого решениями, например об отказе в выдаче подозреваемых и др.

После известных событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне терроризм и экстремизм стали называть глобальной проблемой современности, произошло формальное объединение бывших идеологических противников в единой антитеррористической борьбе.

В современных условиях важной проблемой является недопущение смешения понятий «экстремизм», «фашизм», «нацизм». Проблеме фашизма посвящено большое число публикаций, но наиболее точно его суть изложена с учетом итогов Второй мировой войны и материалов Нюрнбергского процесса в Большой советской энциклопедии: «Фашизм (итал. *fascismo*, от *fascio* – пучок, связка, объединение) – идеология, политическое движение и социальная практика, которые характеризуются следующими (шестью) признаками и чертами: 1 – обоснование по расовому признаку превосходства и исключительности одной, провозглашаемой в силу этого господствующей нации; 2 – нетерпимость и дискриминация по отношению к другим, «чужеродным», «враждебным» нациям и национальным меньшинствам; 3 – отрицание демократии и прав человека; 4 – насаждение режима, основанного на принципах тоталитарно-корпоративной государственности, однопартийности и вождизма; 5 – утверждение насилия и террора в целях подавления политического противника и любых форм инакомыслия; 6 – милитаризация общества, создание военизированных формирований и оправдание войны как средства решения межгосударственных проблем» [2, с. 738–739]. Разумеется, борьба с фашизмом включает и борьбу с нацизмом, экстремизмом как национальной, расовой, политической и иной нетерпимостью, но в целом она имеет более всеобъемлющий характер.

Итак, отсутствие в научных исследованиях терминологической четкости, непротиворечивости используемых подходов и процедур, а также практика современного терроризма в нашей и других странах мира свидетельствуют о необходимости разработки новых методологических моделей познания как терроризма, так и экстремизма в целом и, соответственно, эффективных научных рекомендаций по борьбе с такими формами социальной реальности. При этом следует обратить внимание на то, что если методологические исследования экстремизма и терроризма требуют интеграции различных предметных областей и дисциплинарных подходов, то по целому ряду конкретных и в то же время актуальных в настоящее время проблем научно-исследовательская работа требует не только специальных знаний, но и специальной профессиональной подготовки. Так, в частности, по мнению И.Ю. Сундиева [3, с. 31–33], специального изучения требует тема информационных технологических компонентов терроризма и экстремизма, в первую очередь – используемых информационных технологий и манипулятив-

ных техник. В рамках разрабатываемого этим ученым методологического подхода основной целью современных террористических актов является новый передел мира и перераспределение реальных властных полномочий между новыми субъектами мировой политики. Современный терроризм автором рассматривается, прежде всего, как инструмент нового передела мира новыми (внегосударственными) субъектами. При этом, по его мнению, организационно-обеспечивающее и поражающее действие медиа- и сетевых информационных ресурсов в террористической практике будет наращиваться, поэтому контртеррористическая пропаганда и информационные технологии должны рассматриваться государством как основные инструменты профилактики терроризма и ресурсы минимизации последствий террористических актов.

На необходимость разработки новой парадигмы борьбы с экстремизмом и терроризмом в настоящее время обращают внимание многие специалисты. По-прежнему актуальными направлениями научных исследований остаются проблемы, связанные с определением признаков, характеризующих экстремизм и терроризм как криминологические категории. Борьба с террористической преступностью или с преступностью экстремистского характера должна начинаться с информационно-аналитической деятельности, и, как справедливо отмечает А.И. Долгова [4, с. 24], при криминологическом анализе экстремистской преступности приходится решать конкретную практическую задачу: вычленять круг террористических и иных экстремистских преступлений, чтобы изучать их динамику, характеристики, процессы их детерминации, причинности, определять на этой базе направления совершенствования борьбы с ними и, в первую очередь, предупреждения.

На современном этапе в Российской Федерации правовую основу противодействия экстремизму и терроризму составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и другие нормативные правовые акты, направленные на противодействие этим явлениям.

Как показывает анализ нормативных актов, до сих пор в законодательстве крайне противоречиво решается вопрос о том, что такое экстремизм,

какие именно преступления следует считать экстремистскими.

В Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (заключена в г. Шанхае 15 июня 2001 г., Россия ратифицировала Конвенцию 10 января 2003 г., Конвенция вступила в силу для России 29 марта 2003 г.) разграничиваются понятия «экстремизм», «терроризм» и «сепаратизм». В определении экстремизма акцент делается на двух обстоятельствах: насилии и его направленности на конституционный строй, общественную безопасность.

В Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» террористическая деятельность является разновидностью экстремистской деятельности (экстремизма). В этом Законе не содержится общего понятия «экстремизм, экстремистская деятельность», общие отличительные признаки экстремизма не выделяются, но приводится обширный перечень различных деяний. При этом понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность» рассматриваются как тождественные. (В Федеральном законе «О противодействии терроризму» различаются понятия «терроризм» и «террористическая деятельность».) Также в Законе «О противодействии экстремистской деятельности» используются понятия «экстремистские материалы» (п. 3 ст. 1), «экстремистская организация» (п. 2. ст. 1).

В действующем УК РФ, как и в законодательстве большинства стран, нет понятия «экстремизм» (в УК РФ содержится лишь понятие «преступление экстремистской направленности» – данный подход приближен к тому пониманию экстремизма, которое отражено в документах ООН).

Известно, что эффективную, слаженную борьбу с экстремизмом можно вести только тогда, когда будет выработано однозначное понимание этого феномена. Пока же в правовой практике не только России, но и других стран ведется уголовное преследование по делам о преступлениях экстремистского характера, но зачастую они камуфлируются под те или иные уголовные деяния.

Проведение сравнительного анализа анти-террористического законодательства различных государств также обнаруживает больше различий, чем сходства, при этом таким категориям, как «терроризм», «террористический акт», «преступления террористического характера (террористической направленности)», в различных странах придается далеко не идентичная интерпретация и не одинаковое смысловое наполнение. По подсчетам разных авторов, существует от 100 до 200 понятий терроризма, ни одно из

которых не признано классическим. При разработке понятия терроризма важно стремиться к тому, чтобы его формулировка, во-первых, не давала повода для политических спекуляций, а во-вторых, формально определялась такими конкретными правовыми признаками, которые не позволяли бы легко манипулировать этим понятием и произвольно употреблять его.

При статистическом анализе террористических преступлений возьмем за основу положения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», где указано, что «в целях уголовно-правового обеспечения противодействия терроризму и в интересах выполнения международных обязательств Уголовный кодекс РФ устанавливает ответственность за совершенные преступления, предусмотренных статьями 205, 205¹, 205², 206, 208, 211, 220, 221, 227, 277, 278, 279, 360».

Анализ показывает, что в России с 2004 по 2013 г. отмечаются позитивные сдвиги, особенно в количестве и динамике регистрируемых террористических актов. По данным ГИАЦ МВД России, в 2007–2009 гг. произошло снижение числа зарегистрированных террористических актов с 48 до 15 преступлений. В 2010–2013 гг. этот показатель практически был на одном уровне: 31, 29, 24 и 31 преступлений соответственно. В то же время уровень террористической опасности продолжает оставаться высоким.

В 2004–2006 гг. общий массив зарегистрированных террористических преступлений увеличился с 526 до 754 фактов, потом с 2007 по 2010 г. происходило снижение этого вида преступности (694 и 490 соответственно), а с 2011 г., когда было зарегистрировано 626 преступлений, по 2013 г. (657 преступлений) – снова рост. В период с 2004 по 2013 г. существенно (в 2,3 раза) возросло число фактов организации незаконных вооруженных формирований и участия в них. В исследуемом периоде в 2007 г. наблюдался самый высокий уровень – 592 факта таких преступлений.

Анализ статистических данных показывает, что в рассматриваемой совокупности террористических преступлений основная доля (от 40% в 2004 г. до 90% в 2008г.; в среднем с 2004 по 2013 г. – 75%) приходится на преступления, предусмотренные ст. 208 УК РФ «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем».

Характерными можно назвать и такие факты: в 2013 г. из 490 зарегистрированных в России преступлений, предусмотренных ст. 208 УК РФ,

487 приходится на Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО): 314 преступлений были зарегистрированы в республике Дагестан, 71 – в Кабардино-Балкарской Республике, 61 – в Чеченской Республике, 32 – в Республике Ингушетия и 9 – в Карачаево-Черкесской Республике. Если современные террористические организации имеют признаки корпоративных структур, то низовые (исполнительские) звенья строятся в форме так называемых «незаконных вооруженных формирований» – это весьма тревожный симптом.

Структуру террористической преступности в России в 2013 г. можно представить следующим образом: 74,5% составили преступления, предусмотренные ст. 208 УК РФ; 11,3% – преступления, предусмотренные ст. 205¹ УК РФ; 4,7% – ст. 205; 4,4% – ст. 205²; 1,7% – ст. 206; 1,4% – ст. 278; 0,9% – ст. 211; 0,6% – ст. 220; 0,3% – ст. 277; 0,2% – ст. 360 УК РФ.

12 августа 2014 г. на заседании Национального антитеррористического комитета (НАК) в Ингушетии глава ФСБ сообщил, что в текущем году «в ходе проведения контртеррористических операций и оперативно-боевых мероприятий в Северо-Кавказском регионе при оказании вооруженного сопротивления уничтожено 158 активных членов бандподполья, в том числе 25 главарей, задержано 328 бандитов и их пособников, предотвращено 35 преступлений террористической направленности» [5].

В России значительное число террористических актов предотвращалось и пресекалось правоохранительными органами, спецслужбами. В 2005 г. было предотвращено 450 терактов, в 2006 г. – 884. В 2007 г. глава ФСБ также сообщил, что в Северо-Кавказском регионе была пресечена преступная деятельность свыше 500 участников бандформирований. В их числе 13 главарей банд. Предотвращено более 70 терактов, в том числе готовившихся с участием террористов-смертников. Обнаружено и уничтожено свыше 200 схронов [6].

Статистический анализ показывает, что в современных условиях более 80% преступлений террористического характера приходится на Северо-Кавказский регион. Так, в 2010 г. в регионе было зарегистрировано 464 преступлений террористического характера, в 2011 г. – 576, в 2012 г. – 565, в 2013 г. – 579, что составляет соответственно 80%, 93%, 89%, 88% преступлений этой категории, совершенных в России. Более подробно удельный вес преступлений, зарегистрированных, например, в 2013 г. в СКФО, в общем массиве зарегистрированных в России преступлений выглядит так: по ст. 208 УК РФ –

99,4%; ст. 205¹ – 84%; ст. 278 – 56%; ст. 2052 – 35%; ст. 205 – 29%; ст. 206 УК РФ – 18%.

При выделении иных экстремистских преступлений при статистическом анализе, основываясь на постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», считаем целесообразным учитывать: прямо предусмотренные ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» зарегистрированные деяния без признаков терроризма, предусмотренные 11 статьями УК РФ: 136, 141, 148, 149, 212, 239, 280, 282, 282¹, 282², 357, а также иные преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ, и иные преступления, совершенные по указанным мотивам, которые в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ признаются обстоятельством,отягчающим наказание.

Заметим, что в целом экстремистская преступность выделяется полно только по тем преступлениям, уголовные дела о которых расследованы и рассмотрены судом. Иначе нельзя судить о мотивах деяний, выделять преступления экстремистской направленности.

Что касается структуры экстремистской преступности, то преступления экстремистской направленности, выделяемые в соответствии с УК РФ по мотивам, составляли в ней доли процентов. Среди всех расследованных преступлений по мотивам ненависти, вражды, мести на почве национальной и расовой неприязни, например, в 2007 г. было совершено 0,006%, в 2008 г. – 0,015%; по мотивам ненависти, вражды, мести на религиозной почве – 0,002 и 0,004% соответственно. Наибольшее число зарегистрированных экстремистских преступлений, по данным ГИАЦ МВД России, составили иные деяния. Рассмотрим те экстремистские деяния, которые могли быть оценены как таковые уже на основе их юридической квалификации.

Динамика иной зарегистрированной экстремистской преступности, по данным статистики, носила очевидно неблагоприятный характер: если в 2004 г. в России было зарегистрировано 144 таких преступления, то в 2013 г. – 740 (рост практически в 5 раз). В 2006 г. темп прироста к предыдущему году составил 28,5%, и до 2008 г. держался примерно один уровень, в 2009 г. происходит рост на 20,5%, в 2010 г. –

еще на 15,6%, в 2011г. прирост составил 1,5%, в 2012 г. – 24,6% и в 2013 г. – 26,5 %.

В 2013 г. 96,8% всех зарегистрированных преступлений с объективными признаками экстремизма (без преступлений экстремистской направленности) приходилось на преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. В их числе: 68,7% – факты возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), 11,3% – организация и участие в экстремистском сообществе или экстремистской организации (ст. 282¹, 282²), 20% – публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ). Совершение данных деяний может осуществляться по разным мотивам, в том числе корыстным, политическим и др.

Характерно, что из 143 преступлений, зарегистрированных по ст. 280 УК РФ в 2013 г. в целом по России, 22 факта (15,4%) приходится на Северо-Кавказский федеральный округ; из 492 преступлений по ст. 282 УК РФ – на СКФО приходится 47 (9,6%); из 20 преступлений по ст. 282¹ УК РФ «Организация экстремистского сообщества» – 5 (25%); из 12 преступлений по ст. 212 «Массовые беспорядки» – 6 преступлений (50%), в последнем случае все 6 фактов приходятся на Республику Дагестан.

Распределение зарегистрированных в 2013 г. иных экстремистских преступлений по субъектам Российской Федерации, входящим в СКФО, выглядит следующим образом (по нарастающей): Ставропольский край – 4 факта (все по ст. 282 УК РФ); Республика Северная Осетия – Алания – 6 фактов (также все по ст. 282 УК РФ); Чеченская Республика – 8 фактов (6 – по ст. 282 и 2 – по ст. 280 УК РФ); Карачаево-Черкесская Республика – 8 фактов (5 – по ст. 282¹, 2 – по ст. 282 и 1 – по ст. 280 УК РФ); Республика Ингушетия – 12 фактов (11 – по ст. 282 и 1 – по ст. 280 УК РФ); Кабардино-Балкарская Республика – 21 факт (11 – по ст. 280, 9 – по ст. 282 и 1 – по ст. 282² УК РФ) и Республика Дагестан – 22 факта (9 – по ст. 282, 7 – по ст. 280 и 6 – по ст. 212 УК РФ). По данным ГИАЦ МВД России, в 2013 г. всего в субъектах СКФО зарегистрировано 81 экстремистское преступление, предусмотренное пятью статьями УК РФ: ст. 212, 280, 282, 282¹, 282², по остальным шести статьям: ст. 136, 141, 148, 149, 239 и 357 УК РФ – зарегистрированных преступлений не было.

Что же касается других деяний, признаваемых экстремистскими при наличии определенных признаков, выявляемых в уголовном судопроизводстве, то оценка их динамики не проводится только на основе статистических отчетов. Требуется анализ данных первичных карточек учета, изучения уголовных дел и опросов.

Вместе с тем, следует отметить, что судами более осторожно, чем на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, давалась правовая оценка деяний, признававшихся экстремистскими. По данным ГИАЦ МВД России, в 2008 г. в России было выявлено 284 лица, совершивших экстремистские преступления, осуждено 183, в 2009 г. выявлено 321 лицо, осуждено 107. Таким образом, при нарастании числа выявленных лиц, совершивших экстремистские преступления, число осужденных за данные преступления в 2009 г. по сравнению с 2008 г. снизилось на 41,5%. В 2008 г. было отмечено превышение числа выявленных лиц над числом зарегистрированных фактов экстремистских преступлений.

Число оправдательных вердиктов присяжных и оправдательных приговоров по делам об экстремистских преступлениях составляло в 2007 г. – 6, в 2008 г. – 17, в 2009 г. – 8. В 2007 г. наибольшее число оправданных обвинялось по ст. 141 УК РФ, в 2008 г. – по ст. 141, 282, в 2009 г. – по ст. 282, 136 УК РФ. Суды также возвращали дела данной категории для пересоставления обвинительного заключения.

На заседании Совета безопасности по вопросам обеспечения суверенитета и территориальной целостности России 22 июля 2014 г. Президент РФ, отмечая, что «за последние годы ... выросла эффективность правоохранительных и специальных служб по противодействию терроризму и экстремизму...», в качестве первой приоритетной задачи для всех уровней власти – от федеральной до муниципальной – назвал последовательную работу по укреплению межнационального согласия, грамотную миграционную политику, жесткое реагирование на факты бездействия должностных лиц или преступления, которые могут быть спровоцированы конфликтами на межнациональной почве. При этом В.В. Путин подчеркнул, что крайне важно, чтобы активную позицию занимало наше гражданское общество, реагировало на факты нарушения прав и свобод человека, вносило свой вклад в профилактику радикализма и экстремизма [7].

1. Современный словарь иностранных слов: ок. 20000 слов. М., 1993.

1. Modern dictionary of foreign words: about 20000 words. Moscow, 1993.

2. Криминология: учеб. / под общ. ред. А.И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010.

3. Сундиев И.Ю. Экстремизм и терроризм: методология познания экстремальных форм социальной реальности // Экстремизм и другие криминальные явления. М., 2008.

4. Долгова А.И. Экстремизм и терроризм, террористические и иные экстремистские преступления: понятие, анализ, динамика // Экстремизм и другие криминальные явления. М., 2008.

5. URL: <http://www.ingushetia.ru>

6. URL: <http://www.agentura.ru/dossier/russia/fsb/2000/22.12.07>.

7. URL: <http://www.rg.ru/2014/07/23/stenogramma.html>

2. Criminology: textbook / gen. ed. by A.I. Dolgova. 4th ed., rev. and add. Moscow, 2010.

3. Sundiev I.Yu. Extremism and terrorism: methodology of knowledge of extreme forms of social reality // Extremism and other criminal phenomena. Moscow, 2008.

4. Dolgova A.I. Extremism and terrorism, terrorist and other extremist crimes: concept, analysis, dynamics // Extremism and other criminal phenomena. Moscow, 2008.

5. URL: <http://www.ingushetia.ru>

6. URL: <http://www.agentura.ru/dossier/russia/fsb/2000/22.12.07>.

7. URL: <http://www.rg.ru/2014/07/23/stenogramma.html>

Зелик Виталий Анатольевич

кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Южного института менеджмента
(тел.: +79183177979)

Яблочкин Александр Евгеньевич

старший инспектор дорожно-патрульной службы
2-го специализированного батальона
Государственной инспекции безопасности дорожного движения по г. Москве
(тел.: +79182679598)

Особенности семейно-бытовых преступлений, совершаемых в состоянии опьянения

В работе определены криминологические признаки и тенденции семейно-бытовых преступлений, совершаемых в состоянии опьянения, предложена типология преступников, проанализированы отношения между виновным и жертвой конфликта. Основное внимание уделено анализу детерминационной роли состояния опьянения и разработке мер предупреждения криминального насилия в семье.

Ключевые слова: насилие, семейно-бытовая преступность, состояние опьянения, алкоголизм, преступная ситуация, принудительные меры медицинского характера.

V.A. Zelik, Master of Law, Head of a Chair of Criminal Law Disciplines of the Southern Institute of Management; tel.: +79183177979;

A.E. Yablochkin, Chief Inspector of Road Patrol of the Second Special Battalion of the State Inspection of Road Safety for the City of Moscow; tel.: +79182679598.

The peculiarities of family and domestic crimes committed in intoxication

This paper is devoted to analysis of criminological signs and trends of family and domestic crimes committed in intoxication, criminals typology, relations between the offender and victim of the conflict. Focuses on the analysis of the role determinational intoxication and prevention measures of criminal domestic violence.

Key words: violence, family and domestic crime, intoxication, alcoholism, criminal situation, compulsory medical measures.

Важным условием создания системы эффективной уголовно-правовой превенции семейно-бытовых преступлений, совершаемых в состоянии опьянения, является детальный анализ их качественных и количественных показателей.

По данным Европейских статистических источников, начиная с 2003 г. практически во всех странах Европы выросло число преступлений, детерминированных потреблением алкоголя, наркотических средств и психотропных веществ. В частности, уровень преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения, за отчетный период увеличился на 117% в Албании, 234% в Армении, 160% в Грузии, 90% в Ирландии, 63% в Люксембурге, 74% в Швеции и 56% в Великобритании. Снижение показателей было отмечено лишь в Чехии (-24%), Греции (-23%), Молдове (-25%), Шотландии (-5%) [1, p. 417–425].

При этом количество преступлений, связанных с оборотом наркотиков, за отчетный период было существенно сокращено. Исключение составила Грузия. В ней трафик наркотиков увеличился на 289%.

В целом, наблюдается тенденция замещения преступлений, связанных с оборотом наркотиков, на преступления, связанные с их потреблением.

Несмотря на увеличение числа потребителей алкоголя, в российской и мировой статистике наметился незначительный спад тяжких насильственных преступлений, совершенных в состоянии алкогольной интоксикации, на фоне роста и стагнации тяжких и особо тяжких деяний, совершаемых в состоянии наркотического опьянения.

По экспертным оценкам, на долю семейно-бытовых преступлений приходится более 90% убийств, 95% причинений тяжкого вреда здо-

ровью, 85% причинений среднего или легкого вреда здоровью и побоев, 65% изнасилований, совершенных в состоянии опьянения.

Снижение уровня убийств сопровождается ростом насильственных преступлений небольшой или средней тяжести. Увеличивается число случаев бытового хулиганства: с 30% до 35%. Уровень изнасилований за последние десять лет возрос на 15%.

При анализе насильственной семейно-бытовой преступности следует учитывать ее высокую латентность. По данным опроса, 95% потерпевших от семейно-бытовых преступлений в семье заявили, что это был не первый случай применения в отношении их насилия. Но только 10% ранее обращались в правоохранительные органы. Отказ от обращения аргументировался следующим образом: все равно ничего бы не помогло (33%); не верили, что помогут (25%); не хотели выносить на суд общественности (21%); надеялись самостоятельно разрешить конфликт (20%); из-за боязни мести со стороны виновника конфликта (насильника) (24%); из-за стыда (11%); из-за незначительности причиненного вреда (6%); виновный образумится (10%); из-за нежелания разрушить семью (5%).

35% потерпевших отметили, что конфликтная ситуация длилась несколько месяцев и в 30% случаев была связана с потреблением психоактивных веществ.

Говоря о структуре насильственной семейно-бытовой преступности, детерминированной потреблением психоактивных веществ, важно отметить ее относительную стабильность. По-прежнему лидируют убийства, причинение тяжкого вреда здоровью, причинение вреда здоровью средней и небольшой тяжести, хулиганство и изнасилования.

Условно можно выделить две типовые ситуации семейно-бытового конфликта на почве потребления алкоголя, наркотических средств и психотропных веществ:

Конфликт определения семейно-бытового статуса. В его основе лежат взаимные претензии в связи с потреблением психоактивных веществ, распределением обязанностей, расхождением мнений относительно ряда бытовых вопросов. По результатам анкетирования осужденных, 70% лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, причиной преступления назвали потребление алкоголя (реже – наркотиков) и возникший на этой почве конфликт [2, с. 37]. Как отмечают отечественные и зарубежные исследователи, при развитии такого рода конфликта в состоянии опьянения находятся и преступник, и жертва (56% случаев) [3, с. 84].

Иная ситуация наблюдается при конфликте предательства. Он может возникать не только между супругами, но и между друзьями, детьми и родителями. Но чаще всего конфликт предательства на почве употребления спиртных напитков, наркотических средств и психотропных веществ перерастает в преступление в супружеских семьях. Здесь употребление психоактивных веществ проявляет себя двояко: с одной стороны, оно способствует появлению внебрачных интимных контактов. «При сочетании морально-этической деградации с половой слабостью на основе систематического употребления психоактивных веществ очень часто в состоянии опьянения наблюдаются особенно грубые перверсные действия: педофилия с родными детьми, инцест с матерью, зоофилия» [4]. С другой стороны, состояние опьянения нередко является реакцией на измену и рассматривается виновным как стимулятор или побудитель к отмщению.

Примечательно, что в состоянии опьянения конфликт предательства очень часто развивается на фоне мнимой супружеской измены. Характерная для алкогольной деградации примитивизация личности нередко сопровождается идеями отравления, колдовства, преследования. В зависимости от особенностей воздействия алкоголя, наркотических средств и одурманивающих веществ на психику виновного можно условно выделить три типа лиц, совершающих преступления в состоянии опьянения:

лица, хронически злоупотребляющие психоактивными веществами (52%);

лица, систематически употребляющие эти вещества, но не больные алкоголизмом или наркоманией (35%);

лица, редко употребляющие алкоголь, наркотические средства или психотропные вещества (13%).

Механизм совершения насильственных семейно-бытовых преступлений в состоянии опьянения имеет свою специфику по отношению к различным группам виновных.

В тяжелой степени опьянения в среднем совершается 70% преступлений представителями первой группы; 35% – представителями второй и 15% – представителями третьего типа преступников.

В первом случае основным детерминационным фактором совершения преступления является само потребление психоактивных веществ в отсутствие существенного внешнего повода. Искаженное восприятие реальности толкало хронических алкоголиков на совершение престу-

плений даже при наличии ничтожного повода. Интересен тот факт, что жертвами преступлений в таких случаях нередко являлись люди, весьма отдаленно связанные с возникновением конфликта, задевшего и озлобившего виновного (например, соседи, несовершеннолетние дети и пр.).

Лица, систематически употребляющие психоактивные вещества, совершали преступления в отношении близких, пользуясь внешним поводом. Характерно, что более половины осужденных не могли четко объяснить мотивы своего поведения.

Третий тип преступников действует, как правило, с заранее обдуманым умыслом. Потребление психоактивных веществ для таких лиц является средством снятия напряжения и укрепления решимости [5].

Хронические алкоголики втрое реже, нежели привычные, перед совершением преступления распивали спиртное с соседями и друзьями вне дома, но зато почти в три раза чаще пили в одиночку. Это указывает на низкий порог их социализации и общую деградацию. «О симптоматичном замыкании в стенах собственного дома многих алкоголиков и пьяниц говорит выбор ими уединенного местечка для выпивок перед совершением преступления» [6, с. 85].

На различия между типами преступников указывает характер конфликтов, спровоцировавших применение насилия.

Хронические алкоголики часто совершают преступления на основе конфликта определения семейно-бытового статуса. Во многом это связано с невыполнением виновным своих обязанностей по содержанию семьи.

Для преступников второго и третьего типа такого рода конфликты не характерны. Набор конфликтогенных факторов касался в основном проблем распределения обязанностей, воспитания детей и супружеской ревности.

На высокую общественную опасность преступников – хронических алкоголиков и наркоманов указывают следующие нравственно-психологические признаки: интеллектуальная и нравственная деградация, низкий порог социализации, примитивизация потребностей, отсутствие сдерживающих механизмов, безмотивность преступления, импульсивность и жестокость насилия, тяжесть последствий посягательства, устойчивые асоциальные и антисоциальные установки.

Проблема семейно-бытовой преступности не может быть исследована без учета поведения потерпевшего. Характерно, что большинство преступлений, совершаемых в состоянии опья-

нения, имеют адресный характер и совершаются в отношении родственников либо хорошо знакомых лиц [7]. Исключение составляют деяния, совершаемые хроническими алкоголиками. Около 35% преступлений совершаются ими в отношении случайных знакомых.

Между виновным и потерпевшим часто имеются длительные неприязненные отношения: 2–3 года – 35%; 4–6 лет – 30%; 7–10 – 12%; свыше 10 лет – 10%.

Поводом к совершению преступления нередко является противоправное, аморальное поведение потерпевшего. Большинство опрошенных осужденных отмечали, что потерпевший перед совершением преступления вел себя агрессивно, грубо. При этом 40% отметили, что потерпевший оскорблял, унижал их или других членов семьи; 13% – угрожал убийством, причинением телесных повреждений; 19% – наносил легкие удары; 5% – ограничивал свободу; 4% – прятал деньги виновного и пр.

Характерно, что в 66% случаев преступник и потерпевший незадолго до совершения посягательства совместно употребляли спиртные напитки и иные психоактивные вещества. 60% виновных принимали решение совершить преступление в результате внезапно возникшего побуждения. Только 5% признали, что до совершения преступления они обдумывали его детали и разрабатывали сценарий действий.

По данным Д.В. Ривмана и В.С. Устинова, из потерпевших, находившихся в состоянии опьянения (убийство/причинение тяжкого вреда здоровью), не были знакомы с преступником только 22% и 37,7% соответственно. Характерно, что среди жертв убийств гораздо меньше незнакомых и малознакомых лиц, чем среди потерпевших от причинения тяжкого вреда здоровью. Во многом это объясняется тем, что причинение смерти является следствием острого межличностного конфликта, в то время как причинение вреда здоровью многими воспринимается как доступная форма разрешения спора даже с малознакомыми лицами.

Отечественные и зарубежные криминологи указывают на сходство между «питейными» традициями преступников и жертв криминального насилия. Подавляющее большинство из потерпевших (более 70%) склонны к потреблению алкоголя, 1% – к потреблению наркотических средств и психотропных веществ [8, с. 35].

Большинство насильственных семейно-бытовых преступлений совершается в вечерние часы (18–24 часа) либо в выходные и праздничные дни. При этом «пик» деяний приходится на 20–23 часа в семейной среде, в коммунально-бытовой –

на 18–21 час, в досугово-бытовой сфере – на 21–01 час.

В целом, насильственные семейно-бытовые преступления, совершаемые в состоянии опьянения, отражают общее состояние российской и мировой преступности. Сокращение тяжких и особо тяжких посягательств наблюдается на фоне роста деяний небольшой и средней тяжести; увеличивается естественная и искусственная латентность семейно-бытовых преступлений, повышается виктимность родственников на фоне снижения виктимности посторонних или малознакомых лиц; большое распространение получают насильственные преступления, совершаемые в состоянии опьянения лицами из маргинальной среды.

В числе негативных криминологических тенденций, требующих адресных мер воздействия, следует назвать заметное увеличение доли преступников, страдающих хроническим алкоголизмом и наркоманией.

Преступления, совершаемые алкоголиками (наркоманами) в состоянии опьянения, отличаются более тяжкими последствиями, нежели иные «пьяные» посягательства, ситуативной мотивацией и произвольным выбором жертв. Более того, хронические алкоголики в 2 раза чаще совершают тяжкие преступления, чем лица, часто употребляющие спиртные напитки, и в 6 раз чаще, чем лица, редко потребляющие психоактивные вещества.

Приведенные выше данные актуализируют вопрос об обоснованности исключения из УК РФ института принудительного лечения алкоголиков и наркоманов и возможности его возвращения в российское правовое поле.

Выступая за восстановление института принудительного лечения преступников, являющихся хроническими алкоголиками и наркоманами, мы подкрепляем свою позицию следующими доводами:

1. Состояние алкогольной (наркотической) интоксикации является важным фактором криминального насилия, детерминационная значимость которого многократно увеличивается при совершении преступлений лицами, страдающими алкоголизмом и наркоманией. Как отмечает А.С. Михлин, «у алкоголиков жестокость проявляется на 16% чаще, чем у остальных осужденных» [9, с. 45]. По мере развития заболевания больные утрачивают полезные контакты и социально деградируют. Их реакция на внешние события имеет спонтанный и агрессивный характер, что увеличивает риск совершения насильственных преступлений в отношении неограниченного круга лиц.

2. Особенностью российской криминальной среды является сближение «пьяной» и «маргинальной» преступности [10]. 92% хронических алкоголиков, совершающих убийства, причинение тяжкого вреда здоровью и изнасилования, не имели постоянной работы, а 65% – постоянного места жительства. Кроме того, более 90% преступников имели доход, не превышающий минимального прожиточного уровня.

Типовой портрет насильника таков: это социально не устроенное лицо, страдающее хроническим алкоголизмом (реже – наркоманией) и не имеющее ни материальных, ни мотивационных, ни социальных предпосылок и ресурсов для того, чтобы добровольно пройти курс лечения.

3. Среди алкоголиков и наркоманов велик удельный вес рецидивов. При этом каждое последующее насильственное преступление опаснее предыдущего. На фоне сокращения числа лиц, готовых лечиться добровольно, эта тенденция имеет крайне опасный характер.

4. Меры, призванные заменить принудительное лечение преступников, страдающих алкоголизмом и наркоманией, сложно признать достаточными.

Согласно ч. 5 ст. 73 УК РФ на условно осужденного может быть возложена обязанность пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании или токсикомании. Но эта мера является весьма ограниченной, поскольку, во-первых, применима только к условно осужденным, среди которых нет лиц, совершающих тяжкие насильственные преступления против личности. Во-вторых, возложение такой обязанности «возможно только в отношении узкого круга лиц, поскольку уже в средней (абстинентной) стадии алкоголизма эти лица не в состоянии самостоятельно пройти курс лечения в связи с грубыми нарушениями в волевой сфере» [11, с. 8].

5. Об эффективности принудительного лечения как профилактической меры свидетельствует его широкое распространение за рубежом. В частности, в Германии, США и Франции принудительное лечение алкоголиков и наркоманов является необходимым условием их условно-досрочного освобождения.

На основе изложенного и в целях повышения эффективности уголовно-правовой превенции насильственных семейно-бытовых преступлений, совершаемых в состоянии опьянения, предлагаем внести следующие изменения в действующее законодательство:

1. Восстановить в прежней редакции п. «г» ч. 1 ст. 97 УК РФ, признанный утратившим силу Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений

в Уголовный Кодекс Российской Федерации», и законодательно закрепить порядок назначения, сроки назначения, прекращения и продления принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших преступление и страдающих алкоголизмом (наркоманией).

2. Предусмотреть возможность применения принудительного лечения алкоголиков и наркоманов в исправительных учреждениях закрытого типа, внеся соответствующие изменения в Федеральный закон от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

1. Leserman J. et al. *Selected symptoms associated with sexual and physical abuse among female patients with gastrointestinal disorders: the impact on subsequent health care visits // Psychological medicine*. 1998. Vol. 28. № 2. P. 417–425.

2. Сидоренко Э.Л., Телятников А.А. *Обеспечение безопасности личности в российском уголовном праве*. М., 2010.

3. Сердюк Л.В. *Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование*. М., 2002.

4. Альтнер Э.Э. *Практика судебно-психиатрической экспертизы сексуальных нарушений при алкоголизме*. М., 1966.

5. Сидоренко Э.Л. *Назначение наказания лицам, совершившим преступление в состоянии опьянения // Законность*. 2006. № 11. С. 9–11.

6. Мошак Г.Г. *Преступление в семье: истоки, профилактика*. Кишинев, 1989.

7. Сидоренко Э.Л. *Условия освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Уголовное право*. 2011. № 3. С. 49–57.

8. Лобанов В.А. *Уголовно-правовая и криминологическая характеристика бытовых преступлений*. Минск, 1982.

9. Михлин А.С. *Личность осужденных к лишению свободы и проблемы их исправления и перевоспитания*. Фрунзе, 1980.

10. Сидоренко Э.Л. *Некоторые проблемы уголовно-правовой оценки состояния опьянения виновного в теории и правоприменительной деятельности // Уголовное право*. 2005. № 1. С. 61–64.

11. Гареев М. *Вернуть принудительное лечение // ЭЖ-Юрист*. 2013. № 23.

1. Leserman J. et al. *Selected symptoms associated with sexual and physical abuse among female patients with gastrointestinal disorders: the impact on subsequent health care visits // Psychological medicine*. 1998. Vol. 28. № 2. P. 417–425.

2. Sidorenko E.L., Telyatnikov A.A. *Human security in the Russian criminal law*. Moscow, 2010.

3. Serduk L.V. *Violence: criminological and criminal and legal research*. Moscow, 2002.

4. Altner E.E. *The practice of forensic psychiatric examination of sexual dysfunction in alcoholism*. Moscow, 1966.

5. Sidorenko E.L. *Sentencing the persons who committed the crime while intoxicated // Legality*. 2006. № 11. P. 9–11.

6. Moshak G.G. *Crime in the family: the origins prevention*. Chisinau, 1989.

7. Sidorenko E.L. *Conditions for exemption from criminal liability in connection with reconciliation with victims // Criminal law*. 2011. № 3. P. 49–57.

8. Lobanov V.A. *Criminal and legal and criminological characteristics of domestic crimes*. Minsk, 1982.

9. Mikhlin A.S. *Personality of sentenced to imprisonment and problems of their correction and re-education*. Frunze, 1980.

10. Sidorenko E.L. *Some problems of criminal law assessment of the state of intoxication guilty in theory and law enforcement // Criminal law*. 2005. № 1. P. 61–64.

11. Gareev M. *Return involuntary treatment // EJ – Lawyer*. 2013. № 23.

Кудрявцева Лариса Владимировна
кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой гражданского права и процесса
филиала Российского государственного социального университета
в г. Анапе
(e-mail: larisa-k75@mail.ru)

Ставило Сергей Петрович
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
филиала Российского государственного социального университета
в г. Анапе
(e-mail: Stavilodallad@yandex.ru)

Организационные основы криминологического изучения причин и условий преступности в курортном регионе

В статье рассматриваются вопросы, связанные с организацией деятельности научной лаборатории по изучению причин и условий преступности в курортном регионе, отражаются цели и задачи, основные направления деятельности научной лаборатории.

Ключевые слова: причины преступности, условия преступности, курортный регион, научная лаборатория.

L.V. Kudryavtseva, Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Civil Law and Process of branch of the Russian State Social University in Anapa; e-mail: larisa-k75@mail.ru;

S.P. Stavilo, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Civil Law and Process of branch of the Russian State Social University in Anapa; e-mail: Stavilodallad@yandex.ru

Organizational bases of criminological study of the causes and conditions of crime in resort region

The article discusses issues related to the management of scientific laboratory for the study of the causes and conditions of crime in resort region, shows goals and objectives, the main activities of a scientific laboratory.

Key words: causes of crime, conditions of crime, resort region, scientific laboratory.

Криминологическое изучение причин и условий преступности в курортном регионе затрагивает ряд важнейших проблем функционирования Российского государства и существования российского общества: эффективного противодействия преступности, обеспечения безопасности и, соответственно, качества и конкурентоспособности туристических услуг в России, улучшения инвестиционного климата в городах-курортах путем обеспечения их экономической и иной безопасности, защиты прав собственников и иных законных владельцев имущества и др.

Причины и условия современной преступности лежат в области организационных, политических и правовых пробелов, просчетов и злоупотреблений в сфере современных экономи-

ческих, социальных, политических и иных отношений, что приводит к крайне неблагоприятным последствиям, нарушающим интересы людей, общества и государства, усиливает социальную напряженность, углубляет социальную несправедливость, вызывает рост экономической преступности и коррупции, создает благоприятные условия для формирования, закрепления и распространения многоуровневой, мощной организованной преступности, о причинах которой говорил еще Цицерон: «Неразумные и жадные страсти к внешним удовольствиям с необузданной необдуманностью, стремящиеся к удовлетворению» [1].

Данное положение относится и к Азово-Черноморскому курортному региону, который еще совсем недавно являлся сферой совершенство-

вания криминальных рейдерских технологий, в том числе и с использованием инструментов рынка ценных бумаг [2, с. 113].

Национальное достояние городов-курортов России определяется их предназначением для восстановления физических и душевных сил, лечения, реабилитации, в связи с чем они относятся к особо охраняемым природным объектам и территориям, являются рентабельными с точки зрения формирования бюджетов этих городов, имеют определенное количество объектов недвижимости в виде домов отдыха, санаториев, пансионатов, гостиниц, что требует определенных усилий по обеспечению законности и правопорядка.

Криминогенность городов-курортов обусловлена значительным числом отдыхающих, которые часто становятся жертвами различных преступлений, а иногда и сами их совершают. На высокое состояние преступности в курортном регионе, ее латентность оказывает влияние большое количество непостоянно проживающего населения. Его высокая мобильность и незначительный, часто скрытый период пребывания делают эту группу курортного населения виктимной.

В связи с этим правоохранительная система городов-курортов ориентирована на решение сложных задач обеспечения правопорядка и безопасности, эффективного раскрытия и расследования преступлений, изучения причин и условий, им способствующих, предупреждения различных видов преступности, защиты коренного населения и приезжих от различных криминальных проявлений.

В рамках решения обозначенной проблемы предполагалось организовать деятельность научной лаборатории, что и было сделано на базе филиала Российского государственного социального университета в городе Анапе. Научная лаборатория по исследованию причин и условий преступности в курортном регионе кафедры гражданского права и процесса филиала Российского государственного социального университета в городе Анапа является формой организации научно-исследовательской деятельности, осуществляемой студентами и профессорско-преподавательским составом кафедры гражданского права и процесса.

Научная лаборатория является некоммерческим общественным объединением студентов и профессорско-преподавательского состава кафедры гражданского права и процесса. Ее деятельность основана на добровольном участии студентов и профессорско-преподавательского состава кафедры гражданского права и процесса в научно-исследовательской деятельности,

направленной на углубленное исследование причин и условий преступности в курортном регионе.

Научной лаборатории отводится роль научного центра по исследованию причин и условий преступности в курортном регионе на примере города-курорта Анапы на основе тесной связи научной и правоохранительной деятельности с учебным процессом и профилем будущей специальности.

Управление и координацию деятельностью научной лабораторией осуществляет заведующий кафедрой, она функционирует без государственной регистрации и приобретения прав юридического лица. Участие студентов и профессорско-преподавательского состава кафедры гражданского права и процесса в деятельности научной лаборатории добровольное.

Как любая сфера научной деятельности, деятельность научной лаборатории имеет свой объект и предмет изучения или исследования.

Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с существованием причин и условий преступности в курортном регионе и ее предупреждением, обуславливающим наличие специфических функций и особенностей правоохранительной деятельности, задач, которые существенно отличаются от усредненных по России, регионам и даже городам.

Предметом исследования являются специфические черты параметров преступности в городах-курортах России и за рубежом, закономерности преступности в городах-курортах России, ее причины и условия, криминологически значимые свойства личности преступника и жертвы преступления в городе-курорте, а также особенности предупредительной деятельности в условиях города-курорта, в том числе ее криминологический аспект.

Целью исследования является проведение комплексного изучения состояния, тенденций, причин и условий преступности в курортном регионе для разработки рекомендаций по совершенствованию предупреждения преступности в городах-курортах России.

Достижению вышеуказанной цели способствует решение следующих исследовательских задач:

анализ состояния качественных и количественных показателей преступности в городах-курортах, определение динамики преступности и прогнозирование ее развития в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе;

изучение детерминации преступности в городах-курортах для определения их криминологи-

ческих особенностей и механизма воздействия на преступность;

изучение криминологических свойств личности преступника в городах-курортах;

исследование виктимологических качеств личностей жертв преступлений, совершаемых в городах-курортах;

анализ системы предупредительного воздействия на преступность в городах-курортах и основные направления совершенствования предупредительных мер.

В основе научного исследования находится диалектический метод познания, позволяющий решать поставленную проблему комплексно, в динамике. Предполагается использовать следующие методы научного познания: наблюдение, группировку, сводку, массовые опросы (анкетирование, интервьюирование), анализ документов, историческое и сравнительное правоведение и др.

Базовыми направлениями деятельности научной лаборатории являются научные направления кафедры гражданского права и процесса, связанные с исследованием причин и условий преступности в курортном регионе.

Источниками финансирования научной лаборатории являются целевые средства филиала Российского государственного социального университета в городе Анапе. Допускается не

противоречащее действующему российскому законодательству финансирование из других источников.

Научная лаборатория входит в состав кафедры гражданского права и процесса филиала Российского государственного социального университета в городе Анапе.

Координируют работу научной лаборатории заведующий кафедрой и профессорско-преподавательский состав кафедры.

Административное и непосредственное руководство научной лабораторией осуществляет заведующий кафедрой.

В заключение хочется отметить, что деятельность научной лаборатории направлена:

на качественное и всестороннее изучение причин и условий преступности в курортном регионе, предложение мер предупреждения преступности;

на выработку практических рекомендаций по повышению предупредительной деятельности, направленной на борьбу с преступностью в курортном регионе;

на организацию совместной научно-исследовательской деятельности с ведущими учеными и практическими работниками в области исследования причин и условий преступности в курортном регионе.

1. Ставило С.П., Кудрявцева Л.В. Проблемы гуманизации и криминализация современных общественных отношений // Гуманизация современного образования как процесс профессионально-личностного становления студентов: сб. материалов годичных научных чтений. Анапа, 2013. С. 120–124.

2. Ставило С.П. Понятие преступлений и криминология преступности на рынке ценных бумаг. Краснодар, 2006.

1. Stavilo S.P., Kudryavtseva L.V. Problems of humanization and the criminalization of contemporary social relations // Humanization of contemporary education as the process of the professional-personal making of students: coll. of the materials of annual sci. readings. Anapa, 2013. P. 120–124.

2. Stavilo S.P. Concept of crimes and criminology of criminality on the securities market. Krasnodar, 2006.

Антонов Игорь Алексеевич

доктор юридических наук, профессор,
начальник кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: docantonov@yandex.ru)

Методология нравственного анализа уголовно-процессуального законодательства и уголовно-процессуальной деятельности

Статья посвящена разработке методологического инструментария изучения нравственных основ российского уголовного судопроизводства, определению и классификации нравственно-правовых критериев оценки уголовно-процессуального законодательства и уголовно-процессуальной деятельности, формулированию концептуальных положений уголовно-процессуальной политики.

Ключевые слова: нравственные основы уголовного судопроизводства, нравственно-правовые критерии, охрана прав и свобод участников уголовного процесса, уголовно-процессуальная реформа.

I.A. Antonov, Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: docantonov@yandex.ru

Methodology moral analysis of criminal procedural law and criminal procedural activities

The article is devoted to the development of methodological tools of the study of the moral foundations of Russian criminal proceedings, the definition and classification of moral and legal evaluation criteria of the criminal procedural law and criminal procedural activities, the formulation of conceptual provisions of the criminal policy.

Key words: moral foundations of criminal proceedings, moral and legal criteria, protection of rights and freedoms of participants in criminal process, criminal procedural reform.

Ценностные ориентиры. Вера. Честь и достоинство. Совесть и справедливость. Гармония. Баланс интересов. Это не праздные слова. Это все существо человека. Это то, что наполняет всю его жизнь, формирует его мысли, его чувства. И для того, чтобы человеку было комфортно жить в своем государстве, государство должно соизмерять свою политику, основываясь именно на данных категориях. Это напрямую касается и правовой политики.

Так, сегодня, как и много лет назад, наше государство и общество стоит перед серьезной проблемой: как органически соединить укрепление мер по противодействию преступности и соблюдение прав и свобод человека и гражданина в ходе данного процесса, сообразно теории естественного права, с учетом достижений и международных стандартов в сфере отправления правосудия.

Особую значимость в связи с этим приобретает вопрос о нравственно-правовых основах отношений личности и государства в сфере уголовно-процессуальной деятельности, в процессе которой возможно наиболее острое

вторжение в сферу конституционных прав и свобод лиц, вовлекаемых в производство по уголовным делам, поскольку именно уголовный процесс образует сферу широкого применения мер государственного принуждения.

Ответ на данный вопрос лежит и в сфере законодательного процесса, и в области правоприменительной практики раскрытия преступлений, расследования и рассмотрения уголовных дел, разрешений уголовных дел по существу.

При этом, если мы хотим для названной области правоотношений разработать и научно обосновать новые принципы нормотворчества и правоприменения относительно конкретных социальных предпосылок, в частности продолжающейся сегодня в России судебной-правовой и административной реформы, необходимо обратиться к особенностям истории правосознания и национальной правовой культуры. Этот опыт нашел свое отражение и осмысление в русской философии права. А.П. Альбов совершенно справедливо отмечает, что возрождение философии права должно стать важной предпосылкой целенаправленного формирования правовой культуры личности и общества. Необ-

ходимость этого осознается как философами, так и юристами, причем последними даже в большей степени. В этом видится возможность преодоления десятилетиями господствовавшего в нашей науке юридического позитивизма и догматизма, а также возрождения традиций отечественной юридической науки [1, с. 3].

Выбор в качестве методологического инструментария изучения нравственных основ российского уголовного судопроизводства философии права обусловлен тем, что ее теоретический уровень во многом определялся отношением к классической философско-правовой традиции, в особенности к поднятым в ней проблемам свободы и ответственности личности, ценностной ориентации правовой политики, отношения права и нравственности, нравственно-правового идеала, которые остаются актуальными и для современной юридической науки.

Учитывая современные потребности общества и государственно-правового развития, формируемые требования к рассмотрению уголовно-процессуального законодательства и уголовно-процессуальной деятельности с позиций нравственности, считаем необходимым дополнить методологический инструментарий средством, позволяющим оценивать содержание уголовно-процессуального закона и регулируемую им деятельность.

Представляется, что таким средством для суждения выступают нравственно-правовые критерии, которые можно определить следующим образом. Нравственно-правовые критерии – это нормы, правила поведения, основываясь на которых дается оценка юридической деятельности людей с точки зрения ее справедливости или несправедливости, с позиций добра и зла, свободы, совести и ответственности, чести и человеческого достоинства. Этими критериями регулируется данная деятельность с целью приведения ее в соответствие с исторически сложившимися представлениями о праве и нравственности.

А.Д. Бойков совершенно верно подчеркивает, что критерий нравственности для судебной этики является достаточно сложной и многоаспектной проблемой, нуждающейся в серьезной разработке и с философских, и с правовых позиций. Без выработки такого критерия наши суждения о границах морально оправданного поведения в сфере процессуальных правоотношений рискуют оказаться легковесными и неубедительными. Профессиональная мораль требует определения соответствующего общему, но более конкретного собственного критерия нравственности, который отражал бы специфику регулируемых отношений, закономерности и

цели данного вида трудовой деятельности. Исходя из общего критерия высоконравственного поведения как из методологической предпосылки, должно искать критерий профессиональной нравственности в соотношении общественных интересов и интересов личности [2, с. 202–204].

Таким образом, нравственно-правовой критерий оценки действий и решений профессиональных участников судопроизводства, а также уголовно-процессуальных норм следует искать в сложном диалектическом сочетании высших долговременных интересов общества, более конкретных общественных интересов, связанных с решением вопросов данного дела, и интересов тех граждан – участников судопроизводства, для которых принимаемые процессуальные решения создают права и обязанности.

Глубокое исследование философии права, общей теории права и уголовно-процессуального права позволило нам сформулировать следующее определение нравственно-правовых критериев для оценки профессиональной деятельности государственных органов и должностных лиц и связанной с ней деятельности граждан в сфере уголовно-процессуальных правоотношений.

Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности – это нравственные нормы, на основании которых дается оценка процессуальным нормам и деятельности участников уголовного судопроизводства с точки зрения их соответствия справедливости и гуманизму, добру, свободе и ответственности, совести, чести и человеческому достоинству. Это те критерии (выработанные опытом международного и национального права, естественного права и нравственных традиций), которыми регулируется уголовно-процессуальная деятельность, на которые должны опираться органы и должностные лица при осуществлении производства по уголовному делу, а также лица, вовлекаемые в сферу уголовного процесса [3].

В целях детального изучения нравственно-правовых критериев уголовно-процессуальной деятельности нами была предпринята попытка их классификации с учетом ранее проведенных исследований. Итак, на наш взгляд, необходимо в зависимости от объекта оценки выделять два типа нравственно-правовых критериев применительно к уголовно-процессуальной деятельности:

1) нравственные нормы, опираясь на которые дается оценка уголовно-процессуальной деятельности;

2) нравственные нормы, опираясь на которые дается оценка личности должностных лиц,

осуществляющих и направляющих уголовно-процессуальную деятельность, а также лиц, вовлекаемых в производство по уголовным делам.

В отношении данных типов, исходя из нормативного закрепления нравственных норм, можно выделить два подтипа:

а) нравственные нормы, реализованные в праве; в сфере уголовно-процессуальной деятельности их следует классифицировать по видам нормативных документов, в которых они закреплены, и разделить на следующие формы:

нравственные нормы, закрепленные в международных документах;

нравственные нормы, получившие закрепление в национальном законодательстве Российской Федерации, регулирующем правоохранительную деятельность в целом;

нравственные нормы, нашедшие отражение в российских нормативных правовых актах, регулирующих уголовно-процессуальную деятельность;

б) нравственные нормы, не реализованные в праве.

Первый подтип нравственно-правовых критериев уголовно-процессуальной деятельности – нравственные нормы, реализованные в праве, одной из его форм являются нравственные нормы, закрепленные в международных документах.

Разновидностью данной формы являются нравственные нормы, получившие признание и закрепление на международном уровне.

К нравственным нормам, получившим закрепление в национальном законодательстве Российской Федерации, регулирующем правоохранительную деятельность, отнесем всевозможные моральные кодексы, присяги и клятвы.

В России нравственное поведение должностных лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность, всегда было в центре внимания. Более того, оно рассматривалось и рассматривается в качестве обязательного условия принятия на службу, связанную с правоохранительной деятельностью.

В частности, сотрудник органов внутренних дел, в том числе в последующем назначаемый на должность, связанную с осуществлением производства по уголовным делам, поступая на службу, приносит присягу (ст. 35 Федерального закона «О полиции»). Совершение проступков, порочащих честь сотрудника полиции, служит основанием для увольнения (п. 12 ч. 1 ст. 40 Федерального закона «О полиции»). То есть профессиональная пригодность сотрудников органов внутренних дел, в том числе осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность,

напрямую связывается с их нравственными качествами. Подобные положения присутствуют и в нормативно-правовых актах, регламентирующих деятельность иных правоохранительных органов.

Присягу, согласно Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации», принимают и лица, впервые назначаемые на должность прокурора. Они торжественно клянутся активно защищать интересы личности, общества и государства; постоянно совершенствовать свое мастерство, дорожить своей профессиональной честью, быть образцом неподкупности и моральной чистоты и т.д. (ст. 40.4). Также нравственные качества учитываются и при приеме на работу прокуроров (прокурорами могут быть граждане... обладающие необходимыми профессиональными и нравственными качествами – ст. 40.1), и при их увольнении (прокурорский работник может быть уволен в случае... нарушения Присяги прокурора, а также совершения проступков, порочащих честь прокурорского работника – ст. 43).

Нравственные требования предъявляются и к судьям, и к адвокатам, и к сотрудникам иных правоохранительных органов, что находит правовое закрепление в кодексах чести.

Третью форму составляют нравственные нормы, нашедшие отражение в российских нормативно-правовых актах, регулирующих уголовно-процессуальную деятельность.

В некоторых отраслях права юридические нормы прямо выражают известные нравственные нормы, конкретизируют их в виде нормативных, формально определенных юридических предписаний. Своим образом, спецификой взаимодействия нравственности и права является и то, что некоторые нравственные нормы могут превращаться в правовые, когда они юридически оформляются государственной властью, а правовые нормы все в большей степени наполняются этическим содержанием. Не является исключением в этом отношении и уголовно-процессуальное право.

С большой отчетливостью можно увидеть нравственное содержание в назначении уголовного судопроизводства, в принципах уголовного процесса, в правах его участников и уголовно-процессуальных гарантиях их обеспечения. Гуманизм, уважение к человеку, бережное отношение к его доброму имени и правам – это те нравственные принципы и идеалы, которые определяют существо и цели уголовного судопроизводства, представляющего собой систему гарантий, обеспечивающих надежную охрану прав личности, вовлекаемой в производство по

уголовному делу. И такие ценности, как гуманизм, свобода, справедливость, выступают в силу этого как принципы нравственно-правовые.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ закрепляет нравственный принцип справедливости в статье, определяющей назначение уголовного судопроизводства. Согласно ч. 2 ст. 6 УПК РФ уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечает назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Не менее важное значение для уголовно-процессуальной деятельности имеет принцип законности (ст. 7 УПК РФ). Соблюдение законности – не только юридическая, но и нравственная обязанность всех граждан и всех должностных лиц. Нарушение законности является правонарушением, но это есть и безнравственный поступок. Реализация, правильное применение законов всегда означает, вместе с тем, и реализацию нравственных требований, которые в законах выражены, заложены в них.

Особое место в уголовном процессе занимает принцип свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ). Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Нравственное начало предоставления возможности оценки доказательств лицу, осуществляющему производство по делу, означает его свободу, самостоятельность, независимость при оценке доказательств. С этической стороны внутреннее убеждение означает следование голосу совести, расследование дела по совести. Все это придает принципу оценки доказательств по внутреннему убеждению особую значимость.

Глубоким нравственным содержанием наполнены и остальные принципы уголовного процесса: уважение чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ), неприкосновенность личности (ст. 10 УПК РФ), презумпция невиновности (ст. 12 УПК РФ) и др. Их реализация требует от лиц, осуществляющих производство по уголовным делам, неуклонного соблюдения правовых и нравственных норм, следования указаниям нравственного сознания и голосу совести.

Таким образом, следует отметить, что нравственные нормы, реализуемые в области уголовного процесса, не отделяются от процессуальных норм, они включаются в их содержание, являются необходимым составляющим право-

вых предписаний и требований, определяют нравственный смысл, значение процессуальных норм, указывают этически допустимые способы их реализации. Когда мы говорим о нравственно-правовых критериях уголовно-процессуальной деятельности, то имеем в виду, что самим процессуальным нормам присущ определенный нравственный характер и что способы их реализации могут быть только такие, которые являются и законными и нравственными.

Второй подтип нравственно-правовых критериев уголовно-процессуальной деятельности – нравственные нормы, не реализованные в праве.

К данной группе относятся нравственные нормы, которые действуют в сфере уголовно-процессуальной деятельности и не нашли своего закрепления в официальных документах. Данные нравственные нормы вбирают в себя самый широкий пласт традиционных отношений, действующих в сфере уголовного процесса. Они касаются не формальных, но нравственно выдержанных отношений между участниками уголовно-процессуальной деятельности, а также возникающих в связи с осуществлением процессуальных действий на основе внутреннего убеждения и правосознания. Это то, что называют чувством гражданского и профессионального долга, совести, нравственной и правовой культуры.

Не все отношения, в которые органы, осуществляющие уголовно-процессуальную деятельность, вынуждены вступать при отправлении своих обязанностей, урегулированы правом. Нравственная регуляция дополняет действие правовых норм там, где и по отношению к чему эти нормы не определены.

Все правовые отношения подлежат нравственной оценке. Но не все отношения, регулируемые нормами нравственности, находят закрепление в праве. Как бы ни был детализирован закон, он всегда оставляет простор для действий и требований нравственности.

В сфере уголовно-процессуальной деятельности отмечаются многочисленные нравственные отношения, выходящие за пределы правового регулирования. Сегодняшний день определяет в качестве не урегулированных правом многие отношения участников процесса между собой, а также вопросы методики расследования отдельных видов преступлений и тактики проведения следственных действий. В этой плоскости от того, как лица, осуществляющие производство по уголовным делам, понимают задачи права, каков уровень их правосознания, юридической подготовки, нравственно-правовой культуры, а также от того, какие условия работы им созданы, как стимулирован их труд, зависит

замысел законодателя. В свое время это хорошо подметил А.Ф. Кони, который писал: «Как бы ни были хороши правила деятельности, они могут потерять свою силу и значение в неопытных или недобросовестных руках» [4, с. 12].

В связи с этим нами был выделен второй тип нравственно-правовых критериев уголовно-процессуальной деятельности – нормы, на основании которых дается оценка личности лица, осуществляющего уголовно-процессуальную деятельность.

Уникальность ситуаций, в которых приходится действовать лицу, осуществляющему уголовно-процессуальную деятельность, требует высокого сознания нравственной ответственности, принципиального определения нравственных позиций, своего отношения к людям и духовным ценностям, оказывающимся в орбите профессиональных интересов. Эта деятельность требует глубокого понимания специалистом своего профессионального долга, отчетливого понимания вопросов профессиональной чести, высокой меры профессиональной ответственности.

Каковы же нравственные требования, предъявляемые к лицу, осуществляющему уголовно-процессуальную деятельность? На данную тему И.А. Ильин писал: «Государственная служба требует большой идеи, чистых рук и жертвенного служения. Вот почему необходимо высказывать, доказывать и жизненно прививать воззрение, что государственная деятельность требует не ловкого проходимца и не хитрящего интригана, но человека с нравственно сильным характером. Она требует высокой волевой, моральной, образовательной и профессиональной квалификации. Это дело совсем не общедоступное, не дилетантское, не уличное» [5, с. 492].

Лица, осуществляющие производство по уголовным делам, должны быть образцом честного служения Родине, строгого соблюдения законов, нравственной чистоты и безукоризненного поведения, чтобы иметь нравственное право судить, применять меры процессуального принуждения. Судьей, прокурором, следователем, дознавателем может быть только личность с очень высокой степенью нравственно-правовой социализации, с развитым правосознанием, высокой правовой и общей культурой, являющаяся настоящим носителем нравственных идеалов своего народа и общечеловеческих ценностей.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что современная уголовно-про-

цессуальная политика должна базироваться на следующих концептуальных положениях.

Реформирование уголовно-процессуального законодательства и уголовно-процессуальной деятельности должно быть подчинено, в первую очередь, соответствию концепции естественного права.

Уголовно-процессуальная деятельность должна оцениваться, прежде всего, с точки зрения ее соответствия нравственно-правовым критериям.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство должно быть приведено в соответствие с мировыми достижениями по охране прав и свобод личности в сфере отправления правосудия по уголовным делам, с конституционными положениями, а также пересмотрено в целях укрепления гарантий надлежащего обеспечения защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. При этом в средствах достижения названных целей уголовного судопроизводства, в правах участников процесса с противоположными интересами должен быть баланс.

Внесение изменений и дополнений в УПК РФ возможно только после оценки законопроектов с позиций соответствия их положений общим представлениям о праве и нравственности, справедливости и гуманизме.

Не могут признаваться легитимными принимаемые законы, подзаконные нормативные правовые акты и ведомственные документы, ухудшающие действующее положение участников уголовного судопроизводства.

Организация деятельности суда, прокуратуры, органов предварительного следствия и дознания должна быть основана на признании необходимости обеспечения их объективности, беспристрастности и самостоятельности в осуществлении производства по уголовным делам.

Процессуальные действия и решения должностных лиц должны быть законны и обоснованны и не должны нарушать нормы профессиональной этики.

Отбор кадров для судебной системы, органов прокуратуры, органов предварительного расследования и адвокатуры должен базироваться на оценке нравственно-правовой социализации их личности.

1. Альбов А.П. *Нравственно-правовые проблемы в русской и немецкой философии права*

1. Albov A.P. *Moral and legal problems in the Russian and German philosophy of law*

(теоретико-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999.

2. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М., 1989.

3. Антонов И.А. Нравственно-правовые начала уголовно-процессуальной деятельности (теоретические идеи и правоприменительная практика): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005.

4. Кони А.Ф. Из воспоминаний и заметок судьи. СПб., 1905.

5. Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1998. Т. 7.

(theoretical and legal analysis): diss. ... Dr of Law. St. Petersburg, 1999.

2. The course of soviet criminal process. The general part / ed. by A.D. Boykov and I.I. Karpets. Moscow, 1989.

3. Antonov I.A. Moral and legal beginnings of criminal and procedural activity (theoretical ideas and law-enforcement practice): diss. ... Dr of Law. St. Petersburg, 2005.

4. Kony I.A. Judges notices. St. Peterburg, 1905.

5. Ilyin I.A. Coll. works: in 10 vol. Moscow, 1998. Vol. 7.

Костенко Роман Валерьевич

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
Кубанского государственного университета
(e-mail: rom-kostenko@yandex.ru)

Второе правило допустимости доказательств в российском уголовном процессе

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с оценкой допустимости доказательств в уголовном процессе с точки зрения законности надлежащих источников сведений, составляющих содержание доказательств.

Ключевые слова: доказательства в уголовном процессе, допустимость доказательств в уголовном процессе, оценка допустимости доказательств, процессуальная форма доказательства.

R.V. Kostenko, Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Procedure of the Kuban State University; e-mail: rom-kostenko@yandex.ru

The second rule of admissibility of evidence in the Russian criminal trial

This article examines the problematic issues associated with the assessment of admissibility of evidence in criminal proceedings from the point of view of the law relevant sources of information that constitute the evidence

Key words: evidence in criminal proceedings, admissibility of evidences in criminal proceedings, assessment of the admissibility of evidences, procedural form of evidence.

Сущность второго правила допустимости доказательств заключается в том, что сведения о фактах и обстоятельствах уголовного дела должны быть получены из надлежащих источников (надлежащих разновидностей процессуальной формы доказательств), предусмотренных действующим УПК РФ. Нарушение этого правила о надлежащих источниках (надлежащих разновидностях процессуальной формы доказательств) всегда влечет за собой исключение полученных доказательств.

В теории уголовного процесса ученые расходятся в своих позициях по вопросу о том, что должна представлять собой надлежащая процессуальная форма доказательства, а также какие в связи с этим требования необходимо предъявлять к ней. Ряд авторов предлагают считать формой доказательства источники фактических данных или источники сведений о фактах [1, с. 35–44; 2, с. 95–103; 3, с. 115; 4, с. 103–113; 5, с. 225]. Другие отождествляют форму доказательств как источник сведений об обстоятельствах преступления с видами уголовно-процессуальных доказательств [6, с. 570; 7, с. 98–99; 8, с. 392]. Третьи называют процессуальную форму доказательств средствами доказывания [9, с. 57; 10, с. 166]. Отдельная группа ученых использует термин «надлежащая процессуальная форма доказательства» применительно к источникам

доказательств [11, с. 94; 12, с. 55; 13, с. 140; 14, с. 86–87; 15, с. 113; 16, с. 127]. При этом указывается, что термин «источник доказательства» предпочтительнее бы заменить на термин «вид доказательства», который способен отразить различия как в способах сохранения и передачи сведений, так и в процессуальном положении носителя доказательственной информации [15, с. 113; 17, с. 38]. Представленной позиции возражает В.С. Балакшин, который утверждает, что существуют серьезные основания сомневаться в теоретической и практической обоснованности применения понятия «источник доказательств» [1, с. 64]. В связи с этим высказывается также мнение о том, что, помимо понятия «источник доказательств», можно использовать такой термин, как «носитель информации» [18, с. 53–54]. Необходимо обратить внимание также на концепцию тех исследователей, которые именуют источники сведений, имеющих доказательственное значение, видами доказательств, по словам С.А. Шейфера, «самими доказательствами, взятыми со стороны их формы» [19, с. 48–49]. Надлежащая форма доказательства в уголовном процессе должна быть неотделима от их содержания. По словам Ю.К. Орлова, в принципе форма и содержание неразделимы, поскольку не существует информации (как и энергии) вне какого-то материального носителя [7, с. 39].

Показания подозреваемого являются допустимым доказательством с точки зрения оценки их надлежащей процессуальной формы при соблюдении следующих условий. Во-первых, указанный вид доказательства должен представлять собой сведения, сообщенные подозреваемым на допросе, проведенном в ходе досудебного производства в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства. Во-вторых, сведения, которые сообщены подозреваемым и которые в дальнейшем могут быть использованы в качестве доказательств, должны быть зафиксированы только в протоколах допросов подозреваемых [20, с. 11; 21, с. 100; 22, с. 203–204; 23, с. 113; 24, с. 153–154].

Требования допустимости показаний обвиняемого во многом аналогичны указанным выше условиям в отношении показаний подозреваемого.

Некоторые процессуалисты выделяют также специальные условия допустимости показаний обвиняемого, страдающего психическим заболеванием [25, с. 38; 26, с. 73–74]. В частности, А.В. Победкин и В.А. Гавриков предлагают закрепить в законе, что лицо, совершившее общественно опасное деяние, может быть допрошено лишь в случае, если это позволяет его психическое состояние и на момент допроса не имеется достаточных оснований для вывода о неспособности такого лица отдавать отчет своим действиям и руководить ими [26, с. 74].

В соответствии со ст. 78 УПК РФ потерпевший может быть допрошен о любых обстоятельствах, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, в том числе о своих взаимоотношениях с подозреваемым, обвиняемым. Не может быть допрошено в качестве потерпевшего лицо, которому преступными действиями другого лица причинен вред, но которое само являлось участником или укрывателем соответствующих действий [27, с. 310–316].

В соответствии со ст. 56 УПК РФ свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, вызванное для дачи показаний. По мнению многих авторов, случаи свидетельского иммунитета в уголовном процессе нельзя ограничивать только нормами УПК РФ [28, с. 18; 29, с. 7; 22, с. 135–137; 30, с. 57–58; 31, с. 60]. Сами же показания свидетеля должны быть получены в форме сведений, сообщенных им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями УПК РФ. Если лицо при произ-

водстве предварительного следствия во время допросов в качестве свидетеля и на очных ставках изобличается органами следствия в совершении преступления (без разъяснения ему права отказаться отвечать на соответствующие вопросы), то такие сведения в этой части должны признаваться недопустимыми, как полученные из запрещенного законом источника.

В соответствии со ст. 80 УПК РФ заключение эксперта – это представленные в письменном виде выводы по вопросам, поставленным перед экспертом как лицом, ведущим производство по уголовному делу, так и сторонами. Показания же эксперта есть сведения, сообщенные им на допросе, проведенном после получения его заключения, в целях разъяснения или уточнения данного заключения в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. Анализируя сущность данной разновидности доказательств, Н. Громов и Е. Попова делают вывод о том, что показаниям эксперта присущи следующие признаки: 1) показания эксперта – это всегда его устная речь; 2) это устная речь лица, которое провело назначенное в установленном порядке исследование и подготовило письменное заключение; 3) содержание показаний – сведения, разъясняющие или уточняющие заключение эксперта или его часть; 4) показания эксперта могут быть даны только на допросе; 5) допрос эксперта должен быть произведен только после дачи им заключения [32, с. 81]. Некоторыми авторами указываются и другие случаи исключения из разбирательства уголовного дела заключения эксперта [20, с. 7].

Требования допустимости заключения и показаний специалиста также во многом схожи с аналогичными требованиями допустимости заключения и показаний эксперта. Вместе с тем, следует учитывать, что заключением специалиста является представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами, а его показания – сведения, сообщенные на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснения своего мнения в соответствии с требованиями ст. 53, 168 и 271 УПК РФ.

В вещественных доказательствах их содержание, т.е. непосредственно сведения об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела, существует в некодированной форме, в своем, так сказать, естественном виде и воспринимается наглядно (например, что кончик ножа отломан) [33, с. 84–88]. Поэтому, как правильно подмечает Ю.К. Орлов, доказательственное значение в вещественных

доказательствах имеют их физические свойства (например, размер и конфигурация следа), местонахождение (например, похищенная вещь, обнаруженная у обвиняемого) либо факт их создания (изготовления) или видоизменения (например, фальшивая монета, поддельный документ и т.п.) [7, с. 112]. Соответственно, именно в этих свойствах и характеристиках проявляется содержание вещественных доказательств. Между тем, указанная особенность вещественных доказательств для отдельных авторов стала основной причиной для такого радикального предложения, как исключение из УПК вообще термина «вещественное доказательство» [34, с. 41]. По словам Б. Комлева, он вводит в заблуждение своим названием относительно доказательственного значения материальных объектов. Вместо него, как полагает ученый, следует употребить термин «материальные объекты любого физического состояния» [34, с. 41]. На некоторые недостатки представленной позиции справедливо указал Э. Клямко, делая акцент на анализе парадоксального тезиса о том, что «вещественные доказательства по своей сути доказательствами не являются» [35, с. 42–44].

На наш взгляд, два процессуальных акта (протокол осмотра и постановление о признании и приобщении к уголовному делу) являются в комплексе теми самыми источниками, которые выступают в качестве процессуальной формы вещественного доказательства. Аналогичный вывод в целом делают и большинство изучавших эту проблему ученых, которые признают, что процессуальная форма вещественных доказательств представляет собой явление сложное и многоплановое [36, с. 142–143; 2, с. 181–182; 37, с. 32; 7, с. 113–114; 5, с. 649]. Вместе с тем, указанные процессуалисты, помимо протокола осмотра предмета или вещи и постановления о признании и приобщении к уголовному делу вещественных доказательств, выделяют также еще один элемент процессуальной формы данного вида доказательств. Речь идет о процессуальном документе, отражающем обстоятельства появления объекта в сфере уголовного процесса.

Вещественные доказательства будут считаться допустимыми в случаях, когда: во-первых, они получены в ходе производства следственного (судебного) действия лицом, ведущим процесс, либо в порядке ч. 2 ст. 86 УПК РФ, предусматривающей, что подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский

истец, гражданский ответчик и их представители вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств; во-вторых, они надлежащим образом осмотрены, сфотографированы или сняты на видео- либо киноленту, а потом опечатаны и хранятся в месте, указанном лицом, ведущим производство по уголовному делу; в-третьих, имеется отдельное постановление лица, ведущего производство, о приобщении соответствующего предмета в качестве вещественного доказательства по уголовному делу.

Следующий вид доказательств – протоколы следственных действий и протоколы судебных заседаний – допускаются в качестве доказательств, если они соответствуют требованиям, установленным УПК РФ. Необходимо учитывать, что протоколы следственных действий и протоколы судебных заседаний являются доказательствами по уголовному делу, если: 1) они получены и составлены непосредственно во время или после производства только следственных действий или в ходе судебного заседания; 2) ими устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела (обстоятельства предмета доказывания), а также промежуточные (вспомогательные) факты.

Иные документы допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию и указанных в ст. 73 УПК РФ, а также обстоятельств, выступающих в качестве вспомогательных, промежуточных фактов. Документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменной, так и в иной форме. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном ст. 86 УПК РФ. Документ допустим как доказательство при наличии: 1) данных, указывающих на то, каким образом он попал в уголовное дело (сопроводительное письмо, протокол и т.д.); 2) установленных реквизитов служебных документов или данных о гражданине, от которого документ исходит; 3) указаний на источник осведомленности составителя (ссылки на название нормативного акта, номер и дату архивного документа, лиц, от которых получены данные, и т.д.). При отсутствии таких данных его составитель может быть допрошен в качестве свидетеля [22, с. 81].

1. Балакшин В.С. Доказательства в российском уголовном процессе: понятие, сущность, классификация. Екатеринбург, 2002.
2. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978.
3. Дорохов В.Я. Понятие доказательств в советском уголовном процессе // Сов. государство и право. 1964. № 9.
4. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995.
5. Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. М., 1973.
6. Курс советского уголовного процесса / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989.
7. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: науч.-практ. пособие. М., 2000.
8. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1.
9. Петрухин И.Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964.
10. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П.А. Лупинской. М., 1998.
11. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России. М., 1998.
12. Власова Н. Перечень доказательств – это краткое изложение сведений, содержащихся в том или ином источнике // Рос. юстиция. 2003. № 9.
13. Громов Н.А. Уголовный процесс России: учеб. пособие. М., 1998.
14. Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России: лекции-очерки / под ред. В.М. Савицкого. М., 1997.
15. Левченко О.В. Система средств познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам и ее совершенствование: дис. ... д-ра юрид. наук. Астрахань, 2004.
16. Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976.
17. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Тольятти, 1997.
18. Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991.
19. Шейфер С.А. Проблемы допустимости доказательств требуют дальнейшей разработки // Государство и право. 2001. № 10.
20. Григорьева Н.В. Исключение из разбирательства дела недопустимых доказательств // Рос. юстиция. 1995. № 11.
1. Balakshin V.S. Evidence in the Russian criminal procedure: the concept, the essence of classification. Ekaterinburg, 2002.
2. Gorsky G.F., Kokorev L.D., Elkind P.S. Problems of evidences in the Soviet criminal procedure. Voronezh, 1978.
3. Dorohov V.Ya. The concept of evidence in the Soviet criminal proceedings // Soviet state and law. 1964. № 9.
4. Kokorev L.D., Kuznetsov N.P. Criminal proceedings: evidences and proof. Voronezh, 1995.
5. Proof theory in the Soviet criminal procedure / ed. by N.V. Zhogin. Moscow, 1973.
6. The course of Soviet criminal procedure / ed. by A.D. Boikov, I.I. Karpets. Moscow, 1989.
7. Orlov Yu.K. Fundamentals of the theory of evidences in criminal proceedings: sci. and pract. manual. Moscow, 2000.
8. Strogovich M.S. Course of Soviet criminal procedure. Moscow, 1968. Vol. 1.
9. Petruhin I.L. Examination as a means of proof in the Soviet criminal proceedings. Moscow, 1964.
10. Criminal procedural law of the Russian Federation / ed. by P.A. Lupinskaya. Moscow, 1998.
11. Bezlepkin B.T. Criminal procedure in Russia. Moscow, 1998.
12. Vlasova N. List of evidences – a summary of information contained in one or another source // Russian justice. 2003. № 9.
13. Gromov N.A. Russian criminal proceedings: study aid. Moscow, 1998.
14. Larin A.M., Melnikova E.B., Savitsky V.M. Criminal proceedings in Russia: lectures-essays / ed. by V.M. Savitsky. Moscow, 1997.
15. Levchenko O.V. System tools of cognitive activity in proving criminal cases and its improvement: diss. ... Dr of Law. Astrakhan, 2004.
16. Fatkullin F.N. Common problems of procedural evidence. Kazan, 1976.
17. Shafer S.A. Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation. Tolyatty, 1997.
18. Bednyakov D.I. Non-procedural information and investigation of crimes. Moscow, 1991.
19. Shafer S.A. The problem of admissibility of evidence require further development // State and law. 2001. № 10.
20. Grigorieva N.V. Exclusion from the proceedings inadmissible evidence // Russian justice. 1995. № 11.
21. Druzin E.V. Questions to the application of article 51 of the Constitution of the Russian Federation in the criminal justice // Bull. of the Saratov State Academy of Law. Saratov, 1996.

21. Друзин Е.В. Вопросы применения положений статьи 51 Конституции РФ в уголовном судопроизводстве // *Вестн. Саратов. гос. акад. права. Саратов*, 1996.
22. Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Д, 1999.
23. Лупинская П.А. Проблемы допустимости доказательств при рассмотрении дела судом присяжных // *Рассмотрение дел судом присяжных: науч.-практ. пособие для судей. Варшава*, 1997.
24. Радутная Н.В. Коллизии норм уголовно-процессуального законодательства и возможности их преодоления в судебной практике // *Комментарий российского законодательства. М.*, 1997.
25. Зеленский Д.В. Проблемы допустимости доказательств в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1994.
26. Победкин А.В., Гавриков В.А. Допустимость показаний лица, страдающего психическим заболеванием, в уголовном процессе // *Государство и право*. 1999. № 8.
27. Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. М., 1971.
28. Гришина Е.П. Достоверность доказательств и способы ее обеспечения в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996.
29. Епихин А.Ю. Защита законных прав и интересов свидетеля в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.
30. Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 1995.
31. Сильнов М.А. Вопросы обеспечения допустимости доказательств в уголовном процессе (досудебные стадии). М., 2001.
32. Громов Н., Попова Е. Показания эксперта как источник доказательств // *Уголовное право*. 2003. № 3.
33. Эйсман А.А. О понятии вещественного доказательства и его соотношении с понятиями доказательств других видов // *Вопросы борьбы с преступностью. М.*, 1965. Вып. 1.
34. Комлев Б. О понятии вещественного доказательства // *Законность*. 1998. № 4.
35. Клямко Э. Недоказывающие «доказательства» // *Законность*. 1998. № 4.
36. Белоусов А.В. Процессуальное закрепление доказательств при расследовании преступлений. М., 2001.
37. Кежоян А.Х. Вещественные доказательства по делам об убийствах. М., 1973.
22. Zolotyh V.V. Checking the admissibility of evidences in criminal proceedings. Rostov-on-Don, 1999.
23. Lupinskaya P.A. The problem of admissibility of evidence in a case tried by a jury // *Cases by jury: sci. and pract. manual for judges. Warsaw*, 1997.
24. Radutnaya N.V. Collisions of criminal procedural law and the possibility of overcoming them in the jurisprudence // *Russian legislation commentary. Moscow*, 1997.
25. Zelenskiy D.V. The problem of admissibility of evidence in the Russian criminal trial: diss. ... Master of Law. Krasnodar, 1994.
26. Pobedkin A.V., Gavrikov V.A. The admissibility of the testimony of the person suffering from mental illness in the criminal process // *State and law*. 1999. № 8.
27. Savitsky V.M. Public prosecution in court. Moscow, 1971.
28. Grishina E.P. The reliability of evidence and the methods of its provision in the criminal process: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 1996.
29. Epihin A.Yu. Protection of the legitimate rights and interests of the witness in the criminal process: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 1995.
30. Kipnis N.M. Admissibility of evidence in criminal proceedings. Moscow, 1995.
31. Silnov M.A. Issues related to the admissibility of evidence in criminal proceedings (pre-trial stages). Moscow, 2001.
32. Gromov N., Popova E. Expert testimony as a source of evidences // *Criminal law*. 2003. № 3.
33. Eysman A.A. On the concept of the physical evidence and its relation with the concepts of other types of evidence // *Issues of counteraction to crime. Moscow*, 1965. Iss. 1.
34. Komlev B. On the concept of physical evidence // *Legality*. 1998. № 4.
35. Klyamko E. Non-proving «evidences» // *Legality*. 1998. № 4.
36. Belousov A.V. Procedural consolidation of evidences in the investigation of crimes. Moscow, 2001.
37. Kezhoyan A.H. Physical evidences of the cases about killings. Moscow, 1973.

Адаменко Игорь Евгеньевичкандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583757)

К вопросу о роли материального мировоззрения в разрешении проблемы повышения качества реализации уголовно-процессуального закона

В статье исследуется роль материального мировоззрения в формировании парадигмы уголовно-процессуального закона, уголовно-процессуальный закон рассматривается с позиции материального мировоззрения, определяется место материального мировоззрения в обеспечении единства теории, практики и уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: материальное мировоззрение, уголовно-процессуальный закон, чувственные доказательства, духовность, нравственность, научное мировоззрение, либеральное мировоззрение.

I.E. Adamenko, Master of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583757.

To the issue of the role of the material worldview in solving the problem of improvement of quality implementation the criminal procedural law

In the paper defined the role of the material worldview in the formation paradigm of the criminal procedural law, produced comprehension the criminal procedural law from the perspective of the material worldview, justified place of the material worldview in ensuring the unity of theory, practice and procedural criminal law.

Key words: material worldview, criminal procedural law, sensual evidences, spirituality, morality, scientific worldview, liberal ideology.

При всех многочисленных поклонах в сторону обыденного мировоззрения, например религиозного, народного (в широком смысле), во второй половине XIX в. в российском обществе господствовало материальное мировоззрение. Его краеугольным основанием выступали чувственные доказательства и полная гегемония разума над всеми прочими способностями, доходящая до логического ослепления. Эта ипостась материального мировоззрения анализируемого времени была весьма ясно определена Н.И. Пироговым, который в одном из своих сочинений писал: «Так как материальное мировоззрение легкомысленно признает основанием всякого знания одни чувственные доказательства, то мне совершенно непонятно, почему современные мыслители ставят одно только знание на пьедестал, а все остальные, из той же чувственности исходящие чувства, дарования и способности оценивают так слабо... Так же неосновательно кажется мне, что радикальные мыслители, будучи врагами всякого автократизма, признают, однако, полную геге-

монию разума над всеми прочими духовными способностями» [1, с. 469].

Особенность материального мировоззрения того времени заключалась в признании основанием всякого знания чувственных доказательств и гегемонии разума. Все остальные чувства и духовные способности материальным мировоззрением игнорировались. Мы отдаем себе отчет в том, что диагноз материальному мировоззрению был поставлен Н.И. Пироговым не в правовой плоскости, а в связи с размышлениями, направленными на решение педагогических проблем. Казалось бы, данное обстоятельство дает возможность нашим оппонентам вести речь о неуместности результатов исследования Н.И. Пирогова для разрешения проблемы реализации уголовно-процессуального закона. Однако мы не согласны с подобными установками и полагаем, что Н.И. Пирогов в своих размышлениях вел речь в целом о мировоззрении, господствующем в его время. В этом плане результаты его исследований являются общими. В наши дни они выступают как бы своеобразными свидетельствами сведущего лица анализируемого нами периода.

Дополнительно правомерность использования указанных нами результатов исследования Н.И. Пирогова обосновываем нижеследующим. Содержательные компоненты материального мировоззрения российского общества согласуются и с результатами исследований процессуалистов того времени. Особенно наглядно такое согласование очевидно, когда мы обращаем свой взор к методологическим основаниям судебной реформы второй половины XIX в. Не будем голословны и в подтверждение своей мысли обратимся к творческому наследию А. Жиряева. Он, анализируя основания теории улик в отечественном уголовном судопроизводстве, писал: «Причины усилившегося ныне влияния на уголовный процесс философии вообще и логики в частности надлежит искать в успехах, сделанных последнею относительно так называемой гносеологии (теории познания, *Wissenschaftslehre*), развитие которой принадлежит к числу самых прочных и неоспоримых приобретений в области человеческого ведения. Несмотря на чрезвычайное разнообразие уголовно-судопроизводственных законоположений, все они представляют лишь различные меры и пути, могущие вести к удостоверению в действительности, или же недействительности известного факта... Влияние теории познания на теорию улик так велико и очевидно...» [2, с. 9–10].

Приведенная цитата из творческого наследия А. Жиряева наглядно иллюстрирует факт обусловленности научного мировоззрения в уголовно-процессуальной сфере материальным мировоззрением российского общества того времени. По крайней мере, и в суждениях Н.И. Пирогова о таком содержательном компоненте материального мировоззрения, каковым является «гегемония разума», и в изложенной цитате А. Жиряева о преимуществе логики усматривается взаимообусловленность научного мировоззрения в уголовно-процессуальной сфере материальным мировоззрением.

Обусловленность научного мировоззрения в уголовно-процессуальной сфере материальным мировоззрением является не единственной. Наиболее явно эта обусловленность просматривается и в таком компоненте материального мировоззрения, к которому относятся чувственные доказательства. В ходе судебной реформы второй половины XIX в. они выступили в качестве одного из системообразующих оснований уголовного судопроизводства. Их значение в уголовно-процессуальной сфере дореволюционный автор описывал так: «Значение уголовных доказательств велико. Они занимают

центральное место в процессе и к установке их и оценке сводятся все те процессуальные действия, из совокупности которых складывается сущность уголовного процесса» [3, с. 376]. Среди современных авторов на это обстоятельство указывает С.П. Гришин. Так, он пишет: «...установление фактических обстоятельств дела есть стержневое содержание уголовно-процессуальной деятельности...» [4, с. 6].

Взаимосвязь и взаимообусловленность суждений дореволюционного автора и представителя современной отечественной процессуальной науки дает нам основания высказать мысль о том, что материальное мировоззрение обуславливает научное мировоззрение и нашего времени. В полной мере это обстоятельство относится к той части процессуальной общности, чьи взгляды, убеждения и идеи нашли свое воплощение в УПК РФ. Ведь по своей сущности уголовные доказательства являются воплощением чувственных доказательств в уголовно-процессуальной сфере.

Обусловленность содержательных компонентов научного мировоззрения в уголовно-процессуальной сфере материальным мировоззрением российского общества в историческом прошлом и в наше время наглядно иллюстрирует факт того, что его следует отнести к типовому мировоззрению, которое оказывало и оказывает «существенное влияние на выработку концептуальных доктрин, включая и уголовное судопроизводство» [5, с. 7].

Выработанные на основе материального мировоззрения уголовно-процессуальные доктрины объективировались в исследованиях процессуалистов либерального направления. В последующем эти исследования были восприняты и законодателем. По крайней мере, принятие Уставов уголовного судопроизводства в 1864 г. необходимо считать в качестве отправного начала в определении формального единения уголовно-процессуальной науки, законодателя и практики. Подтверждением тому является нижеследующий факт. А.Ф. Кони, указывая на ничтожное влияние науки на законодательство и судебную практику до реформы уголовного судопроизводства 1864 г., пишет: «Да и само законодательство в значительной мере оправдывало изречение Виндшейта о том, что юриспруденция есть лишь служанка законодательства, но служанка в терновом венце. Только с изданием Судебных уставов судебная практика и наука пошли рука об руку, в гармоническом взаимодействии» [6, с. 34].

На наш взгляд, единение науки, законодательства и практики было произвольным.

Основу такого единения обеспечивало материальное мировоззрение того времени. Эти, казалось бы, идеальные условия должны были оказать позитивное влияние на качество реализации уголовно-процессуального закона, чего, однако, не произошло. Уже спустя непродолжительное время после введения в действие Уставов уголовного судопроизводства обнаружилась их некоторая практическая несостоятельность: нормы уголовного закона не имели адекватного механизма реализации. К тому же действовавший в то время порядок расследования и рассмотрения уголовных

дел не соответствовал социальной и политико-правовой ситуации. Феномен «дела Веры Засулич» является ярким тому свидетельством. «Поэтому закономерными, – отмечает Н.И. Биюшкина, – следует считать те многочисленные изменения, которые были внесены в этот нормативно-правовой акт» [7, с. 243–244]. Вектор этих многочисленных изменений был направлен на установление соответствия мировоззренческих установок, воплощенных в Уставах уголовного судопроизводства 1864 г., и мировоззрения большинства народонаселения нашей страны того времени.

1. Пирогов Н.И. Избр. пед. соч. / введ. ст. В.З. Смирнова. М., 1953.

2. Жиряев А. Теория улик. Дерпт, 1855.

3. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство – Судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. СПб., 1913.

4. Гришин С.П. Судебное следствие в смешанном уголовном процессе (эпистемологический, процессуальный и тактико-криминалистический аспекты). М., 2008.

5. Агутин А.В., Агутина Н.В. Теоретические и нравственные основания принципов в современном отечественном уголовном судопроизводстве. М., 2009.

6. Кони А.Ф. Отцы и дети Судебной реформы: К пятидесятилетию Судебных Уставов. М., 2003.

7. Биюшкина Н.И. Охранительные отношения в Российском государстве в период правления Александра III (март 1881-го – 1864 год). Н. Новгород, 2010.

1. Pirogov N.I. Sel. pedagogical works / introd. art. by V.Z. Smirnov. Moscow, 1953.

2. Zhiryayev A. Theory of evidence. Derpt, 1855.

3. Sluchevsky V.K. Textbook of Russian criminal proceedings. The judicial system – Judiciary. 4th ed., add. and corr. St. Petersburg, 1913.

4. Grishin S.P. Judicial investigation in a mixed criminal proceedings (epistemological, procedural and tactical criminalistics aspects). Moscow, 2008.

5. Agutin A.V., Agutina N.V. Theoretical and ethical foundations of the principles in the modern domestic criminal proceedings. Moscow, 2009.

6. Koni A.F. Fathers and sons of Judicial reform: On the fiftieth anniversary of Judicial Statutes. Moscow, 2003.

7. Biyushkina N.I. Enforcement relations in the Russian state during the reign of Alexander III (March 1881 – 1864). Nizhny Novgorod, 2010.

Пастухов Павел Сысоевич

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Пермского государственного национального
исследовательского университета
(e-mail: pps64@mail.ru)

О ключевом вопросе развития современной теории уголовно-процессуальных доказательств

В статье обсуждается фундаментальная проблема теории уголовного процесса, связанная с пониманием природы истины. Автор критикует концепцию объективной истины, которая является идеологией следственного уголовного процесса. На примере использования в доказывании электронных доказательств показана несостоятельность представлений, основанных на концепции объективной истины. Предлагается пересмотреть определения доказательства и доказывания, исходя из необходимости деформализации доказывания.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказывание, истина, электронные доказательства.

P.S. Pastuhov, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of the Perm State University; e-mail: pps64@mail.ru

About the main issue of the development of the modern theory of criminal procedural evidences

This paper discusses the fundamental problem of the theory of criminal proceedings related to the understanding of the nature of truth. The author criticizes the concept of objective truth, which is the ideology of the investigative criminal proceedings. Reference to the use of electronic evidence in proving the inconsistency of views based on the concept of objective truth is shown. Proposes to revise the definition of evidence and proof, based on the need evidence deformalization.

Key words: criminal procedure, evidence, truth, electronic evidences.

При обсуждении любой проблемы частного характера ученый-процессуалист не может не понимать более глобальных вопросов. Одним из них является вопрос о природе истины, устанавливаемой по уголовному делу. Мы обратились к процессуальной литературе и выявили следующую закономерность. Сторонники объективной истины являются сторонниками следственного процесса [1, с. 11–31]. Процессуалисты, которые солидаризируются с теориями формальной или судебной истины в уголовном процессе, придерживаются состязательных взглядов на судопроизводство [2, с. 23–24]. Иногда, впрочем, сторонники состязательности поддерживают теорию объективной истины [3]. Но мы считаем, что это демонстрирует скорее непонимание внутренней противоречивости такой позиции и непоследовательность во взглядах.

По мысли А.С. Александрова, «концепция объективной истины... увязана со всеми идеями, составляющими идеологию авторитаризма... С его помощью описывается система, в которой не

стороны, а государство обязано вести процесс в публичных интересах согласно требованию закона. Поэтому объективная истина – это системообразующая идея, концентрированное выражение инквизиционной идеологии» [2, с. 23].

Такой же точки зрения придерживается А.А. Кухта: «Те, кто утверждает о превосходстве концепции “объективной истины”, кто ратует за ее законодательное закрепление, забывают, что с этой концепцией связана определенная идеология, а именно система ценностей следственного процесса... в целом “инквизиционная” модель производства истины более соответствует авторитарному устройству государственной власти, где есть институты, пользующиеся непререкаемым авторитетом в деле квалификации истинного знания» [4, с. 498].

А.С. Александров и А.А. Кухта принадлежат к системе МВД, и поэтому их, может быть, можно было бы заподозрить в поддержке ведомственных интересов. Но таких же взглядов придерживаются представители адвокатского сообщества. Президент Адвокатской палаты

г. Москвы Г.М. Резник пишет: «К чему привела химера абсолютной объективной истины, отрицание невозможности раскрыть все преступления и полностью избежать судебных ошибок, хорошо известно:

массовое сокрытие преступлений от учета; манипуляции, направленные на повышение уровня раскрываемости преступлений (в 70-е – 80-е гг. даже статистический процент раскрытых краж составлял 90%, а убийств, тяжких телесных повреждений и изнасилований приближался к 100%);

пыточное следствие;

практическое исчезновение оправдательных приговоров; замена оправданий возвращением дел на дополнительное расследование – десятки тысяч дел по несколько раз сновали от суда к следствию и обратно;

вырождение государственного обвинения; функцию прокурора выполнял суд, на половине дел прокуроры в судебном заседании вообще отсутствовали;

взвинчивание уголовной репрессии;

ненужность, практическая бесполезность защиты» [5].

Эти следствия впечатляют. Но они предсказуемы. Н.Н. Розин в 1914 г. писал: принцип объективной истины «истолкованный широко... неминуемо должен вернуть судопроизводство к розыскным формам» [6, с. 345].

Об объективной истине судья Конституционного Суда РФ К.В. Арановский говорит так: «Судопроизводство по понятным причинам не всегда обеспечивает всесторонность... Если же иметь в виду полноту истины, подлежащей выявлению в уголовном деле, то в таком понимании всесторонность означала бы главный принцип инквизиционного (розыскного) процесса. Цель его – абсолютная истина, – во-первых, недостижима; во-вторых, в нравственно-религиозном смысле сомнительна; в-третьих, несколько опорочена издержками и злоупотреблениями инквизиционного судопроизводства. Издержки, впрочем, и злоупотребления известны правосудию всех типов, но и в стороне от вопроса о том, хорош розыскной процесс или плох, можно утверждать, что всесторонность с видами на абсолютную (полную) истину объективно противоречит состязательности» [7].

Считаем, что эти представители правоохранительных органов, адвокатуры и судебной власти правы в своей критике концепции объективной истины, их нельзя упрекнуть в односторонности и предвзятости взгляда. Надо или признать, что объективная истина является уделом инквизиционного процесса, прямо заявить, что

она – цель российского судопроизводства и двигаться в соответствующем направлении, или отказаться нее.

Тенденция развития уголовного процесса Российской Федерации в сторону инквизиционности привела к появлению на законодательном уровне инициатив по внедрению в УПК РФ института объективной истины. Среди этих новшеств – увеличение активности суда, возрождение в полном объеме института возвращения дела на дополнительное расследование, изменение принципа презумпции невиновности [8].

Законопроект Следственного комитета РФ получил противоположные оценки. Один из его разработчиков (судья по всему) – Г.К. Смирнов пытается отвести внимание от инквизиционной идеологической ориентации законопроекта: «Объективная истина не относится к идеологии, а является базовой категорией научного познания, в том числе в господствующей в современной российской, да и всей мировой, науке методологии диалектического материализма. Возможность достижения истины материалистическая диалектика ставит в зависимость от применения правильной, научно обоснованной методологии – способов исследования. В целом в уголовно-процессуальном доказывании эти методологические условия обеспечивались главным образом за счет таких принципов, как полнота, всесторонность и объективность исследования всех обстоятельств, имеющих значение для дела в их системном единстве» [9, с. 11]. Считаем, что эта попытка замаскировать подлинные смыслы законопроекта неудачна. По мысли А.С. Александрова, «во взглядах сторонников возврата “объективной истины” четко прослеживается партийность: они хотят переделать весь уголовный процесс под следственный формат... Если мы признаем следователя субъектом, удостоверяющим объективную истину, причем в ходе досудебного производства, то становится не нужным ни адвокат, ни даже суд» [10, с. 67, 70]. Мы согласны с такой оценкой, а также с критическими замечаниями, которые высказали авторитетные ученые и умудренные опытом практики. Приведем некоторые из них.

«Упразднение равенства прав сторон в состязательном уголовном процессе, нивелирование до ничтожности презумпции невиновности и обязование суда восполнять неполноту предварительного следствия – вот далеко не полный перечень тех нововведений, которые предлагаются... суть этого предложения – окончательное закрепление государственной монополии на установление обстоятельств уголовно-правового события, устранение защитника из числа

самостоятельных субъектов доказывания и превращение суда в орган борьбы с преступностью, а на пути к этому – устранение “вредных” англо-американских принципов, судов присяжных и прочих “не наших” атрибутов уголовного судопроизводства» [11, с. 39–42] – вот перечень последствий, к которым, по мысли адвоката В.Л. Будникова, приведет воплощение в жизнь законопроекта.

Федеральный судья в отставке С.А. Пашин подвергает еще более жесткой критике законопроект: «Научная и практическая несостоятельность концепции объективной истины в процессе не означает ее бессмысленности. Под чернильным облаком отвлеченной философской терминологии скрываются вполне приземленные намерения: вернуть следствие; обязать суд восполнять пробелы следственных материалов, т.е. узаконить и без того мощное тяготение российского правосудия к карательным органам. Результатами данных шагов неизбежно оказываются дальнейшее падение уровня профессионализма следователей и дознавателей, огрехи работы которых прокуратура и заглядит суд; еще большее упование прокуроров на активную поддержку суда в состязании с защитой; уязвимость приговоров, которые в любой момент можно будет отменить под предлогом неполноты привлеченной совокупности доказательств; сохранение для оправданного постоянной угрозы уголовного преследования. Иными словами, речь идет о возвращении к неинквизиционному конструктивному и кафкианскому порядку советского уголовного процесса» [11, с. 25].

Мы согласны с авторитетными учеными и опытными практическими работниками, которые считают, что подход авторов законопроекта возвращает современный российский уголовный процесс в былые времена, когда суд руководствовался «социалистической законностью», негласным запретом на оправдания, помогал обвинению.

Не правы авторы, которые утверждают, что ориентир российского уголовного процесса в виде объективной истины неизменен, независим от социально-политических образований, а изменяются лишь средства его достижения – от инквизиционных до демократически-состязательных [12]. Характер истины обуславливает средства ее достижения. При помощи методов, которые есть в состязательном процессе, нельзя достигнуть цели, которая по своей процессуальной природе является инквизиционной. Понимание истины в уголовном процессе развивалось в зависимости от исторической, социальной, политической обстановки. Менялись средства, которые признавались пригодными для установ-

ления определенной истины по делу. Процесс становился более демократичным, гуманным, справедливым. В науке, на практике стали утверждать, что объективная истина и средства ее установления уходят в прошлое.

По мысли сторонников объективной истины, ее основной признак – это соответствие знаний объективной реальности (предмету) [1, с. 27; 13, с. 308, 321]. Обычно российские процессуалисты указывают только это положение для описания сути отстаиваемой ими позиции. О соответствии в каком смысле пишут процессуалисты, которые утверждают о необходимости установления в ходе уголовного судопроизводства объективной истины? Даже если бы сторонники объективной истины обстоятельно раскрыли суть понимаемого ими соответствия, это не доказало бы их правоту по отношению к практике познания в ходе доказывания по уголовному делу. «Соответствие между содержанием мышления и объектом действительного мира установить, нужно занять позицию наблюдателя, внешнего как по отношению к объекту действительности, так и к содержанию мышления, отображающего этот объект. Очевидно, что занять такую позицию не представляется возможным, поскольку познающий субъект является частью познаваемой реальности» [14, с. 69]. Следовательно, дознаватель, судья не может быть отстранен от содержания своего мышления, истина является результатом интерпретирующей деятельности субъекта, соответствие между знанием и предметом нельзя установить. Совершенно очевидно, что «словосочетание “объективная истина” порочно и ненаучно: истина относительна, субъективна и конкретна» [15]. Д.А. Мезинов проанализировал содержащиеся в уголовно-процессуальной литературе точки зрения о критериях установления соответствия между знанием и объективной реальностью и пришел к тому же выводу, что и мы: «Точного критерия определения такого соответствия не существует» [16, с. 93].

Вместо концепции объективной истины надо развивать концепцию судебной истины. В современной науке уголовного процесса она получила свое развитие в трактовке нижегородской школы процессуалистов. А.С. Александров определяет ее таким образом: «Судебная истина – дискурсивна, конструируется (и деконструируется) по лингвистическим схемам. Значительная часть этих языковых схем, моделей, определяющих мышление судебных деятелей, относится к юридическому языку, но большая часть входит в естественный язык. Судебная истина есть результат судебного разбирательства. Именно потому, что она представляет собой результат изобретения мысли из речевой фактуры по определенным

правилам, основания ее не могут не быть языковыми, а значит, формально-юридическими... Объективная реальность не столько преломляется через призму юридического языка, проговаривается на нем, сколько перерождается, переформируется им, не будет преувеличением сказать, – создается заново» [17, с. 34].

Не все согласны с такой трактовкой. О.П. Сауляк пишет: «Получается, что за истину в рамках уголовного процесса следует принимать некое правдоподобие, которое при определенных обстоятельствах может вообще не иметь ничего общего с реальными деяниями и событиями» [18]. Как и другие приверженцы объективной истины, этот автор не говорит, каким образом ее можно установить, как определить соответствие, где находятся критерии истинности или ложности знаний, полученных в результате расследования и рассмотрения. Без аргументов и ответов на эти вопросы никакой пафос речи не может сам по себе служить обоснованием излагаемого мнения.

Конкретную реализацию методологического потенциала концепта «судебная истина» можно показать на примерах использования электронных доказательств. «Объективной реальностью» здесь является поток цифровых данных, которые не являются по своей природе юридическими. Чтобы ввести их в уголовный процесс, необходимо провести процедуру их перевода с языка цифр и компьютерных символов на юридический язык. По прошествии такого перевода изменяется возможность их восприятия правоприменителями, их оценки по внутреннему убеждению. Компьютерные цифровые данные сами по себе непонятны, они не могут убедить судью. Судью может убедить их перевод, сделанный на язык, привычный для юристов. Не цифровые данные, а «юридическая терминология, юридическая техника, в широком смысле строй юридического языка определяют горизонт понимания судебного деятеля» [17, с. 34].

Только из того, что понимает правоприменитель, формируются судебные факты. Это главный факт о виновности или невиновности обвиняемого и второстепенные факты. Считаем, что правильно пишут представители нижегородской школы процессуалистов: «Факт есть смысл, полученный из речи на допросе, содержанием которого являются обстоятельства реальной действительности. Этот смысл извлекается участниками судебного следствия в ходе рече-

вого обмена. Образование смысла происходит в ходе речевого события, которое, в свою очередь, складывается из ряда речевых актов (пара элементарных актов – вопрос – ответ) судебного дискурса. В этом событии участвуют, как правило, несколько речедетелей, форма участия их может быть как непосредственной – показания свидетеля на судебном допросе, так и опосредованной (досудебная подготовка к даче показаний свидетеля обвинителем). Главным участником речевого события – доказывания является судья (присяжный). Его внутреннее убеждение является объектом речевого воздействия. При этом сознание судьи не есть пассивный элемент речевой ситуации, поскольку любое восприятие и понимание речи носит диалоговый характер. Судебные факты формируются в ходе судебного диалога сторон. Фактичность придает сведениям событие судебного дискурса. Судебным доказательством сведение становится в дискурсе юриста-аргументатора, приобретаемая законченный вид средства речевого воздействия на судью – довода, общей посылкой которого являются общие места, т.е. суждения здравого смысла» [19].

При использовании в доказывании электронных доказательств отсутствие референта в объективной реальности очень сильно видно. Находящийся в компьютере лог или программ-вирус, из которых получают сведения о преступной деятельности, не являются объективной реальностью. Они относятся к виртуальной реальности, в которой знаки (цифры, символы) являются самой реальностью, их согласованность является залогом ее существования или бесконфликтного протекания. Это характерно не для всех электронных доказательств, а только для тех, которые носят исключительно виртуальный характер (логи, данные компьютерного реестра, интернет-страницы). Информация, имеющаяся внутри лога, компьютерного реестра, должна согласоваться с другой информацией. С объективной реальностью она не может согласовываться.

Факты сознания, элементы мыслительной деятельности и факты физического мира (т.е. реальные обстоятельства) – это не одно и то же [19]. Факт физического мира может произойти, но сторона может не доказать его по правилам уголовного процесса. Тогда факта в процессуальном смысле не возникает. Когда факт сознания не возникает, он не может быть зафиксирован и оценен в судебном решении.

1. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009.

1. Orlov Yu.K. Problems of the theory of evidence in criminal proceedings. Moscow, 2009.

2. Александров А.С. О значении концепции объективной истины // *Рос. юстиция*. 1999. № 1.
 3. Сергеев В.И. Отживший ли концепт «объективная истина»? URL: <http://pravorub.ru/articles/9667.html>.
 4. Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе. Н. Новгород. 2009.
 5. Резник Г. Институт объективной истины как прикрытие репрессивности правосудия. URL: <http://www.soprotivlenie.org/?id=53&cid=314&t=v>.
 6. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. СПб., 1914.
 7. По жалобе гражданина Байкулова Артура Ахмедовича на нарушение его конституционных прав пунктами 2 и 3 части второй статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1274-О // *Вестн. Конституционного Суда РФ*. 2013. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 8. Проект «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу». URL: [http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/AB7E94DEDC884F4143257C6F004D5B74/\\$FILE/440058-6.PDF?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/AB7E94DEDC884F4143257C6F004D5B74/$FILE/440058-6.PDF?OpenElement)
 9. Смирнов Г.К. Восстановление в УПК РФ объективной истины как цели доказывания // *Уголовный процесс*. 2012. № 4.
 10. Александров А.С. Критика концепции объективной истины в уголовном процессе // *Уголовный процесс*. 2012. № 6.
 11. Будников В.Л. Следственный комитет Российской Федерации пытается определить место суда в уголовном процессе // *Адвокатская практика*. 2012. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 12. Азаренок Н.В. Обусловленность состязательности в уголовном процессе // *Российский юридический журнал*. 2013. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 13. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1.
 14. Поспелова О.В., Янковская Е.А. Философия и методология науки. Архангельск, 2012.
 15. Мохов А.А. Проблемы истины в условиях состязательности // *Современное право*. 2002. № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 16. Мезинов Д.А. К вопросу о возможности и критериях достижения объективной истины в уголовном судопроизводстве // *Уго-*
2. Alexandrov A.S. On the significance of the concept of objective truth // *Russian justice*. 1999. № 1.
 3. Sergeev V.I. If the concept of «objective truth» obsolete? URL: <http://pravorub.ru/articles/9667.html>.
 4. Kuchta A.A. Proving the truth in a criminal proceeding. Nizhny Novgorod, 2009.
 5. Reznick G. Institute of objective truth as a cover for repressive justice. URL: <http://www.soprotivlenie.org/?id=53&cid=314&t=v>.
 6. Rozin N.N. Criminal proceedings. St. Petersburg, 1914.
 7. On the complaint of a citizen Baykulov Arthur Akhmedovich on violation of his constitutional rights with paragraphs 2 and 3 of the second part of article 30 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 28, 2012 № 1274-O // *Bull. of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 2013. № 2. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».
 8. Draft «On amendments to the Criminal procedure code of the Russian Federation in connection with the introduction of the institute to establish the objective truth in a criminal case». URL: [http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/AB7E94DEDC884F4143257C6F004D5B74/\\$FILE/440058-6.PDF?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/AB7E94DEDC884F4143257C6F004D5B74/$FILE/440058-6.PDF?OpenElement)
 9. Smirnov G.K. Recovery in the Criminal procedure code of objective truth as objective proof // *Criminal procedure*. 2012. № 4.
 10. Alexandrov A.S. Criticism of the concept of objective truth in the criminal process // *Criminal procedure*. 2012. № 6.
 11. Budnicov V.L. The Investigative Committee of the Russian Federation is trying to determine the place of judgment in criminal proceedings // *Law practice*. 2012. № 3. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».
 12. Azarenok N.V. Conditionality adversarial in criminal process // *Russian law journal*. 2013. № 4. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».
 13. Strogovich M.S. Course of Soviet criminal procedure. Moscow, 1968. Vol. 1.
 14. Pospelova O.V., Yankovskaya E.A. Philosophy and methodology of science. Arkhangelsk, 2012.
 15. Mokhov A.A. Problem of truth in terms of competitiveness // *Current law*. 2002. № 12. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».
 16. Mezinov D.A. On the possibility and criteria for achieving the objective truth in criminal proceedings // *Criminal procedural law in modern*

ловно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики: сб. ст. М., 2010.

17. Александров А.С. «Похвала» теории формальных доказательств // Правоведение. 2002. № 4.

18. Сауляк О.П. Дилемма в уголовно-процессуальном законодательстве: состоятельность процесса или законность приговора? // Уголовное судопроизводство. 2009. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Александров А.С., Кухта А.А. Судебные факты // Рос. судья. 2007. № 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

conditions: theory and practice issue: coll. of papers. Moscow, 2010.

17. Alexandrov A.S. «Praise» theory of formal proofs // *Jurisprudence*. 2002. № 4.

18. Saulyak O.P. Dilemma in the criminal law: the adversarial process or legality of the sentence? // *Criminal justice*. 2009. № 1. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».

19. Alexandrov A.S., Kuchta A.A. Judicial Facts // *Russian judge*. 2007. № 8. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».

Берова Джульетта Михайловна

доктор юридических наук, доцент,
заместитель начальника по учебной и научной работе
Северо-Кавказского института повышения квалификации сотрудников МВД России
(филиала) Краснодарского университета МВД России
(e-mail: berova-d@yandex.ru)

К вопросу участия эксперта-криминалиста в осмотре мест временной дислокации незаконных вооруженных формирований в Северо-Кавказском федеральном округе

В статье охарактеризованы наиболее сложные моменты организации и проведения осмотра мест длительного или кратковременного пребывания членов незаконных вооруженных формирований. Рассматриваются роль эксперта-криминалиста, порядок его действий на месте, особенности производства осмотра. Раскрываются ситуации, создающие угрозу жизни и здоровью сотрудников ОВД в ходе проведения осмотра, приведен особый порядок обнаружения, фиксации и изъятия следов, перечислены виды и типы криминалистической техники, используемые в ходе проведения осмотра, а также особенности их применения.

Ключевые слова: следы, специалист-криминалист, осмотр, взрывные устройства, огнестрельное оружие, незаконные вооруженные формирования, меры безопасности.

D.M. Berova, Doctor of Law, Assistant Professor, Deputy Head on Educational and Scientific Work of the North Caucasian Advanced Training Institute for the Personnel of the Ministry of the Interior of Russia (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Interior of Russia; e-mail: berova-d@yandex.ru

To the question of a criminalist expert participation in inspection of illegal armed groups short-term dislocation places in the North Caucasian Federal District

More complicated aspects of organization and inspection of long or short-term dislocations of illegal armed groups members are described in the article. The role of criminalist expert, his actions succession at the scene, peculiarities of inspection execution are considered. Situations posing a threat to the life and health of law enforcement officers in the course of an inspection are revealed, a special procedure for traces detection, fixation and seizure is given, kinds and types of forensic techniques used in the course of the search as well as their appliance peculiarities are listed.

Key words: footprints, criminalist-specialist, inspection, explosives, firearms, illegal armed groups, security measures.

На протяжении долгих лет процесс развития государства и общества непрерывно сопровождает терроризм. Количество преступлений террористического и экстремистского характера ежегодно растет. Так, по данным МВД, в России за период с января по июль 2014 г. зарегистрировано 633 преступления террористического характера и 636 преступлений экстремистской направленности, а за аналогичный период в 2013 г. зарегистрировано 338 преступлений террористического характера и 536 преступлений экстремистской направленности. Приведенные статистические данные свидетельствуют о положительной динамике роста преступлений данной категории [1].

При их совершении используются взрывные устройства и огнестрельное оружие, применение которых приводит к значительному количеству жертв (наиболее явно это выражено в Дагестане и Ингушетии). Действия преступников становятся все более активными, непредсказуемыми, в связи с чем перед работниками органов внутренних дел ставятся новые, все более трудные задачи, которые порой необходимо выполнять в ситуациях экстремальных, приближенных к военным условиям, зачастую представляющих угрозу для жизни и здоровья, в том числе и в других регионах страны.

На сегодняшний день одним из основных мест дислокации членов незаконных вооруженных

формирований в СКФО является горно-лесистая местность, прилегающая к населенным пунктам. Вооруженные преступники находятся в лесу, параллельно оборудуя многочисленные схроны с продуктами питания, медикаментами, оружием и боеприпасами, стоянки для длительного или кратковременного пребывания, блиндажи и т.д. (В большинстве случаев схрон представляет собой пластмассовую бочку вместимостью 100 или 200 литров, зарытую в землю в вертикальном положении либо замаскированную в естественных углублениях рельефа. Возле схронов, как правило, располагаются разнообразные ориентиры, указывающие на местоположение схрона, его содержимое, а также на присутствие мин-ловушек) [1].

Для обнаружения и ликвидации таковых правоохранительные органы проводят оперативно-поисковые мероприятия с участием различных силовых структур МВД и МО РФ, итогом которых становятся ликвидация членов незаконных вооруженных формирований, обнаружение схронов, блиндажей, стоянок длительного или кратковременного пребывания.

Так, в 2013 г. только в одном из субъектов СКФО – Республике Дагестан были обнаружены и уничтожены 33 блиндажа, 10 лагерей и стоянок бандгрупп, 46 схронов с оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами, продуктами питания и различным имуществом [2].

Организация работы при обнаружении мест временной дислокации незаконных вооруженных формирований требует от сотрудников ОВД применения широкого спектра знаний и способностей для получения розыскной и доказательственной информации, т.к. результаты осмотра являются одним из основных источников информации о количестве человек в группе, их оснащении, вооружении, наличии ранений и иных немаловажных обстоятельствах.

Типичный состав следственно-оперативной группы – это следователь [3, с. 495], сотрудник уголовного розыска, криминалист. Однако в случае, если речь идет об обнаружении места временной дислокации незаконных вооруженных формирований, состав группы кардинально меняется. В числе первых должны быть решены вопросы о целесообразности присутствия при осмотре понятых по причине возможной угрозы их жизни внезапным осложнением ситуации.

Кроме этого, в состав группы необходимо добавить сотрудников специальных подразделений, кинологов, инженеров-саперов, взрывотехников и других специалистов, в первую очередь для обеспечения безопасности личного состава группы во время проведения осмотра,

а также для повышения качества и количества собранных и изъятых предметов.

Раскрывая вопрос участия эксперта-криминалиста в осмотре мест временной дислокации незаконных вооруженных формирований, прежде всего, следует уделить внимание мерам личной и коллективной безопасности.

В настоящее время при осмотре мест пребывания членов незаконных вооруженных формирований в горно-лесистой местности основную опасность для сотрудников ОВД представляют взрывные устройства, в том числе самодельные. Это связано с тем, что в месте расположения схронов, покинутых или действующих стоянок временного либо длительного пребывания, блиндажей боевики устанавливают хорошо замаскированные минно-взрывные заграждения. При этом саперы бандформирований не считают ни с человеческими законами, ни с международными соглашениями, широко применяя неуправляемые взрывные устройства, фугасные и осколочные мины, мины-ловушки, которые обнаруживаются у них в большом количестве.

В связи с этим одной из особенностей проведения осмотров мест временной дислокации незаконных вооруженных формирований является обязательное обследование территории на предмет наличия взрывоопасных предметов, а в случае обнаружения таковых – очистка местности, принятие мер к их ликвидации. При этом очистка должна быть проведена максимально гуманно по отношению к оставленным материальным следам.

После проведения обследования территории на предмет обнаружения взрывоопасных предметов следует приступить к поиску, обнаружению и изъятию материальных следов преступников. Необходимо учитывать, что следы могут являться также следами-объектами, которые необходимо упаковывать и изымать с соблюдением мер по сохранности следов на них [4].

Еще одной особенностью производства осмотров мест временной дислокации незаконных вооруженных формирований в горно-лесистой местности является относительное ограничение времени его проведения в целях безопасности группы. Этот фактор в значительной мере оказывает зачастую отрицательное влияние на качество проведенного осмотра.

В ходе осмотра места временной дислокации незаконных вооруженных формирований следует применять традиционные способы поиска, фиксации и изъятия вещественных доказательств. В результате осмотра может быть обнаружено огромное количество материальных следов. Наиболее типичными могут

являться: следы обуви, ног, следы применения огнестрельного оружия (на расстоянии 10–15 метров от основной стоянки зачастую расположен изготовленный из подручных материалов «тир»), следы крови – в большинстве случаев на повязках (мозоли, ушибы, ранения), иные следы биологического происхождения, сим-карты, амуниция, одежда, съемные носители информации, религиозная и экстремистская литература, документы, предметы для обустройства быта и приготовления пищи, продукты питания с долговременным сроком хранения, оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства.

Особое внимание следует уделить следам рук, т.к. именно эти следы несут наиболее конкретную идентификационную информацию о преступнике и дальнейшее установление личности возможно по существующим автоматизированным поисковым системам. При поиске следов рук на месте происшествия следует применять не только традиционные способы поиска с помощью различных дактилоскопических наборов и порошков (например, унифицированный дактилоскопический набор «Дакто»), но и использовать передовые разработки. Так, например, одним из современных средств поиска следов и других вещественных доказательств является обозреватель места происшествия «RUVIS» фирмы SIRCHIE. Данный обозреватель использует технологию формирования изображения по отраженному ультрафиолетовому излучению, чтобы определить местонахождение на большинстве непористых поверхностях скрытых следов рук, которые являются невидимыми для невооруженного глаза. При этом не требуется предварительное применение порошков, химикалий или окулирования.

Также на расстоянии около 100–150 метров от стоянки могут быть обнаружены следы взрывчатых веществ, взрывных устройств и самого взрыва – результат «обучения» преступников методам изготовления самодельных взрывных устройств и их применению.

Следует учитывать, что для производства осмотра необходимо иметь при себе значительное количество упаковочного материала различных размеров, типов и видов, особенно полимерных пакетов и обвязочного материала (лента-скотч, бечевка и т.д.). Это связано не только с большим количеством изымаемых объектов, которые насчитываются сотнями, но и с отсутствием возможности приобрести дополнительные в случае использования имеющихся.

Кроме этого, эксперту-криминалисту не следует забывать о правильном порядке описания обнаруженных объектов, предметов и следов. Следует указывать точные размерные, цветовые и иные характеристики объектов, следов и предметов. При описании огнестрельного (травматического) оружия, взрывчатых веществ, взрывных устройств, холодного оружия необходимо избегать точного указания наименования предмета, его способа изготовления и пригодности к использованию (например, к стрельбе).

Подводя итог, хотелось бы сделать вывод о том, что успешные действия сотрудников ОВД по соблюдению мер безопасности в ходе осмотра мест временной дислокации незаконных вооруженных формирований, надлежащая профессиональная подготовленность участников осмотра, совершенствование систем фиксации и применение современных технико-криминалистических средств и методов являются залогом успешного производства осмотра.

1. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/2447642/>

2. URL: <http://05.mvd.ru/news/item/2110550/>

3. Аверьянова Т.В. Криминалистика: учеб. / под ред. Р.С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004.

4. Шхагапсоев З.Л., Карданов Р.Р. Информационно-аналитическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений // Судебная экспертиза. 2014. № 1(37). С. 84–91.

1. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/2447642/>

2. URL: <http://05.mvd.ru/news/item/2110550/>

3. Averyanova T.V. Criminalistics: textbook / ed. by R.S. Belkin. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2004.

4. Shkhagapsoyev Z.L., Kardanov R.R. Informational and analytic supply of crime solution and investigation // Judicial expertise. 2014. № 1(37). P. 84–91.

Лозовский Денис Николаевичдоктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583757)

К вопросу о комплексном подходе к расследованию преступлений

Статья посвящена анализу комплексного подхода к расследованию преступлений. Рассмотрены дискуссионные вопросы понятия данного метода, особенности его применения в следственной деятельности.

Ключевые слова: комплексный подход, расследование преступлений, методы расследования.

D.N. Lozovsky, Doctor of Law, Professor of a Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583757.

To the question of an integrated approach to investigation of crimes

Article is devoted to the analysis of an integrated approach to investigation of crimes. Discussion questions of the notion of given method, peculiarities of its application in investigation activity are analyzed.

Key words: integrated approach, investigation of crimes, methods of investigation.

За годы своего существования юридической наукой вообще и криминалистикой в частности разработан и внедрен в практику широкий арсенал инструментов (средств, приемов и методов) раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. В этом арсенале существенная роль отводится методам расследования преступлений.

Несмотря на то, что термин «метод расследования» используется в огромном количестве работ по криминалистике, определение соответствующего понятия авторами практически не дается. Даже в работах, посвященных методам познания в криминалистической науке и практической деятельности, авторы либо вообще обходят вопрос об определении понятия метода расследования, либо ограничиваются понятием «метод криминалистики».

подавляющее большинство работ по криминалистике, посвященных методам, содержат лишь определения понятия метода «вообще», т.е. в широком смысле слова, и указание на то, что методы науки следует отличать от методов практической деятельности. На наш взгляд, сложившийся подход не способствует развитию как учения о методах расследования, так и успешной разработке таковых.

По нашему мнению, под методом расследования преступлений следует понимать научно обоснованную, апробированную практикой, доступную для массового применения, описанную с помощью средств научного языка

систему способов мыслительных и физических операций, направленных на упорядочение деятельности по расследованию преступлений с целью полного установления всех обстоятельств его совершения.

Одним из наиболее детально описанных и предложенных для применения, а также апробированных следственной практикой является комплексный подход к расследованию преступлений. Разработчиком данного подхода является Г.А. Густов, который понимает под ним «метод организации расследования и получения по делу новых, необходимых для решения задач предварительного следствия знаний путем изучения взаимосвязанных объектов: события преступления, событий, предшествовавших его совершению, сопутствующих и последовавших за преступлением» [1, с. 9].

Сущность данного метода, по мнению автора, состоит в том, что совершению события преступления часто сопутствуют другие события, развивающиеся в районе происшествия. На месте происшествия виновный не только совершает преступление, он нередко принимает пищу, выполняет какую-то работу, отправляет естественные надобности. Изучение подобных событий позволяет существенно повысить эффективность расследования. Кроме того, посягнув на закон, виновный продолжает действовать: используя результаты преступления, старается обезопасить себя от правосудия, потерпевшего или его близких, совершает новые

преступления и т.п. Все действия виновного, в том числе и совершенное преступление, тесно связаны также с событиями и обстановкой, предшествовавшими правонарушению. И в этих событиях, как и в названных выше, проявляется личность преступника. Их изучение открывает новые возможности для обнаружения виновного, раскрытия преступления [1].

Все приведенные выше положения не вызывают никаких возражений. На наш взгляд, необходимо рассмотреть вопрос о том, можно ли рассматривать комплексный подход в качестве самостоятельного (отдельного) метода расследования (организации расследования) преступлений. В принципе сам разработчик, а вслед за ним и другие криминалисты неоднократно упоминают, что комплексный подход требует использования других методов [2, с. 45].

Конечно, в процессе совершения преступления субъект выполняет ряд действий, которые выходят за рамки объективной стороны преступления, т.е. он может принять пищу, напитки, позвонить кому-нибудь, покурить, передохнуть и т.п. Такие действия выполняет любой преступник при совершении любого преступления. Более того, невозможно представить себе преступление, где бы субъект действовал как запрограммированный робот и выполнял бы только действия, составляющие объективную сторону состава преступления. Да и в этом случае он должен был бы выполнить ряд телодвижений, не имеющих собственно правового значения. Вопрос в том, следует ли рассматривать все это в качестве самостоятельных событий и что вообще следует в таком случае понимать под событием. Нам представляется, что однозначно определить понятие «событие» невозможно. В толковом словаре С.И. Ожегова под «событием» понимается «то, что произошло, то или иное значительное явление, факт общественной или личной жизни» [3]. Вероятно, любое действие, явление, изменение действительности можно считать событием, если оно имеет существенное значение, влияет на течение жизни конкретного индивида, группы индивидов, какого-либо сообщества и т.п. Является ли, например, событием тот факт, что человек выкурил сигарету? Вероятно, в каких-то ситуациях, является. Например, если человек выкурил первую сигарету, и это повлияло на формирование вредной привычки. Однако, если это действие совершается постоянно и является рядовым, вряд ли его можно рассматривать как событие. Событие преступления является именно таковым, потому что все происходящее

содержит в себе признаки состава преступления (который сам по себе является абстракцией) и имеет существенное значение для общества – причиняет существенный вред охраняемым законом интересам.

Учитывая изложенное, считаем целесообразным рассматривать все происходящее во время совершения преступления (действия виновного, других лиц, животных, работу механизмов, природные явления и т.п.) не как события, а как обстоятельства совершения преступления, обстановку, в которой оно совершается. Данная обстановка всегда рассматривалась криминалистами в качестве важного элемента события преступления. Без исследования обстановки преступления не расследуется ни одно преступление. Описание типичных элементов (признаков) обстановки преступления включается авторами в криминалистическую характеристику практически всех видов и групп преступлений.

Несколько иной подход должен быть к событиям, предшествовавшим преступлению и последовавшим за ним. Возникает вопрос, может ли быть произведено расследование хотя бы одного преступления без обращения к данным событиям? Г.А. Густов говорит о том, что «традиционная стратегия» раскрытия преступления состоит в использовании закономерности «от события преступления к виновному», т.е. зная, как совершено преступление, нередко можно получить ответ на главный вопрос расследования – кто его совершил [1]. Что касается событий, предшествовавших преступлению или последовавших за ним, то Г.А. Густов считает, что их изучение дает возможность «выйти на виновного в сложной ситуации, когда не удается обнаружить преступника непосредственно по результатам изучения события преступления» [1]. При этом автор считает данные события самостоятельными объектами исследования.

Представляется, что подход к до- и посткриминальным событиям должен быть несколько иным. Во-первых, указанные события подлежат исследованию при расследовании любых преступлений. Даже в тех случаях, когда виновный установлен по горячим следам или задержан с поличным, некоторые обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии с УПК РФ, невозможно установить без обращения к событиям, произошедшим до совершения преступления или после него. Например, согласно ст. 73 УПК РФ обстоятельством, подлежащим доказыванию, является мотив преступления. В большинстве случаев события, в результате

которых у виновного возникает мотив (например, мотив мести), достаточно далеко отстоят во времени от непосредственного совершения преступления. Получить сведения об особенностях личности преступника или потерпевшего можно, лишь обратившись к событиям прошлого. Последствия преступления также весьма разнообразны и, как правило, учитываются авторами при разработке методических рекомендаций по расследованию тех или иных видов преступлений. Например, раскрытие и расследование многих корыстных преступлений всегда включает в себя исследование (осмотр, обыск и т.п.) возможных мест реализации или хранения похищенного имущества.

Во-вторых, представляется, что события, предшествовавшие совершению преступления и последовавшие за ним, не являются самостоятельными объектами исследования. Они интересуют следствие постольку, поскольку их изучение может помочь установлению обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию. Кроме того, Г.А. Густов сам отмечает, что все действия виновного, в том числе и совершенное преступление, тесно связаны с событиями и обстановкой, предшествовавшими правонарушению, и событиями, последовавшими за ним. Поэтому говорить о таких событиях как о самостоятельных объектах исследования не верно. Изучать их необходимо не самостоятельно, а во взаимосвязи с обстоятельствами совершенного преступления. Более того, некоторые события прошлого, как видно из приведенных Г.А. Густовым программ исследования событий, связанных со структурными элементами преступления, фактически представляют собой элементы подготовки к преступлению. Например, таковыми являются обстоятельства, связанные с орудием, транспортными средствами, использованными виновным, – кража оружия, боеприпасов, приобретение их иным способом, угон или покупка автомобиля и т.п. При составлении программ расследования организованной преступной деятельности мы учитывали данные обстоятельства, а также иные обстоятельства, связанные с созданием ОПГ, возникновением мотива преступления и т.п.

При использовании метода построения и проверки версий работа с обстоятельствами, относящимися ко времени, предшествовавшему совершению преступления или последовавшему за ним, также являются обязательным элементом использования метода. Суть проверки версии сводится к тому, что следователь определяет, какие обстоятельства должны существовать, если данная версия верна, а затем путем производства

следственных действий устанавливает, имеют ли место данные обстоятельства. Например, следователь выдвинул версию о том, что виновный использовал орудие преступления, изготовленное самостоятельно (например, взрывное устройство). Для того чтобы проверить данную версию, необходимо установить обстоятельства, касающиеся фактов приобретения материалов для изготовления орудия, фактов его изготовления, фактов получения виновным навыков такой деятельности. Все эти обстоятельства относятся к прошлому по отношению ко времени совершения самого преступления. Причем исследование данных обстоятельств является единственным способом проверить выдвинутую версию.

Кроме того, мы считаем, что комплексный подход при расследовании преступлений должен применяться не только в целях установления личности виновного, но и для выяснения любых обстоятельств, подлежащих исследованию и доказыванию, если они не известны на момент изучения и оценки следственной ситуации по делу.

Таким образом, необходимо еще раз отметить, что комплексный подход применяется только в совокупности с другими методами, позволяющими организовать расследование, определить его стратегию, составить план. Представляется, что более корректно говорить о комплексном подходе не как о методе расследования преступлений, а как об обязательном условии применения таких методов, как выдвижение и проверка версий, программно-целевой метод, метод мысленного моделирования события преступления. Это означает, что разрабатываемые авторами типовые программы расследования отдельных видов и групп преступлений и типовые блок-схемы построения моделей преступного события, типовые версии должны охватывать исследование не только обстоятельств непосредственного совершения преступления (когда выполняется объективная сторона), но и обстоятельств до- и посткриминального характера, связанных с данным преступлением.

Расследование преступлений, как и иная сложная деятельность, имеет свои средства, способы, методы достижения искомого результата. Чем богаче у следвателя этот арсенал, тем меньше он допускает ошибок, тем лучше качество расследования, выше раскрываемость преступлений, надежнее защита прав и свобод человека. Поэтому совершенствование известных методов расследования и поиск новых всегда являлись важнейшими задачами криминалистической науки.

1. Густов Г.А. *Комплексный подход к раскрытию убийства*. Л., 1988.

2. Корсаков К.А. *Методы научного познания в уголовном судопроизводстве: конспект лекций*. СПб., 2004.

3. Ожегов С.И. *Словарь русского языка*. 24-е изд., испр. М., 2007.

1. Gustov G.A. *Integrated approach to murder disclosure*. Leningrad, 1988.

2. Korsakov K.A. *Methods of scientific knowledge of criminal legal proceedings: abstract of lectures*. St. Petersburg, 2004.

3. Ozhegov S.I. *Russian dictionary*. 24th ed., corr. Moscow, 2007.

Рычкалова Лариса Алексеевна
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583181)

Проблемы тактики допроса подозреваемого и обвиняемого

В статье рассмотрена проблема диагностики лжности показаний свидетелей, раскрыт смысл проверочных действий следователя, приведен временной интервал, способствующий наилучшему установлению контакта.

Ключевые слова: свидетели, оценка истинности показаний, психическое состояние, проверочные действия следователя, познавательная деятельность.

L.A. Ryckalova, Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583181.

Problems of interrogation tactics of the suspect and the accused

The article deals with the problem of diagnosis of false testimony of witnesses, the meaning of test actions of the investigator, a time interval promotes the best networking.

Key words: witnesses, truth of the testimony evaluation, mental condition, checking actions of the investigator, cognitive activity.

Центральную проблему допроса и расследования в целом составляют распознавание (разоблачение) ложных показаний и преодоление установки на них допрашиваемого лица. В соответствии со ст. 46 УПК РФ подозреваемым является лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, которые установлены гл. 20, либо которое задержано в соответствии со ст. 91, 92 данного Кодекса, либо к которому применена мера пресечения в виде заключения под стражу до предъявления обвинения. Следователь обязан допросить подозреваемого немедленно после его задержания и заключения под стражу либо не позднее 24 часов с момента возбуждения уголовного дела или фактического его задержания.

Обвиняемый должен быть допрошен сразу же после предъявления ему обвинения.

Выполняя требования закона, следователь должен иметь в виду, что с момента объявления подозреваемому протокола задержания или постановления о применении к нему меры пресечения в виде ареста к участию в деле допускается защитник. Поэтому он обязан разъяснить подозреваемому его право потребовать участия в деле защитника и составить об этом протокол. Для обвиняемого такое право наступает с момента, когда ему предъявлено обвинение либо вынесен обвинительный акт (ст. 47 УПК РФ).

Перед началом допроса подозреваемому должны быть разъяснены его законные права и объявлено, в совершении какого преступления он подозревается. Перед допросом следователь объявляет обвиняемому постановление о его привлечении в этом качестве, разъясняет сущность предъявляемого обвинения и права обвиняемого, что удостоверяется их подписями на постановлении.

Подозреваемому (обвиняемому) нужно разъяснить общие положения Конституции РФ; в противном случае его показания должны признаваться судом полученными с нарушением закона и не могут являться доказательством виновности обвиняемого (подозреваемого). В начале допроса следователь должен задать обвиняемому вопрос, признает ли он себя виновным в предъявленном обвинении. Ответ фиксируется в протоколе и удостоверяется подписью обвиняемого.

Допрашиваемые лица дают показания: подозреваемый – по поводу обстоятельств, послуживших основанием для его задержания или заключения под стражу, а также по поводу иных известных ему обстоятельств дела; обвиняемый – по предъявленному обвинению, а также по поводу иных известных ему обстоятельств расследуемого преступления и собранных доказательств. Затем следователь, как правило, задает вопросы.

Показания подозреваемого (обвиняемого), будучи в соответствии со ст. 76, 77 УПК РФ доказательствами, чрезвычайно важны для правильного разрешения уголовного дела, т.к. нередко содержат фактические данные, которые нельзя получить из других источников. Если подозреваемый (обвиняемый) в действительности совершил преступление, то ему лучше, чем кому-либо, известны обстоятельства содеянного. Однако эти субъекты редко склонны к даче полных и достоверных показаний, в связи с чем особую актуальность приобретает тактика допроса указанной категории участников процесса.

Допрос подозреваемого – это неотложное следственное действие, что обуславливает специфику тактики его производства.

Во-первых, подготовка к допросу должна быть произведена в очень сжатые сроки. Во-вторых, следователь к этому моменту располагает доказательствами, дающими основания лишь предполагать причастность подозреваемого к совершенному преступлению. В-третьих, его личность практически неизвестна, поэтому тактику допроса приходится выбирать, что называется, с ходу. Все это требует от следователя умения быстро проанализировать исходную информацию и наметить план допроса.

На допросе подозреваемый бывает либо растерян в связи с неожиданным задержанием и готов дать показания, либо, наоборот, возбужден, агрессивен и настроен отрицать причастность к содеянному.

В первом случае допрос идет в бесконфликтной ситуации. Подозреваемый сообщает сведения, относящиеся к расследуемому деликту, в объеме, который считает нужным. Путем постановки вопросов следователь побуждает допрашиваемого излагать события в той последовательности, в какой они происходили. При этом нужно направлять допрашиваемого на максимально полное и детализированное изложение сведений об обстоятельствах совершенного преступления. Убедиться в достоверности полученных показаний можно путем постановки контрольных вопросов. Иногда подозреваемый охотно рассказывает об одних обстоятельствах, но умалчивает о других. Тогда рекомендуется, выяснив те обстоятельства, о которых подозреваемый сообщает охотно, сконцентрировать внимание на невыясненных.

Для этого следователь может:

а) побуждать допрашиваемого к отказу от противодействия и введению следствия в заблуждение;

б) создавать впечатление о безнадежности таких попыток;

в) использовать сомнения допрашиваемого в целесообразности придерживаться выбранной линии поведения;

г) внезапно предъявить уличающие доказательства и т.д.

В бесконфликтной ситуации получению полных и достоверных показаний от подозреваемого способствует доброжелательность обстановки в ходе всего допроса. Однако не рекомендуется подстраиваться под речь и манеры подозреваемого, проявлять к нему панибратское или снисходительное отношение, использовать в разговоре вульгарные и жаргонные выражения. Это может дать отрицательный результат [1].

Если подозреваемый отказывается от дачи показаний, отрицает свою причастность к преступлению, а имеющихся в деле доказательств недостаточно для его изобличения, то создается конфликтная ситуация. В этом случае следователь обязан исходить из того, что показания подозреваемого – это не только источник доказательств, но и средство его защиты. Поэтому он должен, прежде всего, неукоснительно выполнять предписания закона относительно процессуального порядка допроса. Если подозреваемый не дает показаний, необходимо выяснить движущие мотивы и разъяснить ему, что тем самым он лишает себя возможности защищаться от возникшего подозрения.

При наличии доказательств, достоверность которых не вызывает сомнений, следователь может предъявить их и предложить подозреваемому высказаться по этому поводу. В любом случае нужно постараться вовлечь подозреваемого в диалог, в ходе которого терпеливо разъяснить ему все негативные последствия занятой позиции. Иногда в такой ситуации следует вести диалог так, чтобы вызвать у подозреваемого возражения, побудить его к активной защите, в связи с чем ему придется разговариваться. Если подозреваемый отрицает свою причастность к совершенному преступлению, то следует внимательно выслушать его доводы, а затем постараться склонить его к даче правдивых показаний.

С учетом имеющихся доказательств и личности допрашиваемого следователь может применить следующие приемы:

а) спокойно отметить несоответствие показаний материалам дела и посоветовать рассказать правду;

б) объяснить значение чистосердечного раскаяния;

в) задать допрашиваемому дополняющие и уточняющие вопросы об обстоятельствах, которые освещены наиболее достоверно;

г) как бы невзначай продемонстрировать вещественное доказательство, изъятое с места происшествия;

д) задавать вопросы, чтобы допрашиваемый сообщил сведения, которые могли стать известными ему лишь в том случае, если он был на месте происшествия в интересующий следствие момент;

е) назвать подозреваемому иные средства установления его причастности к содеянному (продемонстрировать соответствующие поисковые приборы, разъяснить возможности экспертиз и т.п.);

ж) создать у допрашиваемого преувеличенное представление о степени своей осведомленности, сформировать впечатление, что следствию не известны только некоторые второстепенные обстоятельства.

Одним из эффективных приемов, применяемых для изобличения подозреваемого, является предъявление доказательств. Предъявлять можно лишь достоверные доказательства, ибо в противном случае у подозреваемого только возрастет решимость оставаться на позиции отрицания. Прежде чем предъявлять доказательства, следователь должен допросить подозреваемого об обстоятельствах, связанных с каждым из них.

Например, до предъявления предмета, принадлежащего подозреваемому и обнаруженного на месте происшествия, следует выяснить, не мог ли он попасть туда в некриминальной ситуации. До оглашения показаний, изобличающих подозреваемого, рекомендуется выяснить характер взаимоотношений между ним и свидетелем и т.д.

Доказательства могут предъявляться в различной последовательности. Обычно – по мере возрастания их доказательственного значения: вначале менее значительные, косвенно подтверждающие вину подозреваемого, а затем все более веские. Иногда для побуждения допрашиваемого к даче правдивых показаний целесообразно предъявить наиболее впечатляющее доказательство, что может создать представление о полной осведомленности следователя в обстоятельствах совершенного преступления. При недостаточности доказательств для изобличения подозреваемого следователь должен попытаться получить их от допрашиваемого, используя для этого противоречия в его показаниях и те сведения, которые он сообщил по неосмотрительности (проговорки). Допрашивая подозреваемого, отрицающего свою причастность к расследуемому преступлению, следо-

ватель может избрать тактику допроса с учетом фактических данных, свидетельствующих:

а) о подготовке подозреваемого к преступлению (например, о приобретении или изготовлении им орудия, аналогичного тому, которым был совершен взлом);

б) об изменении им образа жизни после содеянного (например, об оставлении работы и попытке срочно уехать без видимых на то причин);

в) о том, что он проявлял неоправданное любопытство к производству предварительного следствия, пытался воспрепятствовать установлению обстоятельств по делу (например, шантажировал или запугивал потерпевшего, свидетелей, предпринимал попытки к уничтожению следов и др.);

г) о попытках направить следствие по ложному пути (в частности, о распространении слухов о виновности других лиц, мотивах преступления);

д) об осведомленности о таких деталях, которые не могли быть известны невиновному.

Внезапное предъявление таких улик нередко приводит подозреваемого в замешательство. Не имея времени обдумать ответ, звучащий правдоподобно, он начинает излагать неубедительные, противоречивые сведения. Следователь, хорошо знающий материалы уголовного дела, внимательно слушающий подозреваемого и наблюдающий за его реакциями на предъявление доказательств, может использовать замешательство подозреваемого и противоречия в его показаниях, чтобы показать бесперспективность дальнейшего запирательства.

Достаточно специфична тактика допроса подозреваемого, который, отрицая свою причастность к совершенному преступлению, утверждает, что в это время находился в ином месте. Для проверки алиби следователю нужно подробно допросить подозреваемого об обстоятельствах, связанных с выдвигаемым алиби (где, с кем и зачем он находился в интересующий следствие момент; кому говорил о намерении побывать в том месте; каким способом прибыл на указанное место и покинул его; сколько времени находился в данном месте и какие события там в это время произошли, кто его там видел и т.д.), и проверить полученные показания. В ходе проверки необходимо безотлагательно допросить тех лиц, на которых подозреваемый ссылался в подтверждение своего алиби. При этом следователь должен подробно выяснить у допрашиваемого, где находился подозреваемый и чем он занимался в тот момент, когда было совершено преступление, кто еще может подтвердить этот факт и т.п.

Ставить вопросы допрашиваемому нужно от общего к частному, формулируя их так, чтобы он не мог догадаться, какой ответ наиболее выгоден для подозреваемого. Проверая алиби подозреваемого, следователь может подготовить и произвести, например, следственный эксперимент, чтобы выяснить, имел ли он возможность покинуть указанное им и свидетелями место, совершить преступление и вернуться обратно незамеченным.

При необходимости следователь может:

1) поручить органу дознания проверку показаний подозреваемого и свидетелей путем оперативно-розыскных мероприятий;

2) выявить и допросить тех граждан, которых подозреваемый не назвал, но которые должны знать, где он был во время совершения преступления;

3) произвести повторный детальный допрос подозреваемого, изменяя последовательность выяснения обстоятельств, связанных с выдвинутым алиби, предъявляя опровергающие доказательства.

Детальный допрос помогает выявить незнание подозреваемым тех подробностей, которые связаны с его утверждениями о месте пребывания (например, «сидел дома, смотрел телевизор», «был в театре», но на вопросы о названии и содержании увиденного ответа не дается) [2]. Детальная проработка «легенды» также демонстрирует ложность алиби, поскольку детали второстепенных обстоятельств люди обычно не запоминают. Однако не следует спешить с изобличением всех противоречий и ложных утверждений подозреваемого. Это может насторожить допрашиваемого, повысить его самоконтроль или привести к отказу от дачи показаний.

Необходимо помнить, что коммуникативный контакт может быть нарушен из-за проявления со стороны следователя крайнего недоверия к показаниям подозреваемого, злорадства при незначительных противоречиях в его показаниях. Кроме того, это косвенно свидетельствует об отсутствии у следователя других веских доказательств виновности подозреваемого. При допросе подозреваемого по обстоятельствам, хорошо известным следователю, целесообразно подправлять, детализировать показания, расходящиеся с истиной, – это создаст у подозреваемого впечатление о хорошей осведомленности следователя.

Иногда следователь сталкивается с трудной тактической ситуацией – самооговором подозреваемого. Это может быть связано с психическим перенапряжением в результате

длительных допросов, с грубыми нарушениями прав личности, с тактическими просчетами следователя, с желанием скрыть другое, более тяжкое преступление.

О самооговоре могут свидетельствовать навязчивые уверения в «честности» признания, схематичность, заученность показаний, неспособность сообщить факты, которые обязательно должны быть известны лицу, совершившему преступление.

Методика разоблачения самооговора та же, что и при разоблачении других ложных показаний: детальный повторный допрос, проверка показаний на месте, очная ставка, следственный эксперимент, анализ соответствия показаний совокупности имеющихся доказательств.

Существенную роль при допросе подозреваемого играет адекватная интерпретация динамики его текущих эмоционально-волевых состояний.

Известно, что внешние проявления эмоционального состояния человека не имеют никакого доказательственного значения. Однако проявление эмоциональных состояний может дать ориентирующую информацию. Так, волнение при определенных вопросах, «уход» от тех или иных тем, «застывание» на определенных обстоятельствах должны побудить следователя к более тщательному анализу причин подобного поведения. Следователь должен проявлять большую осторожность в использовании фактического материала, ибо малейшие ошибки резко ослабляют его позиции. Следует помнить, что подозрения в отношении конкретного лица могут возникнуть в силу неблагоприятного стечения обстоятельств, ошибки, заблуждения и т.п.

Основная задача следователя – получить сведения, позволяющие проверить причастность подозреваемого к расследуемому событию. При этом необходимо четко выделять такие обстоятельства, которые могут быть известны только лицу, совершившему преступление. Особенно чутко следователь должен реагировать на умолчание о фактах, уже выявленных следствием.

Большое значение в допросе подозреваемых имеет метод косвенных вопросов. Он состоит в том, что вопросы, существенные для расследования, маскируются среди внешне «безопасных», как бы далеких от интересующего следователя события. При этом анализируется осведомленность подозреваемого об участниках преступления, о времени, месте и способе его совершения, применявшихся орудиях и других обстоятельствах. Необходимо своевременно блокировать возможные ложные утвер-

ждения подозреваемого с целью ослабления значения имеющихся доказательств. Так, по поводу найденной при обыске у подозреваемого ценной вещи, принадлежавшей убитому, он может сказать, что купил ее у неизвестных лиц. Если же вначале подозреваемому будут заданы вопросы о покупках, сделанных им в последнее время, и в перечне этих покупок данная вещь не будет указана, то такой косвенный вопрос предупредит возможное ложное утверждение допрашиваемого.

Как уже говорилось, при допросе подозреваемого следователь еще не располагает необходимой совокупностью доказательств, в системе доказательств обычно остаются пробелы. По повышенному одностороннему интересу следователя к отдельным эпизодам события подозреваемый может догадаться о дефиците доказательственной информации. Поэтому косвенные, второстепенные вопросы уместны и как средство маскировки подлинных устремлений следователя.

Исходя из своей гиперзащитной позиции, подозреваемый ориентируется на информацию о возможностях получения следователем избыточных доказательств. В связи с этим избирательно-психологическое воздействие на допрашиваемого оказывает демонстрация следователем возможностей следствия. При этом он как бы опережает те вопросы, которые возникают в сознании подозреваемого. Но отдельные факты, которые могут укрепить подозреваемого в нежелании признаться в преступлении, предпочтительно скрывать (например, гибель жертвы).

Поспешное и неумелое предъявление доказательств снижает их избыточную направленность, позволяет противодействующему лицу выдвинуть ложные объяснения. Следователь должен предвидеть все то, что может снизить избыточную силу доказательств, предварительно нейтрализовать все возможные контраргументы допрашиваемого лица.

При допросе нескольких подозреваемых по делам о групповых преступлениях целесообразно использовать психологические феномены межличностного взаимодействия: разнонаправленные интересы членов группы, соперничество, антагонизм, нарушенную согласованность групповых позиций, а также стремление отдельных членов группы приуменьшить свою роль в совершении преступления.

Допрос обвиняемого проводится по пунктам предъявляемого обвинения. Положительный ответ обвиняемого на вопрос о том, признает ли он себя виновным, не должен ни в коей мере

влиять на полноту, всесторонность и объективность расследования уголовного дела. В начале допроса обвиняемому необходимо подробно разъяснить существо предъявляемого обвинения, санкции соответствующей нормы УК, процессуальные права на защиту.

Обычно считается, что допрос приобретает бесконфликтный характер, если обвиняемый признает себя виновным. Однако признание может быть обусловлено желанием обвиняемого уйти от ответственности за другие, более тяжкие преступления или иными мотивами, и бесконфликтность окажется лишь иллюзией.

Признание обвиняемым своей вины не является исключительным, наиболее «сильным» доказательством; оно не имеет никакого преимущественного значения и, как все другие доказательства, подлежит проверке и оценке. Признание может быть положено в основу обвинения лишь в случае его подтверждения совокупностью доказательств.

Обвиняемый – наиболее информированный и наиболее психологически сложный источник доказательств. Поэтому при допросе необходимо учитывать ряд психических особенностей этой категории лиц, в частности: состояние подавленности, депрессии, вызванное страхом перед наказанием; большую заинтересованность в исходе дела, преобладание защитной доминанты, активно-оборонительную позицию; отсутствие в ряде случаев намерения к добровольному признанию, убежденность, что правдивые показания могут причинить только вред; недоверие к лицам, ведущим следствие; негативное отношение к свидетелям обвинения; повышенную психическую напряженность, аффективное состояние в критические моменты расследования; повышенный самоконтроль, обостренное внимание к наиболее «опасным» для него обстоятельствам.

Добровольного признания от опытного преступника можно добиться, как правило, лишь при изобличении его с помощью неопровержимых улик при задержании с поличным.

Правдивость показаний обвиняемого в определенной мере стимулируется разъяснением значения чистосердечного раскаяния как обстоятельства, смягчающего ответственность. При этом акцент должен делаться не на признании вины, а именно на раскаянии и всемерном содействии следствию в полном и всестороннем расследовании преступления. В самом начале допроса необходимо принять меры, облегчающие обвиняемому выбор правдивой линии поведения. Первые ложные утверждения создают установку на дальнейшее отрицательство.

Сознаться в преднамеренной лжи бывает очень трудно. В ряде случаев прямой вопрос, совершил ли обвиняемый данное преступление, можно заменить психологически более гибким: что вынудило его совершить такой поступок. Обвиняемые обычно стремятся избегать утвердительных ответов. Обвиняемому следует разъяснить, чем ложная позиция может повредить ему (так, невозвращение похищенных материальных ценностей может привести к конфискации имущества, предъявлению гражданского иска). Если от правдивости показаний обвиняемого зависит судьба невиновных людей, на которых может пасть ложное подозрение, на это необходимо обратить внимание.

Допрашивая обвиняемых, следователь обязательно учитывает возможную последующую динамику их показаний и фиксирует все существенные детали. Как отмечал А.Ф. Кони, обвиняемый после дачи правдивых показаний через некоторое время «начинает обдумывать все сказанное им, видит, что дело не так страшно, каким показалось сначала, что против некоторых улик можно придумать опровержение. Опыт, даваемый уголовно практикой, приводит к тому, что в большей части преступлений, в которых виновность преступника строится на косвенных доказательствах, на совокупности улик и лишь отчасти подкрепляется его собственным сознанием, это сознание несколько раз меняет свой объем и свою окраску» [3]. Следует учитывать также и возможность возникновения у обвиняемого непроизвольной защитной доминанты – стремления уменьшить свою вину, «облагородить» собственную роль в совершенном деянии, скрыть постыдные стороны своего поведения, акцентировать внимание следствия на неблагоприятном стечении обстоятельств, оградить от ответственности близких лиц.

В сложных ситуациях противодействия, когда допрашиваемый скрывает существенные для дела обстоятельства, дает ложные, дезориентирующие показания, допрос приобретает черты противоборства.

Тактика допроса обвиняемого имеет свою специфику, обусловленную следующими факторами:

а) в отношении данного субъекта собраны доказательства, позволяющие утверждать, что преступление совершил именно он;

б) сопоставляя формулировку обвинения и реальное событие преступления, он может сориентироваться, какими доказательствами располагает следствие;

в) допросу данного субъекта как обвиняемого нередко предшествует допрос в качестве подозреваемого, поэтому следователь располагает некоторой информацией о его личности.

Допрос обвиняемого может происходить в условиях бесконфликтной или конфликтной ситуации. Бесконфликтная ситуация складывается тогда, когда обвиняемый признает себя виновным и дает показания по предъявленному обвинению.

В противном случае возникает конфликтная ситуация, острота которой зависит от того, отрицает он свою вину полностью или частично.

Если обвиняемый, признав себя виновным, дает показания по существу предъявленного обвинения, следователь должен применять тактические приемы, направленные на получение максимально полных и подробных сведений.

Нужно учитывать, что признание обвиняемым своей вины в совершении уголовно наказуемого деяния небольшой или средней тяжести может быть самооговором с целью избежать уголовной ответственности за тяжкое или особо тяжкое преступление. Следовательно, эти показания необходимо тщательно проанализировать и сопоставить с ранее полученными данными.

Следует проверить, нет ли в них схематичности и стереотипности, которые характерны для случаев, когда обвиняемый, не совершив инкриминируемое преступление, но имея о нем представление, создает подходящую легенду и придерживается ее на протяжении всего предварительного следствия. Признаками самооговора также являются: обилие противоречий между отдельными частями показаний, между сведениями, которые обвиняемый сообщал в разное время; наличие в показаниях неправдоподобных деталей; совпадение показаний обвиняемого со слухами, которые циркулировали в данном населенном пункте в связи с обнаруженным преступлением, и т.п.

При наличии признаков самооговора следователю необходимо: детально изучить материалы уголовного дела, содержащие данные о личности обвиняемого, особенно о его волевых качествах (темперамент, внушаемость, упрямство, трусость и т.п.) и возможных расстройствах психики; проверить, не было ли на него оказано физическое или психическое воздействие для склонения к самооговору (допросить лиц, принимавших участие в предыдущих следственных действиях, когда обвиняемый признал себя виновным); принять меры к установлению возможных соучастников преступления и лиц, которые могли оказать на обвиняемого воздействие; произвести его повторный допрос, применив тактические приемы, направленные на проверку достоверности получаемых показаний (изменить последовательность выяснения обстоятельств, о которых обвиняемый уже был допрошен, что вынудит его отступить от стерео-

типов); акцентировать внимание на выяснении фактов, которые в показаниях не затрагивались (хотя по логике вещей он должен был знать о них) либо излагались схематично, противоречиво и т.п. Тактика допроса обвиняемого в условиях конфликтной ситуации сходна с тактикой допроса подозреваемого в аналогичных случаях. Отличие состоит в применении тактических приемов, основанных на предъявлении собранных по делу доказательств, и психологическом воздействии на обвиняемого.

Если в процессе расследования добыты доказательства, дающие основание предъявить обвинение, то при допросе ими следует воспользоваться. Предъявление этих доказательств облегчит получение полных и правдивых показаний или, по крайней мере, проявит позицию обвиняемого по отношению к собранным доказательствам. В ходе допроса, особенно при активном участии защитника, имеющиеся в деле доказательства проходят своеобразную проверку в аспекте их надежности для изобличения виновного. Если совокупность доказательств содержит пробелы, не влияющие на вывод следователя относительно обвиняемого, то при допросе их рекомендуется предъявить так, чтобы последний не только не догадался об этом, но и сообщил сведения о недостающих уликах. Для чего целесообразно, например, тактический прием, основанный на создании преувеличенного представления об объеме добытых доказательств.

Спецификой тактики допроса обвиняемого является также более широкое применение приемов психологического воздействия. К началу допроса следователь, как правило, имеет достаточно полное представление о личностных свойствах обвиняемого. В зависимости от них и формирующейся в ходе допроса ситуации рекомендуется использовать такие приемы психологического воздействия:

а) активизировать положительные качества допрашиваемого;

б) разъяснить правовые последствия деятельного раскаяния и активной помощи в раскрытии преступления.

Активное применение тактических приемов может убедить обвиняемого в нецелесообразности дальнейшего запирательства. Если обвиняемый наотрез отказывается от дачи показаний, то допрос лучше прекратить, чтобы дать ему возможность взвесить все «за» и «против» и убедиться в необходимости рассказать правду. В то же время после перерыва в допросе обвиняемый может не изменить своей позиции, а передышку использовать для корректировки линии поведения с учетом сведений, почерпнутых в ходе допроса, в частности оценив предъявленные доказательства.

Поэтому колебания в позиции обвиняемого нужно стимулировать применением тактических приемов, направленных на дачу полных и достоверных показаний.

Тактика допроса обвиняемого по уголовному делу о преступлении, совершенном группой лиц, имеет особенности, обусловленные характером иерархии в группе. С одним из соучастников обвиняемый может быть связан родством, с другим его отношения обуславливают страх, подчиненность, зависимость и т.п.

Если соучастники преступления изолированы друг от друга, то отношения между ними постепенно меняются, поэтому следователю необходимо определить, у кого из обвиняемых появилась неприязнь к соучастникам и по какой причине. Целесообразно выбрать того, кто считает себя обиженным или обделенным со стороны соучастников, раскрыть в ходе допроса его истинное место в сложившейся иерархии преступной группы. Однако в данном случае необходимо очень осторожно выбирать методы психологического воздействия, чтобы не толкнуть его на оговор соучастников.

1. Ищенко Е.П., Топорков А.А. *Криминалистика: учеб.* М., 2007.

2. Карнеева Л., Соловьев А., Чувилев А. *Допрос подозреваемого и обвиняемого.* М., 1969.

3. Кони А.Ф. *Собр. соч.* М., 1967.

1. Ischenko E.P., Toporkov A.A. *Criminalistics: textbook.* Moscow, 2007.

2. Karneeva L., Solovyev A., Chuvilev A. *The interrogation of suspect and accused.* Moscow, 1969.

3. Koni A.F. *Coll. works.* Moscow, 1967.

Трухачев Вадим Викторович

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права
Воронежского государственного университета
(e-mail: truhachev@law.vsu.ru)

О некоторых вопросах взаимодействия следователя с оперативным аппаратом при расследовании взяточничества в условиях противодействия

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия следователя с оперативным аппаратом при расследовании взяточничества в условиях противодействия.

Ключевые слова: коррупция, взятка, экономические преступления, следователь, оперативный сотрудник, расследование преступлений, взаимодействие.

V.V. Truhachev, Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Criminal Law of the Voronezh State University; e-mail: truhachev@law.vsu.ru

On some issues of interaction between an investigator and the operational apparatus in the investigation of bribery in the conditions of counteraction

In the article the questions of interaction between an investigator and the operational apparatus in the investigation of bribery in the conditions of counteraction are considered.

Key words: corruption, bribery, economic crimes, investigator, operations officer, investigation of crimes, interaction.

Практика борьбы с коррупцией позволяет утверждать, что расследование преступлений данной категории в современных условиях осложняется высоким уровнем профессионализма и организованности взяточников и, как следствие, активным противодействием расследованию.

В этой связи одним из факторов, который определяет эффективность расследования коррупционных преступлений, а также выступает гарантом предупреждения и преодоления противодействия со стороны заинтересованных лиц, является надлежащая организация и непосредственное осуществление в процессе раскрытия и расследования преступления взаимодействия следователя с сотрудниками оперативных аппаратов по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции.

Проведение комплекса оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий с момента поступления первоначальной информации о факте противоправного деяния и постоянный обмен оперативной информацией в процессе расследования данного преступления свидетельствуют о необходимости объединения с

оперативными подразделениями в целях быстрого и полного раскрытия преступления.

Вопросы взаимодействия субъектов расследования и раскрытия преступлений получили свое развитие в работах известных ученых [1].

Под взаимодействием следователя с субъектами оперативного аппарата при расследовании взяточничества в условиях противодействия мы понимаем основанное на нормативных актах сочетание и использование всех возможных законных мер подразделений правоохранительных органов, направленных на расследование и раскрытие преступления.

Содержание взаимодействия субъектов расследования должно иметь внешнее выражение, или, говоря иными словами, форму. Большинство криминалистов различают две основные формы взаимодействия: правовую (процессуальную) и организационную [2, с. 19]. Деятельность следователя и оперативных работников по расследованию и раскрытию взяточничества осуществляется в соответствии с законами и подзаконными нормативно-правовыми актами, на основании чего можно сделать вывод о том, что и формы их взаимодействия являются правовыми (процессуальными).

На практике подобное взаимодействие организуется в зависимости от сложившейся следственной ситуации, особенности которой определяют характер и объем оперативно-розыскных мероприятий, соответственно, и степень участия оперативного аппарата, привлекаемого к проведению оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

Между следователем и оперативными работниками в процессе расследования возникают и складываются связи не только в процессуальных формах, но и в таких формах взаимодействия, которые хотя и не закреплены законом, но получили широкое распространение на практике (например, совместное обсуждение и составление планов, консультации, обмен информацией и т.д.). Указанные формы взаимодействия как раз несут характер организационных [3, с. 71].

Принципами взаимодействия субъектов расследования являются соблюдение законности всеми субъектами взаимодействия в их деятельности, своевременный и полноценный обмен информацией, комплексное использование сил и средств, организующая роль следователя и его процессуальная самостоятельность.

Хорошо налаженное взаимодействие следователя с сотрудниками оперативных подразделений по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции при расследовании данной категории дел раскрывает его самые изощренные и замаскированные виды.

Значение информации, полученной при проведении оперативно-розыскных мероприятий при расследовании и раскрытии коррупционных преступлений, высоко, т.к. оперативно-розыскное сопровождение расследования данных преступлений в условиях противодействия осуществляется по двум направлениям: 1) информация, полученная в результате оперативно-розыскной деятельности, необходима для принятия процессуальных решений по уголовному делу (возбуждение уголовного дела, подготовка и проведение следственных действий и др.); 2) деятельность работников оперативного аппарата способствует выявлению признаков противодействия расследованию коррупционных преступлений, что помогает следователю своевременно его пресечь или нейтрализовать.

Анализ практики расследования коррупционных преступлений показал, что сведения, полученные оперативным путем, использовались в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела, для подготовки и проведения следственных действий, в качестве доказательств по уголовному делу.

При изучении уголовных дел данной категории установлено, что наибольшие трудности

возникают во взаимодействии следственного аппарата и оперативного подразделения по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции на стадии реализации материалов оперативной проверки и относительно порядка выполнения поручений следователя.

Следственные работники часто выражают недоверие к информации, которую предоставляют оперативные работники, а сотрудники оперативного аппарата не всегда качественно и своевременно выполняют поручения следователей.

Анализ практики показал, что следователи при расследовании уголовных дел о взяточничестве часто допускают ошибки: несвоевременное проведение неотложных следственных действий, несвоевременное закрепление доказательств, упущение возможности использования научно-технических средств, несвоевременное реагирование на оперативно-розыскные материалы, недооценка необходимости проведения оперативно-розыскных (оперативно-технических) мероприятий.

В итоге указанные недостатки приводят к увеличению сроков расследования уголовных дел, активизации противодействия этому процессу.

Мы полностью согласны с мнением А.А. Бокова о том, что взаимодействие органов, расследующих преступление, а также их подразделений должно быть систематическим и охватывающим все возможные источники информации. Кроме того, такое взаимодействие должно предполагать «перекрестный» сопоставительный анализ имеющихся данных [4, с. 95]. Иными словами, взаимодействующие стороны при расследовании преступления должны организовывать свою деятельность на основании четко проработанной схемы получения, фиксации и обмена информацией между субъектами расследования.

Вся работа правоохранительных органов, направленная на раскрытие преступления и привлечение виновного к ответственности, должна вестись опытными сотрудниками, совмещающими возможности осуществления как оперативно-розыскных, так и следственных функций.

Анализ практики показал, что одним из основных источников доказательств коррупционных преступлений, положенных в основу обвинения, являлись результаты проведения оперативно-розыскных мероприятий.

При расследовании уголовных дел о взяточничестве проводились следующие оперативно-розыскные мероприятия: оперативный эксперимент, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов

связи, сбор образцов для сравнительного исследования. Не существует более эффективного способа выявления источников прямых доказательств, чем задержание взяточника с поличным при проведении оперативного эксперимента, что подтверждает анализ практики расследования уголовных дел данной категории. Практически по всем уголовным делам осуществлялся оперативный эксперимент, впоследствии оформляемый актом и приобщаемый к материалам уголовного дела.

Оперативно-розыскная деятельность, сопровождая действия следователя, создает условия для более эффективного воздействия на субъектов противодействия и созданную ими ситуацию. Осуществляемая на основании закона, она предшествует и сопутствует мерам следователя по преодолению противодействия расследованию либо создает условия для эффективного их применения [5, с. 80].

Специфику взаимодействия работников следствия и оперативно-розыскных аппаратов при расследовании взяточничества в условиях активного противодействия можно проследить на примере всей системы преступных действий по противодействию расследованию.

При анкетировании 84% опрошенных следственных работников указали, что сталкивались с противодействием раскрытию взяточничества уже при решении вопроса о возбуждении уголовного дела и на начальном этапе расследования. Основу результативного прогнозирования возможных действий субъектов противодействия составляют уровень профессионализма и опыт следователей и оперативных работников, а также их способность предугадывать действия представителей противодействующей стороны [6, с. 120–122].

На первом этапе формирования системы противоправных отношений по противодействию расследованию взяточничества заинтересованными в этом лицами, прежде всего, реализуются попытки организации всевозможных контактов с использованием коррупционных связей.

Подобные контакты осуществляются с отдельными коррумпированными представителями аппаратов государственной власти или правоохранительных органов, способными влиять на ход и результаты расследования, в целях предотвращения установления истины по делу и склонения лиц, проводящих расследование, к «взаимовыгодному сотрудничеству».

В таких случаях в зависимости от сложившейся для преступников ситуации и целей противодействия (предотвращение возбужде-

ния уголовного дела, выведение из сферы уголовного преследования преступника, изменение квалификации деяния, затягивание расследования, создание условий для оправдания преступника и пр.) они могут использовать различные способы воздействия: уговоры, шантаж, компрометацию, высказывание угроз, нередко предложение взятки и т.д.

Результативность предотвращения деятельности по возможному противодействию расследованию во многом зависит от полноты и своевременности полученных следователем оперативных данных.

Располагая исходными данными установочного характера о преступнике (его образе жизни, особенностях личности, связях и пр.), следователь с оперативным работником могут продумать всевозможные варианты поведения заинтересованных в исходе дела лиц и принять меры по своевременному упреждению преступного воздействия на процесс расследования.

В первую очередь следователь должен принять меры, исключающие возможность применения насилия, и убедить лиц, в отношении которых возможна попытка оказания давления, что следователь и оперативные работники в состоянии обеспечить не только их личную безопасность, но и безопасность их близких. Не исключено, что для выявления подобных связей, а также установления лиц, с помощью которых преступники намериваются повлиять на ход следствия, оперативные и следственные работники на время сочтут нужным отложить проведение каких-либо оперативных мероприятий или следственных действий.

Выявление подобных действий и изобличение их инициаторов и организаторов чрезвычайно сложно. Поэтому активное использование возможностей оперативно-розыскной деятельности является одним из наиболее эффективных средств предотвращения физического и психологического воздействия, осуществляемого в отношении участников уголовного процесса по склонению их к «преступному сотрудничеству» в целях противодействия.

Второй этап системы действий по воспрепятствованию расследованию взяточничества включает в себя осуществление субъектами противодействия конкретных действий, содержание которых напрямую зависит от их должностного и процессуального положения. Наиболее активными субъектами противодействия выступают, помимо подозреваемого (обвиняемого), адвокаты [7] и коррумпированные руководители и должностные лица, а иногда и непосредственные руководители субъекта расследования.

Типичными признаками противодействия расследованию взяточничества являются: изменение показаний в пользу подозреваемого; неоднократные заявления необоснованных ходатайств и жалоб со стороны адвоката в процессе расследования и судебного рассмотрения дела; дача вышестоящим руководителем следственного органа следователю «сомнительных» указаний; отказ в даче согласия на проведение отдельных следственных действий; непредставление запрашиваемых предметов и документов, имеющих значение для расследования; признаки симуляции заболеваний подозреваемым (обвиняемым) и т.д.

Результатом подобного противодействия процессу расследования является негативное воздействие и на материальные следы преступления. Причем арсенал приемов воздействия преступников в отношении их чрезвычайно широк и включает в себя утаивание, уничтожение, маскировку, фальсификацию доказательств, их ложную трактовку, неправильную правовую оценку, а зачастую и сочетание всех указанных приемов.

Когда механизм реализации действий, направленных на запланированное противодействие расследованию, уже запущен, а установление лиц, организовавших подобную деятельность, представляется весьма сложным, перед

оперативными работниками встает задача построить свою работу, усилив возможности установить признаки оказываемого противодействия, при этом опираясь на конкретные задачи и поручения следователя. Решающую роль в этом играют навыки добывания и фиксации доказательств факта передачи предмета взятки.

Осуществление согласованного и целевого взаимодействия следователя и оперативных работников при расследовании взяточничества позволит решить основные задачи по обнаружению признаков дачи-получения взятки и привлечению виновных к ответственности, а также преодолению возможного противодействия расследованию.

На основании вышеизложенного автор приходит к выводу о том, что эффективность работы следователя и сотрудников оперативного подразделения по выявлению указанного механизма противоправного воздействия на процесс расследования и установлению лиц, участвующих в этом, определяется, прежде всего, своевременным и полным производством оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, направленных на фиксацию доказательств и документирование состава преступления.

1. Закатов А.А. Роль взаимодействия следователей с органом дознания в выявлении латентных преступлений // Проблемы советского государства и права. Иркутск, 1975. Вып. 9–10.

2. Бекетов А.Ю. Актуальные вопросы использования непроцессуальных форм взаимодействия следователя и органов дознания в ходе расследования преступлений // Следователь. 2000. № 4.

3. Плеснева Л.П. Правовые и организационные основы взаимодействия следователя с органами дознания: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2002.

4. Боков А.А. Первоначальный этап раскрытия и расследования контрабанды: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

5. Бурлин С.А. Проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов: дис. ... канд. юрид. наук, Саратов, 2002.

6. Криминалистика: учеб. / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008.

7. Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. Иркутск, 2005.

1. Zakatov A.A. Role of the interaction of investigators with a body of inquiry in identifying latent crime // Problems of the Soviet state and law. Irkutsk, 1975. Iss. 9–10.

2. Beketov A.Yu. Actual issues of the use non-processual forms of interaction between the investigator and investigation bodies in the investigation of crimes // Investigator. 2000. № 4.

3. Plesneva L.P. Legal and organizational foundations of cooperation between an investigator and inquiry bodies: diss. ... Master of Law. Irkutsk, 2002.

4. Bokov A.A. The initial phase of disclosure and investigation of smuggling: diss. ... Master of Law. Moscow, 2004.

5. Burlin S.A. Problems of overcoming of combating crimes of tax evasion: diss. ... Master of Law. Saratov, 2002.

6. Criminalistics: textbook / T.V. Averyanova, R.S. Belkin, Yu.G. Koruhov, E.R. Rossinskaya. 3rd ed., rev. and add. Moscow, 2008.

7. Garmayev Yu.P. Illegal activities of lawyers in criminal proceedings. Irkutsk, 2005.

Важенин Вячеслав Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности
в органах внутренних дел
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79181919530)

Лугович Сергей Михайлович

адъюнкт адъюнктуры (докторантуры)
Омской академии МВД России
(тел.: +79045863875)

*Некоторые аспекты регулирования
правового статуса должностного лица,
осуществляющего
оперативно-розыскную деятельность,
по законодательству стран
дальнего зарубежья*

Правовое положение оперативника в странах дальнего зарубежья существенно отличается от правового положения сотрудника оперативного подразделения в России. Авторы рассматривают отдельные проблемы проведения оперативно-розыскных мероприятий и привлечения к конфиденциальному сотрудничеству граждан сотрудниками оперативных подразделений полиции.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперуполномоченный, оперативно-розыскные мероприятия, правовой статус оперуполномоченного.

V.V. Vazhenin, Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Operative and Detective Activity in Law-enforcement Bodies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79181919530;

S.M. Lugovich, Adjunct of Adjuncture (Doctorate) of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79045863875.

Some aspects of the regulation of the legal status of an official engaged in the operative and detective activity under the legislation of other countries

Legal status of the operative in foreign countries has a significant difference from the legal status of staff operational unit in Russia. The authors consider some problems of conducting operative and investigative measures and bringing to a confidential co-operation of citizens by operational units of the police.

Key words: operative and detective activity, operative, operative and investigative measures, legal status of operative.

На протяжении длительного времени, вплоть до ликвидации СССР, правовое положение должностного лица оперативного подразделения, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), регламентировалось ведомственными нормативно-правовыми актами с соответствующим грифом секретности (для согласования понятий должностных лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятель-

ность в разных странах, в данной статье мы будем именовать их «оперативниками»). Это стало возможным, прежде всего, в связи с закрытостью самой ОРД и исторически сложившимся представлением о ней как о тайной и негласной деятельности правоохранительных органов государства. Соответственно, и деятельность ее субъектов, как предполагалось, в основном должна носить негласный характер и регулироваться секретными нормативными

документами, предназначенными исключительно для них.

Такая ситуация не могла оставаться при переходе России к построению демократического государства, где на первый план выходили, прежде всего, права личности, а не интересы государства. В связи с этим появилась необходимость с подзаконного уровня правового регулирования ОРД перейти на законодательный уровень правой регламентации.

Между тем, как справедливо отмечают ряд ученых, ОРД – это единственный реальный инструмент своевременного выявления преступлений [1, с. 88], который как государственно-правовая форма борьбы с преступностью и вид правоохранительной деятельности будет существовать до тех пор, пока существуют преступность и уголовное законодательство [2].

К сожалению, базовый Федеральный закон от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) не определяет при этом правовое положение оперативника как должностного лица, субъекта оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). Анализ ведомственных нормативно-правовых актов свидетельствует о том, что зачастую они составлены с нарушением юридической техники, изобилуют множеством необоснованных ограничений и процедур. Следует согласиться с В.Ф. Луговиком, который, указывая на необходимость совершенствования законодательства, регулирующего правоотношения в сфере ОРД, говорит о том, что по ряду ОРМ имеются ограничения, не предусмотренные Законом об ОРД (оперативное внедрение, наблюдение, прослушивание телефонных переговоров и др.). Проведение некоторых мероприятий связывается с необходимостью заведения дел оперативного учета, по иным мероприятиям явно завышен уровень должностных лиц, санкционирующих их проведение. Видимо, по мнению их разработчиков, такие ограничения призваны усилить контроль за ОРД. Однако их наличие негативно отражается на правовом положении оперативника, ограничивает его самостоятельность, сковывает инициативу и не обеспечивает быстроту реагирования на информацию о нарушениях прав граждан [3].

При исследовании данного вопроса определенный интерес представляет зарубежный опыт правового регулирования статуса должностного лица, осуществляющего ОРД.

В странах дальнего зарубежья, как и в России, ОРД на протяжении длительного времени, до принятия первых правовых актов в конце 60-х гг. прошлого века, развивалась в полном отсут-

ствии законодательного регулирования данной сферы правоохранительной деятельности. Имеет принципиальное значение тот факт, что эти правовые акты предоставляют сыскным ведомствам достаточно обширные полномочия в сочетании с их высокой ответственностью и развитыми формами контроля, такими как парламентский, правительственный, судебный, прокурорский.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на такие развитые западные страны, как США, Германия, Франция и некоторые другие, на примере которых можно судить о данной сфере деятельности.

Термин «оперативно-розыскная деятельность» отсутствует в правовых и служебных документах полиции данных стран. Большинство негласных действий оперативника, относящихся к непроцессуальной форме его деятельности, входят в сферу расследования преступления и так называемой «полицейской разведки». Ряд авторов, описывая сыскную деятельность полиции зарубежных стран, под «полицейской разведкой» понимают такие элементы, как процесс сбора и обработки информации, виды и способы разведывательной деятельности полиции, методы добывания нужной информации, источники получения информации, агентурная работа, организация и структура разведывательных систем и подразделений, обеспечение процесса сбора информации, и другие специфические функции негласной полицейской деятельности [4, с. 5]. При этом в полицейском расследовании многих государств не существует четкого разграничения гласных и негласных методов получения доказательств. Негласная деятельность лица, осуществляющего расследование в стадии досудебного производства, занимает центральное место, в связи с чем, следственная деятельность и ОРД тесно связаны между собой, а оперативник выступает как следователем, так и детективом (так в некоторых зарубежных странах именуется должность сотрудника полиции, осуществляющего сыскную деятельность).

Самый радикальный подход к сближению оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной функций наблюдается в США. При скрытом методе сбора информации оперативник может скрывать свое официальное лицо или маскироваться под любого человека, не вызывающего подозрения в его причастности к полиции. Цель таких действий заключается в том, чтобы получить информацию или доказательства по расследуемому делу, которые нельзя получить другим путем. При этом результаты негласных мероприятий используются в доказывании по

уголовным делам наряду с доказательствами, полученными гласным путем. Следует отметить, что даже в странах с развитой правовой системой и высоким уровнем правовой регламентации правоохранительной деятельности ОРД, в основном, регулируется ведомственными нормативно-правовыми актами. Они раскрывают организацию и тактику ОРД, являются закрытыми документами. В открытых правовых источниках США оперативно-розыскная и следственная работа федеральной криминальной полиции США – ФБР, в основном, регламентируется следующими нормативными документами, изданными Генеральным атторнеем и Президентом:

1) инструктивное письмо Генерального атторнея директору ФБР «Использование осведомителей в расследовании по делам внутренней безопасности, организованной преступности и по другим уголовным делам» (1976 г.);

2) инструкция Генерального атторнея о порядке проведения секретных операций ФБР (1981 г.);

3) исполнительный приказ Президента США № 12333 «Разведывательная деятельность США» (1981 г.);

4) инструкция Генерального атторнея «О порядке расследования по делам об общеуголовных преступлениях, деятельности предприятий, организованной преступности, внутренней безопасности и терроризме» (1983 г.).

Данные нормативно-правовые акты предоставляют оперативнику широкие дискреционные полномочия. В них декларируется положение о том, что при выборе метода оперативной проверки сотрудник должен учитывать возможные неблагоприятные последствия для интересов охраны частной жизни и репутации граждан. Однако с учетом специфики полицейской разведки законодатель оговаривает, что выбор метода является вопросом оценочного суждения сотрудника ФБР. Необходимым условием осуществления негласной деятельности является получение санкции непосредственного руководителя. При этом организацию и тактику такого расследования оперативник определяет самостоятельно. Основное условие осуществления такого расследования заключается в том, что применение негласных методов должно осуществляться по правилам, установленным руководителями соответствующего ведомства и утвержденным генеральным прокурором. Получив задание от руководителя на осуществление расследования, оперативник, как правило, остается ответственным за его ведение до передачи дела в суд. Когда он считает, что собранных доказательств достаточно, то он

докладывает материалы местному атторнею, которому принадлежит право обвинения в суде от имени государства. Последний либо передает материалы в суд и поддерживает обвинение, либо возвращает материалы сотруднику для сбора дополнительных доказательств [5, с. 13].

Во Франции в судебной полиции расследование правомочно осуществлять все комиссары и офицеры полиции, а также офицеры и рядовые жандармерии (прослужившие более пяти лет). Данная деятельность осуществляется сотрудниками полиции под контролем следственного судьи и прокурора.

В Германии уголовное преследование является компетенцией прокуратуры, поэтому сотрудники полиции, как правило, осуществляют только ОРМ и первоначальные следственные действия. В то же время в этой стране законодатель последовательно идет по пути расширения полномочий полиции. Каждый сотрудник полиции, по мнению законодателя, должен иметь навыки выявления преступлений и выполнять на месте их обнаружения необходимые следственные действия.

Большое значение в западных странах уделяется работе полиции с лицами, оказывающими конфиденциальное содействие (далее – конфидененты). В Великобритании сотрудники полиции вербуют осведомителей по личному усмотрению и не отчитываются ни перед кем об их использовании. Данное положение свидетельствует о достаточно широких полномочиях и об особом правовом статусе сотрудника. Возможность независимого планирования и организации работы с конфидентами служит важнейшим гарантом невмешательства в деятельность оперативника. В США в процессе осуществления негласных ОРМ сотрудникам полиции и лицам, оказывающим им конфиденциальное содействие, разрешается изображать из себя соучастников преступления без опасения быть привлеченным к уголовной ответственности. Для этих целей в законодательстве США существует институт ложного или мнимого соучастия.

Ложным соучастником признается тот, кто по указанию оперативника или по личной инициативе изображает из себя соучастника преступления, чтобы установить лиц, совершающих преступления, и оказать помощь в уголовном преследовании таковых. Уголовное право США исключает ответственность за такие деяния, т.к. в действиях ложного соучастника отсутствует преступное намерение и, соответственно, он не является виновным в совершении преступления. Более того, законодатель США допускает при определенных условиях провокационные

действия со стороны вышеуказанных лиц, т.е. действия, направленные на склонение лица к совершению преступления с целью привлечения его к уголовной ответственности.

Эта деятельность полиции в западных странах (особенно в США) получила достаточно распространённый характер, и в настоящее время используется такой тип негласных сотрудников, как агент-provokator. Как отмечают некоторые авторы, ссылаясь на решение Верховного суда США, не считаются провокацией действия, в результате которых лицам, намеревавшимся совершить преступление, предоставляется возможность осуществить свой противоправный умысел.

Как отмечают ряд авторов, провокация как метод оперативной работы широко используется уголовной полицией и спецслужбами западных государств с целью дискредитации различных общественных движений и их лидеров [4, с. 7].

Нормативно закрепляя институт мнимого соучастия и возможность провокации со стороны правоохранительных органов, законодатель тем самым показывает высокую степень доверия к оперативнику. К сожалению, в отечественной правоприменительной практике такой подход является неприемлемым. Об этом может свидетельствовать надзорное определение Верховного Суда РФ по надзорной жалобе Богданова В.А., который был признан виновным в покушениях на незаконный сбыт наркотических средств [6].

В надзорной жалобе В.А. Богданов, выражая несогласие с состоявшимся по делу судебным решением, указывает, что его действия были спровоцированы сотрудниками правоохранительных органов, приговор основан на недопустимых доказательствах. Проверив материалы дела и обсудив доводы надзорной жалобы, Судебная коллегия пришла к выводам, что она подлежит удовлетворению. В обоснование своего решения она ссылается на положения ст. 75 и 89 УПК РФ, а также ст. 7 Закона об ОРД, согласно которой результаты ОРМ могут быть положены в основу приговора, если они получены в соответствии с требованиями закона и свидетельствуют о наличии у виновного умысла, направленного на совершение преступления и сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений, а также о проведении лицом всех подготовительных действий, необходимых для совершения противоправного деяния. При этом согласно ст. 2 Закона об ОРД задачами такой деятельности являются, в частности, выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установле-

ние лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

Сотрудники УФСКН России по Новосибирской области, уже выявив инкриминируемое В.А. Богданову деяние, вновь провели повторное ОРМ – проверочную закупку – для документирования его преступной деятельности. По мнению Судебной коллегии, указанные действия не отвечают требованиям закона.

При таких обстоятельствах, на основании ст. 73, 75 УПК РФ, надзорная жалоба В.А. Богданова была удовлетворена, приговор в части его осуждения за второй эпизод преступной деятельности был отменен.

Такой подход Судебной коллегии Верховного Суда РФ представляется не совсем понятным. К сожалению, в отечественных нормативных правовых актах, регламентирующих уголовно-процессуальную деятельность и ОРД, отсутствует понятие, определяющее сущность провокации. На наш взгляд, к провокации со стороны сотрудников оперативного подразделения следует относить те действия, когда они проводятся в отношении лица, который заведомо для сотрудников полиции не совершает преступления, а своими действиями сотрудники полиции побуждают его к противоправной деятельности. В то же время если лицо, по имеющейся информации, совершает преступления и сотрудники правоохранительных органов проводят мероприятия по выявлению его преступной деятельности, к примеру, такие ОРМ, как проверочная закупка или оперативный эксперимент, в результате которых данное лицо проявляет свою сущность и совершает преступления при проведении данных ОРМ, то полученные результаты уже сами по себе свидетельствуют о законности действий сотрудников полиции. Так, представляется невозможным провести проверочную закупку наркотических средств у лица, который их не распространяет и которые, соответственно, в наличии у него не имеются. Однако такой подход не учитывается законодателем, в связи с чем на практике результаты проведения отдельных ОРМ трактуются судами неоднозначно.

Такая ситуация отрицательно влияет на отношение ко всей ОРД и сотруднику оперативного подразделения как непосредственному ее субъекту. Отсутствие четкой правовой регламентации его деятельности при проведении ОРМ, непринятие судами их отдельных результатов приводит к неопределенности его правового положения, что в конечном счете сказывается на эффективности решения задач, стоящих перед оперативными подразделениями.

Если рассматривать отношение западных юристов к данной проблеме, то примером может служить высказывание Дж. Вильсона, который указал, что агентство по борьбе с распространением наркотиков, внедряя конфиденнта в организацию, занимающуюся нелегальным распространением наркотиков, должно быть готово к тому, чтобы позволить последнему покупать и продавать наркотики и, возможно, быть вовлеченным в насильственные действия. Такое поведение конфиденнта не только не противоречит закону, оно будет и морально оправданным [5, с. 194].

Кроме того, существенно расширяет полномочия оперативника возможность выступать в судебном заседании в качестве свидетеля, излагая сведения, полученные от негласных сотрудников, не раскрывая их личность. В Германии такая практика получила название «свидетельство со слов» и закреплена постановлением Федерального конституционного суда от 26 мая 1981 г.

Такой подход, при условии определенной законодательной проработки, может иметь место и в нашей стране. Такого же мнения придерживаются и ряд российских ученых, которые предлагают законодательно закрепить возможность допроса конфиденнта оперативником, у которого последний состоит на связи. Для этого он должен иметь соответствующее поручение следователя. А результаты осуществляемых им действий должны быть зафиксированы в установленной законом форме.

При таких обстоятельствах должны быть соблюдены дополнительные условия, выражающиеся в необходимости ограничения конфиденнта от вопросов, ответы на которые могут способствовать установлению его личности. Данное предложение нашло поддержку у представителей правоохранительных органов: оперуполномоченных, работников прокуратуры и суда. К таким вопросам, по мнению респондентов, следует относить вопросы о времени (76% респондентов), месте (65%), способе получения информации об исследуемом событии (51%), а также источнике осведомленности свидетеля (43%) [7, с. 78].

К сожалению, российский оперативник такой возможности не имеет, действующие нормативно-правовые акты использование сведений, полученных от конфиденциальных источников, в качестве доказательств по уголовному делу путем допроса сотрудника, получившего такие сведения, не предусматривают.

Опираясь на изложенное, полагаем, что российскому законодателю следует учесть за-

рубежный опыт и мнение отечественных ученых для разработки более четкой правовой регламентации деятельности оперативника.

Следует резюмировать, что в западных странах правовое положение оперативника при проведении ОРМ, как и в российском законодательстве, преимущественно регламентируется ведомственными нормативно-правовыми актами. В связи с тем, что он, как правило, выполняет одновременно функции следователя и лица, осуществляющего ОРМ, он наделен более широкими полномочиями в сравнении со своими коллегами из России. Оперативник самостоятельно выбирает направление и тактику расследования, при этом несет персональную ответственность за его организацию и результаты. Для проведения ряда мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, как и в отечественном законодательстве, оперативнику необходимо получить санкцию соответствующих должностных лиц. Решение о завершении расследования и направлении дела в прокуратуру или в суд принимается им по собственному усмотрению, когда он считает, что собранных доказательств вины подозреваемого достаточно для привлечения его к уголовной ответственности. Такой подход позволяет сделать вывод о том, что правовое положение оперативника в западных странах представляется более предпочтительным в соотношении предоставляемых ему полномочий с теми, предоставление которых диктуется складывающейся правоприменительной практикой.

Таким образом, можно заключить, что в России и за рубежом отсутствует единый подход к правовому регулированию статуса оперативника. Законодательные акты, регламентирующие ОРД, как правило, содержат положения, определяющие основания и порядок ее осуществления, ОРМ, перечень оперативных подразделений, выступающих субъектами, их компетенцию. Однако они не содержат нормы, устанавливающие правовой статус оперативника как непосредственного субъекта ОРМ. В связи с чем при определении его компетенции следует исходить из компетенции того подразделения, где он проходит службу.

В то же время в ряде стран законодатель, предоставляя более широкие полномочия оперативнику в самостоятельности выбора форм и методов расследования, уделяет особое внимание ужесточению нормативного закрепления законности проведения тех или иных мероприятий, прежде всего ограничивающих конституционные права граждан. Основной идеей в этом случае выступает то обстоятельство, что окончатель-

ное решение о виновности лица в совершении преступления принимает суд, а соответственно, за ним и остается право оценки доказательств. К доказательствам предъявляются, как правило, общепринятые требования законности, достаточности, относимости, допустимости и достоверности. Деятельность оперативника не ограничена комплексом обязательных условий и правил, при несоблюдении которых ее результаты, даже фактически указывающие на

виновность того или иного лица, не принимаются судом в качестве доказательств по уголовному делу.

В заключение подчеркнем, что такой подход не может приниматься отечественным законодателем безоговорочно, нельзя забывать историю и специфику правовой регламентации ОРД в нашем государстве. Очевидно, что данный вопрос требует более тщательного изучения и детальной проработки.

1. Вагин О.А. *Международно-правовые нормы о борьбе с преступностью и проблемы совершенствования законодательного обеспечения оперативно-розыскной деятельности* // *Полицейское право*. 2006. № 4.

2. Луговик В.Ф. *Преемственность и новации в оперативно-розыскной науке* // *Полицейское право*. 2006. № 4.

3. *Современные подходы к правовому регулированию оперативно-розыскной деятельности: инициативные проекты Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»* / сост. В.Ф. Луговик. Омск, 2006.

4. Самохин Б.М., Князев В.В. *Зарубежный опыт оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступностью (научно-аналитический обзор)*. М., 1991.

5. Смирнов М.П. *Оперативно-розыскная деятельность полиции зарубежных стран*. М., 2001.

6. *Надзорное определение Верховного Суда РФ от 3 сент. 2013 г. № 67-Д13-35 по надзорной жалобе Богданова В.А. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

7. Луговик В.Ф., Давыдов С.И., Пономаренко О.Н. *Оперативно-розыскное обеспечение государственного обвинения*. Барнаул, 2007.

1. Vagin O.A. *International legal norms about fight against crime and problems of improvement of legislative ensuring operational search activity* // *Police right*. 2006. № 4.

2. Lugovik V.F. *Continuity and innovations in operational search science* // *Police right*. 2006. № 4.

3. *Modern approaches to legal regulation of operational search activity: initiative drafts of the Federal law «About operational search activity»* / comp. V.F. Lugovik. Omsk, 2006.

4. Samokhin B.M., Knyazev V.V. *Foreign experience of operational search activity in fight against crime (scientific and analytical review)*. Moscow, 1991.

5. Smirnov M.P. *Operational search activity of police of foreign countries*. Moscow, 2001.

6. *Supervising determination of the Supreme Court of the Russian Federation of Sept. 3, 2013 № 67-D13-35 according to Bogdanov V.A. supervising complaint. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».*

7. Lugovik V.F., Davydov S.I., Ponomarenko O.N. *Operational search ensuring the state charge*. Barnaul, 2007.

Зибер Анна Эдуардовна

кандидат медицинских наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета

Рубачева Елена Леонидовна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета

(тел.: +78652354446)

Психологические аспекты взаимодействия следователя с допрашиваемым лицом

В статье рассматриваются психологические аспекты взаимодействия следователя с допрашиваемым лицом. Особое внимание уделено такому взаимодействию на стадии предварительного расследования.

Ключевые слова: предварительное расследование, следователь, допрашиваемое лицо, юридическая психология.

A.E. Ziber, Master of Medicine, Assistant Professor of a Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasian Federal University;

E.L. Rubacheva, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasian Federal University; tel.: +78652354446.

Psychological aspects of co-action of investigator to asking person

Some psychological aspects of co-action of investigator to asking person are shown in this article. The main attention is paid to such co-action in the preliminary investigation stage of criminal procedure.

Key words: preliminary investigation, investigator, asking person, juridical psychology.

Общие правила и порядок проведения допроса в уголовном судопроизводстве регламентированы ст. 187–191 УПК РФ. Допрос заключается в процессе получения показаний от лица, обладающего сведениями, имеющими значение для расследуемого дела. Законодатель дал полномочия проводить допрос только следователю и дознавателю. Допрос проводится в строго установленной форме и в обязательном порядке фиксируется в протоколе. Оперативный работник может производить допрос только по поручению должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело.

В процессе расследования, особенно на начальном этапе, следователь сталкивается с различными формами сопротивления поиску истины. Процесс протекает в условиях борьбы за эту истину, противостояния различных лиц и групп, интересы которых затрагиваются собы-

тием преступления и результатами его расследования, подозреваемые нередко проявляют скрытность, лживость, хитрость, для того чтобы утаить истину, изменить важную для уголовного процесса информацию. Вышесказанное обязывает следователя применять меры, методы к нейтрализации такого противодействия, выбирая при этом соответствующие тактические методы, комбинации, которые следует использовать на основе индивидуальных качеств допрашиваемого.

Основные цели участников допроса (следователя и допрашиваемого) могут быть противоположны, что может привести к различным формам конфронтации: спорам, полемике. В подобных ситуациях переход к диалогу создаст наилучшие предпосылки для обеспечения взаимодействия, взаимопонимания и сотрудничества.

Не секрет, что для успешного проведения допроса следователь должен обладать навыками

обучения, глубокими знаниями человеческой психологии, умением чтения невербальных контактов.

Все средства коммуникации делятся на речевые (вербальные) и неречевые (невербальные). Речь является универсальным средством, т.к. в результате ее использования меньше теряется смысл передаваемых значений. Невербальные средства выполняют вспомогательную функцию, которая состоит в том, чтобы повысить семантическую значимость информации вербального сообщения. Невербальные средства могут также и самостоятельно передавать содержательную информацию.

Для установления психологического контакта следователя с допрашиваемым лицом первый должен четко учитывать личностные особенности второго, вести себя культурно и корректно. Также следователю важно уметь ориентироваться в невербальных признаках допрашиваемого лица. По мнению психологов, существует определенный язык взглядов, мимики, движений и жестов. Умение читать эти признаки может помочь не только в допросе, но и в повседневном общении. Это очень наглядно показано в сериале «Обмани меня».

Грамотный следователь внимательно наблюдает за допрашиваемым лицом и его поведением. При этом от развитой у многих талантливых следователей чувственной интуиции следует постепенно переходить к научно обоснованному анализу результатов наблюдения за поведением допрашиваемого.

Рассмотрим некоторые из этих признаков. Недаром говорят, что «глаза – зеркало души». С помощью глаз в ходе общения передаются самые открытые сигналы. Когда человек находится в возбужденном состоянии, его зрачки увеличиваются в пять раз по сравнению с нормой, а в подавленном состоянии – сужаются. Взгляд также бывает разным: повседневным, официальным, взгляд искоса. При повседневном взгляде глаза устремлены на символический прямоугольник, образуемый глазами, щеками, губами.

При официальном взгляде внимание сконцентрировано на переносице собеседника. Такой взгляд всегда раздражает собеседника, вызывает его агрессию.

Взгляд искоса обычно свидетельствует о проявлении враждебности либо подозрительности. Мимическую деятельность глаз следует рассматривать, как правило, совместно с лобной мимикой. Основное ее выражение заключается в сморщивании лба и подъеме бровей кверху. Некоторые исследователи определяют лобную мышцу не иначе как «мускул внимания».

Следователь, ориентирующийся в невербальных признаках, по лицу допрашиваемого, а не по его словам чаще всего определяет, говорит ли последний правду, а также его отношение к рассматриваемому вопросу.

Если допрашиваемый скреживает руки на груди, это говорит о его враждебности либо нежелании общаться. Руки, сложенные ладонями вместе пальцами вверх, говорят о том, что допрашиваемый настроен позитивно, готов к общению и говорит правду. Также ладони открыты полностью или частично у человека, склонного к откровенности.

Сцепленные пальцы у подозреваемого, обвиняемого либо свидетеля показывают желание утаить информацию или неудовольствие от происходящего.

Наверняка, не только следователи, но и простые граждане знают такие жесты, как рот, прикрытый рукой, или прикосновение рук к носу. Это свидетельствует о том, что человек боится проговориться, выдать информацию, не предназначенную для ушей следователя.

Когда свидетель либо обвиняемый оттягивает ворот рубашки, это попытка скрыть обман, снять напряжение. Этот жест может проявляться, когда человек рассержен или расстроен. Если во время допроса обвиняемый грызет ногти, это является показателем стрессовой ситуации, депрессии, огорчения.

Закидывание ноги за ногу с фиксацией руками подозреваемым, обвиняемым говорит о том, что следователю не удастся договориться с этим человеком, потому что он упрямый и несговорчивый.

В результате анализа полученной информации у следователя иногда появляются так называемые «улики поведения» в отношении допрашиваемого. То есть, анализируя внешние факторы поведения допрашиваемого и сличая его отрицательный ответ на поставленный вопрос о виновности, следователь может прийти к выводу, что в действительности допрашиваемый виновен и его словесные утверждения ложны. Такой вывод, основанный на одном внутреннем убеждении следователя, не является доказательством, он может быть неверным. С другой стороны, обычный жизненный опыт и научные данные свидетельствуют о том, что внутреннее состояние человека довольно тесно связано с внешними факторами его поведения.

Помимо знаний невербальных признаков, следователь должен обладать умением применять тактику и приемы установления психологического контакта с допрашиваемым лицом.

Способность следователя убедительно доносить информацию, при этом уверенность, с которой он объясняет то, что чувствует и думает, соразмерны силе воздействия на допрашиваемого. Если при этом мимика лица и подобающие жесты следователя согласуются со смыслом его слов, то высказывание приобретает отчетливость и понятность.

Приступая к беседе в целях установления психологического контакта, необходимо использовать ряд приемов. В начале беседы необходимо выбрать нейтральный материал для общения: интересы допрашиваемого, его дети, семья, самочувствие, хобби. Следователь должен стремиться к тому, чтобы на все его вопросы допрашиваемый говорил «да», избегая противоречий и критики. Далее необходимо найти общие нейтральные интересы с собеседником, которые снимут настороженность и психологические барьеры.

Когда следователь все время показывает свою откровенность, это также способствует успешности допроса.

Уважительное отношение к обвиняемому, подозреваемому или свидетелю, а также проявление к нему эмпатии, сочувствия, сопереживания помогает в допросе.

Иногда при допросе бывает целесообразно звать к патриотическим чувствам допрашиваемого, к чувству долга, совести, принципиальности.

Способов, с помощью которых может быть достигнут психологический контакт, множество, но все они подчиняются следующим общим закономерностям: исследуя личность допрашиваемого, следователь должен планировать обращение к ее лучшим сторонам, т.е. социально положительно ролевым позициям данной личности. Морально и тактически недопустимо, чтобы следователь для установления контакта с допрашиваемым использовал отрицательные стороны его личности, даже если следователь его хорошо знает.

Отмечая положительные качества допрашиваемого, следователь помогает личности осилить страх перед физическим принуждением или угрозами со стороны третьих лиц. Для стимулирования положительных качеств допрашиваемого следователю лучше избегать долгих уговоров. Следователь должен говорить

убежденно и искренне. В целом необходимы индивидуальный подход и внимание к личности.

Отметим, что метод убеждения занимает особое место в перечне методов психологического воздействия на допрашиваемого, создавая у него согласие на добровольное участие в уголовном процессе. Данный метод отчасти обусловлен показом перед участником следственного действия имеющихся в наличии у следователя доказательств по делу, вероятностей следствия, раскрытием возможностей правоохранительных органов по обеспечению безопасности последнего и пр. Таким образом, в основном происходит передача информации со стороны следователя, посредством которой он рассчитывает на понимание субъектом необходимости сотрудничества со следователем.

Вопросы допрашиваемому надо задавать спокойным тоном, без повышения голоса, без нервозности, нельзя язвительно комментировать ответы и оценивать их.

Наводящие вопросы недопустимы. При проведении допроса нельзя применять угрозы, насилие, иные незаконные меры. Нельзя заставлять обвиняемого, подозреваемого, свидетеля давать показания против себя и своих близких родственников, нельзя унижать честь и достоинство личности. «Подстройка» следователя к допрашиваемому приносит больше пользы, чем грубое отношение и «выбивание» показаний.

Из практического опыта можно сделать вывод, что использование методов психологического воздействия на базе созданного психологического портрета в сочетании с другими тактическими приемами создает благоприятные условия для развития психологического контакта с допрашиваемым, стимулирует его к даче правдивых показаний, позволяет понять мотивы совершения преступления и лучше изучить личность виновного.

Все мы знаем из книг и фильмов, что в тандеме «плохой полицейский» и «хороший полицейский» более полные и точные показания обвиняемые дают последнему. Считаем, что более углубленное изучение юридической психологии в вузах будет способствовать успешности допроса и, конечно же, главному результату предварительного расследования – раскрытию преступления.

Пахомов Сергей Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79604784400)

Гусев Алексей Васильевич

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79183534517)

Андрющенко Михаил Николаевич

старший преподаватель кафедры информационной безопасности
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79184518626)

Инновационный подход к процессу фиксации материальной обстановки места осмотра

В статье обозначаются перспективы использования инновационных технологий для обеспечения точности фиксации криминалистически значимой информации при производстве следственных действий. Предлагается новый подход к определению на местности пространственных ориентиров места расположения объектов, обладающих криминалистически значимой информацией. Высказывается суждение о возможности использования в ходе осмотра аэросъемки при помощи мультикоптера.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая техника, геодезические спутниковые навигационные системы, измерение, мультикоптер, аэрофотовидеосъемка, осмотр.

S.V. Pakhomov, Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79604784400;

A.V. Gusev, Master of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79183534517;

M.N. Andryuschenko, Senior Teacher of a Chair of Information Security of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79184518626.

Innovative approach to the process of fixing material inspection place settings

The article indicated by the prospects of using innovative technologies to ensure the accuracy of fixing forensically significant information during investigative proceedings. A new approach to the definition of spatial cues on the ground location of objects with forensically important information is offered. Make judgments about the possibility of the use of aerial photography during the inspection using multicopter.

Key words: forensics, forensic technology, geodetic satellites navigation systems, measurement, multicopter, aerofotovideo shooting, inspection.

Современный высокотехнологичный уровень развития общества требует повсеместного внедрения достижений научно-технического прогресса во все сферы общественных отношений. Исключением в этом процессе не является и следственная деятельность, эффективность которой во многом обеспечивается благодаря криминалистическим рекомендациям. Поскольку научно-технический прогресс оказывает непосредственное влияние

на ускорение темпов развития криминалистической науки [1, с. 61], актуальной является разработка криминалистических рекомендаций по эффективному использованию инновационных достижений науки и техники в ходе предварительного расследования.

Вопрос о роли криминалистики в инновационном обеспечении раскрытия, расследования и предотвращения преступлений уже поднимался учеными. Как отмечает М.В. Жижина, «интегри-

руа новейшие достижения науки и техники, криминалистика создает для правоохранительных органов соответствующие современным угрозам инновационные средства, приемы и методы борьбы с преступностью» [2, с. 20]. По ее мнению, в настоящее время существует три основных направления инновационного развития криминалистики: 1) разработка и использование принципиально новых материалов, технологий в практике криминалистического исследования вещественных доказательств; 2) внедрение инновационных технологий в производство следственных и оперативно-розыскных действий; 3) активное использование информационных технологий в деятельности правоохранительных органов [2, с. 20].

Широкое внедрение результатов научно-технического прогресса в следственную и судебную деятельность обусловлено требованием необходимости опережения технико-криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности по отношению к деятельности преступной, в ходе которой также применяются различные технические новинки [3, с. 15]. Криминалистика должна выполнить свою прогностическую функцию, методически обеспечив процесс раскрытия, расследования и предупреждения преступлений рекомендациями по эффективному применению данных инновационных технологий. В таком единстве задач максимально полно будет реализовываться инновационный процесс, который предполагает создание, внедрение, распространение и применение инноваций [4, с. 26]. Без новых технологий решения организационных, правовых, научно-технических проблем разработки и внедрения в практику криминалистических методов, средств и рекомендаций обеспечение правоохранительной деятельности не будет отвечать требованиям эффективности [4, с. 27].

В рассматриваемом контексте криминалистической роли по обеспечению внедрения инновационных механизмов и процессов в работу правоохранительных органов необходимо рассмотреть возможность интенсификации процесса фиксации материальной обстановки места осмотра. Для повышения эффективности такого направления деятельности, по нашему мнению, необходимо шире использовать геодезические спутниковые системы и аэросъемку, осуществляемую с беспилотного радиоуправляемого летательного аппарата. При этом должны использоваться принципиально новые методы такой деятельности, которые ранее не были изложены в криминалистических рекомендациях.

Как известно, криминалистический способ фиксации информации нашел свое отражение в достаточно большом количестве научных источников, однако некоторые аспекты его практического осуществления проблематичны. В первую очередь, это относится к случаям, когда фиксация места положения материальных следов на местности не может быть произведена по отношению к определенным ориентирам. Отсутствие таких ориентиров на местности не позволяет реализовать полностью задачу отражения в протоколе конкретных мест первоначального обнаружения материальных следов преступления. Проблемными также являются случаи необходимости производства фото- и видеосъемки обнаруженных материальных объектов над ними (обзорная съемка, узловая съемка) так, чтобы были видны все необходимые особенности как самого места съемки, так и взаиморасположения его деталей. Преодоление обозначенных проблем в процессе осмотра, в том числе, может быть осуществлено при одновременном применении геодезических спутниковых систем (ГСС) и аэросъемки, производимой с беспилотного радиоуправляемого летательного аппарата.

Среди имеющихся различных навигационных систем именно использование ГСС снижает риски потери ориентиров до минимума. Вне зависимости от изменения материальной обстановки осматриваемого пространства с их помощью всегда можно определить исходные точки, позволяющие детально восстановить обстановку изучаемого события. Например, такой прибор ГСС, как «RTK GNSS Stonex s9gnss», позволяет определять точку на местности в статике по горизонтали: $\pm 3 \text{ мм} + 1 \text{ мм/км}$; по высоте: $\pm 5 \text{ мм} + 1 \text{ мм/км}$ [5]. Фактически это 99,9% точности измерения точки в пространстве. Кроме того, такие приборы имеют карту памяти, содержащую подробную информацию о предыдущих измерениях.

Указанные технические возможности ГСС позволяют эффективно использовать их для целей и задач криминалистической фиксации. Однако применение данных приборов, к сожалению, не позволяет передавать визуальную информацию о точных параметрах этих объектов и их взаимной связи с остальными объектами данного места, а также его рельефом. Конечно, можно применить известные в криминалистике способы криминалистической съемки (фотосъемка, видеосъемка), но в ряде случаев это сделать не представляется возможным по причине, например, сложной конфигурации рельефа

местности, подлежащей фиксации (наличие естественных преград, таких как речка, овраг, густая растительность и т.д.).

В обозначенных выше ситуациях при проведении криминалистической съемки возможно осуществление аэрофотосъемки при помощи мультикоптера. Мультикоптер – это беспилотный летательный аппарат с несколькими двигателями и винтами, позволяющими увеличивать его воздушную устойчивость и грузоподъемность, дистанционно управляемый пользователем. Существует несколько разновидностей таких летательных аппаратов, отличающихся друг от друга количеством двигателей, количеством винтов, грузоподъемностью и формой. Например, гексокоптер имеет шесть бесколлекторных двигателей и столько же винтов, его грузоподъемность может превышать три килограмма, чего вполне хватит для подъема в воздух фото-, видеокамеры с высокой четкостью разрешения. Минимальный уровень вибрации работающего гексокоптера позволяет вести качественную съемку.

Сочетание возможностей ГСС и аэросъемки с помощью мультикоптера позволяет качественно усовершенствовать процесс фиксации криминалистически значимой информации в месте осмотра. Поскольку в криминалистике отсутствуют эффективные криминалистические рекомендации на этот счет, как представляется, их следует разработать. В качестве таких предложений мы рекомендуем первоначально на местности провести определение координат с помощью ГСС, после чего осуществить мультикоптерную криминалистическую аэросъемку.

Поскольку, по нашему мнению, точное определение положения на местности материальных объектов является исходной задачей криминалистической фиксации, то полагаем, что на начальном этапе осмотра открытой местности следует определить при помощи ГСС исходную точку осмотра для дальнейшей реализации эксцентрического поисково-познавательного способа действий субъекта расследования и оказывающих ему помощь лиц [6, с. 81]. После этого в исходной точке помещается прибор ГСС (базовая станция). Для дальнейших прямых измерительных действий, проводимых по криминалистическим правилам, необходимо найти точно определенные на местности географические координаты вспомогательных точек начала измерений по отношению к точке расположения базовой станции.

С этой целью прибор ГСС, оснащенный полевым приемником (ровер), последовательно

перемещается на одинаково удаленные от базовой станции точки (вспомогательные точки), географические координаты которых корректируются при помощи базовой станции. Точное определение места расположения вспомогательной точки осуществляется по отношению к месту касания вешки прибора с поверхностью. В данной вспомогательной точке размещается ориентир одинакового диаметра с вешкой прибора, после чего полевой приемник (ровер) перемещается для определения следующей вспомогательной точки.

Минимальное количество вспомогательных точек ориентирования должно быть не меньше четырех. Их расположение должно быть строго ориентировано по сторонам света относительно точки расположения базовой станции. Удаление вспомогательных точек от базовой станции может выбираться произвольно лицом, производящим следственное действие, с учетом проходимости сигнала. Минимальное расстояние такого удаления целесообразно выбирать не меньше метра, поскольку сокращение расстояния между базовой точкой и вспомогательными точками может привести к неоправданной минимизации расстояний до расположения объекта измерения.

Последующее измерение какого-либо объекта следует осуществлять в соответствии с криминалистическими рекомендациями. При этом в качестве неподвижных точек привязки на местности будут выбираться ориентир базовой точки (место касания вешки базовой станции с поверхностью) и ориентир ближайшей к объекту вспомогательной точки (место касания вешки полевого приемника (ровера) с поверхностью). При необходимости можно выбрать не один, а несколько вспомогательных ориентиров, при этом расстояние до базового ориентира должно определяться всегда, вне зависимости от количества прямых измерений до вспомогательных точек.

Предложенный способ криминалистического определения места положения объекта в пространстве требует внесения изменений и в рекомендации по отражению этого процесса в протоколе следственного действия. В протокол следственного действия должны заноситься данные географических координат базовой станции и вспомогательных точек, определяемых полевым приемником (ровером). После этого указываются расстояния от точки соприкосновения вешки базовой станции с поверхностью до обнаруженного объекта, после чего указывается расстояние от вспомогательной точки до этого же объекта. Таким образом, обнаруженный объ-

ект получает точную пространственную фиксацию своего места расположения. Такая система измерений, как представляется, позволит на местности, не имеющей четких ориентиров, или в случае их большого удаления, точно определять местоположение обнаруживаемых объектов.

При совмещении задач пространственной ориентации места расположения объектов на месте осмотра, осуществленной с помощью ГСС, и их визуальной фиксации с помощью мультикоптера предлагается реализовать следующую технологию. Во-первых, необходимо подготовить мультикоптер к процессу аэросъемки. Во-вторых, обозначить на месте визуальные ориентиры объектов по схеме, предложенной выше, при этом данные ориентиры должны быть видимы сверху (например, в месте нахождения данных ориентиров помещаются квадраты, вырезанные из бумаги красного цвета). В-третьих, осуществить запуск мультикоптера и дистанционно осуществить его подлет к ориентиру базовой точки начала осмотра. В-четвертых, используя уже размеченные на местности базовые и вспомогательные навигационные ориентиры, произвести аэросъемку осматриваемого места.

Ориентирующую аэросъемку следует производить с места расположения базовой навигационной точки. В процессе подъема мультикоптера над данной точкой необходимо произвести плавный поворот аппарата вокруг своей оси на 360° с целью фиксации окружающего пространства. После данного действия следует переходить к обзорной съемке, при которой ставится задача общей фиксации вещной обстановки места осмотра. Для более качественного отражения данной информации рекомендуется осуществлять аэросъемку путем эксцентрического движения мультикоптера от базовой навигационной точки. Такое движение мультикоптера предполагает, что он летит по спирали, снимая камерой поверхность, над которой он пролетает. Расстояние между параллельными линиями его движения должно превышать границы кадра, определяемые фокусным расстоянием объектива используемой в данном случае аппаратуры.

Особое значение на данном этапе обзорной аэросъемки приобретает фиксация вспомогательных ориентиров, ранее определенных на данной местности при помощи ГСС. Над каждым из таких ориентиров оператор-криминалист, управляющий мультикоптером, должен переводить аппарат в режим «зависания», после чего осуществлять плавный разворот аппарата на 360° , фиксируя расположение объектов относительно ориентира точки, над которой находится мультикоптер.

При необходимости в процессе обзорной аэросъемки может применяться узловый способ криминалистической фиксации. Для этого необходимо осуществить подлет мультикоптера к группе объектов, взаимно расположенных на местности. Облет этих объектов следует делать на такой высоте, которая позволяет не только проецировать расположение объектов по отношению друг к другу, но и видеть перспективный план окружающего их пространства с небольшим возвышением мультикоптера по отношению к верхней плоскости данных объектов.

Детальная аэросъемка места осмотра подготавливается до начала ее осуществления. Так, предлагается заранее расположить рядом с предполагаемыми объектами съемки масштабные криминалистические линейки. Количество таких линеек определяется количеством обнаруженных объектов, а при их размещении рядом с этими объектами соблюдаются криминалистические рекомендации производства детальной фотосъемки с линейным масштабом.

Движение мультикоптера при детальной аэросъемке от объекта к объекту должно осуществляться по короткому от них расстоянию. Исходными элементами такого движения должны стать ориентиры базовой и вспомогательной точек осмотра, определенные при помощи ГСС. При детальной съемке конкретного объекта мультикоптер следует переводить в режим «зависания» перпендикулярно плоскости снимаемого объекта на расстоянии, достаточном для полного восприятия размерной информации о снимаемом объекте, рядом с которым, как уже было сказано ранее, находится масштабная линейка.

Предложенная форма аэросъемки места осмотра при помощи мультикоптера не исключает последующего или предварительного осуществления ориентирующей, обзорной, узловый и детальной фото- и видеосъемки традиционными для криминалистики способами. Практическая реализация обозначенных выше инновационных способов фиксации криминалистически значимой информации, как представляется, существенно облегчит работу лицу, осуществляющему предварительное расследование.

Внедрение инноваций в процесс развития криминалистики достаточно сложен. Как отмечает А.Ф. Волынский, практический результат такого внедрения может быть достигнут только тогда, когда инновационные предложения найдут свое непосредственное использование в решении криминалистических задач [7, с. 29]. Поэтому необходимо не только развивать теоретически указанные

в данной статье направления фиксации криминалистически значимой информации, но и отрабатывать практические навыки у сотрудников правоохранительных органов по

эффективному применению в следственных целях геодезических спутниковых систем и дистанционно управляемых беспилотных летательных аппаратов.

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учеб. для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М., 1999.

2. Жижина М.В. Инновационный путь развития криминалистики на современном этапе // Вестн. криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М., 2012. Вып. 1(41). С. 18–24.

3. Волынский А.Ф. Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.

4. Волынский А.Ф. Еще раз о криминалистическом обеспечении и инновациях (письмо ответственному редактору по поводу «Заметок на полях») // Вестн. криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М., 2012. Вып. 1(41). С. 24–27.

5. Оборудование для геодезии, строительства, изысканий и картографии. URL: <http://satellitgeo.rf> (дата обращения: 16.02.2014).

6. Криминалистика: учеб. для экспертов-криминалистов / под ред. А.Г. Филиппова. М., 2005.

7. Волынский А.Ф. Инновационная сущность криминалистического обеспечения расследования преступлений // Вестн. криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М., 2011. Вып. 3(39). С. 26–29.

1. Averyanova T.V., Belkin R.S., Coruhov Yu.G., Rossinskaya E.R. Forensics: textbook for high schools / ed. by R.S. Belkin. Moscow, 1999.

2. Zhizhina M.V. Innovative way of development of criminalistics at modern stage // Journal of criminalistics / resp. ed. A.G. Philippov. Moscow, 2012. Iss. 1(41). P. 18–24.

3. Volynskiy A.F. Conceptual foundations of technical and forensic ensure disclosure and investigation of crimes: diss. ... Dr of Law. Moscow, 1999.

4. Volynskiy A.F. Once again on the forensic software and innovation (letter to the editor in charge at the «Margin notes») // Journal of criminalistics / resp. ed. A.G. Filippov. Moscow, 2012. P. 24–27.

5. Equipment for surveying, engineering, surveying and mapping. URL: <http://satellitgeo.rf> (date of access: 16.02.2014).

6. Criminalistics: textbook for forensic / ed. by A.G. Filippov. Moscow, 2005.

7. Volynskiy A.F. Innovative nature of forensic investigation of crimes to ensure // Journal of criminalistics / resp. ed. A.G. Filippov. Moscow, 2011. Iss. 3(39). P. 26–29.

Герман Татьяна Валерьевна

заместитель начальника курса (по работе с личным составом)
факультета подготовки следователей
Волгоградской академии МВД России
(e-mail: Taniram_8@mail.ru)

Типичные следственные ситуации и тактика производства отдельных следственных действий при расследовании злоупотреблений должностными полномочиями

В статье рассматриваются типичные следственные ситуации, а также особенности производства отдельных следственных действий при расследовании злоупотреблений должностными полномочиями.

Ключевые слова: следственные ситуации, оперативно-розыскные мероприятия, правоохранительные органы.

T.V. Herman, Deputy Head of the Course (for Work with the Personnel) of the Faculty of Training of Investigators of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Taniram_8@mail.ru

Typical investigative situation and tactics of certain investigative actions in the investigation of abuse of official powers

The article discusses the typical investigative situation, and especially the production of certain investigative actions in investigating abuse of authority.

Key word: investigative situations, operative-search measures, law enforcement agencies.

Расследование злоупотребления должностными полномочиями должно производиться в установленный законом срок, а следственная ситуация позволяет определить основные следственные действия и различные организационные мероприятия.

При принятии решения о возбуждении уголовного дела, при сложившейся следственной ситуации выбирается направление расследования на первоначальном этапе.

Существуют различные мнения криминалистов по поводу формирования следственных ситуаций при расследовании злоупотреблений должностными полномочиями.

А.В. Ханько в своей диссертации говорит о двух следственных ситуациях в зависимости от того, на каких материалах базируется расследование: «1) уголовное дело расследуется по материалам проверки, осуществляемой заинтересованными службами; 2) уголовное дело расследуется по материалам оперативно-розыскной деятельности» [1, с. 11], что, по его мнению, происходит значительно реже.

В.В. Прудников дает более подробную классификацию и выделяет следующие типичные следственные ситуации [2, с. 106–108]:

1) наличествуют сведения о событии преступления и о виновном лице, но не ясно, действительно ли было событие, его преступный характер и причастность лица к нему;

2) установлены события и лица, но характер их вины не ясен;

3) установлено событие с признаками преступления, совершить которое могли лица из определенного круга с учетом своего положения;

4) установлено событие с признаками преступления, и практически отсутствуют сведения о виновном лице.

В.Н. Бодяков, анализируя процесс расследования должностных преступлений в уголовно-исполнительной системе, выделяет такие типичные следственные ситуации [3, с. 115–119]:

1) лицо задержано с поличным при совершении должностного преступления или непосредственно после его совершения;

2) имеется информация о совершенном должностном преступлении, известны обстоятельства и лица, причастные к его совершению;

3) имеется информация о готовящемся должностном преступлении.

В связи с этим формирование типичных следственных ситуаций позволяет не только выбрать правильное направление расследования, определить количество следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, но и определить комплекс тактических приемов, тактико-психологического воздействия, технико-криминалистического обеспечения производства процессуальных действий, а также информировать должностных лиц правоохранительных органов, принимающих участие во взаимодействии, и тем самым свести к минимуму возможные ошибки и т.д.

На первоначальном этапе расследования злоупотребления должностными полномочиями существуют следующие типичные следственные ситуации:

1) есть подозреваемый, и он дает показания о конкретном эпизоде использования должностных полномочий вопреки интересам службы;

2) имеются сведения о совершении деяния, но подозреваемый говорит об отсутствии у него полномочий должностного лица;

3) есть информация о совершении преступления, но должностное лицо говорит, что действовало для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности, охраняемым законом интересам общества или государства, и эта опасность не могла быть устранена иными средствами;

4) есть данные о совершении преступления, но должностное лицо ссылается на исполнение обязательного для него приказа или распоряжения;

5) есть свидетельские показания о противоправной деятельности, имеется должностное лицо, оно отрицает свою причастность к преступлению.

Для исследования и проверки приведенных следственных ситуаций наиболее часто проводятся такие следственные действия, как выемка документов; обыск по месту жительства и работы; допрос свидетелей; допрос подозреваемого; назначение экспертиз.

Выемка документов при расследовании злоупотреблений должностными полномочиями относится к наиболее распространенным следственным действиям. При этом в 89% случаев выемке подвергались документы, в 9% – предметы и в 2% – почтово-телеграфные отправления.

В соответствии с ч. 1 ст. 183 УПК РФ при необходимости изъятия определенных предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, и если точно известно, где и у кого они находятся, производится их выемка на основании постановления следователя. Выемке могут подвергаться и документы, содержащие сведения, составляющие государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметы и документы, содержащие информацию о вкладах и счетах должностного лица и других граждан в банках и иных кредитных организациях. Этот вид выемки производится только на основании судебного решения.

Данное следственное действие нужно проводить незамедлительно, т.к. лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, заинтересовано в их уничтожении.

В процессе подготовки к проведению следственного действия «выемка документов» следователь должен заранее определить документы, подлежащие изъятию.

При проведении выемки изымаются следующие документы:

1) регулирующие правила работы учреждения и определяющие должностной регламент конкретного лица;

2) устанавливающие штатное расписание (в том числе указы о назначении на определенные должности);

3) связанные с совершением действий, отображающие использование должностным лицом своих полномочий вопреки интересам службы;

4) представляющие фиктивные сведения; раскрывающие содержание проведения конкурса на замещение вакантной должности.

Перечисленные документы в процессе расследования преступлений, совершенных с использованием должностным лицом своих полномочий вопреки интересам службы, изымаются в кабинетах руководящих работников органов, в различных помещениях отдела кадров, бухгалтерии и т.д.

В зависимости от характера преступных действий должностного лица, его служебного положения изъятию подлежат: контракт, указы о назначении или перемещении по службе; распоряжения; служебная переписка; регистрационные документы, которые утверждались данным субъектом; документы бухгалтерского учета и отчетности; договоры, книги учета выдачи доверенностей и т.д.

Своевременное проведение выемки лишает преступника и его окружение возможности скрыть от следствия или уничтожить документы, имеющие доказательственное значение.

А также их осмотр и изучение позволяют следователю убедиться в наличии у должностного лица конкретных полномочий, существовании и характере следов противоправного деяния, наличии сведений, позволяющих судить о причастности лица к преступлению.

Изымая интересующие документы, следователь должен установить подлинность документа, его достоверность, а также индивидуальные особенности, их характеристику.

При осмотре и изучении документов необходимо установить: соблюдался ли порядок их поступления, какие документы допущены, а какие отклонены, кто за это отвечает; соблюдены ли правила оформления документов, какие имеются на них пометки, подписи, резолюции и т.п.

Надо знать, что лица, злоупотребляющие должностными полномочиями, посягают на регламентированную нормативными правовыми актами деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, государственных корпораций, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований Российской Федерации. В результате этого существенно нарушаются права и законные интересы граждан или организаций либо охраняемые законом интересы общества и государства, что, несомненно, находит отражение в различных документах, исследование которых позволяет установить факты преступной деятельности соответствующего должностного лица.

Опрос следователей, осуществляющих расследование противоправных деяний, предусмотренных ст. 285 УК РФ, позволил сформировать следующую классификацию типичных документов, подлежащих изъятию:

1) устанавливающие компетенцию органов, учреждений, предприятий – федеральные и региональные законы, нормативные акты министерств, служб, агентств, уставы, положения, в которых представлены основные задачи, функции, права, организация работы;

2) определяющие правовой статус должностного лица – федеральные и региональные законы и иные правовые акты, регулирующие деятельность определенного должностного лица, устанавливающие его полномочия;

3) устанавливающие права и обязанности граждан при обращении в орган, учреждение, к должностному лицу – законы, инструкции, регламенты;

4) раскрывающие факты корыстной или личной заинтересованности а, также свидетельствующие о существенном нарушении прав и законных интересов граждан;

5) отражающие иные данные: даты встреч субъектов злоупотребления должностными полномочиями с конкретными лицами (записные книжки, ежедневники, перекидные календари, переписка, планы служебной деятельности, командировочные удостоверения, счета гостиниц);

6) фиксирующие отдельные направления организационно-распорядительной, административно-хозяйственной и финансовой деятельности органа, учреждения, организации (счета, заявки, чеки);

7) характеризующие личностные особенности должностного лица, его квалификацию, образование, а именно характеристики, документы об образовании, повышении квалификации, сдаче квалификационных экзаменов.

Осмотр и изучение документов позволяют выяснить широкий круг данных, касающихся предмета доказывания при расследовании преступлений о злоупотреблении должностными полномочиями.

При производстве осмотра документов особое внимание следует обращать на резолюции, даты, входящие и исходящие номера, подписи, т.е. все должно быть заранее спланировано для осмотра и изучения данных объектов исследования.

Некоторые криминалисты (например, О.А. Луценко) выделяют два этапа работы следователя при осмотре документов, которые тесно взаимосвязаны между собой, но наиболее правильно будет использовать три этапа. На первом этапе следователь должен определить, какие документы могут содержать следы преступления или связаны с ним. Прежде всего, следователю необходимо ознакомиться с нормативными документами, регламентирующими деятельность органа, воинского формирования, в котором состоит на службе должностное лицо, предположительно допустившее злоупотребление, и определяющими круг его полномочий. На втором этапе производится установление и анализ внешних признаков документа. Третий этап предполагает анализ содержания документа.

Необходимо тщательно изучить документы, а именно акты проверок, проведенных контрольно-ревизионными органами; жалобы на действия соответствующего должностного лица; пропуски на вывоз с охраняемой территории незаконно отпущенных товаров; приказы и распоряжения должностного лица о назначении на работу, освобождении от нее и т.п).

Большое значение имеет изучение документов с различными резолюциями, пометками и подписями подозреваемых, ибо оно показывает

непосредственное отношение подозреваемых к действиям, отраженным в документах. Так как факты злоупотреблений могут носить систематический характер, при обнаружении в каком-либо документе данных, свидетельствующих о преступной деятельности должностного лица, не следует ограничиваться только этим документом, а стоит проверить и все другие аналогичные документы. В необходимых случаях следователь может при изучении документов пользоваться помощью специалистов.

Так, осматривая документы, следователь выясняет время, место их оформления, характер отраженных в них операций; узнает, когда издан тот или иной приказ, наложена резолюция, влекущие правовые последствия, когда зарегистрирован документ, соответствуют ли данные регистрации записям в первичных документах, а также одинаково ли заполнены реквизиты в двух и более экземплярах одного и того же документа, хранящихся в разных подразделениях органа.

При осмотре и изучении документа следователь оценивает его с точки зрения соответствия содержащейся в нем информации другим материалам дела, действующему законодательству, правилам и ведомственным инструкциям: если выяснится, что документ незаконный, в распоряжении следователя окажутся сведения о времени, месте, характере события, конкретных действиях и способе злоупотребления.

По документу можно установить, кто его готовил, подписал, издал, а также выявить соучастников преступления. Нередко бывает важно выяснить, подвергался ли документ подделке; материальные следы подделки – подчистка, травление, дописка букв, слов, цифр, исправления – часто видны невооруженным глазом. В случае необходимости следователь использует технические средства или направляет сомнительный документ на технико-криминалистическое исследование. Для установления исполнителя сомнительной подписи или документа может назначаться почерковедческая экспертиза.

Из некоторых документов видна цель злоупотребления, а порой по ним нетрудно установить и мотив злоупотребления. Зачастую из документов усматривается, является ли злоупотребление разовым случаем в деятельности должностного лица или подобные факты совершались неоднократно (например, проведение тендеров, в которых постоянно участвует одна и та же организация).

Осмотр и изучение документов (актов, заключений, протоколов аварий, срывов производст-

венного процесса, листов нетрудоспособности, исследований отдельных органов) позволяют установить материальный ущерб от злоупотребления, иные вредные последствия.

Осмотр начинается с определения наименования, вида, назначения документа и ознакомления с его содержанием. Осмотру подлежат как лицевая, так и оборотная стороны документа. Документ тщательно осматривается на наличие или отсутствие тех или иных реквизитов. При этом устанавливается соответствие содержания другим реквизитам документа – угловому штампу организации, учреждения, подписям, печати, дате выдачи.

При осмотре и изучении документов в зависимости от их характера и назначения устанавливаются:

1. Применительно к нормативным документам:
 - а) вид, содержание документа;
 - б) его соответствие предъявляемым требованиям (регламенту), в частности соблюдение установленного порядка издания, например, приказа, распоряжения;
 - в) полнота и четкость содержащихся предписаний, исключающих возможность неоднозначного толкования;
 - г) наличие на документе (приказе и распоряжении) отметок об ознакомлении с ним лица, чья деятельность расследуется.
2. В отношении документов, отражающих злоупотребление:
 - а) дата составления;
 - б) элементы деятельности, к которым относятся документ и вызванные им правовые последствия (кем документ составлен, подписан, утвержден или завизирован);
 - в) соответствие установленному порядку оформления и реквизитам (наличие необходимого бланка, подписей, оттисков, печатей, штампов, отметок и т.д.);
 - г) регистрация документа при прохождении его по инстанциям для принятия решения;
 - д) соответствие содержания документа обстоятельствам, установленным расследованием;
 - е) наличие или отсутствие признаков подлога;
 - ж) признаки злоупотребления, обстоятельства совершения (являются ли разовыми, неоднократными, систематическими);
 - з) размер причиненного ущерба.

3. В отношении документов, принятых вышестоящими должностными лицами и контрольно-ревизионными органами в связи со злоупотреблением:

- а) данные о характере и обстоятельствах злоупотребления (способе, времени, месте совершения, способе сокрытия);

б) сведения о причинах, способствовавших злоупотреблению;

в) данные относительно причиненного ущерба;

г) данные об обстоятельствах выявления злоупотребления, причастных к нему лицах;

д) характер мер дисциплинарного наказания, примененных к виновному и попустительствовавшим ему должностным лицам;

е) деятельность по возмещению ущерба.

Документы следует осматривать и изучать в условиях хорошего освещения, с использованием дополнительных переносимых осветительных приборов, для того чтобы в необходимых случаях можно было осмотреть документ на просвет, в косопадающем свете для выявления признаков травления или подчистки. Документы нельзя подвергать длительному воздействию света, влаги, высокой температуры во избежание существенных изменений их свойств. Цель осмотра состоит в индивидуализации документа, в фиксации его состояния, в выявлении возможных признаков подделки.

Расчетные документы, к примеру, должны содержать следующие реквизиты: наименование документа, его номер, дату выписки, номер банка плательщика и его наименование, данные плательщика и номер его счета в банке, наименование получателя средств, номер его счета и реквизиты банка, в котором он открыт, назначение платежа, его сумма. На первом экземпляре документа проставляются подписи, а при использовании платежных поручений еще и печать предприятия. Неправильное указание либо отсутствие какого-либо из реквизитов (например, даты, подписи, наименования товара, под закупку которого берется кредит, печати, штампа и т.д.) обязательно фиксируется в протоколе осмотра. Установление этого обстоятельства может свидетельствовать о противоправных посягательствах и делает необходимой проверку по существу отраженных в документе фактов и операций.

При осмотре документов необходимо обращать внимание на те признаки, которые могут свидетельствовать о частичной подделке документа – подчистке, дописке, переделке текста, травлении и т.д. При обнаружении этих признаков необходимо назначать технико-криминалистическую экспертизу.

Обыски по месту жительства и работы. При расследовании анализируемых преступлений обыск направлен на обнаружение предметов и документов, подтверждающих факт совершения злоупотребления должностными полномочиями. Целью обыска являются обнаружение и изъятие различных документов, записей, предметов и

ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела. В процессе расследования рассматриваемых преступлений необходимость обыска возникает в разных местах: в подсобных помещениях, на дачах, в гаражах, автомобилях, на местности, в жилище, в ином помещении, личный обыск. Однако наиболее типичным является обыск по месту жительства и работы.

Обыск является следственным действием, требующим быстрого реагирования на сложившуюся следственную ситуацию, в связи с этим основанием обыска, в том числе при расследовании преступлений о злоупотреблении должностными полномочиями, могут быть данные и оперативно-розыскного характера, имеющиеся в материалах уголовного дела, на основании которых следователь принимает обоснованное решение о его производстве с учетом фактора внезапности. Необходимость обыска в определенной степени связана с тем, что с помощью выемки не всегда удается изъять необходимые документы, т.к. подозреваемые принимают меры к их сокрытию. В таких случаях обыск позволяет отыскать документы, содержащие сведения об оказании конкретных услуг не только в данной должности, но и в других учреждениях, где ранее работало должностное лицо (квитанции оплаты услуг, кредита, незаконного получения льгот, уплаты налогов). А также денежные средства, полученные в результате преступных действий, материальные ценности, нажитые преступным путем, вещественные доказательства, различные следы противоправной деятельности.

При проведении обыска следует обращать внимание на документы, связанные с совершением должностным лицом аналогичных действий в другие периоды времени, когда оно исполняло подобные полномочия в других органах (учреждениях); свидетельствующие о заинтересованности должностного лица в совершении определенных действий; документы, характеризующие его личность, связи, времяпровождение, образ жизни, состояние здоровья, доходы, расходы.

Изъятию подлежат документы, исполненные не только на бумажном, но и на электронном носителе (дискеты, диски, флешки), в том числе и на компьютере (переписка, черновые варианты документов), имеющие отношение к расследуемому событию.

Эффективность обыска для дел о злоупотреблении должностными полномочиями зависит от степени предварительной подготовки следователя к его проведению.

При обыске в жилище необходимо обеспечить участие лица, в помещении которого произво-

дится обыск, либо совершеннолетних членов его семьи (ч. 11 ст. 182 УПК РФ). Тактические приемы обыска определяются объектом поиска.

Для преступлений о злоупотреблении должностными полномочиями можно выделить ряд тактических приемов, применяемых в ходе детальной стадии обыска при расследовании именно указанных преступлений.

1. Сплошной (последовательный) и выборочный методы исследования. При сплошном (последовательном) методе должностное лицо во время обыска последовательно осуществляет поиск в избранном направлении и осматривает встречающиеся объекты, поочередно переходя от одного к другому. Выборочный метод используется при наличии оснований полагать, что искомые предметы (документы) находятся в определенном месте, в месте наиболее вероятного хранения. Если это обыск в служебном помещении, следователь в присутствии должностного лица определяет, где, в каком месте могут храниться искомые документы, следовательно, их поиск первоначально осуществляется в определенном им направлении.

2. Совместный и раздельный поиск. Совместный поиск производится при наличии необходимых сил с учетом трудоемкости поисковой работы. Например, формирование нескольких поисковых групп и осуществление встречного или параллельного обследования одного помещения (кабинета). Раздельный поиск предполагает самостоятельность действий в раздельных помещениях (в двух разных кабинетах).

3. Обследование с нарушением целостности объекта и без такого нарушения. При этом необходимо учитывать, что в соответствии с

ч. 6 ст.182 УПК РФ допускается возможность вскрытия любого помещения, но не должно допускаться не вызываемое необходимостью повреждение имущества. Нарушение целостности объекта предполагает возможность отыскания различных тайников, например в обшивке мебели, одежде, стенах и др., путем их вскрытия.

4. Обыск с использованием метода сравнения однородных объектов (предметов, документов). В результате визуального сравнения или инструментального сопоставления внешнего вида или физических характеристик аналогичных объектов, их частей возможно выявить местонахождение предполагаемых тайников, укрытий, где и будут находиться искомые объекты.

При необходимости могут использоваться так называемые одиночные и групповые поиски. Одиночный поиск осуществляется силами одной или нескольких поисковых групп на территории одного объекта. Групповой поиск применяется в случае необходимости одновременного проведения нескольких обысков по одному уголовному делу, например при наличии нескольких фигурантов, нескольких возможных мест нахождения отыскиваемых объектов.

Тактические особенности производства обыска заключаются во внезапности его осуществления, а также принятии мер к недопущению возможных препятствий со стороны лиц, злоупотребляющих должностными полномочиями (попыток спрятать или уничтожить искомые предметы).

Результатом обыска служат обнаружение и изъятие скрываемых документов и предметов, имеющих значение по уголовному делу о злоупотреблении должностными полномочиями.

1. Ханько А.В. *Методика расследования преступлений, совершаемых с использованием должностным лицом своих служебных полномочий в условиях информационной неопределенности: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2006.*

2. Прудников В.В. *Первоначальный этап расследования преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: основные положения: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1998.*

3. Бодяков В.Н. *Расследование должностных преступлений в уголовно-исполнительной системе: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2009.*

1. Hanko A.V. *Methodology for the investigation of crimes committed with the use of his/her official authority in the conditions of information uncertainty: diss. ... Master of Law. Khabarovsk, 2006.*

2. Prudnikov V.V. *Initial stage of the investigation of crimes against state authority, interests of state service and service in bodies of local self-government: basic provisions: diss. ... Master of Law. Krasnodar, 1998.*

3. Bodyakov V.N. *The investigation of crimes by officials in the penitentiary system: diss. ... Master of Law. Vladimir, 2009.*

Еремченко Владимир Игоревичпреподаватель кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: mail_lom@mail.ru)

К вопросу о предмете криминалистики

В статье освещаются некоторые современные представления о предмете криминалистики, рассматривается возможность изучения в рамках криминалистики вопросов систематизации доказательственной базы по уголовным делам.

Ключевые слова: криминалистика, предмет криминалистики, доказательство, материалы уголовного дела, формирование дела, систематизация доказательств.

V.I. Eremchenko, Teacher of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: mail_lom@mail.ru

On the subject of criminalistics

In the article some modern ideas about the subject of criminology are highlighted, the opportunity to study in the framework of criminalistics issues of systematization evidentiary basis for criminal cases is considered.

Key words: criminalistics, subject of criminalistics, evidence, criminal case materials, formation of case, evidences systematization.

Понимание криминалистики и ее предмета, несмотря на зарождение самой криминалистики еще во второй половине XIX в., продолжает формироваться и претерпевать изменения по настоящее время. При этом следует отметить, что по сей день не существует единого, общепринятого вектора развития данной науки и, несмотря на внешне сформированное представление о ней, до сих пор взгляды на предмет криминалистики разнятся как зарубежом, так и среди ведущих ученых-криминалистов России.

Как изменяется сама история, так изменяются, дополняются взгляды криминалистов на предмет криминалистики. Так, в 1967 г. Р.С. Белкиным и Ю.И. Краснобаевым были высказаны новые представления о предмете криминалистики, в частности, данные авторы считали, что существенным, первостепенным аспектом криминалистики должно выступать именно изучение закономерностей возникновения доказательств [1, с. 90–94].

Но суждения о предмете криминалистики никогда не останавливались, в зависимости от веяний эпохи образовывались новые представления. Так, к примеру, нынешнее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации довольно широко представляет права обвиняемой стороны. Это обусловило возросшее значение участия защитника в уголовном процессе как на стадии предварительного следствия, так и на стадии судебного

разбирательства. Усиление роли адвокатуры привело к возникновению такой дисциплины, как «Теория профессиональной защиты по уголовным делам». Существуют дискуссионные суждения, что данная дисциплина должна изучаться в качестве составной части криминалистики. К примеру, такие взгляды разделяет профессор О.Я. Баев, определяя криминалистику как науку «о закономерностях возникновения, собирания, исследования, использования и оценки информации, связанной с совершением преступлений, их расследованием и рассмотрением уголовных дел в суде, а также основанных на познании этих закономерностей средствах и способах информационно-познавательной деятельности органа дознания, следователя, эксперта, прокурора и адвоката – каждым в соответствии со своей уголовно-процессуальной функцией и полномочиями, регулируемые в рамках динамической системы правоотношений, установленных уголовно-процессуальной формой» [2, с. 10–11]. Однако единого мнения по данному вопросу нет.

В то же время В.А. Образцов, критикуя устоявшееся в последние годы определение криминалистики, данное Р.С. Белкиным, высказывал суждение о том, что изучение закономерностей преступной деятельности не может входить в предмет криминалистики [3, с. 12].

В свою очередь, в отличие от обширности системы «русской» криминалистики, обусловленной пониманием ее предмета нашими учеными-криминалистами, «зарубежная» кри-

миналистика, наоборот, в большинстве случаев является сугубо прикладной наукой. В зависимости от стран, ее исследующих, она может ориентироваться как на изучение криминалистической техники, так и на освещение вопросов:

организации работы Интерпола и взаимодействия местных правоохранительных структур с ним;

выявления причин совершения преступлений; организации работы репрессивных органов и т.д.

Таким образом, следует согласиться с мнением М.В. Жижиной, считающей, что в настоящее время криминалистика все еще является развивающейся наукой, не имеющей четко очерченных границ своего исследования [4, с. 5].

В связи с этим хотелось бы остановиться на некоторых из современных определений криминалистики:

1) криминалистика – наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных методах и средствах судебного исследования и предотвращения преступлений [5, с. 60];

2) криминалистика – наука, исследующая закономерности преступного поведения и преступной деятельности, механизм их отражения в источниках информации, а также особенности деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, разрабатывающая на этой основе с использованием данных других наук средства и методы раскрытия, расследования, предупреждения преступлений с целью надлежащего применения материальных и процессуальных правовых норм [6, с. 32–33];

3) криминалистика – наука, исследующая закономерности преступных деяний, механизм их отражения в источниках информации, особенности деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению всех видов преступлений и разрабатывающая на этой основе и использовании данных юридических и других наук средства и методы указанной деятельности с целью обеспечения надлежащего применения процессуально-материальных правовых норм [7, с. 27];

4) криминалистика – наука, изучающая закономерности механизма преступного деяния и оставления следов при совершении преступления, а также практическую деятельность следователя по обнаружению, фиксации, изъятию и исследованию следов преступления и разрабатывающая на основе изучения указанной

деятельности научные рекомендации, новые средства, приемы и методы расследования преступлений [8, с. 8];

5) криминалистика – система интегрированного научного знания о принципах, методах и технологиях уголовно-процессуального выявления, раскрытия, пресечения, предотвращения преступлений и осуществления от имени государства уголовного преследования подозреваемых и обвиняемых в приготовлении к совершению и/или в совершении инкриминируемых им деяний [9, с. 16].

Каждое из приведенных определений прямо или косвенно указывает на изучение криминалистикой механизма (способа, закономерностей и т.п.) использования доказательств в целях раскрытия и расследования преступлений. Это наталкивает на мысль, что в предмет изучения криминалистики также должно входить рассмотрение вопросов и самого процесса систематизации полученных в ходе расследования преступления доказательств. Совершенно очевидно, что от того, насколько грамотно и наглядно систематизированы материалы уголовного дела, также зависит результативность их изучения, рассмотрения и разрешения в уголовно-процессуальном порядке. Однако современная «российская» криминалистика, к сожалению, не уделяет данному аспекту должного внимания, что вызывает ряд проблем у молодых сотрудников органов предварительного следствия и дознания.

Многие молодые сотрудники, вставшие с учебной скамьи и приступившие к исполнению своих профессиональных обязанностей, не имеют представлений о правилах систематизации доказательств, о формировании материалов уголовного дела. Самое многое, что им известно на тот момент о систематизации, – материалы формируются либо по логике, либо в хронологической последовательности. Однако, по какой логике должны формироваться материалы, они узнают только от своих старших коллег. При этом, как выясняется, у каждого своя логика и свое видение на разрешение данного вопроса. Проблема заключается в том, что к настоящему времени нет единой, общепризнанной методики систематизации доказательственной базы по уголовным делам, изучение которой вполне могло бы войти в курс преподаваемой в вузах криминалистики.

Завершить вынесенное на обсуждение предложение хотелось бы словами родоначальника криминалистики австрийского юриста и криминолога Ганса Гросса: «Криминалистика по природе своей начинается лишь там, где уголовное

право, также по своей природе, прекращает свою работу: материальное право имеет своим предметом изучение преступного деяния и наказания, формальное уголовное право (процесс) заключает в себе правила применения материального уголовного права. Но каким

именно способом совершаются преступления? Как исследовать эти способы и раскрывать их, какие были мотивы в совершении такового, какие имелись в виду цели – обо всем этом нам не говорит ни уголовное право, ни процесс. Это составляет предмет криминалистики» [10, с. VII].

1. Белкин Р.С., Краснобаев Ю.И. О предмете советской криминалистики // *Правоведение*. 1967. № 4. С. 90–94.

2. Баев О.Я. Российская криминалистика начала XXI в.: направления развития, современные проблемы // *Вестн. криминалистики*. М., 2000. Вып. 1. С. 10–11.

3. Образцов В.А. Криминалистика: курс лекций. М., 1996.

4. Жижина М.В. Предмет криминалистики: история развития и современные представления // *Эксперт-криминалист*. 2011. № 2. С. 2–5.

5. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учеб. для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М., 2000.

6. Криминалистика: учеб. для вузов / под общ. ред. Е.П. Ищенко, А.Г. Филиппова. М., 2007.

7. Криминалистика: учеб. / отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005.

8. Савельева М.В., Смушкин А.Б. Криминалистика: учеб. М., 2009.

9. Корма В.Д., Образцов В.А. Проблемы совершенствования парадигмы криминалистики как теории здравого смысла // *Вестн. криминалистики*. М., 2013. Вып. 2. С. 7–18.

10. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. / предисл. Н.П. Яблокова. М., 2002.

1. Belkin R.S., Krasnobaev Yu.I. On the subject of Soviet criminalistics // *Jurisprudence*. 1967. № 4. P. 90–94.

2. Baev O.Ya. Russian forensics of the beginning of the XXI century: development trends, contemporary issues // *Journal of criminalistics*. Moscow, 2000. Iss. 1. P. 10–11.

3. Obratstov V.A. Criminalistics: course of lectures. Moscow, 1996.

4. Zhizhina M.V. Subject of criminalistics: history of development and modern ideas // *Forensic experts*. 2011. № 2. P. 2–5.

5. Averyanova T.V., Belkin R.S., Coruhov Yu.G., Rossinskaya E.R. Criminalistics: textbook for high schools / ed. by R.S. Belkin. Moscow, 2000.

6. Criminalistics: textbook for high schools / gen. ed. by E.P. Ishchenko, A.G. Filippov. Moscow, 2007.

7. Criminalistics: textbook / resp. ed. N.P. Yablokov. 3rd ed., rev. and add. Moscow, 2005.

8. Savelieva M.V., Smushkin A.B. Criminalistics: textbook. Moscow, 2009.

9. Korma V.D., Obratstov V.A. Problems of improving the paradigm criminalistics as theory of common sense // *Journal of criminalistics*. Moscow, 2013. Iss. 2. P. 7–18.

10. Gross G. Guidelines for forensic investigators as a forensics system. New ed., repr. from ed. of 1908 / introd. by N.P. Yablokov. Moscow, 2002.

Цимбал Виталий Николаевичпреподаватель кафедры информационной безопасности
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: sedruk@gmail.com)

Понятие и научное значение криминалистически значимой информации

В статье дается авторское обобщенное понимание термина «криминалистически значимая информация». Понимание сущности и содержания криминалистически значимой информации позволит уточнить ее место в информационной основе предварительного расследования, а также даст предпосылки более эффективному использованию криминалистических средств и методов в правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: информация, криминалистика, доказательства, криминалистически значимая информация.

V.N. Tsimbal, Teacher of a Chair of Information Security of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: sedruk@gmail.com

Concept and scientific importance of forensically important information

The article presents the author's generalized understanding of the term «forensically important information». Understanding of the nature and content of forensically important information will clarify its place in the information based on the preliminary investigation, as well as give background more efficient use of forensic tools and techniques in law enforcement.

Key words: information, criminalistics, evidence, forensically important information.

Бурное развитие и распространение в мире информационных технологий позволило без лишних проблем связываться между собой людям, которые находятся друг от друга на расстоянии в десятки, сотни, даже тысячи километров. Это большой плюс, но и минус: появились новые виды преступлений, при совершении которых информация и информационные технологии используются как орудие преступления и как объект совершения противоправного деяния.

Понятие «информация» стало очень популярным как в повседневном лексиконе, так и в научных работах, средствах массовой информации, сети Интернет. Она передается из уст в уста, по телефону, в виде коротких сообщений, изображений и другими способами, а также по иным техническим и нетехническим каналам связи.

Слово «информация» (от лат. informatio – разъяснение, изложение) первоначально означало сведения, передаваемые людьми устным, письменным или другим способом (с помощью условных сигналов, технических средств и т.д.); с середины XX в. оно стало общенаучным понятием, включающим обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом, автоматом и автоматом; обмен сигналами в животном и растительном мире; передачу признаков от клетки

к клетке, от организма к организму; одним из основных понятий кибернетики [1, с. 499].

Информация, являясь отражением материальной сущности, служит способом описания взаимодействия между источником информации и получателем. Одно и то же сообщение одному получателю может дать много информации, а другому – мало или совсем ничего.

Термин «информация», как упоминалось выше, происходит от латинского informatio, что означает разъяснение, осведомление, изложение. Большое количество различных мнений о данном понятии представлено в философии. Так, например, с позиции материалистической философии информация есть отражение реального мира с помощью сведений (сообщений). Сообщение – это форма представления информации в виде речи, текста, изображения, цифровых данных, графиков, таблиц и т.п. В широком смысле информация – это общенаучное понятие, включающее в себя обмен сведениями между людьми, обмен сигналами между живой и неживой природой, людьми и различными устройствами.

Информация сама по себе нематериальна, т.к. невозможно измерить известными физическими приборами ее массу, размеры, энергию, но может храниться, обрабатываться, переда-

ваться по различным каналам связи в виде сообщений, записанных на материальные носители. Материальные носители можно разделить на 4 группы: люди, материальные тела, микрочастицы (электроны) и различные поля (электрическое, акустическое, магнитное, в том числе в оптическом диапазоне) [2, с. 92; 3, с. 960].

Также имеются различные мнения на определение понятия «информация» и в других науках: социологии, математике, биологии, экономике и т.п. Как представляется, разнообразные научные взгляды на данную категорию связаны с тем, что она обладает широчайшим смысловым полем и поэтому трудно поддается определению [4, с. 14].

Важное значение имеют свойства, присущие информации, и нельзя не согласиться с мнением Р.М. Юсупова об указанных свойствах:

информация представляет собой практически неисчерпаемый ресурс, в процессе использования она, по крайней мере, не убывает, она относительно легко тиражируется и распространяется;

информация обладает своего рода ресурсосберегающими свойствами; применение информации позволяет сократить потребности других ресурсов и создать ресурсосберегающие и экологически чистые технологии и производства, к таким технологиям сегодня относятся, например, наукоемкие «высокие» технологии;

информация является пока экологически чистым ресурсом, информационное загрязнение в мире в настоящее время еще далеко от опасного уровня («пределов роста») и т.д. [5, с. 22].

В связи с довольно большим разбросом определений понятия «информация» во всевозможных науках пришло осознание, что необходимо создание нормативно-правового акта (далее – НПА), который стал бы базовым в вопросах формирования, обращения, распространения и т.п. в области информации. Таким НПА стал Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации».

А.В. Волокитин и И.Л. Бачило писали, что с принятием вышеназванного федерального закона «впервые в российском законодательстве осуществлен важнейший шаг по реформированию отношений, связанных с созданием условий реализации права на информацию и затрагивающих интересы как государства, так и каждого гражданина... Закон охватывает информационное пространство, систематизирующим элементом которого являются документированная информация (документ) и формируемые на ее основе информационные ресурсы» [6, с. 3].

На смену вышеуказанному НПА пришел другой Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Указанный закон регулирует отношения, связанные с осуществлением права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; применение информационных технологий; обеспечение защиты информации.

В ст. 1 данного федерального закона информация определяется как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления».

Изучение терминологического понимания содержания информации в криминалистике имеет достаточно важное значение. По своей сути деятельность любого работника правоохранительных органов, который связан с процессом раскрытия и расследования преступлений, представляет собой постоянную работу по поиску, сбору, обобщению, анализу и использованию информации, относящейся к событию преступления, а также лицам, причастным к нему либо его совершившим. Таким образом, успешная деятельность оперуполномоченного или следователя невозможна без специального информационного обеспечения.

Довольно часто информацию понимают как «фактические данные либо сведения, находящиеся в причинно-следственной связи с расследуемым событием и характеризующие способ его совершения, участников данного события, предметы преступного посягательства, орудия преступления и др. важные для расследования обстоятельства» [7].

Информация, как мы знаем, получается из всевозможных источников. Эффективность раскрытия и расследования преступлений зависит от качества и количества криминалистически значимой информации, ее полноты, своевременности, достоверности для лиц, участвующих в доследственной проверке и предварительном расследовании.

Понимание сущности и содержания криминалистически значимой информации позволит уточнить ее место в информационной основе предварительного расследования, а также даст предпосылки более эффективному использованию криминалистических средств и методов в вышеуказанной правоохранительной деятельности.

Криминалистически значимая информация – это сведения, данные, имеющие отношение к раскрытию и расследованию преступлений. Подразделяется на доказательственную информацию, содержащуюся в доказательствах,

и ориентирующую – полученную из непроцессуальных источников и доказательственного значения не имеющую; последняя может быть использована для выдвижения версий, определения направлений расследования, планирования следственных действий, прогнозирования возможной линии поведения участников расследования и т.п. Криминалистически значимой может оказаться любая информация, любой природы [8, с. 83].

Криминалистически значимая информация – фактические данные, находящиеся в причинно-следственной связи с событием преступления, а также сведения справочного характера, используемые в процессе расследования преступлений [9, с. 88].

Можно привести и другие определения рассматриваемого нами понятия. Л.А. Суворова указывает, что это «...сведения, данные, имеющие отношение к преступлению на всех стадиях его совершения (подготовки, исполнения, сокрытия), а также к процессу его раскрытия и расследования, полученные процессуальным и непроцессуальным путем» [10]. М.В. Савельева и В.В. Степанов определяют данный термин как «...совокупность научных криминалистических данных, являющихся неотъемлемым элементом профессиональных знаний, используемых в конкретном случае процессуальной деятельности субъекта для решения задач уголовного судопроизводства (получения необходимых данных)» [4, с. 20]. Е.Н. Паршина пишет, что это «...информация, имеющая значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, или способствующая получению таковой, также любая информация, имеющая значение для достижения целей уголовного судопроизводства» [11, с. 12]. С.А. Ялтышев указывает, что «криминалистически значимой информацией можно назвать фактические данные или сведения, находящиеся в причинно-следственной связи (прямой или косвенной) с событием преступления, а также справочную и иную ориентирующую информацию, необходимые для правильного раскрытия и расследования уголовного дела по существу» [12, с. 24]. А.В. Григорьев отмечает, что «...вся информация, используемая в ходе расследования преступлений, может быть определена как криминалистически значимая» [13, с. 7].

Мы согласны с мнением Р.С. Белкина, что любая криминалистически значимая информация может быть как доказательственной, так и ориентирующей. Соответственно, любая информация, как указывал А.В. Григорьев, может являться криминалистически значимой.

Криминалистически значимая информация может получаться всевозможными способами, например в процессе совершения преступления и дальнейшего изучения места совершения преступления с целью поиска оставленных там следов. К закономерностям образования следов на месте совершения преступления можно отнести такое свойство материи, как отражение. Практически все материальные объекты взаимно отражаются. Следы-отображения могут возникать в процессе воздействия одних следов (принадлежащих неживой или живой природе) на другие объекты. Таким образом, повторимся, что следы выступают источником информации. Они могут содержать в себе сведения о внешних признаках отображаемого объекта, его внутренних свойствах и структуре, механизме слефообразования, отличительных чертах лица, способе действия преступника и иных обстоятельствах события преступления.

Также источником разнообразной информации являются следственные действия, экспертизы. Субъект предварительного расследования (следователь, дознаватель) изучает не только полученные следы, но и информацию, которая может в них содержаться.

Выше мы обозначили получение доказательственной информации, которая в соответствии с действующим законодательством определяется как «любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном Уголовно-процессуальным кодексом РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» (п. 1 ст. 74 УПК РФ).

Оперативная информация, в свою очередь, имеет ориентирующее значение, позволяющее лицу, осуществляющему предварительное расследование, быстро принимать решение по планированию расследования и определению источника получения доказательств.

Однако классификация криминалистически значимой информации только по источнику ее происхождения (ориентирующая и доказательственная), по нашему мнению, не достаточна. Как справедливо отмечал Л.А. Соя-Серко, «следователь получает два потока информации, один из которых является внешним, возникающим при изучении обстановки и обстоятельств расследуемого преступления. Второй поток – внутренний, содержится в памяти следователя в виде знаний, понятий, полученных как в процессе профессиональной подготовки, так и в ходе практической работы» [14, с. 32].

Таким образом, криминалистически значимая информация может быть классифицирована как с позиции источника ее происхождения (ориентирующая и доказательственная), так и в зависимости от формы ее получения субъектом расследования (внешняя и внутренняя). Основным признаком рассматриваемой информации является ее отношение к расследуемому преступлению.

Как нам представляется, несмотря на наличие большого количества разнообразных определений понятий «информация» и «криминалистически значимая информация», отсутствует уточненное понимание последнего как формы познания обстоятельств совершенного преступного деяния. В этой связи нами предлагается уточненное понятие криминалистически значимой информации, согласованное по своему содержанию с правовым критерием понятия информации.

По нашему мнению, под криминалистически значимой информацией понимаются любые

данные (сведения, события, факты) независимо от принимаемой ими формы, получаемые не процессуальным и (или) процессуальным путем, имеющие справочное, ориентирующее и (или) доказательственное значение и используемые для решения задач уголовного судопроизводства.

В предложенном варианте учтены как обобщенное правовое определение понятия «информация», так и специфические информационные элементы, характерные для процесса раскрытия и расследования преступлений. Существенным дополнением, на наш взгляд, в предлагаемом определении, отличающем его от ранее сделанных, является использование общеправовых критериев понятия информации и криминалистических, относящихся к данному понятию. В ранее высказанных предложениях ученых, как правило, не отражаются вышеуказанные правовые критерии понятия «информация» либо ее специфические признаки по отношению к криминалистическим критериям.

1. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд. М., 1988.

2. Сизоненко А.Б. Классификация информации ограниченного доступа в соответствии с законодательством Российской Федерации // Вестн. Краснодарского университета МВД России. 2010. № 4.

3. Торокин А.А. Инженерно-техническая защита информации: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальностям в обл. информ. безопасности. М., 2005.

4. Савельева М.В., Степанов В.В. О понятии криминалистической информации // Вестн. криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. 2009. Вып. 4(32).

5. Юсупов Р.М. О влиянии информационно-коммуникационных технологий на обеспечение национальной безопасности в условиях формирования информационного общества // Тр. СПИИРАН. 2009. Вып. 8.

6. Бачило И.Л., Волокитин А.В. и др. Комментарий к Федеральному закону «Об информации, информатизации и защите информации». М., 1996.

7. Савельева М.В., Смушкин А.Б. Криминалистика: учеб. М., 2009.

8. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000.

9. Бурцева Е.В., Рак И.П., Селезнев А.В., Сысоев Э.В. Криминалистика. Ч. 1: Общая теория криминалистики и криминалистическая техника: учеб. пособие. Тамбов, 2006.

1. Soviet encyclopedic dictionary / gen. ed. A.M. Prokhorov. 4th ed. Moscow, 1988.

2. Sizonenko A.B. Classification of restricted information in accordance with the legislation of the Russian Federation // Bull. of Krasnodar University of Russian MIA. 2010. № 4.

3. Torokin A.A. Engineering and technical protection of information: study aid for students studying in the field of information security. Moscow, 2005.

4. Savelieva M.V., Stepanov V.V. On the concept of forensic information // Journal of criminalistics / resp. ed. A.G. Filippov. 2009. Iss. 4 (32).

5. Yusupov R.M. On the impact of information and communication technologies to ensure national security in the context of the information society // SPIIRAS proceedings. 2009. Vol. 8.

6. Bachilo I.L., Volokytin A.V. et al. Commentary to the Federal law «On Information, informatization and protection of information». Moscow, 1996.

7. Savelieva M.V., Smushkin A.B. Criminalistics: textbook. Moscow, 2009.

8. Belkin R.S. Forensic encyclopedia. Moscow, 2000.

9. Burtceva E.V., Rak I.P., Seleznev A.V., Sysoev E.V. Criminalistics. Pt. 1: General theory of criminology and forensic engineering: study aid. Tomsk, 2006.

10. Suvorova L.A. Ideal traces in forensics: diss. ... Master of Law. Voronezh, 2005.

11. Parshina E.N. The problems of information security and the protection of information in the

10. Суворова Л.А. *Идеальные следы в криминалистике: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005.*
11. Паршина Е.Н. *Проблемы информационного обеспечения и защиты информации в предварительном расследовании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004.*
12. Ялышев С.А. *Криминалистическая регистрация: проблемы, тенденции, перспектива: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999.*
13. Григорьев А.В. *Теоретические аспекты информации и ее защиты в предварительном расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2002.*
14. Соя-Серко Л.А. *Программирование и творчество в деятельности следователя // Проблемы предварительного следствия в уголовном судопроизводстве. М., 1980.*
- preliminary investigation: auth. abstr. ... Master of Law. Nizhny Novgorod, 2004.*
12. Yalyshev S.A. *Forensic registration: challenges, trends, prospects: auth. abstr. ... Dr of law. St. Petersburg, 1999.*
13. Grigoriev A.V. *Theoretical aspects of information and its protection in the preliminary investigation of crimes: auth. abstr. ... Master of Law. Kaliningrad, 2002.*
14. Soya-Serco L.A. *Programming and creativity in the work of the investigator // Problems of preliminary investigation in criminal proceedings. Moscow, 1980.*

Верстов Вадим Викторович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: vadimarin@mail.ru)

Харитонов Илья Константинович

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: urpom@r66.ru)

Правовое регулирование деятельности подразделений по делам несовершеннолетних по профилактике правонарушений несовершеннолетних

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования деятельности подразделений по делам несовершеннолетних (ПДН) по профилактике правонарушений несовершеннолетних. Дана краткая характеристика нормативных и ведомственных правовых актов, регламентирующих деятельность ПДН, проанализированы задачи, функции и специфика работы ПДН с несовершеннолетними лицами.

Ключевые слова: несовершеннолетние, органы внутренних дел, подразделения по делам несовершеннолетних, профилактика, девиантное поведение.

V.V. Verstov, Master of Law, Assistant Professor of a Chair of Civil Law and Civil Process of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: vadimarin@mail.ru;

I.K. Haritonov, Master of Law, Senior Teacher of a Chair of Civil Law and Civil Process of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: urpom@r66.ru

Legal regulation of activity of divisions on affairs of minors for the prevention of juvenile delinquency

In the article problems of legal regulation of activity of divisions on affairs of minors for the prevention of juvenile delinquency are considered. Brief characteristic and departmental normative legal acts regulating the activity data is given, the tasks, functions and specifics of divisions on affair of minors with minors are examined.

Key words: minors, bodies of internal affairs, divisions on affairs of minors, prevention, deviant behavior.

Изменения в обществе и в государстве, имевшие место в 90-е гг. прошлого столетия, оказали большое влияние на все сферы нашей жизнедеятельности. К сожалению, не все взрослые смогли адаптироваться к новым реалиям жизни, найти свое назначение, не говоря о детях. Одновременно с развитием новых общественных отношений в государстве и «благодаря» негативной социальной обстановке, конфликтам в семье растет расслоение в обществе, возникают условия для возникновения криминальных действий и ситуаций, в которых участниками становятся несовершеннолетние лица.

Детей можно отнести к наиболее незащищенной и уязвимой категории населения. В учебной и научной литературе противоправные действия несовершеннолетних называют отклоняющимися от нормы или девиантным поведением.

Согласно словарю С.И. Ожегова норма – это: «1. Узаконенное установление, признанный обязательный порядок, строй чего-то... 2. Установленная мера, средняя величина чего-то...» [1]. Под «нормой» понимается установленное и разрешенное в законе правило поведения, нарушение которого влечет ответственность.

Нарушения правовых норм принято различать в зависимости от противоправности,

общественной опасности и вреда. Все деяния, указанные в УК РФ или КоАП РФ, подпадают под категорию противоправного действия. Однако в рамках противоправных деяний существует строгое разграничение, согласно которому одни квалифицируются как преступления, а другие – как мелкие административные правонарушения или проступки.

Таким образом, к девиантному поведению можно отнести различного вида хулиганские проступки, не влекущие за собой уголовной ответственности. Но и девиантное поведение, и преступное являются видами девиаций, которые имеют специфику в зависимости от социальной, культурологической и возрастной групп, к которым относится конкретный индивид.

Установлено, что человек тем больше усваивает образцы девиантного и преступного поведения, чем: а) чаще с ними сталкивается; б) моложе его возраст.

Социология рассматривает преступность в качестве социального явления, которое носит деструктивный для общества характер. Ее можно определить как относительно устойчивую распространённую форму девиантного поведения, достигшую степени общественной опасности и закреплённую в уголовном законе. Понятие преступности среди несовершеннолетних и молодежи связано с возрастными группами от 14 до 29 лет, хотя ряд тенденций имеет место и в младших возрастных группах (более 90 тыс. детей в России ежегодно совершают преступления до достижения возраста уголовной ответственности).

К особым признакам преступной деятельности несовершеннолетних можно отнести следующие:

повышенную латентность, что означает фактический уровень преступности в 2–3 раза выше, чем зарегистрированный официальными органами;

несовершеннолетние в силу своей неосведомлённости и безнаказанности отличаются повышенной криминальной активностью, чем зачастую пользуются взрослые для достижения криминальных целей, используя детей для совершения мелких краж, мошенничества, попрошайничества и т.д.;

несовершеннолетние преступники и правонарушители чаще всего совершают свои противоправные действия преимущественно в группе, т.к. срабатывает принцип коллективного бессознательного, или «за компанию»;

девиантное поведение несовершеннолетних во многом рассматривается как результат отсутствия родительского контроля или наоборот – как подражание деятельности взрослых, копирование чужого поведения.

В сложившейся ситуации роль социальных институтов, которые призваны на борьбу с антиобщественным поведением и преодолением девиантного поведения несовершеннолетних, должна проявляться в комплексном взаимодействии подразделений по делам несовершеннолетних (ПДН) МВД России с другими общественными и государственными органами. Важное место в деятельности ОВД занимает профилактика девиантного поведения.

Как известно, большое внимание отводится деятельности органов внутренних дел, которые относятся к специализированным субъектам предупреждения правонарушений несовершеннолетних. Без преувеличения можно сказать, что так или иначе все подразделения органов внутренних дел участвуют в этой работе.

Действующее национальное и международное законодательство достаточно подробно регламентирует права детей, чего нельзя сказать о качестве регулирования отношений с участием ПДН. Значительный объем функций по предупреждению правонарушений несовершеннолетних среди специализированных служб ОВД возложен на подразделения по делам несовершеннолетних районных, городских отделов (управлений) внутренних дел, отделов (управлений) внутренних дел муниципальных образований, отделов (управлений) внутренних дел закрытых административно-территориальных образований, отделов (управлений) внутренних дел на железнодорожном, водном и воздушном транспорте. Правовое положение указанных подразделений, их права и обязанности, основные направления деятельности и т.д. отражены в широком перечне нормативно-правовых актов.

Деятельность подразделений по предупреждению правонарушений несовершеннолетних регламентируется Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [2], Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [3], а также Инструкцией по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации, утверждённой приказом МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 [4].

Данные нормативно-правовые акты характеризуют и конкретизируют цели, задачи, основные направления деятельности подразделений по делам несовершеннолетних, права и обязанности сотрудников, а также функции в сфере профилактики правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних.

Из них следует, что основной функцией ПДН является выполнение обязанностей, связанных

с профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Мы рассматриваем профилактику как совокупность мер, приспособленных для предотвращения каких-либо отклонений в развитии, обучении, воспитании. Применительно к деятельности органов внутренних дел профилактика не имеет существенной разницы с общепринятой системой предупреждения и должна основываться на тех же принципах, среди которых стоит особо выделить комплексный подход и дифференциацию, научную обоснованность, законность и др. Профилактика представляет собой гуманное средство борьбы с преступностью, средство, предусматривающее не наказание, а воспитание, предостережение членов общества от преступлений [5, с. 231].

Целью профилактики, по нашему мнению, является не борьба с последствиями – результатом девиации, выражающейся в конкретном правонарушении или преступном поведении подростка, а ликвидация условий и факторов, способствующих возникновению подобного поведения. К нашему сожалению, органы внутренних дел в лице сотрудников ПДН и их руководителей совершенно одиноки. Отсутствует взаимосвязь с общественностью и государственными органами, а в решении этой важной проблемы нужен комплексный подход. Каждый «трудный подросток» – это не только «головная боль» конкретного инспектора, выражающаяся в многочисленных мелких или крупных административных проступках. Можно с определенной долей вероятности утверждать, что без должного внимания к персоне каждого несовершеннолетнего девиантное поведение переходит в преступное деяние. Несовершеннолетние не понимают, что каждый противоправный поступок приближает их к криминальному сообществу и возвратиться к нормальной жизни будет намного труднее. Общество и государство теряют в лице каждого преступника огромный человеческий ресурс в виде благополучной семьи, работника, налогоплательщика. Вместо прогресса наступает регресс. В итоге то, ради чего рождается, растет и к чему готовится человек, становится бессмысленным. Общество не готово принять людей с криминальным прошлым. Бывшие преступники не способны адаптироваться к новым общественным отношениям и ограничениям, и, делая для себя вывод о ненужности, они вынуждены снова совершать преступления, чтобы вернуться в криминальное сообщество.

Согласно Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной прика-

зом МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 (далее – Инструкция ПДН), подразделения по делам несовершеннолетних являются основным органом, осуществляющим профилактику правонарушений несовершеннолетних. Из вышесказанного видно, что это организованная система, предназначенная для непосредственного осуществления профилактических мероприятий, ведения учета неблагополучных семей и несовершеннолетних, нуждающихся в коррекции поведения. Инспекторами также осуществляется предварительная проверка сообщений о правонарушениях несовершеннолетних или совершенных в отношении их.

Специфика деятельности ПДН обусловлена тем, что к несовершеннолетним необходим особый подход, он требует более высокого уровня квалификации сотрудников, чтобы обеспечить действенную профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также защиту их прав и законных интересов от каких-либо посягательств.

Так, Инструкция ПДН запрещает допускать к самостоятельной работе на обслуживаемой территории сотрудников ПДН, которые впервые приняты на службу в органы внутренних дел на должность сотрудника ПДН, без прохождения первоначальной подготовки с учетом профиля служебной деятельности, а также выпускников образовательной организации МВД России или переведенных из других подразделений, если они ранее не работали в ПДН, без прохождения в течение одного месяца стажировки под руководством наставника из числа наиболее подготовленных сотрудников ПДН (пп. 17.1, 17.2).

Подразделения по делам несовершеннолетних являются элементом механизма государственной системы профилактики, наряду с ними в эту систему входят комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы образования, здравоохранения, социальной защиты населения, занятости, а также иные подразделения органов внутренних дел.

Основной функцией, указанной в Инструкции ПДН, является профилактика (общая, групповая и индивидуальная), в том числе и ранняя (безнадзорности, беспризорности, правонарушений несовершеннолетних, а также совершенных в отношении их, помощь подросткам, оказавшимся в социально опасном положении, работа с неблагополучными семьями, правовая пропаганда и т.п.).

ПДН органов внутренних дел проводят индивидуальную профилактическую работу со следующими категориями лиц, что должно способствовать устранению условий для девиации:

несовершеннолетними, склонными к девиантному поведению или совершившими противоправные деяния;

родителями или иными законными представителями несовершеннолетних, злоупотребляющими алкогольной и (или) спиртосодержащей продукцией, употребляющими наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо одурманивающие вещества, не исполняющими или ненадлежащим образом исполняющими свои обязанности по содержанию, воспитанию и обучению несовершеннолетних либо допускающими жестокое обращение с ними, а также отрицательно влияющими на поведение несовершеннолетних.

Одной из основных функций подразделений по делам несовершеннолетних является предупреждение и реакция на совершенные правонарушения.

Необходимо отметить, что, поскольку совершению преступления предшествует достаточно длительный период антиобщественного поведения, приоритетное внимание должно уделяться ранней профилактике [6, с. 7–8]. К мерам ранней профилактики относятся меры, направленные на предотвращение, заблаговременное предупреждение действия факторов, отрицательно влияющих на формирование личности и поведение подростков, устранение источников возможных негативных влияний, компенсацию негативных последствий социальных процессов. Например, выявление неблагополучных в воспитательном отношении семей, компенсация недостатков семейного воспитания, помощь в бытовом, трудовом устройстве несовершеннолетних, обеспечение досуговой занятости.

Инспекторы ПДН также работают с родителями или другими законными представителями несовершеннолетних, которые не исполняют своих обязанностей по воспитанию, обучению детей, жестоко обращаются с ними. С такими неблагополучными семьями проводятся профилактические беседы, регулярно проверяются условия проживания, в пределах компетенции оказывается помощь в социальной адаптации детей, например устройство их в дошкольные и иные образовательные учреждения.

Однако не только несовершеннолетние совершают противоправные деяния, но и сами подростки становятся жертвами преступного поведения.

Так, по данным статистики ПДН Краснодарского края, «по результатам работы за 1 квартал 2014 г. инспекторами выявлено и зарегистрировано 490 фактов преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних. Из них кражи у

несовершеннолетних – 41, дорожно-транспортные происшествия, где в качестве пострадавших выступали несовершеннолетние граждане Краснодарского края, – 58, факты жестокого обращения – 56, вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений – 26 и 17 – в антиобщественные действия» [7].

Индивидуальная профилактическая работа с вышеуказанными категориями несовершеннолетних должна проводиться с учетом особенностей личности несовершеннолетнего, его окружения, характера совершенных правонарушений, условий семейного воспитания. Указанные обстоятельства устанавливаются в ходе проведения профилактических бесед с несовершеннолетним, его родителями или иными законными представителями, другими лицами из окружения несовершеннолетнего, посещения несовершеннолетнего по месту жительства, изучения характеризующих материалов. В ходе проведения индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетним сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних выясняют его образ жизни, связи и намерения, разъясняют последствия совершения им противоправных действий, устанавливают причины и условия совершения правонарушений. К индивидуальной профилактической работе могут быть привлечены лица, оказывающие на несовершеннолетнего положительное влияние и пользующиеся у него авторитетом. В ходе проведения индивидуальной профилактической работы совместно с другими органами и организациями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних решаются вопросы об организации обучения, труда, оздоровительного отдыха и досуга несовершеннолетнего [8].

Превентивная деятельность инспектора ПДН в отношении правонарушителей, не достигших совершеннолетия, в настоящее время носит карательный характер, что не дает положительного эффекта. По мнению специалистов, «никакая официальная структура, действующая по отношению к детям строго в формальных рамках, обеспечить такое воздействие вряд ли сможет, а оно жизненно необходимо, поскольку истоки антиобщественного поведения следует искать в начале жизненного пути преступника, там, где начиналось его формирование как личности» [9, с. 17].

В силу особенностей правового статуса подразделений по делам несовершеннолетних их деятельность носит уголовно-правовой характер. При этом зачастую недостаточно внимания

уделяется правоотношениям в сфере семейного и гражданского законодательства. Координирующая роль ПДН в этом аспекте не должна ограничиваться карательными мерами, но и выражаться в изучении семейных, экономических и иных условий жизни несовершеннолетнего.

Как представляется, недостаточно регламентированы полномочия ПДН по осуществлению профилактических мероприятий. Полномочия, закрепленные в действующем законодательстве, прописаны схематично.

Один из выходов – использование регионального опыта профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Так, в Краснодарском крае действует Закон от 21 июля 2008 г. № 1539-КЗ «О мерах по профилактике безнадзорности и правонарушений в Краснодарском крае» [10], предусматривающий определенные превентивные меры в отношении несовершеннолетних (ограничения нахождения несовершеннолетних в определенных местах, запрет на нахождение несовершеннолетних в общественных местах в ночное время и т.п.).

Таким образом, требуется пересмотр «устаревших» норм, совершенствование механизмов профилактики девиантного поведения несовершеннолетних и углубление процесса межведомственного взаимодействия.

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М., 1992.

2. Собр. законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

3. Там же. 1999. № 26. Ст. 3177.

4. Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. № 11.

5. Словарь по социальной педагогике: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / авт.-сост. Л.В. Мардахаев. М., 2002.

6. Устинова В.В. Ранняя профилактика преступлений несовершеннолетних // Проблемы ранней профилактики правонарушений несовершеннолетних. М., 1978.

7. URL: http://23.mvd.ru/Prjamaja_rech/item/2226853 (дата обращения: 20.06.2014).

8. Белянинова Ю.В. Комментарий к Федеральному закону от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». М., 2010.

9. Беженцев А.А. Оптимизация деятельности по предупреждению безнадзорности и административных правонарушений несовершеннолетних // Советник юриста. 2011. № 5.

10. Кубанские новости. 2008. 22 июля.

1. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of Russian: 72500 words and 7500 phraseological expressions. Moscow, 1992.

2. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2011. № 7. Art. 900.

3. Ibid. 1999. № 26. Art. 3177.

4. Bull. of regulations of federal executive authorities. 2014. № 11.

5. The dictionary on social pedagogics: study aid for the students of the high schools / auth.-comp. L.V. Mardakhayev. Moscow, 2002.

6. Ustinova V.V. Early prevention of crimes of minors // Problems of early prevention of minors offenses. Moscow, 1978.

7. URL: http://23.mvd.ru/Prjamaja_rech/item/2226853 (date of access: 20.06.2014).

8. Belyaninova Yu.V. The comment to the Federal law of June 24, 1999 № 120-FL «About bases of system of prevention of neglect and offenses of minors». Moscow, 2010.

9. Bezhentsev A.A. Activity optimization according to the prevention of neglect and administrative offences of minors // Adviser of the lawyer. 2011. № 5.

10. Kuban news. 2008. July 22.

Денисенко Виктор Васильевич
 доктор юридических наук, профессор,
 профессор кафедры конституционного и административного права
 Краснодарского университета МВД России
 (тел.: +79298391875)

Латентность административной деликтности и преступности в структуре оценки органами внутренних дел состояния оперативной обстановки

В статье рассматриваются неизученные вопросы влияния латентности на достоверность оценки органами внутренних дел состояния административной деликтности и преступности.

Ключевые слова: административная деликтность, преступность, латентность, органы внутренних дел, оценка оперативной обстановки.

V.V. Denisenko, Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79298391875.

Latency of administrative tort and crime in structure of an assessment by law-enforcement bodies conditions of an operational situation

In article not studied questions of influence of latency on reliability of an assessment by law-enforcement bodies of a condition of an administrative tort and crime are considered.

Key words: administrative tort, crime, latency, law-enforcement bodies, assessment of operational situation.

Всякий административный проступок, равно как и всякое преступление, носит противоправный характер. При этом совершение деликта связано не только с нарушением соответствующей нормы права, но и с обязанностью компетентных государственных органов своевременно отреагировать на данное нарушение. Основу такого подхода составляет принцип неотвратимости наказания, в идеале предполагающий реагирование на каждый совершенный деликт. Однако на практике исполнимость данного принципа определяется тем, в отношении какой части совершенных преступлений и административных правонарушений последовала реакция юрисдикционных органов. Зачастую эта деятельность проявляется в виде «кампанейщины», когда в конце месяца, квартала, года резко усиливается активность органов внутренних дел (полиции), направленная на достижение «плановых показателей» на уровне показателей за аналогичный предшествующий период. И при этом неважно, о каких показателях идет речь: о количестве несовершеннолетних, поставленных на учет органами внутренних дел, о количестве лиц, выявленных за совершение мелкого хулиганства, о количестве протоколов

об административных правонарушениях за курение в неустановленных местах и т.п. Кроме того, это зачастую приводит и к прямым припискам. Как ни прискорбно это сознавать, но, как и в советские времена, как и в бытность российской милиции, каждое полицейское подразделение имеет свой план по пресечению правонарушений и преступлений. На практике это нередко приводит к тому, что различные службы, хотя и небезосновательно, пытаются закрепить за собой раскрытие одного и того же преступления.

В большинстве случаев оценка состояния преступности и административной деликтности строится главным образом на основе данных статистики. При этом уголовная статистика отражает количество зарегистрированных преступлений, а административная практика — количество выявленных административных деликтов. Однако существует расхождение между количеством установленных (зарегистрированных или выявленных) деликтов и количеством фактически совершенных. Указанное расхождение именуется латентностью.

С одной стороны, уровень латентности правонарушений отражает степень эффективности работы правоохранительных органов. Чем ниже

степень латентности, тем эффективнее деятельность этих органов. Но с другой стороны, состояние латентности отражает эффективность действия самого принципа неотвратимости наказания. Ибо каждый деликт, на который не последовало реакции юрисдикционных органов, таит в себе опасность повышения уверенности правонарушителя в своей безнаказанности.

В состав латентной преступности криминологи включают те преступления, о совершении которых имеются лишь вероятностные суждения, основанные на общих эмпирических выкладках. Кроме того, латентная преступность в правовом плане рассматривается как совокупность преступлений, совершение которых не повлекло юридических последствий; в криминологическом разрезе – как совокупность преступлений, не включенных в уголовно-правовую статистику; в криминалистическом плане – как совокупность не обнаруженных и не раскрытых соответствующими государственными органами преступлений.

Но, кроме «криминологической латентности», реально существует не менее опасная другая – «правоприменительная» – латентность, точнее псевдолатентность, т.е. системная совокупность сознательно не преследуемых преступлений, о которых правоприменителям известно, но в отношении которых закон ими не применяется по соображениям уголовной политики [1, с. 6–7].

В соответствии с ч. 2 ст. 21 УПК РФ «в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления». Иными словами, возбуждение уголовного дела выступает процессуальной обязанностью должностного лица соответствующего правоохранительного органа. Кроме того, указанные органы обязаны проявлять активность и инициативу в обнаружении преступлений и своевременно возбуждать дела.

Вместе с тем, преступления, возбужденные согласно ч. 2 ст. 21 УПК РФ, не могут точно отражать статистику зарегистрированных преступлений. Во-первых, законодательством предусмотрен целый ряд обстоятельств, при наличии хотя бы одного из которых уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению (ст. 24 УПК РФ). Прекращение уголовного преследования предусмотрено также вследствие примирения сторон (ст. 25 УПК РФ), наличия оснований, предусмотренных ст. 27 УПК РФ, в связи с

деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ). В действующем законодательстве предусмотрено также прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 28.1 УПК РФ).

Обратим внимание и на существование закрепленных в законе поводов и оснований к возбуждению уголовного дела. При этом поводы, предусмотренные пп. 1–4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, изначально представляют лишь источники первичных сведений о признаках совершенных либо подготавливаемых преступлений. Вполне очевидно, что поступающие в органы внутренних дел сообщения имеют различную степень достоверности и обусловлены различной мотивацией. Так, персонал лечебных учреждений обязан немедленно сообщать обо всех случаях обращения за медицинской помощью с ножевыми и огнестрельными ранениями, если есть основания полагать, что они связаны с преступлениями, и достоверность подобных предположений чаще всего подтверждается. Иное дело, когда орган дознания, следователь или прокурор получают заявления и письма граждан, в которых содержатся сведения о преступлении, случайным очевидцем которого они стали. При этом нередко в ходе рассмотрения полученной информации оказывается, что деяние не содержит признаков преступления, хотя заявитель считал его таковым. Законодатель предусмотрел подобные ситуации, установив положение, согласно которому «дело может быть возбуждено только в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления» (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). То есть основаниями к возбуждению уголовного дела являются фактические данные, достаточные лишь для предположения о совершении деяния, подпадающего под признаки того или иного преступления, которого может и не быть. Как представляется, бесспорным основанием для возбуждения дела является только «непосредственное обнаружение органом дознания, следователем, прокурором или судом признаков преступления», которое ранее предусматривалось п. 6 ч. 1 ст. 108 УПК РСФСР. Например, при инвентаризации материальных ценностей могут выявиться такие недостатки, которые после исключения всех других причин нельзя объяснить без предположений об их хищении. Но в УПК РФ данное основание не было включено. Что же касается оснований, предусмотренных пп. 1–4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, то в каждом из них следует сомневаться, включая и явку с повинной, поскольку может иметь место самооговор.

Количество преступлений изменится и в том случае, если будут зарегистрированы факты, по которым первоначально было отказано в возбуждении уголовного дела (после отмены вынесенного постановления).

Представляется, что состояние латентности преступности и административной деликтности по своему содержанию обусловлено разнофакторными причинами. Латентность преступности включает искусственную и естественную составляющие, при этом последняя во многом определяется степенью доверия населения к органам внутренних дел, числом обращений граждан в полицию по фактам совершения в отношении их противоправных деяний. Не секрет, что, сталкиваясь с бездушным отношением со стороны сотрудников полиции, граждане нередко утверждают во мнении: если что случится, нужно полагаться только на себя. Это не отрицается и официальными органами. Так, Генеральный прокурор России Ю. Чайка признает, что «говоря о латентных преступлениях, нельзя забывать, что многие граждане, пострадавшие от преступлений, предпочитают не обращаться в правоохранительные органы. Причины этого во многом кроются в недоверии к их эффективности» [2].

В то время как на латентность административной деликтности данный фактор не оказывает влияния ввиду отсутствия практики регистрации указанных деликтов. Иными словами, латентность административных деликтов напрямую зависит от активности правоохранительных органов в части их выявления.

Указанные различия, казалось бы, лишают исследователя возможности оценить степень административной деликтности. Однако данная проблема может быть решена, если исходить из целостности системы деликтов, что, в свою очередь, предполагает наличие устойчивых связей между преступностью и административной деликтностью. Как представляется, на территории обслуживания любого органа внутренних дел имеется относительно постоянное соотношение между количеством как совершенных, так и зарегистрированных преступлений и количеством причинно связанных с ними выявленных административных проступков.

Следовательно, зная степень латентности определенного вида преступлений и преступности в целом, (по имеющимся современным методикам) можно дать вероятностное заключение о верхней и нижней границах возможностей латентности административных деликтов какого-либо вида и обо всей совокупности административных деликтов.

В литературе высказывалось справедливое утверждение о том, что латентность преступлений будет тем ниже, чем выше степень их тяжести [3, с. 134–136]. Но в таком случае вполне логичным будет вывод о том, что латентность большинства административных проступков значительно выше, нежели преступлений.

Применительно к преступности как естественная, так и искусственная латентность с большей или меньшей степенью вероятности поддается учету. Сложнее дело с реальной оценкой административных проступков, латентность которых неизмеримо выше. Исходя из анализа практики правоохранительных органов и современных научных представлений, полагаем возможным принять в качестве исходного положения утверждение о том, что уровень латентности деликтов обратно пропорционален степени их тяжести и общественной опасности.

В настоящее время анализ криминогенной ситуации в России основывается на информации о зарегистрированных преступлениях. Вместе с тем, уголовная статистика, позволяя выявить статистические закономерности преступности, не может быть абсолютно верным ее отображением, поскольку существует латентная преступность. Например, известный криминолог А.И. Долгова обращала внимание на то, что в процессе криминологических исследований оказывалось, что число потерпевших от обмана потребителей значительно превышало число потерпевших от хулиганских действий, но последние чаще обращались в органы внутренних дел [3, с. 139]. Поскольку в данном примере чаще регистрировались факты хулиганства, нежели случаи обмана потребителей, налицо искажение структуры зарегистрированной преступности по сравнению с фактической. По отдельным видам преступлений латентная преступность может в несколько раз превышать учтенную статистикой. В одном из предыдущих исследований, специально посвященных проблемам латентности [4, с. 45–46], автором данной статьи приводились следующие примеры. По мнению экспертов, с учетом высокой латентности экологических преступлений (95–99%) их удельный вес в общей структуре регистрируемой преступности фактически составляет 15–20%, хотя согласно данным официальной статистики их объем не превышает 1%. Характерно, что в последнее время специалисты все чаще приводят оценки латентности отдельных видов преступлений. По данным американских правоохранительных органов, уровень латентности компьютерных преступлений в США достигает 80%, в Великобритании – до 85%, в ФРГ – 75%, в России – до

90–93%. Следовательно, при оценке реальной преступности необходимо учитывать и тенденции развития ее латентной части. Вопрос изучения последней далеко не нов. Учитывая данное обстоятельство, а также то, что проблемы латентности административной деликтности не стали еще объектом пристального внимания научных и практических работников, экстраполируем результаты исследований латентности преступности на сферу административных проступков. При этом нельзя не отметить, что оценки размеров латентной преступности весьма различны. Например, американский криминолог профессор К. Меннинджер считает, что полиция узнает об одном из двенадцати совершенных преступлений; другой известный специалист по проблемам преступности – Р. Кларк, бывший в администрации Президента США Л. Джонсона министром юстиции, – полагает, что из каждых пятидесяти человек, совершивших серьезное преступление, подвергается наказанию один. Профессор криминологии Кембриджского университета Радзинович, сравнивая преступность с айсбергом, только верхняя часть которого выступает над поверхностью воды, отмечает, что лишь 15% преступлений становятся известными полиции, в то время как Скотланд Ярд склоняется в этой оценке к 30%. По оценкам российских экспертов, сегодняшний уровень регистрации преступлений лишь частично отражает реальную картину криминальных процессов в стране, а учтенные статистикой преступления в зависимости от видов составляют от трети до половины их реального массива.

Нет единства и относительно того, насколько латентность влияет на изучение преступности. По мнению одних, определение и оценка доли неучтенных преступлений является единственной возможностью адекватной оценки преступности в целом. Другие убеждены, что значение латентной преступности как существенного препятствия для изучения преступности в целом необоснованно преувеличивается. Как представляется, обе диаметрально противоположные позиции не совсем точны.

Проводя аналогию между преступностью и айсбергом, С.Е. Вицин отмечает: «Для того, чтобы определить качественный состав айсберга, достаточно исследовать его отдельные части. В принципе и преступность в целом может быть исследована по ее “зарегистрированной части”» [5, с. 27]. Со сказанным можно согласиться. В основе данного утверждения лежит то обстоятельство, что выборочный метод выступает средством математической статистики и позволяет по ограниченному числу единиц (вы-

борочной совокупности) составить достаточно точную характеристику всей массы исследуемых единиц (генеральной совокупности).

Соглашаясь с утверждением С.Е. Вицина о том, что как бы ни велика была латентная преступность, зависимости между показателями, характеризующими преступления и лиц, их совершивших, могут быть установлены совершенно точно [5, с. 30], считаем необходимым высказать следующие замечания. Действительно, величина латентности не влияет на характер распределения структурных признаков преступности. Вместе с тем, ее значение непосредственно влияет на достоверность либо искаженность таких показателей, как состояние, уровень и динамика преступности. Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что при изучении административной деликтности как явления, фонового по отношению к преступности, величиной латентности можно пренебречь. Однако при анализе детерминированности административных проступков и преступлений, имеющих схожие составы (например, мелкое хулиганство – уголовно наказуемое хулиганство) либо причинно связанных (нарушения антиалкогольного законодательства – «уличные» преступления), замеры их латентности будут иметь существенное значение.

Вместе с тем, количество выявленных деликтов может равняться количеству совершенных деликтов лишь теоретически. Фактическая погрешность будет зависеть от величины как естественной (скрытой), так и искусственной (скрываемой) латентности.

Как представляется, указанные параметры для преступности и административной деликтности будут носить различный характер. Так, скрытая часть преступности образуется за счет преступлений и их разных совокупностей, которые совершены, но о которых не стало известно правоохранительным органам и суду. Это происходит по разным причинам: потерпевший не сообщил в полицию о краже у него кошелька, контролирующие органы не передали в органы полиции или прокуратуры материалы о выявленных злоупотреблениях и пр. Сюда же следует отнести и ограниченную группу деяний, по которым уголовные дела возбуждаются в порядке частного обвинения.

Скрываемая часть преступности включает преступления и их совокупности, которые стали известны правоохранительным органам, но по разным причинам не нашли отражения в статистике преступности. Здесь и фактическое нерассмотрение заявлений о преступлениях, и неверная оценка деяний как непроступных, и

неправильное процессуальное решение, в том числе неверная ссылка на статью Уголовно-процессуального кодекса, и просчеты в формировании статистики.

Характер латентности административных правонарушений носит иной характер, что обусловлено тем, что, во-первых, не предусмотрена их обязательная регистрация, во-вторых, фиксируются лишь фактически совершенные выявленные административные проступки. Таким образом, для административной деликтности латентными будут все не учтенные статистикой административные правонарушения. При этом для органов внутренних дел остается неизвестной та часть административных проступков, выявление которых отнесено к компетенции иных органов административной юрисдикции. Поскольку обязательная регистрация административных проступков не предусмотрена, для них отсутствует скрываемая составляющая латентности.

Полагаем возможным получение более реальной картины преступности и административной деликтности за счет уточнения отдельных компонентов латентности. Так, вопросы, связанные с уменьшением размеров искусственной

латентности, лежат в плоскости наведения порядка учетно-регистрационной дисциплины, совершенствования системы регистрации установленных преступлений и фиксации выявленных административных проступков. Решение этих вопросов позволит снизить пагубное влияние фактов сокрытия от учета преступлений на уровень их раскрываемости.

Криминогенная составляющая оперативной обстановки [6; 7] детерминирована общим количеством совершенных преступлений и административных проступков. Вместе с тем, при ее анализе органы внутренних дел реально могут оперировать только данными о выявленных деликтах. Таким образом, увеличение числа выявленных преступлений и административных проступков за счет уменьшения их латентного массива, во-первых, внесет изменения в криминогенную составляющую оперативной обстановки, во-вторых, позволит оценивать ее с большей степенью достоверности, в-третьих, будет свидетельством повышения эффективности организационно-правового воздействия органов внутренних дел (полиции) на систему деликтов.

1. Беляев В.Г. *Применение уголовного закона: учеб. пособие.* Волгоград, 1998.

2. URL: <http://korpunktrf.ru/obshchestvo/Genprokuror-RF-Yuriy-Chayka-govorit-chtouroven-latentnoy-prestupnosti-po-ocenkam>

3. *Криминология: учеб. для юрид. вузов / под общ. ред. А.И. Долговой.* М., 1997.

4. Денисенко В.В. *Системный анализ административно-деликтных отношений.* СПб., 2001.

5. Вицин С.Е. *Моделирование в криминологии.* М., 1973.

6. Денисенко В.В. *Оперативная обстановка как объект организационно-правового воздействия органов внутренних дел // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: вопросы теории и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 23 мая 2014 г. Краснодар, 2014.*

7. Денисенко В.В. *Понятие оперативной обстановки и ее детерминанты // Деятельность правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в Дальневосточном регионе: материалы междунар. науч.-практ. конф., 29–30 мая 2014 г. Хабаровск, 2014.*

1. Belyaev V.G. *Application of the criminal law: study aid.* Volgograd, 1998.

2. URL: <http://korpunktrf.ru/obshchestvo/Genprokuror-RF-Yuriy-Chayka-govorit-chtouroven-latentnoy-prestupnosti-po-ocenkam>

3. *Criminology: textbook for legal higher education institutions / gen. ed. by A.I. Dolgova.* Moscow, 1997.

4. Denisenko V.V. *System analysis of the administrative and delictual relations.* St. Petersburg, 2001.

5. Vitsin S.E. *Modeling in criminology.* Moscow, 1973.

6. Denisenko V.V. *Operational situation as object of organizational and legal influence of law-enforcement bodies // Administrative and legal regulation of law-enforcement activity: questions of the theory and practice: proc. of the All-Russian sci. and pract. conf., May 23, 2014. Krasnodar, 2014.*

7. Denisenko V.V. *Concept of an operational situation and its determinants // Activities of law-enforcement bodies for ensuring legality and a law and order in the Far East region: proc. of the intern. sci. and pract. conf., May 29–30, 2014. Khabarovsk, 2014.*

Жеребцов Алексей Николаевич

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры административной деятельности
и организации деятельности ГИБДД
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79186327476)

Павлов Николай Владимирович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного и финансового права
Кубанского государственного аграрного университета
(тел.: +79882450945)

Социально-философская сущность административной практики

В работе предпринята попытка на основе диалектической методологии исследования явлений (процессов) показать необходимость и закономерность возникновения административной практики, решить спор о сущности ее бытия, которая заключается в том, что административная практика есть продукт (результат) государственно-управленческой деятельности органов исполнительной власти по осуществлению организационных потребностей общества.

Ключевые слова: административная практика, государственное управление, действительное, действительность, диалектические законы, необходимость, закономерность, бытие административного права, государственно-управленческие отношения.

A.N. Zherebtsov, Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79186327476;

N.V. Pavlov, Master of Law, Assistant Professor of a Chair of Administrative and Financial Law of the Kuban State Agrarian University; tel.: +79882450945.

The socio-philosophical essence of administrative practices

In this paper an attempt has been made to the dialectical methodology study phenomena (processes) show the necessity and regularity of administrative practices, to resolve a dispute about the nature of its existence, which is that the administrative practice is the product (result) of state government bodies for the implementation of the organizational needs of the society.

Key words: administrative practices, governance, real, reality, dialectical laws, necessity, regularity, being of administrative law, public-management relationship.

Административная практика является действительностью, потенциально содержащей в себе измененное действительное. Данное гипотетическое утверждение нуждается в комментарии, который позволит нам раскрыть социально-философскую сущность административной практики с точки зрения ее метафизической интерпретации.

Административная практика как действительность в своей объективной основе оказывается необходимостью, продуктом повседневной деятельности субъектов государственного управления. Данный аспект административной практики длительное время оставался предметом активных научных дискуссий. Одни ученые рассматривают практику как результат созида-

тельной деятельности субъекта [1, с. 340–341; 2, с. 11] (так, С.С. Алексеев правоприменительную практику определял как «объективированный опыт индивидуально-правовой деятельности компетентных органов, складывающийся в результате применения права при решении юридических дел»), другие – как саму созидательную деятельность субъекта [3, с. 49; 4, с. 12], третьи – как деятельность субъекта, так и ее объективированный результат [5, с. 4–22; 6, с. 32]. Решение поставленной указанной триадой проблемы видится нам в том, что административная практика как действительность «создает реальные условия для появления новых явлений, процессов, состояний, пока что существующих только как возможность. При этом переход возможного

в действительное становится реальным благодаря субъективной деятельности индивида, общества и государства, а возможное, ставшее действительным, в свою очередь служит объективной основой для появления новых возможностей и их актуализации в наличное бытие» [7, с. 831]. Приведенные положения позволяют признать, что административная практика формируется в процессе диалектического движения от необходимой действительности к возможному и последующему преобразованию в измененное действительное. Характеризуя разумное, Г. Гегель отмечал, что действительное является таковым лишь при условии разумности: «Все разумное действительно, все действительное разумно» [8, с. 53]. Это означает, что «гегелевское требование “разумного” заменено принципом “закономерного и необходимого”» [7, с. 831].

Следовательно, во-первых, административная практика является необходимой и закономерной реальностью функционирования всего механизма государственного управления, без которой оно существовать не может. Во-вторых, формирование самой административной практики представляет собой сложный диалектический процесс движения действительности к измененному действительному. Применительно к административно-правовой науке приведенные положения заключаются в следующем.

1. В.А. Юсупов пишет: «Одним из важнейших элементов субстанции административного права является объективная организационная потребность. Человеческое сообщество с самых ранних ступеней своего развития импульсирует организационные потребности... Организационная идея как форма бытия сознания не просто удовлетворяет организационную идею, но формулирует правило поведения одного и многих субъектов общественного процесса. Правило поведения – это тоже форма бытия административного права» [9, с. 16–18]. Это значит, что государственное управление возникает как организационная потребность общества, но эта организационная потребность не может существовать вне осознания потребности создания единых правил осуществления данной управленческой деятельности. Необходимость и закономерность государственного управления и форма его опосредования – административное право – в этой связи представляет собой действительность, т.е. государственное управление и административное право – явления объективные.

2. Бытие административного права находится в постоянном развитии и изменении. В философском смысле развитие воспринимается как «упорядоченное и закономерное, необратимое

и направленное изменение объекта, связанное с возникновением новых тенденций существования системы» [10, с. 130]. Эти изменения влекут возникновение измененного действительного, т.е. новой реальности, направленной на удовлетворение организационных потребностей субъектов. Измененное действительное, как позитивный результат государственно-управленческого воздействия на общественные отношения, формируется исключительно в процессе количественных и качественных преобразований, происходящих в многообразной системе общественных отношений. В.А. Юсупов пишет: «В процессе развития происходят количественные и качественные преобразования. Количественные преобразования мы наблюдаем повседневно. Меняются нормы административного права, акты применения этих норм и т.п. Качественные изменения базируются на постоянной изменчивости организационной работы; качественные изменения затрагивают наиболее важные элементы субстанции административного права. Никогда не меняется сущность, которая состоит в удовлетворении организационных потребностей общества» [9, с. 25]. Таким образом, процесс развития государственно-управленческих отношений самой практикой быть не может, государственно-управленческой (административной) практикой является исключительно измененное действительное.

3. Именно измененное действительное является закономерным и необходимым (по гегелевскому определению – разумным). Оно подчиняется диалектическим законам развития: закону отрицания отрицания; закону перехода количественных изменений в качественные; закону единства и борьбы противоположностей. Все это свидетельствует о постоянном и неизбежном движении действительности к измененному действительному. Данная диалектическая цепь развития, в смысле административно-правовых категорий, заключается в необходимости и закономерности постоянного государственно-управленческого воздействия на общественные отношения (при условии функционирования данных отношений с момента возникновения государственности), в результате которого формируется практика данного управления, как сформировавшийся продукт, удовлетворяющий организационные потребности субъектов указанных государственно-управленческих отношений.

4. Административная (государственно-управленческая) практика, как измененное действительное и как продукт, направленный на удовлетворение потребности общества (личности) в

организационном упорядочении их отношений с государством, представляет собой не что иное, как конечный результат государственно-управленческой деятельности уполномоченных субъектов исполнительной ветви государственной власти. В процессе осуществления государственного управления непрерывно и повседневно осуществляются процессы количественного и качественного изменения, свидетельствующие о непрерывном развитии отношений, возникающих в процессе указанной деятельности субъектов государственного управления. В этой связи административная практика представляет собой изменчивое явление, развивающееся одновременно с развитием самого процесса государственного управления. В этом проявляется диалектическая взаимосвязь процесса государственного управления и административной практики. И первое и второе влияют друг на друга, обеспечивая процесс развития и государственного управления, и административной практики.

5. В философско-диалектическом смысле административная практика формируется в процессе развития государственно-управленческих правовых и организационных отношений от необходимой действительности к измененному действительному. И этот процесс постоянно и непрерывно повторяется, как постоянно и непрерывно осуществляется государственное публичное управление делами общества. Данная цикличность управленческих отношений, постоянное их регулирование нормами административного права не могут осуществляться без воздействия на данные отношения практических приемов и навыков, приобретенных субъектом управленческой деятельности. В этом выражается позитивная созидательная роль административной практики, которая воздействует не только на сам процесс управления, но и на нормы, его регулирующие. Административная практика в этой связи ведет к развитию этих

отношений и норм посредством количественных и качественных изменений в их содержании. С другой стороны, процесс осуществления государственного публичного управления есть само развитие социально управляемой подсистемы, которое с неизбежностью развивается посредством количественных и качественных изменений содержания практического созидательного результата (продукта) управленческой деятельности (административной практики). Данное обстоятельство свидетельствует, что административная практика, как продукт управленческой деятельности государства, находится в постоянном и непрерывном развитии и совершенствовании. Не может быть административной практики раз и навсегда данной. Это бы влекло стагнацию, бюрократизацию и деградацию процесса государственного управления, что мы неоднократно видели в истории развития нашего государства.

6. Приведенные положения позволяют в социально-философском смысле определить административную (государственно-управленческую) практику как сформированный результат государственно-управленческой деятельности, возникающий в процессе развития государственно-управленческих отношений и влекущий достижение социально полезных целей государственного управления [11, с. 51–57].

Предложенный материал является начальной попыткой исследования проблем административной практики, которая, к нашему сожалению, не получила глубокого исследования в советской и современной отечественной административно-правовой науке. Однако современное значение административной практики приобретает в настоящее время весьма важное научное и практическое значение, направленное на совершенствование российского государственного управления и публично-правовых отношений, возникающих в связи с ним.

1. Алексеев С.С. *Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 1.*

2. Рожнов А.Н. *Правоприменительная практика как нетрадиционный источник российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.*

3. Гревцов Ю.И. *Правовые отношения и осуществление права. Л., 1987.*

4. Сапун В.А. *Теория правовых средств и механизм реализации права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003.*

1. Alekseev S.S. *General theory of law: in 2 vol. Moscow, 1981. Vol. 1.*

2. Rozhnov A.N. *Enforcement practice as an unconventional source of Russian law: auth. abstr. ... Master of Law. Saratov, 2003.*

3. Grevtsov Yu.I. *Legal relations and the realization of the right. Leningrad, 1987.*

4. Sapun V.A. *Theory of legal means and mechanism of realization of the right: auth. abstr. ... Dr of Law. Nizhny Novgorod, 2003.*

5. Леушин В.И. *Юридическая практика в системе социальных общественных отношений*. Красноярск, 1987.
6. Мещеряков Д.Д. *Правоприменительная тактика (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук*. Ярославль, 2005.
7. Сырых В.М. *Материалистическая теория права: избр. М.*, 2011.
8. Гегель Г.Ф.В. *Философия права*. М., 1990.
9. Юсупов В.А. *Административное право: в 10 т. Т. 1: Философия и общая теория административного права*. М., 2012.
10. Миронов В.В., Иванов А.В. *Онтология и теория познания*. М., 2005.
11. Жеребцов А.Н. *Критерии построения системы отраслей публичного права // Экономико-правовые аспекты системного социально-экономического обновления России: перспективы посткризисного развития: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф.* Краснодар, 2013.
5. Leushin V.I. *Legal practice in the system of social public relations*. Krasnoyarsk, 1987.
6. Meshcheryakov D.D. *Enforcement tactics (problems of theory and practice): diss. ... Master of Law*. Yaroslavl, 2005.
7. Syrych V.M. *Materialist theory of law: favorites*. Moscow, 2011.
8. Hegel G.F.V. *Philosophy of law*. Moscow, 1990.
9. Yusupov V.A. *Administrative law: in 10 vol. Vol. 1: Philosophy and the general theory of administrative law*. Moscow, 2012.
10. Mironov V.V., Ivanov A.V. *Ontology and epistemology*. Moscow, 2005.
11. Zherebtsov A.N. *Build system criteria branches of public law // Economic and legal aspects of systemic socio-economic update to Russia: prospects for post-crisis development: coll. of papers of the intern. sci.-pract. conf.* Krasnodar, 2013.

Ищенко Станислав Андреевич

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры административной деятельности
и организации деятельности ГИБДД
Краснодарского университета МВД России

Евенко Станислав Алексеевич

адъюнкт кафедры административной деятельности
и организации деятельности ГИБДД
Краснодарского университета МВД России

(тел.: +78612583770)

К вопросу о деятельности ГИБДД по пропаганде безопасности дорожного движения

Статья посвящена рассмотрению вопросов деятельности полиции по пропаганде безопасности дорожного движения. В частности, авторами анализируются формы и методы данной деятельности, определены проблемные аспекты и пути их решения.

Ключевые слова: пропаганда, безопасность дорожного движения, дорожно-транспортное происшествие, Государственная инспекция безопасности дорожного движения.

S.A. Ishchenko, Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia;

S.A. Evenko, Adjunct of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583770.

To the question of activity of traffic police on traffic safety promotion

The article is devoted to the issues of the police to promote traffic safety. In particular, the authors analyzed the forms and methods of this activity, identified problematic issues and their solutions.

Key words: promotion, traffic safety, road accident, traffic police.

Безопасность дорожного движения является одной из важных социально-экономических и демографических задач Российской Федерации. Аварийность на автомобильном транспорте наносит огромный материальный и моральный ущерб как обществу в целом, так и отдельным гражданам. Дорожно-транспортный травматизм приводит к исключению из сферы производства людей трудоспособного возраста. Гибнут и становятся инвалидами дети.

Несмотря на принимаемые государством меры, данная сфера правоотношений на протяжении многих лет остается одной из наиболее неблагоприятных и требует консолидации усилий со стороны государственных органов и общественных институтов.

В послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2012 г. было обращено внимание на возрастающую актуальность

проблемы безопасности дорожного движения, «за которой – жизни и здоровье десятков тысяч людей». Президентом России также были обозначены стратегические приоритеты в решении проблемы безопасности на дорогах, ориентированные на эффективное «использование возможностей и государства, и институтов гражданского общества» [1].

Следует согласиться с Е.А. Войтенковым в том, что современный механизм обеспечения безопасности дорожного движения в России – это сложный механизм, который состоит из широкого круга субъектов, регламентирован значительным объемом правовых норм, и в его функционирование вовлечен значительный объем человеческих ресурсов. Именно повышение эффективности работы такой системы обеспечения безопасности дорожного движения названо руководством страны одной из приоритетных задач на ближайшие годы, а высокие

показатели аварийности на дорогах России признаны на сегодняшний день одним из существенных препятствий динамичному развитию страны в XXI в. [2].

Пропаганда безопасности дорожного движения представляет собой один из действенных инструментов воздействия, позволяющий позитивно влиять на процесс формирования правового сознания граждан. В ходе социологических опросов более 60% респондентов признают, что просмотр пропагандистских видеороликов по безопасности движения заставляет их пересмотреть отношение к данной проблеме.

К определению содержания понятия «пропаганда безопасности дорожного движения» существует достаточно много подходов. Легальное определение данного понятия содержится в приказе МВД России от 2 декабря 2003 г. № 930 «Об организации работы Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по пропаганде безопасности дорожного движения» [3]. В соответствии с данным нормативным правовым актом пропаганда безопасности дорожного движения представляет собой целенаправленную деятельность, осуществляемую субъектами пропаганды, по распространению знаний, касающихся вопросов обеспечения безопасности дорожного движения, разъяснению законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регламентирующих поведение участников дорожного движения. С учетом современных реалий данное определение следовало бы расширить, видоизменить, поскольку основные усилия должны быть сосредоточены не столько на распространении информации, сколько на изменении с ее помощью сознания участников дорожного движения. То есть в основу должен быть положен принцип целеполагания, с помощью которого обозначаются более конкретные результаты деятельности.

Пропагандистская деятельность – понятие достаточно широкое. Во-первых, это управленческая деятельность, направленная на создание:

благоприятных условий для двустороннего общения сотрудников ГИБДД с населением, участниками дорожного движения, гражданами, организациями, государственными органами (общественностью);

позитивного отношения к деятельности ГИБДД общественности, согласованности их интересов;

партнерских отношений между участниками дорожного движения.

Управленческое воздействие осуществляется посредством:

передачи информации о деятельности ГИБДД, решаемых задачах, проблемах, отражающихся на эффективности деятельности, о руководителях, истории, традициях службы;

опровержения ложной информации о деятельности ГИБДД;

реакции на негативную информацию, сообщения причин этого негативного факта или явления и указания на принятые меры по их устранению.

Передаваемая информация при этом должна быть нацелена на формирование положительного отношения к деятельности ГИБДД и носить достоверный характер.

Во-вторых, пропагандистская деятельность – это и специально организованное психологическое воздействие, направленное на формирование общих интересов, взаимопонимания, общественного мнения как в отношении к правоохранительным органам, так и в отношении законопослушного поведения. Психологическое воздействие осуществляется с учетом особенностей различных категорий участников дорожного движения, возрастных особенностей и т.д., основано на предварительном изучении этих особенностей, предусматривает подбор соответствующих средств коммуникации, т.е. средств общения.

Достижение целей пропаганды безопасности дорожного движения возможно с помощью решения следующих задач:

повышения культуры участников дорожного движения;

формирования положительного образа сотрудника ГИБДД при использовании различных механизмов воздействия на сознание участников дорожного движения;

снижения уровня детского дорожно-транспортного травматизма, развития программ обучения детей различного возраста безопасному поведению на дорогах;

распространения положительного опыта организации работы по профилактике травматизма, взаимодействия с общественными организациями;

использования возможностей СМИ;

разработки новых методов и приемов работы, их внедрения в практику.

Основные направления деятельности Госавтоинспекции по пропаганде безопасности дорожного движения:

1. Разъяснение законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации в сфере безопасности дорожного движения с целью предупреждения ДТП и право-

нарушений, воспитание дисциплинированности граждан, ответственности за свое поведение в процессе дорожного движения.

2. Информирование участников дорожного движения о проблемах обеспечения безопасности дорожного движения, в том числе о ДТП и причинах их возникновения, дорожных заторах, а также иных актуальных вопросах обеспечения безопасности дорожного движения.

3. Проведение мероприятий, направленных на профилактику ДТП и снижение тяжести их последствий. При проведении массовых мероприятий, направленных на профилактику безопасности дорожного движения (смотров, конкурсов, рейдов, операций), основное внимание уделяется: разработке планов по их проведению; оповещению населения о целях и задачах мероприятий, ходе и результатах их проведения; разработке и изданию печатных материалов, информирующих о проводимых мероприятиях; проведению целевых профилактических пробегах; привлечению к активному участию в проведении массовых мероприятий заинтересованных государственных и общественных организаций и объединений.

При осуществлении деятельности по пропаганде подразделения Госавтоинспекции используют следующие формы и методы:

организация проведения в субъектах Российской Федерации автомотопробегах, конкурсов, выставок, викторин и других массовых профилактических мероприятий по безопасности дорожного движения;

организация издания и распространения брошюр, плакатов, листовок, памяток, рисунков и обращений к населению по безопасности дорожного движения, деятельности Госавтоинспекции;

организация проведения конкурсов-смотров на лучшие издания, пропагандирующие безопасность дорожного движения;

участие в качестве консультантов и рецензентов изданий, кино- и видеопроизведений, социальной рекламы, сценических постановок по безопасности дорожного движения, а также содействие в организации дальнейшего их использования;

использование возможностей СМИ, социальной рекламы, печатной и сувенирной продукции;

организация трансляций обращений к участникам дорожного движения посредством радиоустановок (громкоговорящих установок) на вокзалах, предприятиях, в общественном транспорте, крупных торговых центрах, а также в иных общественных местах;

проведение лекций и бесед с различными категориями участников дорожного движения в организациях и общественных формированиях;

принятие участия в организации и проведении конференций и методических семинаров по безопасности дорожного движения;

обобщение передового опыта работы и внедрение новых форм пропаганды безопасности дорожного движения.

Выполнение функций пропаганды, а также воспитательное воздействие на участников дорожного движения в подразделениях ГИБДД возложено на инспектора по пропаганде безопасности дорожного движения.

Это действительно важная и необходимая деятельность. В первую очередь, важность этой деятельности должен понимать каждый руководитель. Пропаганда безопасности дорожного движения является серьезной и трудной работой, а ее результаты сказываются на достижении цели снижения аварийности. Связь между деятельностью подразделений пропаганды и снижением аварийности очень тонкая, ее достаточно сложно проследить. Это работа на перспективу, и она, безусловно, приносит результат.

К сотрудникам, осуществляющим эту деятельность, необходимо относиться серьезно. По статусу такой сотрудник должен являться правой рукой руководителя. В свою очередь, руководитель в обязательном порядке должен лично участвовать в мероприятиях по связям с общественностью. Общеизвестно, что первое лицо организации должно быть на виду. Доверие населения распространяется в первую очередь на личность, а потом уже на саму организацию. Имидж службы ГИБДД и репутация ее руководителя – понятия взаимосвязанные.

Исходя из сложности задач, возложенных на инспектора по пропаганде безопасности дорожного движения, к нему предъявляется ряд особых требований.

Пропагандистская деятельность предполагает не только общие, но и специальные знания правового положения, структуры и основных направлений деятельности ГИБДД, их функций, системы обеспечения безопасности дорожного движения и т.д., поскольку в процессе общения с аудиторией, журналистами может быть затронут достаточно широкий круг вопросов. Кроме этого, он должен обладать коммуникативными навыками, уметь устанавливать контакты с людьми, т.к. положительное отношение к службе ГИБДД, ее руководителю формируется на основе положительного опыта общения, поэтому важны личностные особенности самого инспектора по пропаганде безопасности дорожного движения, к нему должны возникнуть симпатия, уважение. Необходимо владеть современными компьютерными технологиями, выполнять отдельные виды

журналистской работы, осуществлять деловое общение, анализировать данные социологических опросов и многое другое.

Безусловно, пропаганда и агитация являются необходимыми направлениями деятельности МВД России. Они призваны оптимизировать взаимодействие с населением в целях предупреждения и раскрытия противоправных деяний, совершенствовать имидж полиции и в конечном счете способствовать стабилизации криминальной обстановки и улучшению качества жизни россиян. Однако в данной области существуют некоторые проблемные аспекты, требующие регулирования. Так, вопросы пропаганды пока не нашли своего отражения в Федеральном законе от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» с внесенными изменени-

ями и дополнениями. Кроме того, результаты анализа федерального законодательства свидетельствуют о том, что пропаганда безопасности дорожного движения отнесена лишь к компетенции ГИБДД МВД России. Но практика показывает, что в деятельности по пропаганде безопасности дорожного движения принимают участие иные органы государственной власти, органы местного самоуправления, СМИ, общественные объединения. В связи с этим необходимо четко определить и разграничить полномочия между органами публичной власти (включая расходные полномочия), определить порядок их взаимодействия, создать механизм стимулирования общественных объединений (иных юридических лиц) в осуществлении данного вида деятельности.

1. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/17118>

2. Войтенков Е.А. Историко-правовые особенности и этапы становления отечественной системы обеспечения безопасности дорожного движения // *Общество и право*. 2010. № 3. С. 17–28.

3. Об организации работы Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по пропаганде безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 2 дек. 2003 г. № 930 (в ред. от 29 дек. 2012 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/17118>

2. Voytenkov E.A. Historical and legal features and stages of formation domestic systems of safety of traffic // *Society and law*. 2010. № 3. P. 17–28.

3. About the organization of work of State Inspection for Road Traffic Safety of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for traffic safety promotion: order of the Ministry of the Interior of Russia of Dec. 2, 2003 № 930 (in ed. of Dec. 29, 2012). Access from legal-reference system «ConsultantPlus».

Труфанов Михаил Егорович

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры административной деятельности
и организации деятельности ГИБДД
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612581676)

Проблемы правового толкования оскорбительного приставания к гражданам в составе мелкого хулиганства

В статье представлены авторская точка зрения о проблемах юридической квалификации мелкого хулиганства в форме оскорбительного приставания к гражданам, а также научно обоснованные пути преодоления возникшего пробела в административном законодательстве.

Ключевые слова: мелкое хулиганство, оскорбительное приставание к гражданам, форма обращения, несовместимая с моральными устоями другого человека, обращение, мотивированное хулиганскими побуждениями.

M.E. Trufanov, Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612581676.

Problems of legal interpretation abusive harassment to citizens as part of disorderly conduct

The article presents the author's point of view on the problems of legal qualification of disorderly conduct in the form of abusive harassment to citizens, as well as evidence based ways to overcome the resulting gap in administrative law.

Key words: disorderly conduct, abusive harassment to citizens, form of treatment incompatible with the moral standing of another person, appeal reasoned hooliganism.

Мелкое хулиганство по-прежнему остается одним из наиболее распространенных административных правонарушений, свойственных российскому обществу. Очередное обращение к проблемам квалификации данного правонарушения, на первый взгляд, может показаться не актуальным. Однако, последовательно представляя к научному обсуждению свое мнение о том, что понимать под нецензурной бранью (в частности, нецензурной бранью считается произнесение или воспроизведение иным образом слов, грубо интерпретирующих название полового акта или половых органов [1, с. 318]), что считать общественным местом [2, с. 412], каково значение хулиганского мотива [3], кто может выступать субъектом в составе мелкого хулиганства [4], мы стремимся предложить законодателю научно обоснованные варианты устранения существующих пробелов в Кодексе РФ об административных правонарушениях.

Вопрос о толковании оскорбительного приставания к гражданам оставлен без внимания после опубликования ряда комментариев к Кодексу РФ об административных правонарушениях. В

определенной степени достаточным и универсальным признан комментарий, выполненный А.Б. Агаповым [5]. Авторское мнение о том, что оскорбительное приставание характеризуется дерзкими, навязчивыми действиями хулигана, наносящими моральный или физический вред незнакомому ему лицу, несмотря на его противодействие, является устоявшимся и служит основой для юридической квалификации данной формы мелкого хулиганства уже десять лет. Последующие комментарии как самого А.Б. Агапова, так и заимствованные у него глубже и содержательнее не стали и обычно сопровождаются примером общения двух хулиганов с разным потенциалом безнравственности.

Такое состояние вопроса условно можно считать первой предпосылкой для его исследования.

Административная ответственность за хулиганство была введена в 1956 г. Определение мелкого хулиганства и санкции за его совершение неоднократно претерпевали изменения. Так, в последнее десятилетие с принятием Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ «О приведении Уголовно-процес-

суального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [6] состав мелкого хулиганства наполнился новым содержанием.

После внесения очередных изменений в Уголовный кодекс РФ в ч. 1 ст. 213 хулиганство определено как грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Однако грубое нарушение общественного порядка, злостное нарушение общественной нравственности, циничные действия, ранее образующие объективную сторону уголовно наказуемого хулиганства, не перестали существовать сами собой. Более того, в отсутствие уголовного наказания возможен их рост. Только квалифицируются они теперь как административные правонарушения, предусмотренные ст. 20.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях [7, с. 183].

Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» признана утратившей силу ст. 130 Уголовного кодекса РФ. Оскорбление, ранее предполагающее уголовную ответственность, перешло в категорию административных правонарушений. Причем формулировка объективной стороны состава правонарушения осталась неизменной, а критерии отграничения оскорбления по ст. 5.61 Кодекса РФ об административных правонарушениях от оскорбительного приставания по ст. 20.1, по мнению специалистов (к сожалению, их немного), разнятся [8]. Это, по нашему мнению, можно считать второй предпосылкой для научного исследования заявленной проблемы.

Еще одной предпосылкой является ситуация, при которой в настоящее время не существует официального толкования по делам о мелком хулиганстве со стороны Пленума Верховного Суда РФ. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 6 февраля 2007 г. № 8 «О признании утратившими силу некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации» [9] было отменено постановление Пленума от 24 декабря 1991 г. № 5 «О судебной практике по делам о хулиганстве». А в силу того, что этот документ имел незначительное отношение к делам об административных правонарушениях, было отменено и постановление Пленума от 27 июня 1978 г. № 4 «О некоторых вопросах

практики применения судами Российской Федерации законодательства об административной ответственности за мелкое хулиганство, злостное неповиновение законному распоряжению или требованию работника милиции или народного дружинника при исполнении ими своих обязанностей по охране общественного порядка (ст. 158 и 165 КоАП РСФСР)».

Соответственно, на сегодняшний день в порядке косвенного толкования составов правонарушений, связанных с оскорбительным приставанием к гражданам, по нашему мнению, возможно обращение к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» [10], а также к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [11].

Учитывая первичный интерес потенциального правоприменителя, следует отметить, что оскорбительное приставание к гражданам, согласно логике, не может быть совершено в форме бездействия. Кстати, оскорбление, предусмотренное ст. 5.61 Кодекса РФ об административных правонарушениях, также невозможно выполнить путем бездействия. То есть проблема толкования в основном проистекает от природы термина «приставание».

Очередное обращение к мнению А.Б. Агапова [5] позволяет получить подтверждение в том, что субъекту противоправного поведения свойственны активные волевые поступки. «Аморальность хулигана проявляется в стремлении своими действиями оскорбить, унижить человека».

Волевые поступки, направленные в сторону вероятного субъекта общественных отношений, обличенные такими негативными качествами, как дерзость, цинизм, навязчивость, – это модель оскорбительного приставания. По сути же, оскорбительное приставание представляет собой форму обращения, несовместимую с моральными устоями другого человека (потерпевшего). Однако представленных критериев еще недостаточно, чтобы деяние рассматривать как правонарушение, предусмотренное ст. 20.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Такое поведение вполне может отвечать признакам состава правонарушения, предусмотренного ст. 5.61 «Оскорбление».

Более того, не любое обращение, приукрашенное духовными изъятиями, получится квали-

фицировать как оскорбительное приставание к гражданам. Навязчивое или назойливое приставание к гражданам в соответствии с законами некоторых субъектов Российской Федерации предусматривает административную ответственность. Например, ст. 3.8 Кодекса города Москвы об административных правонарушениях (в редакции от 26 июня 2013 г.) определяет приставание к гражданам как выразившееся в навязчивых действиях гражданина, осуществляемых в отношении других граждан против их воли, в целях купли-продажи, обмена или приобретения вещей иным способом, а также в целях гадания, попрошайничества, оказания услуг сексуального характера либо навязывания иных услуг в общественных местах [12]. Общим в анализируемых составах является условие общественного места и выполнение навязчивых действий вопреки воле одной из сторон, но такие действия не преследуют цель публично унижить потерпевшего.

К мелкому хулиганству в форме оскорбительного приставания тесно примыкает и такой состав преступления, как побои. В нем оскорбительное приставание к гражданам может выражаться в физическом удержании за элементы одежды, толкании, помехе закрыть дверь квартиры или автомобиля и т.д. Граница между административным правонарушением и преступлением, предусмотренным п. «а» ч. 2 ст. 116 УК РФ (побои, совершенные из хулиганских побуждений), образуется пределами приложения мускульной силы. Побои предполагают причинение физической боли потерпевшему. А вот близость этих составов образует не столько проявление объективной стороны, сколько наличие хулиганских побуждений, т.е. субъективной стороны.

Исследование субъективной стороны в составе мелкого хулиганства тоже имеет довольно много теоретических противоречий и правоприменительных коллизий. Субъекты правоприменительной практики часто игнорируют или попросту не понимают того значения, которое имеет хулиганский мотив при квалификации оскорбительного приставания к гражданам. Именно хулиганские побуждения определяют квалификационный фон данного состава правонарушения и подтверждают, что это именно мелкое хулиганство, предусмотренное ст. 20.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Как можно не согласиться с постулатом о том, что хищение в уголовном и административном законодательстве может быть признано таковым только при наличии корыстного мотива, а вот мелкое хулиганство, оказывается, может быть немотивированным и беспричинным. Это грубая ошибка в квалификации. Мотив в целом ряде случаев, в частности в оскорбительном приставании к гражданам, должен быть определяющим критерием в установлении мелкого хулиганства.

Опираясь на полученные выводы, следует продолжить мысль о вышеназванной модели оскорбительного приставания. По внешнему проявлению это форма обращения, которая свойственна отдельным людям. Однако, чтобы исключить ошибки в юридической квалификации оскорбительного приставания к гражданам, предусмотренного ст. 20.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях, необходимо в примечании к статье четко указать два обязательных квалифицирующих признака:

- 1) обращение, несовместимое с моральными устоями потерпевшего;
- 2) обращение, мотивированное хулиганскими побуждениями.

1. Труфанов М.Е. Проблемы квалификации мелкого хулиганства // *Российский криминологический взгляд*. 2013. № 3(35).

2. *Административная деятельность ОВД: учеб. для вузов / под ред. М.В. Костенникова и А.В. Куракина. М., 2014.*

3. Труфанов М.Е. Значение хулиганского мотива в квалификации мелкого хулиганства // *Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В.А. Сосова. Краснодар, 2012. С. 292–297.*

4. Труфанов М.Е. Отдельные вопросы определения субъекта в составе мелкого хулиган-

1. Trufanov M.E. Problems of qualification of disorderly conduct // *Russian criminological opinion*. 2013. № 3(35).

2. *Administrative activities of organs of internal affairs: textbook for high schools / ed. by M.V. Kostennikov and A.V. Kurakin. Moscow, 2014.*

3. Trufanov M.E. Meaning of hooligan motives in qualifying disorderly conduct // *Actual problems of law and law enforcement at the present stage: proc. of the intern. sci.-pract. conf. / gen. ed. by V.A. Sosov. Krasnodar, 2012. P. 292–297.*

4. Trufanov M.E. Selected questions in the definition of the subject of the composition of petty hooliganism // *Administrative-legal regulation of law enforcement: theory and practice: proc. of*

ства // *Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика: материалы II Всерос. науч.-практ. конф., 17 мая 2013 г. Краснодар, 2013. Т. 1. С. 123–127.*

5. Агапов А.Б. *Постатейный комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. Расширенный, с использованием материалов судебной практики. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.*

6. *Собр. законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4847.*

7. Труфанов М.Е. *Вопросы преемственности уголовного и административного законодательства в оценке уровня общественной опасности // Российский криминологический взгляд. 2010. № 3.*

8. Горскина. О.Г. *Административная ответственность за мелкое хулиганство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011.*

9. *Бюл. Верховного Суда РФ. 2007. № 5.*

10. *Там же. 2008. № 1.*

11. *Там же. 2005. № 4.*

12. *Вестн. Мэра и Правительства Москвы. 2007. № 69.*

the II All-Russian sci.-pract. conf., May 17, 2013. Krasnodar, 2013. Vol. 1. P. 123–127.

5. Agapov A.B. *Art-by-art commentary to the Code of the Russian Federation about administrative offences. Advanced, using materials of jurisprudence. 2nd ed., corr. and add. Moscow, 2004.*

6. *Coll. of legislation of the Russian Federation. 2003. № 50. Art. 4847.*

7. Trufanov M.E. *Questions of continuity of criminal and administrative law in the assessment of the level of public danger // Russian criminological opinion. 2010. № 3.*

8. Gorskina O.G. *Administrative responsibility for disorderly conduct: auth. abstr. ... Master of Law. Chelyabinsk, 2011.*

9. *Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2007. № 5.*

10. *Ibid. 2008. № 1.*

11. *Ibid. 2005. № 4.*

12. *Bull. of Mayor and the Government of Moscow. 2007. № 69.*

Хахалева Елена Владимировна

доктор юридических наук, доцент,
председатель судебной коллегии по административным делам
Краснодарского краевого суда
(тел.: +78612536104)

Классификация судебного контроля по субъектам, за деятельностью которых он осуществляется

В статье на основе анализа теоретических позиций и правоприменительной практики обосновывается классификация судебного контроля по субъектам, за деятельностью которых он осуществляется.

Ключевые слова: административное судопроизводство, споры, вытекающие из административных дел, судебный контроль, субъекты судебного контроля, судебная практика.

E.V. Hakhaleva, Doctor of Law, Assistant Professor, Chairman of Judicial Board on Administrative Affairs of the Krasnodar Regional Court; tel.: +78612536104.

Classification of judicial control by subjects behind which activity it is carried out

Classification of judicial control by subjects behind which activity it is carried out locates in article on the basis of the analysis of theoretical positions and law-enforcement practice.

Key words: administrative legal proceedings, disputes following from administrative affairs, judicial control, subjects of judicial control, jurisprudence.

Проверяя законность деятельности органов государственной власти и их должностных лиц, суд разрешает возникающие в связи с этим споры между органами государственной власти и лицами, не согласными с деятельностью этих органов. Именно с таких позиций можно утверждать, что судебный контроль проявляется только в спорах, поскольку, проверяя законность деятельности административных органов и их должностных лиц, суд разрешает возникший спор. Например, судебный контроль осуществляется при обжаловании приказов о переводе на другую должность государственной гражданской службы, постановлений административных органов о привлечении к административной ответственности, предписаний об устранении нарушений действующего законодательства и т.д.

Попутно отметим, что некоторые ученые обоснованно считают административным судопроизводством в арбитражных судах рассмотрение административно-правового спора, возникающего при несогласии субъекта предпринимательской деятельности с решениями или действиями органа государственной власти, его должностного лица [1].

В самом деле, в случае несогласия, например, физического лица с актом органа государ-

ственной власти он (акт) в судебном порядке оспаривается, что означает возникновение спора по поводу законности акта органа государственной власти.

В то же время, например, при судебном привлечении к административной ответственности контроль не осуществляется, поскольку спора не возникает. Привлекая к административной ответственности, суд не разрешает спор, он рассматривает дело об административном правонарушении. Спора как такового не возникает, и вряд ли отсутствие спора в этом случае вызовет сомнение, поскольку лицо, привлекаемое к административной ответственности, согласно КоАП РФ, может оспорить только итоговый акт по делу – постановление, но не протокол об административном правонарушении. Другая ситуация возникает при оспаривании постановления административного органа о привлечении к административной ответственности. Здесь возникает спор, т.к., к примеру, лицо, привлеченное к административной ответственности, несогласно с вынесенным постановлением и обжалует его в суд. Суд, в свою очередь, осуществляя судебный контроль, проверяет законность данного постановления.

Таким образом, судебный контроль – это деятельность суда по разрешению споров, отне-

сенных к подведомственности судебной власти, и принятию властных решений, позволяющих осуществить защиту нарушенных или оспоренных материальных прав и законных интересов. Применительно к теме исследования судебный контроль за деятельностью административных органов и их должностных лиц – это деятельность суда по разрешению административно-правовых споров, отнесенных к подведомственности судебной власти, и принятию властных решений, позволяющих осуществить защиту нарушенных или оспоренных материальных прав и законных интересов.

С учетом этих моментов можно выделить два основания разграничения форм судебного контроля: в зависимости от субъектов, за деятельностью которых осуществляется контроль (судебный контроль за деятельностью органов законодательной, исполнительной власти, органов местного самоуправления), и в зависимости от категорий прав, свобод и законных интересов, за защитой которых лица обращаются в суд (рассмотрение судами дел, возникающих из конституционных, гражданских, семейных, публичных и иных правоотношений).

В силу вышесказанного представляет интерес классификация судебного контроля по субъектам, за деятельностью которых он осуществляется.

Во-первых, судебный конституционный контроль, реализуемый Конституционным Судом РФ, основанием для наличия которого является, прежде всего, ст. 125 Конституции РФ, устанавливающая, что Конституционный Суд РФ осуществляет конституционный контроль на предмет соответствия Конституции РФ федеральных законов, нормативных актов Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ, конституций республик, уставов, а также нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, изданных по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти Российской Федерации и совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов; договоров между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, договоров между органами государственной власти субъектов Российской Федерации; не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации.

Во-вторых, контроль судов общей юрисдикции за деятельностью государственных органов власти и их должностных лиц, осуществляемый, в первую очередь, в соответствии с гл. 23–26 ГПК РФ и КоАП РФ. В соответствии со ст. 245 ГПК РФ делами, возникающими из публичных

правоотношений, охватываются дела: 1) по заявлениям граждан, организаций, прокурора об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части, если рассмотрение этих заявлений не отнесено федеральным законом к компетенции иных судов; 2) по заявлениям об оспаривании решений и действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих; 3) по заявлениям о защите избирательных прав или права на участие в референдуме граждан Российской Федерации; 4) иные дела, возникающие из публичных правоотношений и отнесенные федеральным законом к ведению суда (в частности, дела об административных правонарушениях).

Следовательно, контроль судов общей юрисдикции за рассмотрением дел, возникающих из публичных правоотношений, включает в себя судебный контроль за деятельностью органов исполнительной власти, органов законодательной власти, органов местного самоуправления. Поэтому судебный контроль за деятельностью органов исполнительной власти – это составная часть дел, возникающих из публичных правоотношений.

В-третьих, контроль арбитражных судов за деятельностью государственных органов власти и их должностных лиц, осуществляемый в соответствии с АПК РФ и КоАП РФ и выражающийся в рассмотрении дел об оспаривании нормативных правовых актов, затрагивающих права и законные интересы лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; дел об оспаривании ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц; дел о привлечении к административной ответственности; дел об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности и дел о взыскании обязательных платежей и санкций.

Надо отметить, что для судов рассмотрение споров по делам, возникающим из публично-правовых отношений, представляется весьма затруднительным процессом. Трудность заключается, прежде всего, в том, что одной из его сторон является орган государства, и суды, осуществляя защиту прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, не могут игнорировать необходимость соблюдения публичных интересов. Как замечал еще А.И. Елистратов, содержанием отношений между органом власти и гражданином всегда является публичный интерес [2, с. 14–15].

Под публичным интересом, по мнению Ю.А. Тихомирова, следует понимать «признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит неперенным условием и гарантией ее существования и развития» [3, с. 55]. Как разъясняет Конституционный Суд РФ, публичный интерес в целом направлен на поддержание законности и правопорядка [4].

Реализация публичного интереса – это одна из основных задач государства. Именно поэтому органы государства, в том числе и суды, должны при реализации своей компетенции соблюдать публичные интересы. Одновременно заметим, что публичный интерес может быть воплощен в жизнь не только органом (органами) государства, но и, например, общественными организациями, а также теми некоммерческими организациями, которым государство делегировало отдельные полномочия.

В качестве уравнивающего публичный интерес элемента признается частный интерес. Конституционным Судом РФ в качестве частного интереса рассматривается интерес, связанный с восстановлением нарушенного права [4].

Отправляя правосудие по таким делам, суды должны поддерживать баланс публичных и частных интересов. Наличие закрепленных в законодательстве процессуальных льгот у невластного участника судебного процесса способствует обеспечению данного баланса. Как замечает Т.А. Григорьева, с помощью судебной власти происходит уравнивание, например, гражданина и государственной структуры [5, с. 15]. Хотелось бы уточнить, что происходит не просто их уравнивание как субъектов, а уравнивание интересов этих субъектов.

Разрешение споров, возникающих между административными органами и физическими или юридическими лицами, – это результат сочетания частных и государственных интересов при одновременной защите прав частных лиц (физических или юридических лиц). Если суды, реализуя функцию защиты, не обеспечат соблюдение законных интересов органов государства или, наоборот, необоснованно их «возвысят», то спор субъекта общества с властью фактически разрешен не будет. Более того, такое решение суда не воспримется обществом как справедливое, оно, нарушив правовую определенность и стабильность отношений, явится своеобразной «миной» замедленного действия, тлеющей длительное время, но готовой вспыхнуть при малейшем попадании на нее хотя бы одной искорки. Неслучайно Конституционный Суд РФ ориентируется на ст. 14 Международного пакта

о гражданских и политических правах, ст. 7, 8 и 10 Всеобщей декларации прав человека, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, отметил в своем постановлении, что «правосудие по своей сути может признаваться таковым, только если оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах» [6].

Таким образом, цель судебного контроля за деятельностью административных органов состоит в обеспечении и публичных, и частных интересов. Любые неправомерные правовые акты управления, действия (бездействия) органов исполнительной власти нарушают, прежде всего, публичные интересы (интересы общества и государства), а учитывая, что их применение негативно воздействует на интересы субъектов, их исполняющих, то еще и частные интересы.

Приведем такой пример. 13 июля 2010 г. Конституционный Суд РФ принял постановление, согласно которому признал не соответствующими Конституции РФ п. 3 ч. 1 ст. 6 и п. 1 ч. 4 ст. 7 Закона Краснодарского края от 27 марта 2007 г. «Об организации транспортного обслуживания населения таксомоторами индивидуального пользования в Краснодарском крае» [7]. Обратим внимание на то, что Закон Краснодарского края предусматривал обязанность перевозчиков иметь удостоверения соответствия (п. 3 ч. 1 ст. 6) и обязанность водителя при оказании услуг по перевозке пассажиров таксомотором индивидуального пользования иметь карточку соответствия и талон культуры обслуживания пассажиров (п. 1 ч. 4 ст. 7). В соответствии со ст. 1 Закона края удостоверение соответствия – это документ, удостоверяющий соответствие перевозчика требованиям осуществления безопасности пассажирских перевозок; карточка соответствия – это документ, подтверждающий соответствие транспортного средства, используемого в качестве таксомотора индивидуального пользования, требованиям действующего законодательства; талон культуры обслуживания пассажиров – документ, предназначенный для внесения нарушений, допущенных водителем за рулем таксомотора индивидуального пользования, выявленных должностными лицами перевозчика и (или) органов, уполномоченных осуществлять государственный контроль за соблюдением требований действующего законодательства. Эти документы выдаются органами местного самоуправления при соблюдении ряда условий.

Прокурор Краснодарского края обращался в суд с заявлением о признании противоречащими федеральному законодательству и недействи-

ющими отдельных норм этого Закона, а именно: ст. 3 и 4, п. 3 ч. 1 ст. 6, п. 1 ч. 4 ст. 7, предусматривающих, что таксомоторные перевозки в крае осуществляются при наличии удостоверения соответствия (документа, удостоверяющего соответствие перевозчика требованиям осуществления безопасности пассажирских перевозок) и карточки соответствия (документа, подтверждающего соответствие транспортного средства, используемого в качестве таксомотора индивидуального пользования), п. 7 ч. 2 ст. 6 и п. 2 ч. 1 ст. 7, устанавливающих квалификационные требования к водителю – стаж управления транспортным средством не менее трех лет, п. 1, 3, 4 ч. 1 ст. 8, предъявляющих требования к таксомоторам индивидуального пользования: автомобиль, используемый в качестве таксомотора индивидуального пользования, должен иметь не менее четырех боковых дверей; левостороннее расположение рулевого управления; срок полезного использования автомобиля не более восьми лет. Решением Краснодарского краевого суда в удовлетворении заявления прокурору отказано. При обжаловании решения суда в Верховный Суд РФ судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ решение Краснодарского краевого суда от 22 апреля 2008 г. оставила без изменения, кассационное представление прокурора – без удовлетворения [8].

Поводом к рассмотрению дела в Конституционном Суде РФ послужила жалоба граждан – индивидуальных предпринимателей, которые были привлечены к административной ответ-

ственности за нарушение приведенных выше положений оспариваемого Закона края.

Мы видим, что в данной ситуации суд, решая спор между органом власти и гражданином о привлечении его к административной ответственности, применил нормы, ущемляющие частные интересы индивидуальных предпринимателей, таким образом, возобладали государственные интересы. По выраженной правовой позиции Конституционного Суда РФ, фактически поддержавшего прокуратуру края и индивидуальных предпринимателей, чаша была перетянута необоснованно, поскольку предъявляемые к индивидуальным предпринимателям условия их деятельности ограничивают их права и свободы и не вытекают из федерального законодательства о безопасности дорожного движения. При этом было указано на двусмысленность норм закона края, на нечеткость и неопределенность требований о качественном и безопасном обслуживании населения, что не может обеспечить равенство граждан при его применении [9].

Следовательно, нарушение баланса частных и государственных интересов, необоснованное соблюдение одних и ущемление других в спорах, в которых одной стороной является орган власти, а другой – невластный субъект, может привести к равновесию только путем вмешательства третьего субъекта. В этом плане контролируемая судами деятельность органов исполнительной власти, в свою очередь, контролируется Конституционным Судом РФ.

1. Соловьев С.Ж., Хазикова В.Н. Проблемы совершенствования процессуальных гарантий прав участников производства по административным правонарушениям в арбитражном процессе // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2008. № 7.

2. Елистратов А.И. *Административное право*. М., 1913.

3. Тихомиров Ю.А. *Публичное право: учеб. для юрид. фак. и вузов*. М., 1995.

4. По жалобе гражданина Шалота Владимира Федоровича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 1 части первой статьи 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 20 окт. 2005 г. № 513-О // *Вестн. Конституционного Суда РФ*. 2006. № 2.

5. Григорьева Т.А. *Арбитражная юрисдикция в современной России*. Саратов, 2002.

1. Solovykh S.Zh., Hazikova V.N. *Problems of improvement of procedural guarantees of the rights of participants of production on administrative offenses in arbitration process* // *Arbitration and civil process*. 2008. № 7.

2. Elistratov A.I. *Administrative law*. Moscow, 1913.

3. Tikhomirov Yu.A. *Public law: textbook for law faculties and higher education institutions*. Moscow, 1995.

4. According to the complaint of the citizen Shalot Vladimir Fedorovich to violation of his constitutional rights with provisions of point 1 of part one of article 134 of the Code of civil procedure of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of Oct. 20, 2005 № 513-O // *Bull. of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 2006. № 2.

5. Grigorieva T.A. *Arbitration jurisdiction in modern Russia*. Saratov, 2002.

6. По делу о проверке конституционности части 3 статьи 292 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами государственного учреждения культуры «Дом культуры им. Октябрьской революции», открытого акционерного общества «Центронефтехимремстрой», гражданина А.А. Лысогора и администрации Тульской области: постановление Конституционного Суда РФ от 17 нояб. 2005 г. № 11-П // Собр. законодательства РФ. 2005. № 48. Ст. 5123.

7. Кубанские новости. 2007. 3 апр.

8. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 авг. 2008 г. № 18-Г08-17. URL: <http://www.supcourt.ru>

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июля 2010 г. № 16-П.

6. On the case of check of constitutionality of part 3 of article 292 of the Arbitration procedural code of the Russian Federation in connection with complaints of public institution of culture «Recreation center of October revolution», Tsentroneftekhimremstroy open joint stock company, citizen A.A. Lysogor and administration of Tula region: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of Nov. 17, 2005 № 11-P // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2005. № 48. Art. 5123.

7. Kuban news. 2007. Apr. 3.

8. Determination of the judicial board on civil cases of the Supreme Court of the Russian Federation of Aug. 27, 2008 № 18-G08-17. URL: <http://www.supcourt.ru>

9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 13, 2010 № 16-P.

Зиборов Олег Валентинович

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры административной деятельности
и организации деятельности ГИБДД
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: mary_rose@bk.ru)

К вопросу о понятии и признаках административно-правовых режимов

В статье автор анализирует имеющиеся в науке административного права подходы к определению понятия и признаков административно-правовых режимов, соотносит данные понятия и признаки, формулирует собственную позицию относительно данной проблематики. Автором предложено методологически исследовать административно-правовые режимы через анализ их понятия и признаков.

Ключевые слова: правовой режим, административно-правовой режим, порядок правового регулирования, правовые средства, право, закон, административно-правовой анализ.

O.V. Ziborov, Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: mary_rose@bk.ru

To the question about the concept and characteristics of the administrative-legal regimes

In the article the author analyzes existing in the science of administrative law approaches to the definition of the concepts and features of administrative-legal regimes, relates these concepts and features, formulates its own position on the issue. The author suggests methodologically to investigate administrative regimes through the analysis of their concepts and features.

Key words: legal regime, administrative-legal regime, procedure of legal regulation, legal means, right, law, administrative-legal analysis.

Интерес к данной теме обусловлен имеющимися в науке административного права различными подходами к определению понятия и признаков административно-правовых режимов. Поэтому целью данной статьи является анализ предложенных специалистами мнений по данной проблематике.

О.С. Родионов под правовым режимом понимает «установленный законодательством особый порядок регулирования, представленный специфическим комплексом правовых средств, который при помощи оптимального сочетания стимулирующих и ограничивающих элементов создает конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности в целях беспрепятственной реализации субъектами права своих интересов» [1, с. 13–14].

С точки зрения профессоров А.В. Малько и Н.И. Матузова, правовой режим – это особый порядок правового регулирования, выражающийся в определенном сочетании юридических средств и создающий желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права [2, с. 25–26].

Производное от вышеизложенного определение дает Н.В. Макарейко, который определяет правовой режим как «особый порядок правового регулирования, выражающийся в сочетании юридических средств и направленный на создание необходимых условий для удовлетворения интересов субъектов права в определенных условиях» [3, с. 144].

В широком смысле рассматривает правовой режим профессор С.С. Алексеев, который трактует его как порядок регулирования, который выражен в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных связываний и создающих особую направленность регулирования [4, с. 243]. По мнению автора, для каждой отрасли права характерен ряд юридических особенностей, обусловленных предметом регулирования. Совокупность данных особенностей является юридическим признаком отрасли и образует особый юридический режим регулирования (правовой режим). Таким образом, любой отрасли свойствен свой специфический режим регулирования, и именно в нем концентрируется юридическое своеобразие отрасли [5, с. 184].

В специальной литературе можно встретить такое определение правового режима: это особый порядок правового регулирования, закрепляющий совокупность юридических и организационных средств, применяемых для установления правового состояния (положения, статуса) объекта воздействия (носителя режима) и направленный на обеспечение его устойчивого функционирования [6, с. 9–10].

Приведенные общеправовые определения правового режима позволяют, с одной стороны, отразить первый аспект в понимании правовых режимов – осуществить его понятийное исследование, с другой стороны, выделить в качестве одной из основополагающих его характеристик специфический механизм правового регулирования, особый порядок, направленный на конкретные виды субъектов и объектов, «привязанный» не столько к отдельным ситуациям, сколько к более широким общезначимым социальным процессам (состояниям), в рамках которых эти субъекты и объекты взаимодействуют [2].

Второй подход к анализу правового режима как общетеоретической категории – исследование признаков правовых режимов и выяснение таким путем его содержания.

Профессор А.В. Малько выделяет следующие признаки правовых режимов:

- 1) они устанавливаются законодательством и обеспечиваются государством;
- 2) имеют целью специфическим способом регламентировать конкретные области общественных отношений, выделяя во временных и пространственных границах те или иные субъекты и объекты права;
- 3) представляют собой особый порядок правового регулирования, состоящий из совокупности юридических средств и характеризующийся определенным их сочетанием;
- 4) создают конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов и их объединений [7, с. 19].

Исходя из того, что правовой режим – это официально установленный особый порядок правового регулирования, отражающий совокупность юридических и организационных средств, используемых для закрепления социально-правового состояния объектов воздействия, и направленный на обеспечение их устойчивого функционирования, профессор Д.Н. Бахрах отмечает, что ему присущи следующие признаки:

правовое регулирование целенаправленно осуществляется в интересах определенного объекта, предмета или процесса – носителя правового режима;

совокупность используемых правовых средств образует специальные правила поведения, деятельности, жизнедеятельности, официально установленные и обеспеченные системой организационно-правовых мер;

в правовых актах закрепляется определенное правовое состояние объекта или процесса, отличное от иных участков правовой действительности и выражающееся в устойчивых взаимосвязях носителя режима с иными социальными объектами;

специально установленные правила направлены на создание условий, препятствующих нарушению статуса (состояния) носителя режима, поддержание заданных параметров его функционирования;

деятельность (действия) субъектов, реализующих режимные правила, основана на единых правовых принципах, единых правовых формах и осуществляется в точном соответствии с заранее установленным механизмом реализации прав и обязанностей [8].

Н.Ф. Попова и Н.Н. Попова выделяют следующие признаки правовых режимов [6]:

нормативное регулирование осуществляется в федеральных законах и подзаконных актах в интересах определенного объекта, предмета, процесса или деятельности – носителя правового режима;

в нормативных правовых актах определяется правовое положение носителя режима, которое отличается от правового статуса (состояния) других субъектов права;

регулируются определенные виды общественных отношений, которые требуют особых средств правового воздействия, а также юридического инструментария для их применения;

совокупность используемых правовых средств определяет режимные правила поведения (деятельности), которые обеспечиваются системой организационно-правовых мер и обуславливаются интересами государства и волей законодателя;

режимные правила определяют модель поведения, порядок реализации прав и обязанностей, ограничения участников правовых режимов;

устанавливают систему организационно-юридических гарантий выполнения режимных правил, устранения возможных нарушений.

Понятие и признаки административно-правовых режимов, а также их структура и содержание стали предметом исследования многих ученых. При этом часть высказываемых научных положений не вызывают сомнений и являются общепринятыми, с другой стороны, позиции отдельных авторов нуждаются в конкретизации,

а возможно, и в доработке. Так, рассматривая признаки административно-правовых режимов, П.В. Космынина в ряду таких, не вызывающих дискуссии признаков, как нормативность, специфический объект регулирования, особый характер используемых правовых средств и ограниченный круг целей, приводит и такой признак административно-правовых режимов, как «упрощенный порядок изменения содержания режима» [9, с. 35]. Причем в качестве примера упрощенного порядка изменения содержания режима автор приводит административно-правовой режим чрезвычайного положения. Ссылаясь на Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», П.В. Космынина отмечает, что при введении чрезвычайного положения спектр устанавливаемых правоограничений может варьироваться в зависимости от характера и сложности возникшей чрезвычайной ситуации. При каждом факте введения чрезвычайного положения реализуемые чрезвычайные меры, согласно закону, конкретизируются в соответствующем указе Президента РФ. На наш взгляд, приведенный пример свидетельствует как раз об обратном: используя тот или иной административно-правовой режим, государство должно

быть поставлено в жесткие рамки применения правовых средств, сопровождающих административно-правовые режимы. И приведенный пример как нельзя лучше демонстрирует не упрощенный, а, наоборот, усложненный порядок изменения содержания административно-правового режима. Ведь предусмотренная законом обязанность Президента РФ отразить в своем указе исчерпывающий перечень правовых средств обеспечения чрезвычайного и военного положений является гарантом защиты прав и свобод граждан на период действия данных режимов. А возможность дополнения перечня таких правовых средств только путем внесения изменений в соответствующий указ Президента никак нельзя назвать упрощенной процедурой.

Таким образом, правовой режим, с одной стороны, объединяет разнообразный юридический инструментарий, заставляя его работать на единых правовых началах, а с другой – обеспечивает его дифференциацию, создавая различные условия реализации прав и обязанностей субъектов в зависимости от целей и задач, времени и места совершения деятельности, обстановки, которая складывается под влиянием факторов внешней среды [8].

1. Родионов О.С. *Механизм установления правовых режимов российским законодательством: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.*

2. Матузов Н.И., Малько А.В. *Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 4.*

3. Макареико Н.В. *Административное право. М., 2004.*

4. Алексеев С.С. *Теория права. М., 1995.*

5. Алексеев С.С. *Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989.*

6. Попова Н.Ф., Попова Н.Н. *Специальные административно-правовые режимы. М., 2008.*

7. Малько А.В., Родионов О.С. *Правовые режимы в российском законодательстве // Журнал российского права. 2001. № 9.*

8. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. *Административное право: учеб. для вузов. 3-е изд., пересмотр. и доп. М., 2007.*

9. Космынина П.В. *Правовой режим предупреждения преступлений. М., 2005.*

1. Rodionov O.S. *The mechanism for establishing legal regimes with Russian legislation: auth. abstr. ... Master of Law. Saratov, 2001.*

2. Matuzov N.I., Malko A.V. *Legal regimes: theory and practice issues // Jurisprudence. 1996. № 4.*

3. Makareyko N.V. *Administrative law. Moscow, 2004.*

4. Alekseev S.S. *Theory of law. Moscow, 1995.*

5. Alekseev S.S. *General permission and general prohibitions in Soviet law. Moscow, 1989.*

6. Popova N.F., Popova N.N. *Special administrative-legal regimes. Moscow, 2008.*

7. Malko A.V., Rodionov O.S. *Legal regimes in Russian legislation // Journal of Russian law. 2001. № 9.*

8. Bakhrah D.N., Rossinskiy B.V., Starilov Yu.N. *Administrative law: textbook for high schools. 3rd ed., rev. and add. Moscow, 2007.*

9. Kosmyrnina P.V. *The legal regime for the prevention of crimes. Moscow, 2005.*

Наумов Анатолий Валентинович

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Российской правовой академии Министерства юстиции РФ
(e-mail: yasenavm34@mail.ru)

События в Украине: международное право и международное правосудие

В статье с позиций международного права и законодательной практики оцениваются события, происходящие в Украине в настоящее время.

Ключевые слова: международное право, Международный уголовный суд, Римский статут Международного уголовного суда, международный трибунал.

A.V. Naumov, Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law and Criminology of the Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation; e-mail: yasenavm34@mail.ru

Events in Ukraine: international law and international justice

In the article from the standpoint of international law and legal practice are assessed events in Ukraine at the present time.

Key words: international law, the International Criminal Court, Rome Statute of the International Criminal Court, the International Tribunal.

Вхождение Крыма в Российскую Федерацию справедливо претендует на самое большое геополитическое событие постсоветского времени. Осуществленное путем волеизъявления большинства населения полуострова (референдум), его следует рассматривать как восстановление политической справедливости и исправление «нелепой» ошибки, допущенной одним из коммунистических правителей Советского Союза. Разумеется, Запад в лице первых лиц США и стран Евросоюза был удивлен, во-первых, таким последствием киевской «майдано-демократической» революции, а во-вторых, независимой позицией, занятой руководством России, отказавшимся от роли нейтрального наблюдателя срежиссированных Западом же так называемых «демократических» перемен в Украине. При этом России были объявлены всевозможные санкции не только экономического, но и политического характера, преследующие цели ее изоляции на международной арене, в том числе исключения России из престижных международных организаций. Как к этому относиться? Разумеется, бояться этого не надо. Вопрос, однако, более сложный и тонкий. Как относиться к так называемым «европейским» ценностям (что однозначно подразумевает и общечеловеческие ценности, провозглашенные общепризнанными принципами и нормами международного права, не говоря уже о Конституции РФ)? Хуже всего при этом

встать в «позу», заявляя, что мы проживем и без этого, и даже лучше проживем. Например, уже прозвучали «голоса» некоторых парламентариев о том, что в этих условиях мы можем вернуть смертную казнь. Этого делать нельзя ни в коем случае, и не только в отношении смертной казни, а вообще в отношении указанных общечеловеческих ценностей. Именно на них основана наша Конституция. То же самое касается и нашего отношения к международному правосудию. Уходить оттуда также не следует. Наоборот, надо всячески использовать этот «рычаг» претворения в жизнь указанных принципов и норм международного права, в том числе и в направлении совершенствования нашей информационной политики относительно трактовки событий в Украине.

К сожалению, эффективность международного правосудия явно снизилась в связи с деятельностью Международного трибунала по бывшей Югославии. Политизированность, как основной недостаток этого Трибунала, проявилась, в первую очередь, в его односторонности. Известно, что в межэтнический конфликт были вовлечены и сербы, и хорваты, и албанцы. Однако основными подсудимыми на процессе оказались сербы. В основу обвинительного материала была положена информация западных спецслужб, что, разумеется, не прибавило объективности процессу. В то же время за пределами внимания гаагских судей остались представленные

главным подсудимым С. Милошевичем множественные видеоматериалы и фотографии убитых в результате бомбардировок НАТО людей, разрушенных по этой причине мостов, школ, больниц, церквей, жилых домов.

Многие недостатки Международного трибунала по бывшей Югославии были заложены в его нормативной основе – в его Уставе. Однако они в значительной степени преодолены в Римском статуте Международного уголовного суда. Отметим лишь следующие его наработки в указанном направлении:

более тщательное и подробное определение преступлений против человечности, подпадающих под юрисдикцию МУС, включая толкование основных действий, образующих ту или иную их разновидность (например, «нападение на любых гражданских лиц», «истребление», «порабощение», «депортация или насильственное перемещение лиц», «насильственное исчезновение людей» и др.);

детальное и скрупулезное формулирование составов военных преступлений (достаточно сказать, что в дополнение к перечисленным в Уставе Международного трибунала по Югославии серьезным нарушениям Женевских конвенций 1949 г. в Статуте МУС определяется еще около 30 преступных деяний как разновидности военных преступлений, грубо нарушающих законы и обычаи, применяемые в военных конфликтах в установленных рамках международного уголовного права, например умышленное нападение на гражданское население как таковое или отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях; умышленные нападения на гражданские объекты, т.е. объекты, которые не являются военными целями; умышленное нанесение ударов по персоналу, объектам, материалам, подразделениям или транспортным средствам, задействованным в оказании гуманитарной помощи или в миссии по поддержке мира в соответствии с Уставом ООН – все это вытекает из Дополнительного протокола II 1977 г. к Женевским конвенциям, распространившего нормы о запрещенных средствах и методах ведения войны и на вооруженные конфликты на территории одного государства, т.е. на внутренние вооруженные конфликты);

еще большие гарантии безопасности и справедливости заключены в процедурно-процессуальных нормах Статута Международного уголовного суда.

Известно, что Российская Федерация подписала, но не ратифицировала Римский договор о создании Международного уголовного суда.

Сделано было это во многом под влиянием позиции США по данному вопросу. Последние, подписав Римский договор о создании такого Международного суда, отозвали оттуда свою подпись. Мотивы этого вполне очевидны. Тогдашнее руководство США увидело, что его ответственность за военные преступления, совершенные НАТО в Югославии против мирного населения, напрямую вытекает из Статута этого Суда. Следует отметить, что министр иностранных дел России С. Лавров в своем не столь давнем интервью указал, что «Российская Федерация внимательно следит за деятельностью этого судебного органа и сотрудничает с ним по ряду дел» и, по его мнению, «этот орган, по всей видимости, будет продолжать действовать. И его влияние будет все заметнее» [1]. Так что можно вполне говорить об оптимистических перспективах деятельности этого Суда и нашего с ним сотрудничества. А с учетом не только происходящего в Украине, но и событий последних лет в Ираке, Ливии, Сирии, может, перестать следовать позиции США и, наоборот, ратифицировать Римский статут? По крайней мере, для объективной оценки событий, происходящих в Украине, этот Статут дает немало возможностей их трактовки в направлении объяснения позиции Российской Федерации на этот счет. И все, что делает нынешнее руководство Украины для, по ее мнению, «мирного» разрешения проблемы, т.е., например, непрекращающийся обстрел Краматорска и Славянска из танков, минометов, гаубиц и бомбардировки авиацией, непредставление мирного коридора беженцам (в основном женщинам и детям), стремящимся спастись на пограничных с Украиной российских территориях, наконец, чудовищное сожжение мирного населения в Одессе (справедливо названного одесской Хатынью), – все это по букве, до последней запятой подпадает под соответствующие статьи Римского статута Международного уголовного суда. Тем более, что по горячим следам в Следственном комитете РФ создано специализированное управление по расследованию преступлений международного характера против мирных граждан, совершенных на территории Украины, и уже расследуются конкретные уголовные дела по фактам ставших известными преступлений. И накопленный обвинительный материал, кроме внутреннего употребления, необходимо направить (после предлагаемой ратификации Римского статута) именно в Международный уголовный суд. Опыт расследования таких преступлений у российских следователей есть. Именно он и обнародование его итогов помогли кардинально изменить

предвзятое мнение Европы о причинах вооруженного конфликта в Грузии и Южной Осетии. Достаточно сказать, что в докладе независимой комиссии ЕС по этому вопросу под руководством швейцарского специалиста в области «кризисной дипломатии» Хайди Тальявини не была подтверждена правота грузинской стороны относительно того, что Россия первой вторглась на территорию Грузии [2]. И это было решающей информационной победой, изменившей восприятие действий России (уместно упомянуть, что именно указанный швейцарский дипломат, как представитель ОБСЕ, займется «разруливанием» и урегулированием украинского кризиса).

И последнее. Нам не следует впасть в антиамериканизм и антиевропеизм. Обама – это еще не вся Америка, а Меркель – не вся Германия. Надо последовательно проводить свою информационную политику, заключающуюся в объективной оценке событий в Украине, в том числе и с помощью международно-правовых инструментов. Уместно вспомнить, что руководство Советского Союза сумело вместе с первыми лицами антигитлеровской коалиции выработать единую позицию по оценке действий главных военных преступников, виновных в развязывании Второй мировой войны и совершенных преступлениях против мира и человечности, осужденных Нюрнбергским трибуналом. Там же была осуждена и человеконенавистническая фашистская идеология, преследовавшая устранение целых расовых единиц и народов. Оттенок этой идеологии нетрудно обнаружить и в действиях национал-экстремистов киевско-«майдановского» и «западенского» разлива. Достаточно упомянуть, что, например, один из первых претендентов на президентское кресло призывал уничтожать русскоязычное население трех областей Украины. Другой конкретизировал эту цель: в качестве мишени им были названы «москалы и жидаы». В связи с этим хотелось бы напомнить, что именно за реализацию таких идей и взглядов, и не только по отношению к указанным двум «нацменьшинствам», но и,

например, к полякам и чехам, трое подобных идеологов были повешены по приговору Нюрнбергского трибунала. Это Розенберг – идеолог нацистской партии и имперский министр по делам оккупированных территорий. Это Франк – признанный нацистский идеолог права, утверждавший, например, что «Польша должна рассматриваться как колония, поляки будут рабами Великой германской мировой империи». Нюрнбергским трибуналом было доказано, «что в основе указанной оккупационной политики было полное уничтожение Польши как национального целого и беспощадная эксплуатация ее человеческих и экономических ресурсов в интересах германских военных усилий». Это Штрейхер – один из идеологов нацистской партии, отвечавший за средства массовой информации, издатель ежедневной антисемитской газеты, отравлявший сознание немецкого народа ядом антисемитизма, подстрекавший его к активным преследованиям евреев и призывавший к уничтожению еврейской расы как таковой.

Вся эта «троица» вместе с другими главарями фашистского рейха была осуждена не только за преступления против мира и военные преступления, но и за преступления против человечности, в том числе и за подстрекательство к убийству гражданского населения по политическим, расовым и религиозным мотивам. 11 декабря 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН своим решением подтвердила принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие свое выражение в приговоре этого Трибунала. В соответствии с этим нормы, выраженные в Уставе и приговоре Нюрнбергского трибунала, являются основополагающими принципами и нормами международного права для поддержания мира и правопорядка, а лозунги типа призывов к убийству «москалей и жидаов» – настоящим международным преступлением.

P.S. Автор в своей публикации «Тень на процесс» [3] указывал на попытку принизить значение Нюрнбергского процесса на состоявшемся тогда в Киеве «круглом столе».

1. *Рос. газ.* 2013. 10 окт.
2. *Там же.* 2014. 10 июня.
3. *Лит. газ.* 2011. 21–27 дек.

1. *Rus. newsp.* 2013. Oct. 10.
2. *Ibid.* 2014. June 10.
3. *Lit. newsp.* 2011. Dec. 21–27.

Гришай Елена Васильевна

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: ev-grichay@mail.ru)

Манацков Игорь Валентинович

кандидат философских наук, доцент,
заместитель начальника кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79184416488)

Причины религиозного экстремизма и способы его преодоления

В статье выделяется ряд причин религиозного экстремизма, в том числе политические и экономические, дается их классификация. Рассматривается проблема глобализма для возникновения религиозного экстремизма, предлагаются пути ее решения.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, миграция, этнокультурные контакты, информационное общество, дедогматизация массового сознания, саморефлексирующая личность.

E.V. Grishay, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: ev-grichay@mail.ru;

I.V. Manatskov, Master of Philosophy, Assistant Professor, Deputy Head of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79184416488.

Causes of religious extremism and the methods of its overcoming

This article discusses the causes of religious extremism, their classification. Focuses on the political, economic reasons, also the problem of globalism for religious extremism, proposed solutions to this problem.

Key words: religious extremism, migration, ethno-cultural contacts, information society, dedogmatization of mass consciousness, self-reflexive identity.

Современное состояние общества характеризуется усилением социальной мобильности, миграции, развитием этнокультурных контактов всех уровней, существенным изменением ценностных ориентиров. При этом во всех сферах жизнедеятельности общества отмечается повышение уровня культурной нетерпимости, религиозного и этнического экстремизма.

Одной из основных причин всевозможных протестных практик, в том числе экстремистского характера, является недовольство своим социальным положением. Падение жизненного уровня основной массы населения, безработица, дискредитация государственной власти из-за ее неспособности решать социально-экономические проблемы, вседозволенность крупных корпораций – вот факторы, которые вкуче с политизацией религии в ее борьбе за власть и экономические привилегии приводят к религиозному экстремизму. Вторая причина –

политическая. В условиях информационного общества любая идеология стремится доказать свое право на мировое господство. Претензия на собственную непогрешимость оборачивается тем, что в ситуации секуляризации, безрелигиозного гуманизма религиозные экстремисты считают себя избранным народом, постигшим истину и призванным добиться победы Бога в истории.

Однако преодолеть экстремистские настроения путем политических и экономических решений невозможно, поскольку если ранее человечество зависело от природных и экономических факторов, то в наше время культура, как и повседневные человеческие практики, начинает доминировать. Функции культуры приобретают господствующее значение в социальной системе, как и саморефлексирующая личность с ее практической активностью. Соответственно, необходимо активнее использовать образовательный ресурс (разрабатывать, модернизировать и

внедрять в систему образования всех уровней учебные материалы и технологии, направленные на воспитание подрастающего поколения в духе гражданской солидарности) и формировать толерантность, уважение к иным способам жизни, к иным культурным формам уже в личности подрастающего поколения, формировать толерантное сознание как стабильную личностную характеристику.

Третья причина – глобализм. Глобализм, возникший в результате информационной революции и, в свою очередь, управляющий информационными потоками, привел к распространению религии, трансформации конфессий, эклектизации религиозных систем. Утрата верующими единой цели своих религиозных действий, индивидуальное отношение к вероучению своей конфессии приводит к расколу и росту нетерпимости в рамках собственной религиозной организации. В то же время растет недовольство по отношению к миссионерской деятельности новоиспеченных религий как прозападного, так и провосточного типа.

Выход из сложившейся ситуации – отказ от узкоконфессионального эгоизма и социальная защита людей всех вероисповеданий. А также поддержка общественных правозащитных организаций. Наблюдаемый нами религиозный ренессанс вызван не столько данью моде на религию, «глобальной» религиозностью, сколько попыткой обеспечить личностную безопасность. По-прежнему сохраняется ядерная угроза, никто не застрахован и от опасности стать жертвой теракта, природной или техногенной катастрофы. Но главным образом всеобщее ощущение неуверенности в будущем полноценном существовании, реализации намеченных жизненных сценариев возникает вследствие кризиса традиционных форм солидарности, социального неравенства и невозможности в условиях столкновения символических и культурных капиталов использовать приобретенный жизненный опыт. Смешение радикально различных мировоззренческих парадигм формирует социально-психологические ситуации, когда человек оказывается не способен зафиксировать собственную позицию по отношению к плюрализму ценностных шкал, а следовательно, не в состоянии закрепить самоидентичность своего сознания и себя как личности [1, с. 170]. Личный религиозный опыт противостоит рационализму и научному подходу, которые не могут ответить на такие фундаментальные вопросы, как смысл и цель жизни. Эти вопросы во все времена и во всех культурах составляли сердцевину религии. Необходимость конструирования

дополнительных идентичностей, наполняющих смыслом место в реальности повседневной жизни, вызвана также болезненной утратой ощущения причастности к неформальным социальным общностям. Но обретение идентичности происходит на фоне повсеместного распространения «других» ценностей, новых политических институтов и экономических практик, ставящих человека перед дилеммой – адаптироваться к инновациям или противостоять их внедрению?

Отдельная проблема – все более изощренные технологии манипулирования посредством интернет-ресурсов. Здесь уже требуется создание специальных межгосударственных отделов для контроля за потоком информации, формирующей интолерантное сознание пользователей Интернета.

Четвертая причина религиозной интолерантности на постсоветском пространстве во многом связана с попыткой многочисленных групп верующих возродить древнюю духовную традицию, достичь статуса избранности, святости, просветления. Но по меркам истории, 20 лет религиозной свободы России – это неопитный этап религиозного опыта. А неопитство предполагает убежденность в непогрешимости избранного учения и способность упорно отстаивать свои взгляды и образ жизни. Соответственно, каждый человек нуждается в гарантии осуществления свободы вероисповедания, защиты прав личности.

Однако зачастую протестантские объединения и новые, нетрадиционные для России религии трактуются широкой общественностью исключительно как формы тоталитаризма. Подобная трактовка, способная привести к ответной агрессии, вероятно, объясняется поверхностностью религиозной веры православного большинства. Не секрет, что воцерковленное население составляет мизерный процент от общего числа верующих и рассматривается все тем же большинством как маргинальная группа. Оказавшись в маргинальном положении, религиозные личности проявляют нетерпимость не только к НРД, но и к явлениям индифферентизма, дедогматизации массового сознания, эклектизации. Самоидентификация религиозных личностей, как и религиозных организаций, в целом, достигается через критику других. Как нам представляется, единственный выход из сложившейся ситуации – отказаться всем религиозным конфессиям от поиска врагов, от деления на Мы – Они и выполнять одно общее для всех дело – утверждать гуманистические ценности, порицая деструктивные. Только солидарность религиозных лидеров и пропаган-

да межконфессионального согласия позволят излечиться от общего недуга – религиозного радикализма.

Отсутствие качественного диалога между представителями различных религиозных традиций как на уровне лидеров, теологов, так и между рядовыми верующими – все более остро обозначаящаяся проблема. Полноценное не виртуальное общение с носителями других мировоззрений позволит восприятие иных учений.

Следующая причина религиозного экстремизма – психологическая неграмотность населения и отсутствие реально действующих институтов психопрофилактики, что приводит к неспособности большинства населения, в особенности молодежи, противостоять манипулятивному воздействию заинтересованных лиц. Снижение уровня негативного влияния достижимо путем развития критического мышления молодых людей, информирования о практиках и методах вовлечения людей в деструктивные организации, отработки защитных механизмов в рамках специализированных тренингов. Следует обратить внимание и на создание в каждом регионе центров психологической помощи, телефонных доверия для лиц, подвергшихся насилию со стороны религиозных организаций. Необразованность, отсутствие знаний других культур и религий – еще одна причина нетерпимого отношения ко всему окружающему. Во многих регионах России уже введена дисциплина «Основы религиозных культур и светской этики», возможно, данный эксперимент со временем принесет свои плоды. Но его успешность, очевидно, будет зависеть от квалификации педагогов, от их мотивации (материальной в том числе). Соответственно, организация краткосрочных курсов, повышение квалификации учителей религиозоведения – еще одна насущная задача. Педагог должен уметь раскрыть основные достоинства традиционных религиозных учений, обосновать единство основных ценностей в религиях различных народов, научить не только религиозной терпимости, но и сопереживанию, заботе о других в силу понимания принципов их вероучений.

Для реализации этих тезисов вполне достаточным и необходимым представляется использование информационных моделей всех традиционных религий с итоговым представлением их глубинного семантического единства в виде хроматического круга. К примеру, если взять цвета, доминирующие в соответствующих Священных писаниях, то окажется, что каждая религия характеризуется определенным (канонизированным в данной религии) цветом. При

объединении же этих цветов в цветовом круге получается – и понимаемый разумом, и представимый в реальных образах – Белый свет, в котором и живет то или иное конфессиональное сообщество. И если образ – семантическая база образования, то это ли не залог толерантности!

Отсюда получает свое теоретическое обоснование и такое направление формирования толерантности, как «обучение толерантному образу жизни». Толерантный образ жизни – цельная, логически взаимосвязанная, продуманная и спланированная система поведения человека в повседневной жизни, которую он осуществляет не по принуждению, а с удовольствием и уверенностью, что она даст положительные результаты. Это комплексная просветительская, обучающая и воспитательная деятельность, направленная на повышение информированности по вопросам межкультурного взаимодействия, на формирование навыков распознавания проявлений культурных предрассудков, этноцентризма и дискриминации в различных сферах общественной жизни, создание мотивации для ведения толерантного образа жизни как отдельных людей, так и общества в целом.

Нельзя в связи с этим не подчеркнуть: никакая информация, если она не подкреплена личной заинтересованностью, ничего для человека не значит. Сегодня это особенно важно в отношении молодежи, находящейся в зоне риска. Школа является центром формирования мировоззрения и интеллектуального уровня молодого человека. Именно здесь в течение всего периода есть возможность дать детям и родителям глубокие знания о сущности толерантности, в доступной форме изложить причины интолерантного поведения, научить методам восстановления и укрепления установок толерантного сознания и поведения.

Отметим, что специфика молодежной среды требует нестандартных и нерепрессивных методов профилактики. Поэтому жизненно необходима принципиально новая концепция воспитания подрастающего поколения, основополагающей идеей которой могло бы стать превращение подростка из объекта воспитательного процесса в активного участника социализации личности. Достижение такой цели предполагает профилактические меры, которые были бы нацелены на нейтрализацию и устранение социальных причин дезадаптации, коррекцию личности и образа жизни молодых людей с интолерантным поведением, а не на повышение степени контроля и надзора за ними, ужесточение наказаний.

Социальная незащищенность мигрантов – следующая причина религиозного экстремизма.

Европейский опыт учит нас всячески противодействовать формированию иммигрантских общин трайбалистского характера, где не только сохраняются традиции и коллективная взаимопомощь, но и процветает теневая экономика, криминализируется молодежь, не имеющая возможности адаптироваться к существующей системе социальных связей и получить доступ к легальным источникам дохода. На сегодняшний день система социальной защиты мигрантов отсутствует, результатом чего становится рост этнической преступности и распространение в обществе нетерпимости по отношению ко всем мигрантам, независимо от их образа жизни.

Своевременное оказание социальной и психологической помощи в рамках социальной работы, безусловно, способствовало бы повышению адаптационного потенциала представителей различных этносов, испытывающих трудности интеграции в инокультурную среду мегаполиса из-за перехода от нормальных условий существования к экстремальным условиям миграции/эмиграции. В связи с этим фактором необходимо учитывать и базовые принципы хроматизма для учета перестройки доминирующих компонентов интеллекта у мигрантов при этом переходе. Комплексная помощь социально уязвимым иностранным гражданам и их семьям должна оказываться в специализированных службах – центрах адаптации мигрантов. Подобные учреждения открыты уже в нескольких городах России, включая Москву и Петербург. Однако на сегодняшний день говорить об их эффективности рано. Очевидно лишь то, что, несмотря на солидный перечень заявленных социальных услуг и соответствующих технологий – информационных, консультативных, посреднических, правовых, психологопедагогических и пр., деятельность данных организаций пока что далека от социальной работы как таковой.

Весьма перспективной является, на наш взгляд, идея разработки инновационной модели социальной работы с населением при

участии церковных социальных организаций. Вспомним один из тезисов документа «О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви», принятого 4 февраля 2011 г. Архиерейским Собором РПЦ: «...социальное служение Церкви не может сдерживаться или ограничиваться религиозными, национальными, государственно-политическими или социальными рамками. Церковь простирает свое человеколюбие не только на своих членов, но и на тех, кто к ней не принадлежит» [2].

Национально-культурным объединениям следует обращаться за помощью к специалистам православных социальных организаций не с целью получения дополнительных материальных ресурсов, а для того, чтобы наладить деятельность по полноценной социокультурной адаптации мигрантов. С ними необходимо вести информационно-просветительскую работу, знакомя с традициями страны, разъясняя нормы поведения в обществе, прививая уважение к ценностям российской культуры. Эта деятельность одновременно давала бы колоссальный социально-профилактический эффект.

С другой стороны, церковные социальные организации, для которых ключевым является милосердное служение людям, могли бы решать проблемы не только мигрантов, но также беженцев и вынужденных переселенцев, находящихся в особо тяжелых, кризисных ситуациях. Только на основе социального партнерства органов государственной власти, учреждений системы социального обслуживания населения, а также общественных организаций, в частности национально-культурных объединений всех Церквей, может быть создана новая, по-настоящему эффективная система социальной работы с полиэтничным населением, с одной стороны, создающая условия для эффективного противодействия проникновению в общественное сознание идей экстремизма и нетерпимости, с другой – культивирующая в молодежной среде атмосферу межэтнического согласия и толерантности.

1. *Новейший философский словарь. Постмодернизм / ред. и сост. А.А. Грицалов. Минск, 2007.*

2. *О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1401894.html> (дата обращения: 17.01.2012).*

1. *Newest Philosophical Dictionary. Postmodernism / ed. and comp. A.A. Gritsalov. Minsk, 2007.*

2. *On the principles of social work organization in the Russian Orthodoxy of the Church. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1401894.html> (date of access: 17.01.2012).*

Скворцов Игорь Петрович

доктор философских наук, доцент,
 профессор кафедры философии и социологии
 Краснодарского университета МВД России
 (e-mail: igskvorcov@yandex.ru)

Потенциал идентичности в укреплении национальной безопасности России

В статье рассматриваются место и роль фактора социокультурной идентичности в процессах укрепления национальной безопасности России, показаны современные теоретические подходы к определению идентичности, программно-политические проекты ее реализации. Автор считает формирование устойчивой идентичности российского общества необходимым условием разработки политики обеспечения безопасности страны.

Ключевые слова: идентичность, безопасность, национальная безопасность, социокультурные факторы, цивилизация, солидарность.

I.P. Skvortsov, Doctor of Philosophy, Assistant Professor, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: igskvorcov@yandex.ru

Potential identity in strengthening the national security of Russia

The article examines the place and role of the factor of social and cultural identity in the processes of strengthening national security of Russia, demonstrates modern theoretical approaches to the determination of identity and program-political projects its implementation. The author considers the formation of a stable identity Russian society is a necessary condition for the development of security policies of the country.

Key words: identity, security, national security, socio-cultural factors, civilization, solidarity.

Процессы укрепления безопасности страны неразрывно связаны с обстоятельствами социокультурного характера, проблемами культурной, цивилизационной самобытности и идентичности общества.

Президент России В.В. Путин отмечал, что экономический рост, благосостояние, геополитическое влияние – это производные от состояния самого общества, от того, насколько граждане той или иной страны чувствуют себя единым народом, насколько они укоренены в этой своей истории, в ценностях и в традициях, объединяют ли их общие цели и ответственность. В этом смысле вопрос обретения и укрепления национальной идентичности действительно носит для России фундаментальный характер [1].

Не будет преувеличением сказать, что противоречивость и болезненность преобразований постсоветской России, трудности достижения необходимого качества национальной безопасности во многом обусловлены неразрешенной проблемой культурной идентичности, отсутствием единства общества и власти относительно цивилизационной, культурной, геополитической специфики страны.

Можно согласиться с С.В. Картуновым, утверждающим, что отсутствие стратегической самоопределенности, утрата государственной идентичности, чувства национального самознания ведет к неспособности четко формулировать и отстаивать национальные интересы, к их неизбежной подмене либо несбыточными, либо ущербными идеями и целями [2, с. 6]. Справедливо утверждение, что изменение идентичности представляет собой технологию решения геополитических проблем и хозяйственно-экономических задач [3, с. 18].

Утверждение дискурса идентичности в качестве ведущего для объяснения социального процесса возможно при использовании социокультурного метода изучения общественных явлений, возможности которого хотя и признаны в отечественной науке, но остаются недостаточно используемыми.

Отметим, что культурные аспекты (идеи, представления, убеждения, ценностные установки и пр.) являются важным моментом исследований при объяснении происходящего и анализе конкретных ситуаций. Но традиционно в исследовании закономерностей политики

феномены общественного сознания играют второстепенную роль, объяснения, сводящие поведение участников политических процессов к интересам и структурам, заметно превалируют над стремлением связывать причины наблюдаемых явлений с культурными феноменами.

Как отмечает О.Ю. Малинова, в настоящее время признается, что коллективно разделяемые представления и ценности оказывают влияние на поведение, задавая смыслы, на основе которых интерпретируются события, действия и интересы, формируя их рамки, но не определяя однозначно. Социокультурные факторы способствуют выбору стратегии осуществления интересов, будучи воплощенными в институтах, влияют на принятие решений, выбор целей и средств деятельности [4, с. 12]. Ключевую роль при этом играют ценности базового характера, непосредственным образом связанные с проблемами культурного, политического, социального самоопределения, т.е. с проблемами идентичности.

Идентичность понимается как представление человека и общества о своей принадлежности к какой-либо общности более высокого порядка (политической, культурной, социальной, цивилизационной и т.п.), о своем месте в системе общественных отношений, институтов, ценностей, она выступает комплексной базой для формирования индивидуальных и массовых социальных практик, воспроизводящих данное общество как самостоятельную социокультурную систему, основой социальной интеграции.

Основой формирования идентичности выступают устойчивые социокультурные характеристики общества. Культурное поле самоидентификации задает ценностно-нормативную структуру идентичности и выступает определяющим фактором, играя роль своего рода матрицы, в пределах которой происходит конструирование социальной реальности [5, с. 336].

Не ставя цели подробного анализа точек зрения на выявление сущности и механизмов формирования идентичности, заметим, что практика воспроизведения идентичности может исходить из принципов конструктивизма или эссенциализма. Эссенциализм предполагает, что идентичности даются естественным образом, на основе социобиологических факторов – расы, нации, класса, пола и др. Для конструктивизма идентичность есть не заранее данная сущность, а нечто неоднозначное, дискурсивный конструкт, зависящее от контекста, результат культурной идентификации [4, с. 12–14].

Социальная идентичность как совокупность представлений человека о своем месте в обществе, тех поведенческих моделей, которые утверждаются на основании соотнесения себя с социальными институтами и отношениями, на наш взгляд, скорее может быть объяснена из принципов эссенциализма. Но идентичность культурно-цивилизационная, политическая формируется на основе культурного самоопределения, предполагает выбор субъекта и может быть эффективнее определена при использовании положений конструктивизма.

Неотъемлемой чертой отечественного поиска идентичности на протяжении последних 300 лет является перманентное отсутствие общественного согласия относительно ее базовых принципов, когда сущность и направления выстраиваемой идентичности оспариваются влиятельными кругами как самой власти, так и общества (пожалуй, за исключением конца 1930-х – 1970-х гг.). Ведущие политические силы страны, общественные течения пока что не преуспели на пути выявления образа страны, явно отличающего ее от других, обладающего позитивным содержанием и содержательным смыслом.

Определение идентичности в наиболее артикулированном, либеральном дискурсе осуществляется через отрицание «недемократического имперского прошлого», «тоталитарного советского опыта», негативного «наследия 90-х», якобы «авторитаризма 2000-х» и т.д. Идентичность при этом формулируется преимущественно через характеристики политического режима, при котором чем ближе к «универсальной модели демократии» (которая «или есть, или ее нет»), тем яснее и «чище» идентичность (в данном случае западного, европейского и иного типа). Но тогда она не является чем-то оригинальным и является калькой с опыта становления идентичности других стран.

В левом, социал-коммунистическом проекте желаемая идентичность строится вокруг социальных достижений и принципов практики государства позднесталинского и брежневского периодов, невозпроизводимых в современных условиях.

Для сил, именующих себя консервативными и откликающихся на державно-патриотический запрос общества, базисными чертами российской идентичности признаются могущество, лидерство, динамичное развитие и другие характеристики утверждающей свой суверенитет страны. Другое дело, что подобный набор характерен для любого крупного субъекта мировой политики и не является чем-то исключительным.

Дискурс идентичности России как государства «русского народа» на данный момент не имеет весомых исторических традиций, сильных политических и общественных субъектов, его отстаивающих, не является доминирующим в сознании общества и его правящих кругов.

Пожалуй, наибольшей перспективой обладает имеющий социально-культурные и исторические корни, достаточно длительные этапы утверждения, пользующийся поддержкой современного массового сознания российского общества проект «имперского евразийства». На его стороне – социокультурная близость, идейная притягательность, оригинальность и отличительность, теоретическая проработанность, опора на православие и другие традиционные конфессии нашей страны, потенциал развертывания и применимости во всех сферах общественной жизни – культуре, социальной жизни, экономике, политике и др. Основная проблема, мешающая его реализации, – идеологическая позиция значительной части высшего слоя элиты, слабость политических субъектов, его отстаивающих, существенное внешнее информационное и политическое противодействие и др.

В целом, используя в качестве основания разделения дихотомию «либерализм – державность, патриотизм», указанные проекты идентичности можно объединить в две группы, различающиеся в главном: определении России как самодостаточной цивилизации или части евро-американской, западной. Именно этот, продолжающийся несколько последних столетий и до сих пор не решенный спор определяет направление и способы социального развития, поддержания социального согласия и сплоченности, решения задач национальной безопасности. В чем состоит значимость его разрешения и как проявляются его последствия в решении проблемы безопасности страны? Попытаемся выделить несколько не исчерпывающих проблем, но важных моментов.

1. Важнейшим элементом механизма социального развития выступает процесс его детерминации, что находит выражение в наличии совокупности принципов, идей, взглядов на его место, роль, характер. Социокультурные элементы политики, к которым относятся также содержание и уровень культурно-цивилизационной идентичности, оказывают существенное воздействие на процессы постановки целей и определения принципов достижения национальной безопасности, ее нормативно-правовых основ, выбор основных средств и способов.

2. От решения вопросов достижения общественного согласия относительно идентичности российского общества главным образом будет зависеть формирование условий достижения социального согласия, создание самих перспектив дальнейшего его существования. На выработку общезначимой стратегии должны быть направлены первоочередные политика государства и усилия общественных структур. Основной их смысл должен состоять в более активном и заинтересованном участии общества, государства в формировании базовых предпосылок согласия относительно идентичности и цивилизационной определенности России, что создает, в свою очередь, исходные основы отношения к прошлому и перспективам будущего, принципы социальной, культурной, образовательной, информационной политики. Речь идет, в частности, о том, что распространение и обоснование в информационном, культурном, образовательном пространстве концепта цивилизационно-культурной состоятельности России может заложить основы органичной социальной сплоченности общества.

3. Слом (или хотя бы надлом, как показал опыт общественного развития России во второй половине 1980-х – 1990-х гг.) идентичности означает скатывание в хаос, где отсутствует безопасность во всех ее проявлениях – экономическом, политическом, социальном, духовном. «Вращивание» идентичности способствует формированию готовности общества к ответу на вызовы безопасности и развития.

4. Серьезным препятствием для устойчивого развития страны и достижения необходимого качества безопасности выступают присущие российскому обществу социокультурные расколы, несформированность единой идентичности отечественной элиты, т.е. групп людей, номинально призванных принимать стратегические решения и задавать цели политики безопасности.

5. В условиях развертывающейся глобализации, когда уровень социального доверия и сплоченности становится одним из ключевых ресурсов поддержания политической и социальной стабильности доминирующая в российском обществе модель идентичности с акцентом на ценности суверенитета, солидарности и силу традиции может сформировать необходимые социокультурные основания механизма обеспечения национальной безопасности.

В заключение подчеркнем, что подход, диктуемый новыми вызовами безопасности для России – демографическими, экологическими, экономическими, – предполагает изменения в

ценностных основаниях политики в направлении поддержки социальных и культурных начал в обществе, опору на национально-государственную, цивилизационную и культурную иден-

тичность, ответственность правящего класса и поддержку со стороны общества, в жизни которого реализуются важнейшие принципы солидарной социальной культуры.

1. Владимир Путин принял участие в итоговой пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://news.kremlin.ru/news/19243>.

2. Кортунов С.В. Становление национальной идентичности: Какая Россия нужна миру. М., 2009.

3. Воропай Т.С. Между глобализацией и массовой культурой // *Философские науки*. 2009. № 10.

4. Малинова О.Ю. Почему идеи имеют значение? Современные дискуссии о роли «идеальных» факторов в политических исследованиях // *Политическая наука*. 2009. № 4. С. 5–24.

5. Семигин Г.Ю., Иванов В.Н. *Социологическая энциклопедия: в 2 т. М., 2003. Т. 1.*

1. Vladimir Putin took part in the final plenary session of the international discussion club «Valdai». URL: <http://news.kremlin.ru/news/19243>.

2. Kortunov S.V. *Formation of national identity: What Russia the world needs*. Moscow, 2009.

3. Voropay T.S. *Between globalization and mass culture // Philosophical sciences*. 2009. № 10.

4. Malinova O.Yu. *Why ideas are important? Current debates about the role of the «ideal» factors in political studies // Political science*. 2009. № 4. P. 5–24.

5. Semigin G.Yu., Ivanov V.N. *Sociological encyclopedia: in 2 vol. Moscow, 2003. Vol. 1.*

Нарыкова Светлана Петровна

докторант кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612281218)

К вопросу о понимании социальной реальности как объекта политической власти

В статье рассматриваются основные подходы к пониманию социальной реальности, общие черты и отличия в понимании социального бытия в рамках социально-философского и социологического подходов. Это общее и особенное рассматривается сквозь призму сходства и различия социального реализма и социального номинализма в социальном познании. Данные подходы анализируются на примере понимания политической власти как методологического средства упорядочивания имеющихся социально-философских и социологических концепций власти.

Ключевые слова: социальное познание, методология, политическая власть, социальная реальность, реализм, номинализм, концепции власти.

S.P. Narykova, Doctoral Candidate of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612281218.

To the question of comprehension of social reality as object of the political power

In article the main approaches to comprehension of social reality, common features and differences in understanding of social existence within social and philosophical and sociological approaches are considered. This the general and special is considered through the prism of similarity and distinction of social realism and social nominalism in social knowledge. These approaches are analyzed on the example of understanding of the political power as methodological means of ordering of the available social and philosophical and sociological concepts of the power.

Key words: social knowledge, methodology, political power, social reality, realism, nominalism, power concepts.

Рассмотрение социальной реальности и объяснение закономерностей функционирования как общества в целом, так и его отдельных сегментов зависит от теоретико-методологической базы, на которой оно осуществляется. Предельным основанием теоретико-методологической базы рассмотрения социальной реальности служит ее укорененность в той или иной сфере рационального знания. По этой причине можно выделить два основных вида знания, в рамках которых осуществляется исследование социального бытия, – философское и научное знание. Первое, как правило, при исследовании общества конкретизируется в социально-философское знание, а второе – в социологическое.

Для социально-философского познания понятие «общество» является предельно широкой категорией, которая ограничивается, с одной стороны, понятием «природа», а с другой – понятием «индивид» и включает в себя всю совокупность собственно социальных, экономических, политических, культурных и иных процессов, протекающих в жизни человеческого рода.

Социальное (или общество в целом), представляя главный предмет социально-философского анализа, позволяет сформулировать целостную картину социальной жизни, выявить универсальные закономерности ее развития и установить основные принципы взаимодействия ее важнейших сфер. Признание общества в целом главным предметом социально-философского познания приводит к тому, что наиболее гармоничными для него теоретико-методологическими установками служат системный анализ и социальный реализм.

В свою очередь, социально-научное познание, прежде всего социология, исходит из понимания социального как совокупности особого рода отношений, не сводимых ни к политическим, ни к экономическим, ни к иным отношениям. Специфика собственно социальных отношений связана с положением индивида и социальных групп как в горизонтальной, так и в вертикальной социальных структурах. По этой причине социологическое исследование социальной реальности, как правило, имеет эмпирический и социально-номиналистический характер.

Социально-философский и социологический подходы к рассмотрению социальной реальности имеют свои сильные и слабые стороны. К числу сильных сторон социально-философского подхода следует отнести возможность установления места социальной реальности в структуре целостной картины мира, а также выяснения ее значимости для индивидуального человеческого существования. Таким образом, социально-философский подход не столько познает, сколько осмысляет социальную реальность. Данное обстоятельство является как главным достоинством, так и основным недостатком социально-философского подхода. Достоинство заключается в возможности ставить и решать познавательные и жизненно важные задачи. Недостаток же состоит в неизбежной ценностной нагруженности, приводящей к подчинению результатов познания частным интересам индивидов, социальных классов, групп, национальных общностей, конфессий и т.д.

Сильной стороной социологического подхода, несомненно, служит его стремление создавать образы социальной реальности, исходя из эмпирического материала, а не с помощью умозрительных допущений. Благодаря этому социологические картины жизни общества имеют высокую степень достоверности. Вместе с тем, индуктивный характер социологических конструкций, наряду с их эмпиризмом, не позволяет создать целостный образ социальной реальности, поскольку исследователь в силу многообразия социальных явлений вынужден прерывать эмпирическое рассмотрение и переходить к обобщениям. В силу данного обстоятельства социологические картины социальной реальности, во-первых, исходят из узкого понимания социального, а во-вторых, основаны на неполной индукции. Если социологическое познание конструирует целостный образ социальной реальности, то это, как правило, означает выход за рамки собственно социологической парадигмы. По этой причине социально-онтологические картины, создаваемые социологической наукой, обычно носят функциональный характер, который не позволяет индивиду ответить на важнейшие жизненные вопросы, связанные с существованием в социальном мире.

Как следует из сказанного, внутренние достоинства и ограничения философского и научного подходов к исследованию социальной реальности требуют их совмещения в рамках целостного социального познания. Данный теоретико-методологический синтез, несмотря на наличие достаточно жесткой демаркационной линии между социально-философским и социологическим

конструированием социальной реальности, находит свое применение на протяжении всей истории социального познания.

Посему представляется необходимым проследить связь между реалистическими и номиналистическими социально-онтологическими картинами, различными интерпретациями социальных изменений и важнейшими подходами к пониманию политической власти. Естественно, предложенная модель взаимосвязи носит схематический характер и имеет своей целью выявить наиболее типичные способы решения проблемы сущности политической власти в транзитивном обществе. Эта модель не претендует на исчерпывающее описание всех возможных концепций данного феномена. Таким образом, предлагаемую схему определения места политической власти в структуре социально-онтологических концепций следует рассматривать как методологическое средство упорядочивания имеющихся социально-философских и социологических концепций власти.

Итак, согласно социальному реализму простейшими элементами социального бытия являются не индивиды, а различного рода общности: группы, классы, коллективы и т.п. Это означает, что человек становится человеком только благодаря своей принадлежности к интересусубъективному пространству – социальной реальности, которая носит сложный, в том числе иерархический, характер. Специфика человека как личности формируется на основе его умения осваивать различные социальные роли и достигать социальных статусов в определенных областях социального пространства. Таким образом, человеческая личность не есть исходный пункт формирования человеческой реальности. Простая механистическая совокупность индивидов не порождает общество. Напротив, различного рода сообщества людей возникают в силу реализации индивидами единых ценностей, норм, требований, правил поведения, связанных с достижением определенных целей. Поэтому для социального реализма подлинным предметом познания служит социальное целое и его важнейшие структурные части.

Одним из примеров понимания предмета социального познания в социальном реализме может служить определение социологии, даваемое французским социологом Ж. Гурвичем. Для него социология – это наука, которая «изучает целостные социальные феномены в ансамбле их аспектов и их движения, заключая их в диалектизированные микросоциальные, групповые и глобальные типы в процессе их становления и разрушения» [1, р. 27]. Избрание социальных

целостностей в качестве предмета социального познания остро ставит перед реализмом проблему объяснения социальных изменений.

Трудность решения данной проблемы заключается в том, что реализм отказывается от рассмотрения индивида в качестве самостоятельного, деятельностного начала. В свою очередь, признание идеального начала субъектом социальных изменений означает возврат социального познания к метафизическому способу мышления. Если социальный реализм отказывается занять последовательную идеалистическую позицию и признавать наряду с эмпирическим субъектом существование абсолютного или трансцендентального субъекта, то единственным выходом для него служит утверждение безличностного характера социальной реальности. В этом случае объяснение социальных изменений получает не актуалистический, а строго номологический и, по сути, механистический характер. Разница между этими двумя способами объяснения состоит в том, что актуализм признает волевые акты индивидов главной движущей силой эволюционного или революционного развития социальной системы, тогда как номологизм настаивает на подчиненности социальных изменений закономерностям функционирования социального целого. В отличие от социального актуализма, социальный номологизм в большей степени, нежели функционализм, является телеологичным, поскольку социальные изменения ставятся в прямую зависимость от определенной цели: воспроизводство определенных элементов системы, преодоление затруднений и т.д.

Логическим продолжением социального реализма и социального номологизма служит системный подход к пониманию характера политической власти. Согласно данному подходу власть исходит от социального целого, а потому имеет безличный характер. В наиболее ярком виде социально-реалистическое обоснование власти было представлено Г. Моска. В своей работе «Элементы политической науки» он пишет: «Всякая политическая организация одновременно и добровольна, и принудительна. Она добровольна, поскольку исходит из природы человека, что было замечено, начиная с Аристотеля, и в то же время она принудительна, так как человек не смог бы жить иначе. Это естественно и спонтанно, и в то же время неизбежно, что там, где есть люди, будет и общество, а там, где есть общество, будет также и государство, то есть правящее меньшинство и управляемое им большинство» [2, p. 79].

Из приведенного фрагмента ясно следует, что «природа человека», согласно итальянскому социологу, обладает по отношению к индивиду объективным существованием. Данное, парадоксальное, на первый взгляд, высказывание подтверждается тщетностью попыток построения бесклассового общества, избавленного от насильственного подчинения одного человека другому. С точки зрения Моска, даже если индивид или крупная социальная группа, политическая партия, религиозная конфессия захотят создать такого рода общество, то они неизбежно столкнутся с «природой человека», которая при реализации данной утопии породит класс правителей и класс угнетаемых. Укорененность социального неравенства в природе людей Моска назвал формулой политической власти, которую он определил как стремление «управлять и чувствовать себя управляемым не только на основе материальной и интеллектуальной силы, но и в силу морального принципа» [2, p. 110].

Безличный характер политической власти в социологии Моска доказывается не только ее надындивидуальностью, но еще и тем, что ее подлинным агентом выступает не конкретный человек, а социальный тип, под которым он понимает общность психологии и социальных установок поведения представителей одной социальной страты, связанных общностью языка и культуры. Социальный тип, при определенных социально-политических и экономических условиях завоевавший гегемонию в государстве, становится правящим или политическим классом. Таким образом, социальный реализм Моска в полной мере согласуется как с номологическим характером социальных изменений, частным случаем которого является «политическая формула», так и с системно-функциональной природой политической власти в целом.

Завершая краткий анализ социально-реалистического обоснования политической власти, представляется целесообразным процитировать известного немецкого социолога и мыслителя Н. Элиаса, который суммировал критические замечания в адрес данного направления социального познания следующим образом: «Индивид здесь вообще не играет никакой роли. Мыслительной моделью служат в первую очередь определенные формы рассмотрения, характерные для естественных наук... Но, как это часто бывает, эти естественнонаучные мыслительные формы легко и незаметно перемешиваются здесь в единое целое с религиозными и метафизическими конструкциями. Общество представляется чем-то вроде надындивиду-

альной органической сущности, которая через юность, зрелость и старость неизбежно движется навстречу своей смерти. Примером того могут служить идеи Шпенглера... даже если в наше время опыт уже не подсказывает никакой всеобщей теории естественно необходимого подъема и заката обществ... общим – для... позиции ... этого лагеря все равно продолжает оставаться стремление объяснить исторические и социальные образования и процессы, исходя из действий анонимных и надындивидуальных сил. Дело представляется таким образом, будто определенные социальные объединения одержимы неким общим надындивидуальным духом, тогда как, например, говорят о “Духе Греции” или “Духе Франции”... здесь остается неясным, как можно построить мост от этих образований к отдельным людям» [3, с. 16–17].

Продолжая мысль Элиаса, можно сказать, что социальный реализм в понимании природы власти не может указать, каким образом сверхличностная воля социального целого связана с повседневным мышлением индивида, вынужденного принимать конкретные политические решения. Именно это затруднение привело классического социального реалиста Гегеля к введению понятия «хитрость разума». Напомним, что с помощью данного понятия Гегель утверждал, что Абсолютный Дух, стремясь достичь своей цели посредством индивидов, внушает им, что, совершив то или иное деяние, он достигает своих частных выгод. Конечно, историческая оценка политического действия существенным образом отличается от оценки в процессе его принятия и совершения, однако допущение провиденциализма в современной социально-философской политической мысли является некорректным.

В противоположность социальному реализму социальный номинализм полагает, что простейшим элементом общественного бытия являются не различного рода общности, но индивиды, личности. Отсюда с логической необходимостью следует, что макрообразования социальной реальности, такие как социальная страта, социальный класс, коллектив, организация, есть не что иное, как результат совместных действий людей. Отстаивая принципы номинализма в социальной онтологии и социальном познании, М. Вебер писал: «Социология рассматривает отдельного индивида и его действия как первичную единицу, как атом (если считать допустимым это само по себе сравнительное сравнение)... такие понятия, как “государство”, “сообщество”, “феодализм” и т.п. в социологическом понимании означают – если выразить это в

общей форме – категории определенных видов совместной деятельности людей, и задача социологии заключается в том, чтобы свести их к “понятному” поведению, а такое сведение всегда означает только одно – сведение к поведению участвующих в этой деятельности отдельных людей» [4, с. 507].

Выбор представителями социального номинализма индивидуального начала в качестве субстанции социальной реальности имеет важные теоретико-методологические последствия. В первую очередь, речь идет об интересе к микросоциальным процессам и явлениям: логике мышления и поведения людей в различных социальных отношениях, мотивах, целях и ценностным ориентирам их действий в социально значимых ситуациях. Не менее важным для социального номинализма является объяснение процесса формирования социальной реальности. При этом объяснению подлежит не только возникновение различного рода общностей, но и природа идеальных предметов, регулирующих и направляющих социальные действия людей. Первая задача решается социальным номинализмом путем признания социальных образований в качестве результатов деятельности, а вернее, взаимодействия индивидов. В противоположность реализму, полагающему, что основанием объективного существования социальных институтов и макросоциальных процессов служит объективация присутствующего в человеке идеального начала, социальный номинализм настаивает, что идеальное есть результат обобщения получаемого индивидом опыта. Признание эмпирической обусловленности как социальных явлений, так и идеальных предметов приводит к тому, что социальный номинализм интересуется не столько целью, сколько причина возникновения отдельных общественных предметов и процессов и социальной реальности в целом. При этом термин «причина» в силу избрания номинализмом социального действия в качестве простейшего элемента социальной реальности следует понимать субъективно, как мотив актора.

Отсюда следует, что социальная реальность в целом с точки зрения номинализма есть не что иное, как переживание социальных действий. Ярче всего номиналистическое понимание социальной реальности было выражено А. Шюцем в его работе «Методология социальных наук»: «Социальный мир, в котором я живу, будучи связанным многочисленными отношениями с другими людьми, является для меня объектом, который я интерпретирую как значимый. Он наделен для меня смыслом, но точно также я

уверен в том, что он наделен смыслом и для других людей тоже. Далее, я предполагаю, что мои действия, ориентированные на других людей, будут пониматься ими аналогично тому, как я понимаю поступки других людей, ориентированные на меня. Более или менее наивно я предполагаю существование общей схемы соотнесения для действий моих и других людей. Более всего меня интересует не внешнее выражение поведения других, не выполняемые ими жесты или телесные движения, а их намерения, а это означает, что, прежде всего, меня интересуют мотивы-для, ради которых они действуют, и мотивы-потому что, на которых основаны их действия» [5, с. 109–110].

Признание социальной реальности в качестве совокупности различных видов социальных действий делает невозможным однозначное установление универсальных закономерностей. По этой причине социальные изменения в номинализме связываются с осознанием своих прав и интересов. Превращение субъектов в главную движущую силу социальных изменений потребовало от представителей социального номинализма обращения к анализу социального мышления и поведения индивида. При этом структура социального мышления и поведения рассматривается в качестве внутреннего механизма социального развития. Это означает, что логика развития социального мышления людей играет в номинализме ту же роль, что и закономерности развития социальной системы в реализме.

Рассмотрение индивида в качестве элемента социальной реальности и субъекта социальных изменений делает закономерным выбор номинализма в пользу атрибутивно-реляционной концепции политической власти. Согласно данной концепции природа политической власти представляет собой актуализацию определенной способности человека: воли, силы убеждения, способности быть полезным и т.д. В качестве примера атрибутивно-реляционного понимания власти можно привести концепцию американского политолога Г. Моргентау [6], которая хотя и получала наименование политического реализма, основана, тем не менее, на принципах социального номинализма.

Так, согласно Моргентау, человек представляет собой сложное и противоречивое существо, одним из аспектов которого является воля к власти. Данное стремление и является основанием для существования политика как автономной сферы социального бытия. В свою очередь, субъектами политической жизни высту-

пают национальные государства, отстаивающие на международной арене свои интересы, под которыми Моргентау понимает стремление к могуществу. Борьба субъектов международной политики не определяется ни универсальными законами развития социальной жизни, ни сверхтребованиями морали, и потому она, с одной стороны, непредсказуема, а с другой – не позволяет игрокам политической сцены рассматривать себя в качестве воплощения абсолютного разума или добра. Таким образом, согласно Моргентау политическая жизнь – это установление строгого баланса сил действующих субъектов.

Завершая краткий анализ номиналистического обоснования политической власти, следует подчеркнуть, что его главный недостаток заключается в неспособности объяснить логику функционирования макросоциальных явлений и процессов посредством обращения к деятельности индивида. Критикуя социальных номиналистов за неспособность решить данную задачу, Н. Элиас подчеркивал: «Когда они изучают различные виды литературы, то ищут того человека, который дал образец другим. Когда они сталкиваются с образованиями, для которых этот вид объяснения затруднителен – такими, как язык или государство, то ведут себя так, как будто эти исторические образования можно объяснить таким же точно образом, как и те, что были планомерно созданы отдельными людьми для определенных целей. Например, они утверждают, что цель языка – это достижение взаимопонимания между людьми или что цель государства – поддержание порядка, словно бы язык или организация определенных человеческих объединений в форме государств были в ходе человеческой истории действительно планомерно созданы отдельными людьми для определенных целей. Довольно часто они просто остаются в недоумении перед миром социальных явлений, который очевидно нельзя объяснить при помощи этого образца, такими к примеру, как изменение стиля в искусстве или процесс цивилизации» [3, с. 15–16]. Проецируя критику номиналистического объяснения макросоциальных явлений и процессов на обоснование политической власти в данном способе мышления, можно утверждать, что оно успешно описывает механизм борьбы политических сил, но не может раскрыть логику эволюции политического процесса. Тогда как понимание последней имеет принципиальное значение для установления роли политической власти в процессе трансформации социальных структур.

-
1. Gurvitch G. *Traite de sociologie*. Paris, 1962.
 2. Mosca G. *Elementi di scienza politica*. Bari, 1953.
 3. Элиас Н. *Общество индивидов*. М., 2001.
 4. Вебер М. *Избр. произведения*. М., 1990.
 5. Щюц А. *Методология социальных наук // Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом*. М., 2004.
 6. Morgenthau Hans J. *Politics among nations. The struggle for power and peace*. 2nd ed. New York, 1955.

-
1. Gurvitch G. *Traite de sociologie*. Paris, 1962.
 2. Mosca G. *Elementi di scienza politica*. Bari, 1953.
 3. Elias N. *Society of individuals*. Moscow, 2001.
 4. Weber M. *Sel. works*. Moscow, 1990.
 5. Shhjud A. *Methodology of the social sciences // Shhjud A. Favorite: the World, a glowing sense*. Moscow, 2004.
 6. Morgenthau Hans J. *Politics among nations. The struggle for power and peace*. 2nd ed. New York, 1955.

Федорова Яна Владимировна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры информационных технологий и защиты информации
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
(e-mail: fyv21@mail.ru)

Попова Людмила Константиновна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры информационных технологий и защиты информации
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
(e-mail: popova-plk@mail.ru)

Методические подходы к анализу информационной безопасности инфраструктуры корпоративного сектора

Проблема защищенности корпоративных информационных систем актуальна сегодня как никогда. Важной задачей является приведение российских стандартов в соответствие с международными, отражающими международный уровень информационной безопасности. В Российской Федерации на сегодняшний день практически отсутствуют факторы количественного измерения, учитывающие различные воздействия на информационные активы. В результате достаточно сложно, а зачастую и невозможно оценить качество функционирования всей бизнес-системы корпорации.

Ключевые слова: информационная безопасность, корпоративный сектор, комплексный подход, защита активов.

Ya.V. Fedorova, Master of Economics, Assistant Professor of a Chair of Information Technologies and Information Protection of the Rostov State University of Economics (RSUE); e-mail: fyv21@mail.ru;

L.K. Popova, Master of Economics, Assistant Professor of a Chair of Information Technologies and Information Protection of the Rostov State University of Economics (RSUE); e-mail: popova-plk@mail.ru

Methodological approaches to the analysis of the information security of infrastructure of the corporate sector

The problem of protection of corporate information systems today is as relevant as ever. An important task is to bring Russian standards in line with international, reflecting the international level of information security. In the Russian Federation today is almost a complete lack of quantitative indicators, taking into account both random and intentional exposure to information assets. The result is quite difficult, and often impossible, to assess the quality of functioning of the entire business system of corporation.

Key words: information security, corporate sector, integrated approach, asset protection.

Проблема защищенности корпоративных информационных систем актуальна сегодня как никогда. В средствах массовой информации регулярно появляются сообщения о том, как крупнейшие компании теряют деньги и доверие партнеров из-за взлома их информационных систем. При этом каждая из этих компаний вкладывает крупные денежные суммы в информационную безопасность. Однако защита информации может быть весьма дорогостоящей, но при этом неэффективной: ее надежность зависит не только от объема инвестиций, но и от того, как она организована.

Для того чтобы эффективно защитить информационную систему компании от взлома, необходимо управлять уязвимостями и контролировать соответствие требованиям стандартов.

Стандарты информационной безопасности – это обязательные или рекомендуемые к выполнению документы, в которых определены подходы к оценке уровня ИБ и установлены требования к безопасным информационным системам.

Согласно Федеральному закону № 184-ФЗ «О техническом регулировании» целями стандартизации являются:

повышение уровня безопасности жизни и здоровья граждан, имущества физических и юриди-

ческих лиц, государственного и муниципального имущества, повышение уровня экологической безопасности, безопасности жизни и здоровья животных и растений;

обеспечение конкурентоспособности и качества продукции, единства измерений, рационального использования ресурсов, взаимозаменяемости технических средств, технической и информационной совместимости, сопоставимости результатов исследований, технических и экономико-статистических данных, проведения анализа характеристик продукции, исполнения государственных заказов;

содействие соблюдению требований технических регламентов;

создание систем классификации и кодирования технико-экономической и социальной информации, систем каталогизации продукции (работ, услуг), систем обеспечения качества продукции (работ, услуг), систем поиска и передачи данных, содействие проведению работ по унификации.

Основными областями стандартизации информационной безопасности являются:

- аудит информационной безопасности;
- модели информационной безопасности;
- методы и механизмы обеспечения информационной безопасности;
- криптография;
- безопасность межсетевых взаимодействий;
- управление информационной безопасностью.

Существуют российские стандарты информационной безопасности (ГОСТ Р ИСО/МЭК 15408, ГОСТ Р 51275 и др.), причем Федеральный закон № 184-ФЗ «О техническом регулировании» декларирует принцип «применения международного стандарта как основы разработки национального стандарта, за исключением случаев, если такое применение признано невозможным вследствие несоответствия требований международных стандартов климатическим и географическим особенностям Российской Федерации, техническим или технологическим особенностям либо Российская Федерация в соответствии с установленными процедурами выступала против принятия международного стандарта или отдельного его положения».

Необходимость следования некоторым стандартам информационной безопасности закреплена законодательно. Однако и добровольное выполнение стандартов очень полезно и эффективно, поскольку в них описаны наиболее качественные и опробованные методики и решения.

Процесс исследования и разработки информационных и телекоммуникационных сетей и си-

стем, а также использование различных информационных и телекоммуникационных продуктов, средств и технологий выходят на качественно новый уровень, требующий исследования и анализа концепции и методологии обеспечения информационной безопасности корпоративного сектора. Появляется необходимость создания защищенной информационной инфраструктуры бизнеса, безопасного функционирования не только системы автоматизации электронного документооборота, но и всей корпоративной, территориально распределенной системы ведения бизнеса в современных условиях.

Следовательно, меняется и само понятие инфраструктуры. В состав информационной инфраструктуры теперь включают как основные телекоммуникационные системы и сети, так и сами права на объекты информационных активов корпорации, совокупность которых обеспечивает ей конкурентные преимущества.

И в России темпы роста IT-рынка, по оценкам экспертов [1, с. 372], в последнее время превышают 10% в год, что говорит о позитивной динамике и перспективах рынка. Что касается сектора информационной безопасности (ИБ), то, для сравнения, он растет более чем на 25% в год. Но если в развитых странах на обеспечение комплексной безопасности корпораций выделяется в среднем до 25% годовой прибыли, в том числе и на безопасность в информационной сфере, то в России на эти цели расходуется менее 1% прибыли, хотя и понимается необходимость защиты информационной инфраструктуры бизнес-процессов.

На сегодняшний день нет четко разработанной методологии оценки обеспечения безопасности корпоративных информационных активов с точки зрения корпораций, финансовых посредников, финансовых рынков.

Под информационной безопасностью следует понимать защищенность информационных активов как части нематериальных активов от всякого рода воздействий естественного или искусственного характера, представляющих угрозу ущерба для пользователей. Защита этих активов должна осуществляться на принципах целостности, доступности и конфиденциальности.

В Российской Федерации на сегодняшний день практически полностью отсутствуют количественно измеряемые параметры, учитывающие различные воздействия на информационные активы. В результате довольно сложно, а зачастую и невозможно оценить качество функционирования всей бизнес-системы корпорации и, соответственно, определить полезность альтернативных вариантов.

В связи с этим потребность в создании концепции методологии обеспечения информационной безопасности корпоративного сектора становится все более очевидной и актуальной, поскольку речь идет и о величине инвестиций в информационную безопасность и защиту активов, а также экономической целесообразности таких вложений.

Основной задачей исследования являются изучение и разработка комплексного подхода и методики проведения анализа защищенности корпоративной инфраструктуры.

Первоначальным моментом в оценке информационной инфраструктуры корпоративного сектора является определение требований и ограничений к системе защиты на основе выявления и анализа возможных угроз информационной безопасности.

Информационная безопасность всей бизнес-системы будет обеспечена, если по всем различным ресурсам информационной инфраструктуры корпорации достигается определенный уровень конфиденциальности [2]. Соответственно, необходимо оценивать три вида угроз: нарушение конфиденциальности, нарушение целостности и угрозу отказа служб.

Одними из самых распространенных и потенциально опасных являются непреднамеренные ошибки пользователей и других лиц, непосредственно работающих с информационными ресурсами корпорации. Такие ошибки, как правило, либо являются прямыми угрозами, либо делают уязвимой систему защиты информации. По статистике, 65% потерь – следствие непреднамеренных ошибок [2].

Вторым этапом в реализации предлагаемой оценки информационной инфраструктуры корпоративного сектора является обоснование методологии информационной безопасности.

На следующем этапе необходимо обоснование системы защиты и снижения риска ущерба. В этом вопросе управление безопасностью предполагает согласованное решение задач управления, финансирования, управления рисками, обучения и контроля, аудита и мониторинга.

Работа с инцидентами включает в себя 3 направления:

выявление инцидентов в области информационной безопасности;

реакция на инциденты в области информационной безопасности;

предупреждение инцидентов в области информационной безопасности.

Выявление необходимой и достаточной степени обеспечения информационной безопасности корпорации должно исходить из того, что абсолютную защиту создать нельзя, что система защиты информации должна быть комплексной и адаптируемой к изменяющимся условиям.

Для создания условий информационной безопасности корпорации необходимо, чтобы, во-первых, ее система была составляющей частью всей бизнес-системы корпорации; во-вторых, комплексный подход использовался на всех этапах и в процессе оценки стоимости средств защиты информации в составе информационных активов корпорации; в-третьих, учитывалась возможность изменения законодательных и нормативных актов, нормативно-справочной информации, отраслевых стандартов [3].

При организации защиты IT-инфраструктуры компании часто возникают сложности: информационные системы становятся все сложнее и разнороднее, а атаки на них – все более изощренными. При этом ошибки в конфигурации делают систему уязвимой.

Для крупного бизнеса и особенно для организаций, работающих с конфиденциальными данными, потребность в информационной безопасности назрела давно, однако по-настоящему эффективные комплексные решения появились и начали внедряться относительно недавно.

Для того чтобы схема эффективно работала, необходимо придерживаться некоторых формальных принципов, которые необходимо принять в компании. Международный стандарт ISO 27001:2005 говорит о необходимости вовлечения высшего руководства в процессы создания и управления системы ИБ, без этого идея создания системы мониторинга и управления инцидентами обречена на провал.

1. Федорова Я.В., Рогачев А.Ф. Процессный подход к нечеткому моделированию безопасности эколого-экономических систем // Экология. Экономика. Информатика (7–12 сент. 2014 г.): сб. ст. Системный анализ и моделирование экономических и экологических систем. Ростов н/Д, 2014.

1. Fedorova Ya.V., Rogachev A.F. Process approach to fuzzy modeling security ecological-economic systems // Ecology. Economics. Informatics (Sept. 7–12, 2014): coll. of papers. System analysis and modelling of economic and ecological systems. Rostov-on-Don, 2014.

2. Хубаев Г.Н. Оценка времени вскрытия защиты информационных систем: статистический подход // Проблемы экономики. 2008. № 6. С. 135–138.

3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утв. решением Президента РФ от 9 сент. 2000 г. № Пр-1895 // Рос. газ. 2000. 28 сент.

2. Khubaev G.N. Estimated time of opening of protecting information systems: a statistical approach // Problems of economics. 2008. № 6. P. 135–138.

3. The Information security doctrine of the Russian Federation: approved with decision of the President of the Russian Federation of Sept. 9, 2000 № PR-1895 // Rus. newsp. 2000. Sept. 28.

Шевченко Ольга Павловна
кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента и мировой экономики
Краснодарского филиала Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова
(тел.: +79184444567)

Применение технологий менеджмента знаний в целях повышения эффективности деятельности организации

В статье представлен материал, посвященный использованию технологий менеджмента знаний в целях повышения конкурентоспособности организации. Автор рассматривает краудсорсинг как сотрудничество между компанией и специалистами, при котором сообщество людей с различными знаниями и профессиональным опытом способствует получению компанией конкурентных преимуществ.

Ключевые слова: инновационная сфера, интеллектуальная сфера, менеджмент знаний, краудсорсинг, ранжирование профессионалов, показатель эффективности.

O.P. Shevchenko, Master of Economics, Assistant Professor of a Chair of Management and World Economy of the Krasnodar branch of the Plekhanov Russian University of Economics; tel.: +79184444567.

The use of technology knowledge management in order to improve the efficiency the activities of the organization

The article presents the material on the use of knowledge management technologies to improve the competitiveness of the organization. The author considers crowdsourcing as a collaboration between the company and experts in which a community of people with different knowledge and expertise helps to ensure a company's competitive advantages.

Key words: innovation sphere, intellectual sphere, knowledge management, crowdsourcing, ranking professionals, performance indicator.

Развитие экономики сегодня все больше зависит от качества человеческого капитала, состояния национальной инновационной системы, а также от степени использования высоких технологий в производстве. Как следствие, конкурентоспособность экономики в целом и компаний в частности определяется степенью развития инновационной сферы и сферы знаний. С каждым годом удельный вес наукоемких, высокотехнологичных товаров и услуг в общем объеме мирового валового продукта стремительно растет. Вновь созданная стоимость определяется уже не столько физическими, сколько интеллектуальными ресурсами, знаниями, заложенными в новых продуктах, услугах и формах взаимодействия с потребителями.

Стремительное развитие технологий, нарастающая с каждым днем конкуренция в области инноваций и, как следствие, повышение связанных с ними рисков приводят к необходимости внедрения технологий менеджмента знаний

в целях повышения конкурентоспособности организаций.

Ключевым фактором получения компаниями конкурентных преимуществ являются знания, воплощенные в новых продуктах, услугах, новых подходах к производству и управлению. Знания – это прежде всего мысли и опыт, подходы и идеи относительно того, как должно быть организовано производство, каким должен быть продукт, чтобы удовлетворять все возрастающие потребности человека. Эти знания проявляются в навыках и умениях людей и закрепляются в виде организационной культуры, брендов, патентов, лицензий, организационных структур, методов взаимодействия предприятий и учреждений, т.е. в виде интеллектуального капитала.

Система управления знаниями создает в корпорации единое информационное пространство, организует совместную работу сотрудников для приобретения, представления и обмена знаниями, предоставляет доступ к единой корпоративной базе знаний и создает условия

для эффективного использования знаний персонала в общих интересах. Эта система организует управленческие действия на базе всех информационных ресурсов корпорации. Для использования этих ресурсов требуется набор специализированных продуктов, инструментов и платформ [1, с. 211–212].

Как известно, именно технологии являются основой менеджмента знаний, посредством которых развиваются информационные и коммуникативные ресурсы организации, позволяя генерировать, распространять и использовать знания, необходимые для получения конкурентных преимуществ.

Определенная часть знаний является общественным благом и поэтому не может быть предметом купли-продажи, именно по этой причине многие компании на сегодняшний день начали использовать нерыночные подходы, при которых происходит социально полезное распространение знаний. Компании становятся инициаторами создания сетей знания, привлекая к участию в них как научные учреждения, так и независимых исследователей, становясь при этом их центральным звеном. Примером подобных нерыночных подходов могут служить открытые инновации, в основе которых лежит свободный обмен знаниями, исходящими из различных источников, как внутри, так и вне компании, где потребители берут на себя ведущую роль при адаптации и внедрении существующей технологии таким образом, чтобы обновленные продукты и услуги лучше соответствовали потребностям пользователей.

Большую популярность также приобретает краудсорсинг – своеобразное сотрудничество между компанией и специалистами, при котором сообщество людей с различными знаниями и профессиональным опытом принимает участие и вносит вклад в решение тех или иных задач, существенным образом способствует получению компанией конкурентных преимуществ.

Краудсорсинг является способом привлечения коллективного разума разнообразных индивидов к решению проблемы организации, достижению ее продуктивных целей. Этот термин был введен в оборот Джеффором Хоувом (Jeff Howe) в журнале «Wired» 2006 г., чтобы «описать новую модель бизнеса, использующего творческие возможности распределенных в веб-сети людей путем открытого призыва их к внесению предложений».

Идея коллективного интеллекта используется также для совершенствования работы отделов исследований и разработок в больших, признанных компаниях – в виде процесса, известного

под названием «открытая инновация». Многие из таких организаций поняли, что вне стен их корпоративных знаний находится больше экспертов, чем внутри. В самом деле, с 1970 по 1992 г. количество патентов, полученных малыми фирмами и отдельными изобретениями, выросло с 5% до 20%. В результате многие корпорации стали все чаще прибегать к внешним источникам, подпитывая и дополняя собственные усилия по опытно-конструкторским разработкам [2].

Помимо стандартных возможностей контактов с коллегами, экспертная сеть должна предоставлять единые информационные сервисы, необходимые при работе в данной конкретной отрасли. В первую очередь это удобный облачный сервис публикации научных работ, предполагающий автоматическое оформление статьи или отчета в соответствии с универсальным стандартом, который может быть легко изменен для конкретного журнала или конференции. Многие из подобных сервисов уже предоставляются провайдерами облачных сервисов, но пока рассчитаны на широкую аудиторию и малофункциональны. Экспертная сеть должна давать бесплатный доступ к информационным базам публикаций, оцифрованных для возможности чтения в виде электронных книг. Электронные книги и статьи должны позволять легко сохранять цитаты и ссылки на них, которые могут быть использованы, в том числе, и для цитирования.

Основным сервисом экспертной сети должна стать услуга ранжирования профессионалов. Рейтинг является общественной оценкой уровня профессионализма эксперта и поэтому должен иметь официальный статус, что требует государственной поддержки самих сетей. Де-факто по принципу экспертных сетей сейчас организована наука: ученые степени присуждаются самим сообществом, но верифицируются государством в лице ВАК, а рейтинг профессионалов оценивается, например, по индексу цитируемости.

Экспертные сети представляют собой отдельный класс информационных систем в области коллективной работы, характеристики которого отличаются от характеристик социальных сетей и корпоративных информационных систем. Экспертные сети имеют особые характеристики и, в отличие от социальных сетей и корпоративных информационных систем, должны поддерживаться национальными правительствами, поскольку являются частью системы автоматизации научной и образовательной деятельности, и уже на основе государственной поддержки должны подчиняться международным структурам. Именно эта особенность тормозит развитие

экспертных сетей, поскольку национальная опека лишает производителей таких сетей конкуренции, а государства пока не ставят высокий приоритет развитию экспертных сообществ в рамках своих программ построения информационного общества. В первую очередь это касается России, где декларация необходимости вовлечения широкого круга экспертов в управление государством расходится с практикой – «российская власть пока не заинтересована или не умеет задействовать потенциал экспертных сообществ».

Мир находится на этапе серьезной ресоциализации общества, когда современные коммуникационные возможности позволяют людям формировать новые социальные конфигурации. Если этими процессами не управлять, то они могут сами стихийно управлять обществом, как это показали революции в странах третьего мира. Энергия масс, организованная в социальные сети, способна на многое в политической жизни, а организованное знание представляет собой более мощную силу, чем сила толпы.

Организация является социотехнической системой, где социальная подсистема включает в себя как сотрудников компании, так и социальные атрибуты, которые определяют систему коммуникации между сотрудниками, такие как индивидуальные качества, как установка, убеждение, способности и отношения внутри и между различными группами. С другой стороны, техническая подсистема компании включает механизмы и процессы, посредством которых происходят обработка и передача информации и знаний. Например, оборудование, техника, методики, процедуры и хранилища данных.

Поэтому, для того чтобы используемые технологии менеджмента знаний были эффективны и способствовали получению конкурентных преимуществ, необходимо выстроить систему управления знаниями в организации, учитывающую и социальную, и техническую подсистему организации.

Обоснована целесообразность создания корпоративных интернет-сообществ с целью привлечения клиентов, информирования их о последних новостях компании и получения обратной связи; формирования виртуальной сети знания и инноваций, объединяющей как отдельных экспертов из различных областей знания, так и научные институты в целом, а также компании, являющиеся потребителями знаний и информации. На примере компаний – инновационных посредников автором предложено в качестве фактора повышения конкурентоспособности организовать подоб-

ную интерактивную площадку, которая будет представлять собой сеть знаний и инноваций и объединять участников процесса создания и обмена знаниями и инновациями.

Необходимо использовать инструменты развития процессов создания и обмена знаниями в организациях. В частности, посредством вовлечения сотрудников в социальную коммуникационную сеть, ее визуализации, структурирования взаимодействия в сети, сближения позиций и интересов участников сети, облегчения межличностной коммуникации предлагается стимулировать процессы формирования и развития внутриорганизационных сообществ, таких как сообщества по интересам, профессиональные сообщества (сообщества практики) и сообщества одной цели. Также рекомендуются мероприятия по поддержанию сообщества в организациях, включающие: легитимизацию участия в сообществах, обсуждение стратегического контекста деятельности сообщества, усиление существующей компетенции и навыков сотрудников, совершенствование компании, обеспечение ресурсной поддержки сообществам.

В дополнение к существующим методикам необходимо оценивать показатель эффективности через соотношение прироста интеллектуального капитала организации, выраженного в оценке прироста экономически добавленной стоимости компании до и после внедрения технологий менеджмента знаний, к совокупным затратам на внедрение и использование технологий менеджмента знаний.

Решение комплексной задачи выбора типа и количества моделей, средств и методов моделирования с учетом ограничений предметной области – ключ к созданию методологии эффективных систем менеджмента качества знаний [3, с. 12].

В последние годы произошли крупные изменения в экономике и бизнесе, которые стимулировали интерес к управлению знаниями. К ним можно отнести следующие:

а) знания становятся основным ресурсом экономического развития и роста;

б) базирующиеся на знаниях отрасли становятся ведущими;

в) знания занимают все больший удельный вес в структуре стоимости продуктов и услуг.

Менеджмент знаний:

1) трансформирует их в практику работы организаций; поиск лучшего опыта и его использование становятся ключевой стратегией развития организаций;

2) формирует и развивает знания о клиентах с помощью построения соответствующих баз

данных, профилей потребителей, систем поддержки продаж;

3) сегодня, когда знания представляют собой реальную власть, эта власть постепенно перемещается к потребителям, предоставляя им возможность сильно воздействовать на продавцов и производителей;

4) формирует и использует интеллектуальный капитал организации (человеческий, организационный, потребительский), повышает отдачу имеющихся нематериальных активов, распространяет результаты НИОКР на сходные проекты;

5) создает условия для получения новых знаний и внедрения инноваций, содействует формированию инновационного климата, поддерживает конкретные инновационные проекты.

Для успешного осуществления менеджмента знаний необходимы:

хорошая технологическая инфраструктура, позволяющая с помощью коммуникаций эффективно переносить и распространять знания;

высокая организационная культура, способствующая переносу знаний от одного работника и подразделения к другим;

непрерывное и квалифицированное обучение персонала.

Управление знаниями для каждой организации дает возможность:

быстрее отвечать на требования клиентов с помощью более эффективных инновационных решений и препятствовать тому, чтобы клиенты искали эти решения у конкурентов;

быстрее воплощать инновации в продукты с тем, чтобы поставить их клиентам;

использовать интеллектуальные активы партнеров, осуществляя совместную техническую, функциональную, отраслевую экспертизу;

ускорять обучение и передачу навыков для персонала;

экономить ресурсы за счет повторного использования однажды найденных решений.

1. Абдикеев Н.М., Киселев А.Д. *Управление знаниями корпорации и реинжиниринг бизнеса: учеб. / под науч. ред. Н.М. Абдикеева. М., 2011.*

2. Бэйкер Дэн. *Инновация модели бизнеса через краудсорсинг с использованием социальных сетевых платформ // Проблемы управления в социальных системах. 2012. № 6. С. 87–99.*

3. Серенков П.С., Курьян А.Г., Волонтей В.П. *Методы менеджмента качества. Процессный подход. М.; Минск, 2014.*

1. Abdikeyev N.M., Kiselev A.D. *Management of corporation knowledge and reengineering of business: textbook / sci. ed. by N.M. Abdikeyev. Moscow, 2011.*

2. Baker Dan. *Business model innovation through crowdsourcing, using social networking platforms // Problems with the board in social systems. 2012. № 6. P. 87–99.*

3. Serenkov P.S., Kurian A.G., Volontey V.P. *Methods of management quality. Process approach. Moscow; Minsk, 2014.*

Баркалов Сергей Николаевич

кандидат педагогических наук, доцент,
начальник кафедры физической подготовки и спорта
Орловского юридического института МВД России
им. В.В. Лукьянова
(тел.: +79606548035)

Герасимов Игорь Викторович

кандидат педагогических наук,
заместитель начальника кафедры физической подготовки и спорта
Орловского юридического института МВД России
им. В.В. Лукьянова
(тел.: +79102009089)

Физическая подготовка курсантов образовательных организаций МВД России: состояние, проблемы и пути совершенствования

В статье рассматриваются основные направления совершенствования физической подготовки и пути их реализации с учетом обеспечения практической направленности обучения в образовательных организациях МВД России.

Ключевые слова: физическая подготовка, курсанты образовательных организаций МВД России, практическая направленность обучения.

S.N. Barkalov, Master of Pedagogics, Assistant Professor, Head of a Chair of Physical Training and Sports of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79606548035;

I.V. Gerasimov, Master of Pedagogics, Deputy Head of a Chair of Physical Training and Sports of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79102009089.

Physical training of cadets of educational organizations of the Ministry of the Interior of Russia: condition, problems and ways to improve

This article discusses key issues of improving physical training and ways to implement them with a view to ensure the practical orientation of training in educational organizations of the Ministry of the Interior of Russia.

Key words: physical training, cadets of educational organizations of the Ministry of the Interior of Russia, practical orientation of training.

Физическая подготовка в образовательных организациях МВД России является составной частью системы ведомственного образования, неразрывно связанную с процессами, происходящими в общественно-политической и социально-экономической жизни государства. Принципиальные изменения базисных характеристик современного общества, возрастание объема и усложнение задач, решаемых органами внутренних дел, изменение качественных параметров преступности обуславливают потребность уточнения достаточной готовности сотрудников к эффективной правоохранительной деятельности.

Сегодня специалисты отмечают низкий уровень такой готовности выпускников вузов МВД России и призывают к модернизации и повышению эффективности профессиональной, в том числе физической, подготовки [1, с. 84].

Опыт показывает, что недооценка значимости физической готовности личного состава часто приводит к неоправданным потерям и грубым профессиональным ошибкам. Зачастую причины такого положения дел кроются не только в недостаточной правовой подготовленности и защищенности сотрудников, но и в отсутствии у них твердых навыков применения боевых приемов борьбы, огнестрельного оружия и спе-

циальных средств, а также из-за беспечности, пренебрежения установленными правилами и несоблюдения безопасной тактики действий. В результате в сложных ситуациях оперативно-служебной деятельности некоторые сотрудники не способны быстро оценивать обстановку и мгновенно принимать правильное решение. С другой стороны, установлено, что уверенное владение табельным оружием и боевыми приемами борьбы, тактически грамотное их применение, знание и соблюдение требований личной безопасности в значительной степени снижает возможность возникновения таких ситуаций [1, с. 88–89].

В связи с этим специалисты отмечают реальную потребность в создании и внедрении активных технологий обучения, направленных на интенсификацию подготовки кадров для органов внутренних дел, максимальное приближение обучения к практическим нуждам. На это неоднократно обращало внимание руководство министерства, соответствующие требования получили свое отражение в решениях коллегий МВД России, в Концепции совершенствования профессиональной подготовки кадров в органах внутренних дел Российской Федерации, где четко обозначено приоритетное направление системы профессионального образования – усиление практической направленности преподаваемых дисциплин с максимальным приближением содержания образовательного процесса к специфике задач, выполняемых органами внутренних дел.

Реализация этих требований в контексте определения основных направлений совершенствования физической подготовки в системе высшего образования МВД России может выглядеть следующим образом.

1. Совершенствование содержания и форм физической подготовки с учетом специфики предстоящей служебной деятельности выпускников вузов МВД России. Это направление сегодня актуализировано проведением в стране реформ, направленных на успешное осуществление правоохранительной деятельности. Корректировка структуры и функций органов внутренних дел, модернизация их материально-технического обеспечения обуславливают изменение содержания, характера и условий служебной деятельности сотрудников. Современная структура ОВД настолько сложна и многогранна, что говорить о подготовке универсальных специалистов просто неуместно. Сегодня востребованы квалифицированные специалисты в конкретных областях деятельности – настоящие профессионалы в своем

деле. Сформированный для этих целей в системе высшего образования МВД России комплекс специальностей, специализаций и профилей подготовки (их перечень постоянно корректируется, появляются новые направления подготовки) обуславливает необходимость дифференцированного подхода в обучении, учитывающего весь спектр особенностей будущей служебной деятельности выпускников. В первую очередь, это связано со специфичностью профессиональных знаний, необходимых в разных сферах правоохранительной деятельности. Однако не вызывает сомнений и то, что каждая конкретная служебная деятельность зачастую специфична еще и по структуре, условиям службы, по предъявляемым требованиям к физическим и психическим качествам, психофизическим функциям организма, к двигательным умениям и навыкам. Поскольку многое из перечисленного достигается в процессе физической подготовки, то эта дисциплина справедливо составляет один из основных компонентов подготовки специалистов системы МВД России. Логично, если эта неперемнная составляющая образовательного процесса в вузах МВД России будет строиться с учетом специфики предстоящей служебной деятельности выпускников. Данное направление актуализируется также тем, что в последнее время ведомственные вузы переориентируются на профильную подготовку кадров. К примеру, Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова более пяти лет специализируется на подготовке специалистов для подразделений Госавтоинспекции, что, несомненно, требует определенной корректировки образовательного процесса.

2. Комплексование средств физической, огневой и тактико-специальной подготовки на основе совершенствования межпредметных связей. Следует отметить, что, организуя указанные виды подготовки в образовательных организациях МВД России, необходимо не только формировать отдельные профессионально важные качества и навыки курсантов и слушателей, но и проводить специальную работу по их комплексному проявлению, что определяется содержанием профессиональной деятельности и, в частности, характерно для ситуаций самозащиты, преследования и задержания правонарушителей. Реализуя это направление, надо разрабатывать и использовать на занятиях научно обоснованные комплексные упражнения в рамках отдельных дисциплин, а также организовывать и проводить комплексные междисциплинарные занятия и/или специально организуемые интегративные спецкурсы.

3. Моделирование в ходе занятий по физической подготовке реальных условий и ситуаций службы. Это направление, прежде всего, предполагает изучение таких ситуаций и условий. Для дальнейшего моделирования в образовательном процессе отбираются наиболее типичные из них. Выделяют два взаимосвязанных подхода к подобному рода моделированию: первый – воспроизведение внешней картины с помощью приближения условий занятий к реальной обстановке оперативно-служебной деятельности; второй – максимальное приближение внутренних (психофизических) условий занятий к тем, что бывают на практике, для этого используются элементы риска, внезапности, быстрого изменения обстановки, противодействия и борьбы, упражнения выполняются с высокой скоростью и темпом, используется массированное воздействие других сбивающих факторов.

Нельзя сказать, что обозначенные проблемы являются принципиально новыми. Уже довольно продолжительное время некоторые из указанных направлений активно реализуются. Неоднократно предпринимались попытки изучения и учета тех или иных аспектов службы при разработке методик физической, огневой и тактико-специальной подготовки [2; 3]. Анализ практики применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия позволил специалистам определить структуру физической и огневой подготовленности, а также модельные характеристики сотрудников для эффективного силового пресечения преступлений и правонарушений [4; 5]. Ведется работа над научным обоснованием комплексных физических упражнений и упражнений стрельбы, выполняемых в нестандартных условиях на фоне физических и психических нагрузок [6, с. 44–48; 7, с. 138–140]. Разрабатываются программы, содержание и формы преподавания интегративных спецкурсов и дисциплин [8, с. 48–52]. Довольно широкое распространение получила практика моделирования в ходе занятий условий и ситуаций службы, проведения профессиональных тренингов, учений и ситуативно-ролевых игр [9, с. 99–108; 10, с. 131–134].

При исследовании служебно-боевой деятельности сотрудников ОВД специалистами установлено, что специфика этой деятельности связана с высоким нервно-эмоциональным напряжением, а также комплексным проявлением в достаточно короткий отрезок времени широкого спектра значимых для успешных действий в ситуациях непосредственного психологического воздействия и единоборства с правонарушителем двигательных навыков и качеств [1, с. 85–86;

10, с. 132]. Одним из перспективных направлений в решении обозначенной проблемы, на наш взгляд, является использование специальных комплексных средств обучения, позволяющих на основе межпредметного взаимодействия создавать достаточно высокий уровень нервно-эмоциональной напряженности посредством массированного использования различных сбивающих факторов: интенсивной физической нагрузки; элементов внезапности, опасности, риска, противоборства и соперничества; звуковых и световых раздражителей; различных воздействий, связанных с интенсивной нагрузкой на свойства внимания, памяти, мышления и т.п.

Наиболее эффективными в этом плане являются комплексные практические занятия на учебных полигонах, включающие в себя преодоление полосы препятствий, выполнение боевых приемов борьбы, стрельбу, рукопашный поединок, решение тактических задач по обеспечению личной безопасности, а также использование других средств усиления эмоциональной напряженности. Подобные занятия сейчас проводятся во многих вузах системы МВД России.

Основоположником их организации и проведения еще в Орловской средней специальной школе милиции («школе ГАИ») являлся доктор педагогических наук, профессор А.Ф. Калашников. Первоначально им была разработана, построена и апробирована специализированная полоса препятствий для сотрудников дорожно-патрульной службы. Она, помимо преодоления различных сооружений, включала в себя моделирование типичных служебных ситуаций: выполнение боевых приемов борьбы против правонарушителя, находящегося в автомобиле; осмотр транспортного средства; действия на макете места ДТП (оказание первой помощи, составление схемы ДТП, определение подлинности документов, регистрационных и маркировочных номеров, работа со средствами радиосвязи и усиления речи); стрельба из автомобиля с имитацией его движения; экстремальное вождение. Занятия проводились с участием преподавателей всех профильных дисциплин.

В дальнейшем в связи с произошедшими изменениями в системе ведомственного образования эта работа утратила свою системность. Тактико-специальная, огневая и физическая подготовка, ранее преподававшиеся на одной кафедре (цикле) и одними и теми же преподавателями, сейчас закреплены за разными кафедрами со штатом узкоспециализированных педагогов, как правило, из числа спортивных и военных специалистов. В результате между родственными дисциплинами был утрачен необ-

ходимый уровень взаимодействия. Физическая, огневая и тактико-специальная подготовка в настоящее время преподаются достаточно разрозненно, нет четкого представления, в какой последовательности, на каких этапах подготовки и каким образом должны интегрироваться эти дисциплины, не хватает квалифицированных специалистов, способных эффективно осуществлять межпредметное взаимодействие и комплексное обучение, отсутствует централизованная система подготовки, переподготовки и повышения квалификации таких специалистов, не осуществляется в полном объеме материально-техническое и методическое обеспечение комплексных межпредметных занятий.

В Орловском юридическом институте МВД России им. В.В. Лукьянова сегодня комплексные занятия проводятся на каждом курсе обучения (в зависимости от объема пройденного материала) в рамках дисциплины «Физическая подготовка» и регламентируются ее рабочей учебной программой. Реализация межпредметного подхода в учебном процессе по физической подготовке, прежде всего, обеспечивается его поэтапным проектированием и организацией с учетом специфики каждого из этапов. Так, на начальном (базовом) этапе обучения (1–3 семестры) для достижения адаптации первокурсников к новому для них виду деятельности и успешного овладения ими программного материала в процессе физической подготовки используются разнообразные средства и методы, направленные на повышение разносторонней физической подготовленности и закрепление навыков выполнения комплекса базовых боевых приемов борьбы.

На этапе специальной подготовки (4–6 семестры) на фоне разносторонней физической подготовленности решаются задачи развития наиболее важных для сотрудников ОВД психофизических качеств и формирования служебно-прикладных двигательных навыков, преимущественно с использованием так называемого «метода проблемно-ситуационного упражнения» [1, с. 87].

Этап комплексной подготовки (7, 8, 10 семестры) предполагает построение физической подготовки с учетом междисциплинарных связей, результатом чего должно являться формирование целостной готовности выпускников к эффективному, в том числе правомерному, применению мер принуждения в различных ситуациях оперативно-служебной деятельности. Комплексные занятия в рамках этого этапа проводятся с приглашением специалистов по физической, огневой, тактико-специальной

подготовке и другим дисциплинам. Учебные вопросы отрабатываются в ходе выполнения специальных комплексных заданий, разрабатываемых на основе межпредметного взаимодействия. Однако четкой системы в этой работе пока не выстроено.

Одним из направлений совершенствования данного процесса является модульное построение содержания образования. При таком подходе преподавание ведется не в виде отдельных, нередко изолированных друг от друга предметов, а в виде целостных модулей, которые имеют междисциплинарную основу и обладают полнотой и законченностью. При этом необходимо пересмотреть глубоко укоренившиеся «предметные» стереотипы, еще раз обратиться к структурно-логическим схемам преподаваемых дисциплин, более детально прописать интеграцию учебных дисциплин относительно решения образовательных задач. Другими словами, целостная служебно-боевая готовность должна обеспечиваться на основе глубокой интеграции в рамках единой структурно-логической схемы обучения дисциплинам физической, огневой и тактико-специальной подготовки. При этом должны активно использоваться знания, умения и навыки, полученные курсантами и слушателями при изучении других учебных дисциплин [8, с. 50–51]. Системообразующей здесь должна являться тактико-специальная подготовка, интегрирующая в себе практическую правовую, профессионально-психологическую, физическую, огневую и другие стороны подготовки, которые обеспечивают результативность действий в экстремальных ситуациях, заключающуюся в умении оценить обстановку и принять оптимальное решение на действия, предусматривающие, с одной стороны, правомерное решение оперативно-служебной задачи, с другой – обеспечение личной безопасности [1, с. 88; 10, с. 133].

Конкретизируя сказанное, для усиления практической направленности обучения дисциплине «Физическая подготовка» представляется целесообразным:

1. Реализуя метод проблемно-ситуационного упражнения на стадии закрепления и совершенствования материала по физической подготовке, задания на занятиях отрабатывать в форме комплексного решения конкретных (наиболее типичных) служебно-боевых задач с правом выбора курсантом по своему усмотрению использовать те или иные действия для выполнения задания с последующей оценкой их эффективности и правомерности. Такой подход предполагает не просто выполнение

отдельных заданий как самоцели, а формирование установки на успешный выход сотрудника из различных ситуаций оперативно-служебной деятельности. В этой связи необходимо разработать комплекты таких контрольно-обучающих заданий с привлечением специалистов тактико-специальной подготовки, административного, уголовного права и других дисциплин.

2. В целях достижения более высокого уровня подготовленности на занятиях по физической подготовке использовать не только метод стандартного повторения, но и метод вариативного упражнения, формирующего навык выполнения двигательного действия в любой обстановке. Применительно к боевым приемам борьбы этот метод на стадии закрепления предполагает: использовать различные подготовительные действия для проведения приема; проводить прием из различных исходных положений; повышать скорость атакующих действий партнера и силу его сопротивления; проводить прием на партнерах разного роста и веса; выполнять прием в различных комбинациях с другими приемами; проводить поединки (против невооруженного противника, вооруженного имитационным ножом или палкой, один против двоих или троих и т.п.) по правилам, предусматривающим во избежание травм различные ограничения и использование защитной экипировки.

3. Создавать на занятиях относительно высокий уровень нервно-эмоциональной напряженности и комплексировать различные средства обучения, которые формируют не отдельно взятые профессионально-прикладные качества и навыки, а специально обеспечивают их комплексное проявление в ограниченное время в условиях воздействия стресс-факторов.

4. Воспроизводить (моделировать) на занятиях ситуации и условия, максимально приближенные к реальным. Такая организация занятий предусматривает правовую оценку принимаемого решения, реализацию действий по тактике личной безопасности, преследование и задержание правонарушителя в различных условиях внешней среды: на местности, в том числе зимой, в помещении, автомобиле, в форменной одежде, в средствах бронезащиты и т.д.

5. Совершенствовать межпредметные связи посредством модульного построения со-

держания образования в рамках единой структурно-логической схемы обучения дисциплинам физической, огневой и тактико-специальной подготовки. Проводить межпредметные комплексные занятия (учения) и организовывать интегративные спецкурсы с целью формирования у курсантов и слушателей моделей эффективного, в том числе правомерного, применения боевых приемов борьбы, специальных средств и огнестрельного оружия для решения служебных задач и обеспечения личной безопасности в экстремальных ситуациях.

6. Развивать учебно-материальную базу, использовать в ходе занятий возможности естественных и искусственных полигонов, обеспечивающих приближение внешних условий занятий к реальным условиям оперативно-служебной деятельности. С этой целью необходимо разработать современные нормативы централизованного материально-технического и финансового обеспечения дисциплин служебно-боевой подготовки.

7. Совершенствовать систему подготовки, переподготовки и повышения квалификации преподавательских кадров с учетом межпредметного взаимодействия. Эффективнее использовать опыт практиков, привлекать к проведению занятий сотрудников подразделений, непосредственно осуществляющих задержание правонарушителей.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что рассмотренные направления совершенствования физической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России в основном можно отнести к технолого-методическим аспектам, но существуют и другие. Никакая методика не будет иметь положительного результата, если нет заинтересованного профессионального отношения профессорско-преподавательского состава к научно-педагогической деятельности, направленной на использование в учебном процессе инновационных образовательных технологий, последних достижений науки и практики; отсутствует современная материальная база, оснащенная необходимой аппаратурой, оборудованием и инвентарем; нет необходимого финансового, материально-технического, информационного и другого обеспечения.

1. Лавров В.Н. Высокий уровень физической и стрелковой подготовленности сотрудников как основа их личной безопасности // Совершенствование физической, огневой и тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Орел, 2010. Ч. 1.

1. Lavrov V.N. High level of physical training and shooting of employees as the basis of their personal safety // Improving physical, fire and tactical and special training for law enforcement: proc. of the All-Russian sci.-pract. conf. Orel, 2010. Pt. 1.

2. Баркалов С.Н., Баученков А.В., Хархардин О.В. Учет специфики служебной деятельности в огневой и физической подготовке сотрудников ОВД. Орел, 2006.

3. Калашников А.Ф. Проблема физической и психофизиологической подготовки специалистов для подразделений дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции России. Орел, 1997.

4. Морев Д.Г. Методика боевой подготовки курсантов вузов МВД России в условиях ограниченного пространства: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2001.

5. Ноздрачев В.В. Методика совершенствования боевой подготовки курсантов образовательных учреждений МВД России: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2000.

6. Купавцев Т.С. Интенсификация физической подготовки сотрудников МВД России на основе комплексных физических упражнений // Оптимизация учебно-воспитательного и тренировочного процесса в учебных заведениях высшего профессионального образования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Красноярск, 2010.

7. Флусов Е.В. Комплексное применение физических упражнений в огневой подготовке курсантов и слушателей вузов МВД России // Совершенствование физической, огневой и тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Орел, 2010. Ч. 2.

8. Крысин М.В. Использование межпредметных связей в процессе преподавания дисциплины «Основы личной безопасности сотрудников ОВД» // Современные технологии физической культуры и спорта в профессиональной подготовке специалистов: материалы межвуз. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2010.

9. Роднов В.С., Унгуштаев О.П. Моделирование деятельности сотрудников правоохранительных органов по правомерному применению оружия и физической силы // Совершенствование боевой и физической подготовки курсантов и слушателей образовательных учреждений силовых ведомств: материалы междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2010. Т. 2.

10. Устюжанин Н.Н., Лукутин А.А. О перечне потенциально опасных ситуаций оперативно-служебной деятельности и их моделирование на занятиях по огневой, физической подготовке и основам личной безопасности // Совершенствование физической, огневой и тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Орел, 2010. Ч. 2.

2. Barkalov S.N., Bauchenkov A.V., Harhardin O.V. Taking into account the specifics of performance in fire and physical training of law enforcement officers. Orel, 2006.

3. Kalashnikov A.F. The problem of the physical and psycho-physiological training specialists for the units of road police of Traffic Police of Russia. Orel, 1997.

4. Morev D.G. The technique of combat training of cadets of high schools of the Russian Interior Ministry in confined spaces: auth. abstr. ... Master of Pedagogics. Moscow, 2001.

5. Nozdrachyov V.V. The technique of improving the combat training of cadets of educational institutions of MIA of Russia: auth. abstr. ... Master of Pedagogics. Moscow, 2000.

6. Kupavtsev T.S. Intensification of physical training of employees of the Russian Interior Ministry on the basis of comprehensive exercise // Optimization of the educational and training process in educational institutions of higher education: proc. of the All-Russian sci.-pract. conf. Krasnoyarsk, 2010.

7. Flusov E.V. Integrated application of physical exercise in fire training cadets and students of universities of the Russian Interior Ministry // Improving physical, fire and tactical and special training for law enforcement: proc. of the All-Russian sci.-pract. conf. Orel, 2010. Pt. 2.

8. Krysin M.V. Using interdisciplinary connections in the process of teaching the subject «Fundamentals of the personal safety of law enforcement officers» // Modern technologies of physical culture and sports in the training of specialists: proc. of interuniv. sci.-pract. conf. Khabarovsk, 2010.

9. Rodnov V.S., Ungushtaev O.P. Modeling activities of employees of law-enforcement bodies lawful use of weapons and physical force // Improving of combat and physical training of cadets and students of educational institutions of law enforcement agencies: proc. of intern. sci.-pract. conf. Irkutsk, 2010. Vol. 2.

10. Ustyuzhanin N.N., Lukutin A.A. On the list of potentially dangerous situations operational performance and modeling in classes for the firing, physical training, and the basics of personal safety // Improving physical, fire and tactical and special training of law enforcement: proc. of the All-Russian sci.-pract. conf. Orel, 2010. Pt. 2.

Мешев Ислам Хасанбиевичпреподаватель кафедры физической подготовки
Северо-Кавказского института повышения квалификации сотрудников МВД России
(филиала) Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79386913939)

Научно-методическая компетентность преподавателей вузов МВД России как проблема педагогического исследования

В статье в рамках компетентностной парадигмы определяются основные компетенции преподавателя физической подготовки и пути их совершенствования в процессе повышения квалификации кадров МВД России.

Ключевые слова: компетентность, методологические подходы, профессиональная культура, мастерство.

I.Kh. Meshev, Teacher of a Chair of Physical Training of the North Caucasian Advanced Training Institute for the Personnel of the Ministry of the Interior of Russia (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79386913939.

Scientific and methodical competence of teachers of higher education institutions of the Ministry of the Interior of Russia as pedagogical research problem

In the article in the frame of a competence-based paradigm the main competences of the teacher of physical training and a way of their improvement in the course of professional development of staff of the Ministry of the Interior of Russia are defined.

Key words: competence, methodological approaches, professional culture, skill.

Современный этап социально-экономического развития России характеризуется глобальными преобразованиями во всех сферах жизнедеятельности общества. В этих условиях сложившаяся система образования не в полной мере соответствует требованиям сегодняшнего дня и предопределяет «модернизацию государства через модернизацию образования» [1]. Запросы жизни стали гораздо шире, вариативней, что должно учитываться при модернизации системы профессиональной переподготовки и повышения квалификации специалистов в области научно-методической работы в системе вузов МВД России.

Необходимость целенаправленной подготовки преподавателей вузов к научно-методической работе продиктована интенсивностью образовательного процесса, что определяется отсутствием времени на адаптацию федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), которые уже имеют силу закона и реализуются в реальном режиме времени в образовательную практику вузов. Стандарты нового поколения в основном ориентированы на самостоятельные формы (более 60% от общего

количества часов) приобретения компетенций и формирования способностей. Следует учитывать, что физическая подготовка является составной частью профессионального образования сотрудников органов внутренних дел, она способствует воспитанию и поддержанию основных физических качеств, психической устойчивости, укреплению здоровья, приобретению и стабилизации двигательных умений и навыков, имеющих служебно-прикладную направленность. Преподаватель, осуществляющий руководство физической подготовкой, должен не только формировать у курсантов готовность к успешному выполнению оперативно-служебных задач, умелому применению физической силы, но прежде всего методически грамотно и обоснованно обеспечить их саморазвитие и личностный потенциал.

Процесс непрерывного повышения квалификации преподавателей вузов некоторое время назад стал предметом пристального внимания профессионального сообщества. Его теоретико-методологические основания, педагогические закономерности, применение активных методов обучения и ряд других аспектов рассматрива-

ются в работах отечественных исследователей (А.В. Барабанщиков, С.С. Муцинов, И.В. Горлинский, Л.И. Коновалова, А.А. Реан и др.).

Повышенные требования к профессиональной деятельности личности преподавателя вуза МВД России определяют специфику организации научно-методической подготовки в рамках системы повышения квалификации кадров. В современных социокультурных условиях требования к компетенциям преподавателей вузов ориентированы на решение ряда задач, таких как содействие социально ценному развитию личности педагога, его общекультурной подготовке, формированию нравственной и гражданской зрелости, профессиональному становлению в избранной области педагогической деятельности.

Система повышения квалификации относится к числу педагогических систем, где в качестве необходимых, но изменяемых элементов выступают: содержание программ обучения, используемые педагогические технологии, методы и средства. Взаимообусловленность системообразующих и изменяемых элементов зависит от конкретной педагогической ситуации, которая отражает специфику условий реализации процесса. При этом важно отметить, что в состав профессионально обусловленных свойств и характеристик вузовского преподавателя, на развитие которых ориентирована система повышения квалификации кадров МВД России, входят такие качества, как социальная зрелость, гражданская ответственность, деловитость, инициативность, требовательность, доброжелательность, тактичность, интеллектуальная активность, интуиция, оригинальность, гибкость, самообладание, толерантность, работоспособность и, безусловно, профессиональная компетентность [2; 3]. Модернизация современного ведомственного образования, использование новых технологий определяют необходимость формирования методической компетентности вузовских преподавателей в процессе повышения квалификации кадров МВД России.

Актуальной проблемой является формирование профессионально-педагогической компетентности преподавателя физической подготовки, под которой понимается совокупность профессиональных и личностных качеств, необходимых для успешной педагогической деятельности. Профессионально компетентным можно назвать преподавателя вуза, который на достаточно высоком уровне осуществляет педагогическую и научно-методическую деятельность, педагогическое общение, самостоятельно достигает стабильно высоких результатов в обучении и воспитании курсантов.

Профессиональная компетентность преподавателя, по мнению А.К. Марковой, В.А. Сластенина, – это сложное образование, включающее комплекс знаний, умений, свойств и качеств личности, которые обеспечивают вариативность, оптимальность и эффективность построения учебно-воспитательного процесса и конкретного построения преподавания той или иной дисциплины [4; 5]. А.К. Маркова различает следующие виды профессиональной компетентности: специальную (владение профессиональной деятельностью на высоком уровне, способность проектировать свое профессиональное развитие), социальную (владение коллективной профессиональной деятельностью и приемами профессионального общения, сформированность социальной ответственности за результаты своей деятельности), личностную (владение опытом личностной саморегуляции, приемами самовыражения, саморазвития, готовность к профессиональному росту и т.д.) [4]. С точки зрения А.С. Белкина и В.В. Нестерова, педагогическая компетентность – это совокупность профессиональных и личностных качеств, обеспечивающих реализацию компетенций. Структура педагогической компетентности, по их мнению, представлена рядом компетенций, таких как когнитивная (профессионально-педагогическая эрудиция); психологическая (культура ощущений и восприятий, слова и эмоциональных состояний, эмоциональная восприимчивость; психологическая зоркость); коммуникативная (культура общения и педагогический такт); риторическая (профессиональная культура речи); профессионально-технологическая (владение педагогическими технологиями); профессионально-информационная (ориентирование в информационном пространстве, поиск, оценка, использование и хранение полученной информации в образовательном процессе); мониторинговая компетенция (умения научно обоснованного изучения, отслеживания явлений педагогической действительности – наблюдение, анализ и прогнозирование их развития) [6]. Н.В. Кузьмина выделяет в структуре педагогической компетентности специальную, психолого-педагогическую, дифференциально-психологическую, методическую группы и рефлексивную педагогической деятельности [7]. Отметим, что исследователи называют научно-методическую компетентность преподавателя как ключевую, важнейшую.

При формировании научно-методической компетенции преподавателя вуза в процессе повышения квалификации для нас представляет интерес структура профессионально-педагогиче-

ческой компетентности преподавателя физической культуры. Педагогическая деятельность преподавателя физической подготовки вузов МВД России имеет свою специфику, связанную с реализацией, помимо основных (конструктивного, организаторского, коммуникативного и гностического) видов педагогической деятельности, еще и ее двигательного компонента [8].

На основе анализа исследований О.В. Петунина, О.И. Тумановой и др. нами определено, что основными компонентами научно-методической компетентности являются:

гностическая (познавательная) компетентность, которая проявляется в познании содержания учебного предмета «Физическая культура», закономерностей физического развития и психологии учащихся, а также самопознании педагога; она включает умения исследования и диагностики курсантов, уровней их подготовленности и физического развития и предполагает владение преподавателем психолого-педагогическими знаниями, знаниями в области преподаваемой дисциплины (основ теории физического воспитания, культурно-исторических основ физической культуры и спорта, медико-биологических основ двигательной деятельности, правил по технике безопасности сотрудников полиции) и обладание опытом в области способов формирования знаний, умений и навыков курсантов, в области процессов общения, формирования мотивов и развития способностей курсантов;

конструктивная компетентность, которая включает умения конструирования занятия, тренировки, самостоятельной работы курсантов, планирования и моделирования предстоящей деятельности, выбора и структурирования содержания, средств, методов, форм организации профессиональной деятельности, выделения этапов деятельности и постановки задач;

организаторская (управленческая) компетентность преподавателя физической подготовки, которая заключается в умениях организации образовательного процесса, физкультурной деятельности курсантов, научной формулировки учебного материала, четкой постановки конкретных задач; управление курсантами обеспечивает мобилизацию их внимания, четкое выполнение построений и перестроений, подготовку к двигательной деятельности, отработку отдельных видов упражнений, дозировку физической нагрузки.

Научно-методическая компетентность преподавателя физической подготовки связана с решением научного сопровождения и осмысления образовательного процесса, с решением познавательных задач, поиском нестандартных

решений, сбором и обработкой информации, что обеспечивает способность к творческой инновационной деятельности. Данный вид компетентности проявляется в умении формулировать проблемы и использовать эвристические методы для их решения, работать с литературными источниками, в способности анализировать, интерпретировать и творчески использовать теоретические знания, применять их в практике, проводить практические экспериментальные исследования, наблюдать факты, собирать и обрабатывать статистические данные, оформлять результаты исследований, внедрять полученные результаты в практику, успешно организовывать собственную исследовательскую деятельность, в умении оценить качество научно-методических исследований в контексте социокультурных условий, этических норм профессиональной деятельности [9].

Для формирования научно-методической компетенции преподаватель по физической подготовке должен обладать компетентностью профессионально-личностного самосовершенствования, под которой понимается система профессионально-личностных качеств, определяющих способность педагога к непрерывному повышению своей эффективности в профессиональной деятельности. Структурно компетентность профессионально-личностного самосовершенствования, по мнению К.А. Маринченко, включает ценностно-смысловой, когнитивно-теоретический и операциональный компоненты [10]. В состав компетентности профессионально-личностного самосовершенствования преподавателя физической подготовки вузов МВД России входят: моральные ценности и нравственно обоснованные установки на карьерный рост и развитие потенциальных интеллектуальных и двигательных способностей в процессе профессионально-прикладной физической подготовки; опыт саморазвития и саморегуляции; действенные профессиональные знания, умения, навыки, ориентировка в профессиональных ситуациях, требующих усовершенствования способов деятельности; готовность ставить и решать профессиональные задачи, требующие отхода от стереотипов и самоизменения; навыки составления индивидуальных программ оздоровления, оценки и коррекции осанки и телосложения; методы саморегуляции психоэмоциональных состояний [10].

Таким образом, исходя из современных требований к профессиональной компетентности преподавателя физической подготовки, можно выделить основные пути развития его научно-методической компетентности: иссле-

довательскую деятельность; инновационную деятельность, освоение новых педагогических технологий и активных методов; развитие потенциальных интеллектуальных и двигательных способностей в процессе профессионально-прикладной физической подготовки; использование интегративных средств оценки результатов

обучения; научное осмысление, обобщение и трансляцию собственного педагогического опыта; использование информационно-коммуникационных технологий; непрерывное профессионально-личностное самосовершенствование, совершенствование своей профессиональной культуры и мастерства, физических качеств.

1. Лебедев О.Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. 2004. № 5. С. 3–12.

2. Валеев Г.Х. Формирование методологической культуры учителя-исследователя: дис. ... д-ра пед. наук. Башкортостан, 2001.

3. Сластенин В.А. Формирование профессиональной культуры учителя. М., 1993.

4. Маркова А.К. Психология профессионализма М., 1996.

5. Педагогика: учеб. пособие для вузов / ред. В.А. Сластенин. 3-е изд., стер. М., 2004.

6. Белкин А.С., Нестеров В.В. Педагогическая компетентность: учеб. пособие. Екатеринбург, 2003.

7. Кузьмина Н.В. Предмет акмеологии. СПб., 2002.

8. Петунин О.В. Формирование профессионального мастерства учителя физкультуры. М., 1980.

9. Хазова С.А. Компетентность конкурентоспособного специалиста по физической культуре и спорту. URL: <http://www.monographies.ru/61>

10. Маринченко К.А. Формирование компетентности профессионально-личностного самосовершенствования будущих преподавателей физической культуры в вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Орел, 2012.

1. Lebedev O.E. Competence approach in education // School technology. 2004. № 5. P. 3–12.

2. Valeev G.H. Formation of methodological culture of a teacher-researcher: diss. ... Dr of Pedagogics. Bashkortostan, 2001.

3. Slastenin V.A. Formation of professional culture of teacher. Moscow, 1993.

4. Markova A.K. Psychology of professionalism. Moscow, 1996.

5. Pedagogics: study aid for the high education institutes / ed. by V.A. Slastenin. 3rd ed., ster. Moscow, 2004.

6. Belkin A.S., Nesterov V.V. Pedagogical competence: study aid. Ekaterinburg, 2003.

7. Kuzmina N.V. Subject of acmeology. St. Petersburg, 2002.

8. Petunin O.V. Formation of professional skills of teacher of physical culture. Moscow, 1980.

9. Khazova S.A. The competitive competence of the specialist in physical culture and sports. URL: <http://www.monographies.ru/61>

10. Marinchenko K.A. Formation of competence of professional and personal self-improvement for future teachers of physical culture at the high education institute: auth. abstr. ... Master of Pedagogics. Orel, 2012.

Стус Нина Владимировнакандидат юридических наук,
судья Ставропольского краевого суда
(e-mail: ninastus@mail.ru)

Судебный, сыскной и розыскной процесс в законодательстве России XV–XVIII веков

В статье рассматриваются соотношение понятий «сыск», «суд» и «розыск» и их эволюция в уголовно-судебном праве России начиная с периода Московского государства. Анализируются особенности судопроизводства по судным делам, основные стадии сыскного и розыскного процесса. Особое внимание уделяется зарождению следственного типа уголовного процесса.

Ключевые слова: законодательство, право, розыск, суд, судопроизводство, сыск, уголовно-судебное право, уголовный процесс.

N.V. Stus, Master of Law, Judge of the Stavropol Regional Court; e-mail: ninastus@mail.ru

The trial, detective and investigative process in Russian legislation in XV–XVIII centuries

The paper considers the ratio of the concepts of «investigation», «court» and «search» and their evolution in the criminal trial law of Russia since the period of Moscow State. Analyzes the characteristics of the proceedings in judgment matters, the main stages of detective and investigative process. Particular attention is paid to the emergence of the investigative type of criminal proceedings.

Key words: legislation, law, search, court, proceedings, investigation, criminal trial law, criminal procedure.

Для характеристики изменений в уголовном судопроизводстве России XV–XVIII вв. большое значение имеет уточнение понятийного аппарата. При рассмотрении эволюции уголовно-процессуального законодательства этого периода обращает на себя внимание факт смешения понятий, особенно таких, как «сыск» и «розыск». Между тем, они имели разные значения в различные исторические периоды становления права Российского государства.

Так, сыск был известен еще древнему русскому процессуальному праву, а в XV в., с принятием Судебника 1497 г., разграничение между понятиями «сыск» и «суд» стало более четким. Дальнейшее соотношение суда и сыска прослеживается по нормам Судебника 1550 г. Например, согласно ст. 52, 55, 56, 59, 60 и 61 Судебника, если в обыске вора назовут лихим человеком, его пытаются, иначе дело вершится по суду. Из этого следует, что в случае присоединения к гражданскому иску наказания, придающего делу уголовный характер, дело судом уже не могло быть разрешено [1, с. 178–179]. Здесь вступал в действие сыскной порядок судопроизводства, при котором преследовались только обвиняемые, захваченные с поличным или облихованные на повальном обыске.

С другой стороны, ст. 72 Судебника 1550 г. гласит: «А по городом наместником городских посадских всех людей промеж их судити, обыскивая по их животом и по промыслом и по розмету: сколке рублев кто цареву и великого князя подать дает, по тому их, обыскивая, судити и управа чинити». Здесь, несомненно, другое значение сыска – исследование сущности дела, т.к. в законодательстве XVI в. уже были заложены основы следственного процесса, одной из составных частей которого стал сыск.

Наиболее полный научный анализ соотношения суда и сыска, на наш взгляд, был проведен Н. Ланге, который совершенно верно отмечал, что они составляли две особые формы судопроизводства [2, с. 119]. Сыск, как особый порядок судопроизводства, применялся только при решении важнейших уголовных дел: татьба (кража) с поличным, разбой, душегубство, поджог, измена и иные, которые влекли за собой наказание в виде смертной казни.

В «Уставной грамоте Переславского уезда Царских подклетных сел крестьянам» от 29 апреля 1556 г. сказано: «Взыщет кто ком в бою и грабежу, и то сыскивать, а сыщут, что на него бой и грабеж был, а потому ответчика обвините. А на грабеж видоков нет (а на грабеж сыску нет), и в том присуждать целование. Кто в чем скажется виноват, то на нем взятии, а в

достали суд и правда и крестное целование. А кого приведут с поличным впервые, ино его судити, да про него обыскивати, а назовут его в обыске лихим человеком, ино пытати, а скажет на себя сам, ино его казнити смертною казнию. А скажут в обыску, что он добрый человек, и того поличного сыскивати судом, и дело вершити по суду. На которых людей истцы бьют челом в татьбе и в разбое имянно, без поличного, без язычной молвки, и не по лихованным обыскам, то тех челобитчиков отсылать из Разбойного Приказа в Судный Приказ, где кто судим, а будет в Судном Приказе сыщется, что те дела дошли до пыток, то тех истцов и ответчиков из Судного Приказа отсылати в Разбойный Приказ» [3, с. 316–318], который в 1683 г. был переименован в Сыскной [4].

Здесь можно обратить внимание и на такой важный момент в разграничении сыска и собственно суда, как применение пыток. Пытки являлись одним из признаков сыскного судопроизводства, именно поэтому в приведенном тексте отмечено, что в случае принятия в Судном приказе к производству дела, в котором стали применяться пытки, оно должно передаваться в Разбойный приказ, т.к. сыскные дела могли рассматриваться только в нем.

Это положение в дальнейшем было зафиксировано не только в нормах Соборного уложения, но и в «Новоуказных статьях о татебных, разбойных и убийственных делах» [5].

Сыскное судопроизводство проходило следующие стадии: 1) расследование по сыскным делам (по лихованному обыску, по язычным молвкам или по жалобам потерпевших лиц); 2) «удовлетворение» потерпевших лиц; 3) вынесение приговора. Повторимся, что сыскной процесс применялся только при рассмотрении наиболее тяжких преступлений. Менее тяжкие преступления и проступки разрешались судом.

Важнейшие отличия судного производства от сыскного судопроизводства заключались в том, что первое могло начаться только по жалобе заинтересованного лица; судебное разбирательство могло закончиться примирением сторон. Суд производился в установленное судьей время. И, повторимся, пытки при производстве судебных дел не применялись. Что касается сыскного судопроизводства, то здесь государство берет под свой контроль не только производство дел, но и их возбуждение. В отличие от судного производства жалоба заинтересованного лица в этом случае была не нужна.

Несмотря на то, что разграничение между гражданским и уголовным процессом в законодательстве того времени установлено не было,

однако были установлены основные виды преступных деяний, рассматривавшиеся в судебном процессе. Это нанесение ран и увечий, грабеж, поджог, неумышленное убийство в состоянии алкогольного опьянения, которое в то время являлось смягчающим вину обстоятельством. В судебном процессе по уголовным делам разрешались также дела «о разбойниках и татях, захваченных с поличным впервые, если на обыске называли их добрыми людьми; о разбоях и татьбах без поличного, когда истцы никакой улики против обвиняемых не представляли, кроме “поля” или крестного целования» [2, с. 176]. Как видно, разграничение довольно условное и фактически за одно и то же преступление мог применяться как судебный, так и сыскной процесс. На наш взгляд, здесь большее влияние имел субъективный фактор, чем объективный подход к определению подсудности.

Процесс по судебным уголовным делам, как уже указывалось выше, начинался по жалобам или челобитным заинтересованных лиц; вторая стадия процесса – производство судебного следствия; третья – вынесение и исполнение приговора. Итак, между собственно судом и сыском имелось значительное различие, которое в дальнейшем было уточнено в Соборном уложении 1649 г. Здесь под сыском понималось удостоверение какого-либо факта, имеющего значение для дальнейшего уголовного преследования. Помимо этого «сыск» имел и следующие значения: осмотр на месте происшествия, допрос свидетелей, повальный обыск [6].

Исследователями прошлого отмечалось, что Соборное уложение «никогда не смешивает сыска с судом. О суде всегда говорится: “до чего доведется”, о сыске: “сыщется до пряма”. Этими двумя почти техническими выражениями изображается различный характер суда и сыска: тяжущиеся могут доказать свое право, могут и не доказать его; но судья обязан, во что бы то ни стало, доискаться истины» [1, с. 371].

В законодательстве второй половины XVII в. стал активно применяться термин «розыск», но, на наш взгляд, сыск и розыск, имея общую основу, все же имели и различия, которые не позволяют отождествлять эти два понятия. Выше уже указывалось, что судопроизводство по сыскным делам разделялось на три основные стадии: расследование, «удовлетворение» потерпевших, вынесение приговора. Практически никто из исследователей не обращал внимание на то, что собственно суд, в современном его понимании, производился на первой стадии, которая соединяла в себе следствие и судебное разбирательство. Вторая стадия – это не про-

изводство суда, а именно «удовлетворение истцов», т.е. возмещение нанесенного ущерба как со стороны лиц, непосредственно совершивших преступление, так и оговоренных людей, часто не имевших никакого отношения к данному деянию. Возмещали нанесенный ущерб и члены общины, к которой принадлежал преступник, что было рудиментом древнего русского права (круговая порука), и другие лица, перечень которых был оговорен в указной книге Разбойного приказа, основанной на нормах Судебников 1497 и 1550 г.

В третьей стадии также имеются противоречия с классическим розыскным процессом. Это не суд, а вынесение приговора на основании произведенного сыскного производства. До нас не дошли сведения о форме приговоров, о порядке их объявления и исполнения [2, с. 171], но здесь главное другое: розыскной уголовный процесс также включает в себя три стадии, такие как следствие, суд и исполнение. И третья стадия, как и первые две, также, в корне отличается от стадий в сыском судопроизводстве.

Таким образом, на наш взгляд, имеются все основания разграничения понятий «сыск», «суд» и «розыск» при рассмотрении эволюции уголовно-судебного права в исследуемый период. Естественно, сыск являлся прообразом, основой розыскного уголовного процесса, но смешение этих понятий, принятое в отечественной историко-правовой науке, мешает объективному научному анализу основных тенденций развития уголовного судопроизводства.

Как в сыске, так и в розыске центральным пунктом следственного процесса была пытка [7, с. 41], в этом их несомненное сходство и преемственность. Со второй половины XVII в. пытка стала одним из основных доказательств вины или невиновности. В русском законодательстве ее применение было официально закреплено в Судебниках, а в нормах Соборного уложения 1649 г. нами было насчитано уже 50 статей, посвященных как самой пытке, так и порядку производства дел, при которых она применялась. В Новоуказных статьях о татейных, разбойных и уголовных делах 1669 г. – 21 статья [8].

Что касается собственно розыска, то в начальный период царствования Петра I его границы постепенно расширялись за счет форм общего процесса [9, с. 610]. В Указе 1697 г. было предписано: «Суду и очным ставкам не быть, а ведать все дела розыском» [10]. Розыск был введен и для рассмотрения гражданских дел. При этом все доказательства были ограничены двумя: свидетельскими показаниями и присягой, с суровой ответственностью для лжесвидете-

лей и лжеприсяжников. Вместо очной ставки применялся допрос. И хотя в законе ничего не сказано о применении пыток, несомненно, что они применялись даже при рассмотрении мало-важных уголовных дел. Об этом говорит и Указ от 4 апреля 1722 г., в котором предписывалось: «Рассмотреть о пытках, понеже и в малых делах пытки чинят, и таковым в которых только мнение имеют; чтобы оное унять» [11]. Как отмечали исследователи, розыск в его новом виде был нечто среднее между судом и прежним уголовным процессом. От суда он отличался допросом, от очной ставки – отсутствием повального обыска [1, с. 538].

Дальнейшая эволюция розыска получила логическое завершение в следующем столетии. В самом начале XVIII в. был ликвидирован Сыскной приказ [12], а подробная регламентация розыскного процесса была установлена в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» 1715 г. [13, с. 408–425], ставшем частью Воинского устава 1716 г. [14].

Однако в 1723 г. императорским указом розыск был официально отменен, а суд стал единственной формой процесса [15]. Но, несмотря на восстановление состязательного судебного процесса, на практике розыск продолжал играть довольно существенную роль. Об этом свидетельствует и создание в 1724 г. Конторы розыскных дел [16], в функции которой входило осуществление предварительного следствия. Но собственно о розыске речь шла в указе, вышедшем вскоре после смерти Петра Великого, 3 мая 1725 г. В нем были внесены уточнения в п. 5 Указа «О форме суда», в частности в делах, при которых мог применяться розыск [17].

Разграничение суда и розыска прослеживается и в Указе от 20 марта 1730 г., в соответствии с которым были восстановлены Сыскной и Судный приказ [18]. Несмотря на наименование «Сыскной приказ», наиболее тяжкие преступления (татьба, разбой, убийства) «ведались розыском». Речь о «сыске» уже не шла. Через Сыскной приказ проходили крупнейшие уголовные процессы. В отличие от Сыскного Судный приказ «суд давал, и решение чинил», помимо этого в него подавались жалобы на судебную волокиту губернаторов и воевод и апелляции на их решения. Исследователями прошлого совершенно верно отмечалось, что в этот период общее значение суда по форме исчезло; к этому привели практика и последующие узаконения: с одной стороны, воинские «процессы» реципированы для невоенных судов, с другой – найдено было невозможным руководствоваться в уголовных судах «судом по форме» [9, с. 612].

Все последующее развитие уголовно-судебного права дает основание говорить о том, что сыск как таковой окончательно уходит в прошлое, а розыск становится основной формой процесса. Наиболее ярко это проявилось в правление Екатерины II. В Указе от 10 февраля 1763 г. был прописан порядок производства дел по наиболее тяжким уголовным делам [19], в Манифесте от 15 декабря того же года уточнена юрисдикция судебных органов [20]. А 27 июля 1765 г. императрица, предписав руководствоваться «формой суда», тем не менее тут же отменила устное судоговорение и ввела письменное производство [9, с. 612], что более характерно для розыскного процесса. Таким образом, петровские начинания окончательно ушли в прошлое, а состязательный процесс так и не смог вытеснить розыск, который был распространен на все уголовные дела.

Розыск продолжал сопровождаться пытками, а обвиняемый с самого начала считался виновным. Это подтверждает и дальнейшее развитие уголовно-процессуального законодательства XVIII в. Так, 7 ноября 1775 г. Екатериной II были утверждены «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» [21], согласно которым произошли значительные изменения не только в судебной системе страны, но и в уголовно-судебном праве. Важнейшим стало более четкое разделение дел по подсудности, гражданского и уголовного процесса. Характеризуя этот этап в развитии отечественного уголовно-процессуального законодательства, замечательный отечественный ученый-процессуалист Иван Яковлевич Фойницкий писал: «Постепенно развивается публичное начало уголовного процесса; он становится делом общественным, государственным, и идея государственности... поглощает все другие: права личности отрицаются в обвиняемом, который

становится предметом исследования, подлежащим экспериментам самым суровым во имя государственного интереса... Такое поглощение в процессе не только частного или искового начала его публичным, но даже всего личного, индивидуального безличным законом государственным, знаменует порядок уголовного производства... Его характеристическими чертами стал розыскной порядок, тайна и письменность процесса, ревизионный порядок и вообще определение процесса безличною волею закона» [22, с.16–17].

Таким образом, влияние на развитие следственного типа процесса оказал государственный строй того времени, времени крайнего развития абсолютизма, расширившегося до крайних пределов за счет индивидуальных прав и интересов отдельного человека. И следственная форма процесса была именно формой процесса, наиболее удовлетворяющей потребность такого государства [7, с. 45].

Итак, резюмируя сказанное, отметим, что понятия «сыск», «суд» и «розыск» в уголовно-процессуальном законодательстве Российской империи XV–XVIII вв. имели различное значение и толкование. Сыск и суд в Московском государстве являлись различными формами зарождающегося следственного процесса; их применение зависело от категории рассматриваемых дел. Сыск, являясь рудиментом более древнего обвинительного процесса, в то же время стал основой розыска. Розыск, в свою очередь, совершенно новая, особая форма следственного (или, иначе, инквизиционного) процесса, получившего правовое закрепление в законодательстве второй половины XVII–XVIII в. С конца рассматриваемого периода и до проведения судебной реформы 1864 г. розыск стал основной формой процесса, применяемой при рассмотрении всех категорий уголовных дел.

1. Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций и гражданского судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1899.

2. Ланге Н. Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI и половины XVII веков). СПб., 1884.

3. Акты исторические, собранные и изданные Археографической Комиссией. Том первый. 1334–1598. СПб., 1841.

4. ПСЗРИ – 1. Т. II. № 1052.

5. Там же. Т. I. № 441.

6. Там же. № 1. Гл. II, ст. 22; гл. VI, ст. 3; гл. VII, ст. 13; гл. X, ст. 135, 156, 161, 175, 238,

1. Dmitriev F.M. History of the courts and civil proceedings from Sudebnik to Institutions of provinces. Moscow, 1899.

2. Lange N. Ancient Russian criminal proceedings (XIV, XV, XVI and half of XVII centuries). St. Petersburg, 1884.

3. Historical acts, collected and published by the Archaeological Commission. First volume. 1334–1598. St. Petersburg, 1841.

4. Complete collection of law of the Russian Empire – 1. Vol. II. № 1052.

5. Ibid. Vol. I. № 441.

6. Ibid. № 1. Chap. II, art. 22; chap. VI, art. 3; chap. VII, art. 13; chap. X, art. 135, 156, 161, 175,

240; гл. XVI, ст. 35, 60, 63; гл. XVII, ст. 51; гл. XX, ст. 29; гл. XXI, ст. 28, 29, 54, 55, 59, 77.

7. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство – судопроизводство. СПб., 1913.

8. ПСЗРИ – 1. Т. I. № 1. Гл. X, ст. 162, 163, 202, 251; гл. XI, ст. 22; гл. XX, ст. 25, 26; гл. XXI, ст. 9–12, 16–18, 32, 35–44, 47–51, 57, 58, 60, 64, 69–73, 88; гл. XXV, ст. 3, 5, 9, 12–16, 21, 195; № 441. Ст. 18, 24–26, 28, 30, 31, 34, 37, 38, 41, 42, 50–54, 67, 72, 76, 82.

9. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995.

10. ПСЗРИ – 1. Т. III. № 1572.

11. Там же. Т. VI. № 3933.

12. Там же. Т. IV. № 1874.

13. Российское законодательство X–XX веков. М., 1986. Т. 4.

14. ПСЗРИ – 1. Т. V. № 3006.

15. Там же. Т. VII. № 4344.

16. Там же. № 4427.

17. Там же. № 4713.

18. Там же. Т. VIII. № 5521.

19. Там же. Т. XVI. № 11750.

20. Там же. № 11989.

21. Там же. Т. XX. № 14392.

22. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Издание четвертое. СПб., 1912. Т. I.

238, 240; chap. XVI, art. 35, 60, 63; chap. XVII, art. 51; chap. XX, art. 29; chap. XXI, art. 28, 29, 54, 55, 59, 77.

7. Sluchevsky V. Textbook of Russian criminal process. Judicial system – proceedings. St. Petersburg, 1913.

8. Complete collection of law of the Russian Empire – 1. Vol. I. № 1. Chap. X, art. 162, 163, 202, 251; chap. XI, art. 22; chap. XX, art. 25, 26; chap. XXI, art. 9–12, 16–18, 32, 35–44, 47–51, 57, 58, 60, 64, 69–73, 88; chap. XXV, art. 3, 5, 9, 12–16, 21, 195; № 441. Art. 18, 24–26, 28, 30, 31, 34, 37, 38, 41, 42, 50–54, 67, 72, 76, 82.

9. Vladimirovsky-Budanov M.F. Review of the history of Russian law. Rostov-on-Don, 1995.

10. Complete collection of law of the Russian Empire – 1. Vol. III. № 1572.

11. Ibid. Vol. VI. № 3933.

12. Ibid. Vol. IV. № 1874.

13. Russian legislation of the X–XX centuries. Moscow, 1986. Vol. 4.

14. Complete collection of law of the Russian Empire – 1. Vol. V. № 3006.

15. Ibid. Vol. VII. № 4344.

16. Ibid. № 4427.

17. Ibid. № 4713.

18. Ibid. Vol. VIII. № 5521.

19. Ibid. Vol. XVI. № 11750.

20. Ibid. № 11989.

21. Ibid. Vol. XX. № 14392.

22. Foyntsky I.Ya. The course of criminal proceedings. Fourth edition. St. Petersburg, 1912. Vol. I.

Пудовочкин Юрий Евгеньевич

доктор юридических наук, профессор,
заведующий отделом уголовно-правовых исследований
Российского государственного университета правосудия
(тел.: +74953325192)

Некоторые вопросы теории источников уголовного права

В статье анализируются вопросы, связанные с пониманием источника уголовного права и формированием их системы. Доказывается перспективность признания в качестве источника отрасли как признаваемой официально, так и существующей фактически формы внешнего выражения уголовно-правовых предписаний. Акцентируется внимание на связи иерархии источников уголовного права с содержанием выражаемых в них нормативных предписаний.

Ключевые слова: источник уголовного права, система источников, уголовно-правовые предписания.

Yu.E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Head of Department of Criminal Law Researches of the Russian State University of Justice; tel.: +74953325192.

Some questions of the theory of sources of criminal law

The article analyzes the issues connected with understanding of a source of criminal law and formation of their system. Proved prospects of recognition as a source of branch as a recognized officially and actually existing form of external expression of criminal law provisions. Focuses on the communication hierarchy of sources of criminal law with the content expressed in these regulatory requirements.

Key words: source of criminal law, system of sources, criminal law provisions.

Уголовно-правовые запреты, равно как и любой другой социальный регулятор, с необходимостью должны быть объективированы в некоторых осязаемых формах. Наличие внешних источников выражения является и обязательным условием самого существования принципов и норм уголовного права, и предпосылкой доведения их содержания до сознания граждан, и основой правоприменительной деятельности в сфере разрешения уголовно-правовых конфликтов.

В последние годы вопрос об источниках выражения уголовного права приобрел особую актуальность в связи с теми кардинальными трансформациями в сфере национального права, которые вызваны к жизни процессами международной интеграции, правовой глобализации, усиления гуманитарных и конституционных начал правового регулирования, совершенствования системы «сдержек и противовесов» между ветвями государственной власти. Проблема источников уголовного права вышла на уровень не просто фундаментальной, а методологически значимой проблемы, решение которой фактически разделило научное сообщество на два лагеря: отстаивающих тезис об Уголовном кодексе РФ как о единственном источнике

источников уголовного права и признающих уголовное право полиисточниковой отраслью.

Так, последовательным сторонником традиции признания Уголовного кодекса РФ единственным источником отрасли уголовного права выступает Ю.И. Ляпунов. Он пишет: «Уголовное законодательство полностью воплощено в Уголовном кодексе Российской Федерации, т.е. является единственным и исключительным источником российского уголовного права: ни иные федеральные законы, ни указы Президента, ни тем более подзаконные нормативные акты органов государственной власти, в том числе и руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, не могут устанавливать преступность и наказуемость общественно опасных деяний, любые иные общие положения, связанные с уголовной ответственностью гражданина. Российскому уголовному праву не известны в качестве его источников ни обычай, ни судебный прецедент» [1, с. 67]. Аналогичная позиция озвучена Н.А. Лопашенко: «Уголовный закон является единственным источником российского уголовного права. Уголовно-правовые нормы сохраняются только в нем»; «Все другие правовые акты, относящиеся к вопросам уголовно-правового регулирования, должны издаваться на

основе и в соответствии с уголовным законом. Последний представляет собой и форму существования уголовного права» [2, с. 148, 144].

Однако наряду с этим все больше сторонников находит противоположная точка зрения, все-сторонне изложенная еще М.Д. Шаргородским, согласно которой уголовно-правовые предписания (нормы) выражаются не только в Уголовном кодексе РФ, но и в иных правовых источниках [3, с. 16–51]. Таковыми, в частности, признают Конституцию РФ [4], нормы и принципы международного права [5; 6], законодательство иных, кроме уголовного, отраслей права [7], постановления Пленума Верховного Суда РФ, судебные прецеденты [8].

Определение собственной позиции в этой сложной дискуссии требует обязательного предварительного обсуждения нескольких важных теоретико-правовых аспектов проблемы источников права.

Прежде всего, надо понимать, что термин «источник права» имеет множество значений. В связи с этим правильное понимание сути дискуссии и обеспечение взаимопонимания диспутантов предполагает четкое разграничение так называемых «формальных» и «материальных» источников уголовного права. Детально исследовавший этот вопрос К.В. Ображиев верно резюмирует, что термином «источник права» обозначают два различных по своей сути феномена:

- 1) социально-экономические, национально-культурные, политические, идеологические, географические, исторические и иные факторы, общественные или государственные структуры, под воздействием которых возникает и изменяется право (так называемые «материальные», «социальные», «политические» и т.п. источники права);
- 2) определенные формы, способы выражения (объективации) правовых норм, придающие им общеобязательное значение (так называемые «формальные» или «юридические» источники права, к которым относят нормативно-правовой акт, правовой обычай, нормативный договор, судебный прецедент и др.) [9, с. 8].

В рамках настоящей публикации (и вообще, при обсуждении вопроса об источниках уголовного права) термин «источник» целесообразно использовать именно во втором его значении, в смысле формального источника отрасли уголовного права. Это несколько не означает малозначимости вопроса о генетических источниках уголовно-правовых норм. Напротив, форма современного уголовного права во многом предопределена его генезисом и всей предшествовавшей эволюцией. Однако учитывая особый, качественно иной круг проблем и вопросов, связанных с материальными

источниками отрасли, представляется разумным на данном этапе оставить их обсуждение в стороне, приняв за данность то содержание уголовно-правовых норм, которое отражено в его формальных источниках.

Следующий теоретический нюанс исследуемой проблемы состоит в том, что государство, будучи сегодня основной, но далеко не единственной нормотворящей силой, различным образом легитимирует многообразные формальные источники права в рамках собственной правовой системы. С одной стороны, государство самостоятельно (естественно, руководствуясь историческими, политическими, национально-культурными и прочими соображениями) определяет (а в идеале и нормативно фиксирует) перечень тех видов формальных источников уголовного права, которые им признаются необходимыми, достаточными и возможными для регулирования уголовно-правовых отношений. С другой стороны, оно не может законсервировать и лишить способности к дальнейшему развитию существующую в конкретный момент времени официальную систему источников уголовного права. Интенсивные процессы нормотворчества, перераспределение и уточнение компетенционных возможностей государственных и иных органов внутри страны, необходимость скорого и оперативного решения некоторых правовых вопросов и другие факторы современной правовой жизни зачастую требуют выхода за сложившиеся легальные схемы источников права, вызывают к более гибким и эластичным правовым источникам. Надо учитывать также и то немаловажное обстоятельство, что государство, даже фиксируя легальную систему внутренних источников права, не в состоянии категорически влиять на форму нормотворчества иных субъектов права (например, международных организаций), результаты деятельности которых приобретают все большее значение в сфере уголовно-правового регулирования.

В связи с этим представляется оправданным и заслуживающим поддержки суждение О.Н. Бибика о том, что источники уголовного права, в зависимости от их официального признания или непризнания государством, целесообразно разделить на два вида:

- 1) формальные, заранее определяемые в качестве таковых государством, де-юре признаваемые им, соответствующие некоей заранее установленной, требуемой форме;
- 2) фактические, де-факто признаваемые государством, используемые в практике государственных органов [10, с. 19–20].

Очевидно, что теоретические построения системы источников уголовного права, осно-

ванные на том либо ином понимании самого феномена источника права, будут существенно различаться. Представляется все же, что актуальным потребностям правоприменительной практики и научного познания источников уголовного права в большей степени отвечает подход, основанный на включении в круг юридических источников не только тех форм права, которые легализованы в государстве, но и тех, которые реально применяются, прежде всего в судах, для эффективного, качественного и, в подлинном смысле слова, правового разрешения уголовно-правового конфликта. Как свидетельствует анализ, такие источники сегодня не ограничиваются только Уголовным кодексом РФ. В связи с чем можно признать справедливым суждение о том, что принципы и нормы отрасли уголовного права находят свое выражение в множестве правовых источников.

Вместе с тем, такой вывод должен служить лишь отправной точкой в познании проблемы. Проникновение вглубь ее предполагает уяснение еще некоторых важных, теперь уже внутренних характеристик системы уголовно-правовых источников.

Первое. Источники уголовного права России, как и источники права вообще, находятся между собой в отношениях иерархической зависимости. Место источника в иерархии правовых актов определяется множеством факторов (содержанием нормативных предписаний, формой источника, субъектом, его издавшим, и т.д.). Не заостряя внимания на теоретическом анализе иерархического строения права и системы его источников, отметим, что в целом относительно согласованной можно считать следующую иерархию источников уголовного права России: Конституция РФ, принципы и нормы международного права, законы РФ (в том числе и Уголовный кодекс РФ), подзаконные акты органов исполнительной власти, акты органов судебной власти. Именно в таком порядке они должны предлагаться и к изучению, и к интерпретации.

Второе. Вид источника права во многом определяется спецификой образующих это право нормативных суждений. Этот, на первый взгляд, очевидный тезис мало востребован уголовно-правовой теорией, которая, как представляется, рассматривая все уголовно-правовые предписания в качестве равновеликих, не склонна к их градации. Тем не менее, некоторые важные суждения относительно взаимосвязи вида источника уголовного права и его содержания уже сделаны.

Так, Н.И. Пикуров пишет: «Обсуждая вопрос о множественности источников уголовного права, необходимо различать источник уголовно-правового запрета и уголовно-правовых последст-

вий (наказания и иных мер уголовно-правового характера), источник правовых норм, регулирующих отдельные вопросы уголовного права, и источник правовых норм, используемых для конкретизации бланкетных признаков состава преступления. Уголовно-правовой запрет и уголовно-правовые последствия совершения преступления могут быть установлены только уголовным законом в силу прямого указания ст. 3 УК РФ. Отдельные вопросы уголовного права урегулированы нормами Конституции РФ и международного права. Что же касается конкретизации бланкетных признаков состава преступления, то источником этого нормативного материала могут быть нормы любой отрасли права» [11, с. 104].

Как видим, в данном случае вид источника не без оснований ставится исследователем в прямую зависимость от содержания уголовно-правового предписания. Несколькими иначе решает поднятую проблему М.С. Жук. Он устанавливает зависимость вида источника права не столько от содержания, сколько от вида нормативного предписания. Автор указывает: «Предписания, определяющие задачи уголовно-правового института, содержащие указание на его принципы, в случае их фиксации в нормативных формах права, должны быть закреплены в источниках, находящихся в верхнем спектре иерархии – Конституции России, международных документах, федеральных законах; дефинитивные предписания и генеральные предписания института, как правило, – на уровне Уголовного кодекса и иного законодательства; оперативные и коллизионные правила могут фиксироваться на уровне законов, подзаконных нормативных актов либо на уровне актов судебного право творчества» [12, с. 130–131].

Однако некоторые внешние различия в приведенных суждениях, пожалуй, несущественны. Поскольку вид предписания (М.С. Жук) находится в определенной зависимости от его содержания (Н.И. Пикуров), можно констатировать сложную систему взаимосвязи содержания уголовно-правового предписания, его видовой принадлежности и источника внешнего выражения. Такой подход представляется весьма перспективным и в плане совершенствования процессов уголовного нормотворчества, и в части познания системы источников уголовного права, поскольку ориентирует, с одной стороны, на необходимость интегративного анализа различных источников в целях установления содержания уголовно-правовых норм, а с другой стороны, предполагает дифференцированный учет роли и значения различных правовых источников в механизме уголовно-правового регулирования.

1. Уголовное право. Общая часть: учеб. / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1997.
 2. Лопашенко Н.А. Введение в уголовное право. М., 2009.
 3. Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М., 1948.
 4. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части уголовного права. СПб., 2002.
 5. Вдовин В.А. Имплементация международно-правовых норм в уголовном праве Российской Федерации (вопросы общей части). Ульяновск, 2006.
 6. Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г., Шибков О.Н. Принципы и нормы международного права как источники уголовного права. Ставрополь, 2000.
 7. Наумов А.В. Нормы других отраслей права как источник уголовного права // Законность. 2002. № 7.
 8. Волков К.А. Судебный прецедент в уголовном праве. Хабаровск, 2005.
 9. Ображиев К.В. Формальные (юридические) источники российского уголовного права. М., 2010.
 10. Бибик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации. СПб., 2006.
 11. Курс российского уголовного права. Общая часть: учеб. пособие / под ред. Н.Г. Иванова, С.И. Никулина, Б.В. Яцеленко. М., 2010.
 12. Жук М.С. Институты российского уголовного права: история развития и современное понимание. Краснодар, 2010.
1. Criminal law. General part: textbook / ed. by N.I. Vetrov, Yu.I. Lyapunov. Moscow, 1997.
 2. Lopashenko N.A. Introduction to criminal law. Moscow, 2009.
 3. Shargorodsky M.D. Criminal statute. Moscow, 1948.
 4. Konyahin V.P. Theoretical bases of construction of the General part of criminal law. St. Petersburg, 2002.
 5. Vdovin V.A. Implementation of international law norms in criminal law of the Russian Federation (questions of the general part). Ulyanovsk, 2006.
 6. Kibalnik A.G., Solomonenko I.G., Shibkov O.N. Principles and norms of international law as sources of criminal law. Stavropol, 2000.
 7. Naumov A.V. Norms of other branches of law as a source of criminal law // Legality. 2002. № 7.
 8. Volkov V.A. Judicial precedent in criminal law. Khabarovsk, 2005.
 9. Obrazhiev K.V. Formal (legal) sources of Russian criminal law. Moscow, 2010.
 10. Bibik O.N. Sources of criminal law of the Russian Federation. St. Petersburg, 2006.
 11. Course of the Russian criminal law. General part: study aid / ed. by N.G. Ivanov, S.I. Nikulin, B.V. Yatselenko. Moscow, 2010.
 12. Zhuk M.S. Institutes of the Russian criminal law: history of development and modern understanding. Krasnodar, 2010.

Абдыкаимов Ергали Дадаханович

аспирант кафедры конституционного права
Юридического института Кыргызского национального университета
им. Ж. Баласагына

Рахимбаев Эркимбек Нурдинович

доктор юридических наук,
профессор Академии государственного управления
при Президенте Кыргызской Республики,
президент Кыргызско-Российской академии
социальных технологий и местного самоуправления

(e-mail: klab03@rambler.ru)

Конституционно-правовые аспекты укрепления суверенитета народа Кыргызстана

В статье рассматриваются категория «суверенитет», понятия «народный суверенитет», «национальный суверенитет», «государственный суверенитет», гарантии, факторы, концептуальные основы государственного суверенитета.

Ключевые слова: суверенитет, Конституция Республики Кыргызстан, правовые аспекты, управление.

E.D. Abdykaimov, Post-graduate of a Chair of Constitutional Law of the Legal Institute of the Kyrgyz National University of Zh. Balasagyn;

E.N. Rakimbayev, Doctor of Law, Professor of Academy of Public Administration at the President of the Kyrgyz Republic, President of the Kyrgyz-Russian Academy of Social Technologies and Local Government; e-mail: klab03@rambler.ru

Constitutional and legal aspects of the sovereignty of the people of Kyrgyzstan

The paper analyzes category «sovereignty», concepts «people's sovereignty», «national sovereignty», «state sovereignty», guarantees, factors, conceptual bases of state sovereignty.

Key words: sovereignty, Constitution the Kyrgyz Republic, legal aspects, management.

Тема работы предопределяется теоретической и практической значимостью проблемных вопросов, касающихся суверенитета Кыргызской Республики. Отмечая научную разработанность отдельных аспектов проблематики, следует указать на то, что вплоть до настоящего времени в национальной юридической науке отсутствуют исследования, в которых осуществлялся бы комплексный междисциплинарный анализ нормативных и институциональных оснований государственного суверенитета в условиях развития Кыргызстана.

В преамбуле Конституции Кыргызской Республики отмечается: «Мы, народ Кыргызстана, выражая непоколебимую веру и твердую волю, будем развивать и укреплять кыргызскую государственность, оберегать государственный суверенитет и единство народа» [1, с. 70].

Категория «суверенитет» занимает особое место при теоретическом и практическом рассмотрении современных проблем конститу-

ционного права, является фундаментальной, «субординирующей по отношению к себе все остальные государствоведческие категории и понятия» [2, с. 6].

В этой связи нам предстоит исследовать основные факторы ослабления суверенитета современного государства и разработать конкретные рекомендации по совершенствованию концепции суверенитета современного Кыргызстана.

Ключевыми ценностными характеристиками демократического и суверенного государства являются: гарантия прав и свобод человека, справедливые законы (активно воплощаемые в жизнь общества), осуществление власти с участием представителей народа, существование качественных механизмов и средств воздействия на власть, взаимная ответственность государства и личности за выполнение своих обязательств как друг перед другом, так и перед мировым сообществом.

Как основа политической практики идея суверенитета в советский период была закреплена уже в качестве конституционного принципа. Так, в ст. 3 Основного Закона (Конституции) СССР 1924 г. принцип государственного суверенитета был применен к субъектам советской федерации – союзным республикам. Суверенитет СССР формально был закреплён лишь в Конституции СССР 1977 г. (ст. 75). В русском же дореволюционном законодательстве понятие «суверенитет» и иные производные от него понятия не употреблялись.

Декларация о государственном суверенитете Республики Кыргызстан от 15 декабря 1990 г. объявила Республику Кыргызстан независимым, суверенным демократическим государством. Установила, что территория Республики Кыргызстан является целостной и неделимой, на ней действует только Конституция Республики Кыргызстан [3].

В иерархии понятий «народный суверенитет», «национальный суверенитет», «государственный суверенитет» на первом месте находится народный суверенитет, выражающий верховное, неотчуждаемое право народа определять свою судьбу, быть единственным и независимым носителем и выразителем верховной власти в государстве и обществе. При этом не следует отождествлять понятия народного и национального, а также национального и государственного суверенитетов, как отмечает С.В. Смирнов [4, с. 79].

Для обеспечения суверенитета Кыргызстану необходимо своевременно выявлять, анализировать и учитывать факторы, ослабляющие государственный суверенитет. Исходя из цели эффективного противодействия им, следует постоянно совершенствовать систему гарантий государственного суверенитета Кыргызской Республики и при помощи моделирования общих условий и реализации правовых средств обеспечения государственного суверенитета стремиться нейтрализовать указанные факторы.

Как отмечает В.Д. Зорькин, «несмотря на глубокие и многочисленные изменения, происходящие в мире в последние полтора десятилетия, государственный суверенитет остается основой конституционного строя большинства государств» [5, с. 18].

Говоря о проблеме суверенитета в конституционном строе Российской Федерации, необходимо выделить следующие принципиальные положения, имеющие существенное значение для развития отечественной конституционно-правовой доктрины и практики конституционного регулирования.

Основу российской государственности составляет единая система власти. Единственным носителем суверенитета и источником власти в Российской Федерации является многонациональный народ Российской Федерации. Из этого положения органично вытекает тезис о единстве государственного суверенитета, который принадлежит только Российской Федерации в целом и которым не обладают субъекты Федерации. Власть субъекта Федерации не есть суверенная власть, а лишь составная часть единой системы государственной власти. Таким образом, можно сказать, что в структуре российского федерализма существуют элементы унитаризма, позволяющие сохранить политическое и правовое единство и территориальную целостность государства, дающие ему возможность функционировать как единый организм.

Подписание Федеративного договора или договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов не сказывается на конституционной природе Российской Федерации, и она не становится конституционно-договорной или договорной, а остается конституционной федерацией [6, с. 16].

Все вышеперечисленные положения нашли свое отражение в практике Конституционного Суда Российской Федерации.

Так, Конституционный Суд РФ поставил точку в споре о делимости суверенитета, закрепив, что субъекты России не имеют статуса суверенного государства и решить вопрос иначе в своих конституциях не могут.

Конституционный Суд РФ в п. 2.1 данного акта разъяснил, что, во-первых, суверенитет Российской Федерации как демократического федеративного правового государства, распространяющийся на всю ее территорию, закреплён Конституцией РФ в качестве одной из основ конституционного строя (ч. 1 ст. 4). Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации, согласно Конституции РФ, является ее многонациональный народ (ч. 1 ст. 3), который, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов и возрождая суверенную государственность России, принял Конституцию РФ.

Во-вторых, суверенитет, предполагающий по смыслу ст. 3–5, 67 и 79 Конституции РФ верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной властей госу-

дарства на всей его территории и независимость в международном общении, представляет собой необходимый качественный признак Российской Федерации как государства, характеризующий ее конституционно-правовой статус.

В-третьих, Конституция РФ связывает суверенитет Российской Федерации, ее конституционно-правовой статус и полномочия, а также конституционно-правовой статус и полномочия республик, находящихся в составе Российской Федерации, не с их волеизъявлением в порядке договора, а с волеизъявлением многонационального российского народа – носителя и единственного источника власти в Российской Федерации. Основной Закон Российской Федерации, определяя статус республик как субъектов Российской Федерации, исходит из относящегося к основам конституционного строя Российской Федерации, а следовательно, к основам конституционного строя республик, принципа равноправия всех субъектов. Признание же за республиками суверенитета нарушило бы этот принцип, поскольку другие субъекты суверенитетом не обладают [7, с. 69].

Однако необходимо отметить, что все постановления, принятые Конституционным Судом по проблемам суверенитета в федеративном государстве, не нашли практического воплощения в деятельности центральных властей, органов законодательной и исполнительной власти субъектов Федерации. Учредительные акты некоторых республик в составе Российской Федерации по-прежнему содержат противоречащие федеральной Конституции положения о государственном суверенитете и статусе субъектов международного права. Причина подобного положения вещей кроется в отсутствии соответствующих исследований данной проблематики, а также в правовой системе Российского

государства эффективного механизма контроля над исполнением решений Конституционного Суда [8, с. 70].

В Конституции Кыргызской Республики четко установлено, что Кыргызская Республика является суверенным государством. Кыргызская Республика обладает полнотой государственной власти на своей территории, самостоятельно осуществляет внутреннюю и внешнюю политику. Народ Кыргызстана является носителем суверенитета и единственным источником государственной власти в Кыргызской Республике. Народ Кыргызстана осуществляет свою власть непосредственно на выборах и референдумах, а также через систему государственных органов и органов местного самоуправления на основе Конституции и законов [1, с. 70].

В этой связи, на наш взгляд, в целях эффективности действия гарантий суверенитета необходимо выявлять, анализировать и учитывать факторы, ослабляющие суверенитет Кыргызстана (риски, вызовы и угрозы), и, исходя из цели противодействия им, постоянно совершенствовать систему гарантий государственного суверенитета Кыргызской Республики.

В современных условиях особую опасность для Кыргызстана представляют проблемы миграции населения, терроризма, религиозного экстремизма и другие современные риски, вызовы и угрозы.

В связи с этим необходимо постоянное осуществление анализа современных вызовов и угроз, комплекса факторов, ослабляющих народный суверенитет, и формулирование практических рекомендаций, а также принятие Концепции суверенитета Кыргызской Республики на период с 2015 по 2030 годы в целях построения эффективной системы гарантий народного суверенитета Кыргызстана.

1. Конституция Кыргызской Республики: принята референдумом (всенародным голосованием) Кыргызской Республики 27 июня 2010 г. Бишкек, 2010.

2. Котов А.К. Государственный суверенитет Республики Казахстан: политико-правовой анализ становления и проблемы национально-государственного развития: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Алматы, 1994.

3. Декларации о государственном суверенитете Республики Кыргызстан. Верховный Совет Республики Кыргызстан. Бишкек, 31 авг. 1991 г. // Союз. 1991. № 38.

4. Смирнов С.В. Суверенитет современного государства в условиях глобализации: во-

1. *The Constitution of the Kyrgyz Republic: adopted by referendum (popular vote) of the Kyrgyz Republic of June 27, 2010. Bishkek, 2010.*

2. *Kotov A.K. State sovereignty of the Republic of Kazakhstan: political and legal analysis of formation and problems of nation-state development: auth. abstr. ... Dr of Law. Almaty, 1994.*

3. *Declarations of state sovereignty of the Republic of Kyrgyzstan. The Supreme Council of the Republic of Kyrgyzstan. Bishkek, Aug. 31, 1991 // Union. 1991. № 38.*

4. *Smirnov S.V. The sovereignty of the modern state in the context of globalization: theory and practice questions: diss. ... Master of Law. Ulyanovsk, 2011.*

просы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2011.

5. Зорькин В.Д. Апология Вестфальской системы // Россия в глобальной политике. 2004. № 3. Т. 2.

6. Ереклинцева Е.В. Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010.

7. Романова Л.М. Национальный суверенитет в условиях глобализации: институционально-правовой анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2009.

8. Крылов В.М. Становление и развитие Республики Башкортостан как субъекта Российской Федерации (конституционно-правовые аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

5. Zorkin V.D. Apology of the Westphalian system // Russia in global policy. 2004. № 3. Vol. 2.

6. Ereklintseva E.V. Sovereignty and democracy as constitutional values of modern Russia: theory and practice questions: auth. abstr. ... Master of Law. Chelyabinsk, 2010.

7. Romanova L.M. National sovereignty in the context of globalization: institutional and legal analysis: auth. abstr. ... Dr of Law. Rostov-on-Don, 2009.

8. Krylov V.M. Formation and development of the Republic of Bashkortostan as a subject of the Russian Federation (the constitutional and legal aspects): diss. ... Master of Law. Moscow, 2007.

Башинская Инна Геннадьевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры предварительного расследования
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: Bashinskaya_ig@mail.ru)

Актуальные проблемы возмещения вреда, причиненного гражданину незаконным уголовным преследованием

В статье проводится сравнительный анализ норм уголовно-процессуального и гражданского законодательства, регулирующего институт возмещения вреда, причиненного гражданину незаконным уголовным преследованием, выявляются их коллизии. Автором рассматриваются дискуссионные вопросы отраслевой принадлежности исследуемого правового института, высказывается собственное видение данной проблемы.

Ключевые слова: реабилитация, реабилитированный, право на реабилитацию, уголовное преследование, вред, порядок возмещения вреда.

I.G. Bashinskaya, Master of Law, Assistant Professor of a Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Bashinskaya_ig@mail.ru

Topical issues of compensation for harm caused to a person with unlawful criminal prosecution

This paper presents a comparative analysis of the norms of criminal procedure and civil legislation governing institute of compensation for harm caused to citizens by illegal criminal prosecution, identifies their conflicts. The author considers the discussing questions about sectoral belonging of legal institution, expresses own vision of the problem.

Key words: rehabilitation, rehabilitated, right to rehabilitation, prosecution, harm, procedure for redress.

Идея возмещения вреда, причиненного гражданину незаконным уголовным преследованием, не нова. По дореволюционному законодательству уголовная ответственность судей за должностные преступления регулировалась ст. 366–377 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845, 1885 г.), которые определяли, что именно считается «уголовно наказуемым неправосудием», устанавливали размеры наказания, налагаемого на судей. Восполнением этих норм являлись ст. 677–682 т. X Свода законов Российской Империи, предусматривающие возмещение убытков для этих случаев, а также ст. 783, 784 Устава уголовного судопроизводства и ст. 1316–1331 Устава гражданского судопроизводства 1864 г.

Конституция РФ провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства (ст. 2). При этом она гарантирует каждому право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53). Особым случаем

является возмещение вреда лицам, незаконно подвергнутым уголовному преследованию.

В уголовном судопроизводстве право граждан на реабилитацию и порядок его реализации закреплены в нормах гл. 18 УПК РФ. Гражданское законодательство устанавливает специальные основания ответственности за вред, причиненный гражданину в результате незаконного уголовного преследования (п. 1 ст. 1070 ГК РФ), регулирует вопросы возмещения убытков (ст. 15, 1064 ГК РФ) и компенсации морального вреда (ст. 151, 1099–1101 ГК РФ).

В «Юридической энциклопедии» под реабилитацией (лат. *rehabilitatio*, от *re* – вновь, опять, снова; *habilitas* (*habilitatis*) – пригодность, способность; англ. *rehabilitation*) понимается восстановление гражданина в судебном или административном порядке в социально-политических и гражданских правах, устранение иных последствий противоправного применения к нему мер принуждения или иного ограничения его прав и свобод со стороны государства [1, с. 737].

Реабилитация определена законодателем как порядок восстановления прав и свобод лица,

незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда (п. 34 ст. 5 УПК РФ). Право на защиту – это узаконенная возможность восстановить нарушенное, возместить понесенный ущерб, осуществить реализацию законного интереса [2, с. 21]. В соответствии с п. 1 ст. 133 УПК РФ право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. При этом вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда.

Можно привести достаточно красноречивые данные статистической отчетности Генеральной прокуратуры РФ за 2011 г., свидетельствующие о большом количестве случаев незаконного уголовного преследования. Так, число решений органов предварительного расследования и вступивших в законную силу решений суда, повлекших признание права на реабилитацию, составило 14771, из них 7512 лиц были незаконно подвергнуты мерам процессуального принуждения, 771 человек незаконно содержался под стражей. Заявленные требования о возмещении имущественного, морального вреда и о восстановлении трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав составили 3562. Всего удовлетворено 2932 требования реабилитированных лиц о возмещении имущественного и морального вреда за счет средств казны Российской Федерации на сумму 924134 руб. [3, с. 53–54].

Вместе с тем, регулирование исследуемых правоотношений различными не только по содержанию, но и по своей концептуальной основе нормами вызывает острые дискуссии в отечественной доктрине по поводу отраслевой принадлежности института возмещения вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием.

Многочисленные коллизии разных по уровню и отраслевой принадлежности норм позволили высказать позицию о межотраслевой природе рассматриваемых правоотношений. Так, М.Ю. Чельшев, изучая межотраслевые связи уголовно-процессуального, гражданского и гражданско-процессуального права, приходит к выводу о том, что эффективная защита публичных и частных интересов в уголовно-процессуальной сфере в ряде случаев возможна только при совместном использовании разноотраслевых правовых средств. По мнению автора, подобное обстоятельство признается и самим законодате-

лем, который устанавливает в УПК РФ отсылки к нормам иных отраслей права, в том числе и к ГК РФ в случаях возмещения вреда [4, с. 13]. В качестве межотраслевого институт реабилитации рассматривают и другие авторы [5, с. 24].

Цивилисты полагают, что названный институт является гражданско-правовым. В качестве аргументов называют различные обстоятельства. Некоторые авторы считают, что существенной стороной гражданско-правового метода являются восстановление нарушенных гражданских прав и их компенсация. Существование компенсационной функции нельзя обнаружить в чертах метода властных предписаний, присущего уголовно-процессуальному праву [6, с. 123]. Другие видят проблему в том, что по сложнейшим имущественным правоотношениям размер возмещаемого вреда должен определять дознаватель, следователь, прокурор, судья по уголовным делам. При этом в соответствии с п. 2 ст. 136 УПК РФ иски о компенсации за причиненный моральный вред предъявляются в порядке гражданского судопроизводства [7, с. 27].

Ученые-процессуалисты полагают, что, включив в УПК РФ главу 18, законодатель сказал свое веское слово в данном споре в их пользу [8, с. 6]. Разделяя данную позицию, заметим, что действующая редакция п. 2 ст. 135 УПК РФ предусматривает реабилитированному альтернативу в выборе судебной инстанции, в которую он может обратиться с требованием о возмещении вреда в течение сроков исковой давности, установленных ГК РФ.

Следует обратить внимание на существующие нормативные акты советского периода, которые никто не отменял. Речь идет об Указе Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей», утвержденном данным Указом Положении о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда [9], Инструкции по его применению [10].

В свое время принятие этих нормативных актов явилось важным шагом на пути совершенствования отечественного законодательства в сфере возмещения гражданам вреда от незаконного уголовного преследования. В настоящее время их наличие ставит правоприменительную практику в затруднительное положение. Это подтверждается фактами признания ряда положений данных норм не подлежащими применению.

Так, определением Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2005 г. № 242-О разъяснено, что Указ и Положение 1981 г. могут применяться лишь во взаимосвязи с положениями гл. 18 УПК РФ, ст. 1070 и § 4 гл. 59 ГК РФ. В связи с этим решением Верховного Суда от 5 апреля 2004 г. № ГКПИ 03-1383 признаны недействующими и не подлежащими применению п. 7 в части, ограничивающей право на полное возмещение убытков, а также п. 10 в части слов «шести месяцев» (реабилитированный вправе обратиться с требованием о возмещении вреда в течение общего срока исковой давности).

Помимо этого существует определенная несогласованность норм УПК РФ и других нормативных правовых актов. В частности, если провести сравнительный анализ норм п. 2 ст. 133 УПК РФ и п. 1 ст. 1070 ГК РФ, то можно

заметить что перечень лиц, имеющих право на возмещение вреда в случае реабилитации по нормам гражданского законодательства, является далеко не полным. На наш взгляд, подобная специальная норма в гл. 59 «Обязательства вследствие причинения вреда» является излишней, поскольку УПК РФ четко определил круг лиц, имеющих право на реабилитацию, закрепил порядок возмещения имущественного и морального вреда. Таким образом, положения ст. 1070 ГК РФ дублируют, при этом далеко не в полном объеме, отдельные положения ч. 1, 2 ст. 133 УПК РФ и, на наш взгляд, являются излишними. Несогласованность норм, порождающая противоречивую правоприменительную практику, нуждается в законодательном устранении в целях обеспечения реабилитированным лицам эффективного восстановления их прав.

1. *Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2009.*

2. *Лазаренкова О.Г. Право удержания и самозащита в современном гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007.*

3. *Парфенова М.В. Проблемы возмещения вреда лицам, незаконно подвергнутым уголовному преследованию, за счет средств казны Российской Федерации // Вестн. Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2013. № 1(33).*

4. *Челышев М.Ю. О межотраслевых связях уголовно-процессуального, гражданского и гражданско-процессуального права // Рос. следователь. 2005. № 10.*

5. *Амирбекова Г.Г. Судебный порядок возмещения вреда реабилитируемым лицам в Республике Дагестан // Рос. судья. 2008. № 2.*

6. *Захарова Г.С. Компенсация морального вреда, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов, как способ защиты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001.*

7. *Протасова И.Ю. Возмещение убытков и компенсация морального вреда за незаконное уголовное преследование. Краснодар, 2010.*

8. *Орлова М.В. Спорные вопросы реабилитации невиновных по уголовным делам // Рос. следователь. 2005. № 2.*

9. *Ведомости СССР. 1981. № 21. Ст. 741.*

10. *Инструкция по применению положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия и суда: утв. Министерством юстиции СССР, Прокуратурой СССР и Министерством финансов СССР 2 марта 1982 г. // БНА СССР. 1984. № 3.*

1. *Legal encyclopedia / ed. by M. Yu. Tikhomirov. Moscow, 2009.*

2. *Lazarenkova O.G. Right of lien and self-defense in the modern civil law: auth. abstr. ... Master of Law. St. Petersburg, 2007.*

3. *Parfenova M.V. Problems redress to persons illegally mentioned being subjected to criminal prosecution at the expense of the treasury of the Russian Federation // Bull. of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2013. № 1(33).*

4. *Chelyshev M. Yu. About interbranch relations of criminal procedure, civil and civil procedure law // Russian investigator. 2005. № 10.*

5. *Amirbekova G.G. Judicial redress procedure rehabilitated persons in the Republic of Dagestan // Russian judge. 2008. № 2.*

6. *Zakharova G.S. Compensation for moral damages caused by illegal actions of law enforcement agencies as a way to protect civil rights: diss. ... Master of Law. St. Petersburg, 2001.*

7. *Protasova I. Yu. Indemnity and compensation for moral damages for wrongful prosecution. Krasnodar, 2010.*

8. *Orlova M.V. Controversial issues of rehabilitation innocent in criminal cases // Russian investigator. 2005. № 2.*

9. *Bull. of the USSR. 1981. № 21. Art. 741.*

10. *Instructions for use provisions on the damage suffered unlawful actions of inquiry, preliminary investigation and trial: appr. by Ministry of Justice of USSR, the Prosecutor's Office of the USSR and Ministry of Finance of the USSR on March 2, 1982 // SUA USSR. 1984. № 3.*

Вецкая Светлана Анатольевна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры предварительного расследования
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: Vetsky_@mail.ru)

О проблемах взаимодействия правоохранительных органов со специалистами наркологической службы в вопросах профилактики употребления несовершеннолетними психоактивных веществ (на примере Краснодарского края)

В статье предложен анализ причин и условий, препятствующих слаженной организации взаимодействия различных служб и ведомств по вопросам профилактики наркопреступности среди несовершеннолетних.

Ключевые слова: взаимодействие, несовершеннолетний, асоциальные проявления, наркологические заболевания, профилактика, инспектор по делам несовершеннолетних, наркологический диспансер.

S.A. Vetskaya, Master of Law, Senior Teacher of a Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Vetsky_@mail.ru

On the problems of law enforcement cooperation with specialists of drug treatment services in the prevention of underage consumption of psychoactive substances (on the example of Krasnodar region)

The article offers an analysis of the causes and conditions that prevents the organization of various services and departments on prevention of drug related crimes among minors.

Key words: interaction, minor, antisocial manifestations, narcological diseases, prevention, juvenile inspector, drug dispensary.

В последние годы общественно-политическая и экономическая ситуация в стране с ее нестабильностью, ухудшением демографических показателей и изменениями в системе социальных и персональных ценностей с неизбежностью спровоцировала массовое распространение пьянства и наркологических заболеваний у населения. Особую обеспокоенность вызывают темпы распространения наркологических заболеваний среди молодежи. Данные показатели диаметрально противоположны демографической политике Российской Федерации, которая направлена на увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, сохранение и укрепление здоровья населения.

За последние семь лет заболеваемость несовершеннолетних алкоголизмом выросла в 3 раза, наркоманией – в 4,5 раза (в настоящее

время термин «наркомания» используется в определениях Федерального закона от 10 декабря 1997 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»), токсикоманией – почти в 2 раза [1]. Одновременно происходит сдвиг в структуре потребляемых молодежью препаратов в сторону более сильных, быстрее вызывающих психическую и физическую зависимость веществ. Некоторое колебание к заболеваемости токсикоманией (по данным Краевой наркологической больницы) вызвано у подростков вдыханием паров средств бытовой химии. Широкое распространение получила так называемая «аптечная наркомания»: подростки научились синтезировать из аптечных препаратов наркотики, которые отличаются высокой токсичностью и смертностью.

В целях улучшения положения подростков в крае одним из важнейших направлений дея-

тельности департамента образования, здравоохранения является профилактика асоциальных проявлений в подростковой среде. Так, правоохранительными органами и наркологической службой по Краснодарскому краю уделяется большое внимание организации работы по выявлению, раскрытию и ранней профилактике преступлений и правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, особенно среди несовершеннолетних.

Задачи по профилактике и борьбе с преступностью несовершеннолетних возложены на различные службы и подразделения органов внутренних дел, в первую очередь на сотрудников по делам несовершеннолетних. Для примера важно отметить положительный опыт работы института «школьных» инспекторов по делам несовершеннолетних края. Десятилетний опыт совместной деятельности образовательных учреждений и «школьных» инспекторов способствует ранней профилактике правонарушений среди подростков, своевременному выявлению негативных поступков, организации более качественной индивидуальной профилактической работы со школьниками и родителями.

Также эти задачи возложены и на сотрудников Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков.

Таким образом, если говорить о взаимодействии правоохранительных органов и наркологической службы, то в первую очередь речь идет о взаимодействии инспекторов по делам несовершеннолетних с педагогами-психологами и врачами-наркологами. Положительный результат определяют совместные мероприятия по выявлению подростков, обучающихся в различных учебных заведениях края, употребляющих или склонных к употреблению наркотических и психотропных веществ, а именно проведение:

оперативно-профилактических мероприятий «Здоровый образ жизни», «Группа», «Подросток – семья», «Лидер», «Каникулы» и т.д.;

тренинговых занятий по разрешению возникающих у обучающегося психологических проблем;

добровольного экспресс-тестирования среди несовершеннолетних на употребление наркотиков (в прошлом году на тестирование решением губернатора выделено было 32 млн руб., теперь оно будет проводиться повсеместно, во всех городах и районах края);

акций «Уроки для детей и их родителей»;

краевого детского творческого конкурса «Дети Кубани – против наркотиков»;

акций «За здоровье и безопасность наших детей»;

спортивных соревнований «Кубань олимпийская – против наркотиков».

К участию в проведении рейдовых мероприятий и оперативно-профилактических операций привлекаются сотрудники наркологических служб края, общественные формирования: члены казачества, добровольной народной дружины, студенческих отрядов. Результаты проводимых мероприятий освещаются в средствах массовой информации края.

Несмотря на достигнутые позитивные результаты, остаются нерешенными ряд проблем.

По состоянию на 1 января 2012 г. на учете в ГУЗ «Наркологический диспансер» состоит свыше 30 тыс. наркозависимых (на 1 января 2011 г. – 34205). За последний год, по официальной статистике, во всех городах и районах Кубани наркоманов стало меньше более чем на 3 тыс. (10%).

Нормативными документами, регулирующими деятельность наркологической службы, являются приказ Министерства здравоохранения СССР от 12 сентября 1988 г. № 704 «О сроках диспансерного наблюдения больных алкоголизмом, наркоманиями и токсикоманиями» и инструкции к нему. Согласно этому приказу в наркологии существует два вида учета: диспансерный и профилактический. Лица, состоящие на диспансерном учете, в зависимости от заболевания наблюдаются врачом-наркологом от трех до пяти лет (при условии объективно подтвержденной ремиссии). Целью профилактического наблюдения является предупреждение развития хронического заболевания. Срок профилактического наблюдения – один год.

По состоянию на 1 января 2012 г. под наблюдением врачей-наркологов в Краснодарском крае состоит 1684 несовершеннолетних, из них 253 человека – дети до 14 лет [2].

Сегодня на учетах в подразделениях по делам несовершеннолетних состоит около 5 тыс. подростков (4652), из них более 700 – за употребление спиртных напитков, наркотических и одурманивающих веществ.

В работе по выявлению несовершеннолетних вне образовательных и лечебно-профилактических учреждений, т.е. там, где они предоставлены сами себе, имеются определенные трудности. Инспекторы отделов по делам несовершеннолетних (ОДН) достаточно часто задерживают несовершеннолетних в нетрезвом состоянии. Для оформления акта совершенного правонарушения, к сожалению, не требуется медицинского заключения о наличии нетрезвого состояния у несовершеннолетнего (в отличие от взрослых, где медицинское освидетельствование является обязательным). В связи с

таким положением дел во многих территориях инспекторы не доставляют несовершеннолетних в медицинские учреждения для медицинского освидетельствования на предмет алкогольного, наркотического или токсического опьянения, хотя возникает вопрос, по каким критериям можно подтвердить, что ребенок действительно употреблял алкоголь, наркотики или токсические вещества.

После оформления документов в отделе по делам несовершеннолетних (ОПДН) несовершеннолетнего отпускают, а в наркологическое учреждение направляют информацию по данному инциденту. Врач-нарколог должен пригласить ребенка с родителями на осмотр, что он и делает. Однако в 80% случаев приглашение игнорируется, а механизма обязать прийти на прием у врача нет. Из оставшихся 20% приходящих на прием большая часть детей и родителей категорически отрицают факт приема психоактивного вещества. Кроме того, существующее законодательство не позволяет брать под наблюдение детей, чьи родители (законные представители) не согласны с заключением врача-психиатра-нарколога о необходимости профилактического наблюдения несовершеннолетнего.

Именно этой причиной объясняется слишком большая разница в статистических показателях учета несовершеннолетних, злоупотребляющих психоактивными веществами, в РОВД и в наркологических учреждениях.

Хорошо зарекомендовали себя такие формы взаимодействия, как совместные приемы несовершеннолетних, состоящих на учете в ОПДН, на базе отдела по делам несовершеннолетних с участием врача-нарколога.

Согласно Стратегии государственной антинаркотической политики РФ до 2020 г. приоритетным направлением является развитие центров реабилитации. В Краснодарском крае таких клиник под контролем государства всего две, есть десятки частных.

Таким образом, для положительного взаимодействия служебной деятельности инспекторов ОПДН с наркологическими учреждениями необходимо осуществлять:

- 1) документальное подтверждение нетрезвого состояния задержанного несовершеннолетнего;
- 2) своевременный осмотр врачом-наркологом и возможность принять решение о необходимости дальнейшего наблюдения;
- 3) при общении с родителями ребенка работник правоохранительных органов и врач будут иметь документальное подтверждение о том, что ребенок действительно находился в нетрезвом состоянии;
- 4) более тесное взаимодействие наркологической службы и правоохранительных органов по вопросам вторичной профилактики злоупотребления ПАВ несовершеннолетними.

Таким образом, профилактическая работа по противодействию распространению, употреблению наркотиков со стороны одних лишь правоохранительных органов больших результатов не принесет, здесь важно глобальное изменение отношения со стороны общественности, устранение противоречий и несогласованности в законодательстве, а именно просвещение детей и родителей по вопросам законодательства в отношении наркомании и лиц, распространяющих и употребляющих наркотики.

1. URL: www.narcom.ru

2. Статистические данные акции «Стоп наркотик», Краснодарский край, 24.06.2012 // Юга: портал Южного региона. URL: www.yuga.ru

1. URL: www.narcom.ru

2. Statistics of action «Stop drug», Krasnodar region, 24.06.2012 // South: portal of the Southern Region. URL: www.yuga.ru

Натура Денис Александрович

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры предварительного расследования
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: zida@inbox.ru)

К вопросу об альтернативных источниках получения криминалистически значимой информации

В статье затрагиваются проблемные вопросы, связанные с применением нетрадиционных способов получения криминалистически значимой информации при расследовании по уголовному делу. В частности, анализируется опыт применения полиграфа, а также ставится вопрос о возможности проведения допроса под гипнозом.

Ключевые слова: информация, гипноз, гипнотизер, полиграф, допрос.

D.A. Natura, Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: zida@inbox.ru

To the question of alternative sources of receiving criminalistic significant information

In the article the problem questions connected with application of nonconventional ways of receiving criminalistic significant information at investigation on criminal case are raised. In particular, experience of application of a polygraph is analyzed and the question of possibility of carrying out interrogation under hypnosis is raised.

Key words: information, hypnosis, hypnotist, polygraph, interrogation.

Правоохранительные органы стремятся внедрять в практику расследования преступлений прогрессивные разработки как отечественных, так и зарубежных ученых в различных областях научных знаний. Однако стоит отметить неоднозначное отношение к некоторым новшествам, которые объективно существуют и имеют достаточно обоснованную с научной точки зрения позицию. Существует множество мнений по поводу применения тех или иных способов, средств и методов получения информации в процессе расследования по уголовному делу.

Еще древние философы говорили, что в споре рождается истина. Хотелось бы высказать свое видение проблемы, связанной с использованием гипноза и полиграфа в следственной практике органов внутренних дел.

Гипноз (др.-греч. ὑπνος – сон) – измененное состояние сознания, одновременно сочетающее в себе признаки бодрствования, сна и сна со сновидениями. Гипноз позволяет сосуществовать одновременно взаимоисключающим состояниям сознания [1]. Профессор А.М. Ларин полностью отвергал применение гипноза и приводил свои доводы (делая это с определенной долей иронии). Его критике подвергся профессор Л.П. Гримак [2], который предложил провести си-

стематическое компетентное экспериментальное исследование в области гипноза. Полностью была отвергнута уже разработанная методика опроса граждан в гипнотическом состоянии, предложенная В.Д. Хабалевым [3].

В своих доводах А.М. Ларин апеллировал к УПК РФ, говоря о том, что в нем нет норм, которые могли бы регламентировать применение гипноза в деятельности органов дознания и следствия. Да, в УПК тех лет, как, впрочем, и в ныне действующем УПК, не предусмотрено такой нормы. Однако ничего не стоит на месте, проводятся научные изыскания, меняется законодательство. Возможно, скоро настанет тот момент, когда возникнет необходимость внесения определенных корректив в уже устоявшиеся и, казалось бы, незыблемые положения. Компетентные психиатры и психологи определяют гипноз как временное состояние психики, связанное с характерной сверхвнушаемостью человека. Именно на основе внушаемости и разработаны методики применения гипноза.

Во время проведения сеанса происходит сужение объема сознания. Если объем сознания сужается, человек теряет ориентацию по месту и времени. Этого и добивается гипнотизер с целью «считывания» информации, которая не искажается посторонними мыслями.

А.М. Ларин проводил некорректное сравнение гипнотического состояния со слабоумием. Обратим внимание на то, что «расстройство интеллекта (слабоумие) (от лат. *intellectus* – понимание, познание) – это психиатрический интеллектуально-мнестический синдром; врожденное (умственная отсталость) или приобретенное (деменция) поражение интеллекта, в результате которого у человека снижается способность понимать связь между окружающими явлениями, утрачивается способность отделять главное от второстепенного, утрачивается критика к своим высказываниям, поведению» [4]. Очевиден тот факт, что слабоумный не имеет возможности общаться (полноценно) в силу недоразвитости определенных отделов головного мозга, тогда как человек под гипнозом хоть и пребывает в бессознательном состоянии, его мозг имеет массу информации, и доступ к ней открыт. При этом за счет «бессознательности» существует доступ ко всей информации, имеющейся на данный момент у исследуемого (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего).

Чтобы избежать «наговоров» на себя и других лиц, во время сеанса в обязательном порядке должен присутствовать адвокат и следить за правильностью проведения сеанса гипноза.

Нельзя говорить, что гипноз в отношении конкретного субъекта и с его согласия – форма психического насилия, т.к. насилие (по определению Всемирной организации здравоохранения) есть «преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб» [5], и если следователь получил согласие допрашиваемого на проведение сеанса гипноза, то его действия не могут рассматриваться как насильственные.

Следует отметить, что сама возможность использования гипноза в процессе расследования уголовного дела на данный момент носит лишь теоретический характер по причине отсутствия конкретных уголовно-процессуальных норм. Сами же методики уже давно апробированы и вполне успешно применяются в других сферах деятельности человека.

Использование гипноза в расследовании преступлений – дело ближайшего будущего. А сегодня есть вполне реальное направление для научных изысканий психологов, психофизиологов, психиатров, процессуалистов и криминалистов, цель которых – поставить применение гипноза при расследовании уголовных дел на научную основу.

Полиграф – это набор аппаратов для объективного исследования физиологических показателей, характеризующих аффективное состояние человека. К человеку, подвергнутому испытанию на детекторе лжи, присоединяются датчики приборов, регистрирующих кожно-гальваническую реакцию (изменение электрического сопротивления кожи), электроэнцефалограмму (запись биотоков мозга), плетизмограмму (сосудистую реакцию организма), тремор (дрожание мышц) и т.д. Во время допроса показатели всех приборов выводятся на одну ленту, и опытный исследователь может по их данным более точно судить об эмоциональном состоянии испытуемого, чем при наблюдении лишь внешних форм его поведения, поскольку произвольное управление вегетативными реакциями нетренированному человеку практически не удается [6, с. 36].

С появлением полиграфа в качестве инструмента, способствующего раскрытию преступлений, одновременно возникла и проблема законности его применения. У противников использования полиграфа в уголовном процессе возникали вопросы, связанные с тем, нарушает ли проверка на полиграфе право человека на тайну; можно ли использовать результаты полиграфных проверок в суде; не ведет ли к унижению личности процесс тестирования. Все эти проблемы обсуждаются и по сей день.

В настоящее время более чем в 50 странах мира полиграф успешно используется в борьбе с преступностью. В основном результаты полиграфных проверок носят вспомогательный характер и только в некоторых странах используются в суде в качестве доказательств. В России правовое обеспечение применения полиграфа в уголовном судопроизводстве находится на начальной стадии. Отсчет времени его формирования можно начать с момента принятия указания МВД России от 30 июля 1992 г. «О правовом и нормативном обеспечении использования полиграфа в системе МВД РФ». Организация и проведение полиграфных проверок были поручены так называемому «Бюро спецмероприятий», позже переименованному в Управление оперативно-технических мероприятий (УОТМ). Основной причиной передачи полиграфных проверок этому подразделению послужило то обстоятельство, что руководство МВД России было достаточно консервативным и относилось к полиграфу как к спецоборудованию закрытого типа.

При непосредственном участии С.В. Игнатов, начальника кафедры Академии МВД СССР, были созданы подразделения во ВНИИ МВД России и Управление оперативно-технических

мероприятий, на которые возлагалась разработка как теоретических проблем, так и практических исследований. Только благодаря ему 28 декабря 1994 г. была принята первая инструкция, регламентирующая использование полиграфа в расследовании преступлений.

Эта инструкция разрушила сложившийся у наших чиновников психологический барьер и дала возможность начать создавать полиграфную службу в России. До появления инструкции полиграфные проверки в МВД проводились отдельными смельчаками, но и они встречали резкую критику со стороны прокуратуры вплоть до угроз привлечь к уголовной ответственности за несоблюдение законов СССР. Юридическую предпосылку для проведения полиграфных проверок давала ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», которая разрешала «...в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий использовать... кино- и фотосъемку, а также другие технические средства, не наносящие ущерб жизни и здоровью людей и не причиняющие вред окружающей среде». Под определение «и другие технические средства» можно было подвести и полиграф.

При изучении мнения практических работников по вопросу использования полиграфа в ходе предварительного следствия и дознания подавляющее большинство респондентов (81,7%) высказало положительное отношение к его применению, значительно меньше (16,3%) – отрицательное, и лишь 2% из числа опрошенных затруднились дать конкретный ответ, ссылаясь на незнание принципов действия прибора.

Касаясь проблем соблюдения прав человека, следует отметить, что основная масса респондентов (84,7%) не расценивает применение полиграфа при допросе как унижение чести и достоинства личности, но при определенных условиях; в частности, 7,1% из них считает исследование правомерным, если оно проводится с согласия допрашиваемого, и 3,1% – если оно осуществляется при расследовании тяжких преступлений. При этом из общего числа опрошен-

ных 13% считают, что применение полиграфа на допросе нарушает права человека, а 2,3% затруднились изложить свое мнение. Если учитывать, что часть респондентов не в полной мере представляет себе процесс осуществления проверок с использованием полиграфа и решаемые при этом задачи, то процентное соотношение в пользу активного использования полиграфа на стадии предварительного расследования все же довольно ощутимо.

При определении доказательственной ценности информации, полученной с использованием полиграфа, мнения практических работников разделились.

С их точки зрения, данную информацию необходимо:

считать прямым доказательством по делу – 8%;
считать косвенным доказательством по делу – 38,6%;

принимать к сведению в процессе расследования – 53,4%.

С учетом изложенного считаем, что использование полиграфа в интересах объективизации расследования по уголовному делу играет важнейшую роль, т.к. позволяет наблюдать за изменениями физиологических функций организма допрашиваемого под влиянием критических раздражителей.

Внедрение в следственную практику альтернативных способов получения криминалистически значимой информации будет способствовать решению проблем предварительного расследования, нуждающегося в новых методах установления истины по делу.

Использование альтернативных источников информации должно не столько определяться функцией изобличения виновных (что, естественно, имеет немаловажное значение), сколько решать проблему сведения к минимуму следственно-судебных ошибок. Полученная из такого рода источников информация будет носить как оправдательный, так и обвинительный характер лишь в случае подтверждения ее иной доказательственной информацией по делу.

1. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Гипноз>
2. Гримак Л.П. Гипноз и преступность. М., 1997.
3. Хабалеев В.Д. Использование гипноза в оперативно-розыскной практике // Записки криминалиста. М., 1995. Вып. 5.
4. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Расстройство_интеллекта
5. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Насилие>
6. Варламов В.А. Детектор лжи / ГУВД Краснодарского края. Краснодар, 1998.

1. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Hypnosis>
2. Grimak L.P. Hypnosis and crime. Moscow, 1997.
3. Habaleev V.D. Hypnosis use in operational search practice // Notes of the criminalist. Moscow, 1995. Iss. 5.
4. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Disorder_of_intelligence
5. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Violence>
6. Varlamov V.A. Lie detector / Municipal Department of Internal Affairs of Krasnodar region. Krasnodar, 1998.

Тузов Александр Иванович
кандидат биологических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79183982720)

Влияние стрессовых факторов на проявление отклоняющихся форм поведения

В статье рассматриваются причины проявлений девиантного поведения под воздействием негативных факторов. Проводится анализ снятия последствий влияния стрессовых факторов у различных категорий граждан, освещается роль психологов органов внутренних дел в снижении риска проявления девиантного поведения среди сотрудников.

Ключевые слова: стресс, фактор, девиантное поведение, форма поведения, напряженность.

A.I. Tuzov, Master of Biology, Assistant Professor of a Chair of Psychology and Pedagogics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79183982720.

Influence of stressful factors on manifestation of deviating forms of behavior

In the article the reasons of manifestations of deviant behavior under the influence of negative factors are considered. The analysis of removal of consequences of influence of stressful factors at various categories of citizens, and of a role of psychologists of law-enforcement bodies in decrease in risk of manifestation of deviant behavior among employees is carried out.

Key words: stress, factor, deviant behavior, behavior form, intensity.

Человек представляет собой биологический организм, наделенный разумом. Находясь в постоянном взаимодействии с окружающей средой, он постоянно испытывает на себе ее воздействия, которые могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние. Изучая влияние стресса на живой организм, можно выявить общие закономерности, свойственные влиянию стресса как на высокоорганизованный, так и на низкоорганизованный организм. При этом стрессовые факторы будут влиять одинаково, т.е. вызывать типичные реакции у данных организмов. Но существует и ряд особенностей реакции высокоорганизованного организма на влияние стресса. При изучении данного вопроса нами в качестве более интересных и значимых были определены особенности реакции высокоорганизованных организмов на стрессовые факторы. Естественно, человек, являясь высшей формой живой материи, представляет наибольший интерес при изучении влияния стрессовых факторов на организм. Также данный вопрос актуален тем, что сотрудники силовых структур в большей степени подвержены стрессовым воздействиям.

Рассматривая причины возникновения последствий влияния стресса, можно заметить, что не у всех людей они проявляются одинаково, но те виды стрессовых проявлений, которые

идентичны с проявлениями у низкоорганизованных организмов, свойственны всем людям, в частности, это изменение функции внутренних органов, активация или угнетение вегетативных реакций и т.д. Именно данные показатели можно использовать для оценки степени влияния стрессовых факторов на человека и судить о его стрессоустойчивости.

Под стрессоустойчивостью специалисты понимают реакцию организма на воздействие стресс-факторов и способность адаптироваться к новым условиям. Для оценки таких возможностей и естественной резистентности организма используют показатели крови:

биохимические – содержание в сыворотке крови общего белка, неорганического фосфора, кальция, каротина, витамина А, глюкозы, кетонных тел, уровень каталазной активности, щелочного резерва;

гематологические – количество эритроцитов, лейкоцитов, гемоглобина, морфологический состав форменных элементов крови, гематокрит и др.;

иммунобиологические – фагоцитоз лейкоцитов, элиминационные свойства крови, титр нормальных антител, активность бактерицидная, лизоцимная, В-лизинов [1].

Но данные показатели затруднительно использовать для повседневной оценки степени

влияния стрессовых факторов на человека. Этому есть ряд объяснений. Каждый человек представляет собой личность, и он индивидуален. В процессе индивидуального развития центральной нервной системы происходит формирование индивида с уникальным набором признаков, характерных только для него, соответственно, и реакция данного организма на стрессовые влияния будет индивидуальна. Как показывают наблюдения, в одной и той же стрессовой ситуации разные люди могут вести себя по-разному. Возникает вопрос: почему в схожих стрессовых ситуациях один человек мобилизуется, действия его имеют положительную активизацию, а другой человек поддается проявлениям отклоняющихся форм поведения?

Скорее всего, ответ на этот вопрос кроется в индивидуальных особенностях, характеризующих различные типы нервной системы. При рассмотрении представителей, имеющих сильную и слабую нервную систему, можно заметить, что проявлению девиантного поведения в результате воздействия негативных стрессовых факторов подвержены индивиды со слабым типом нервной системы, в то время как представители сильного типа нервной системы, наоборот, показывают положительные достижения. Изучая влияние стрессовых факторов на сотрудников силовых структур, можно утверждать, что формирование личности к этому периоду произошло и индивид уже обладает более или менее сильной нервной системой. Поэтому для снижения факторов проявления девиантного поведения необходим индивидуальный подход при работе психолога с сотрудником органов внутренних дел.

Для того чтобы эффективней проводить работу по недопущению проявления девиантного поведения среди сотрудников органов внутренних дел в результате влияния стрессовых факторов, необходимо разобраться в физиологических причинах данного явления.

Сила нервной системы зависит от уровня протекания нервных процессов в головном мозге, особенно в определенных его структурах. В формировании замысла поведенческой формы принимают участие структурные элементы лимбической системы головного мозга. Эти же элементы воспринимают негативное воздействие стрессовых факторов, в результате чего в них возникают функциональные отклонения. Эти отклонения будут в большей мере проявлены в слабом типе нервной системы ввиду особенностей протекания физиологических процессов в головном мозге. Исследования американских ученых показали, что у участников войны во

Вьетнаме, у которых проявился «синдром войны» (по аналогии – «афганский» и «чеченский синдром»), выразившийся в различных формах девиантного поведения, было выявлено уменьшение размера гипокампа, отвечающего за анализ поступающей информации на новизну и важность. Такие отклонения чаще проявляются в повышенной агрессивности, замкнутости и проявлении неадекватной ответной реакции на типичные раздражители. Вследствие этого возникает недопонимание со стороны родных, близких и сослуживцев, что, в свою очередь, усугубляет сложившуюся ситуацию, человек чувствует себя изгоем. В результате протекающих изменений в структурах головного мозга у человека снижается самооценка, появляется неуверенность в себе, повышенная тревожность и т.д. На фоне негативных проявлений у человека изменяется и поведение, т.к. оно формируется под влиянием тех же структур головного мозга, которые претерпели изменения под влиянием негативных стрессовых факторов. В связи с этим становится понятно, почему определенное количество сотрудников, подвергающихся воздействию стрессовых факторов, проявляют различные формы отклоняющегося поведения. По данным исследователей, среди методов снятия эмоционального напряжения на третьем месте находится алкоголь. Дело в том, что алкоголь, оказывая влияние на организм, изменяет качество протекания физиологических процессов в головном мозге, тем самым у человека создается видение некоего благополучия в текущих событиях, происходящих с ним, хотя в действительности это и не так.

В сложившейся ситуации ведущая роль в профилактике девиантного поведения среди сотрудников принадлежит психологам органов внутренних дел. Именно они уже на уровне отбора при приеме на службу должны выявить особенности человека, не позволяющие ему проходить службу в органах внутренних дел. Среди граждан, прошедших отбор в ряды сотрудников органов внутренних дел, имеются лица с разным уровнем устойчивости к воздействиям негативных стрессовых факторов. При помощи различных методик психологи подразделений должны определять эти уровни и, основываясь на результатах, рекомендовать или не рекомендовать сотрудника к привлечению выполнять служебные задачи в стрессогенной среде. В зависимости от ситуации, при имеющемся в достаточном количестве времени возможно проведение мероприятий по подготовке сотрудника к выполнению задач в условиях воздействия стрессовых факторов. В результа-

те повышается уровень стрессоустойчивости, что, в свою очередь, означает устойчивость мозговых структур к негативным воздействиям. Немаловажным фактором стрессоустойчивости является развитие патриотизма и чувства долга среди сотрудников. Если выполнение задач происходит в неблагоприятных условиях (а это бывает наиболее часто), но у сотрудника при этом высокий уровень патриотизма, то он

в меньшей степени будет ощущать негативные влияния стрессовых факторов, соответственно, для снятия эмоционального напряжения ему не придется прибегать к отклоняющимся формам поведения. Поэтому тут речь идет о роли воспитателей, причем данное направление гораздо шире и сложнее, т.к. эти качества должны прививаться и в семье, и в школе, и в других институтах социализации.

1. Кузнецов А., Тузов А. Оценка стрессоустойчивости животных // *Животноводство России*. 2010. № 8.

1. Kuznetsov A., Tuzov A. Assessment of resistance to stress of animals // *Animal husbandry of Russia*. 2010. № 8.

Гришко Александр Яковлевич

доктор юридических наук, профессор,
Уполномоченный по правам человека в Рязанской области
(тел.: +74912253722)

Отраслевые принципы уголовно-исполнительного права

В системе общеправовых принципов автор выделяет принципы, характеризующие только уголовно-исполнительное право, в их числе: принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения; принцип соединения наказания с исправительным воздействием. На основе сопоставления принципов, закрепленных в УК РФ и УИК РФ, делается вывод об их рассогласовании. В статье ставится вопрос о необходимости закрепления в уголовно-исполнительном законодательстве принципа справедливости.

Ключевые слова: принципы, рациональное применение мер принуждения, соединение наказания с исправительным воздействием, справедливость, рассогласование.

A.Ya. Grishko, Doctor of Law, Professor, Commissioner for Human Rights in the Ryazan region; tel.: +74912253722.

Branch principles of criminal executive law

In system of all-legal principles the author allocates the principles characterizing only the criminal and executive right, among them: the principle of rational application of the coercive measures, cures condemned and stimulations of their right obedient behavior; principle of connection of punishment with corrective influence. On the basis of comparison of the principles consolidated in the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal executive code of the Russian Federation draws a conclusion about their mismatch. In article the question of need of fixing for the criminal and executive legislation of the principle of justice is raised.

Key words: principles, rational application of coercive measures, connection of punishment with corrective influence, justice, mismatch.

В УИК РФ впервые был сформулирован и получил свою реализацию в конкретных нормах закона принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения. Он отражает особенность исполнения различных видов уголовных наказаний с точки зрения целей и задач уголовно-исполнительного законодательства и требований ч. 3 ст. 9 УИК РФ, указывающей, что средства исправления осужденных применяются с учетом вида наказания.

Все виды уголовных наказаний можно разделить на две группы:

- а) наказания, связанные с пенитенциарным режимом, предусматривающие применение основных средств исправления осужденных;
- б) наказания, характеризующиеся непенитенциарным режимом.

Существенной особенностью непенитенциарного режима является то, что он не охватывает всего образа жизни осужденного, т.к. не изолирует

его от общества, а устанавливает специфические права и обязанности, которые выражаются в порядке и условиях отбывания наказания. В данном случае применение основных средств исправления носит весьма ограниченный характер, а акцент делается на рациональном применении мер принуждения к осужденным и стимулирования их правопослушного поведения в условиях, не связанных с лишением свободы.

Рациональное применение мер принуждения закреплено в нормах, определяющих ответственность осужденных во время отбывания, например, таких наказаний, как обязательные работы (ст. 29 УИК РФ), штраф (ст. 32 УИК РФ), исправительные работы (ст. 46 УИК РФ), ограничение свободы (ст. 58 УИК РФ).

Законодатель предусматривает основания, порядок и условия применения к осужденным мер взыскания. При этом ни один осужденный не может быть подвержен мерам взыскания, не будучи предварительно информирован о проступке, который ему ставится в вину, и не

получив должной возможности высказаться в свое оправдание.

Рациональное применение мер принуждения выражается также в замене наказания, не связанного с пенитенциарным режимом, наказанием в виде лишения свободы. Уголовный закон предусматривает возможность замены обязательных работ лишением свободы (ч. 3 ст. 49 УК РФ), исправительных работ – ограничением свободы или лишением свободы (ч. 4 ст. 50 УК РФ).

Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила, 1990), обращают внимание на тщательное рассмотрение фактов, представленных как сотрудником органа, исполняющего наказания, так и правонарушителем, при решении вопросов, связанных со злостным уклонением от отбывания наказания. При этом подчеркивается, что если мера, не связанная с лишением свободы, окажется неэффективной, то это не должно автоматически приводить к применению меры, связанной с изоляцией от общества. Токийские правила указывают, что в случае изменения или отмены наказания, не связанного с тюремным заключением, необходимо установить подходящее альтернативное наказание, не связанное с лишением свободы. Наказание в виде лишения свободы может налагаться только при отсутствии других подходящих альтернативных мер.

Стимулирование правопослушного поведения исходит из психолого-педагогической обусловленности норм уголовно-исполнительного права.

Согласно Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными (пр. 70) в каждом заведении следует иметь систему льгот и разрабатывать различные методы обращения с разными категориями осужденных, чтобы поощрять их к хорошему поведению, развивать в них чувство ответственности, прививать им интерес к перевоспитанию и добиваться их сотрудничества.

Реализация рассматриваемого принципа обеспечивается уголовно-исполнительным законодательством, которое содержит элементы прогрессивной системы отбывания наказания и нормы, поощряющие осужденных к правопослушному поведению и добросовестному отношению к труду и учебе.

В структуре уголовно-исполнительного права есть поощрительные нормы, которые рассматриваются учеными как средства формирования правомерного поведения осужденных [1].

Поощрительной следует считать лишь ту норму, которая не просто смягчает ответствен-

ность и наказание, но и поощряет субъекта за активное поведение. Социальная ценность таких норм состоит в том, что они обеспечивают реализацию других норм уголовно-исполнительного права без государственного принуждения. Особенностью их содержания является то, что они закрепляют тот или иной вид материального или морального поощрения активного позитивного поведения осужденных. Поощрительные нормы содержат правила поведения как для осужденных, так и для органов, исполняющих наказания, в компетенцию которых входит право на применение поощрения [2, с. 14–15].

Применение основных средств исправления в полном объеме присуще только лишению свободы на определенный срок. Уголовно-исполнительный закон к таким средствам относит: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательную работу, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональную подготовку и общественное воздействие (ч. 2 ст. 9 УИК РФ).

Рациональное применение основных средств базируется на международных принципах, изложенных, в частности, в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными, и требованиях, содержащихся в УИК РФ. Так, в пр. 57 указывается, что заключение и иные меры, изолирующие правонарушителя от окружающего мира, причиняют ему страдания уже в силу того, что они отнимают у него право на самоопределение, поскольку лишают его свободы. Тюремная система не должна усугублять страдания, вытекающие из этого положения. Иными словами, осужденного направляют в места лишения свободы в целях исправления, но не для того, чтобы его там наказывать.

В соответствии с пр. 60 режим исправительного учреждения должен стремиться сводить до минимума разницу между жизнью в этом учреждении и жизнью на свободе, потому что жизнь в неволе убивает в осужденных чувство ответственности и сознание человеческого достоинства.

Перед завершением срока наказания желательнее принимать меры к постепенному возвращению осужденных к жизни в обществе. В обращении с осужденными следует акцентировать их внимание на том, что они продолжают оставаться членами общества.

Действующее российское уголовно-исполнительное законодательство отражает и закрепляет изложенные выше нормы. Российская Федерация обеспечивает законность применения средств исправления осужденных (ст. 10 УИК РФ).

Осужденные имеют право на вежливое обращение со стороны персонала учреждения,

исполняющего наказания. Они не должны подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Меры принуждения к осужденным могут быть применены не иначе как на основании закона (ч. 2 ст. 12 УИК РФ). Законодатель предусматривает изменение условий отбывания наказания в пределах исправительной колонии, а также изменение вида исправительного учреждения в зависимости от поведения, отношения к труду и срока отбытого наказания.

Стремление свести режим лишения свободы к минимуму разницы между жизнью в колонии и жизнью на свободе выражается, например, в облегченных условиях содержания осужденных в колониях общего режима. В целях успешной социальной адаптации отбывающие наказание по постановлению начальника учреждения за шесть месяцев до окончания срока наказания могут быть освобождены из-под стражи. В этом случае осужденным разрешается проживать и работать под надзором администрации учреждения за пределами исправительной колонии. Эти же цели преследуют нормы, предусматривающие перевод осужденных из колоний общего и строгого режимов в колонию-поселение, где осужденные содержатся без охраны, но под надзором администрации учреждения. Им может быть разрешено проживание со своими семьями на арендованной или собственной жилой площади за пределами колонии-поселения (ст. 129 УИК РФ).

Все это способствует постепенному возвращению осужденного к жизни в обществе.

Принцип соединения наказания с исправительным воздействием прямо связан с реализацией главной цели наказания – исправления осужденных.

К наказаниям, исполнение которых сопровождается исправительным воздействием, относятся лишение свободы, арест, содержание в дисциплинарной воинской части, ограничение свободы, исправительные работы. Эти наказания подлежат применению не за любое преступление, а лишь в тех случаях, когда суд придет к выводу, что достижение целей наказания невозможно без более или менее длительного не только карательного, но и исправительного воздействия. Соединение исполнения наказания с мерами исправительного воздействия образует сложный карательно-воспитательный процесс, регулирование которого осуществляется нормами уголовно-исполнительного права.

В научной литературе иногда отождествляют исправительное и воспитательное воздействие на осужденных. Исправительное воздействие

является более широким понятием, включающим в себя карательные и воспитательные элементы [3, с. 28], т.е. карательный и воспитательный процессы представляют собой различные стороны единого исправительного процесса.

Карательный процесс строго ограничен нормами уголовно-исполнительного права, однако объем кары не всегда совпадает с объемом правоограничений. Объем кары может быть значительно шире по своему содержанию, включать в себя карательные элементы, не регулируемые правовыми нормами. Так, отбывание наказания не по месту жительства, а в иных местах может создавать дополнительные карательные элементы, поскольку из-за большого расстояния осужденный не может реализовать право на свидание с родственниками или выехать за пределы исправительного учреждения. В качестве примера можно привести и признание осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, что влечет за собой не только направление в помещении камерного типа на срок до шести месяцев, но и, как правило, такие карательные последствия, которые не предусмотрены уголовно-исполнительным законодательством. Например, на эту категорию осужденных не распространяется акт об амнистии. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 26 мая 2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» предусматривало освобождение от наказания, в частности, лиц, принимавших участие в боевых действиях по защите Отечества. Тем не менее если на период действия амнистии осужденные были признаны злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, то действие акта об амнистии на них не распространялось.

Нетрудно заметить, что перечисленные выше ситуации содержат карательные элементы, которые не определяются нормами уголовного и уголовно-исполнительного права.

Дополнительную карательную нагрузку несут осужденные в связи с необеспечением государством норм жилой площади в исправительных учреждениях, норм питания, надлежащего медико-санитарного обслуживания. Во многих колониях общего режима не организовано проживание осужденных, переведенных в облегченные условия отбывания наказания, за пределами колонии.

Одним из условий принятия норм уголовно-исполнительного права является гарантия их финансового обеспечения.

Воспитательный процесс в отличие от карательного более гибок, динамичен и в значитель-

но меньшей степени ограничен рамками права. В связи с этим реализация принципа соединения наказания с исправительным воздействием имеет трудности, которые обусловлены не только сложным соотношением объема кары с объемом правоограничений, не полностью регламентированных уголовно-исполнительным законодательством, но и соединением наказания с карательно-воспитательным процессом. В данном случае, как справедливо замечает Н.А. Стручков, необходимо сочетание правового регулирования и социального управления [4, с. 171].

Помимо рассмотренных принципов, есть принципы, присущие отдельным институтам уголовно-исполнительного права. Для института исполнения наказания в виде лишения свободы характерны следующие принципы:

а) гарантирование прав и свобод осужденных при исполнении наказания с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации;

б) обеспечение прав осужденных на охрану здоровья, социальное обеспечение, юридическую помощь и личную безопасность;

в) соединение наказания в стадии его исполнения с исправительным воздействием;

г) отбывание наказания осужденными в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены;

д) раздельное содержание осужденных в исправительных учреждениях;

е) отбывание осужденными всего срока наказания в одном исправительном учреждении;

ж) дифференциация и индивидуализация исправительного процесса на основе правовой и психолого-педагогической классификации осужденных;

з) оказание осужденным помощи в социальной адаптации.

Анализ принципов, закрепленных в ст. 8 УИК РФ, и принципов, имеющих место в УК РФ (ст. 3–7), позволяет сделать вывод о рассогласовании в этой части норм уголовного и уголовно-исполнительного права. Это проявляется в следующем:

1) в уголовном законе речь идет о принципах уголовной ответственности (ч. 2 ст. 2 УК РФ), а в уголовно-исполнительном законе – о принципах уголовно-исполнительного законодательства (ст. 8 УИК РФ);

2) в уголовном законе описано содержание принципов, в уголовно-исполнительном законе они только названы;

3) уголовно-исполнительный закон в отличие от уголовного закона не содержит принципа

справедливости, хотя практика реализации уголовно-исполнительного закона свидетельствует о необходимости его закрепления в УИК РФ.

Всякое дело, движение и деятельность учреждений и органов, исполняющих наказания, должны строиться, основываясь на принципе справедливости, без этого мы будем топтаться на одном месте, без динамики, успехов, развития процесса и совершенствования деятельности пенитенциарной системы [5, с. 166]. «Парадоксально, но факт: материальные условия жизни рядового российского пенсионера, коротающего свой век в доме для инвалидов и престарелых, гораздо хуже тех, которые созданы для заключенных», – пишет Е.П. Ищенко [6, с. 47]. Это, по нашему мнению, является внешним проявлением степени реализации принципа справедливости.

Уголовно-исполнительный закон содержит и нормы, которые никак нельзя отнести к нормам, в которых реализуется принцип справедливости, скорее наоборот – они противоречат ему. В качестве примера можно привести норму, имеющую место в ч. 2 ст. 97 УИК РФ. Согласно ей осужденным женщинам, имеющим несовершеннолетних детей-инвалидов вне исправительной колонии, может быть разрешен краткосрочный выезд за пределы исправительных учреждений на срок до пятнадцати суток, не считая времени, необходимого для проезда туда и обратно. Возникает вопрос: почему данная норма не распространяется на осужденных мужчин?

Другой пример: по действующему законодательству искивые требования возмещаются только из заработной платы. Осужденными же, уклоняющимися от работы, данные требования не возмещаются, т.к. удержания из средств, имеющих на лицевых счетах, не производятся. В то же время у осужденных, уклоняющихся от работы, расходы на питание, одежду, коммунально-бытовые услуги и индивидуальные средства гигиены удерживаются из средств, имеющих на их лицевых счетах (ч. 4 ст. 99 УИК РФ).

Приведенные примеры, по мнению автора, обуславливают необходимость закрепления в УИК принципа справедливости уголовно-исполнительного законодательства. Аргументами к этому являются также: 1) наличие данного принципа в уголовном законодательстве (ст. 6 УИК РФ); 2) наличие в качестве одной из целей наказания восстановления социальной справедливости (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

При таком решении вопроса принципы уголовно-исполнительного права еще в большей степени будут отражать исходные руководящие идеи отечественной пенитенциарной политики и правовой идеологии.

1. Сизый А.Ф. Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права как средства формирования правомерного поведения осужденных: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995.

2. Мелентьев М.П. Структура советского исправительно-трудового права. Рязань, 1981.

3. Бриллиантов А.В. Дифференциация наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998.

4. Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Общей части. М., 1984.

5. Юнусов С.А. Воплощение принципа справедливости в уголовно-исполнительном праве России // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3.

6. Ищенко Е.П. О главных болевых точках российской уголовно-исполнительной политики // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации): сб. тез. выступлений участников, Рязань, 5–6 дек. 2013 г. Рязань, 2013.

1. Sizy A.F. Incentive norms of criminal executive law as means of formation of lawful behavior of condemned: auth. abstr. ... Dr of Law. Moscow, 1995.

2. Melentyev M.P. The structure of the Soviet corrective labor law. Ryazan, 1981.

3. Brilliantov A.V. Differentiation of punishment: penal and penitentiary problems: auth. abstr. ... Dr of Law. Moscow, 1998.

4. Struchkov N.A. The course of corrective labor law. Problems of General Part. Moscow, 1984.

5. Yunusov S.A. The embodiment of the principle of justice in criminal executive law of Russia // Man: crime and punishment. 2014. № 3.

6. Ischenko E.P. On the main pressure points of the Russian penal policy // International penitentiary forum «Crime, punishment, correction» (to the 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation): coll. of abstr. of the participants, Ryazan, Dec. 5–6, 2013. Ryazan, 2013.

Абрамова Полина Валерьевна
преподаватель кафедры криминалистики и правовой информатики
Кубанского государственного университета
(тел.: +78612682902)

Некоторые аспекты предмета преступного посягательства при расследовании преступлений против правосудия

В статье раскрывается понятие документа как предмета преступного посягательства при расследовании преступлений против правосудия, рассматриваются некоторые особенности процессуальных документов как предмета преступного посягательства.

Ключевые слова: понятие документа, процессуальный документ, предмет посягательства, фальсификация процессуальных документов.

P.V. Abramova, Teacher of a Chair of Criminalistics and Legal Informatics of the Kuban State University; tel.: +78612682902.

Some aspects of the subject of criminal assault in the investigation of crimes against justice

The article deals with the concept of a document as an object of criminal assault in the investigation of crimes against justice, some features of procedural documents as a matter of criminal assault.

Key words: concept of document, procedural document, subject of assault, falsification of procedural documents.

В сложной структуре криминалистической характеристики преступления, совершенного против правосудия, значительное место занимает предмет преступного посягательства. Включение этого элемента в структуру криминалистической характеристики обусловлено, прежде всего, его теоретической и практической важностью в уголовном праве, т.к. предмет посягательства входит в совокупность элементов исследуемого объекта преступления, воздействуя на который, преступник посягает на общественные отношения, охраняемые государством [1, с. 39].

Поэтому применительно к задачам уголовного права выявление объекта (предмета) преступления закономерно связано с установлением способов воздействия нарушителя на предмет посягательства и причинения ему изменений, а также образующихся при этом следов преступления, имеющих значение для выявления и исследования преступлений.

По мнению Н.А. Беляева, «результаты всякого преступления проявляются в изменениях предмета посягательства» [2, с. 124].

Среди разных объектов (предметов) преступлений, подвергающихся умышленным изменениям со стороны преступников путем

уничтожения, хищения, завладения, преобразования, порчи и т.д., к предмету преступного посягательства рассматриваемой категории уголовных дел могут быть отнесены процессуальные документы, отражающие информацию о деятельности по расследованию и разрешению судом уголовных дел, в целях их дальнейшей фальсификации (подделки, сознательного искажения истинных фактов, подмены ложным доказательством и т.д.).

Анализ оперативно-следственной и судебной практики показывает, что документы используются практически по любой категории дел рассматриваемых преступлений, тем более, что в современных условиях процесс подготовки документов происходит автоматизированно под управлением компьютера. Технологический процесс изготовления документов с использованием печатающих средств компьютерной техники, по данным А.В. Гортинского, можно представить следующим образом: «исполнитель – устройства ввода информации – компьютеры, их программное обеспечение и копии документов на магнитных носителях – принтер – документ на бумажном носителе» [3, с. 12].

Обратим внимание на то, что компьютерная технология изготовления документов широко

используется в современных проявлениях преступной деятельности при криминальном вмешательстве в деятельность судебных и оперативно-следственных органов путем фальсификации процессуальной документации, являющейся непосредственным предметом преступного посягательства (при частичной и полной подделке, хищении, сокрытии преступления). Так, предметами посягательства преступлений против правосудия могут быть процессуальные документы, принятые либо не принятые (хотя должны были быть приняты) под воздействием лиц, осуществляющих противозаконное вмешательство в деятельность судопроизводства: различные акты, протоколы судебных действий, определения, постановления, решения, справки, ходатайства, приговоры, заключения судебных экспертов и специалистов и др.

Со стороны уголовно-процессуальной деятельности предметом посягательства могут быть: протоколы следственных и оперативно-розыскных действий, заявления, объяснения, жалобы, постановления, справки, сообщения и др., т.е. документы, содержащие сведения, позволяющие установить наличие или отсутствие обстоятельств преступления.

Определенная криминалистическая значимость выявления предмета посягательства при расследовании уголовных дел рассматриваемой категории обусловлена еще и тем, что документы по своей процессуальной природе в процессе расследования подразделяются следующим образом:

документы-доказательства;

документы-вещественные доказательства (особенно, если они являлись непосредственным предметом преступного посягательства).

Проведенный нами анализ судебной, оперативно-розыскной и следственной практики по расследованию указанной категории уголовных дел, а также результаты проведенного анкетирования сотрудников суда, следственных и оперативно-розыскных подразделений позволяют сделать вывод о том, что предметом преступного посягательства при вмешательстве в деятельность правосудия могут быть любые процессуальные документы, изготовленные участниками уголовного судопроизводства (как со стороны обвинения, так и защиты):

при собирании и проверке доказательств в уголовном судопроизводстве;

при определении мер процессуального принуждения и пресечения;

при составлении ходатайств и жалоб;

на стадии досудебного производства (возбуждение уголовного дела);

на стадии предварительного расследования (предъявление обвинения, производство судебных экспертиз, приостановление и возобновление предварительного следствия, прекращение уголовного дела, направление уголовного дела прокурору, его действия и решения);

на стадии судебного производства (в суде первой инстанции; в суде второй инстанции; исполнение приговора; применение мер медицинского характера, применение мер условного осуждения и т.п.), т.е. на любой стадии осуществления уголовного судопроизводства.

Особо подчеркнем, что в случаях, когда предмет посягательства выступает в качестве материальной вещи (документ) и не просто документа, а процессуального, его информационная база еще более расширяется: становится объектом преступления, отражающим и сохраняющим следы преступного воздействия; является средством совершения и сокрытия противоправных действий; позволяет установить фактические обстоятельства преступления, личность виновного и потерпевшего.

Обратим внимание, что согласно ч. 6 разд. XIX УПК РФ «процессуальные документы могут быть выполнены типографским, электронным или иным способом. В случае отсутствия бланков процессуальных документов, выполненных типографским, электронным или иным способом, они могут быть написаны от руки», что создает предпосылки для выявления предмета посягательства в письменной форме.

Следует отметить, что в отечественном законодательстве до сих пор не закреплены понятия «документ», «бланк документа», нуждается в законодательном толковании термин «электронный документ». В изученной нами справочной, юридической и криминалистической литературе приведены различные определения указанных понятий. Рассмотрим некоторые из них. Так, в «Советском энциклопедическом словаре», на наш взгляд, дано самое полное определение понятию «документ»: «Документ – материальный носитель записи (бумага, кино-, фотопленка, магнитная лента, перфокарта и т.п.) с зафиксированной на нем информацией, предназначенной для ее передачи во времени и пространстве. Документы могут содержать тексты, изображения, звуки и т.д. В узком смысле документ – деловая бумага, юридически подтверждающая какой-либо факт или право на что-то» [4, с. 403].

Следующее определение документа дано Р.С. Белкиным: «Документы – материальные объекты, содержащие зафиксированную с помощью одного или нескольких средств информацию, которая имеет значение для

установления истины по расследуемому делу» [5, с. 137].

«Документ – это материальный объект, в котором зафиксированы сведения о каких-либо происшедших или предполагаемых фактах или обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела» [6, с. 47].

Более емким является определение понятия «документ», данное А.Н. Яковлевым: «Документ – материальный объект, продукт волевой деятельности человека, являющийся носителем криминалистической информации по уголовному делу, которая обладает следующими качествами: а) закодирована при помощи знаковой системы либо иным способом, допускающим однозначное преобразование в знаковую систему; б) являющаяся изображением или допускает однозначное преобразование в изображение; в) может быть воспринята непосредственно либо с использованием специальных технических средств и методов» [7, с. 9].

Л.Я. Драпкин и В.Н. Карагодин считают, что «под документами понимаются объекты, несущие различную информацию. Они могут быть письменными, фото-, кино-, видео- и другими документами» [8, с. 132].

Приведенные нами определения понятия «документ» по своей сути не содержат противоречий и могут быть приняты в зависимости от целей исследования. Поэтому в целях нашего исследования нами принято определение, данное Л.Я. Драпкиным и В.Н. Карагодиным (с небольшим добавлением), а именно: «Документ – это объект, несущий различную информацию, связанную с событием преступления».

Данное определение позволяет нам считать, что предметом преступного посягательства могут быть следующие документы: письменные (рукописные тексты или выполненные с использованием различных печатающих устройств); фотодокументы; кинодокументы; фонодокументы; электронные документы; видеодокументы, которые могут быть сфальсифицированы преступниками в целях искусственного создания ложных доказательств совершения преступления либо шантажа участников уголовного процесса при противозаконном вмешательстве в деятельность правосудия.

Добавим, что под понятием «бланк документа» нами понимается «материальная основа документа с постоянными частями реквизитов и свободным местом для записи указанных сведений в строгом соответствии с ГОСТом».

1. Образцов В.А. *Криминалистика: курс лекций*. М., 1999.

2. Беляев Н.А. *Уголовное право. Часть общая*. М., 1969.

3. Гортинский А.В. *Теоретические и методические основы криминалистической диагностики и идентификации компьютерных печатающих устройств матричного типа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000.*

4. *Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М., 1984.*

5. *Советская криминалистика: учеб. / под ред. Р.С. Белкина. М., 1979.*

6. Агафонов В.В., Филиппов А.Г. *Криминалистика: краткий курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2013.*

7. Яковлев А.Н. *Теоретические и методические основы экспертного исследования документов на машинных магнитных носителях информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000.*

8. Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н. *Криминалистика: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013.*

1. *Obraztsov V.A. Criminalistics: course of lectures. Moscow, 1999.*

2. *Belyaev N.A. Criminal law. General part. Moscow, 1969.*

3. *Gortinsky A.V. Theoretical and methodological bases of forensic diagnosis and identification of computer printers matrix type: auth. abstr. ... Master of Law. Saratov, 2000.*

4. *The Soviet encyclopedic dictionary / gen. ed. A.M. Prokhorov. 3rd ed. Moscow, 1984.*

5. *The Soviet criminalistics: textbook / ed. by R.S. Belkin. Moscow, 1979.*

6. *Agafonov V.V., Filippov A.G. Criminalistics: short course of lectures. 6th ed., rev. and add. Moscow, 2013.*

7. *Yakovlev A.N. Theoretical and methodological bases of expert research papers on machine magnetic storage media: auth. abstr. ... Master of Law. Saratov, 2000.*

8. *Drapkin L.Ya., Karagodin V.N. Criminalistics: textbook. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2013.*

Сорокожердьев Василий Васильевич

кандидат экономических наук,
 президент Краснодарского регионального общественного благотворительного фонда
 «Научно-образовательные инициативы Кубани»
 (e-mail: sorich@mail.ru)

Пшениснова Седа Рафаэловна

кандидат экономических наук,
 доцент кафедры менеджмента и маркетинга
 Краснодарского филиала Финансового университета при Правительстве РФ
 (e-mail: Seda_pshen@mail.ru)

Солонина Светлана Викторовна

кандидат экономических наук,
 доцент кафедры экономики и финансов
 Краснодарского филиала Финансового университета при Правительстве РФ
 (e-mail: Svevic@mail.ru)

***Проблемы достижения экономической
 эффективности и социальной
 сбалансированности: императивы,
 правовые и хозяйственные механизмы***

В статье изложены основные положения докладов, представленных на пленарном заседании Международной научно-практической конференции «Проблемы достижения экономической эффективности и социальной сбалансированности: императивы, правовые и хозяйственные механизмы», посвященной рассмотрению актуальных экономико-правовых аспектов реализации стратегии модернизации России, а также проблем достижения необходимой экономической эффективности и социальной сбалансированности.

Ключевые слова: модернизация, экономическое развитие, правовые отношения, инвестиции, экономическая политика, экономическая эффективность, социальная сбалансированность.

V.V. Sorokozherdiev, Master of Economics, President of the Krasnodar Regional Public Charity Foundation «Scientific and Educational Initiatives of Kuban»; e-mail: sorich@mail.ru;

S.R. Pshenisnova, Master of Economics, Assistant Professor of a Chair of Management and Marketing of the Krasnodar branch of the Financial University of the Government of the Russian Federation; e-mail: Seda_pshen@mail.ru;

S.V. Solonina, Master of Economics, Assistant Professor of a Chair of Economics and Finance of the Krasnodar branch of the Financial University of the Government of the Russian Federation; e-mail: Svevic@mail.ru

Problems of achieving economic efficiency and social balance: imperatives, legal and economic mechanisms

The article presents the main points of papers presented at the plenary session of the International scientific-practical conference «Problems of achieving economic efficiency and social balance: imperatives, legal and economic mechanisms» which was devoted to consideration of topical economic and legal aspects of the implementation of the strategy of modernization of Russia, and problems of achieving the necessary economic efficiency and social balance.

Key words: modernization, economic development, legal relations, investment, economic policy, economic efficiency, social balance.

На Международной научно-практической конференции «Проблемы достижения экономической эффективности и социальной сбалансированности: императивы, правовые и хозяйственные механизмы», которая состоялась 25–26 апреля 2014 г. в Краснодарском филиале Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

(г. Краснодар), были рассмотрены актуальные экономико-правовые аспекты реализации стратегии модернизации России в различных сферах и отраслях национального хозяйства.

Основными организаторами данной конференции выступили Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации и Краснодарский региональный общественный благотворительный фонд «Научно-образовательные инициативы Кубани».

Важное значение в обеспечении научного уровня конференции, а также в организационной и научно-методической подготовке ее проведения имело содействие со стороны Центрального экономико-математического института РАН и Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Активное содействие в проведении конференции и обеспечении необходимых научных контактов осуществлялось со стороны Международного союза экономистов и предпринимателей «Круг Кондратьева» (Франция) и Международной политэкономической ассоциации (Москва). Общественная поддержка в проведении конференции оказывалась со стороны Краснодарской региональной просветительской общественной организации «Общество «Знание», Краснодарского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России».

В работе конференции приняли участие, в соответствии с тематикой и направленностью, представители экономической науки высшей школы из ряда авторитетных вузов России и Южного макрорегиона, а также правоведа, социологи и бизнесмены. Общее количество участников составило 60 человек, в том числе более 40 докторов и кандидатов наук.

В ходе работы конференции состоялось пленарное заседание, а также, помимо основной дискуссии по обсуждению докладов, заслушанных на пленарном заседании, прошли заседания секций по следующим темам: «Приоритеты и механизмы формирования эффективной и сбалансированной модели социохозяйственного развития России», «Становление правовой системы Российского государства в посткризисный период», «Потенциал и перспективы становления финансовой сферы экономики» и заседание круглого стола на тему «Проблемы модернизации и новой индустриализации экономики в условиях технологического перелома в мировом хозяйстве».

С приветствием к участникам конференции обратились Соболев Эдуард Васильевич – кандидат экономических наук, директор Краснодарского филиала Финансового университета при

Правительстве Российской Федерации, Константин Христов Александрович – кандидат экономических наук, доцент, начальник управления государственных программ министерства экономики Краснодарского края,

Каленский Павел Валерьевич – кандидат юридических наук, заместитель руководителя аппарата, председатель комитета по науке и образованию Краснодарского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», Сорокожердьеv Василий Васильевич – кандидат экономических наук, президент КРОБФ «Научно-образовательные инициативы Кубани».

Открыл основное пленарное заседание конференции докладом на тему «Стратегия опережающего развития: вызовы налоговой и финансовой системам» доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета (Москва) А.В. Бузгалин. В частности, рассматривая реформы в России, он отметил, что, несмотря на ряд очевидных успехов, в течение последних лет они испытывают серьезное торможение, при этом возникают все новые нерешенные проблемы развития налогово-финансовой системы страны, которые тяжелым бременем ложатся на экономику и социальную сферу. Сложность нынешнего состояния российских финансов проявляется, прежде всего, в том, что банковская система не обеспечивает дешевое и доступное кредитование бизнеса, а фондовый рынок – необходимые ресурсы для длинного финансирования инвестиций, существующая налоговая система в большей мере поощряет крупный бизнес и угнетает малые его формы (в том числе и за счет жесткого налогового администрирования). Также крайне неэффективно действует механизм формирования доходов и налогообложения населения. Но данное положение, в свою очередь, является следствием государственного волюнтаризма и засилья коррупционных группировок, возникающих при сращивании бюрократических и привилегированных бизнес-структур в управлении экономикой и в непосредственной организации экономической деятельности. Соответственно, финансово-налоговая политика будет эффективна только как инструмент промышленной и социальной политики, а для реального и промышленного секторов должны вводиться сегментированные налоги, зависящие от роли предприятий в национальной экономике.

В докладе на тему «Противоречия и потенциал развития финансовой системы России» доктор экономических наук, профессор завкафедрой «Экономика и финансы» Краснодар-

ского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Краснодар) Л.Л. Игонина акцентировала внимание на том, что роль финансовой системы России в ресурсном обеспечении развития реального сектора и социальной сферы определяется ее структурно-функциональными характеристиками, которые детерминированы как внутренними факторами, заданными спецификой модели экономической эволюции, так и внешними факторами, возникающими в результате включения в глобальные процессы. При этом в основу методологии анализа, использованной в докладе, положена модель оценки финансового развития экспертов Мирового банка, которая включает индикаторы финансовой глубины: финансовой инклюзивности, финансовой устойчивости и эффективности финансовых институтов, рынков и операций.

По мнению автора доклада, современной российской монетарной политике присущи эндогенный характер, обусловленный качественной зависимостью от внешнеэкономических факторов и шоков, устойчивая ориентация на сжатие денежного предложения и модификация каналов трансмиссии. Особенности проводимой бюджетно-налоговой политики выражаются в более низкой доле перераспределения ВВП, чем в развитых странах, и бюджетных расходов, направляемых на поддержку экономики и социальной сферы, уравнительном налогообложении при игнорировании рентного характера доходов, недейственности инвестиционных и экологических льгот, введении бюджетного правила, предполагающего приоритеты резервирования, а не инвестиционного использования дополнительных доходов, росте заимствований на внутреннем и внешнем рынке.

В связи с этим изменение сложившейся ситуации требует разработки целеориентированной системы программных мер на основе реализации комплексного подхода, выбора соответствующих инструментов финансовой политики (денежно-кредитной, валютной, процентной, бюджетной, налоговой, ценовой и пр.) и их встраивания в комплементарные технологии макроэкономической политики при достоверной оценке во взаимосвязи с ролью в достижении поставленных целей.

В докладе кандидата экономических наук, доцента начальника управления государственных программ администрации Краснодарского края, завкафедрой «Менеджмент и маркетинг» Краснодарского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Краснодар) Х.А. Константиныди на тему «Фор-

мирование инвестиционной привлекательности Краснодарского края в контексте региональной экономической политики» было разносторонне обосновано положение о том, что социально-экономическое развитие Краснодарского края реализуется на основе стратегического планирования в соответствии с утвержденной в регионе стратегией социально-экономического развития. Стратегия содержит стоящие перед краем цели и задачи, в ней указаны основные векторы развития. На основе стратегии в крае сформирована программа социально-экономического развития региона, в которой структурно расписаны основные направления, сформирована система целевых показателей.

Важнейшим инструментом реализации программы социально-экономического развития края являются целевые программы, реализуемые на Кубани, которые с 2014 г. трансформируются в государственные программы Краснодарского края. Таким образом, в Краснодарском крае сформирована система стратегического планирования с интегрированным инструментарием реализации мероприятий, направленных на комплексное решение задач достижения приоритетных целей развития региона. В современных условиях первоочередное значение приобретает привлечение инвестиций (как иностранных, так и отечественных) в экономику Краснодарского края. В связи с этим одним из приоритетных стратегических направлений развития Краснодарского края, согласно принятой Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2020 г., является совершенствование системы продвижения конкурентных преимуществ Краснодарского края и целенаправленного привлечения потенциальных инвесторов на основе использования передовых маркетинговых технологий.

Кандидат экономических наук президент Краснодарского регионального общественного благотворительного фонда «Научно-образовательные инициативы Кубани» (Краснодар) В.В. Сорокожердьев, сделавший доклад на тему «Трансформация стратегии социоэкономического развития России: теневые и реальные аспекты», обратил внимание на то, что проводимая в России в настоящее время экономическая политика испытывает серьезный кризис, который в целом негативно отражается на состоянии хозяйства и общества. Это положение в достаточной мере подтверждается весьма болезненным прохождением экономического кризиса 2008–2009 гг., медленным восстановлением хозяйства в последующие годы и особенно такими процессами, как фактический

переход в рецессию и последовательная утрата конкурентных позиций в мировой экономике. Во многом такое положение дел объясняется превалянием в проводимой в стране экономической политике теневых механизмов, что, в свою очередь, позволяет определенным властно-коммерческим структурам навязывать экономические и социальные цели, идущие вразрез с действительными интересами общества. Выход из сложившейся ситуации видится в развитии разнообразных форм социального партнерства, позволяющих использовать творческий потенциал бизнеса и гражданского общества.

В докладе доктора экономических наук, профессора заместителя директора Краснодарского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Краснодар) С.И. Берлина на тему «Особенности функционирования рекреационной экономики в Краснодарском крае» нашли отражение проблемы реформирования и модернизация экономического механизма в современной России применительно к рекреационной сфере, в рамках которой особую актуальность приобретает вопрос о границах рынка рекреационных услуг. С одной стороны, сокращение платежеспособного спроса и падение уровня жизни ведут к тому, что многие виды рекреационных услуг становятся недоступными для значительного числа потенциальных потребителей, с другой стороны, рекреационные услуги приносят трудноизмеримый, но очевидный социальный эффект, являясь составной частью процесса воспроизводства рабочей силы. На взгляд автора доклада, экономико-правовые границы рынка в сфере рекреационных услуг определяются финансово-экономической политикой государства в вопросах регулирования рекреационной экономики и характером социальной политики.

В докладе также отмечается, что на современном этапе реформирования и модернизации система управления развитием рекреационной сферы в России не получила должной динамики развития. Однако прямое и косвенное воздействие государства на рекреационную сферу несомненно и проявляется, прежде всего, в формировании нормативно-правовой базы для осуществления рекреационной деятельности. При этом наиболее сложной проблемой при реализации разработанной концепции государственного регулирования рекреационной экономики является формирование целевых инвестиционных ресурсов. Такое формирование должно базироваться на балансе интересов участников рекреационной финансово-хозяйственной деятельности, представленных своими

индивидуальными институциональными, социокультурными и профессиональными концепциями, исходя из целей, масштабов и эффективности затрат на социальное воспроизводство.

Доктор экономических наук, доцент завкафедрой «Менеджмент и маркетинг» Новороссийского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Новороссийск) О.Н. Бабурина посвятила свой доклад на тему «Поступательное развитие трансграничных регионов России: Краснодарского края и Республики Крым в контексте черноморского экономического сотрудничества» наиболее актуальным аспектам реализации стратегии модернизации России, связанным с развитием территорий, прежде всего на Юге России. По мысли автора доклада, активизация многостороннего экономического сотрудничества стран – участниц ЧЭС может стать одним из факторов поступательного развития трансграничных регионов Юга России – Краснодарского края и нового субъекта Российской Федерации – Республики Крым. Территория стран ЧЭС не только является важнейшим геополитическим центром современного мира, но и обладает огромным рекреационным и туристским потенциалом. В эпоху холодной войны социалистические страны этого региона были в основном закрыты для иностранных туристов. Многообразие традиций, форм искусства, исторических и социально-культурных достопримечательностей привлекает в страны ЧЭС туристов со всего мира. В настоящее время каждое государство этого региона самостоятельно продвигает свои услуги на мировом рынке. Однако этих усилий уже бывает недостаточно, чтобы конкурировать со странами, специально интегрированными для увеличения туристского потока. В связи с этим предлагается консолидировать усилия причерноморских стран для позиционирования Черного моря как единого туристского пространства и формирования единого черноморского туристского бренда.

По итогам проведенного анализа автор доклада делает вывод о том, что регионализация в Черноморском регионе объективно предоставляет государствам возможность плодотворно использовать свою территориальную близость, географическое сходство, традиционные исторические и культурные связи и общность интересов. Последовательное объединение усилий стран ЧЭС, дополняющая природа их экономик позволит противостоять вызовам глобализации, главным из которых является неравное распределение выгод для ее участников, и получить новые возможности как для России в целом, так

и для Краснодарского края в частности. Наряду с внутренними факторами роста, трансграничный регион получает дополнительные внешние факторы развития, в качестве которых выступает система международных экономических взаимосвязей, приносящая выгоды всем участникам ЧЭС, в первую очередь Краснодарскому краю и Республике Крым.

В совместном докладе кандидата экономических наук, доцента Кубанского государственного технологического университета Г.М. Мишулина и кандидата экономических наук, доцента Российской академии правосудия Д.В. Дудника (Краснодар) «Экономико-правовые методологические проблемы модернизации российского образования» нашли отражение актуальные проблемы методологии модернизации высшего образования в Российской Федерации как следствие отсутствия дифференцированного подхода к формированию правовых и экономических условий для реализации, с одной стороны, потребности граждан в высшем образовании, а с другой – государственных и общественных целей развития; приведены авторские подходы к использованию организационных, экономических и правовых инструментов для разрешения обозначенных проблем.

Авторы доклада отмечают, что в настоящее время в соответствии с принципами государственной политики Российской Федерации в сфере образования происходят масштабные изменения, связанные с ее адаптацией к новым социоэкономическим условиям, складывающимся под воздействием, в первую очередь, факторов глобализации. Качественного изменения всей системы современного образования

также требуют научно-технический прогресс, трансформация экономических, производственных и социальных отношений и развитие новых образовательных технологий. В то же время выстроенная в начале прошлого века, в эпоху индустриализма отечественная система образования, позволявшая эффективно решать актуальные на тот период времени задачи по формированию морально-нравственных ориентиров населения в рамках существовавшей идеологии, в современном мультикультурном, постиндустриальном обществе, требующем постоянного обновления знаний и профессиональных компетенций, не столь эффективна.

Рассматривая основные направления государственной политики в сфере образования как определенную «пирамиду» целей, приоритетов и задач, в которой повышение конкурентоспособности национальной экономики является связующим звеном, авторы предлагают считать первоочередным внедрение предложенного механизма в сферу экономического и технико-технологического направления образования как составляющих, интеграция которых позволит реализовать целый ряд государственных приоритетов.

По итогам конференции организована подготовка к опубликованию сборника статей по основным направлениям работы конференции, а также коллективной монографии, в которой размещаются материалы, представленные наиболее авторитетными участниками. Для подтверждения практической апробации представленных на конференции результатов научных исследований ее участникам были выданы соответствующие свидетельства.

Уважаемые коллеги!

Доводим до Вашего сведения, что отправка автором материала (статьи) в адрес редакции журнала «Общество и право» с предложением опубликовать статью в данном периодическом издании расценивается как предложение автора о заключении лицензионного договора о предоставлении права использования Произведения с редакцией журнала «Общество и право», который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть заключен в устной форме.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию. Автор безвозмездно предоставляет редакции следующие исключительные права:

воспроизводить Произведение, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет, тиражом 100 000 экз. (право на воспроизведение);

распространять Произведение или его экземпляры любым способом, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на распространение);

импортировать Произведение или его экземпляры в целях распространения (право на импорт); публично показывать и/или публично исполнять Произведение (право на публичный показ и на публичное исполнение);

переводить Произведение (право на перевод);

переделывать, аранжировать или другим образом перерабатывать Произведение (право на переработку).

Статьи и иные материалы публикуются исключительно на безвозмездной основе, вознаграждение авторам не выплачивается.

Редакционной политикой редакции журнала «Общество и право», соответствующей законодательству Российской Федерации об авторских и смежных правах, предусмотрено право автора запретить редакции использовать материалы, предоставленные для публикации в данном издании, для воспроизведения их в других журналах и газетах редакции, а также в иных изданиях и справочных правовых системах.

Запрет автора на публикацию статьи в иных изданиях и справочных правовых системах должен быть выражен таким образом, из которого явственно следует несогласие автора на использование материалов в иных изданиях. Во всех иных случаях направление автором статьи на опубликование в журналах редакции расценивается как согласие автора с редакционной политикой журнала «Общество и право» и вышеперечисленными условиями.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте.

В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25]. В затекстовых ссылках страницы не указываются.

Для цитируемых источников в затекстовых ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой их последовательности:

- 1) фамилия, инициалы автора;
- 2) название источника;
- 3) вид издания, если он указан (монография, учеб. пособие, сб. науч. тр., материалы междунар. конф., тезисы докладов и т.д.), в соответствии с ГОСТ 7.60–2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения», 7.88–2003 «Правила сокращения заглавий и слов в заглавиях публикаций»;
- 4) место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой (;);
- 5) год издания;
- 6) ссылки на данные, полученные из сети Интернет, оформляются следующим образом: URL: электронный адрес первичного источника информации (дата обращения: ...);
- 7) при ссылке на архивные данные полное название архива приводится только при первом упоминании, в последующем оно сокращается; после названия архива указываются номер фонда, описи, дела, листа (все именно в такой последовательности).

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5.–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

КНИГИ

Иванов И.И. Синтаксис. М., 1990.

Иванов И.И. Русский язык: учеб. СПб., 1990.

История русской литературы. XX век / сост. И.И. Иванов. М., 1991.

/ под ред. И.И. Иванова. 2-е изд. М., 1992.

/ отв. ред. И.И. Иванов. СПб., 1990.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ, СБОРНИКЕ, ГАЗЕТЕ

Иванов И.И. Синтаксис // Русский язык. 1990. № 2.

Иванов И.И. Язык // Синтаксис: сб. науч. тр. М., 1992.

// Вестн. МГУ. Сер.: Право. 1996. Т. 5. № 9.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ОБЩЕСТВО И ПРАВО»**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-53946
от 30 апреля 2013 г.

Подписано в печать 05.11.2014
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 40,6
Тираж 1050 экз. Заказ 160
Цена свободная

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Краснодарского университета МВД России
Российская Федерация, 350005, Краснодарский край,
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел.: +78612583249